

**MINISTRY
OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

**KAZAN
FEDERAL UNIVERSITY**

**INSTITUTE OF
SOCIAL AND PHILOSOPHICAL SCIENCES
AND MASS COMMUNICATIONS**

**МИНИСТЕРСТВО
НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**КАЗАНСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**ИНСТИТУТ
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ НАУК
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ**

**СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА:
КЛЮЧЕВЫЕ ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВА**

**V Международная конференция
«Казанские социологические чтения»**

Сборник научных трудов

Казань, 20–21 мая 2022 г.

**MODERN SOCIOLOGICAL SCIENCE:
KEY TRENDS AND PERSPECTIVES
FOR THE STUDY OF SOCIETY**

**V International Conference
“Kazan sociological readings”**

Collection of scientific papers

Kazan, May 20–21, 2022

**КАЗАНЬ
2022**

УДК 316
ББК 60.5
С56

*Печатается по рекомендации Ученого совета
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета*

*Printed on the recommendation of the council
of the Institute of social and philosophical sciences and mass communications
of Kazan (Volga Region) Federal University*

Редакционная коллегия:

главный советник при ректорате КФУ, заведующий кафедрой общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, доктор социологических наук, профессор **Р.Г. Минзарипов**;
заместитель директора Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ по научной деятельности, доктор социологических наук, профессор **М.Ю. Ефлова**

Editorial board:

Chief advisor to the rector of KFU, Head of the department of general and ethnic sociology at the Institute of social and philosophical sciences and mass communications, Doctor of sc., Professor

R.G. Minzaripov

Deputy director for research of the Institute of social and philosophical sciences and mass communications of KFU,

Doctor of Sc., Professor **M.Yu. Eflova**

С56 **Современная социологическая наука: ключевые тренды и перспективы исследования общества: V Международная конференция «Казанские социологические чтения»:** сборник научных трудов (Казань, 20–21 мая 2022 г) = **Modern Sociological Science: Key Trends and Perspectives for the Study of Society: V International Conference “Kazan sociological readings”:** collection of scientific papers (Kazan, May 20–21, 2022). – Казань: Издательство Казанского университета, 2022. - 640 с.

ISBN 978-5-00130-618-4

В сборнике представлены материалы V Международной конференции «Казанские социологические чтения», организатором которой стал Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета. Целью конференции является сосредоточение усилий социологического сообщества на фундаментальных и прикладных научных исследованиях социальных проблем изменяющегося современного общества.

The collection presents the materials of the V International Conference “Kazan Sociological Readings”, organized by the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications of Kazan Federal University. The aim of the conference is to focus the efforts of the sociological community on fundamental and applied research of social problems of the changing modern society.

УДК 316
ББК 60.5

ISBN 978-5-00130-618-4

© Издательство Казанского университета, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ: СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, КУЛЬТУРА И МЕДИА В КОНТЕКСТЕ ГЛОКАЛИЗАЦИИ

1.	Акбашева Альфия Анваровна ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ	10
2.	Андрющенко Анна Сергеевна, Круглик Полина Андреевна, Руднева Мария Михайловна РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЭВЕНКОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»	15
3.	Важина Евгения Алексеевна ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССНОГО МЕНЕДЖМЕНТА В УПРАВЛЕНИИ РЕДАКЦИЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	24
4.	Вахутина Кристина Андреевна, Соловьева Татьяна Владимировна ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ОПЕКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	30
5.	Гутова Светлана Георгиевна, Целищева Зухра Абдурашидовна, Самохина Наталья Николаевна О ВОПРОСАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	36
6.	Жумаканова Фариза Даулетхановна МУЗЕЙ КАРЛАГ – МЕСТО ПАМЯТИ О СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЯХ	47
7.	Ермолаева Юлия Вячеславовна ДИСКУРСИВНЫЙ КОНФЛИКТ В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ОТХОДАМИ В МИРЕ И В РОССИИ	55
8.	Колюшкина Мария Валерьевна ТРАЕКТОРИЯ САМООРГАНИЗАЦИИ ЛОКАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В СИТУАЦИИ ОСПАРИВАНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КАЗАНИ)	64
9.	Мищенко Екатерина Сергеевна, Кашпур Виталий Викторович, Мундриевская Юлия Олеговна СТРУКТУРА РОССИЙСКОЙ ОНЛАЙН-БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА БОЛЬШИХ ДАННЫХ (СООБЩЕНИЙ И ПРОФИЛЕЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)	73
10	Савельева Жанна Владимировна РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АУТИЗМА РОССИЙСКИМИ МЕДИА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМИРОВАННОСТИ О РАС	85
11.	Таксеитова Алия Ринатовна КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ЭЗОТЕРИКИ В РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»	91
12	Урманбетова Жылдыз Карыбаевна ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ В XXI ВЕКЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ	101

13.	Хакназаров Саидмурод Хамдамович СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СУРГУТСКОГО РАЙОНА ХМАО – ЮГРЫ	109
14.	Хатмуллина Аделина Ирековна СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК КАНАЛ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН	117
15.	Шарипова Эркайым Козуевна, Акматалиев Асанбек Тургунбаевич, Камбарова Нурзада Нуралиевна НРАВСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ В НОВЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ	127
16.	Эсселевич Эрнест Алексеевич ЦИФРОВЫЕ БИОГРАФИИ: ОНЛАЙН КОНСТРУКТЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ	134
17.	Abuev Unerbek Adilbekovich, Seminova Ademi Amankeldyevna ANALYSIS OF CHANGES IN THE STRUCTURE OF GOVERNMENT IN THE CONTEXT OF GROWING GLOBALIZATION AND INTEGRATION TRENDS	145

**СЕКЦИЯ: ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ: ВЫЗОВЫ, ПРОБЛЕМЫ,
ВОЗМОЖНОСТИ**

18.	Бобохонов Камолитдин Нуриддин угли, Хайруллина Юлдуз Ракибовна ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН	152
19.	Вагапова Диляра Раифовна ФИНАНСОВАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ, ПОВЕДЕНИЕ И ПРАКТИКИ	158
20.	Воробьева Владилена Вадимовна ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА И ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ ШКОЛЬНИКОВ	164
21.	Гизатуллина Диана Наилевна, Трофименко Артем Игоревич СЕМЕЙНЫЕ И БРАЧНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ ИЗ СТРАН СРЕДНЕЙ АЗИИ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ГОРОДЕ КАЗАНЬ	171
22.	Гиляева Риана Ринатовна НЕУСТОЙЧИВАЯ ЗАНЯТОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	181
23.	Ибляминова Алсу Азатовна ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ДОСУГОВЫХ ПРАКТИК МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	187
24.	Михайлова Анастасия Владимировна УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ СТУДЕНТОВ КФУ К СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ВУЗЕ	194

25.	Мишарина Дарья Ивановна Карпова Нина Сергеевна ПРОБЛЕМА СЕКСУАЛЬНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ СРЕДИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ	204
26.	Певная Мария Владимировна, Шуклина Елена Анатольевна СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ МОЛОДЕЖНОГО УЧАСТИЯ И ОПЫТ ИХ ИЗУЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ	209
27.	Полянина Алла Керимовна МЕДИАСУМОВОЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ	220
28.	Султанова Камиля Ильшатовна ТРАНСФОРМАЦИЯ СООБЩЕСТВА СКЕЙТБОРДИСТОВ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ПРОСТРАНСТВОМ ГОРОДА	224
29.	Хабибрахманова Диляра Рустемовна БЛОГИНГ КАК СРЕДСТВО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И САМОВЫРАЖЕНИЯ МОЛОДЕЖИ	233
30.	Хохлов Алексей Александрович ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ	238
31.	Худойберганов Санжарбек Зокиржон угли, Хайруллина Юлдуз Ракибовна ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВА НА МОЛОДЕЖНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО (ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)	246
32.	Чекмарева Дарья Юрьевна, Шакирова Эльвина Шамилевна, Нуруллина Эльмира Ринатовна АРХИТЕКТУРА ЭКОСИСТЕМЫ БАНКА	252
33.	Чигвинцева Зульфия Максимовна КРИМИНАЛЬНЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ, ОЦЕНКИ, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ	258
34.	Швецов Лев Константинович, Хайруллина Юлдуз Ракибовна “ДУМЕРЫ” КАК ПРЕДСТАВИТЕЛИ НОВОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ РОССИИ	267

**СЕКЦИЯ: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ, СОЦИАЛЬНЫЙ
КАПИТАЛ, ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ
ТРАЕКТОРИИ В ОБЩЕСТВЕ ПОЗДНЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ**

35.	Аксакалова Мадина Кенжебековна, Иманбекова Бибигуль Ильясовна ФЕНОМЕН ИГРОМАНИИ КАК ФОРМА КУЛЬТУРНОЙ ДЕВИАЦИИ	277
36.	Алешина Анна Валентиновна, Булгаков Андрей Леонидович ПРЕПОДАВАНИЕ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ В ШКОЛЕ, ФИНАНСОВЫЕ ЗНАНИЯ ВЗРОСЛЫХ И ВОПРОСЫ БАНКРОТСТВА	284
37.	Аль-Халеди Мухьялдин Мохаммед Ахмед ФАКТОРЫ НАРКОТИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЙЕМЕНА	287

38.	Анисина Елена Алексеевна, Котова Ирина Николаевна, Проноза Андрей Викторович ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЕМ РЯЗАНИ	293
39.	Галиев Гали Талхиевич, Гимаев Ильдар Закиевич СОЦИАЛЬНЫЙ АУДИТ – ВАЖНЫЙ ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	303
40.	Гарипова Регина Рафисовна, Гасанов Самир Комиссар Оглы СОУЧАСТВУЮЩЕЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ВЛИЯНИЯ ЖИТЕЛЕЙ НА ИЗМЕНЕНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ (ОПЫТ ТАТАРСТАНА)	309
41.	Гончарова Светлана Владимировна, Орёл Диана Евгениевна К ВОПРОСУ О ДИСТАНЦИОННОЙ ФОРМЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ И В ШКОЛЕ	315
42.	Грунт Елена Викторовна ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВИДЕОХОСТИНГА YOUTUBE В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ	321
43.	Кичанова Ольга Евгеньевна, Хизбуллина Радмила Радиковна ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В СИСТЕМЕ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ	328
44.	Кладова Анастасия Андреевна, Гарифзянова Альбина Раисовна РЕГИОНАЛЬНАЯ МОЛОДЕЖЬ В КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЯХ	333
45.	Лаукарт-Горбачева Ольга Викторовна КОНЦЕПТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТПОСТМОДЕРНА	343
46.	Ложкин Владимир Николаевич АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ ТЕОРИИ ВСЕГО	350
47.	Максимова Светлана Геннадьевна, Омельченко Дарья Алексеевна, Ноянзина Оксана Евгеньевна ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ: ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ И БАРЬЕРОВ РАЗВИТИЯ	361
48.	Межведилова Сабина Арифовна ОЦЕНКА ФИНАНСОВОГО РЕЗУЛЬТАТА В СТРОИТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	372
49.	Минь Ю, Киселев Игорь Юрьевич ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ЗАНЯТОСТИ ПЕНСИОНЕРОВ КИТАЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН)	374
50.	Мубаракшина Гулина Ильшатовна СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАК ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ АДАПТАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	387

51.	Мулладжанова Хосият Яздоновна РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ В УЗБЕКИСТАНЕ	394
52.	Пархоменко Татьяна Сергеевна РИСКИ, СВЯЗАННЫЕ С СОЦИАЛЬНЫМ САМОЧУВСТВИЕМ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА	397
53.	Рыбакова Марина Владимировна, Пивоварова Марина Борисовна ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	405
54.	Сагитова Виктория Равильевна ПЕРВИЧНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ СТУДЕНТОВ В РАМКАХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В Г. КАЗАНЬ	412
55.	Салахутдинова Резида Халяфутдиновна, Салахутдинов Артур Андреевич СООТНОШЕНИЕ БОЛОНСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)	422
56.	Салкова Екатерина Константиновна, Хайруллина Юлдуз Ракибовна КРЕАТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА: ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ	432
57.	Саттаров Тимурбек Адылович, Хайруллина Юлдуз Ракибовна СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ	438
58.	Смирнов Сергей Владимирович ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	444
59.	Трубицин Иван Иванович, Хайруллина Юлдуз Ракибовна ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ АНАЛИЗА, ПРАКТИКИ ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ	451
60.	Чернышова Ольга Ивановна ОЦЕНКА ОБРАЗА ФИЗИЧЕСКОГО «Я» ЖЕНЩИН, ЗАНИМАЮЩИХСЯ «МЯГКИМИ ТЕХНИКАМИ» ФИТНЕСА В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ	460
61.	Шамсутдинова Ильсия Ильдусовна НОВЫЕ РОЛИ ПЕДАГОГА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ	472
62.	Шипилова Валерия Владимировна, Терентьева Анастасия Юрьевна, Нуруллина Эльмира Ринатовна КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ГОСТИНИЧНОМ БИЗНЕСЕ	476
63.	Юмагужина Асия Маратовна, Салимшин Ильнар Ленарович СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА В АСПЕКТЕ СОХРАНЕНИЯ РЕБЕНКА В КРОВНОЙ СЕМЬЕ	484

64. Kaliyeva Aliya Aybulatovna, Kaldymurynova Gaukhar Almazovna
FORMATION OF PROFESSIONAL AND PERSONAL QUALITIES OF A SOCIAL WORKER AMONG STUDENTS OF THE SPECIALTY “SOCIAL WORK” OF NJSC KAZNWTU 493

СЕКЦИЯ: ЭТНИЧНОСТЬ И РЕЛИГИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ХРОНИКИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

65. Богатырева Елена Сергеевна
ПРОИЗВОДСТВО ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЕВРЕЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ ГОРОДА КАЗАНИ 500
66. Булатов Тагир Раисович, Сабирзянова Гузель Илгизовна
ЯЗЫК КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ НА ПРИМЕРЕ КАЗАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА 511
67. Гарифзянова Альбина Раисовна, Матвеева Дарья Александровна
СПЕЦИФИКА ЛОКАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖЕНЩИН-МУСУЛЬМАНOK 517
68. Громов Егор Валерьевич
МИРОВОЗЗРЕНИЕ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА И ПАРАДИГМА ПОСТМОДЕРНА В КОНТЕКСТЕ ЛАНДШАФТНО-ПРОСТРАНСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ МИРА 524
69. Жемчураева Седа Шахитовна
ПОТОМКИ ЧЕЧЕНЦЕВ О СОБЫТИЯХ ДЕПОРТАЦИИ В 1944 ГОДУ 531
70. Жусубалиев Абдикайым Рысбаевич, Токоева Назира Байболотовна
СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ КАЙРЫЛМАНОВ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ 537
71. Камчыбек уулу Мырзабек
САМОПОНИМАНИЕ ЛИЧНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КЫРГЫЗОВ 543
72. Низамова Лилия Равильевна
СОХРАНЕНИЕ ЯЗЫКОВ ПОВОЛЖЬЯ: ПРАКТИЧЕСКИЙ РАКУРС (НА ОСНОВЕ ИНТЕРВЬЮ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ) 549
73. Нурутдинова Аида Наильевна
ОЦЕНКИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКАХ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРВЬЮ) 554
74. Попова Полина Юрьевна
АТЕИЗМ В РУССКОЯЗЫЧНОМ СЕГМЕНТЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК РЕАКЦИЯ НА РОСТ РЕЛИГИОЗНОГО ВЛИЯНИЯ НА СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО 559
75. Савельева Анастасия Игоревна
ТРАНСФОРМАЦИЯ ТАКТИК И СТРАТЕГИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИМИ, РАСОВЫМИ И РЕЛИГИОЗНЫМИ МЕНЬШИНСТВАМИ В ВЕДУЩИХ СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ЗА ПЕРИОД С 1991 ПО 2020 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ФРГ, ФРАНЦИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ) 566
76. Турдубаева Сезим Торубаевна
РОЛЬ СМИ В ОСВЕЩЕНИИ КОНФЛИКТОВ НА ГРАНИЦЕ КЫРГЫЗСТАНА И ТАДЖИКИСТАНА 582

**СЕКЦИЯ: ГЕНДЕР, ТЕЛО, ЗДОРОВЬЕ: ПРОБЛЕМЫ
ВОСПРОИЗВОДСТВА СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА
И НЕРАВЕНСТВА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ**

77. Ершов Андрей Николаевич, Мишин Виталий Александрович
ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ
НАСЕЛЕНИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ 590
78. Круль Александра Сергеевна, Князева Дарина Айратовна
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 596
79. Круль Александра Сергеевна
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ
В СЕМЬЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ 601
80. Латышев Дмитрий Михайлович
ПРАВОСЛАВИЕ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НОРМАТИВНОЙ
ТЕЛЕСНОСТИ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ (НА МАТЕРИАЛЕ
УРАЛЬСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕРИОДИКИ) 608
81. Новоселова Екатерина Михайловна, Беляев Владимир Александрович
РОСАВИАЦИЯ КАК КАНАЛ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В ПЕРИОД
ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ
РЕШЕНИЯ 613
82. Нуруллина Эльмира Ринатовна
ОТЦОВСТВО И МАТЕРИНСТВО В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ 619
83. Субботина Мария Владимировна
СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ
НОРМАЛЬНОСТИ» ИЛИ КАК ПАНДЕМИЯ ПОВЛИЯЛА
НА ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА 626
84. Хайрулина Наиля Ирековна
ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ ГОРОДА КАЗАНИ К УПОТРЕБЛЕНИЮ
ЭЛЕКТРОННЫХ СИГАРЕТ 632

СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, КУЛЬТУРА И МЕДИА В КОНТЕКСТЕ ГЛОКАЛИЗАЦИИ»

ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

Акбашева Альфия Анваровна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются как основные виды традиционных средств массовой коммуникации воздействующих на формирование здорового образа жизни жителей современного мегаполиса, так и новые электронные масс-медиа, в частности сеть Интернет и социальные сети. Повсеместное использование сети Интернет ведет к тому, что, с одной стороны, количество и качество получаемой информации о здоровом образе жизни растёт, информация становится более доступной. В то же время, с другой стороны, увеличение количества интернет аудитории и так называемого «экранного времени», т. е. времени, проведённого у экранов любых видов устройств (смартфоны, планшеты, компьютеры, телевизоры), ведет к уменьшению физической активности и, соответственно, ухудшению состояния здоровья большинства населения, в том числе городских жителей.

Ключевые слова: городское пространство, здоровый образ жизни, практики здорового образа жизни, средства массовой информации, здоровье, самооценка здоровья, социология города, социология здоровья.

На сегодняшний день Средства массовой коммуникации проникли во все сферы жизнедеятельности общества и повседневной жизни людей. Под средствами массовой коммуникации мы будем понимать совокупность органов публичной передачи информации с помощью технических средств, которые повседневно осуществляют практики сбора, обработки и распространения сообщений массовым аудиториям [1].

К основным видам традиционных средств массовой информации относятся пресса, радио и телевидение. Каждое из обозначенных выше традиционных СМИ имеет отличительные характеристики. Так, например, специфика печатных СМИ заключается в присутствии большего объема аналитических материалов, что требует от аудитории большего внимания и сосредоточенности, в отличие от радио и телевидения. Значимым преимуществом печатных СМИ в распространении информации в области здоровья и здорового образа жизни является то, что они предоставляют читателям возможность многократного обращения к публикациям и сохранению информации [2].

Телевизионных же передач, наоборот, в отличие от радио, большое количество рассчитанных на разную аудиторию. Телевизионные технологии сочетают в себе возможности различных СМИ и жанров искусства, например,

средства кино, живописи, театра, радио, фотографии и проч. Объединяя картинку и звук, телевидение может достигать высокого уровня выразительности, жизненности, реальности транслируемых материалов, что является важным преимуществом в отношении распространения информации в области здоровья и здорового образа жизни.

В характер медиавоздействия существенные коррективы внесло распространение новых электронных масс-медиа. Так, ученые отмечают, что характер информационного воздействия на молодежь, в том числе проживающую в городском пространстве, из массового становится индивидуализированным. Новые средства массовой информации не являются теперь массовыми в традиционном смысле слова. По причине множественности сообщений и источников склонность аудитории к самостоятельному выбору программ повышается. Интенсивное развитие новых медиа, в частности Интернета, способствует персонализированному медиапотреблению, индивидуальному контролю за медиаконтентом. Интернет становится доминирующим каналом медиапотребления в том числе среди жителей городского пространства, где активно используются интерактивные технологии общения через блоги, социальные сети и другие элементы киберпространства. Все это вносит свои коррективы в медиавоздействие, увеличивая степень информационной свободы современных жителей города. При этом нужно иметь в виду, что обозначенные выше процессы не снижают значимости СМИ в сфере воздействия на массовое сознание. В меняющемся мире происходит адаптация масс-медиа к новым условиям, связанным с процессом демассификации и дифференциации аудитории. СМИ стали предлагать медиапродукты, отвечающие разным потребностям групп населения, в том числе разным категориям городского населения [2, 9].

По данным установочного исследования проекта WEB-Index, в феврале-ноябре 2020 года интернетом в России хотя бы раз в месяц пользовались в среднем 95,6 млн человек или 78,1 % населения всей страны старше 12 лет. В среднем за день в интернет выходили 87,1 млн человек или 71,1 % населения России. Проникновение интернета в России среди более молодого населения (до 44 лет) в 2020 году превысило 90 %, а среди самых молодых россиян (12–24 лет) приблизилось к 100 %. В группе населения 45–54 лет интернетом хотя бы раз в месяц пользовались 84,2 % россиян, а среди самых старших жителей страны (55+ лет) в интернет выходит только половина – 49,7 % [3].

Информатизация и глобальное использование Интернета ведет к тому, что происходят изменения в отношении здорового образа жизни в двух основных направлениях. Первое заключается в том, что повышаются коммуникационные возможности посредством применения интерактивных компьютерных технологий, что сопровождается бурным развитием количества и качества информации во всех областях жизни, в том числе в сфере здоровья и здорового образа жизни. Информация становится более доступной [2]. Так, по данным исследования компании «Яндекс» тема здоровья лидирует в интернет-запросах среди российских пользователей мобильных устройств. Ей посвящено

более 4 % поисковых запросов – 7,5 миллиона в день, или более 5 тысяч запросов в минуту. Люди ищут информацию о лекарствах и целебных лечебных средствах – на нее приходится 34 % запросов о здоровье. Сюда же авторы исследования относят поиск сведений о травах, пищевых добавках, а также данные о различных приборах и медицинской технике, отмечает «Яндекс». Меньше всего интересуется гомеопатия (0,4 % запросов в категории лекарств). На втором месте по запросам в Сети – темы болезней и их симптомов (30 процентов запросов). А уже затем следует интерес к поликлиникам и врачам [4].

Другое направление изменений в отношении здорового образа жизни проявляется в уменьшении времени, которое отводится на физическую активность, упражнения, физический труд, и, соответственно, снижении функциональных возможностей и физической подготовленности большей части населения, в том числе городских жителей. Данная проблема характерна для всех категорий россиян. Согласно данным Фонда «Общественное мнение» больше всего активных интернет-пользователей – в Северо-Западном ФО (71 % суточной интернет-аудитории), меньше всего – в Приволжском ФО (60 %) [5]. Число пользователей интернета среди россиян старше 16 лет в 2019 году выросло с 91 млн до 94,4 млн человек – теперь «в онлайн» 79,8 % взрослого населения страны. Это следует из отчета аналитического агентства GfK (есть в распоряжении РБК). Наибольшую динамику по сравнению с 2018-м показали представители старшего поколения: в категории 65+ число пользователей Сети возросло с 26 до 36 %, в категории 50–64 года – с 63 до 66 %. В других категориях изменения почти не значительны: среди подростков (16–19 лет) проникновение интернета почти достигло 100 %, в категории 20–29 лет этот показатель сохраняется на уровне 97 %. Среди россиян в возрасте 30–39 лет аудитория Сети выросла с 92 до 94 %, в категории 40–49 лет – с 85 до 89 %.

Рост аудитории за счет старшего поколения связан с тем, что люди при взрослении сохраняют свои привычки в получении информации и развлечений и с ними они «переходят» в более старшие возрастные группы. Также этот рост стимулирует развитие госуслуг, онлайн-платежей, контента для более старших поколений [6].

Социальные сети наиболее популярный вид коммуникации во всем мире. Виртуальные сети на сегодняшний день являются объективной реальностью, которые безусловно оказывают влияние на системные характеристики общества. Интернет и социальные сети не так давно вошли в нашу жизнь, но сегодня с трудом можно найти того человека, который не пользовался бы социальными сетями.

Так, согласно данным всероссийского опроса Фонда «Общественное мнение» полученным в марте 2021 года среди мессенджеров в России лидирует по популярности WhatsApp (50 %), Telegram уступает ему более чем вдвое (22 %), а Viber – впятеро (10 %). Среди социальных сетей первое и второе места принадлежат отечественным проектам «ВКонтакте» и «Одноклассники» (38 % и 29 % соответственно). Впрочем, к ним вплотную

приблизился фото- и видеосервис с элементами социальной сети Instagram (28 %). Сервисами TikTok, Facebook и Twitter пользуются 15, 14 % и 6 % россиян соответственно [7].

Как сейчас принято называть совокупность блогов – «блогосфера», на сегодняшний день стали максимально популярными. В традиционном понимании блог – это периодически обновляемая лента текстовых сообщений или мультимедиа на различные темы, причем каждое сообщение может быть прокомментировано читателями.

По результатам совместного исследования проводимым Всероссийским центром изучения общественного мнения и Центром социального проектирования «Платформа» в сентябре 2020 года представления населения о блогерах довольно типичны и не подвергаются сильным временным изменениям. В последние три года наблюдается некоторый рост доли тех, кто называет блогерами «журналистов, работающих в интернете» (с 2 % до 8 %), и сокращение почти вдвое доли респондентов, не знакомых со значением слова «блогер» (с 26 % до 14 %). Но это вряд ли говорит о сближении образа новых и традиционных медиа, а может являться и следствием выхода в блогосферу известных журналистов [8].

Внимание общества к активности интернет-блогеров растёт. Выделилась новая лидерская группа в блогерском комьюнити: инфлюенсеры. Они быстро профессионализируются и превращаются в «людей-брендов», организуют работу целых «медиа-заводов» и успешно конкурируют с традиционными медиа. Их влияние на потребительское поведение людей уже очевидно, на очереди – влияние на убеждения и политическое поведение [8].

Рост численности и влияния лидеров мнений в социальных сетях, воздействие которых сегодня сопоставимо с ресурсом традиционных медиа. Вместе с тем данная группа, не связанная какими-либо формальными ограничениями, мобильная и постоянно восполняемая, формирует широкую палитру новых подходов; при этом аудитории в ряде случаев сложно понять исходную мотивацию их сообщений, наличие (или отсутствие) заказчика, критерии достоверности сообщений. Беспрецедентность нынешней ситуации заключается в свободном доступе участников информационного рынка к каналам информирования, при том что сила их убедительности зависит от индивидуальных талантов, артистичности, умения находить точные стилистические и контентные решения [8]. Однако стоит отметить, что информация в блогах часто оказывается непроверенной, ненаучной, а лишь интересной с точки зрения автора. Только лишь критически воспринимая информацию, проверяя данные в других источниках, рассматривая мнения других авторов можно преодолеть данную характеристику интернет-ресурсов.

Необходимо отметить важную роль интернет-технологий в распространении информации о таких новых формах здорового образа жизни городских жителей, как пробные первые занятия в различных фитнес-клубах, секциях, танцевальных студиях и бесплатные мастер-классы; скидки для различных категорий населения в различных фитнес-клубах, студиях, секциях; семинары, беседы, лекции, вебинары и встречи со специалистами

в распространенных в городе модных специализированных пространствах (в том числе в городских парках), кафе, лофтах на тему рационального питания, красоты и здоровья, здорового образа жизни в целом. Подобного рода мероприятия обеспечивают формирование информационного поля в рамках тематики здоровья и здорового образа жизни, а также способствуют распространению моды на здоровый образ жизни среди населения, в том числе городской среды.

Таким образом, на сегодняшний день как СМИ (телевидение, радио, печатные издания), так и Интернет, социальные сети, блогеры и инфлюенсеры организуют вещание и публикацию системных материалов образовательно-просветительного характера, формируют у граждан потребность в занятиях физическими упражнениями, повышают интерес граждан к знаниям в области гигиены, медицины, режима питания, организации труда и отдыха, популяризируют комплексы физических упражнений, привлекают внимание государства и широкой общественности к указанным проблемам.

Литература

1. Средства массовой информации [Электронный ресурс] – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Средства_массовой_информации#cite_note-2 (дата обращения: 20.07.2021).

2. Демкина Е.П. Формирование здорового образа жизни как фактор повышения качества жизни современного российского студенчества (на материалах Республики Татарстан): дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Е.П. Демкина. – Казань, 2016. – 188 с.

3. Аудитория интернета в России в 2020 году [Электронный ресурс] – URL: <https://mediascope.net/news/1250827/> (дата обращения: 20.07.2021).

4. Яндекс рассказал о самых популярных запросах в интернете о здоровье [Электронный ресурс] – URL: <https://rg.ru/2016/11/23/iandeks-rasskazal-o-samyh-populiarnyh-zaprosah-v-internete-o-zdorove.html> (дата обращения: 20.07.2021).

5. Интернет в России: динамика проникновения. Зима 2017–2018. [Электронный ресурс] – URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/13999> (дата обращения: 31.07.2021).

6. Прирост интернет аудитории в 2019 году обеспечили пенсионеры [Электронный ресурс] – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/13/01/2020/5e1876549a7947210b5ef636/ (дата обращения: 20.07.2021).

7. Социальные сети и мессенджеры [Электронный ресурс] – URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14555/> (дата обращения: 20.07.2021).

8. ОТ БЛОГЕРОВ – К ИНФЛЮЕНСерам: борьба за внимание и влияние на аудиторию. Новые тренды. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. Режим доступа: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10560> (дата обращения: 31.07.2021).

9. Нагимова А.М. Социологический анализ качества жизни населения: региональный аспект. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 306 с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЭВЕНКОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

**Андрющенко Анна Сергеевна,
Круглик Полина Андреевна,
Руднева Мария Михайловна**

*Научно-исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается проблематика репрезентации нематериального культурного наследия эвенков в социальной сети «ВКонтакте». В рамках исследования был проведен анализ текста постов сообществ социальной сети «ВКонтакте», в названии или описании которых использовалась морфема «эвенк», с применением метода текстовой аналитики. Новизна исследования состоит в том, что в работе впервые тематика репрезентации нематериального культурного наследия эвенков изучается с применением методов анализа больших данных. В результате работы были выявлены и категоризированы репрезентируемые в социальной сети «ВКонтакте» объекты нематериального культурного наследия эвенков.

Ключевые слова: эвенки; репрезентация; нематериальное культурное наследие; социальные сети; информационные технологии; коренные малочисленные народы Севера и Сибири.

В Российской Федерации проживают более 160 народов, что делает нашу страну одним из самых больших многонациональных государств. Каждый из этих народов обладает специфическими культурными особенностями, которые легли в основу формирования этнических общностей на территории России. Немаловажную роль в истории формирования российского государства сыграли коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. В течение многих столетий Россия оказывает поддержку этнокультурному, экономическому и социальному развитию коренных малочисленных народов Севера и Сибири. 25 февраля 2016 года было выпущено распоряжение правительства РФ об утверждении Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации [2]. Важным аспектом данного распоряжения является «поддержка и развитие национальных особенностей и культурного наследия коренных малочисленных народов Севера и Сибири».

Эвенки, в прошлом тунгусы, являются одним из самых многочисленных среди коренных народов Севера и Сибири. Более 77 тыс. представителей эвенкийского народа проживают по всему миру, в частности, по данным всероссийской переписи населения 38 396 эвенков проживают в России [5]. География их проживания крайне широка, они населяют территорию Сибири от Енисея до Охотского моря и от Амура до моря Лаптевых.

2022 год объявлен Годом культурного наследия народов России [1]. Сохранение исторического и культурного наследия является приоритетной

сферой деятельности государства. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации» гласит: «Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации [3] представляют собой уникальную ценность для всего многонационального народа Российской Федерации и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия. В Российской Федерации гарантируется сохранность объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов России в интересах настоящего и будущего поколений».

Современность диктует новые условия взаимодействия. Интерпретация процесса перцепции и выстраивания субъектного информационного дискурса прямо соотносится с тезаурусным подходом [7]. Тезаурус, являющийся результатом систематизации взаимосвязанных индивидуальных смыслов, и имеющий субъективный базис формирования, предстаёт комплексом значений, обретающих форму в процессе репрезентации в медиапространстве. Большая часть существующих на сегодняшний день культурных феноменов обретают смысл и социальную жизнь, лишь «будучи представленными». Однако, путем универсализации в средствах массовой коммуникации, они принимают некоторую универсальную форму, которая выступает как современный формат коммуникации.

Невозможно отрицать то, что интернет-коммуникации так или иначе влияют на сохранение культурного наследия. Уровень проникновения Интернета в РФ в январе 2021 года составил 85 % [10]. Повсеместная цифровизация не могла пройти и мимо коренных малочисленных народов Севера и Сибири. В сеть Интернет переходит не только личное взаимодействие народов, но и их культурное наследие: 15 октября 2003 года была принята хартия ЮНЕСКО [9] о сохранении цифрового наследия, в которой обращается внимание на то, что культурное наследие, представленное в цифровом виде является не менее ценным. Несмотря на это, тематика репрезентации культурного наследия в социальных сетях недостаточно изучена.

Немецкий социолог Ф. Генбрук разработал понятия репрезентативной культуры, которую рассматривал как социальный факт, так как она «производит идеи, значения и ценности, которые действительны в силу их фактического признания» [8]. Она включает в себя свойство совместной интерпретации действительности, охватывая мировоззрение, которое воздействует на социальное поведение людей.

Современные технологии анализа больших данных позволяют изучить цифровое культурное наследие коренных малочисленных народов. Таким образом существует настоятельная потребность разработки вопроса о том, как репрезентируются объекты нематериального культурного наследия коренного малочисленного народа эвенков в социальной сети «ВКонтакте». Основными гипотезами, разрабатываемыми в рамках исследования являются предположения о том, что:

1. Эвенкийский язык в качестве носителя нематериального культурного наследия является наиболее часто репрезентируемой категорией нематериального культурного наследия в социальной сети «ВКонтакте»;

2. Особенности кочевого образа жизни являются основой для репрезентации культурного наследия эвенков;

3. Оленеводство обширно репрезентируется в разных категориях культурного наследия.

Основным методом исследования стала текстовая аналитика с помощью программы PolyAnalyst, в работе применялись методики статистического анализа, анализа ключевых слов и анализа сети взаимосвязей терминов. В выборочную совокупность попали сообщества социальной сети «ВКонтакте» в названии или описаний которых упоминалось морфема «эвенк»; где активность присутствовала в течение двух последних лет. Из сообществ, попавших в выборочную совокупность, были выгружены все посты, опубликованные в период с 01.04.20 по 01.04.22, а также имеющие текстовое наполнение, в общей сложности было выгружено 3044 поста. Полученные данные были проанализированы на предмет релевантности тематике работы и разбиты на 5 категорий согласно классификатору нематериального культурного наследия ЮНЕСКО [6], внутри которых эмпирическим путем были выделены более мелкие подкатегории (табл. 1). В итоговый дата-сет вошли 437 постов.

Таблица 1

Частотное распределение количества постов в категориях и подкатегориях с процентами

Категория	Частота	Процент	Подкатегория	Частота	Процент
Устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия	189	43	Сказки, легенды и мифы	44	10
			Эвенкийский язык	137	31
			Загадки, пословицы и поговорки	8	2
Исполнительские искусства	55	13	Музыка и танцы	41	9
			Декоративно-прикладное искусство	14	3
Обычаи, обряды, празднества	68	16	Образ жизни	23	5
			Обряды	13	3
			Праздники	31	7
Знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной	28	6	Шаманизм	15	3
			Природа	8	2
			Приметы	5	1

Категория	Частота	Процент	Подкатегория	Частота	Процент
Знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами	97	22	Кухня	18	4
			Народные костюмы	28	6
			Оленеводство	28	6
			Охота и рыболовство	6	1
			Предметы быта	18	4

Наиболее часто репрезентируемой в социальной сети «ВКонтакте» категорией нематериального культурного наследия стала категория «язык устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия», данная категория составила 43 % от всех анализируемых постов. Абсолютным лидером по количеству постов стала подкатегория «Эвенкийский язык», она составляет 31 % от общего числа постов и 73 % от числа постов категории «язык устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия». Наименее редко в социальной сети «ВКонтакте» репрезентируется категория нематериального наследия «знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной» (6 % от общего числа анализируемых постов). Наименьшее количество постов попало в подкатеорию «приметы», она составила лишь 1 % от общего числа анализируемых постов.

Таблица 2

Распределение средних по количеству лайков, комментариев, репостов и просмотров на один пост в каждой категории и подкатегории

Категория	Подкатегория	В среднем, лайков на 1 пост	В среднем, комментариев на 1 пост	В среднем, репостов на 1 пост	В среднем, просмотров на 1 пост
Устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия	сказки, легенды и мифы	9,7	0,4	2	308,8
	эвенкийский язык	12,2	1,2	1,4	325,1
	загадки, пословицы и поговорки	23,4	2,1	1,3	617,9
Исполнительские искусства	музыка и танцы	13,9	1,5	1,4	390
	декоративно-прикладное искусство	9,4	0,3	1,4	252,2
Обычаи, обряды, празднества	образ жизни	25,6	1,2	2,3	547,7
	обряды	14	0,5	1	392,7
	праздники	16,9	0,9	1,4	401,1

Категория	Подкатегория	В среднем, лайков на 1 пост	В среднем, комментариев на 1 пост	В среднем, репостов на 1 пост	В среднем, просмотров на 1 пост
Знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной	шаманизм	10,8	0,6	3,5	317,1
	природа	23,3	1	2,8	609,3
	приметы	41,4	4,4	4,8	1098
Знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами	кухня	22,5	2,1	2,5	629,9
	народные костюмы	14,1	0,6	1	285,7
	оленоводство	14,5	1	1,4	332,9
	охота и рыболовство	15,2	2	1	329,5
	предметы быта	13,6	1,1	1,4	374,8

На основании выгруженных данных о постах сообществ «ВКонтакте», нами были рассчитаны средние значения отклика аудитории внутри подкатегорий. Средние рассчитывались исходя из расчета сумм лайков, репостов, комментариев и просмотров поста внутри подкатегории и количества постов в подкатегории (таблица 2). На основании этого нами были выделены подкатегории вызвавшие наибольший отклик у аудитории, ими стали:

1. «Приметы» (среднее количество лайков на один пост – 41, среднее количество комментариев на один пост – 4, среднее количество репостов на один пост – 5, среднее количество просмотров на один пост – 1098)

Самый популярный пост в подкатегории «Приметы»:

«ЭВЕНКИЙСКИЕ ПРИМЕТЫ Не верти крюком для подвешивания котла: сын будет дураком. На табуированном олене нельзя ездить: заболеешь. Его подшейный волос нельзя выбрасывать; не будет счастья...»

Большая часть примет встречаемых в постах в социальной сети «ВКонтакте» основана на кочевом образе жизни, что отражает историко-культурный аспект жизни коренного малочисленного народа эвенков.

2. «Кухня» (среднее количество лайков на один пост – 23, среднее количество комментариев на один пост – 2, среднее количество репостов на один пост – 3, среднее количество просмотров на один пост – 630)

Самый популярный пост в подкатегории «Кухня»:

«Впереди долгая эвенкийская зима. Самое время вспомнить вкусные и сытные эвенкийские рецепты! Например, силэуллэдук – суп с оленьим мясом...»

Среди наиболее популярных постов, попавших в подкатегорию «кухня», была отмечена особенность использования определенных ингредиентов (оленина и рыба). Это может быть связано с тем, что среди эвенков традиционные народные промыслы остаются актуальными и в настоящее время.

3. «Загадки, пословицы и поговорки» (среднее количество лайков на один пост – 23, среднее количество комментариев на один пост – 2, среднее количество репостов на один пост – 1, среднее количество просмотров на один пост – 618)

Самый популярный пост в подкатегории «Загадки, пословицы и поговорки»:

«Эвенкийские загадки! В них вековая мудрость, наблюдение за природой и традициями! 1. Идёт, идёт – не устает! 2. Кто никогда не наедается? 3. Не костёр, а греет...»

Эвенкийские загадки, пословицы и поговорки вызвавшие наибольший отклик у аудитории встречаемые в постах в социальной сети «ВКонтакте» в основном были основаны на наблюдениях за природными явлениями и животным миром, что объясняется тем, что в традиционной культуре эвенков, решающее место всегда занимали взаимоотношения человека и природы. В отличие от европейских культур, где человек – царь природы, у северных народов природа одухотворена.

В ходе исследования был проведен анализ ключевых слов в выгруженных постах. Выявление ключевых слов показало, что самыми популярными словами в постах являются: эвенк, олень, культура, шаман, традиция, одежда. Вокруг ключевых слов, обладающих высокой статистической значимостью выстраивается сеть взаимосвязей со словами, обладающими меньшей статистической значимостью и встречающихся в текстах постов реже. Таким образом, в сети взаимосвязи терминов выделяются два крупных кластера, которые соединены друг с другом: кластер, где центральным термином является «эвенк» и кластер с центральным термином «культура» (рис. 1).

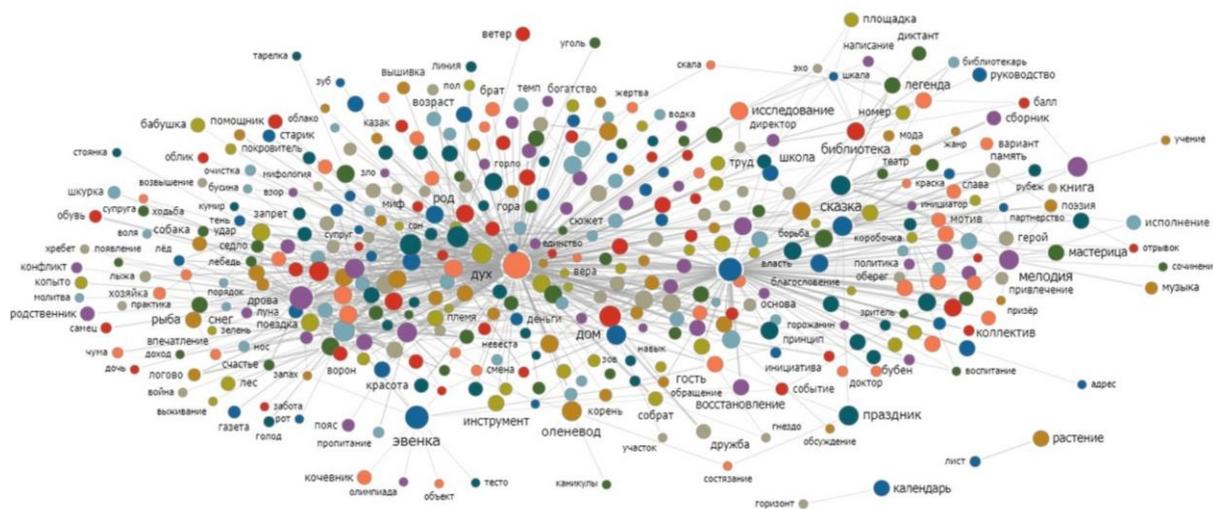

Рис. 1. Сеть взаимосвязей терминов во всех анализируемых постах

Следующим этапом стал анализ ключевых слов внутри выделенных категорий и подкатегорий.

В категории «Исполнительские искусства» были выявлены наиболее часто упоминаемые ключевые слова: рисунок (количество упоминаний: 31),

мелодия (30), танец (28), ансамбль(18), украшение (14). Данные ключевые слова отражают содержание выделенных подкатегорий, а также указывают на то, что ансамбли и творческие коллективы активно участвуют в популяризации культурного наследия эвенков.

«Эвенкийский фольклорный ансамбль «Гиркилэн» с хороводным запевом «Дэлэһинчэ»...»

«Сегодня день рождения коллектива, который как нельзя лучше отражает культуру и душу Эвенкии – эвенкийского народного ансамбля песни и танца «Осиктакан»!...»

Репрезентация этнической идентичности в сети Интернет в основном заключается в подчеркнутом использовании родного языка, так как это самый простой способ для обозначения принадлежности к определенной этнической группе в пространстве современной культуры. Это указывает на востребованность и жизнеспособность этого языка [4].

Так как категория «язык устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия» является наиболее многочисленной (43 % от общего числа постов), анализировались ключевые слова в подкатегориях. В подкатегории «Сказки, легенды и мифы» анализ ключевых слов показал, что олень (43), медведь (25) и другие животные (более 80 упоминаний) являются незаменимой частью повествования эвенкийских мифов, легенд и сказок. Не менее часто упоминаются слова: земля (23), охотник (17), чум (жилище) (17).

«...– Асаткан, Асаткан, пусть у твоего оленя одна нога отнимется. Вправду, одна нога отнялась. – Авахи, авахи, – отвечает девушка, – пусть четверть твоей лопаты отпадет. Отломилась четверть лопаты...»

«...Нет пищи, тяжело добывать воду, исчезли олени. Холод и голод, болезни и нищета воцарились на Средней земле...»

В подкатегорию «Эвенкийский язык» были включены посты, связанные с популяризацией языка и его непосредственным использованием. Было выделено 532 ключевых слова по этой тематике, 29 % из них составили ключевые слова на эвенкийском языке. Эвенкийский язык продолжает жить в письменном представлении: на эвенкийском языке пишутся книги, стихи, был составлен эвенкийско-русский словарь, и все это представлено в сообществах «ВКонтакте».

«...Первый электронный эвенкийско-русский словарь разработан на грант ВСНК...»

Самыми часто упоминаемыми ключевыми словами в категории «Знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами» являются: одежда (64), олень (54), охотник (26). Таким образом, в сети Интернет оленеводство охота и популяризация народной одежды являются самыми репрезентируемыми традиционными ремеслами, они сохраняют свою актуальность и по сей день. Ключевое слово «одежда» наиболее часто упоминается в постах, связанных с конкурсными мероприятиями и мастер-классами. Проведение таких мероприятий позволяет сохранять и передавать новым поколениям

Проанализировав полученные данные, мы можем сделать вывод о том, что нематериальное культурное наследие коренных малочисленных народов эвенков активно репрезентируется в социальных сетях. Репрезентация культурного наследия эвенков в большей степени выражается через популяризацию эвенкийского языка, которая занимает 31 % от числа всех анализируемых постов. Особенности кочевого образа жизни эвенков являются основой для репрезентации нематериального культурного наследия в социальной сети «ВКонтакте», что находит отражение в подкатегориях «приметы», «сказки, легенды и мифы», «предметы быта». Оленеводство, как вид традиционного ремесла широко репрезентируется в социальной сети «ВКонтакте» и воплощается в различных категориях нематериального культурного наследия коренного малочисленного народа эвенков. Таким образом, можно сделать вывод о том, что гипотезы выдвинутые в начале исследования подтвердились.

Литература

1. Указ Президента РФ от 30.12.2021 № 745 «О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России» // Собрание законодательства РФ, 03.01.2022, № 1, ст. 73.

2. О концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 04.02.2009 N 132-р // Собрание законодательства Российской Федерации, 2009, N 7, ст. 876.

3. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 26. – Ст. 2519.

4. Волокитина Н.А. Этническая культура и репрезентация этнической идентичности в интернет-пространстве // Человек. Культура. Образование. – 2019. – № 3 (33) – С. 39–45.

5. Всероссийская перепись населения // Электронный ресурс: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 12.04.2022).

6. Конвенция об охране нематериального культурного наследия // Электронный ресурс: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.sht (дата обращения: 12.04.2022).

7. Луков В.А. Ноосфера, понимаемая как тезаурус // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2014. – № 2. – URL: http://www.zpu-journal.ru/ezpu/2014/2/Lukov_Noosphere-Thesaurus/ (дата обращения: 28.04.2022).

8. Тенбрук Ф., Комаровский А., Кильдюшов О. Репрезентативная культура // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12. – № 3. – С. 93–120.

9. Хартия о сохранении цифрового наследия // Электронный ресурс: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/digital_heritage_charter.shtml (дата обращения: 12.04.2022).

10. Digital 2021: главная статистика по России и всему миру Ex Libris агентство медийных исследований // Электронный ресурс: <https://exlibris.ru/news/digital-2021-glavnaya-statistika-po-rossii-i-vseму-miru/> (дата обращения: 12.04.2022).

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССНОГО МЕНЕДЖМЕНТА В УПРАВЛЕНИИ РЕДАКЦИЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Важина Евгения Алексеевна

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация: В статье называются причины деиерархизации управленческих моделей в медиапредприятии. Также отмечается наиболее эффективный способ управления современной редакцией – процессный (операционный) подход, который может использоваться для конвергентных творческих редакций.

Ключевые слова: СМИ, интернет, медиапредприятие, процессный менеджмент.

Процессы, происходящие в глобальной экономике, больше не могут быть объяснены с помощью традиционных концепций классической науки. Принципы менеджмента, зародившиеся более 100 лет назад, в своем современном виде уже не соответствуют экономическим реалиям XXI века. Можно предположить, что версия «Менеджмент 1.0», ключевыми принципами которой были иерархия, стандартизация, специализация, контроль интересов собственников, исчерпала себя.

Глобализация усиливает мировую конкуренцию, и компаниям, для достижения оптимальных результатов, приходится увеличивать ресурсы, искать нестандартные пути управления производством, стремиться к максимальной информационной прозрачности, формировать гибкие стратегии развития, продиктованные динамичностью внешней среды.

Как пишет И. Адизес, «российские менеджеры не успевают адаптироваться к современным реалиям, не говоря уже о том, чтобы активно меняться. Им мешает культура, в которой существует уравниловка, кумовство и коррупция... Посткоммунистическая Россия унаследовала не только авторитарный стиль управления, но и страх перед властью, начальством» [1, с. 6].

Адизес выделил несколько глобальных процессов, которые возникли как следствие изменений в глобальной экономике:

- закат авторитарного стиля управления. Один начальник не способен оценить все риски в эпоху радикальных перемен. Для достижения максимального результата необходимы согласованные действия целой команды;

- иерархия «сдает» свои позиции. На смену ей приходят системы, отрицающие иерархический принцип – холакратия, «бирюзовые организации», методология agile;

- смещение акцента с индивидуализма на командную работу, которая наиболее эффективно помогает решать комплексные задачи на основе взаимодействия и сотрудничества структурных подразделений;

- появление руководителей нового поколения, не воспринимающих авторитарный стиль руководства, которые считают, что для современных компаний важны гибкий график, самореализация, свобода выбора, новый подход к рабочим процессам, а не дисциплина и самопожертвование.

В поисках оптимальных социально-экономических систем, исследователи во всем мире обращаются к теории саморазвивающихся (самоорганизующихся) систем. Подобные системы – открытые, динамичные, отличающиеся сочетанием устойчивости и адаптивности к запросам внешнего мира, способные функционировать без внешнего воздействия. Именно компании, которые функционируют, основываясь на идеях подобных систем, называют будущим глобальной экономики.

Саморазвивающимися называются социальные и экономические системы, которые имеют признаки открытости, сложности, нелинейности, динамичности и неравновесности. В.С. Степин отмечает: «Саморазвивающимся системам присуща иерархия уровневой организации элементов и способность порождать в процессе развития новые уровни организации. Причем каждый такой новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система обретает новую целостность. С появлением новых уровней организации система дифференцируется, в ней формируются новые, относительно самостоятельные подсистемы» [9, с. 12].

О том, что работа современных редакций постепенно меняется, отмечают многие российские и зарубежные исследователи [6, 10]. Причиной этому послужили экономические процессы, широкое распространение интернета и цифровизация общества. Все это создало больше возможностей для развития медиапредприятия и управления им.

В новых экономических реалиях эффективно управлять медиапредприятием стало сложнее – управленцам не хватает опыта и навыков, чтобы обеспечить стабильную работу редакционного коллектива и продолжать выпускать продукт, приносящий прибыль.

Меняется и работа журналистов – все больше редакций придерживаются удаленного формата работы, коммуникация между работниками становится проще благодаря современным мессенджерам. Кроме того, работа журналистов в интернет СМИ начинает оцениваться по другим критериям: учитываются количество просмотров, трафик, реакции пользователей в соцсетях и в комментариях.

Очевидно, что в подобных условиях многие управленцы начинают пересматривать концепцию редакционной работы.

М.Н. Ким отмечает, что на то, что предыдущая система управления потеряла свою актуальность, повлияли несколько факторов [6, с. 86]. В их

числе – ориентация редакционных коллективов на законы спроса и предложения, поскольку рыночные условия диктуют свои требования, расширяются сферы редакционного менеджмента и члены редакционного коллектива теперь сами могут участвовать в принятии решений.

На наш взгляд, к этим факторам можно отнести также следующие:

- в современной редакции журналисты работают в быстро меняющейся среде, требующей от ее участников мгновенного реагирования на те или иные события. Согласование тем для статей или инфоповодов для новостей с вышестоящим руководством может привести к большой задержке во времени и потере трафика.

- проявляют себя новые экономические и социальные реалии: теперь многие редакции практикуют работу удаленно и не вызывают сотрудников в офис. Более того, сотрудники вправе выбирать удобный формат работы, а также распределять свой рабочий день самостоятельно.

- появление новых специальностей. Сегодня в функционировании редакции участвуют не только новостные редакторы или редакторы отделов. Современному руководителю нужно контролировать работу SMM-специалистов, бильд-редакторов, видеографов, дизайнеров.

М. Дезе отмечал, что во всем мире набирает популярность «нетипичная» работа в СМИ – многие молодые специалисты сотрудничают с медиапредприятием на контракте, некоторые выбирают фриланс [10, с. 2]. Однако, пишет исследователь, управлять такими людьми довольно сложно и дорого – главному редактору придется дистанционно контролировать работу подобных сотрудников, чтобы обеспечить успешную и эффективную координацию всей редакции.

Перечисляя наиболее эффективные подходы к менеджменту, исследователи называют процессный (операционный) подход таким, который можно наиболее удобно и легко интегрировать в практику редакционного управления.

Процессный (операционный) подход считается одним из новейших направлений в менеджменте. Его основные концепции были выделены в 1920-х годах Фредериком У. Тейлором. Главное в операционном подходе – отображение объективных операционных процессов, регулирование операций, подбор исполнителей для необходимых операций, а также контроль, регулирование, планирование деятельности организации.

Большую роль в операционном менеджменте играет лидер – в медиапредприятиях это, как правило, главный редактор или руководитель отдела. Именно он определяет структуру и организационную модель редакции.

«Цель операционного менеджмента – это сформировать эффективную систему управления операциями в производстве. Он направлен на построение “управляемых” производственных систем, путем выполнения специфических действий и процедур с задачей получения рыночного результата деятельности фирмы», – пишет А.Ю. Непочатая [9, с. 107].

Исследовательница также выделяет основные принципы операционного менеджмента: ориентация на потребителя, ответственность персонала,

взаимовыгодные отношения, гибкость, скорость, лидерство руководства. Отметим, что на наш взгляд данные принципы также могут быть удачно спроецированы на организацию работы медиапредприятия и главного редактора.

Использовать в современной редакции процессный менеджмент предложил А.В. Вырковский. Он настаивает, что различий между классическим операционным менеджментом и менеджментом в СМИ нет [3, с. 117]. Вырковский предлагает представить процесс создания информационного продукта как производственный процесс, состоящий в потреблении, преобразовании и выдаче готового информационного продукта. Операционный менеджмент, считает Вырковский, оптимизирует процесс производства информационного продукта и улучшит его качество.

Исследователь выделяет следующие направления операционного менеджмента СМИ:

- Детализированное описание процесса создания информационного продукта с точки зрения процессного подхода (классификация и калькуляция стандартных процессов, составление бюджетов времени, нормирование регламентов);

- Менеджмент качества журналистского труда (определение критериев качественного текста – наличие экспертной оценки, качественной аналитики, источников информации);

- Управление персоналом (мотивация, внутренние желания журналиста);

- Лидерство. Модель лидера-управленца, который смог бы организовать процессы создания информационного продукта в медиапредприятии, до сих пор единогласно не принята и не изучена.

Перенос основных понятий процессного управления на систему медиапредприятий может вызвать некоторые сложности. Одной из них Вырковский называет несоответствие границы структурных подразделений и границ процессов.

«С точки зрения процессного подхода создание медиатекста (в том числе иллюстрированного) – единый процесс, однако сотрудники редакции зачастую испытывают большие сложности не только с обменом данными с иллюстраторами (билд-редакторами, специалистами по инфографике), выяснением их требований – технических и концептуальных, но даже с коммуникацией с ними», – пишет Вырковский [4, с. 175].

Отметим, что установить коммуникацию между различными отделами редакции не представляется таким сложным, как считает Вырковский. Общение внутри редакции, как правило, налажено благодаря общим чатам. Более того, некоторые крупные корпорации пользуются внутрисистемным мессенджером. Помощь в установлении и налаживании связей внутри редакции, на наш взгляд, является приоритетной задачей руководителя за счет смягчения – или даже отказа – от иерархических установок, более актуальных в прошлом.

М.Н. Ким отмечает, что переход на операционный менеджмент обусловлен многими факторами, среди которых роботизация журналистского

труда, алгоритмизация журналистских операций, технологические принципы в подготовке медийных продуктов.

«Принципы процессного менеджмента в журналистике применимы не только в формализованных и стандартизированных ситуациях, но и в творческой сфере, связанных с созданием оригинального медийного продукта», – пишет исследователь [7, с. 81].

Отметим, что несмотря на специфические черты журналистского творчества – «сама сущность журналистской деятельности и всего спектра медийного производства такова, что часто ставит профессионала в нестандартные ситуации, требующие нестандартных действий» [5] – не стоит забывать о том, что одним из главных показателей успешности и эффективности медиапредприятия, на наш взгляд, является его прибыль. Исходя из этого, важно изучить основные подходы процессного менеджмента, которые призваны контролировать всю деятельность редакции, начиная от работы редакторов отделов, заканчивая контролем деятельности специалистов из юридических и финансовых отделов. Именно отлаженная работа всех процессов в редакции поможет занять медиапредприятию достойное место среди конкурентов и работать в динамике мгновенно меняющейся социальной среды.

«Управлять» журналистским трудом, по мнению Вырковского, должен главный редактор. Именно у него есть возможность оптимизировать работу журналиста, создавая возможности для более эффективной работы с учетом личностных характеристик, организуя и оптимизируя рабочий процесс и контролируя качество текста. Для нужного результата, Вырковский предлагает управлять практически всеми процессами создания медиатекста: «процессом редактирования контента», «процессом проведения интервью», «процессом выгрузки материала на сайт». То есть редакции полностью необходимо перейти на процессный менеджмент.

Вырковский также предлагает главному редактору ориентироваться на личные качества творческого работника, утверждая, что так сам процесс создания журналистского материала будет наиболее эффективен.

С этим трудно не согласиться, однако у большинства медиакомпаний нет возможности ориентироваться на личные качества и предпочтения журналистов при раздаче редакционных заданий, хотя многие пытаются хотя бы оптимизировать условия работы членов редакции, то, что Вырковский называет «управлением трудом».

На наш взгляд, эффективность процессного менеджмента будет зависеть не только от главного редактора, но и выпускающего, а также редакторов отделов – особенно это актуально для крупных медиакорпораций, которые помимо бумажного издания имеют онлайн-СМИ. Такое разделение труда поможет контролировать внутреннюю работу, происходящую внутри редакции, и максимально оперативно реагировать на внешние факторы – например, наиболее срочные инфоповоды. Это, в свою очередь, приведет к монетизации контента и более выгодном положении СМИ среди конкурентов.

Более того, следует отметить, что многие современные журналисты, работающие в редакции, могут выполнять несколько функций. По мнению Е.К. Барановой, в СМИ ценят тех, кто умеет работать с инфографикой, продвигать свои материалы в социальных сетях, знает админку и может создавать мультимедийные материалы [2, с. 178]. Следовательно, один современный журналист может заменить одного или даже двух других специалистов – например, бильд-редактора и SMM-менеджера. При процессном подходе такую «универсальную» редакцию организовывать будет еще легче – контролировать придется меньше работников, что особенно актуально для небольших медиапредприятий.

Это не значит, что функции главного редактора – или управленца – будут сосредоточены только на работе с текстами (хотя в некоторых небольших редакциях это происходит). При процессном подходе, на наш взгляд, деятельность управленца не будет сведена к тотальному контролю за организационной системой редакции. Наоборот, главный редактор сможет переключиться на другие важные моменты: например, наладить коммуникацию с другими отделами, заняться поиском новых сотрудников, принимать участие в создании различного контента – от рекламного до интервью.

Таким образом, необходимо отметить, что в эпоху цифровизации и экономической неустойчивости общества медиапредприятиям важно не только доносить информацию до аудитории, но и получать прибыль, расти на рынке и не отставать от конкурентов. В современной среде важно пересмотреть управленческие подходы к менеджменту медиапредприятия: многие исследователи соглашаются, что иерархическая структура изжила себя. На смену ей может прийти процессный менеджмент – явление относительно новое и до сих пор не до конца изученное в контексте медиаменеджмента. Надеемся, что дальнейшие исследования процессного подхода и его применения в редакциях будут проводиться как и управленцами-практиками, так и теоретиками журналистики.

Литература

1. Адизес И. Теория и практика менеджмента трансформируются перед лицом новых вызовов и России нужно подтягиваться // Harvard Business Review-Россия. 2017. – С. 6–10.

2. Баранова Е.А. «Новые журналистские компетенции в условиях медиаконвергенции: мифы и реальность». Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2017. – № 22 (1). – С. 177–188.

3. Вырковский А.В. Менеджмент СМИ в условиях конвергенции // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2013. – № 3. – С. 112–120.

4. Вырковский А.В. Редакционный менеджмент в печатных и онлайн-массмедиа: процессный подход. [Академические монографии]. – М.: МедиаМир, 2016. – 380 с.

5. Горохов В.М., Дзялошинский И.М. Масс-медиа: творчество и институты // Медиаскоп. – 2012. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mass-media-tvorchestvo-i-instituty> (дата обращения: 26.04.2022).

6. Ким М.Н. Управленческая структура редакции: функции и назначение // Управленческое консультирование. – 2019. – № 8 (128). – С. 85–93.

7. Ким М.Н. Операционный менеджмент в журналистике: от тематического моделирования издания до управления знаниями // Управленческое консультирование. – 2020. – № 2. – С. 80–89.

8. Непочатая А.Ю. «Операционный менеджмент в системе управления предприятия». Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 3–7. – С. 105–108.

9. Степин В.С. Типология научной рациональности и синергетика // *Philosophy of Education*. – 2017. – № 1 (20). – С. 6–20.

10. Deuze M. (2014). *Work in the Media*. *Media Industries Journal*. Volume 1, Issue 2. P. 1–4.

ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ОПЕКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

**Вахутина Кристина Андреевна,
Соловьева Татьяна Владимировна**

*Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
Саранск, Россия*

Аннотация. В данной статье рассматривается феномен опекунской семьи, подробно рассматриваются достоинства и недостатки опеки, как формы устройства ребенка в семью.

Ключевые слова: опека, опекунская семья, дети-сироты, права детей, воспитание.

В настоящее время опека является одной из самых распространенных технологий устройства детей, оставшихся без попечения родителей в современной России. Поскольку данная категория, на наш взгляд, является наиболее уязвимой (см. табл. 1), достоинства и недостатки реализации технологии опеки рассматриваются именно в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Таблица 1

Сведения о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» за 2020 год в России [5]

№ п/п	Учет и устройство детей в возрасте до 18 лет, оставшихся без попечения родителей	Всего
1	2	3
1	Численность детей, оставшихся неустроенными к началу отчетного года	815
2	Численность детей, выявленных и учтенных за отчетный год	43 395
3	Всего детей выявлено и учтено на конец отчетного года	44 210
4	Численность детей, состоявших на учете в региональном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, на начало отчетного года	44 429
5	Поставлено детей на учет в региональный банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей, за отчетный год	20 072
6	Снято детей с учета на региональном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, за отчетный год	22 996
7	Численность детей, состоящих на учете в региональном банке о детях, оставшихся без попечения родителей, на конец отчетного года	41 505

В настоящее время основа нормативно-правовой базы в сфере опеки и попечительства представлена следующими актами: Гражданским кодексом Российской Федерации, Семейным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом «Об опеке и попечительстве» от 24.04.2008 № 48-ФЗ (последняя редакция), а также иными нормативно-правовыми актами, которые принимались в соответствии ними.

Как и любое другое действие, статус, форма правоотношений, опека над малолетними детьми и её последствия, а также её проявление имеют свои положительные и отрицательные стороны, которые важно рассмотреть на конкретных примерах. Однако для начала разберем, какие же **достоинства опеки** существуют на данный момент в России.

Во-первых, ребёнок принимается и воспитывается семьей, что положительно сказывается на его психоэмоциональном состоянии, культурном, поведенческом, образовательном, духовном развитии. Опекунская семья оказывает позитивное личностно-направленное влияние на особенности личностных отношений у подростков, лишенных родительского попечительства [4, с. 138]. Для подтверждения данного тезиса хотелось бы привести пример опекунской семьи, рассмотренный автором в рамках проведенного исследования Case-study в октябре-декабре 2020 года [1, с. 31]. На основе проведенного исследования (в данном случае был реализован метод анализа случая, а также наблюдение за семьей, посредством просмотра блога представителя семьи в социальной сети Instagram). Для начала хотелось бы отметить, что данная семья является среднестатистической. Анализ анкетного опроса, предложенного опекуну, показал, что в данной семье не

прослеживается наличие острых проблем в отношениях опекунов и опекаемых. Это объясняется тем, что общий микроклимат в семье воспитательный и добродушный, т. е. большая часть внимания уделяется воспитанию детей, в рамках наблюдения отмечается доброжелательное отношение к друг другу, формирование позитивных установок и ценностей у опекаемых.

Во-вторых, опекун выполняет функции законного представителя, защищая его имущественные и неимущественные права и интересы перед третьими лицами в учреждениях, организациях, а также выполняет прочие обязанности ради и во благо ребенка [7]. Однако важно отметить следующий нюанс. Поскольку опека устанавливается над детьми разных возрастов, опекун, в отличие от попечителя, имеет право и обязан совершать от имени подопечного сделки, за исключением тех, что должны быть совершены только лично и нести имущественную ответственность за вред, причиненный подопечным. Попечитель же, в отличие от опекуна, имеет права и обязан давать согласие на совершение подопечным сделок.

В-третьих, при такой форме устройства опекуны получают средства на содержание ребёнка, которые выделяются в соответствии с региональным законодательством. Органы опеки осуществляют регулярный контроль за условиями содержания, воспитания и образования ребенка [6, с. 118]. И что немаловажно, часто опека может быть использована как промежуточная форма усыновления или удочерения, т.е. в перспективе можно говорить о таком достоинстве, как принятие ребенка в семью на правах кровного.

В-четвертых, процедура оформления опекуна не такая сложная и требовательная по сравнению с усыновлением, благодаря чему у ребенка есть больше шансов быстрее попасть в семью. Например, при усыновлении придется обращаться в суд, вследствие чего процесс усыновления может затянуться долгим сбором документов, а также ожиданием решения суда. Что же касается опеки, то для получения права опеки над ребенком следует собрать определенные документы и обратиться в орган опеки и попечительства при администрации, т. е. не нужно ждать решение суда, благодаря чему данная форма устройства детей проходит быстрее.

В-пятых, в рамках реализации такой технологии, как опека, существуют школы приёмных родителей. Проходя обучение по программе, будущие опекуны знакомятся друг с другом, со специалистами. Курс обучения способствует формированию общественной зрелости в отношении проблемы сиротства и замещающего родительства, культуры сотрудничества семей со специалистами уполномоченных организаций по семейному жизнеустройству детей-сирот, созданию сообщества замещающих родителей [2, с. 234]. Благодаря достижению этих дополнительных целей снижается личностная тревожность будущих опекунов относительно своего статуса в обществе. Также данные школы помогают определить истинные мотивы принятия ребёнка в семью, подготовить их к трудностям, которые возникают на этапе адаптации и в процессе взросления ребёнка.

Помимо «классических» школ приёмных родителей также существуют школы, которые готовят тех родителей, чья мотивация заключается в принятии

ребёнка с ОВЗ и иными особенностями развития. Одной из самых известных школ, где реализуется подготовка будущих опекунов для детей с ОВЗ, можно считать школу приемных родителей «Дорога жизни» в г. Москва. Специфика данной школы заключается в углубленном медицинском и юридическом блоке, а также детальной работой над реальными кейсами с психологами и педагогами.

Нельзя не отметить такую форму работы с опекунами, как клуб приёмных пап. Данный клуб был создан благодаря интернет-проекту Усыновите.ру. Как правило, встречи в данном клубе проходят в форме общения с приглашенными многодетными отцами-опекунами, которые делятся своим опытом и путем, который привел их к мысли о создании опекунской семьи. Данный клуб показывает хорошие результаты и, на наш взгляд, достоин и необходим в других регионах.

На наш взгляд, приведённые достоинства в полной мере отражают положительную сторону опеки на современном этапе в России. Ряд приведенных примеров наглядно демонстрируют актуальность и необходимость дальнейшего развития опеки. Однако несмотря на все вышесказанное, нельзя не отметить и существующие недостатки, которые отмечаются как органами опеки, так и учеными, занимающимися данной тематикой в России.

Рассмотрим **недостатки** установления опеки:

Во-первых, в силу того, что опекун не является кровным родителем, ребенок получает статус воспитуемого. В данном случае можно отметить, что в ряде ситуаций ребенок может испытывать чувство неполной семьи, её отсутствия или же чувство обособленности и непричастности к семье, как сплоченной ячейке общества. Конкретным примером в социальной практике может послужить вторая семья, разобранный нами в исследовании Case-study в октябре-декабре 2020 года [1, с. 31]. В ходе наблюдения и составления кейса было выявлено, что в семье под опекой находится двое детей, при этом в семье есть два кровных ребенка. На основе наших наблюдений в кейсе был выдвинут следующих тезис: «Опекуны строже носят к опекаемым, чем к кровным детям. Это подтверждается их резкостью в обращениях, отсутствии адекватной тактичности, избеганием прямых вопросах об отношении к опекаемым». Рассматривая данный случай, хотелось бы отметить, что изучаемая опекунская семья является больше формальной, т. е. здесь не присутствует та теплая, семейная атмосфера, как в ранее приведенном примере.

Здесь также следует отметить, что ряд семей со временем понимают, что не справляются со своими обязанностями и, соответственно, принимают решение о прекращении опеки, в результате чего ребенок снова оказывается в специализированном учреждении. Вторичное сиротство, как правило, наносит ещё одну тяжелую психологическую травму, которая может превратиться в озлобленность, обиду и привесим к негативным последствиям, затрагивающим, в первую очередь, самого ребёнка. Подробнее рассмотреть данный недостаток можно на примере статистических данных (табл. 2, 3).

Таблица 2

Число снятых с учета детей, находящихся на воспитании в семьях
за 2020 год в России [5]

№ п/п	Отменено решений о передаче ребёнка на воспитание в семью	Всего случаев
1	2	3
1	По инициативе органа опеки и попечительства	748
2	В связи с ненадлежащим выполнением усыновителями, опекунами, попечителями, приёмными или патронатными родителями обязанностей по воспитанию детей	668
3	По причине жестокого обращения с детьми	22
4	По инициативе усыновителей, опекунов, попечителей, приёмных или патронатных родителей	2 830

Таблица 3

Число опекунов и попечителей, не справившихся с исполнением обязанностей
по воспитанию подопечных в России [5]

№ п/п	Год	Число опекунов и попечителей, не справившихся с исполнением обязанностей по воспитанию подопечных
1	2	3
1	2008	476 человек
2	2009	258 человек
3	2010	236 человек
4	2011	213 человек
5	2012	251 человек
6	2013	324 человека
7	2014	324 человека
8	2015	344 человека
9	2016	364 человека

Во-вторых, опекунам не представляется возможным изменить личные данные в документах. В данном случае стоит упомянуть статью 59 Семейного Кодекса РФ, в которой чётко прописано, что «изменение имени и фамилии ребенка проводится по совместной просьбе родителей до достижения ребенком возраста четырнадцати лет орган опеки и попечительства исходя из интересов ребенка вправе разрешить изменить имя ребенку, а также изменить присвоенную ему фамилию на фамилию другого родителя» [8]. То есть в случае, если контакты с кровными родителями ребёнка не налажены, но опекуны хотят изменить какие-либо данные ребенка, им это сделать не удастся.

В-третьих, зачастую опека оформляется над детьми младшего возраста. Люди настаивают на младшем возрасте из соображений, что в этом возрасте ребенок «как чистый лист», т. е. у него отсутствуют воспоминания, а если они есть, то он очень быстро «всё забудет» [3]. Но, на наш взгляд, стоит отметить, что, так называемых, «чистых листов» не бывает и насколько быстро ребенок

забудет то плохое, что было в его жизни, зависит не от возраста, а от отношения опекунов, в том числе от степени уважения, с которой они отнесутся к его прошлому. Здесь, опять-таки, можно привести пример семьи, рассмотренной автором в рамках проведенного исследования Case-study, поскольку дети, находящиеся под опекой – не старше 10 лет, а оформление опеки было в совсем раннем возрасте [1, с. 45].

В-четвертых, отсутствует тайна передачи под опеку. Кровные родители, которых лишили родительских прав, могут контактировать с ребенком, если захотят. В частности, кровные родители имеют право на подачу документов по восстановлению в правах (например, ради выгоды), что может вылиться в конфликт между ними и опекунами (попечителями) и, опять же, нанести психологическую травму ребёнку. Зачастую подобные случаи можно наблюдать в социальной практике, раскрывающейся на федеральных каналах в различных телешоу – «Мужское/Женское», «ДНК» и т. п. Так, многие родители, являющиеся представителями асоциального слоя общества, выдвигают требования опекунам и попечителям, по возвращению им детей, ради ежемесячных пособий. Это негативно влияет на атмосферу опекунской семьи, в частности подобная навязчивость и вынос на всеобщее обозрение носят лишь негативную окраску данной ситуации.

В-пятых, опека имеет срочный характер правоотношений. То есть, опекаемый по достижении 14-летнего возраста может перейти в статус подопечного, однако по достижении совершеннолетия формально не связан с попечителем. В таком случае ребенок остается один в обществе, особенно если в семье были лишь формальные отношения между опекуном и опекаемым.

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что несмотря на сформированный механизм передачи детей под опеку или попечительство, опекуны сталкиваются с рядом проблем, возникающих после принятия ребёнка в семью. Это, как отмечалось, может быть недостаточная подготовленность, проблемы при адаптации детей и т. д. Однако, на наш взгляд, многих проблем, или же недостатков, можно избежать.

Наши рекомендации на этот счет, следующие:

1) необходимо улучшать работу школ приёмных родителей, тщательнее отбирать кандидатов на роль опекунов, а также детальнее рассматривать ряд психологических особенностей адаптации детей;

2) необходимо расширять штат специалистов, курирующих опекунские семьи, поскольку из-за большой загруженности не всем семьям уделяется должное внимание, из-за чего и происходят случаи вторичных отказов от детей;

3) в связи с тем, что в детских учреждениях большое количество подростков, также важно разъяснять потенциальным опекунам, что ребёнок любого возраста нуждается в семье, а не только дети дошкольного возраста.

Литература

1. Вахутина К.А. Возможности метода анализа случая (case-study) в исследовании проблем различных типов семей / К.А. Вахутина. – Текст: непосредственный // Саранск: Издательство МГУ им. Н.П. Огарёва. – 2020. – 45 с.

2. Евстратова Ю.В. Исследование мотивации приема ребенка у кандидатов в замещающие родители (на материале обучения по программе «Школа приемных родителей») // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 1 (23). – С. 232–234.

3. Интернет проект «Усыновите.ру»: сайт. – Москва, 2022. – URL: <http://www.usynovite.ru/> (дата обращения: 20.04.2022).

4. Коржова Е.Ю. Психология опекунской семьи в русле ситуационного подхода // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2018. – № 187. – С. 134–145.

5. Министерство просвещения Российской Федерации «Банк документов»: сайт. – Москва, 2022. – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/17bc19963749a7f29e59> (дата обращения: 20.04.2022).

6. Применко Ю.В. Гражданско-правовая защита имущественных прав и интересов недееспособных совершеннолетних граждан // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 2. – С. 118–123.

7. Российская Федерация. Законы. Об опеке и попечительстве: Федеральный закон № 48-ФЗ [принят Государственной думой 11 апреля 2008 года: одобрен Советом Федерации 16 апреля 2008 года]. – Текст: электронный // Гарант: [сайт информ.-правов. компании]. – URL: <http://base.garant.ru/193182/>. – Режим доступа: сеть Интернет.

8. Российская Федерация. Законы. Семейный кодекс Российской Федерации (СК РФ) [принят Государственной думой 8 декабря 1995 года]. – Текст: электронный // Гарант: [сайт информ.-правов. компании]. – URL: <http://base.garant.ru/10105807/>. – Режим доступа: сеть Интернет.

О ВОПРОСАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

**Гутова Светлана Георгиевна
Целищева Зухра Абдурашидовна
Самохина Наталья Николаевна**

*Нижегородский государственный университет,
Нижегород, Россия*

Аннотация. В статье анализируются результаты социологического исследования, посвященного вопросам противодействия терроризму на региональном уровне, в частности, рассматривается общественное мнение жителей конкретного северного города и выявляется оценка и значение профилактической работы основных общественных и административных структур этого города. В статье на основе анализа полученных в течение пяти лет результатов исследований, предлагаются конкретные рекомендации, позволяющие усилить эффективность антитеррористической деятельности на уровне города.

Ключевые слова: национальная безопасность, терроризм, экстремистская идеология, противодействие терроризму, антитеррористическая деятельность, профилактика терроризма

Актуальность проблемы терроризма в нашей стране отражена в правовой базе, закрепленной в российском законодательстве. Так, в Стратегии национальной безопасности РФ до 2025 г. подчеркивается, что одним из основных источников угроз безопасности является деятельность террористических организаций. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы был утвержден Президентом России В.В. Путиным 28 декабря 2018 года. Целью реализации Комплексного плана является защита населения от пропагандистского (идеологического) воздействия международных террористических организаций, сообществ и отдельных лиц [1].

Согласно Федеральному закону «О противодействии терроризму», терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [2]. В предпринятом исследовании, мы опирались на документ утвержденный Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 года «Концепция противодействия терроризму в РФ», где перечислены основные внутренние причины и факторы, обуславливающие возникновение и распространение терроризма в Российской Федерации [3].

Исследование вопросов связанных с безопасностью государства и противодействием идеологии терроризма на региональном уровне имеет сегодня особое значение, поскольку показывает на конкретном примере как осуществляется работа в том, или ином городе, районе, области. Общественное мнение в отношении эффективности работы всех административных и общественных ресурсов выступает своего рода точкой отсчета для дальнейшего прогнозирования ситуации и, соответственно, планирования конкретных форм работы, направленной на решение выявленных в этой области проблем.

Существенное значение для формирования ценностной системы с антитеррористической установкой имеет налаженная система обратной связи между властью и обществом. Поэтому одной из задач является обоснование роли межведомственного взаимодействия в процессе противодействия всем видам экстремистской деятельности [4].

Социологическое исследование проводилось в течение пяти лет (начиная с 2017 по 2021 год) по заказу администрации города Нижневартовска сотрудниками лаборатории социальных и философских проблем Нижневартовского государственного университета. Заявленная работа осуществлялась в рамках муниципальной программы «Укрепление межнационального и межконфессионального согласия, профилактика

экстремизма и терроризма в городе Нижневартовске на 2019–2025 годы и на период до 2030 года».

Анализ общественного мнения, в первую очередь был посвящен вопросам противодействия идеологии терроризма на территории города Нижневартовска. В качестве основного метода сбора социологической информации был использован социологический опрос в виде анкетирования, цель которого состояла в выявлении общественного мнения об актуальных вопросах, связанных с обеспечением безопасности населения города Нижневартовска.

В соответствии с поставленной целью в исследовании решались следующие основные задачи:

1. Выявить оценки деятельности местной власти по вопросам противодействия идеологии терроризма на территории города;

2. Определить степень эффективности мер по профилактике терроризма и противодействию его идеологии, предпринимаемых органами местного самоуправления и правоохранительными структурами на территории города;

3. Выявить степень защищенности населения от потенциальной угрозы террористических актов;

4. Выявить отношение горожан к действиям членов террористических организаций;

5. Выявить степень опасности распространения идеологии терроризма на территории города, частоту столкновений с пропагандой идеологии терроризма;

6. Определить отношение горожан к проявлениям терроризма;

7. Выявить отношение горожан к установке технических средств защищенности на территории города;

8. Определить степень бдительности горожан;

9. Выявить места и объекты города, наиболее подверженные опасности совершения потенциального теракта;

10. Оценить эффективность информационно-пропагандистского сопровождения антитеррористической деятельности на территории города;

11. Выявить наиболее привлекательные для населения способы информирования по вопросам противодействия идеологии терроризма на территории города;

12. Выработать практические рекомендации по доработке и улучшению мероприятий муниципальной программы «Укрепление межнационального и межконфессионального согласия, профилактика экстремизма и терроризма в городе Нижневартовске на 2019–2025 годы и на период до 2030 года» по вопросам противодействия идеологии терроризма на территории города.

Социологическое исследование проводилось методом выборочного опроса населения по формализованной анкете. Объект исследования – население города Нижневартовска в возрасте от 18 лет, проживающее на территории данного муниципального образования. Предмет исследования – мнение жителей города Нижневартовска по вопросам противодействия идеологии терроризма на его территории.

Выборка составила 350 респондентов, принадлежащих к различным половозрастным и социально-профессиональным группам. В рамках используемой случайной модели выборки было сформировано распределение респондентов по половозрастному признаку.

Важный аспект заключается в том, что проведенное исследование является сравнительным (мониторинговым). Комплексный анализ всех проведенных социологических опросов в городе Нижневартовске за последние пять лет позволил выявить динамику и основные тенденции в области изменения общих настроений горожан в отношении террористической угрозы и степени безопасности на территории города.

Социальный портрет респондента включает в себя несколько важных показателей. Возрастная шкала имела 6 категорий 18–20; 21–30; 31–40; 41–50; 51–60; 61 год и старше. Такое распределение позволило отразить общую генеральную совокупность, представленную жителями города Нижневартовска в нужной пропорции. В отношении пола распределение практически равное, как и предполагалось в процессе построения выборки.

Вопрос об образовании показал (даже при случайной выборке), что в нашем городе на протяжении всего периода мониторинговых исследований, сохраняется высокий процент молодых людей и людей среднего возраста (30–40 лет) с высшим образованием или же тех, кто получает его в данный момент (при этом, в интервью некоторые респонденты отмечали, что получают уже второе или даже третье высшее образование).

В рамках поставленной задачи данного исследования, связанной с выявлением мнения жителей Нижневартовска, важным был вопрос о том, являются ли респонденты постоянными жителями города (учитывалось, что город относительно молодой и население формировалось долгое время из тех, кто приезжал на заработки, то есть работал вахтами).

В результате полученных данных 81,7 % респондентов указали, что Нижневартовск является местом их постоянного проживания и только 16,6 % отметили, что город для них – это место временного проживания (работа, учеба). Учитывая специфику трудовых ресурсов нашего региона, данный процент указывает на пропорциональную представительство, в том числе и людей, которые длительное время работают вахтовым методом.

В качестве важного критерия выборки респондентов в 2021 году, как и в предыдущих исследованиях, выступил основной род занятий, который предполагал отбор по принципу максимальной дифференциации в области профессиональной реализации и социального положения респондента в обществе.

Жителям города были предложены ряд вопросов для выявления их общей компетентности в области проводимого исследования. Таким образом, удалось выявить степень их информированности по данным вопросам и дать общую оценку.

Согласно ответам опрошенных респондентов, было выявлено, что, те, кто знают, что такое «терроризм» 82,6 %, скорее знают, ответили 13,4 %. В целом положительное значение по данному вопросу составило 98,4 % от всех

опрошенных. Таким образом, прослеживается сохранение положительной динамика в качестве информированности населения о значении понятия слова «терроризм».

Так выяснилось, что количество ответивших, что идеология терроризма представляет реальную угрозу для государства и российского общества в 2021 году составило 71,4 %. Для сравнения в 2020 году 64 %, в 2019 году 67,6 %, респондентов ответили, что идеология терроризма представляет реальную угрозу. Однако тех, кто «не видит в этом угрозы» составило в 2019 и 2020 году 10,6 %, а в 2021 году это значение уже составляло 14,0 % от числа опрошенных. Очевидно, что большая часть опрошенных жителей города имеют четкое представление о реальности данной угрозы и продолжают испытывать опасения в отношении распространении идеологии терроризма в обществе.

В процессе проведенного исследования выяснилось, что больше половины респондентов владеют необходимыми знаниями о правилах поведения при террористической угрозе и почти столько же знают, но при этом могут сомневаться в правильности действий и предпринимаемых решений. В целом, сравнивая результаты за последние пять лет, напрашивается вывод, что сохраняется положительная тенденция, но процент осведомленных в этом вопросе людей растет очень медленно. Следовательно, существует необходимость дополнительного информирования о правилах поведения при террористической угрозе, особенно это касается старшей возрастной группы (51–60 и старше).

Большинство опрошенных в 2021 году респондентов считают, что даже ради достижения личной правоты насилие неприемлемо; однако небольшая часть опрошенных (примерно 5 %) полагают, что в некоторых случаях необходимы насильственные методы. Сравнивая результаты опроса за 2017–2020 и 2021 годы, может быть отмечена положительная динамика во мнениях опрошиваемых, а именно, увеличение процента тех, кто считает, что даже ради достижения личной правоты насилие неприемлемо.

Обратим внимание на снижение доли затруднившихся с ответом в оценках данной проблемы, что свидетельствует о высокой общественной значимости данного вопроса, способствующего четкому выбору своих собственных позиций и убеждений жителями города Нижневартовска.

Результаты сопряжения ряда вопросов показали, что женщины больше, чем мужчины осуждают насильственные действия, но при этом все категорично их не одобряют. Возраст не показал серьезных различий в ответах, кроме варианта, где выбор насильственных методов зависит от конкретной ситуации. В этом случае молодые люди до 30 лет показали более неопределенную позицию, что может иметь несколько значений: гибкость в отношении методов насилия как нравственное раскачивание и отсутствие личной позиции, либо как неуверенность, основанная на желании иметь больше информации для выбора правильного решения. В современных исследованиях на это обращают внимание, когда речь идет об определенной категории населения, выделяя в качестве основной характеристики – социальную нестабильность, представляющую собой главную причину, позволяющую без особой сложности

завербовать молодого человека агенту террористической или экстремистской организации [5, с. 63].

При ответе на вопрос о том, что становится главными мотивами вовлечения людей в террористические организации, жители города Нижневартовска могли выбрать несколько вариантов ответа. Распределение процентного соотношения ответов позволяют выделить три группы мотивов в ответах по вопросу. Так, среди мотивов определяющих поведение людей, которые становятся членами террористических организаций, на первом месте респонденты в 2021 году назвали «склонность к насилию, агрессии»; «искаженное толкование религиозных учений» на втором месте; на третьем месте оказались «бедность, низкий уровень жизни» и «низкий уровень духовности»; отсутствие идеалов. Далее по рейтингу мотивов оказались: «безделье, распущенность», «низкий уровень образования», «протест и неприятие действительности», «ощущение своей национальной принадлежности», «отсутствие возможности для самореализации». Отметим, что остальные группы мотивов, по мнению жителей города, не являются определяющими в поведении людей, которые становятся членами террористических организаций. Примерно таким же образом ответы распределились и в 2017–2021 годах.

Таким образом, в первую очередь, горожане обращают внимание на склонность к насилию, агрессии; искаженное толкование религиозных учений и, а также бедность, низкий уровень жизни, которые способствуют примыканию людей к террористическим организациям.

По результатам опроса 2021 года наиболее эффективной мерой по профилактике терроризма и противодействию его идеологии, жители города считают поддержание межнационального и межконфессионального согласия. Второй по значимости эффективной мерой по профилактике терроризма, предпринимаемой органами местного самоуправления и правоохранительными структурами на территории города, большая часть респондентов считают воспитание взаимоуважения на основе ценностей многонационального российского общества в образовательной среде. На данный факт, а именно значение профилактической работы в сфере образования ссылаются в самых разных современных исследованиях, подчеркивая, что в образовательной среде есть возможность воздействовать и на конкретную личность (формирую ее установки, ценности и приоритеты) и на идеологические основы общества в целом [5, с. 49].

Несмотря на многие сложности последних двух лет, связанные с пандемией, результаты опроса в 2021 году показали положительную динамику по разным направлениям работы местных органов власти и других социальных институтов, учреждений, организаций в области осуществления профилактической работы, направленной на предупреждение распространения идеологии терроризма в городе Нижневартовске. Одновременно с позитивной динамикой, жители города высказывали свои предложения, замечания, а также идеи, по улучшению работы в этом направлении. Кроме того, анализ и обобщение некоторых данных в проведенном социологическом

исследовании, показали, что как и в 2020 году, существуют еще дополнительные ресурсы и возможности для работы по ряду направлений в рамках муниципальной программы «Укрепление межнационального и межконфессионального согласия, профилактика экстремизма и терроризма в городе Нижневартовске на 2019–2025 годы и на период до 2030 года».

В качестве рекомендаций, по результатам проведенного исследования (в дополнение к тем, которые уже нами предложены и реализованы в 2017–2020 году), были предложены актуальные мероприятия, формы и виды деятельности:

1. Как показала динамика проведенного исследования, многие уже отработанные за последние пять лет мероприятия на практике, вполне успешно осуществляются в нашем городе, поэтому так важно продолжить активное применение в работе уже имеющихся форм и методов профилактики в области распространения идеологии терроризма. При этом по-прежнему особое внимание обращают на себя те категории населения, которые слабо организованы социальными институтами (то есть непосредственно не связаны с конкретными государственными структурами, образованием, религиозными институтами) и, поэтому остаются не охваченными профилактическими мероприятиями. Именно эти категории, как показал опрос в 2017 и в 2021 году, чаще отвечают неопределенно, выбирают ответ «не знаю», либо вовсе уклоняются от ответов. Таким образом, они остаются наиболее плохо прогнозируемой частью населения в отношении поведения, в том числе и возможности их вовлечения в террористическую деятельность. Это касается в первую очередь возрастного интервала 18–20 и 31–40.

2. В 2020 году жителями города было предложено уделить особое внимание мероприятиям, направленным на формирование и развитие правовой культуры населения. В частности, предлагалось эффективно использовать печатную продукцию в виде, например, инфографики. Важно подчеркнуть, что это остается актуальным и в 2021 году, поскольку многие респонденты указывают на необходимость дополнительного информирования через разнообразные источники в доходчивой и более современной форме.

3. Результаты проведенного исследования показали, что в течение последних лет жители города стабильно считают, что наиболее эффективная форма работы связана с разъяснением, и информированием в трудовых коллективах, школах, вузах и т. д. Начиная с 2017 года респонденты отмечают, что наиболее эффективный метод – это инструктаж и любая другая конкретная форма *работы на предприятиях, учреждениях*, то есть в различных сообществах (средних по размеру группах): *трудовых коллективах, учебных классах, группах* и т. д.

4. В связи с трагическими событиями, произошедшими в российских школах в 2020 и 2021 году и широко освещенными в СМИ, жители города испытывают обеспокоенность (это заметно по ответам респондентов), поэтому особенно важно как подчеркивают сами жители города, проводить в различных (особенно образовательных) учреждениях, учения эвакуации с привлечением

правоохранительных органов и других служб, ответственных за профилактические мероприятия антитеррористической направленности;

5. В рамках конкретной работы по предотвращению угрозы со стороны идейных приверженцев террористической идеологии, считают участники опроса, необходимо особое внимание уделить пропускному режиму в образовательные учреждения и другие учреждения социальной инфраструктуры. В частности, поступили предложения от жителей города, провести работу по более тщательному отбору и обучению охранников, которые непосредственно находятся на местах. Так в 2021 году явно доминировали ответы респондентов, представленные в свободной форме, о пожилых людях, которые ничего не смогут предпринять в случае ЧС и которые чаще всего выполняют функцию вахтеров в социальных учреждениях.

6. В результате проведенных опросов подтвердилось, что современная молодежь, это та социальная общность, которая более всего подвержена протестным настроениям организаций. Она испытывает мощное влияние социальных сетей и вообще интернета (как источника не только для информирования, но и для подражания) и резко критикует современную действительность. Поэтому в качестве рекомендации было предложено обратить внимание на разработку и внедрение новых мероприятий для молодежи в образовательных учреждениях, например, просмотр фильмов профилактической направленности с последующим обсуждением и приглашением заинтересованных лиц от соответствующих ведомств. Можно предложить проведение масштабных (в пределах города) учений для молодежи антитеррористической направленности, по примеру того как проводились в советское время зарницы.

7. Особую важность приобретает сегодня аудио и видео социальная реклама антитеррористической направленности для населения (ее все еще не достаточно, по мнению общественности города) в различных общественных местах, где присутствует массовый охват максимально разнообразной в социальном отношении аудитории.

8. Нами уже было предложено в 2019 и 2020 году (сохранившее свою актуальность в 2021 году) рассмотреть возможность создания постоянно действующей экспертно-аналитической комиссии при администрации города, которая бы работала в этом направлении и соответственно могла бы периодически делать экспертизы и анализировать ситуацию в городе в отношении распространения религиозно-экстремистских (и на этой почве террористических) идей. «Только совместная деятельность государства с институтами гражданского общества способна интегрально создать основу для снижения рисков терроризма» [7].

9. Особое значение имеет в этом ключе просветительская работа в религиозной сфере. Так же есть смысл усилить контроль и проводить регулярные исследования для выявления проблем в данной сфере. Необходимо исследовать деятельность религиозных объединений в динамике, учитывая перемены в направлениях вероучений и обрядовом комплексе, в их социальных

ориентациях. Для более глубокого понимания состояния религиозной ситуации целесообразно обращаться за консультациями к религиоведам, обладающим не только религиоведческими познаниями, но и навыками проведения экспертной оценки различных сторон деятельности религиозных объединений. Профилактические меры должны включать постоянные встречи с руководителями религиозных объединений, церковным активом и рядовыми верующими; изучение материалов, издаваемых религиозными объединениями.

10. По-прежнему актуальна работа, проводимая местными органами власти в СМИ. Жители города особое внимание обратили на необходимость распространения информации о деятельности местных органов власти не только на официальных сайтах, но и в наиболее популярных среди населения информационных каналах. Как показал опрос в 2017–2020 и в 2021 году, население Нижневартовска не в полной мере информируется о результатах той огромной работы, которая прodelывается в этом направлении различными структурами, в том числе и силовыми, на уровне города. В качестве предложения высказывались идеи о том, чтобы, ввести *короткую информативно-просветительскую передачу*, материалы которой будут доступны не только на телевидении и в интернете, но и в печатной продукции. Например, это может быть в формате короткой, но интересной беседы с известными людьми, не только представителями администрации и силовых структур, но и представителями творческой интеллигенции и другими авторитетными жителями города, на которых ориентируется и молодежь, и старшее поколение.

11. Сохраняет свое значение и такая форма работы как курирование органами местной власти деятельности общественных объединений и организаций (особенно молодежных общественных организаций), по вопросам профилактической работы с населением в виде антитеррористической пропаганды и пропаганды патриотических настроений среди жителей города. Например, можно предложить молодежи участвовать в разработке проектов, посвященных созданию условий безопасности в городе Нижневартовске в виде проекта: «Город без террора!»

12. Необходимо продолжить работу с категорией населения, относящейся к «группе риска», при этом в кризисной ситуации к таким группам могут быть отнесены и те молодые люди, которые не имеют возможности для трудоустройства и самореализации (например, не смогли трудоустроиться после завершения обучения или были уволены работодателем). Своевременная организация, помощь и психологическая поддержка на разных этапах поиска своего места в жизни и в трудной жизненной ситуации, особенно если речь идет о профессиональной самореализации и чувстве социальной востребованности, является важным условием в профилактической работе с населением. Необходимо также помнить, что безработица – это потенциально благоприятная среда для маргинальных слоев населения, многократно способствующая увеличению делинквентного поведения среди населения» [8]. Невостребованный потенциал при высоком уровне социальной активности, присущей маргинальной группе, выступает в качестве существенного фактора

риска и может быть трансформирован в агрессивные формы. Однако здесь надо согласиться с тем, что: «Проведение информационных антитеррористических мероприятий без их целенаправленного и консолидирующего фактора будет малоэффективно. Таким интегрирующим феноменом может выступать программно-ценностный подход» [9, с. 230].

13. Предлагается регулярное проведение контент-анализа в сети Интернет и конкретных социальных сетей на предмет формирования отношения населения к террористической идеологии, с привлечением специалистов и жителей города.

14. Сохраняет свою приоритетность в 2021 году и такая важная часть профилактической работы как *мониторинг интернет-пространства* на предмет обнаружения фото-, аудио- и видеофайлов соответствующего содержания, своевременное информирование о таких фактах правоохранительных органов и специализированных служб, проведение исследований.

15. По-прежнему актуально работать в направлении информирования жителей города *о горячей линии, телефоне доверия* в целях приема сообщений о конкретных фактах, в том числе анонимного характера, требующих проверки по линии правоохранительных органов, например, об угрозах убийством и причинением телесных повреждений лицам, отказавшимся сотрудничать с террористической организацией.

Означенные выше меры должны способствовать усилению гражданской активности по противодействию идеологии терроризма.

Таким образом, проведенное на протяжении пяти лет исследование, отражает позитивную устойчивую антитеррористическую позицию, выраженную в общественном мнении жителей северного города. В тоже время граждане высказывают озабоченность проблемами, связанными с информационным негативным влиянием и поэтому отмечается важность отслеживания в виде постоянного мониторинга любых террористических и экстремистских угроз. Это в первую очередь связано с увеличением активности в данном направлении работы по информированию средств массовой информации, включая интернет-пространство и наиболее популярные среди всех слоев населения развитые социальные сети и другие информационные ресурсы [10]. Опираясь на мнение жителей города Нижневартовска, хотелось бы подчеркнуть важность работы, направленной на комплексную защищенность социальных объектов и иных общественных мест, а так же необходимость оказывать поддержку антитеррористическим комиссиям и общественным организациям, занимающимся деятельностью, связанной с противодействием идеологии терроризма и последовательно проводимой в этом направлении профилактикой работой.

Литература

1. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы (утв. Президентом Российской Федерации от 28.12.2018 № Пр-2665). Электронный ресурс: <https://clck.ru/ghax3> (дата обращения: 21.04.2022).

2. Федеральный закон № 35-ФЗ О противодействии терроризму.pdf. Электронный ресурс: https://51.мвд.рф/upload/site53/document_file/35_fz.pdf (дата обращения: 21.04.2022).

3. ДОСКонцепция противодействия терроризму в РФ.doc 597кБ. Электронный ресурс: upload/site64/document_file/Концепсиya.docx (дата обращения: 12.04.2022).

4. Personal information culture: Security and development / S.G. Gutova, N.N. Samokhina, Z.A. Tselishcheva, A.A. Litsuk // Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2019: Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020 : 33, Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020, Granada, 10–11 апреля 2019 года. – Granada, 2019. – P. 6651–6658. – EDN EXHZBL.

5. Дадова З.И. Социализация молодёжи как фактор предупреждения экстремистских и террористических идей и настроений // Социально-политические науки, № 3, 2018, с. 62–64.

6. Бочаров Р. А. Профилактика политического экстремизма и терроризма в молодежной среде // Власть, № 5, 2013, с. 46–49.

7. Целищева, З.А. Роль межведомственных взаимодействий в профилактике распространения идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде / З.А. Целищева, С.Г. Гутова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – № 7 (75). – С. 42–47. – DOI 10.24158/spp.2020.7.6.

8. Социально-культурные, информационные и правовые ресурсы развития современного общества / С.Г. Гутова, А.А. Лицук, Н.В. Пенкина [и др.]. – Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2020. – 168 с. – ISBN 978-5-00047-563-8.

9. Забузов О.Н., Шушпанова И.С. Терроризм в современном российском обществе: природа происхождения и аспекты предупреждения (на основе социологического исследования мнений молодежи Курской области) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2021. – Вып. 4 (845). – С. 226–241. DOI 10.52070/2500-347X_2021_4_845_226

10. Самохина, Н.Н. Идеология экстремизма и терроризма как форма деструктивного поведения: философский анализ / Н.Н. Самохина, С.Г. Гутова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12–2 (74). – С. 145–149.

МУЗЕЙ КАРЛАГ – МЕСТО ПАМЯТИ О СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЯХ.

Жумаканова Фариза Даулетхановна

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумелева,
г. Нур-Султан, Казахстан*

Аннотация. Статья трактует о том, что музей работает на сохранение и передачи исторической памяти. С этой целью было проведено интервью с учениками и изучена визуализация конкретного музея – музея Карлаг, памяти жертв политических репрессий. В статье используются работы исследователей в области “memory studies”, в частности Я. Ассмана и П. Нора.

Ключевые слова: «Память», «место памяти», репрессия, Карлаг, узники.

Современное общество находится в процессе непрерывного переконструирования сообществ внутри себя, идет процесс сдирания и присваивания, объединения и разъединения идентичностей, который порождает мета-сетевое общество. Память и ее закрепление в современном обществе неразрывно связано с социальным действием. Что такое «память», «места памяти», которые являются одним из основных вопросов выбранной темы «музей карлаг – место памяти о сталинских репрессиях»? И почему проект «Места памяти» так важен для современных отечественных гуманитарных дисциплин? – задаются вопросы. Прежде чем ответить на эти вопросы, надо рассмотреть концепцию «мест памяти» Пьера Нора, основоположника понятия «память», которая является основной идеей этого исследования причин возникновения понятия. Концепция о том, что «коллективная память» позволяет по-разному относиться ко многим фактам прошлого, очищая их от мифологии и чрезмерной политизации, а также способствует выявлению проблем коллективной памяти, роли личности в истории и значимости исторических событий в ее жизни, рассматривается Пьером Норой как весьма обширная и размытая, а следовательно, и другая более конкретная «тема – память места хранения». В его работах есть несколько определений этого понятия, как прямых, так и косвенных.

Во-первых, места памяти – это «пережитки» прошлого, и в то же время «места памяти – это крайняя, но нуждающаяся в ней форма, имеющая в истории коммеморативное сознание. Пьер Нора пытается сказать нам, что «места памяти» – это история прошлого, которую мы потеряли, она еще жива в сознании социальной группы, но вскоре она может исчезнуть навсегда, а места станут историей, которая больше не будет храниться в коллективной памяти... [1, с. 17]. Не случайно П. Нора в качестве «мест памяти» выделяет различные поколения, подчеркивая тем самым тот факт, что близкие по периоду рождения когорты, с одной стороны, являются результатом воздействия на них исторических событий, а с другой – сами становятся носителями коллективной памяти об этих событиях [2, с. 246].

«Память» рассматриваются в терминологии М. Хальбвакс (Halbwachs, 1980) с учетом особенностей коммуникативно-культурной, формальной и неформальной памяти, по мнению Яна и Алейды Ассман (Assman, 2004; Assman, 2014). Понятие «память» означает не только материальные объекты. Напротив, этот термин связан с глубокой интеллектуальной традицией. Память часто объясняют и изображают с помощью пространственных метафор [3, с. 348].

Книга профессора Яна Ассмана «Культурная память», написанная Гейдельбергским египтологом, посвящена роли памяти о прошлом в формировании культурных сходств, в том числе политических деятелей. Память о прошлом ярко отражена в письме, с его изобретением мир человеческих претерпевает революционные изменения. В книге теоретически обосновываются эти процессы, а затем рассматриваются три высшие культуры древнего Средиземноморья на примере Египта, Израиля и Греции. Алейда Ассман, немецкий историк и теоретик культурной памяти, утверждает, что «Новый протест против мемориальной культуры» противоречит недавней тенденции, ставящей под сомнение ценность мемориальной культуры, которая была доминирующим методом работы с 1970-х и 1980-х годов. Причина этого растущего «протеста» заключалась в том, чтобы превратить травмирующее прошлое в политическую и экономическую сделку. «Индустрия Холокоста», жесткая конкуренция за статус жертвы, чувство вины – наглядная демонстрация того, как работают современные формы культурной памяти. Частично признавая правильность позиций своих оппонентов, Алейда Ассман стремится создать запоминающееся будущее с такой запоминающейся перспективой, которая делает прошлое одним из важнейших факторов сознательного движения, этической готовности разделить ответственность, вину и юридические рамки, которые позволяют потерпевшим быть услышанными [4, с. 368].

Современные практики памяти характеризуются тем, что одновременно с сохранением отпечатков об одних событиях, другие вытесняются, забываются, а из множества возможных интерпретаций только одна занимает главенствующую позицию. Одной из причин этого можно предположить постепенный отход от механического документирования – в том числе в силу его доступности – в сторону деятельного проживания и использования памяти как ресурса.

Практика мемориализации в музейном пространстве является одним из видов подобного проживания. Музей – это место и учреждение, которое собирает, сохраняет и интерпретирует предметы, артефакты и другие вещественные доказательства, связанные с историей человечества и природой, и позволяет их увидеть широкой публике. История музея очень стара, так как восходит к 15 веку. Во Флоренции слово «музей» впервые было использовано для описания места, используемого для хранения предметов и артефактов прошлого. Музей тесно связан с историей человечества, так как хранит историю. Музей – это место, где можно пообщаться с прошлым. Это место, где хранятся воспоминания. Музей – это место, где можно понять прошлое. Это помогает нам понять фазы эволюции человеческих сообществ, а также развитие

человеческого сознания с течением времени и опыта. Память и музей тесно связаны между собой, ведь музей называют местом памяти. Место, где можно вспомнить прошлое и оглянуться назад. Как место памяти, музей помогает новому поколению понять события и новости прошлого, а также рассказать им, почему и как работают эти открытия и события, и сделать нашу жизнь более комфортной и осознанной. Знание прошлого помогает нам улучшить наше настоящее, а улучшение настоящего означает, что наше будущее будет еще лучше. Чтобы узнать, как исправить эти ошибки, было затрачено много усилий на прошлые события, чтобы выявить причины и ошибки. Как объяснялось ранее, изучение прошлого находилось в поле зрения общественности на протяжении всей истории, и для этой цели музей был в центре внимания. Есть много музеев, которые очень популярны и очень важны для туризма и не менее важны для студентов-историков. Несмотря на свою направленность и специфику, музей, будь то исторический, художественный, литературный и т. п. – он взывает к прошлому в любом случае в своем творчестве. Музей – культурное учреждение, сохраняющее реликвии и следы прошлого после того, как общество утратило живую связь со своим прежним контекстом. К ним относятся книги, письма, рукописи, а также картины, фотографии и другие материалы.

С накоплением памятников, транслирующих ту или иную точку зрения, за событием закрепляется однозначный статус, сообщество солидаризируется вокруг единственной точки зрения на прошлое. Так, можно предположить, что установка монументов в память о боли формирует в обществе отношение к событию как к тому, из чего нужно извлечь урок, а если устанавливать памятник как свидетельство обиды и превосходства, можно создать в сообществе желание отмщения и сакрализации жертвы. Исследовательский вопрос здесь в том, как региональные тематические музеи работают на сохранение исторической памяти и влияют на формирование представлений молодежи о трагических событиях прошлого.

История Казахстана имеет свои культурные следы, память о которых отражена в музейном пространстве. К числу негативных страниц отечественной истории можно отнести массовые политические репрессии в СССР при Иосифе Сталине, которые напрямую связаны с созданием и функционированием ГУЛАГа – системы исправительно-трудовых лагерей. Жертвами сталинской репрессивной политики стали более 20 миллионов советских людей, а события тех лет до сих пор запечатлены в культурной и коллективной памяти казахстанцев и народов бывших советских республик. В отличие от еврейского Холокоста, при котором нацисты уничтожали евреев как нацию (одна нация была инициатором трагических событий против другой), репрессии и культурная травма ГУЛАГа носят локальный характер, где преступники и жертвы принадлежат к одной культуре и живут в одной стране. Соответственно, противостояние «инициаторов» и «реципиентов» культурной травмы в музейной репрезентации должно устанавливаться в соответствии с необычными правилами музейной практики.

Обратимся к примеру Музея истории Карлага в поселке Долинка Карагандинской области, в котором отражены раны, нанесенные сталинскими репрессиями. Экспозиция музея размещена в 19 залах, а также на цокольном этаже. Часть залов оформлена под лагерный быт (здесь можно увидеть точные размеры камер лагеря, их интерьеры), где артефакты, связанные с заключенными и их жизнью, сочетаются с мультимедийными технологиями (проекции, звук, интерактивные панели). Черные стены и витрины, продуманное освещение, коридоры погружают посетителя в грустное настроение с первых секунд. На входе экспозиция «Жарык шанырак». В этой композиции изображены страдания народов, подвергшихся политике репрессий и отправленных в лагеря Карлага, но парящая в голубом небе птица – символ жизни и надежды на добро (рис 1).

Рис. 1. Музей Карлаг памяти жертв политических репрессий, экспозиция «Жарык шанырак»

Проходя по коридору, мы наталкиваемся на палаточный лагерь, окруженный деревянными столбами с подсветкой по периметру. Лампы датируются 1930-ми годами и были найдены в селе Долинка. Вдоль стен турникеты с архивными материалами – выписками из личных дел заключенных (рис. 2).

Рис. 2. Хол. Дело узника КарЛаг Мягкого Ивана и учетно-регистрационная карточка Буртан Сергей Мироновича

Помещения собственно тюремных камер, посещаемых посетителем, влияют на эмоциональное состояние посетителя и создают ощущение идентичности между ним и узниками концлагеря. Приказы членам семей предателей (СССР), антисоветских элементов, кулаков, а также детских домов и тем, кто выполнял эти приказы, с фрагментами на стенах в зале как «Основа выставки». Напротив трибуны – схема смотровой башни на фоне портрета Иосифа Сталина настолько технична, что создается впечатление, что он уже наблюдает за происходящим (к проблеме визуализации). сопротивление музейных «инициаторов» и «реципиентов» культурной травмы) (рис 3).

Рис. 3. № 2 зал. «Эркер». вышка военной охраны

Здесь посетителям предлагается ознакомиться с агитационными плакатами и экранами, демонстрирующими хронику судебных процессов и письма их жертв. Чтение писем бывших заключенных переносит посетителя в контекст диалога с собеседниками, создавая ощущение беседы, когда заключенные делятся с посетителями своими историями о лагерной жизни. В 12-м зале можно увидеть камеры заключенных. Экспозиция зала дает представление о быте узников Карлага (рис 4).

Рис. 4. № 12 зал. Мужской барак

Количество женщин-заключенных в Карлаге иногда достигало 22 000 человек. Им давали разные сроки: три, пять, восемь и десять лет. Они не имели права на досрочное освобождение, и осужденные оставались в лагере до конца срока. Смертность и инвалидность среди женщин-заключенных были высокими. Кто-то умер от болезней, кто-то от нравственных страданий, кто-то не выдержал сурового климата Центрального Казахстана. С 1942 по 1944 год погибло 540 женщин. Внимательно изучив материалы этих экспонатов, следует отметить, что, несмотря на то, что среди осужденных были реально виновные преступники, музей ставит в центр внимание несправедливо осужденных, репрессированных представителей интеллигенции и простого народа. Экспонаты в этом пространстве призваны поддерживать идею мощной силы, направленной против народа.

Рис. 5. Зал № 6. Женщины, попавшие в плен в Карлаге, и зал для детей

Можно говорить о том, что визуализации исторических событий, представленные в музее, соответствующий подбор музыкального сопровождения передают боль и страдания, пережитые узниками лагеря. Этому способствуют визуализация «Комната матери и ребенка», на стенах которой представлены фотографии узников и свидетельства о рождении некоторых детей. По середине комнаты деревянная кровать и детские кубики с надписью «Сталин», что является свидетельством возвеличивания, культа личности И.В. Сталина (рис. 5).

Для изучения того, как региональные тематические музеи работают по сохранению исторической памяти и какую память они формируют у молодежи, методом качественного интервью были опрошены 12 подростков в возрасте 16–18 лет – учеников основной школы № 8 г. Караганды. Накануне интервью они по инициативе и под руководством учителя истории посетили музей Карлаг.

Отвечая на первый вопрос «Что такое для Вас музей?», школьники говорили, что музей – это: «Историческая память, возможность посмотреть, что было раньше и как люди жили» (д., 16 лет); «...это место, где стоят какие-то

экспонаты, они либо исторические, либо художественные» (д., 17 лет); «...отражение истории, такое место, где собраны разные исторические предметы, разные исторические факты, показана история в общем» (м., 18 лет); «Выставка истории» (м., 17 лет); «Место хранения истории» (д., 17 лет); «...место, где собраны научные экспонаты, либо исторические, то, что мы можем увидеть, познакомиться поближе или потрогать, возможно» (д., 17 лет). Высказывания дают основание говорить, что у молодежи музей ассоциируется, прежде всего, с историей и местом хранения исторических фактов.

Следующий вопрос был направлен на выяснение причин посещения музея: «Почему вы захотели посетить музей Карлаг?» Ответы; «для интереса, никогда не ходил и не знал о таком музее» (м., 17 лет) «Вообще интересно вся эта система советской власти в 20–40 года XX века и так же это был одним из крупных лагерей в СССР, тем более это в нашем городе Караганде, поэтому решил поехать» (м., 17 лет), «Мне было интересно увидеть жизнь заключенных» (м., 18 лет), «Потому-что многие из моего окружения там были и сказали, как там здорово и так же много видео информации, и очень хотелось видеть в живую» (д., 17 лет) Как видно из этих ответов, школьники осведомлены о сталинских политических репрессиях в Казахстане, и постоянные напоминания о музее как исторической части города побуждает молодежь посетить музей. Часть учеников ответили; «Я в нем уже был, но хотел вспомнить и ощутить атмосферу» (м., 17 лет) «Потому что я в этом музее уже была, и мне тогда, в первый раз, очень понравилось, как все исторические факты представлены, там прямо хорошо визуализирована история» (д., 17 лет) из этих ответов понятно, что визуализация и атмосфера заставляет возвращаться вновь. Ответ «Ну так как музей находится на территории моего города, близ моего города, поэтому я считаю нужно знать историю своего города» (д., 16 лет) дает сделать вывод, что ученики интересуются историей своего края. Нарратив музея Карлаг не смотря на свое узкое направление может заинтересовать даже тех, кто далек от музея, в этом свидетельствует ответ; «изначально меня заставили туда пойти, но я многое узнал» (м., 17 лет).

Для того, чтобы узнать, какие впечатления остались и что больше всего заинтересовало учеников, задавался вопрос «Какой экспонат или зал произвел на вас наибольшее впечатление?» Ответы: «условия жизни в бараке» (м., 17 лет), «Зал голода 30-х годов, атмосфера всего, музыка...картинки детей.....до мурашек» (м. 16, лет); «Детская комната и камера пыток, в детской комнате я хотела плакать» (д., 16 лет), «самыми интересными экспонатами для меня был кабинет высокопоставленного чиновника и подвал, так как они контрастируют. Первый кабинет – престижный, аккуратно, приятно, цивильно. Будто здесь не происходит ничего ужасного, а внизу (в подвале).... как бы описать..... ничего хорошего» (м., 17 лет); «Подвал. Так как там больше проникаешься страшной атмосферой того времени и после него очень смешанные эмоции испытываешь» (д., 17 лет); «Поезд в котором перевозили их (осужденных). И нам сказали, что в нем по дороге люди замерзали даже...» (мальчик, 16 лет), «На меня больше всего произвела впечатление, как и на моих друзей, пыточная и их инструменты. Меня все это

ужаснуло, что такое на самом деле происходило, на самом деле» (мальчик, 18 лет). Как видно, произвели впечатление не отдельные экспонаты, а целые экспозиции, в которых сделана попытка воссоздать реальную обстановку и погрузить посетителей музея в страшную реальность прошлого. На усиление впечатления работают и контрасты между тем как представлена жизнь заключенных и их надзирателей (рис 6).

*Рис. 6 Музей Карлаг – памяти жертв политических репрессий.
Комната пыток и кабинет начальника лагеря*

Для того, чтобы узнать, какие впечатления оставляет музей Карлаг, был задан вопрос: «Какие эмоции остались после посещения музея?» В основном у части детей экспозиции музея вызывали сильные эмоции, переживания.

– «Я вышел уже задумчивым, всю поездку домой я думал об этом» (м. 18 лет);

– «Камера расстрела и комната пыток, там перехватывает дыхание потому что там обстановка жутковатая и когда ты понимаешь что это происходило на самом деле и возможно с невинными людьми это очень устрашает и вызывает разные эмоции» (м. 16 лет);

– «Я не думал что музей даст мне столько знаний информации...я много что осознал» (м. 16 лет) – с грустью ответили ученики. На обратном пути в автобусе с 55 учениками, посетившими 1.5 часовую экскурсию, была тишина, осознание того, что пережили их предки.

Вывод: И таким образом музей достигает одну из главных своих целей – сформировать у посетителей определенное отношение к репрессиям – как к явлению, которого не должно быть, не должно повториться.

Исторический музей Карлага в селе Долинка – один из наиболее удачных примеров музейного изображения национальной культурной травмы, учитывая его узкую тематику. Принципы партисипативного подхода к организации музейных выставок и музейной деятельности не навязывают описание основных исторических задач. Благодаря всему проекту музея (экстерьеру и интерьеру) по сохранению культурной памяти о политических репрессиях в СССР в 1930-х и 1950-х годах, а также морально-этическому подходу к недопущению подобных ситуаций в будущем.

Литература

1. *Нора, П., Озуф, М., Пюимеж, Ж., Винок, М.* Франция – память. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999, с. 17–50.
2. *Максимова О.А.* Самоидентификация и коллективная память поколений современного российского общества // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 156. – № 6. – С. 246–252.
3. *Ассман, А.* Новое недовольство мемориальной культурой. / А. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.
4. *Ассман, Я.* Культурная память: Письма, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. / Я. Ассман; пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Яз. слав. культуры, 2004. – 368 с.

ДИСКУРСИВНЫЙ КОНФЛИКТ В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ОТХОДАМИ В МИРЕ И В РОССИИ

Ермолаева Юлия Вячеславовна

*Центр перспективных экономических исследований
Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Россия*

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные современные концепции управления отходами, дискурсивные фреймы в контексте мировой экономики. Выявлено, что формирование политики обращения с отходами, как правило, продиктовано национальными целями природопользования и направлением экономики – ориентированной на сохранение ресурсов (ноль отходов, зеленая экономика) или на экстракцию ресурсов (коричневая экономика, сырьевая экспортная модель экономики). Акторы в цепочке обмена ресурсами и их согласованность их интересов во многом определяет насколько эффективно будет развиваться политика обращения с отходами в национальном контексте, так же важно соблюсти баланс между централизованной и децентрализованной моделью управления. В России схема управления отходами централизована за счет укрепления роли регионального оператора, иерархична (совмещает федеральные и региональные схемы), и еще не согласована между собой ввиду разных интересов стейкхолдеров (граждан, целей государства, частного сектора, регионального оператора и НКО).

Ключевые слова: управление отходами, устойчивое развитие, зеленая экономика, дискурс – анализ, Москва, Казань.

Дискурс-анализ в данном случае обращает внимание на процессы, с помощью которых конструируются и поддерживаются социальные институты управления отходами. Центральная функция в артикуляции экологической государственной политики состоит в эффективном распространении политических. С этой целью были проанализированы российские законодательные документы, отраслевые отчеты, городские и региональные

программы 2014–2022, поскольку именно в этот период в политике в области обращения с отходами происходят существенные изменения. Анализ и концептуализация материала был произведен в рамках гранта РФФ № 22-28-00392 на тему «Производство и утилизация отходов в мегаполисах России: межотраслевой и междисциплинарный анализ».

Концепции управления отходами в городах мира на протяжении XX века менялись в зависимости от доминирующей парадигмы природопользования, и основой данной парадигмы являются ценности, которыми наделялись материалы и отходы в той или иной промежуток времени. Так, в конце XIX века и начале XX и до 1930-х годов сжигание отходов в городах Европы на МСЗ стало резко сокращаться, вернувшись к захоронениям на свалки как более экономичном варианте. Однако, упадок экономики во время второй мировой войны, и последующее за ним рост потребления и необходимость в ресурсах вновь привели к необходимости повысить количество перерабатываемых материалов. «Энергетический кризис» 1970-х гг. и прогнозируемая нехватка сырья укрепило позиции создания института переработки и нашло отражение в Зеленой книге 1974 года, которая продвигала идею рассматривать отходы как потенциально ценные ресурсы т.к. существующие схемы управления отходами во многих мегаполисах показали себя недостаточно эффективными[1]. В результате была разработана концепция «иерархии управления отходами» или лестницы управления отходами (Lansik), взятая за международный стандарт.

Однако, на протяжении XX века и по настоящее время обостряется фундаментальное противоречие между переработкой и утилизации отходов и противостояние разных моделей экономики: «от колыбели до могилы» в линейной экономике и «от колыбели до колыбели» в циркулярной экономике, именно они создают дискурсивный конфликт в экологической мировой политике в разных государствах[2]. Второй конфликт проявляется в поляризации дебатов вокруг приоритетов переработки и сжигания. Традиционно, на одном конце спектра находятся экологические группы, выступающие за мораторий на строительство новых мусоросжигательных заводов, готовые предоставить ресурсы для переработки, в том числе «упаковочное лобби» и иные быстрорастущие отрасли обращения с отходами в частном секторе, а на другой стороне находятся группы, которые продвигают рентабельный, капиталоемкий вариант сжигания отходов с рекуперация энергии и дешевой утилизации отходов на мусорных полигонах с выработкой [3].

Трансформация парадигмы управления отходами сопровождается меняющимся ландшафтом институциональных отношений: растущей путаницей в отношении ролей, обязанностей и практик. Отношения проходят в некоторых странах длительный процесс приватизации, сопровождающейся формированием новых институтов и регуляторных механизмов, что затрудняет переход на круговую экономику. Сложная сеть регуляторной системы лежит на разных уровнях и отделах местных и региональных властей. Преимущественно социально – экологической политикой занимаются закрытые политические

сообщества, в которых доминируют регулирующие органы и промышленность, при этом экологические группы, если они не стоят у власти, играют маргинальную и про-реакционную роль [4].

Последние несколько десятилетий отходы обсуждаются в рамках создания комплексного подхода устойчивых городов и территорий, т. к. всего 70 % отходов земного шара выбрасываются за пределы городов, следовательно, города могут выполнять двоякую роль: быть основными поставщиками вторичного сырья при условии создания мощной инфраструктуры сбора, переработки, или же быть эпицентром загрязнений, социальных конфликтов и «черной» дырой, потребляющей много ресурсов[5]. Концепция управления отходами снова меняется и расширяется в рамках Десятилетней рамочной программы Рио по устойчивому потреблению и производству, где обсуждается процесс создания локального плана размещения отходов с потенциалом долгосрочного стратегического пространственного планирования, учитывающего вопросы социальной и экологической справедливости. Однако, не каждая территория способна поглотить все образующиеся отходы городов, а так же нет такого количества природных ресурсов, которые могли бы вечно служить первичным сырьем для возрастающих потребностей растущего населения в городах. Поднимается новая волна амбициозных политик и целей, направленных на сокращение отходов и восстановление ресурсов [6].

Международные организации (Организация экономического сотрудничества и Развития (ОЭСР), США, Агентство по охране окружающей среды (EPA) Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) Европейское Агентство по окружающей среде (ЕАОС), Большая восьмерка (G8) и Большая Двадцатка (G20), а также отраслевые организации) разделились на два различных лагеря по дискурсивным ориентациям в рамках политики в области обращения с отходами – это концепции «предотвращения и сокращения отходов», «ноль отходов» в zero waste city и «циклов и материалов» в рамках circular economy [7].

Соответствующие стратегии традиционного управления и политические директивы по обращению с отходами часто входили в сферу ответственности местных муниципалитетов в городах и регионах, таким образом, управление отходами всегда было географически ограниченным, а определенный ареал являлся собственником «своих» отходов и должен был сокращать количество полигонов и повышать уровень переработки в качестве эффективной политики землепользования и ресурсов. Именно уровень переработки отходов стал самым показательным в отношении эффективности управления отходами.

Последовательная эволюция концепции иерархии отходов (предотвращение, повторное использование, переработка, возвращение в цикл, и утилизация) в конце концов понизила позицию рециклинга, уступив место профилактике образования отходов – дизайну производства и социально-экологическим практикам[8]. Причина этого изменения была связана с неустойчивыми ценами на материалы в рамках глобального рынка и повышенного спроса, уже сейчас существующая нехватка сырья и ресурсов приводит к растущему беспокойству о национальной безопасности в некоторых

странах. Накал обостряла геополитика, например, предпочтения отечественным первичным и вторичным материалам и импортозамещению (Китай, Иран, Россия) [9]. Этот контекст также повлек перестройку политического дискурса, который выходит за рамки управления отходами и снова направляется к дискуссии о важности рассмотрения циклов ресурсов и материалов. Появление ряда новых инструментов оценки, таких как оценка жизненного цикла, *cradle-to-cradle*, показатели ресурсоэффективности, в дополнение к принципам циркулярной экономики, принципам промышленной экологии, управление материальными цепочками объединились как движущая сила новой парадигме отходов и новому дискурсу [10].

Центральное место в профилактике и сокращении выбросов занимает ключевое слово «ноль»: «нулевой углерод», «нулевой рост», «нулевой экологический след», «нулевые выбросы», «миссия ноль». «Ноль» является символом идеалистического контрапункта, «нулевые отходы» – ключевое словосочетание, которое повсеместно признано во всех языках и переводах. Маркетинг термина «ноль» становится все более актуальной – появились платформы: *Zero Waste Europe*, Международный альянс *Zero Waste*, Институт *Zero Waste*, *Zero Waste Network*, *Zero Waste San Francisco*, *Zero Waste California* и *Zero Отходы Австралии* и пр. Также было реализовано несколько массовых проектов, таких как стадион *Zero Waste Ohio*, *Zero Waste Youth*, и пр. [11]

Существует разрыв в эффективности между национальной и местной политикой по уровню управления отходами. Например, во всем мире, в каждой стране есть регионы как с низкими, так и с высокими региональными кластерами по показателям эффективности переработки отходов, в независимости от успешности по стране в целом. Было выявлено, что такие вариации обусловлены социально-экономическими факторами регионов, которые в свою очередь влияют на уровень переработки: там, где согласованность с местной властью, населением и бизнесом была достигнута, реализация эффективной политики обращения с отходами происходила быстрее и была выше в процентном соотношении, также эти регионы оказались на передовых по внедрению ресурсоэффективных решений. Реализация успешной политики по обращению с отходами часто зависит от набора инструментов экономии ресурсов, например, за счет возвращения в оборот образуемого вторичного сырья, возможности продлить жизненный цикл продукта [12]. Хотя централизованная структура управления обеспечивает более быструю реализацию директив политики, для нее существуют и ограничения, которые чаще всего подразумевают отсутствие конкретного собственника отходов в цепочке и может исключить голос акторов, представляющих интересы уже существующих технологий, МСЗ, полигонов.

Добыча полезных ископаемых субсидируются правительствами во всем мире, что маскирует истинные затраты не только с экономической, но и с социальной и экологической точек зрения. Необходимы рыночные драйверы, а также новые модели управления, стимулирования сокращения затрат сырья и увеличения использования вторичных материалов в жизненном цикле продуктов. Ресурсо- и материалоеффективность продвигаются такими

программами как ОЭСР, ЮНЕП, G8 и G20.4, которые нацелены на измерение «национального потенциала» ресурсов, анализ материальных потоков, и увеличения продолжительности жизненного цикла материалов в заданных геополитических границах и за их пределами. В конечном итоге политика управления отходами сводится к двум направлениям – централизованному (сбор первичных и вторичных материалов для превращения в продукт и формирование экополитики) и децентрализованному (распределение материалов для производств, которые становятся собственниками). Здесь существует несколько проблем: в некоторых случаях составляющие цепочку предприятия, университеты, школы, стадионы и города не контролируют производство и ограничены в вопросах управления. Другая проблема состоит в том, что цель политики обращения с отходами, направленная на сокращение ресурсов, создает в некоторых случаях дефицит и зависимость стран от импорта, с другой стороны, еще не найдены инструменты, которые влияли бы на богатые ресурсами регионы и страны, чья цель – максимизировать свои добывающие отрасли и экспорт ресурсов, и для них необходимо построение моделей устойчивого управления и развития бизнеса, которые решают проблемы трансграничной регуляции [13].

Россия – одна из стран глобального значения по уровню накопленных природных богатств, ее экологическая политика реализуется на базе экспортно-сырьевой модели экономики, где за счет использования первичных ресурсов осуществляется экономический и промышленный рост. Для России в ближайшее время не предпринимается резкой смены альтернативы на ресурсосберегающее производство, поскольку она являемся донором энергии и природных ресурсов в мировой экономике, однако по экономическим затратам на окружающую среду приближается к развитым странам, что обусловлено промышленной направленностью многих регионов, в то же время Россия имеет множество международных соглашений по покупке и использованию иностранного оборудования, привлекая опыт ведущих государств в области политики обращения с отходами. Наиболее распространенная форма взаимодействия между институтами управления отходами в России – государственно-частное партнерство, адаптируемое под местный уровень и объединенный в общую систему через создание единого информационного реестра. Российский опыт управления отходами уникален, так как перед Россией стоит задача создать стандартизированные генерализованные решения (как целевые ориентиры в рамках устойчивого развития), составленные согласно законодательству в области реализации политики обращения с отходами, с другой – принять во внимание разность в экологических, экономических и социальных условиях регионов.

Россия сочетает в себе одновременно несколько схем управления, связанных в одной системе, образуя следующие принципы управления отходами:

1) централизованное управление отходами (разработка единого закона, которому обязаны подчиняться все регионы), а также распределение юридической ответственности и закрепление юридических функций за

разными ведомствами (министерство природы, промышленности, потребительский надзор, министерство образования, а так же министерствами по различным отраслям экономики – нефтяной, металлургической, газовой промышленности и пр.). Департаменты и министерства остаются ответственными за отдельные отрасли производства и потребления, но не связаны в единую функциональную систему с единой схемой учета отходов и ответственности и переработки.

2) Федеративную систему управления отходами, куда входят 85 равноправных субъектов, которые могут по своему усмотрению вносить поправки в закон, разрабатывать свои схемы обращения с отходами, но не противоречить основному закону. Однако, плотность населения, промышленные мощности, климатические особенности, влияющие на морфологию образования отходов в России различаются также, как ресурсы переработки отходов между российскими регионами, что требует разработки локальных схем. Россия не единственная страна, где есть система федеративного управления отходами, такие схемы были реализованы США и в Австралии, но имели большую автономность и меньшее количество ответственных субъектов, поскольку начиналась с развития низовых инициатив локальных регионов и поэтому были более эффективны, так же как автономные муниципальные образования в ЕС [14].

Главный вызов в создании безотходной экономики и zero waste for Russian cities требует баланса в регулировании централизованного и локального подхода в условиях региональных экономических, социальных и географических контрастов.

Можно выделить следующие этапы *институционализации отрасли управления отходам*:

1. Возникновение потребности. В 1930-е годы XX века была сформирована советская модель циклической экономики. В 1990-е годы с падением советской власти расформировались и созданные системы правил в модели советской циклической экономики [15]. В начале 2000-х годов рост дополняется декларируемыми целями зеленой безотходной экономики, но реализации создания отрасли отдельного сбора и переработки нет.

2. Появление социальных норм и правил. Несмотря на то, что в 2014 году появляется новый ФЗ от 29.12.2014 N 458-ФЗ определение твердых коммунальных отходов (ТКО) и определение рециклинга с распределением ролей, РСО не практикуется, что является помехой в институционализации на пути к безотходной экономике. Таким образом, формальные правила с распределённой ответственностью не подкреплены системой норм наказания, что делает их нефункциональными. На данном этапе помимо экономических, и правовых недоработок нет единой технологической базы решений. Направления государственной политики в области обращения с отходами являются приоритетными в следующей последовательности: максимальное использование исходных сырья и материалов; предотвращение образования отходов; сокращение образования отходов и снижение класса опасности отходов в источниках их образования; обработка отходов; утилизация отходов;

обезвреживание отходов (п. 2 введен Федеральным законом от 29.12.2014 N 458-ФЗ).

3. Институционализация норм и правил, процедур. С 2000 и по настоящее время многие законные акты похожи на рамочные или модельные, отчасти это объясняется особенностями развития отдельных регионов и индивидуальных задач, которые им предлагается решить в отношении управления отходами [16].

4. Установление системы санкций для поддержания норм и правил.

Единственная доступная форма правовых санкций – административная и уголовная ответственность, выплата штрафов, сумма которых недостаточно строга к по отношению к долговременным и кумулятивным последствиям загрязнения окружающей среды.

5. Создание системы статусов и ролей, охватывающих всех без исключения членов института. Система статусов и ролей в векторе для устойчивого развития создается внутри старой системы. Это значит, что более высоким статусом в новой системе зеленой экономики будут обладать более экологически-ориентированные (и прибыльные для экономики) специалисты [17].

С 2015 года в системе присутствует региональный оператор, который должен взять ответственность за сбор, вывоз и утилизацию ТКО, чтобы снять данные полномочия с муниципальных властей. В 2018 году проект управления отходами дополнился новым проектом «Экология» [18]. Целевые показатели, заложенные в Стратегии развития промышленности оказались несогласованы с содержанием и реализации иерархии обращения с отходами

21 июля 2020 года был подписан указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». В соответствии с ним за 10 лет в РФ должна быть создана устойчивая система обращения с ТКО, обеспечивающая сортировку 100 % отходов и снижение захороняемых отходов в два раза, готовятся поправки в законодательство по запрещению одноразовой пластиковой посуды. В 2021–2022 гг. важным этапом в изменении политики обращения с отходами в России стало начало разработки реализации новой концепции расширенной ответственности производителей (РОП), которая позволят вернуть в оборот вторичные ресурсы, установление 100%-го утилизационного сбора за упаковку товаров, большинство полномочий сводится к РЭО, Решение о РОП принималось вместе с представителями бизнес-сектора, участвующих в процессе создания цепочки обращения с отходами – ЛУКОЙЛ, «Сургутнефтегаз», «Газпром нефть», «Сибур», «Норильский никель» и PepsiCo и других бизнес ассоциаций. Однако, частные компании не могут поддержать нововведения, поскольку у них не хватает технологических мощностей и экономических инструментов. Планки по эффективности утилизации отходов все выше, но реализация в гонке за показателями не всегда достижима. По планам правительства, Россия должна выйти на этап полной сортировки отходов к 2030 году [19], поэтому одной из ключевых тем 2021 года – стагнация при внедрении все новых и новых мер по обращению с отходами в законодательство. Так, Минприроды и Росприроднадзор зафиксировали, что за последние три года количество

объектов для переработки и утилизации отходов практически не изменилось, несмотря на то, что много проектов проходило экспертизу. Ожидается, что эти проблемы решаться в следующем году. РЭО укрепляется в статусе центрального регулятора по политике обращения с отходами в разных регионах и становится самодостаточной экосистемой со своим действующим СМИ. В августе 2021 г. На regulation.gov.ru появился законопроект Минприроды «О публично-правовой компании “Российский экологический оператор”» (ППК РЭО). Не смотря на повышение эффективности РЭО во всех регионах России, частный бизнес и труд НКО, которые до этого занимались вывозом и переработкой отходов, могли локально пострадать.

В период с 30 июня 2020 по февраль 2022 продолжается активная дискуссия между региональными операторами, представителями власти в лице Мосприроды и активными участниками бизнес – рынка относительно принятых поправок о реализации мер расширенной ответственности производителя по переработки упаковки. Оператором механизма расширенной ответственности производителя и экосбора будет налоговая служба, [20]. Дискурсивная тема мусорного конфликта с 2017 гг. от позиций население – муниципальная власть перешел к конфронтации между бизнесом, государственными представителями и РЭО. В то же время реализация плана циклической экономики носит диагностический характер, но между компаниями уже существуют устойчивые коммуникации, пересматриваются отрасли животноводства, рынок удобрений, косметическая отрасль, отдельные отрасли по переработке стекла, пластмассы, автомобильная отрасль, проблема расстановки баками для вторичной утилизации отходов, переработка гаджетов, отработанные катализаторы химических производств. Зеленая повестка все чаще соприкасается со смарт технологиями, обсуждение касается внедрения экотехнопарков, заводов по переработке отходов, создания цифрового реестра отходов, маркетплейса по продаже вторичного сырья[21]. Выделено несколько дискурсивных трендов: Тренд 1: Вектор на утилизацию, Тренд 2: «Зеленые» офисы и «чистые» технологии, Тренд 3: Эко-движение в бизнесе, Тренд 4: «Прозрачная» политика [22].

Заключение. В статье мы рассмотрели основные направления экологических политик и социально-политических дискурсов, доминирующих в мире и в России, с точки зрения распределения управляющих структур есть стремление к централизации, с точки зрения цепочки распределения ответственности могут доминировать те или иные структуры, участвующие в производстве товаров, утилизации или переработке отходов. Однако наиболее эффективна гибридная система управления, которую еще предстоит реализовать, где участвует государство, муниципальная власть, граждане, развит частный бизнес (как крупный, так средний и малый), участвует НКО, между акторами распределена ответственность и каждому отведена своя собственная роль в управлении. Политика обращения с отходами в России стремится к дальнейшему укреплению централизованной структуры управления, область ответственности смещается к РЭО, которые становятся службой одного окна, а бизнес облагается новыми требованиями при

недостаточности инфраструктуры РСО, и проработки экономических инструментов регулирования производителей товаров и переработчиков.

Литература

1. *Loorbach D., Rotmans, J.* The practice of transition management: examples and lessons from four distinct cases // *Futures*. – 2010. – 42 (3). – Pp. 237–246.
2. *Hajer M.A.* The Politics of Environmental Discourse: Ecological Modernization and the Policy Process. Clarendon Press, Oxford, 1995.
3. *Murillo-Luna J.L., Garces-Ayerbe C., Rivera-Torres P.* Why do patterns of environmental response differ? A stakeholders' pressure approach // *Strateg. Manag. J.* 29. – 2008. – Pp. 1225–1240.
4. *Paredis E.* Sustainability transitions and the nature of technology // *Found. Sci.* 2011. – 16 (23). – Pp. 195–225.
5. *Zaman A., Lehmann S.* Urban Growth and Waste Management Optimization towards 'Zero Waste City' // *City, Culture and Society*. – 2011. – № 2. – Pp. 177–187.
6. *Jørgensen U., Olsen S.I., Jørgensen M.S., Lauridsen E.H., Hauschild M.Z., Hoffmann L., Dengsøe N., Nemeskeri R.L., Bodo P., Herczeg M., Szlezak J., Vrgoc M., Villanueva A., Knudsen H.H.* Waste prevention, waste policy and innovation. IPL, 2006.
7. *Bortoleto A.P.* Waste Prevention Policy and Behaviour: New Approaches to Reducing Waste Generation and Its Environmental Impacts. Routledge, 2014.
8. *Boschma R.* Proximity and innovation: a critical assessment // *Reg. Stud.* 2005. – 39. – Pp. 61–74.
9. EC. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: towards a Circular Economy: a Zero Waste Programme for Europe. 2014b Brussels 2.7 398 final.
10. *Gago F., Antolin, N.* Stakeholder salience in corporate environmental strategy // *Corp. Gov.* № 4, 2004. – Pp. 65–76.
11. *Fairclough N., Mulderrig J., Wodak, R.* Critical discourse analysis // *Discourse Stud. A Multidiscip. Introd.* 2011. – Pp. 357–378.
12. GAIA (Global Alliance for Incineration Alternatives). On the Road to Zero Waste. Successes and Lessons from around the World, pp. 1–88, 2012.
13. *Genovese A., Acquaye A., Figueroa A., Koh S.* Supply chain management and the transition towards a circular economy: evidence and some applications. *Omega*. 2015. <http://dx.doi.org/10.1016/j.omega.2015.05.015>.
14. *Pei-Chun L., Hsin-Ning S.* Investigating the structure of regional innovation system research through keyword co-occurrence and social network analysis // *Innov. Manag. Policy Pract.* 2010. – 12 (1), pp. 26–40.
15. *Ермолаева Ю.В.* Трансформация социально-экологических практик в менталитете граждан России // Научный результат. Социология и управление. 2021. – Т. 7, № 1. – С. 104–116. – DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-8
16. *Оболенский Е.С.* Экономика мусорной катастрофы в // *Economics: научное издание*. – Москва: «Проблемы науки», 2019. – № 39. С. 30–37.

17. Гордин И.В., Лучшева В.В., Новожилова Ю.С., Радыно И.А. Дилемма интенсивных и экстенсивных технологий в проблеме твёрдых коммунальных отходов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук: ежемесячный научный журнал. – г. Новосибирск: ООО «Капитал», 2019. – № 3–2 (март). – С. 37–40.

18. Ермолаева Ю.В. Zero-waste мегаполисы в России: реализация эффективной схемы управления отходами в России по данным экспертного опроса на примере Москвы и Казани: научная статья // «Научный результат»: научное издание. – г. Казань: НИУ «БелГУ», 2019. – № 1 (март). – С. 96–108.

19. Паспорт нацпроекта «Экология» на официальном сайте Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. – URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/directions/natsionalnyu_proekt_ekologiya/ (дата 25.04.2022).

20. В региональную программу по отдельному сбору мусора вложат миллиард рублей. – URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20211006/sbor-1753297111.html> (дата 25.04.2022).

21. «РТ-Инвест» поспорила с госкомпанией об уровне сортировки мусора в России. – URL: <https://www.rbc.ru/business/12/01/2022/61dda7bd9a7947c886be69ea> (дата 25.04.2022).

22. Жителям Подмосковья рассказали о борьбе с незаконным вывозом отходов. – URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20211124/podmoskove-1760585546.html> (дата 25.04.2022)

ТРАЕКТОРИЯ САМООРГАНИЗАЦИИ ЛОКАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В СИТУАЦИИ ОСПАРИВАНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КАЗАНИ)

Колюшкина Мария Валерьевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В данной статье будут рассмотрены стадии становления и развития организации локального сообщества в г. Казань, а также механизмы и аргументы оспаривания городского пространства, которые используются представителями этого сообщества. Данные изучения будут основаны на эмпирическом случае: самоорганизация локального сообщества в посёлке Старые Горки.

Ключевые слова: самоорганизация, локальное сообщество, оспаривание пространства, реакция на ситуацию.

В последние годы интересы жителей российских городов сталкиваются с интересами городских властей, инвесторов или достаточно влиятельных граждан, способных приобрести его за собственные деньги. Для них данное пространство представляет собой уникальную возможность для развития города и привлечения новых инвестиций или для привлечения прибыли, тогда как для горожан – это место постоянного проживания. Однако многих

представителей градостроительных центров не волнует положение граждан в таких ситуациях, из-за чего между группами возникает социальное напряжение, которое в определенных случаях приводит к развитию конфликта. Данная проблема актуализировалась в условиях пандемии, когда население в силу самоизоляции, оказалось ограниченным в использовании традиционных механизмов гражданского активизма и было вынуждено погружаться в цифровую среду [5].

Граждане, живущие на определенной территории, вынуждены самостоятельно противостоять навязанным властями и инвесторами изменениям городского пространства. При этом демонстрация протеста выражается несколькими способами самоорганизации. Инициативные группы, в которые объединяются жители, имеют различные масштабы, уровни устойчивости и стадии становления. Одни выражают свою активность внутри собственного микрорайона, другие выходят за его пределы – на городские площади, призывая большее количество людей и формируя новые сообщества, готовые решать проблемные ситуации. Если небольшие объединения на начальных стадиях своего развития получают эффективные результаты, то их становление приводит к организации целого общества. Если наоборот, то группы возвращаются к своему динамичному состоянию.

Применение различных стратегий и практик оспаривания пространства говорит не только об устойчивой организации представителей локальных сообществ, но и об умении выражать свою позицию относительно конфликтной ситуации перед властями и другими участниками потенциального изменения территории. Кроме того, они вынуждены ограничиваться в выборе механизмов борьбы, тогда как возможности сильных групп интересов более расширены.

Таким образом, отсутствие согласованных механизмов на начальных стадиях разработки планов по трансформации территории приводит к столкновению социальных интересов и, соответственно, возникновению конфликта на основе социальной напряженности, где целью каждой стороны будет успешное оспаривание городского пространства.

В качестве теоретического основания исследования были выбраны теория режимов вовлеченности Л. Тевено и теория модальности действия в кризисной ситуации А.О. Хиршмана. Теория режимов вовлеченности Л. Тевено дает понять, какие режимы использует каждая сторона в рамках оспаривания городского пространства. Режимы вовлеченности – это социальные действия индивидов, в основе которых лежит прагматическое испытание, или «испытание реальностью», и результат которого не может быть известен заранее. Л. Тевено выделяет:

- режим близости – это режим, «в рамках которого человек постоянно использует локальные ориентиры в целях регуляции своей вовлеченности в близкие отношения со своим окружением» [11, с. 11], то есть в его основе лежит привязанность и индивидуальные формы вовлеченности;
- режим планового действия представляет собой рациональное действие индивида, которое связано с функциональным восприятием окружающего мира, необходимым для достижения целей;

- режим публичного обоснования характеризуется инициативной деятельностью индивида в общественном пространстве и публичным обоснованием своей позиции об общем благе.

Данная теория позволяет рассмотреть побуждения граждан, то есть в контексте каких режимов вовлеченности проявляется борьба, и какое соотношение они имеют с модальностями действия в кризисной ситуации А.О. Хиршмана.

Теория предлагает проанализировать три варианта реакции представителей локального сообщества в проблемной ситуации:

- «выход», как аналог физиологической реакции бегства, представляет собой смену субъекта, принимающего решения относительно ситуации;

- «протест» – открытое публичное заявление своего недовольства либо субъекту, принимающему эти решения, либо общественности в целом, то есть это возможность индивида донести свою точку зрения;

- «лояльность» – пассивное принятие возникшей ситуации, несмотря на ухудшение условий, это наименее энергозатратный вариант реакции.

Эмпирическое исследование представлено современным случаем оспаривания пространства в южной части города Казани, где расположен жилой массив Старые Горки с малоэтажными застройками. Несмотря на длинную историю возникновения и преобразования от деревни Гора до поселка с новым названием уже в настоящее время, эта территория не раз подвергалась потенциальной трансформации со стороны сильных групп интересов. В связи с этим начали создаваться сообщества, представители которых выступают против каких-либо изменений. Эти сообщества, используя различные инструменты оспаривания городского пространства, проходят стадии развития и совершенствования своей организации.

Большое количество внешних факторов оказывали и оказывают отрицательное воздействие на развитие и существование Старых Горок. Именно месторасположение поселка не дает его жильцам расслабиться и быть уверенными в защите своих участков и домов от инвесторов и строительных компаний, готовых преобразовать местность под свою выгоду. Уже в советский период часть территории поселка попала под застройку многоквартирных панельных домов. Людям пришлось уступить городской администрации и предоставить свои участки. Так, пострадали домовладения четырех улиц, расположенных в северо-восточной части Старых Горок. Улицы сносили либо целиком, либо только одну их сторону. Коренные жители вспоминают эту ситуацию, когда речь заходит об отправной точке развития проблемы, связанной со сносом поселка: *лет 70 назад, еще в советские дальние времена, по слухам родственников, не разрешали здесь строиться, потому что знали, что сносить будут (информант 2).*

Организации со стороны жителей тогда еще не было. Они не выступали против перевода территорий жилых массивов из зон индивидуальной и малоэтажной застройки в зоны многоэтажных застроек и, соответственно, сноса их владений в связи с хорошей материальной компенсацией за участки и дома (рыночная стоимость тогда была удовлетворительной) и желанием

переехать в квартиры, которые были лучше благоустроены. Вероятно, такое отношение жителей поселка позволило другим частным застройщикам в будущем вновь пытаться занять территорию.

Периоды конфликтных ситуаций начались в 2008 году. Именно в это время жильцы домов начали организовываться. Сначала была создана небольшая инициативная группа активистов, которая выступала в лице всего поселка. Их деятельность проходила в режиме планового действия, который характеризовался наличием главной решительной личности, осуществляющей точное и схематичное планирование этапов решения проблемы. Затем группа начала увеличиваться, превращаясь в единое сообщество, готовое защищать свое пространство. Люди самостоятельно вступали в ряды активных граждан.

Интервьюер: Приходилось ли агитировать жителей для вступления в ряды активистов?

Информант 5: Нет, повлиять на тех, кто был «за» снос уже нельзя было.

Оставались жители, которые были за снос частного сектора, и те, кто имел нейтральное положение относительно возникшей проблемы. Если первые готовы были скорее продать свои участки, то вторые не принимали участия в связи с ожиданием какого-либо решения: *даже дом строить не хотели, потому что думали, что старый дом снесут и всё (информант 4)*. Такая позиция жителей была далеко не единичным случаем. Так, семьи, имевшие детей почти или уже совершеннолетнего возраста, задумывались не только о своем будущем:

Интервьюер: То есть вы готовы были пожертвовать своим домом ради хорошей материальной компенсации для каждого члена семьи?

Информант 8: Да.

Следует также заметить, что изначальные действия в рамках движения NIMBY, которые характеризовались самостоятельными протестными инициативами, все же привели локальных активистов к необходимости создания социальных сетей с другими сообществами с целью обмена опытом и полезной информацией.

Интервьюер: Объединялись ли вы с другими сообществами, существующими в Казани?

Информант 1: Сейчас вот в нашей группе вот эти четыре поселка:

Калиновский, Воскресенский, Первомайский и наш. Нас объединила общая проблема сноса.

Массовость такого протеста привела не только к более эффективному результату деятельности инициативных групп, но и созданию общего комитета из двадцати уполномоченных представителей жителей жилых массивов Старые Горки и Первомайский, выступающих в рамках публичного обоснования.

Начальная реакция каждого жителя поселка в ходе назревающего конфликта не менялась. Та часть граждан, которая не предпринимала каких-либо действий и, соответственно, занимала позицию «лояльности», все время оставалась в стороне:

Интервьюер: Вы не хотели принимать участия в публичных мероприятиях?

Информант 9: Может, и хотели, но ничего для этого не делали.

Тогда как остальная часть готова была всеми силами пойти на компромисс с инициаторами внесения изменений в карту зон градостроительных регламентов.

Представителем сильной группы интересов тогда выступало общество с ограниченной ответственностью, которое ранее занималось застройкой другого поселка. Именно оно предложило провести подобную трансформацию территории жилого массива Старые Горки.

Не оставались в стороне и городские власти, которые наряду со строительной компанией хотели построить многоэтажные дома и даже провести через частный сектор автомобильную дорогу. Это говорит об объединении интересов двух сильных групп и их содействии друг с другом. Однако организованная группа не только не прекратила свои действия, но и увеличила свои шансы на победу, придя на публичное слушание с большим количеством жителей, выступающих против изменения их собственной территории: *на эти слушания пришло, с двух жилых массивов, около пятисот человек (информант 11)*. Такая массовость является далеко не последним примером в истории организации жителей: *благодаря неравнодушным жителям наших жилых массивов, всех четырех, мы собрали за одну неделю 1393 заявления (информант 11)*.

В последующие периоды оспаривания городского пространства инициативная группа вновь вернулась к старому составу – небольшому количеству активистов. Они реагировали на каждое событие протестными действиями, показывая постоянную готовность. При этом та доля жителей, которые ранее выражали свое несогласие относительно изменений, тоже были способны осуществить быструю кооперацию в рамках публичного обоснования. В связи с этим основу их сплочения представлял режим близости, который характеризовался взаимной привязанностью между жителями поселка и знакомой, привычной средой.

Содействия со стороны администрации города слабой группе интересов получить так и не удалось даже в последний период возобновления их проблемы. Тогда жителями был предложен вариант использования свободной зеленой зоны на территории поселка для строительства детского сада. Местных властей это не устроило. *«Размещение детского дошкольного учреждения или иного социального объекта, связанного с работой с детьми, вблизи дорог с повышенной интенсивностью движения, ведущей к высокому уровню шума и загазованности, неприемлемо, – заявляет мэр Казани Ильсур Метшин. – В настоящее время исполкомом Казани рассматриваются иные варианты дальнейшего использования данного земельного участка» [16]*. Основным выводом этого постановления послужили слова респондента: *либо вы, либо детские сады (информант 11)*.

Таким образом, группа активистов прошла несколько стадий своего становления: от групповой динамики, которая представляла собой небольшое

число жителей поселка, до организованного сообщества, готового и умеющего решать проблемы любого характера. Увеличение эффективности на каждом этапе развития группы поспособствовало ее сохранению и появлению взаимной поддержки не только внутри этого сообщества, но и между сообществами других поселков.

Модель оспаривания городского пространства включает в себя, помимо организационной группы, механизмы и аргументы, которые были использованы ее представителями в разные периоды становления и развития сообщества. Если на каждой стадии оспаривания присутствовали свои механизмы, то аргументы против изменения территории сохранялись из года в год.

Инициативная группа активистов начала свою деятельность в рамках действия «протеста», выступая на публичных слушаниях и представляя интересы тех жителей жилого массива, которые не готовы мириться с предложением сильной группы интересов по трансформации территориальных зон: *выступающих от нас было порядка 17-ти записанных человек (информант 11).*

Следует отметить, что эффективность результатов публичных выступлений зависела и от той части жителей посёлка, чья активная деятельность заключалась в общем сборе подписей против сноса и поддержке во время самого слушания. *Собрали 300–400 человек, взяли вот эти вот подписи и пошли решать вопрос (информант 12).* Это заставило главу исполнительного комитета не только удивиться, но и принять решение в пользу слабой группы интересов. Однако его слова о прекращении потенциальных изменений остались без письменного подтверждения, чего активисты жилого массива начали добиваться в последующие два года, отправляя обращения к различным органам власти: от мэра города до президента Российской Федерации.

Массовое собрание в виде пикета было проведено при содействии представителя сильной группы интересов, занимающего противоположную органам власти позицию относительно изменений поселка. Организация была осуществлена законно и в присутствии средств массовой информации. Целью этого пикета было сообщение о проблемной ситуации депутатам города Казани: *пикет был перед казанской городской ратушей в день проведения сессии казанской городской думы. Мы вышли, то есть мы раздавали листовки, депутатам совали их. Были такие достаточно кричащие плакаты, но все в рамках закона, соответственно. К нам вышел теперь уже бывший руководитель исполнительного комитета города Казани со своими помощниками. Он пытался въехать в проблему. Мы ему рассказали, он удивился (информант 11).* Данный инструмент воздействия позволил жителям поселка не только вновь объявить о себе, высказав мнение, но и получить возможность лично обсудить варианты решения проблемы.

Постоянные столкновения с проблемой и попытки ее решения привели к тому, что у активистов появилась возможность иметь поддержку со стороны представителей партий. Так, КПРФ занялся организацией и проведением

митинга, чтобы массовое присутствие граждан на одной территории носило легитимный характер.

В связи со слабой организацией в последний период оспаривание осуществлялось одним или лишь несколькими жителями поселка. Их действия колебались от присутствия на публичных слушаниях и выступлений до индивидуальных пикетов. Причем пикет был проведен с целью строительства дошкольного учреждения без совершения сноса домов и изменения участков. Однако такой вариант был неэффективным.

Разнообразны аргументы жителей против изменения территорий. Те, кто имел многолетний опыт проживания в квартирных домах, не готовы возвращаться к прежним условиям и отсутствию собственной земли, на которой можно построить необходимые сооружения: *люди привыкли уже жить на СВОИХ участках, в СВОИХ домах (информант 6)*. Немаловажным являлось и то, что в данное место проживания было вложено большое количество финансовых средств: *мне обидно то, что мы провели вот все за свои деньги. Эти деньги мне, на самом деле, жалко. За газ сколько мы денег отдавали! Когда там проводили даже телефоны, тоже всё за платное. Там по 17–18 тысяч было (информант 3)*. *Мы переехали сюда несколько лет назад, а до этого строились долго (информант 10)*. Соответственно, предложенная материальная компенсация никак не покрывает те средства и то время, что было отведено на благоустройство жилья.

Глава комитета поселков Старые Горки и Первомайский видел же в этой проблеме присутствие коррупции. Именно поэтому своими действиями (два года он отправлял обращения органам власти) он хотел увидеть подлинное постановление о прекращении потенциальных внедрений на территории поселка:

Интервьюер: Какие аргументы вы проводили против сноса поселка?

Информант 12: Чувствовал то, что это идет какая-то коррупция, связанная с мэром города, Государственной Думой и строительной компанией. Мэр и Дума от постройки вот этих домов имели бы какую-то копейку.

Следует отметить, что каждый период обострения проблемы лишь усугублял ситуацию. Жители, несмотря на отступление сильных групп интересов, постоянно ждали прихода других строительных компаний или разработок новых генеральных планов по изменению территории. *Я, наверно, четыре года (после первого периода оспаривания пространства) выписывал Вестник, читал всё. То есть я боялся, что они опять придут (информант 11)*. Они все еще считают, что вероятность их сноса присутствует, поэтому организационная группа не распадается, продолжая увеличивать свой состав и готовиться к будущим наступлениям.

Таким образом, использование слабыми группами различных механизмов оспаривания городского пространства в рамках режима публичного обоснования говорит об умении жителей логично и аргументировано обосновать свою позицию и достичь результата, который удовлетворяет их общий интерес. Несмотря на содействие со стороны сильной группы интересов, чья роль была минимальной, представители жилого массива смогли в полной

мере самостоятельно организоваться и осуществить свою деятельность, прибегая к действию «протеста», как к основному механизму. Вероятно, отсутствие выбора реакции «лояльности» большим количеством жителей поселка позволило бы решить проблемную ситуацию раньше, но именно поэтому активисты смогли показать значимость долгих упорства и борьбы за каждый участок территории жилого массива.

Данные эмпирического исследования показывают, что на самоорганизацию локального сообщества влияют следующие условия: наличие активных представителей, которые отстаивают интересы всего сообщества, объединение с другими инициативными группами или локальными сообществами, имеющими схожие проблемы, и наличие некоторого опыта коллективного действия. Все эти условия позволят сообществу пройти через латентные и полуорганизованные стадии групповой динамики к единой организационной группе.

Таким образом, типичная траектория самоорганизации локального сообщества представляет собой несколько периодов, которые необходимо пройти ее представителям:

- групповая динамика, состоящая из неопределенного числа людей, которых объединяет общая цель;
- инициативная группа, предпринимающая попытки к решению проблемной ситуации;
- локальное сообщество – устойчивая группа, имеющая опыт оспаривания городского пространства.

Достижение каждого периода основывалось на использовании механизмов, приносящих эффективный результат представителям группы. Так, выбор протестных действий в рамках режима публичных обоснований позволил не только добиться поставленных целей, но и набрать необходимый опыт.

Наличие социальных связей, как с представителями других слабых групп, так и с сильной группой интересов играет немаловажную роль при становлении сообщества, так как поддержка со стороны содействующих индивидов усиливает возможности локального сообщества при решении проблемы. Это и передача информации относительно ведения конфликтной ситуации, и помощь в проведении публичных мероприятий.

Делая выводы по эмпирическому исследованию на основе теоретико-методологической базы, можно сказать, что изученная группа жителей поселка разделилась на принимающих и не принимающих участие. Соответственно, последние, избравшие действие «лояльности» (А.О. Хиршман), находились в стороне от происходившей ситуации. Тогда как протестующие прибегали к различным механизмам оспаривания пространства, в полной мере используя возможности режимов вовлеченности Л. Тевено.

Организационное локальное сообщество прошло не только те три стадии, которые были выделены в ходе эмпирического исследования, но и через режимы, представленные французским социологом. Так, деятельность в режиме планового действия, носившая рациональный и функциональный

характер, переходила к режиму публичного обоснования, где индивиды имели право высказываться и отстаивать свою точку зрения. Режим близости же говорил о родном окружении и привязанности между представителями слабой группы интересов. Он характерен для каждого периода оспаривания пространства, так как жители находятся в непосредственном отношении и контакте друг с другом.

Таким образом, модель оспаривания городского пространства включает в себя противоположные конфликтные стороны: сильные и слабые группы интересов, различные механизмы и аргументы, с помощью которых решаются проблемные ситуации, и позиция, принимаемая представителями, как сильной, так и слабой группы интересов.

Литература

1. Абрамова Е.В. Публичная сфера, городское пространство и новые медиа // *Философский журнал*. – 2012. – Т. 2, вып. 9. – С. 79–86.
2. Болтански Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов: книга. – Москва: Новое литературное обозрение, 2013. – 576 с.
3. Вербилевич О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал // *Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади*. – 2013. – С. 35–52.
4. Деловая электронная газета «БИЗНЕС Online». – URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/413928> (дата обращения: 13.02.2022)
5. Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Озерова К.А. Гражданский цифровой активизм и социальная эксклюзия в условиях вынужденного погружения в цифровую среду // *Вестник экономики, права и социологии*. – 2021. – № 1. – С. 124–128.
6. Ледяев В. Г. Теория городских политических режимов // *Социологический журнал*. – 2006. – № 3–4. – С. 46–68.
7. Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп: книга. – Москва: Фонд Экономической Инициативы, 1995. – 165 с.
8. Официальный сайт «Казань». – URL: <https://kzn.ru/meriya/press-tsentr/novosti/na-ekosove..> (дата обращения: 13.02.2022)
9. Официальный сайт «ТатЦентр». – URL: <https://tatcenter.ru/news/ispolkom-kazani-vyкупit-75-..> (дата обращения: 13.02.2022)
10. Официальный сайт «Idel.Реалии». – URL: <https://www.idelreal.org/a/29237277.html> (дата обращения: 13.02.2022)
11. Тевено Л. Прагматика познания. Введение: исследование связи между познанием, коллективностью и практикой // *Социологический журнал*. – 2006. – № 3–4.
12. Тыканова Е.В. Стратегии и тактики оспаривания городского пространства группами интересов (на примере конфликтов вокруг городского развития в Санкт-Петербурге) // *Вестник СПбГУ. Серия: 12*. – 2013. – Вып. 1. – С. 103–110.

13. Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества: книга. – Москва: Весь Мир, 2016. – 344 с.

14. Хиршман, А.О. Выход, голос и верность: реакция на упадок фирм, организаций и государств: книга. – Москва: Фонд Либеральная миссия; Новое издательство, 2009. – 156 с.

15. Шульц Э.Э. Теория социальных движений: проблемы теории и практики // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 4. – С. 23–29.

16. Электронная газета «Аргументы и факты». – URL: https://kazan.aif.ru/society/details/v_kazani_zhiteli.. (дата обращения: 13.02.2022).

17. Электронная газета: «Вечерняя Казань». – URL: <https://www.evening-kazan.ru/articles/a-mer-protiv-zh..> (дата обращения: 26.03.2022)

СТРУКТУРА РОССИЙСКОЙ ОНЛАЙН-БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА БОЛЬШИХ ДАННЫХ (СООБЩЕНИЙ И ПРОФИЛЕЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)

**Мищенко Екатерина Сергеевна,
Кашпур Виталий Викторович
Мундриевская Юлия Олеговна**

Томский государственный университет, Томск, Россия

Аннотация. Данная работа содержит в себе исследование структуры российской онлайн-благотворительности на примере социальной сети «ВКонтакте» с применением инновационных методов работы с большим объемом данных. Определены классы субъектов российской онлайн-благотворительности, принципы организации взаимодействия субъектов онлайн-благотворительности, типы их деятельности, а также рассмотрена информационная активность данных субъектов.

Ключевые слова: онлайн-благотворительность, субъекты онлайн-благотворительности, социальная сеть, анализ естественного языка, социально-сетевой анализ, индекс информационной активности.

Введение. Социальная значимость благотворительности заключается в том, что она обеспечивает гармонизацию интересов различных социальных и политических групп. Уровень развития благотворительной деятельности является одним из индикаторов социального здоровья общества, следовательно, данная тема всегда была и остается актуальной для общества.

В последнее время благотворительность начала активно развиваться в социальных сетях. С одной стороны, благотворительная активность в традиционной форме – достаточно понятное явление, которое давно подвергается анализу, с другой стороны, благотворительная активность именно в социальных сетях – явление новое, до сих пор мало изученное, но,

безусловно, актуальное для понимания современного процесса коммуникации, т. к. является распространенным (многопользовательским), удобным, оперативным, а также способно расширять географию участников благотворительных сообществ.

В связи с представленностью благотворительности в новом коммуникативном пространстве актуализируется потребность в изучении ее структуры. В рамках настоящего исследования предлагается рассмотреть следующие вопросы:

- Каковы субъекты онлайн-благотворительности в России;
- Какие типы деятельности реализуют субъекты онлайн-благотворительности;
- Каким образом организовано взаимодействие субъектов благотворительности;
- Какова информационная активность субъектов благотворительности.

Цель исследования – определить структуру российской онлайн-благотворительности: выделить основные субъекты онлайн-благотворительности, их взаимосвязь, основные типы деятельности и информационную активность.

Объектом исследования выступает благотворительность в онлайн пространстве.

Предметом – структура российской онлайн-благотворительности.

Под понятием «структура» мы предполагаем совокупность элементов онлайн-благотворительности: субъектов благотворительности, их взаимосвязей, типов деятельности и активности.

Феномен онлайн-благотворительности. Изучение благотворительности в социальных сетях Интернета находится в самом начале. В литературе отмечается, что феномен интернет-благотворительности является относительно новым и связан чаще всего с частными пожертвованиями [13; 15]. Платформы онлайн-пожертвований становятся все более важными для некоммерческих организаций, позволяя им достичь более широкой целевой группы доноров при относительно небольших затратах [18]. Исследователи, анализируя благотворительные онлайн-платформы, отмечают, что их структура устроена таким образом, что жертвователи могут не только направлять свои средства на определенные цели конкретным организациям, но также и получать обратную связь от тех, кому помогли, и отслеживать, как использовались пожертвованные ими деньги. Таким образом, такой механизм делает благотворительный акт более прозрачным [18; 19].

Объектами онлайн благотворительности становятся либо традиционно те, кто оказался в трудной жизненной ситуации и реально нуждается в помощи, либо помощь оказывается в реализации талантов, в поддержке проектов и т. д. С последним связаны практики краудфандинга – финансирование проекта путем подачи пожертвований через Интернет [14]. Однако, помимо прямых финансовых отчислений, желающие помочь также могут представлять идеи инновационных проектов, исследований, которые

направлены на решение социальных проблем и могут быть профинансированы.

В целом для современных исследований характерно отношение к информационно-сетевым формам благотворительности как техническим средствам расширения возможностей благотворительной деятельности [8] на основе либерально-экономического мейнстрима. Собственная социально-экономическая специфика безвозмездности и взаимопомощи в этой среде не получила еще должной вербализации в исследовательской литературе, кроме той, что связана с большей прозрачностью и возможностью получения обратной связи от тех, кому предназначаются мобилизуемые денежные средства [18; 19]. Тем не менее, кроме подобных технических аспектов Интернет-благотворительности, в исследованиях отмечается особенность новой среды в контексте готовности ее участников (до $\frac{3}{4}$) к совершению бескорыстных действий разной степени интенсивности [9].

Благотворительные организации, выходя в онлайн-пространство, получили инструмент, который связывает и организует десятки тысяч волонтеров по всему миру, в считанные минуты. Кроме того, крупнейшие IT-компании и разработчики приложений для мобильных платформ облегчают задачи благотворительных организаций, создавая специальные приложения, позволяющие благотворительным организациям напрямую контактировать с потенциальными благотворителями и устанавливать контакты между собой. Например, компания «Яндекс» в 2011–2012 годах выпустила приложения для социальных сетей «Facebook» и «ВКонтакте», в которых можно делать пожертвования на любые цели, а также выступать организатором таких пожертвований [3]. По данным Фонда поддержки и развития филантропии «КАФ» в 2020 году доля онлайн-жертвователей впервые превысила долю людей, жертвующих наличные деньги (43 % против 39 %) [10]. В связи с чем становится актуальным интерес исследователей к теме благотворительности в онлайн-пространстве.

В 2015 году российские ученые О.Н. Быкова, М.О. Ольховская и Д.А. Профатиллов исследовали краудфандинг как один из разновидностей онлайн-благотворительности. Они провели анализ краудфандинговых платформ и определили, что наибольшие суммы на платформе Kickstarter жертвуют в технологические проекты (\$85,68 тыс. на один проект), игры (\$54,84 тыс. на один проект) и дизайн (\$49,23 тыс. на один проект). Было определено, что краудфандинговые площадки являются реальной возможностью для запуска инновационных проектов, однако в России такие площадки не пользуются популярностью и не собирают необходимые для реализации проекта суммы «по причине низкого уровня благосостояния и недостаточного доверия к подобного рода проектам» [1, с. 63].

Также изучением российского краудфандинга занимается молодой ученый РАНХиГС – Александра Латышева. Она утверждает, что краудфандинг является не только бизнес-инструментом для сбора средств на запуск инновационных проектов и элементом альтернативной экономики, но

и имеет социокультурное значение, заключающееся в нематериальной мотивации пользователей площадок по сбору средств на «стартапы».

Проводимые исследования свидетельствуют, что «краудфандинг позволяет людям с общими интересами объединить свои усилия и финансы для создания продукта или услуги, ценного для них» [5]. Администрация российской краудфандинг-платформы Planeta.ru отмечает, что «по сборам лидируют творческие проекты, в основном, в категориях “кино” и “музыка”» [16]. Также данная платформа содержит раздел «Благотворительность», где благотворительные фонды могут открыть сбор пожертвований, который не требует сервисных сборов. Согласно статистике платформы за 2016 год около половины всех открытых заявок собирают необходимую заявленную сумму.

Таким образом, краудфандинг-платформы, созданные для поддержки инновационных проектов, приобретают новую ценность для жертвователей – возможность помочь в решении социальных проблем. Причем многие меценаты не просят взамен материальное вознаграждение, им достаточно быть приобщенными к проектам. Поэтому мы рассматриваем краудфандинг как площадку для развития благотворительности.

Ученые из Высшей школы экономики И. Корнеева и А. Брюхно в своей статье «Онлайн-фандрайзинг в российских НКО: масштабы и влияющие факторы» рассматривают уровень развития российского онлайн-фандрайзинга, направленного на сбор средств на некоммерческие и благотворительные проекты, и значимость факторов, способствующих и препятствующих его использованию [4].

Авторы отмечают, что темпы роста количества Интернет-пользователей в России ежегодно продолжают увеличиваться, а пожертвования через онлайн-платформы становятся все более частым явлением. Также исследователи отмечают ряд особенностей онлайн-площадок как необходимого условия в благотворительной сфере: отсутствие географических ограничений, относительная дешевизна и отсутствие временных ограничений на получение пожертвований, обеспечение прозрачности деятельности некоммерческого сектора, интерактивность как особый способ коммуникации с потенциальными жертвователями, а также возможность анализа поведения доноров.

Было определено, что онлайн-меценаты моложе и жертвуют большие суммы, по сравнению с традиционными, из чего можно сделать вывод, что совмещение традиционных и онлайн-сборов средств на благотворительность обеспечивает наибольший охват жертвователей.

Однако «Мониторинг состояния гражданского общества НИУ ВШЭ» [2] в 2018 г. показал, что только треть российских некоммерческих организаций использует инструменты онлайн-фандрайзинга в своей деятельности, в отличие от общемировой статистики (72 % НКО в мире, в среднем, используют онлайн-инструменты для привлечения пожертвований). Установлено, что наиболее популярными платформами для сбора онлайн-пожертвований являются социальные сети («ВКонтакте», «Facebook»,

«Одноклассники» и т. д.), вторым по популярности способом сбора средств является email-рассылка и журналистский фандрайзинг, менее востребованным оказался сбор через собственный web-сайт. Стоит отметить, что эти методы привлечения средств, по мнению респондентов, являются также самыми эффективными как для их деятельности, так и для некоммерческого сектора в целом. Наименьшее количество руководителей НКО применяют в своей деятельности краудфандинг-платформы, и лишь единицы используют мобильные приложения, каналы в мессенджерах, чат-ботов, интернет-аукционы и электронные деньги.

Среди исследований в области благотворительности интерес представляют работы Мерсияновой Ирины Владимировны – директора Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ.

Совместно с коллегами Л.И. Якобсоном и С. Теплер, И.В. Мерсиянова опубликовали статью по результатам работы над проектом «Адаптация современных подходов к менеджменту НКО и повышение эффективности развития третьего сектора в России» [11]. В статье авторы рассмотрели современное состояние российской благотворительности, ее эволюцию, начиная с имперского периода по настоящее время, сравнили отечественную филантропию с зарубежной благотворительностью, а также определили масштабы современного некоммерческого сектора и его взаимоотношения с государством, рынком и гражданским обществом [12].

Исследователи отмечают, что Эндаумент-фондов в России куда меньше, в сравнении с зарубежными странами, что, по мнению ученых, связано с современными законами страны. Более того, уровень доверия к НКО достаточно низок после событий 90-х годов, когда экономические реформы в значительной степени отодвинули на второй план зарождающийся «третий сектор» в целом.

Стоит отметить, что в данной работе авторы рассматривали присутствие НКО в онлайн-пространстве, отметив, что около половины найденных фондов поддерживают свой веб-сайт, а 41 % ведет свою социальную сеть. Примерно каждый четвертый публикует отчеты о проведенных мероприятиях (25 %) и годовые отчеты о результатах деятельности (21 %), и только 13 % составляют финансовые отчеты. Несмотря на анализ некоммерческих организаций в онлайн-пространстве, в работах И.В. Мерсияновой используются традиционные исследовательские методы: анализ документов (государственной статистики, данных социологических исследований, баз российских нормативно-правовых актов, источников историко-правовой информации и пр.) и математические методы обработки данных.

Таким образом, в опубликованных статьях рассматриваются особенности онлайн площадок, определяются формы взаимодействия между НКО и потенциальными благотворителями, анализируется эффективность деятельности благотворительных сообществ. Тем не менее, следует отметить, что в исследованиях не представлена структура российской

благотворительности в онлайн-пространстве, кроме того, исследователи используют традиционные методы анализа.

Методика исследования онлайн-благотворительности. Переход благотворительности в онлайн-пространство требует современных, новаторских методов исследования. К таким методам можно отнести: анализ естественного языка (NLP), сетевой анализ (SNA), а также разработанный в 2018 году Лабораторией наук о больших данных и проблемах общества ТГУ индекс активности онлайн-пользователей.

По данным SimilarWeb, в России самой популярной (многопользовательской) социальной сетью является «ВКонтакте». Исходя из этого, именно сайт vk.com стал основой для получения эмпирических данных, необходимых для проведения исследования.

На первом этапе необходимо определить основные субъекты благотворительной деятельности. Для этого через систему «Крибрум» было найдено и выгружено 2 537 890 сообщений в социальной сети «ВКонтакте» с апреля по октябрь 2018 года, которые содержали контент, связанный с благотворительностью.

Полученные сообщения с помощью метода анализа естественного языка были отсортированы на «чистые» данные (29 %) и «мусор» (71 %), содержащий спам, акции, розыгрыши и прочее. Далее среди «чистых», необходимых для анализа данных, удалось выделить 3 типа сообщений: инфоповод (информация о деятельности организаций), призыв к распространению сообщений и информационное освещение конкретных событий. Анализ естественного языка (NLP) заключался в написании специального кода, который на основе обучающей выборки, размеченной вручную, позволяет производить автоматическую классификацию сообщений по заданным параметрам. Опытным путем удалось установить, что точность автоматической разметки составляет около 86 %.

Дальнейший анализ выгруженных постов, относящихся к «чистым» данным, позволил выделить классы субъектов российской благотворительности. Первый класс субъектов благотворительности – институциональный, в него вошли официально существующие, формальные организации: благотворительные фонды, НКО и инициативные группы. Удалось выделить среди опубликованных за исследуемый период постов 7 035 институциональных субъектов. Ко второму классу субъектов российской благотворительности отнесены индивидуальные субъекты: активные жертвователи, а также частные лица, призывающие помочь путем публикации на своих страницах характерных постов. Таких оказалось 167 792 человека. Примечательно, что количество индивидуальных субъектов практически в 24 раза превышает институциональные, что, вероятнее всего, характерно именно для онлайн-пространства. Далее рассмотрим основные характеристики выделенных классов субъектов онлайн-благотворительности.

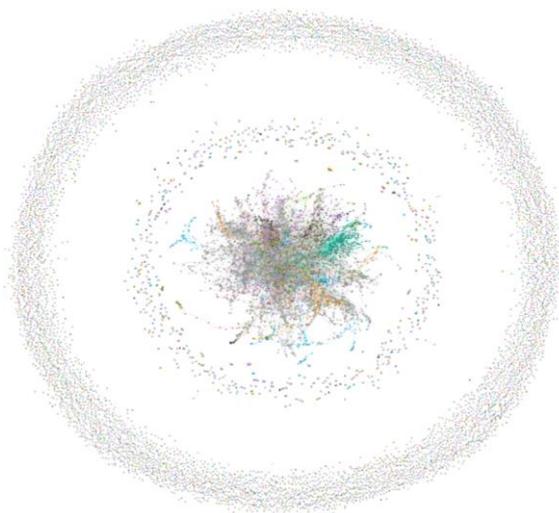

Рис. 1. Сеть индивидуальных субъектов благотворительности

На Рисунке 1 представлена сеть индивидуальных субъектов благотворительности, созданная с помощью программного обеспечения «Gerhi». На графе можно увидеть, каким образом индивидуальные субъекты взаимосвязаны между собой фактом «дружбы» в социальной сети «ВКонтакте». Данная сеть имеет 3 явных уровня:

- Ядро – плотно взаимодействующие субъекты;
- Периферия – взаимосвязаны между собой малыми группами, но не с ядром;
- Изолянты – субъекты, существующие отдельно, не скрепленные фактом дружбы ни с кем из найденных частных благотворителей.

Данная сеть помогла определить топ-10 регионов с активными индивидуальными субъектами (табл. 1). Наибольшее количество активных индивидуальных субъектов онлайн-благотворительности зарегистрировано в Санкт-Петербурге, Москве, Челябинской области, Пермском крае, Свердловской, Самарской и Нижегородской областях, Республике Башкортостан, Московской области и Республике Татарстан.

Таблица 1

Топ-10 регионов с активными индивидуальными субъектами

	Регион	Кол-во активных субъектов	%
1	Санкт-Петербург	11194	7,3 %
2	Москва	9156	6,0 %
3	Челябинская область	5458	3,6 %
4	Пермский край	5380	3,5 %
5	Свердловская область	4692	3,1 %
6	Самарская область	4434	2,9 %
7	Нижегородская область	3926	2,6 %
8	Республика Башкортостан	3761	2,5 %
9	Московская область	3689	2,4 %
10	Республика Татарстан	3224	2,1 %

Примечательно, что в Москве и Санкт-Петербурге сеть индивидуальных субъектов имеет низкую плотность. Это означает, что люди, активно занимающиеся благотворительностью, в этих городах практически не связаны между собой фактом дружбы и практически не создают инициативных групп, предпочитая заниматься благотворительной деятельностью индивидуально.

Плотное взаимодействие между индивидуальными субъектами можно наблюдать в таких областях как: республика Башкортостан, Ярославская, Ульяновская и Свердловской областях. Это свидетельствует о некой «сплоченности» людей, занимающихся благотворительной деятельностью в онлайн-пространстве.

Второй выявленный субъект онлайн-благотворительности – институциональный. На рисунке 2 представлена сеть, демонстрирующая простую кластерную структуру, основные установленные типы деятельности институциональных субъектов российской онлайн-благотворительности. Она включает в себя: благотворительные фонды и группы сбора средств (41 %), специализированные группы помощи животным (32 %) и общественные организации (27 %).

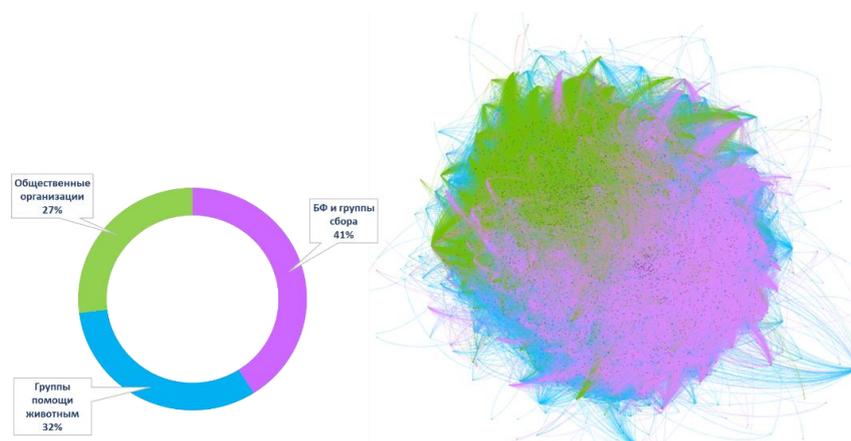

Рис. 2. Простая кластерная структура институциональных субъектов благотворительности

Удалось выявить топ-5 сообществ по посредничеству с другими институциональными субъектами (табл. 2). В сетевом анализе показатель «Betweenness Centrality» означает центральность по посредничеству: чем больше данный показатель, тем больше множественность связей между «узлами» (в нашем случае – организациями). Данная характеристика демонстрирует, сколько кратчайших путей между всеми узлами сети проходит через определённый узел. Так, люди, состоящие в данных сообществах, связаны с большим количеством людей из других фондов, образуя мосты между этими сообществами, соединяя их между собой и формируя плотную связь в единой сети институциональных субъектов. К таким сообществам, например, относятся: Фонд президентских грантов, «Православные добровольцы», благотворительные фонды «Подари жизнь», «Помогать легко» и «Дети-ждут.рф», а также благотворительный проект «Жизнь».

Топ-5 сообществ по посредничеству
с другими институциональными субъектами

Субъект	Betweenness Centrality
ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ	217 166
ПРАВОСЛАВНЫЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ	113 347
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД «ПОДАРИ ЖИЗНЬ»	106 124
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД «ПОМОГАТЬ ЛЕГКО»	157 326
ФОНД «ДЕТИ-ЖДУТ.РФ»	109 507
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ЖИЗНЬ»	65 765

Сетевой анализ также позволил установить факт взаимодействия индивидуальных и институциональных субъектов российской благотворительности: в 31 % всех выявленных благотворительных сообществах состоит 36 % всех выявленных индивидуальных субъектов благотворительности.

В 2018 году Лаборатория наук о больших данных и проблемах общества ТГУ (сейчас Центр прикладного анализа больших данных ТГУ) разработала формулы индекса информационной активности (рис. 3). Они помогают наглядно отобразить, насколько активны подписчики тех или иных сообществ в социальных сетях, какие отклики получают благотворительные посты от пользователей. Активность подписчиков сообществ можно проследить с помощью анализа их реакций на публикуемую информацию: лайков, комментариев и репостов.

$$I = \frac{\text{likes} + 5 * \text{reposts} + \text{comments}}{\text{кол} - \text{во людей}}$$

$$I^* = \frac{I_1 + I_2 + \dots + I_n}{\text{кол} - \text{во сообществ}}$$

Рис. 3. Формулы индекса информационной активности

Индекс информационной активности позволил определить, что благотворительные фонды активнее взаимодействуют с подписчиками своих сообществ, они регулярно публикуют посты на своей странице и получают отклик в виде лайков, репостов и комментариев. Активность в этих сообществах наиболее равномерна, в сравнении с инициативными группами, где наблюдается явный спад активности во втором полугодии 2018 года.

Рассмотрим активность сообществ по типам деятельности (рис. 4–5). Можно заметить, что помощь животным, вероятно, находит наибольший отклик у подписчиков благотворительных групп, по сравнению с фондами

помощи нуждающимся людям. Возможно, это связано с частотой публикации информации в данных сообществах, а, возможно, с психологическими особенностями человеческой натуры.

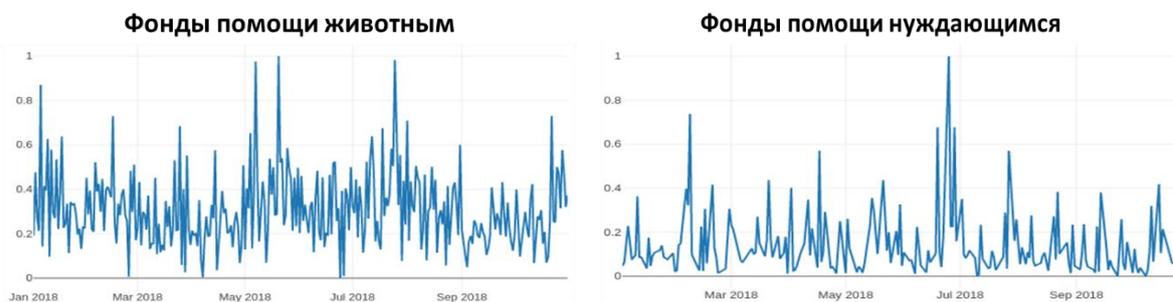

Рис. 4–5. Информационная активность фондов помощи животным и нуждающимся

Стоит отметить, что перспективы изучения онлайн-благотворительности заключаются, в том числе, в более глубоком исследовании процесса коммуникации между благотворительными организациями и меценатами, например, посредством анализа семантики сообщений, направленных на потенциальных жертвователей, и мотивации онлайн-пользователей к пожертвованиям. Данные исследования помогут объяснить истинную причину пользовательской активности в разных типах сообществ.

Заключение. Цель данного исследования заключалась в определении структуры российской онлайн-благотворительности: выделить основные субъекты онлайн-благотворительности, их взаимосвязь, основные типы деятельности и информационную активность.

Предметом выступала структура российской онлайн-благотворительности. Предмет исследования является новым для современной науки, в связи с чем требуется применение или разработка новых методов анализа данных. В нашей работе мы использовали анализ естественного языка (NLP), сетевой анализ (SNA), а также авторскую методику определения индекса активности онлайн-пользователей.

Данные, предоставленные благотворительными субъектами в открытом доступе, позволяют исследователям собирать и анализировать информацию в онлайн-пространстве, на основании которой можно делать релевантные, объективные выводы.

В результате проведенного исследования были определены классы субъектов онлайн-благотворительности в России: институциональные, то есть официально существующие, формальные организации (благотворительные фонды, НКО и инициативные группы), и индивидуальные, к которым относятся активные жертвователи, а также частные лица, призывающие помочь путем публикации на своих страницах характерных постов.

Среди институциональных субъектов онлайн-благотворительности есть как сообщества, которые ведут довольно обособленную политику

деятельности, так и те, которые активно взаимодействуют с другими благотворительными организациями.

Сеть индивидуальных субъектов благотворительности отражает 3 уровня взаимодействия: ядро (плотно взаимодействующие субъекты), периферия (взаимосвязаны между собой малыми группами, но не с ядром) и «изолянты» (субъекты, существующие отдельно, не скрепленные фактом дружбы ни с кем из найденных частных благотворителей).

Определена кластерная структура, основные типы деятельности институциональных субъектов российской онлайн-благотворительности: благотворительные фонды и инициативные группы сбора (41 %), группы помощи животным (32 %) и общественные организации (27 %).

Удалось установить наличие взаимодействия между индивидуальными и институциональными субъектами российской онлайн-благотворительности: в 31 % всех выявленных благотворительных сообществ состоит 36 % всех найденных частных жертвователей.

Разработанная Лабораторией наук о больших данных и проблемах общества ТГУ методика определения индекса информационной активности способна отразить, насколько активны подписчики тех или иных сообществ в социальных сетях. Так установлено, что благотворительные фонды активнее взаимодействуют с подписчиками своих сообществ, пользовательская активность в этих сообществах наиболее равномерна, в сравнении с инициативными группами. Также удалось установить, что фонды помощи животным имеют наибольшую активность подписчиков благотворительных групп данного типа деятельности, по сравнению с фондами помощи нуждающимся людям.

Полученные результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие **выводы**:

1. Благотворительность в онлайн пространстве – новое явление, требующие инновационных исследовательских подходов к его изучению, современных методов анализа информации.

2. Цифровые методы сбора и анализа информации адекватны поставленной цели и способны обеспечивать получение и обработку большого объема информации, выявить взаимосвязь между объектами и описывать характер этой связи.

3. Основные классы субъектов российской онлайн-благотворительности – институциональные и индивидуальные.

4. Ключевыми типами деятельности институциональных субъектов являются: благотворительные фонды и инициативные группы сбора средств, группы помощи животным и общественные организаций.

5. Существует взаимодействие между институциональными и индивидуальными субъектами онлайн-благотворительности.

6. Связи, установленные между субъектами онлайн-благотворительности, неоднородны по характеру и силе взаимодействия.

7. Индекс информационной активности институциональных субъектов благотворительности выше, чем у индивидуальных субъектов.

Литература

1. *Быкова О.Н., Ольховская М.О., Профатилов Д.А.* Краудфандинг: интернет-благотворительность или инструмент инвестирования инновационного проекта? // *Инновации.* – 2015. – № 2 (196). – С. 58–63.
2. *О развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ:* информационно-аналитический бюллетень. – 2018. – № 2. – URL: № 2. <https://grans.hse.ru/data/2019/03/12/1183997208/Bulleten%2015.pdf> (дата обращения: 20.06.2020).
3. *История благотворительности в России: царской, советской и современной* // *РИА Новости.* – 2013. – URL: <http://ria.ru/spravka/20130226/924715394.html#ixzz2v1cfUM5O> (дата обращения: 13.06.2020).
4. *Корнеева И.Е., Брюшно А.С.* Онлайн-фандрайзинг в российских НКО: масштабы и влияющие факторы // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены.* – 2019. – № 5. – С. 58–81.
5. *Латышева А.Н.* Это не просто бизнес: социальная составляющая российского краудфандинга // *Журнал исследований социальной политики.* – 2017. – № 4 (15). – С. 660–668.
6. *Маслова Т.Е., Проваленова Н.В., Удалов О.Ф.* Международный краудфандинг как способ развития инвестирования проектной деятельности в РФ // *Вестник НГИЭИ.* – 2019. – № 5 (96). – С. 119–135.
7. *Мищенко Е.С.* Механизмы влияния благотворительных организаций на практики потенциальных меценатов: магистерская диссертация по направлению подготовки: 39.04.01 – Социология. – Томск: [б.и.], 2020.
8. *Пешкова Н.Н.* Традиционные и инновационные формы благотворительности в России // *Омский научный вестник.* – 2011. – № 5 (101). – С. 43–46.
9. *Счастливые люди чаще занимаются благотворительностью* // *Фонд Общественное Мнение.* – 2018. – URL: <https://fom.ru/TSennosti/13926> (дата обращения: 13.06.2020).
10. *Частные пожертвования в России* // *Благотворительный фонд развития филантропии «КАФ».* – 2019. – URL: <http://cafrussia.ru/chastnye-rozhertvovaniya-v-rossii.html> (дата обращения: 22.04.2021).
11. *Foundations in Russia: Evolving Approaches to Philanthropy* // *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».* – 2018. – URL: <https://publications.hse.ru/articles/220220144> (дата обращения: 25.04.2021).
12. *Jakobson L.I., Toepler S., Mersianova I.V.* Foundations in Russia: Evolving Approaches to Philanthropy // *American Behavioral Scientist.* – 2018. – 62(13). – Pp. 1844–1868.
13. *Keehn J., Howell E., Sauer M.V., Klitzman R.* How Agencies Market Egg Donation on the Internet: A Qualitative Study // *The Journal of Law, Medicine & Ethic.* – 2015. – Vol. 43. – No. 3. – Pp. 610–618.
14. *Kim J.G., Kong H.K., Karahalios K., Fu W., Hong H.* The Power of Collective Endorsements: Credibility Factors in Medical Crowdfunding Campaigns // *Proceedings of the 2016 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*

(CHI'16). New York: Association for Computing Machinery. – 2016. – Pp. 4538–4549.

15. *Mano R.S.* Social media, social causes, giving behavior and money contributions // *Computers in Human Behavior*. – 2014. – No. 31. – Pp. 287–293.

16. *Planeta.ru*. URL: <https://planeta.ru/about> (дата обращения: 29.04.2021).

17. *Profatilov D.A., Bykova O., Olkhovskaya M.O.* Crowdfunding: Online Charity or a Modern Tool for Innovative Projects Implementation? // *Asian Social Science*. – 2014. – Vol. 11. – No. 3. – Pp. 146–151.

18. *Shier M.L., Handy F.* Understanding online donor behavior: The role of donor characteristics, perceptions of the internet, website and program, and influence from social networks // *International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing*. – 2012. – No. 17 (3). – Pp. 219–230.

19. *Song A., Lee H.I., Ko M., Lee U.* Every Little Helps: Understanding Donor Behavior in a Crowdfunding Platform for Non-profits // *Proceedings of the 33rd Annual ACM Conference Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems*. New York: Association for Computing Machinery 2015. – Pp. 1103–1108.

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АУТИЗМА РОССИЙСКИМИ МЕДИА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМИРОВАННОСТИ О РАС

Савельева Жанна Владимировна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Статья посвящена аутизму как социальной проблеме и ее репрезентациям в российском информационном пространстве. Актуальность исследования связана с символическим исключением людей с РАС и их семей на уровне статистики и общественных представлений, что усугубляет проблемы стереотипизации, дискриминации и социальной эксклюзии. С использованием количественной стратегии продемонстрированы особенности медийного пространства сообщений об аутизме и РАС с учетом локации, тональности, медиа-площадок, социально-демографического профиля авторов публикаций. Сделаны выводы о недостаточной информационной политике в сфере освещения проблемы СМИ, с учетом того, что данный канал является ведущим каналом информирования россиян об аутизме.

Ключевые слова: расстройство аутистического спектра, аутизм, информированность, стереотипы, медиа.

В России с каждым годом наблюдается рост детей с аутизмом. Тип данного расстройства можно определить как патологическое состояние, обусловленное особенностями развития головного мозга [1], иной вариант нейроразвития, которому сопутствует нарушение социальных навыков и коммуникативных функций. Вопросы эксклюзии людей с инвалидностью являются актуальной проблемой для российского общества. Особое значение они принимают в отношении людей с аутизмом, поскольку стигма в отношении психических нарушений особенно сильна, а в случае с аутизмом проблема

усугубляется разнообразными нарушениями социального взаимодействия человека с расстройством и проявлением нетипичного, странного (стереотипии) поведения. Также люди с данной особенностью имеют особые потребности, учет которых в структуре социального и физического пространства усугубляет патологические проявления и процессы дезадаптации.

В Российской Федерации относительно поздно стали диагностировать аутизм, ранее в отечественной психиатрической школе было принято ставить диагноз шизофрении. В настоящее время несмотря на то, что имеется положительная динамика в диагностике (за последние 5 лет в 2,5 раза стали устанавливать диагноз РАС [2]), есть основания полагать, что РАС недодиагностирован. Так, по данным ООН аутизм в среднем встречается у 1 ребенка из 100 (в зависимости от страны), в России же распространенность аутизма по официальной статистике в 10 раз ниже и количество детей с официально установленным диагнозом составляет лишь около 40 тысяч [3].

Социальная эксклюзия людей с аутизмом имеет прямую и обратную взаимосвязь с факторами поздней или некорректной диагностики, позднего вмешательства и несвоевременной терапии детей с РАС, а значит уменьшают их шансы на успешную социализацию и включенность, а также способствует символическому забвению социальной проблемы, поддержке стереотипов и низкой информированности россиян об аутизме.

Если говорить об информированности, то стоит отметить, что 27 % россиян не осведомлены об аутизме, из оставшихся – лишь 15 % указали на то, что хорошо знают, что такое аутизм, остальные «слышали без подробностей». При этом взаимосвязь информированности обнаружена с местом проживания, образованием и возрастом – выше доля информированных среди жителей крупных городов, людей с высшим образованием и непожилых [4].

Также исследование ВЦИОМ демонстрирует высокий уровень распространенности мифов об аутизме среди которых, например, гениальность людей с аутизмом (25 %), умственная отсталость людей с РАС (22 %), зависимость появления аутизма от благополучия семьи (24 %) и значимые социальные дистанции: большинство россиян не готовы взаимодействовать с людьми с этой особенностью развития в рамках школьного класса (63 % не готовы / 25 % готовы), группы детского сада (58 % не готовы / 28 % – готовы), рабочего коллектива (51 % не готовы / 32 % готовы), нахождения на детской площадке (46 % не готовы / 41 % готовы) [4].

Интересен также тот факт, что основным источником получения информации о РАС является телевидение (57 %), затем следует интернет (45 %), а для четверти россиян (24 %) каналом получения информации служат знакомые и родственники. Российских медиа, таким образом, является ключевым субъектом информирования об аутизме ретранслятором установок в отношении людей и детей с расстройствами аутистического спектра и их семей. В связи с этим с 1 марта по 31 мая 2020 года был предпринят анализ российского медийного пространства с помощью базы «Медialogия» по ключевым категориям «аутизм» и «РАС».

Рис. 1. Частота упоминаний категории «аутизм» по городам РФ с учетом тональности сообщений (в абсолютных показателях)

Анализ показал, что относительно российских городов, чаще всего сообщения с упоминанием аутизма и РАС появляются в Москве и Санкт-Петербурге (см. рис. 1). Напомним, что именно в этих городах ситуация с информированием об аутизме существенно лучше, чем в других. Интересен тот факт, что РАС активно используется в современных медиа, наряду с термином «аутизм», что можно считать проявлением развития культуры освещения проблемы, где активно в обиход входит термин «расстройство аутистического спектра», который более современно и корректно отражает суть диагноза. Отрадно, что Казань входит в десятку городов, интенсивно освещающих проблему.

Рис. 2. Частота упоминаний категории «аутизм» по регионам РФ с учетом тональности сообщений (в абсолютных показателях)

Схожая тенденция наблюдается в отношении регионов Российской Федерации: лидируют Москва, Московская область, Санкт-Петербург. Белгородская область не случайно в медийном пространстве занимает четвертое место: в регионе благодаря активным действиям местным общественных организаций при поддержке государственных структур

проблема аутизма актуализирована, развиваются системы инклюзивного образования и дружественной среды. Республика Татарстан также входит среди регионов в топ-10 по освещению проблемы.

Рис. 3. Тональность сообщений с упоминанием категории «аутизм» (в абсолютных показателях)

Согласно данным мониторинга, сообщения с положительной тональностью преобладают над негативными (см. рис. 3, без учета сообщений с нейтральным статусом). Если учитывать все варианты тональности сообщений, то распределение в абсолютном большинстве случаев было в пользу нейтральных сообщений (96,6 %).

Также на рис.3 виден пик сообщений, что связано с инфоповодом – Всемирным днем распространения информации о проблеме аутизма. В остальные периоды можно наблюдать стабильность в частоте освещения проблемы РАС.

Рис. 4. Частота упоминаний категории «РАС» по медиа-площадкам с учетом тональности сообщений (в абсолютных показателях; instagram и facebook признаны экстремистскими и запрещены в России)

По структуре сообщений с упоминанием категории «аутизм» в медиaprостранстве преобладают мессенджеры (48165), далее идут блоги (1035), количество упоминаний в СМИ составило лишь 11 публикаций. В случае с категорией РАС были получены данные – 20109, 745

и 2 соответственно. На рисунке 4 представлена диаграмма по частоте упоминаний категории «РАС» на медиа-площадках российского информационного пространства весной 2020 года с учетом тональности сообщений. На фоне того, что телевидение является ведущим каналом трансляции информации о проблеме, такое мизерное количество сообщений можно расценивать как крайне недостаточное в деле повышения информированности россиян и преодоления стереотипов. Интересно, что по категории «аутизм» в медиа-пространстве лидирует ВКонтакте (см. рис. 5).

Рис. 5. Частота упоминаний категории «РАС» по медиа-площадкам с учетом тональности сообщений (в абсолютных показателях; instagram и facebook признаны экстремистскими и запрещены в России)

Наиболее часто встречаемые дефиниции с категорией «аутизм» в медиапространстве «ребенок» (2739), «развитие» (2238), «логопед» (1723), «родитель» (1613), «помощь» (1568). Схожее распределение можно наблюдать и по категории «РАС». Данные свидетельствуют о базовых смыслах и способах актуализации проблемы – чаще объектом проблематизации рассматриваются дети, гораздо реже проблематизируются проблемы взрослых людей с аутизмом; ключевым субъектом действия в отношении комплекса проблем мыслится родитель, основным направлением социальной адаптации рассматриваются немедикаментозные способы развития коммуникации, что соответствует современной научной повестке о развитии психолого-педагогических вмешательств, а не медицинских.

Таблица 1

Количество сообщений о «РАС» в зависимости возраста авторов (в абсолютных показателях)

Возраст	Количество	Доля
< 18	75	5,9%
18 - 24	81	6,4%
25 - 39	574	45,0%
40 - 60	452	35,5%
> 60	93	7,3%
Данные по возрасту имеются у 17,3% авторов		

Интересен социально-демографический состав авторов сообщений. Около 80 % идентифицированных по полу автора сообщений о РАС и аутизме принадлежат женщинам (установить пол удалось примерно в 50 % сообщений в обоих случаях). Возрастная структура по авторам сообщений о «РАС» представлена в табл. 1. В основном это люди среднего возраста. Что касается образования, то абсолютное большинство авторов имеют высшее образование.

Таблица 2

Количество сообщений о «РАС» в зависимости образования авторов
(в абсолютных показателях)

Образование	Количество	Доля
Высшее	1693	86,4%
Среднее	252	12,9%
Неоконченное	14	0,7%
Данные по образованию имеются у 26,6% авторов		

Таким образом, социально-демографический профиль активных авторов сообщений о проблеме аутизма согласуется с данными ВЦИОМ, в которых роль фактора возраста и образования является ключевым в деле повышения информированности и преодоления стереотипов.

В заключение отметим, что инклюзия людей с расстройствами аутистического спектра включена в повестку актуальной гуманистической современности. Публичная общественная и медийная риторика о людях с аутизмом должна отталкиваться от принципов диалогии (Ю. Хабермас) и дружелюбной среды, отходить от осмысления детей и людей с РАС с одной стороны как источников сложностей, с другой – как объектов жалости и снисхождения, что в обоих случаях является дискриминацией. Негативные последствия влекут манипуляции с темой интеллектуальной одаренности детей с РАС, усилия систему неравенства тех, кто ею не обладает. Следует помнить, что медийная среда (в отличие от аутизма) – это то, что однозначно может быть подвергнуто социальным изменениям, повысить информированность, разрушить мифы и стереотипы. Это облегчит жизнь семей, проживающих с людьми с РАС, которые также подвергаются социальному исключению и дискриминации.

Данное исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках исследовательского проекта № 18-00-01682К (18-00-01529).

Литература

1. Официальный сайт «Всемирной организации здравоохранения». Аутизм. Основные факты. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/autism-spectrum-disorders> (дата обращения: 12.04.2022).

2. Выявляемость аутизма в России за пять лет возросла более чем в 2,5 раза // ТАСС. 2 апреля. 2021. – URL: https://tass.ru/obschestvo/11055281?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 12.04.2022).

3. Официальный сайт Фонда «Обнаженные сердца». – URL: <https://nakedheart.online/articles/autizm-vstrechaetsya-u-kazhdogo-54-go-rebyonka> (дата обращения: 15.04.2022).

4. Официальный сайт ВЦИОМ. Что мы знаем об аутизме? Аналитический обзор // 2 апреля 2021. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-my-znaem-ob-autizme> (дата обращения: 14.04.2022).

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ЭЗОТЕРИКИ В РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

Таксеитова Алия Ринатовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Целью данной работы является выявление того, что можно называть эзотерикой, ее специфических черт и популяризации в России. Как известно, эзотерика остается популярной в России, и появляется все больше эзотерических услуг. И определение способов коммерциализации эзотерики является основной целью исследования. При исследовании использовался подход к пониманию эзотерики как «окультуры» К. Партриджа и теория сетевого общества М. Кастельса, чтобы выявить коммерциализацию эзотерики именно в среде социальных сетей. Были использованы контент-анализ и дискурс-анализ, а также вторичный анализ исследований российских исследователей. В результате было выявлено, что для коммерциализации товаров и услуг эзотерические сообщества используют различные приемы, к примеру, используют термины из науки и медицины, чтобы их услуги казались более надежными и полезными, к примеру.

Ключевые слова: эзотерика, астрология, нумерология, социальная сеть «ВКонтакте», бытовая магия, сообщества, «окультура», способы коммерциализации.

Начиная с 1990-ых годов в России происходит подъем интереса населения к эзотерике. При этом поднимается и интерес к религии вместе с популярностью астрологов, нумерологов и других эзотериков. К тому же не исчезла с развитием науки и технологий так называемая «бытовая магия» никуда не исчезает: образованные индивиды продолжают держать различные предметы «на удачу», расставлять предметы в доме на основе каких-нибудь «энергий». Иными словами, эзотерика не просто остается популярной, но еще и развивается конкретными людьми – «специалистами-эзотериками». Ими являются астрологи, гадалки по Таро и другие гадалки, нумерологи и «просвещенные» в проведении каких-либо «духовных практик».

В это же время можно наблюдать нестабильную экономическую ситуацию в стране, из-за чего индивидам становится важно найти хоть какие-либо гарантии или прогнозы собственного будущего. Ответы на данные вопросы может дать эзотерика, дать опору или даже список необходимых действий. Не стоит также забывать, что эзотерики – это в какой-то степени

предприниматели, так как им важно продать свой товар или услугу. Получается, что в и так нестабильной экономической системе индивиды начинают вкладывать свои средства в консультации с эзотериком или покупкой амулетов. С рациональной точки зрения такое поведение приносит к уменьшению бюджета индивида, так как средства уходят в сферу эзотерики, когда могли понадобиться на что-либо другое. С другой стороны, исследования указывают, что консультации со эзотериками приносят терапевтический эффект, как прием психолога, и это может быть опасно, так как эзотерик не имеет профессионального образования и не сможет оказать всегда качественную психологическую помощь, в которой индивид может остро нуждаться.

Основной целью исследования было выявить методы коммерциализации эзотерики в социальных сетях, в частности – во «ВКонтакте», из-за чего объектом выступила эзотерика в России, а предметом – представление об эзотерике в социальных сетях и способы продвижения эзотерических услуг.

Для начала стоит обратиться за определением понятия «эзотерика». Эзотерикой можно назвать любую из традиций в западной культуре, которая не была принята ни рационалистами, ни католической церковью – к такому выводу приходит В. Ханеграфф¹. Так, широкий спектр явлений может называться «эзотерикой», потому что само определение этого понятия обширно.

Не так далеко от понятия «эзотерика» расположилось другое – «суеверие». Суеверие в некоторой степени можно трактовать как веру в «потусторонние силы», которые могут, к примеру, защитить или помочь тайным, неведомым образом². Также суеверие можно трактовать как ложную веру во что-либо, веру в сверхъестественное или нечто «чудесное»³. Иными словами, термин «суеверие» имеет более узкое значение по сравнению с термином «эзотерика». В саму эзотерику входят суеверия. Так, можно прийти к выводу, что эзотерика – это не только область знания, неприятного научным сообществом, но и некая вера, отрицаемая религиозным сообществом. Специфика веры в эзотерику может заключаться в возможности эзотерики предоставить индивиду возможность верить в нечто недостижимое, более того, как упоминалось выше, суеверия предлагают веру в защиту, и для этого индивиду совершенно необязательно примыкать к какой-либо религии, выполнять строгие обязательства. Эзотерика может быть просто более «выгодной», «простой» верой.

Если понимать эзотерику как более «простую» веру, то можно привести предположение, что ее популяризация в современной России может быть связана с развитием массовой культуры. К примеру, если обратиться к популяризации оккультизма в США, о которой писал М. Труцци, можно

¹ Hanegraaff W.J. Major Trends and Approaches to the Study of Esotericism // Esotericism Theorized. P. 155.

² Измоденова Н.Н. Указ. соч. С. 167.

³ Там же. С. 167.

заметить следующий факт: эзотерика стала некой популярной религией для молодежи, или «поп-религией». Эзотерика включала в себя те культурные элементы, которые на протяжении веков пугали: та же «темная» или «тайная магия», колдуны, ведьмы и оккультисты – с приходом массовой культуры они не просто перестали пугать – ими начали интересоваться, в фильмах появлялась тематика «сверхъестественного»¹. Можно предположить, что с развитием массовой культуры в современной России стала развиваться и эзотерика, возрастала ее популярность.

Во время популяризации исследователи замечают еще одну важную особенность современного общества – перемещение религии из области общего в область частную. Н. Луман пишет о так называемой «невидимой религии», которую индивиды не показывают и которую невозможно наблюдать². Также можно предполагать, что при индивидуализации религии индивид может ощущать личную связь с высшими силами, из-за чего изменятся его, например, моральные ориентиры.

Ранее эзотерика и оккультизм понимались как отдельные явления, являющиеся частью культуры, однако К. Партридж предлагает термин «оккультура», который связан с терминами «культура» и «оккультизм». Предлагается взглянуть на эзотерку и оккультизм не просто как на отдельные явления, а как на выражение целой культуры. К. Партридж предлагает рассматривать оккультизм как культуру, причем как культуру современную³. Характерной чертой оккультуры становится отверженное знание, которые хранят какие-либо тайные сообщества или «просветленные учителя» для формирования дисциплин о тайном спасительном знании⁴. Таким образом, оккультура сама создает от себя впечатление, в рамках которого она становится для индивидов некой мистической тайной, загадкой, ответы на которые могут знать маги, колдуны или «просветленные».

Также для теории К. Партирджа важна личность так называемого «бриколера». Бриколера исследователь сравнивает с портным, сшивающим разные лоскутки в единое целое. Если же формализовать данное определение, то бриколера – это индивид, «творец-любитель», который из подручных материалов создает что-то новое⁵. В сфере эзотерики бриколера может создавать из уже известных мифов и священных текстов какое-то новое знание, возможно смешение нескольких сфер эзотерики во что-то новое. Однако отличительной чертой является то, что это «новое» – творение чаще всего одного человека, в которое индивиды в будущем начинают верить

Критикой теории К. Партриджа о «заколдовывании Запада» выступает тезис, что исследователь констатирует факт, что в современном обществе возникает отдельная отрасль знания, в которой скапливается все то, что не принимается научным и религиозным сообществом, однако исследователь не

¹ Тирикьян Э.А. Указ. соч. С. 248–249.

² Там же. С. 111–113.

³ Носачев П.Г. Указ. соч. С. 113–114.

⁴ Там же. С. 114.

⁵ Там же. С. 115.

говорит о причинах появления такой отрасли. Таким образом, К. Партридж не объясняет возникновения эзотерики, а лишь концентрируется на ней как на некой девиации, так как эзотерика и оккультизм представляют собой отклонение от норм, принятых в современном обществе¹.

К тому же в начале XXI века и конце XX происходили глобальные изменения в России, перестраивалась рыночная система и в некоторых аспектах система ценностей. И именно на это время пришелся бурный рост предоставления услуг различных гадалок, астрологов, нумерологов и других эзотериков, объявления о работе которых были размещены на телевидении и в газетах. Становится все более распространенной «нетрадиционная медицина», и значимость магии для россиянина в его жизни возрастает².

Если говорить об эзотерике в настоящее время, то, согласно статье «Коммерсантъ» от февраля, продажа книг о предсказаниях, духовных практиках и эзотерике выросла более чем на 50 %. У издательства «Эксмо» половина проданных книжных изданий была посвящена эзотерике, что говорит о сильной заинтересованности общества в эзотерике³. Так что можно говорить, что к настоящему моменту интерес к эзотерике не упал, так как эзотерическое знание является популярным объектом интереса.

Более того, «новые медиа» являются инструментом формирования социальных сообществ в современных условиях⁴, позволяют сосуществовать различным культурам и субкультурам. Так индивид способен найти сообщество, с идеями которого он будет согласен и с кем сможет себя идентифицировать. Социальные сети способны дать возможность индивиду взаимодействовать с единомышленниками и находить новые знакомства⁵. Такие возможности также создают благоприятную среду для создания собственного сообщества и поиском индивидов со схожими взглядами.

Интернет может сохранять возможность поддержания крепких взаимоотношений на расстоянии, но при этом Интернет может организовывать общественные отношения, структурировать их⁶. Также сообщества в социальных сетях могут стать разновидностью «специализированных сообществ», которые развиваются и существуют на основе общих интересов членов этих сообществ. Таким образом, индивид формирует «портфолио социальных связей», в которых можно проследить круг интересов и включенность в сообщества по интересам⁷.

¹ Там же. С. 122.

² Кудзиева Ф.С. Указ. соч. С. 143.

³ Лебедева В. Карма – источник знаний // Коммерсантъ, 2022. 1 февраля.

⁴ Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Озерова К.А. Новые медиа и интернет как факторы конструирования социальной активности населения // Евразия и глобальные социально-экономические изменения. VII Международный конгресс социологов тюркского мира: сборник научных трудов. Казань, 2020. С. 248–253.

⁵ Молчан Э.М. Указ. соч. С. 59.

⁶ Кастельс, М. Указ. соч. С. 157.

⁷ Там же. С. 159.

К тому же, согласно данным ВЦИОМ на 2018 год 80 % граждан России пользовалось интернетом, более половины россиян пользуются всемирной паутиной ежедневно, а если говорить о молодежи, то практически вся молодежь регулярно пользуется интернетом (около 97 %)¹. Все эти условия создают благоприятную среду для возникновения абсолютно разных интернет-сообществ, объединений по интересам.

Также можно говорить о самой большой социальной сети в России – это социальная сеть «ВКонтакте». Именно она является самой популярной, и почти каждый опрошенный, пользующийся социальными сетями, пользуется «ВКонтакте»².

Говоря о коммерциализации в социальных сетях, нельзя не упомянуть о таком понятии, как корпоративная этика. Корпоративная этика является основой репутации, имиджа. Корпоративная этика – это все моральные качества и принципы, которые присутствуют у компании в процессе рыночных отношений и рекламы. Одна из выигрышных стратегий формирования имиджа – честность и открытость, чтобы потребитель знал, у кого он приобретает услугу, чтобы у потребителя возникало эмоциональное отношение к бренду или торговцу³.

При этом существует в социальной сети «ВКонтакте», например, практика, когда бренд создает личную некоммерческую страницу и начинает рассылать заявки в друзья, чтобы таким образом набрать аудиторию. Такой метод можно назвать спорным, так как личная страница представляет меньший функционал, чем сообщество или группа⁴.

Социальная сеть «ВКонтакте» является самой распространенной в России на данный момент. Практически вся молодежь зарегистрирована в данной социальной сети и пользуется ей⁵. Таким образом, «ВКонтакте» может стать отличной площадкой для продвижения своего дела, бизнеса. Для этого существуют группы и сообщества, которые можно вести. Есть группы, посвященные эзотерике и рассказывающие только об эзотерическом знании, а есть те, в которых можно видеть предложение различных услуг при помощи вкладок «Товары» или публикаций в ленте сообщества.

С помощью контент-анализа удалось определить, что чаще всего аудитория сообщества узнает о товаре или услуге путем прямого их упоминания в публикации⁶. Сообщество, тематика которого сводится к некому абстрактному понятию эзотерики, для продвижения товаров и услуг использовало почти с одинаковой частотой розыгрыши и скидки, однако стоит упомянуть, что эти услуги или курсы трудно было отнести к какой-либо сфере эзотерики, так как там упоминались различные «энергии», «ресурсы», «очищения».

¹ Молчан Э.М. Указ. соч. С. 61.

² Кузнецова К.В. Указ. соч. С. 23.

³ Шелекета В.О., Дмитриева И.С., Кустова Н.А. Указ. соч. С. 29.

⁴ Ковалева А.В., Чегодаева А.В. Указ. соч. С. 352–353.

⁵ Кузнецова К.В. Указ. соч. С. 23.

⁶ См. табл. 1.

Таблица 1

Количество упоминаний о товаре или услуге
в процентном соотношении ко всем публикациям

Сообщество или группа		«ТАРО и ЭЗОТЕРИКА»	«ЭЗОТЕРИКА – РАЗВИТИЕ, ИСЦЕЛЕНИЕ, ПРОБУЖДЕНИЕ»	«Мудрость саморазвития, эзотерика, астрология»	«Магия. Эзотерика. Руны.»	«ГАРМОНИЯ ЖИЗНИ (психология, эзотерика, здоровье)»
Способы коммерциализации	Упоминание о товаре/услуге/курсе	4,13 %	7,56 %	20,27 %	17,23 %	6,54 %
	Новый товар/услуга/курс	0	0	1,99 %	3,67 %	3,08 %
	Розыгрыш	0	0,34 %	9,63 %	0	0
	Скидка на товар/услугу/курс	0	1,35 %	8,97 %	0	

Интересным можно отметить то, что далеко не во всех сообществах было видно, к какой сфере эзотерики относит себя администратор, так как те же публикации в сообществе могли быть посвящены абсолютно разным темам: от цитат мыслителей и религиозных деятелей и до рецептов «чая для оздоровления»¹. Однако если говорить о сообществах, где возможно было определить сферу эзотерики, к которой себя относит администратор группы, то в исследовании присутствуют сообщества гадалок и мага².

Таблица 2

Тематики сообществ

Сообщество или группа		«ТАРО и ЭЗОТЕРИКА»	«ЭЗОТЕРИКА – РАЗВИТИЕ, ИСЦЕЛЕНИЕ, ПРОБУЖДЕНИЕ»	«Мудрость саморазвития, эзотерика, астрология»	«Магия. Эзотерика. Руны.»	«ГАРМОНИЯ ЖИЗНИ (психология, эзотерика, здоровье)»
Автор	Астролог					
	Нумеролог					
	Маг или колдун				+	
	Гадалка	+			+	
	Создатель амулетов и тотемов					
	Нет упоминаний о принадлежности к сфере эзотерики		+	+		+

¹ См. табл. 2.

² См. там же.

Если же говорить о группах, публикующих рекламу своих услуг, то только в двух из пяти сообществ показатель рекламных публикаций был около 20 %¹. Это означает, что в данных сообществах примерно одна из пяти-шести публикаций была посвящена рекламе. В остальных группах рекламных публикаций собственных услуг было не более 7 %², что может говорить о том, что эти сообщества также действовали по принципу публикации «качественного контента» для продвижения сообщества и впоследствии услуг, которые предлагают.

Если говорить о том, что больше всего пытаются «продвинуть» в своих публикациях сообщества «ВКонтакте», то можем заметить, что чаще всего предлагаются различные курсы, лекции, «вебинары»³, притом чаще всего предлагается либо розыгрыш свободных мест, либо скидка, либо бесплатный доступ на лекцию.

Таблица 3

Виды предложений в сообществах

Сообщество или группа	«ТАРО и ЭЗОТЕРИКА»	«ЭЗОТЕРИКА – РАЗВИТИЕ, ИСЦЕЛЕНИЕ, ПРОБУЖДЕНИЕ»	«Мудрость саморазвитие, эзотерика, астрология»	«Магия. Эзотерика. Руны»	«ГАРМОНИЯ ЖИЗНИ (психология, эзотерика, здоровье)»
Услуга	0	1,24 %	9,63 %	4,24 %	0
Товар	3,49 %	0 %	4,32 %	3,95 %	0
Курс	0	0	6,31 %	9,03 %	6,54 %
Реклама другого создателя контента не об эзотерике	0	3,84 %	1,99 %	0	0
Реклама другого создателя контента об эзотерике	0,94 %	2,60 %	2,33 %	0	0

Если же наблюдать на примере конкретных публикаций сообщества «Мудрость: саморазвитие, эзотерика, астрология», то можно увидеть в них такие фразы, как «тревога за будущее», «Хочешь узнать свое предназначение?». «Надоело тратить жизнь впустую?», «только сегодня бесплатно», «скидка на любую услугу», «всего за три дня ты сможешь поднять уровень жизненной энергии», «излечите свой род и получите счастье». В данных цитатах видна явная попытка «угадать» проблемы читающего данную публикацию, чтобы побудить его к приобретению услуги, подписке на другое сообщество, если ссылка была на него. Даже последнее можно относить к коммерциализации

¹ См. табл. 3.

² См. там же.

³ См. там же.

эзотерики, так как владельцы сообществ, вероятнее всего, берут рекламу за определённую сумму или делают взаимную рекламу для увеличения аудитории.

Важно отметить и наличие «смайлов» – маленьких картинок, встроенных в текст. В начальной фразе используются красные «смайлы» с обозначением важности или тревоги, или те, что обозначают огонь. Огонь в данном случае можно понимать как ассоциацию к чему-то очень важному и требующему внимания, при этом когда говорится о результатах от услуги, товара или курса, то можно увидеть изображения звезд, света и других предметов, символизирующих надежду, счастье, благополучие. Иными словами, можно говорить об использовании символизма в продвижении эзотерических услуг.

Если же обратиться к публикациям сообщества «Эзотерика – развитие, исцеление, пробуждение», в которых присутствует продвижение товаров и услуг, то можно увидеть использование «смайлов» огня для обозначения актуальности курса, зеленые «галочки» как обещания, что этот курс поможет «найти предназначение», «сбалансировать чакры», «снять все виды негатива» и многое другое. В данных выражениях можно увидеть все ту же тенденцию обещания исправления всех проблем и обещание счастья после получения услуги.

Также примером попыток коммерциализации эзотерики можно считать рекламные акции, которые выпускаются в публикациях с надписями «Внимание! Расклад рун подписчикам бесплатно». Данная акция несет в себе несколько целей: увеличить количество аудитории и заставить эту аудиторию стать более «активной» – делиться публикацией, ставить отметки на публикацию по типу «нравится». Такими косвенными целями также можно коммерциализировать эзотерику: подписавшаяся аудитория увеличит количество участников сообщества, а значит, за рекламу товаров, услуг и курсов можно будет просить более высокую цену.

Особенностью сообщества «Магия. Эзотерика. Руны» является то, что оно одновременно является торговой площадкой для покупки товаров и услуг: существует отдельная вкладка с товарами, где, к примеру, предлагается «Книга теней» за 15 000 рублей, «Магические светильники» с пятиконечной звездой и кругом за 1200 рублей, различные амулеты с рунами за ту же цену. Иными словами, в данном сообществе можно наблюдать коммерциализацию в самом явном ее виде – через прямое предложение купить товары и услуги.

Сообщество «Таро и эзотерика» наибольшее внимание уделяет отношениям любовным, поискам партнера. Однако интересно заметить, что используются такие фразы, как «Не нужно больше спрашивать у мужчины о чувствах, карты Таро ответят Вам». В данном утверждении можно заметить сразу несколько особенностей: во-первых, Таро обещает узнать о чувствах именно мужчины, возможно, предполагая, что целевая аудитория данного сообщества преимущественно женщины, желающие традиционных отношений; во-вторых, прямое утверждение: если существуют проблемы или трудности в отношениях, именно таро смогут исправить эту проблему. Также в публикациях часто используется слово «диагностика», которое является

научным. Иными словами, «диагностика» у индивида, читающего публикацию, связана с профессиональными медицинскими услугами по проверке состояния внутренних органов или здоровья, либо с исправностью техники. Таким образом, такое слово способно убедить индивида приобрести услугу, гадание, так как это и не называется «гаданием», а зовется «диагностикой».

В настоящее время эзотерика остается популярной в России. Продаются книги по «духовному развитию» и «духовным практикам», а религия, несмотря на то что отрицает эзотерику, уживается вместе с ней в единой современной культуре. Проявления эзотерики довольно широкие – ведь ей можно назвать любое знание, не вписывающееся в научные и религиозные рамки. Из-за этого разделение эзотерики от религии или философии, к примеру, может быть затруднительным.

Эзотерика также распространяется через новые каналы взаимодействия – через социальные сети. Именно в них эта тематика способна получить и получила широкую популярность. Социальная сеть «ВКонтакте», остающаяся самой популярной в России, создает хорошие условия для популяризации эзотерики: возможность создавать сообщества и группы, совершать «репосты» в другие группы, создавать разделы с изображениями, видеозаписями. Музыкой и статьями создают отличный инструмент для ведения группы по эзотерике. Однако также «ВКонтакте» дает возможность торговать прямо в своей группе или делать «пожертвования» проекту. Таким образом, присутствует отдельная вкладка с товарами, которые может предложить сообщество.

В ходе исследования выяснилось, что сообщества по тематике эзотерики действительно пользуются всеми инструментами: добавляют фото, аудиозаписи и видеозаписи, а также предлагают каждому возможность напрямую поддержать создателя контента при помощи кнопки «пожертвовать». Также используется возможность прямо в социальной сети продавать товары: так сообщества предлагают услуги таролога или оберегающие амулеты, «магические книги», «гримуары» и многое другое.

Таким образом, можно сделать вывод, что эзотерика развивается и будет развиваться на фоне экономической нестабильности, чтобы давать хотя бы некоторую надежду или гарантию обратившимся за помощью к эзотерику. Пока обществу будет интересна эзотерика и магия, эти сферы будут процветать и развиваться. Рынок эзотерических услуг сможет расширяться, привлекая все большее число растерянных людей. А социальные сети останутся не просто катализатором распространения эзотерики и эзотерических услуг, они останутся надежной площадкой для предоставления этих услуг, их продвижения. Возможно развитие методов продвижения эзотерических товаров и услуг, но говорить об этом с уверенностью трудно, так как, с одной стороны. Экономическая нестабильность может привести к повышенному интересу к эзотерике, гаданиям, астрологии, но, с другой стороны, эзотерики могут вынужденно снизить цены на услуги и даже лишиться части своих клиентов, так что однозначно говорить об эзотерике нельзя. При этом можно сделать вывод, что коммерциализация эзотерики стала более доступной и простой с появлением в социальных сетях возможности продавать товары, услуги, не

перенаправляя на сторонний сайт, а значит, повышая вероятность их приобретения, так как та же социальная сеть «ВКонтакте» имеет относительно хорошую репутацию и уровень доверия российского общества.

Литература

1. Hanegraaff W.J. Major Trends and Approaches to the Study of Esotericism / W.J. Hanegraaff // *Esotericism Theorized*. – Amsterdam School of Historical Studies 2016. – P. 155–170. – Текст: электронный. – URL: <https://dare.uva.nl/search?identifier=0e892671-01fd-4383-a947-979ca76f5652> (дата обращения: 15.04.2022).

2. Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Озерова К.А. Новые медиа и интернет как факторы конструирования социальной активности населения // *Евразия и глобальные социально-экономические изменения. VII Международный конгресс социологов тюркского мира: сборник научных трудов*. – Казань, 2020. – С. 248–253.

3. Измоденова Н.Н. Суеверия как способ жизнедеятельности образованных групп населения / Н.Н. Измоденова // *Труды Кольского научного центра РАН*. – 2013. – № 6 (19). – С. 20–35. – Текст: электронный. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21407774> (дата обращения: 20.04.2022).

4. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс: пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии издательства Гуманитарного университета), 2001. – 328 с. – Текст: электронный. – URL: <http://www.library.fa.ru/files/kastels.pdf> (дата обращения: 17.04.2022).

5. Ковалева А.В., Чегодаева А.В. Маркетинговые стратегии в социальных сетях / А.В. Ковалева, А.В. Чегодаева // *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*. – 2016. – № 12. – С. 352–353. – Текст: электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marketingovye-strategii-v-sotsialnyh-setyah> (дата обращения: 14.04.2022).

6. Кудзиева, Ф.С. Элементы бытовой магии в современной культуре осетин: социологический анализ / Ф.С. Кудзиева // *Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология*. – 2020. – №58. – С. 143-151. – Текст: электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elementy-bytovoy-magii-v-sovremennoy-kulture-osetin-sotsiologicheskiiy-analiz> (дата обращения: 18.04.2022).

7. Кузнецова, К.В. Влияние интернета на формирование ценностей молодежи / К.В. Кузнецова // *Форум молодежной науки*. – 2020. – № 3. – С. 20–25. – Текст: электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-interneta-na-formirovanie-tsennostey-molodyozhi> (дата обращения: 20.04.2022).

8. Лебедева, В. Карма – источник знаний / В. Лебедева // *Коммерсантъ*. – 2022. – 1 февраля.

9. Молчан, Э.М. Влияние цифровизации на формирование духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия в эпоху глобализации / Э.М. Молчан // *Вестник МГОУ. Серия: Философские науки*. – 2019. – № 2. – С. 55–66. – Текст: электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovizatsii-na-formirovanie-duhovno-nravstvennyh-tsennostey-subektov-vzaimodeystviya-v-epohu-globalizatsii> (дата обращения: 16.04.2022).

10. Носачев, П.Г. Блеск и нищета «социологии оккультного»: теория оккультуры К. Партриджа / П.Г. Носачев // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. – 2017. – № 70. – С. 110–125. – Текст: электронный. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blesk-i-nischeta-sotsiologii-okkultnogo-teoriya-okkultury-k-partridzha> (дата обращения: 17.04.2022).

11. Тирикьян, Э.А. К социологии эзотерической культуры / Э.А. Тирикьян // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2013. – № 4 (31). – С. 247–275. – Текст: электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-sotsiologii-ezotericheskoy-kultury> (дата обращения: 17.04.2022).

12. Шелекета В.О., Дмитриева И.С., Кустова Н.А. Деловая репутация организации в контексте понятия социальной ответственности: морально-этические измерения менеджмента / В.О. Шелекета, И.С. Дмитриева, Н.А. Кустова // Сервис +. – 2015. – № 4. – С. 27–34. – Текст: электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/delovaya-reputatsiya-organizatsii-v-kontekste-ponyatiya-sotsialnoy-otvetstvennosti-moralno-eticheskie-izmereniya-menedzhmenta> (дата обращения: 15.04.2022).

ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ В XXI ВЕКЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Урманбетова Жылдыз Карыбаевна

Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Бишкек, Кыргызстан

Аннотация: В статье анализируются концепции философии истории и философии культуры XX века, ставшие основанием для провозглашения глобального кризиса в культуре, реализовавшего себя в XXI столетии. Выдвижение глобализации в качестве объективной тенденции развития человечества обусловило формирование ответов культур, приведших к актуализации процессов идентификации. В качестве двух тенденций развития культуры в XXI веке рассматриваются обращение к архетипам как истокам формирования систем культуры и форматирование новых стандартов понимания всех основных областей человеческого существа и деятельности, в том числе и культуры, которое будет принято в мире в целом и которое обусловит рельсы реформатирования мирового порядка.

Ключевые слова: культура, глобализация, архетипы, апокалипсис, идентификация.

Введение

В конце XIX и начале XX веков философы начали говорить о кризисе человечества, который с неизбежностью приведет к Апокалипсису. Н. Бердяев утверждал, что «апокалипсис есть прикровенное откровение о все разрешающем конце истории» [1, с. 154]. Их не поняли, посчитав это абстрактными измышлениями. Но оказалось, что это обыденное сознание споткнулось о камень непонимания. И сейчас можно предположить, что

Апокалипсис, о котором предрекали философы, произошел. Это апокалипсис не в смысле окончания мира как такового и жизни человечества, а апокалипсис в смысле завершения жизни в том формате, который был заложен в период осевого времени – времени взрыва культур и философии, обусловившего стандарты бытия на последующие двадцать пять веков существования человечества. Это было временем классической философии, сформировавшей основы понимания человека и бытия в контексте общезначимых критериев добра и зла, когда разум человеческий преподносился в качестве верховенства мысли, а мир предполагался единым и целостным. Именно поэтому прошедшие более чем двадцать веков летоисчисления сформировали прогресс человечества с попеременным приоритетом Востока и Запада.

Апокалипсис, о котором предрекали философы, все же случился. Распад онтологического единства мира и дискретность разума в смысле сосуществования единичных политических разумов – и есть завершение мира классики, достигшего модерна. Апокалипсис в данном случае – это когда мир перестает жить по заданным изначально ориентирам. Жизнь без ориентиров сродни хождению во тьме. Конец XX века был переходом в «новое» летоисчисление, когда классические стандарты понимания мира были смыты новыми вариациями отражения взаимосвязи человека и бытия.

Значимость культуры в истории человечества: историко-философский ракурс

Наиболее ценным и определяющим значением феномена культуры выступает тот факт, что культура явила собой второй мир как реализацию творческой природы человека. И в этом смысле соотношение культуры с природой как изначальным миром всегда волновало философов. Период осевого времени обусловил становление двух архетипов культуры в виде сосуществующих транскрипций Востока и Запада. Наличие общих истоков этих мировых центров культуры постулирует значимость диалога между ними как диалога двух образов мышления, культуры. Неслучайно К. Ясперс справедливо заметил, что «со времен Геродота противоречие между Западом и Востоком осознается как исконная и вечная противоположность, являющая себя во все новых образах. Тем самым эта противоположность только и стала реальной, ибо духовную реальность обретает лишь то, что знает о себе. Греки заложили основу Западного мира, и сделали это так, что мир этот существует лишь постольку, поскольку он постоянно направляет свой взор на Восток, находится с ним в размежевании, понимая его и отстраняясь от него, перенимая у него определенные черты и перерабатывая их, борясь с ним, и в этой борьбе власть попеременно переходит от одной стороны к другой» [2, с. 89]. Этот период длился достаточно долго, чтобы обрести стабильность понимания различных систем культуры. Несмотря на различные кризисные периоды, как в каждой из систем культуры, так и между ними, значимость их не терялась на протяжении более чем двадцати веков. Этот огромный исторический пласт совпал со временем классической философии, поскольку именно философия заложила основы всеобщего видения, несмотря на специфические различия

Востока и Запада. Единое видение мира различалось акцентными моментами в понимании существа человека и сущности мира.

В качестве функционального в смысле осмысления истории можно выделить трактат И.Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества», который предстал синтезом философии истории и философии культуры. Основной идеей своей концепции И. Гердер мыслил идею непрерывности как тенденциозную линию истории человечества, включающую и непрерывность в истории культуры. Культурный прогресс, по Гердеру, выражает основную цель и смысл истории. Деление истории культуры на периоды дикости, варварства и цивилизации предопределяет поступательный характер развития культуры в контексте прогресса.

Такое течение истории и культуры продолжалось вплоть до XIX века, в конце которого многие философы заговорили о кризисе культуры. Ощущение кризиса культуры особо чувствуется в философии истории О. Шпенглера, которая пронизана заложенной в каждой культуре идеей судьбы. Он утверждает, что «релятивизм в истории – есть познание идеи судьбы. Единственное, неповторимое, невозвратное всего совершающегося есть форма, в которой судьба выступает перед человеческим взором» [3, с. 23]. О. Шпенглер очень тонко и глубоко чувствует состояние кризиса, сопереживая культуре в ее обостренном ощущении нестабильности бытия, проникается непознаваемыми противоречиями его, диктующими изменения миропонимания и переоценку всех ценностей. «Трагизм нашего времени заключается в том, что лишенное уз человеческое мышление уже не в силах улавливать собственные последствия» [4, с. 487], – говорил О. Шпенглер, считая, что культура находится на грани смерти.

В тон Шпенглеру Ф. Ницше, отягощенный веянием времени, отрицает идею прогресса в человеческом развитии, называя ее фальшивой, поскольку «человечество не представляет собой развитие к лучшему» [5, с. 634]. В связи с этим Ницше провозглашает тезис о потере смысла истории, что возвещает о ее конце. Отрицание ценностей культуры отождествляется с отрицанием, уничтожением самой культуры как продукта созидания человека. Идеи Ф. Ницше в определенной степени находят свое созвучие в философии истории Н. Бердяева. Продолжая философские традиции, Н. Бердяев считает, что история «прежде всего судьба и должна быть осмыслена как судьба, как историческая судьба» [6, с. 161]. Культура как проявление трагедии судьбы истории мыслится им как символистская теория ценностей, не осуществляемая в реальной жизни, а созерцающая эту жизнь с высоты вечности своих символов. Именно поэтому Н. Бердяев провозглашает о наступлении апокалипсиса.

Обозначенные концепции философии истории и философии культуры являют собой отражение смещения проблем культуры в XX столетии в эпицентр бытия человека, общества и человечества, тем самым смысл истории понимается как смысл культуры в ее общественном развитии, когда социальные противоречия достигают апогея своей высоты и встает вопрос «быть или не быть?». Это означает, что культура как феномен человеческого

сознания, творческой деятельности впитывает в себя все проблемы социального развития, выступая резонатором противоречий личностного сознания и осознания единства бытия. Смысл перечисленных концепций был определен разработками возможных перспектив развития XX века, соответственно их значимость себя уже реализовала, раскрывшись в существе протекающих тенденций соотношения культуры и цивилизации. Предположения о надвигающемся кризисе, предопределенным кардинальным наступлением цивилизационных стереотипов мышления, в определенной степени оказались пророческими, что дает повод возвысить ценность философии, почувствовавшей культурную ситуацию XX столетия.

Глобализация и процессы национально-культурной идентификации

Современная ситуация проявляет значимость критериев осмысления пройденного пути, определенных в XX веке. Вступивший в свои права XXI век сохранил тенденции развития человечества и вместе с тем еще более обнажил существующие противоречия. Настоящее определяется ориентированностью в будущее. В этом случае сознание вновь представляет основные моменты дальнейшего своего разворачивания через категории культуры и цивилизации в их определенности судьбой человечества. Для продвижения в глубь истории философия вновь должна почувствовать культурную ситуацию столетия, как это имело место в предшествующих концепциях философии истории, приобщенность к которым позволила представить объективную картину развития. Кризис культуры, о котором предупреждали культурфилософы, пришел к своему разрешению – взрыв в общественном, этническом, духовно-творческом, социокультурном, интеллектуальном сознании произошел, тем самым завершилась определенная веха в истории человечества. Следствием взрыва явилась потребность в созидании-сотворении современной концепции философии истории, которая бы обозначила архиважность самоопределения человека, общества, государства и народов мире XXI столетия. Конец XX века ознаменовал глобальность смысла культуры в ее ориентации на изначальные основы бытия. Говоря словами В. Библера, «смыслы различных культур осознаются в XX веке не как высшие и лучшие смыслы; каждая из них с правом претендует на всеобщность, единственность, вершинность, хотя в нашем современном сознании они имеют смысл только в отношении друг к другу» [7, с. 373].

XX век был ознаменован многочисленными катаклизмами, войнами и разрушениями. Вместе с этим именно в XX веке появилось громкое заявление о вступлении человечества в новую фазу исторического развития, именуемую глобализацией. Тем самым по-новому встал вопрос о глобальном единстве мира, начиная от приоритета рыночной системы хозяйства, победного шествия либеральной демократии и до универсальных ценностей, детерминирующих формирование глобальной культуры, а значит единых стандартов мышления и норм бытия. Вместе с этим основой представления глобализации объективной тенденцией развития бытия стала идеологическая раскрутка философии космополитизма. При этом национальное государство в контексте глобализации должно было уступить место транснациональным корпорациям.

Однако по истечении не более чем тридцати лет глобализация перешла в новую фазу своего развития, именуемую постглобализацией. И вновь понятие национального государства стало актуальной единицей мирового сообщества, перед которым возникли новые риски и угрозы.

Основным контекстом постглобализации выступили процессы идентификации, в особенной степени реализующиеся в национальных государствах. В методологическом отношении возникло разночтение трактовки идентичности в преломлении к индивидуальному «я» человека и коллективному «мы» в контексте нации и государства. Такое разночтение проявилось и в рамках радетелей глобализации: Ф. Фукуяма в своей «Идентичности» настаивает на том, что «идентичность вырастает из различия между истинным внутренним «я» и внешним миром социальных правил и норм, которые не признают и не уважают ценность или достоинство этого внутреннего «я»» [8, с. 6]. С. Хантингтон же в своей работе «Кто мы?» делает ставку на проявление коллективной идентичности, именно поэтому вопрос «кто мы?» ставится в отношении самого государства. При этом акцент ставится на гражданство, поскольку «гражданство связывает идентичность конкретного человека с идентичностью нации» [9, с. 338]. В этом отношении книга С. Хантингтона стратегична в хорошем смысле этого слова, верно определяя вызовы, риски и угрозы для американской идентичности. Сама постановка вопроса направлена на вопрошание сути национального государства. Это означает, что мыслитель признает, что историческое время национального государства не исчерпано, напротив, оно претерпевает момент исключительной востребованности.

Первая четверть XXI века раскрывает существо переформатирования всех существующих линий связности жизни – отношения человека и природы, человека и общества, человека и человека. Переформатирование отношений и выступает основой современного мира, начиная от постановки вопроса о существовании человека через все формы его взаимосвязей до восприятия сущности мира. Самой главной характерной особенностью этого переформатирования выступает вариативность как самореализации человека, так и понимания мира: самой природы, морали, религии, общества и государственности. Именно поэтому в качестве новой парадигмы развития конца XX столетия предстала синергетика как новая вариация хаоса. Точно также именно поэтому видоизменились понятия добра и зла, границы между которыми сузились до короткого перешейка (как от любви до ненависти всего один шаг, так и переход от добра ко злу можно уместить в тот же шаг; при этом в интерпретации добра и зла имеет место быть множество вариаций).

Мир стабильности, несмотря на существовавшие кризисы, получивший свое отражение в классической философии, далеко позади. В настоящем мы живем в мире хаоса и суеты, когда девальвация некогда незыблемых истин, достигла апокалиптического предела. Именно поэтому можно утверждать, что к концу XX века он развернулся в полном формате. XXI век – это уже другая история. И в этой связи именно оттого, что новые ориентиры в понимании человека, эпохи и мира не были выражены, переформатирование начало

происходить хаотично, когда каждый субъект в своей самореализации был зациклен собственно на себе самом; когда каждое государство потонуло в собственных противоречиях; когда каждая культура начала вопрошание со своего наследия; когда каждое общество ударились в свои локальные ценности; когда каждый политический игрок играет исключительно по своим правилам, а не общим принципам.

Однако мир хаоса и противоречий не может длиться вечно, иначе в реальности не за горами последняя страница истории. Именно поэтому в этом мире противоречий должны рождаться истоки нового летоисчисления в виде новых стандартов существования человека в этом мире. Под стандартами в данном случае понимаются основополагающие ориентиры в определении бытия человека и восприятия мира как такового. Возврата к прежней классике невозможно во всем – как к философской классике, так и классике морали и права, искусства и культуры. Важно само осознание неизбежности в выработке новых стандартов бытия и понимания того, что кризис рационализма собственно и привел к выдвиганию вариативности как подхода ко всем проявлениям человеческой сущности. Постмодерн с его фрагментарностью сознания и есть реализация кризиса рационализма. Именно поэтому в качестве спасительной соломинки в процессе обретения своего «я» в обществах и государствах, народах и культурах обратились к своим архетипам.

Две тенденции в развитии культуры современности

По образному выражению К. Ясперса, именно в кризисные периоды народ обращается к своим историко-культурным истокам для получения мотивации в движении вперед. Это происходит, поскольку возникает ощущение достижения рубежа в развитии мира, несоизмеримого по своей глубине и масштабам осознания с предшествующими рубежами исторических эпох [10, с. 548]. Онтологическая субстанциональность истоков духовного в каждую эпоху истории обретает свою характерную форму проявления. В этом отношении необходимость исторического обращения к культурному наследию предопределена интуицией целостности человеческого существования. В настоящее время эта целостность нарушена, тем самым архетипы актуализируются в сознании, детерминируя формы освоения новых ценностей.

Обращение каждым народом к своему архетипическому – это один из путей развития. Другой – это форматирование новых стандартов понимания всех основных областей человеческого существа и деятельности, которое будет принято в мире в целом и которое обусловит рельсы перестроения мирового порядка. Это сродни новому сотворению мира на общечеловеческом уровне. Это кажется неподъемной задачей, но темпы исторического времени в период кризисов значительно ускоряются, при этом высвобождая энергию для совершения чего-то поистине значительного и востребованного самой ситуацией. Без выработки таких ориентиров хаос по глубине и масштабности может превзойти меру допустимости, а система ценностей перестанет функционировать. Именно поэтому эпоха кризисов помимо экономического

дна, социального и политического беспредела, обратной стороной имеет возможность взрыва духовно-интеллектуального напряжения. В этом смысле накал страстей может проявиться в рождении истин, способных выступить в роли если не императивов, то хотя бы ориентиров существования человека в этом мире.

Это означает, что мы живем не просто в эпоху перемен, мы живем в эпоху переформатирования отношений как постепенной реализации новых стандартов жизнепонимания. Последние явления пандемии и войны как нельзя лучше продемонстрировали, что переформатирование не грядет, оно уже осуществляется. В истории человечества волны демократизации и силы всегда чередовались, однако в настоящем изменения несут в себе совершенно другой потенциал. Это апофеоз кризиса рационализма как парадигмы существования человека в этом мире. Становится страшно жить, но жить в страхе долго невозможно, поскольку страх разъедает в человеке все самое важное. Жизнь без страха же возможна при полном понимании существа перемен и осознании необходимости нового пути. Философия нового века не подспела вовремя, поскольку не приходило осознание масштабности, кардинальности и глобальности перемен, которые требуют новой постановки не проблемы, а самого категориального аппарата, способного обозначить новые горизонты человека и мира в той реальности, которая нас окружает.

Каждая историческая эпоха предъявляет свои вызовы, о чем говорили многие философы, и в частности, А. Тойнби, когда утверждал, что «история существует там, и только там, где есть время», и в основе истории лежит взаимодействие мирового закона – божественного Логоса и человечества, которое каждый раз дает Ответ на божественное Вопрошание, выраженное в форме природного или какого-либо иного Вызова» [11, с. 8]. Одновременно с этим, каждый новый век в истории человеческой цивилизации определяет ориентиры развития. XXI век был ознаменован продолжением информационной эры, основанной на технологическом детерминизме. Тем самым глобальный мир технологического прогресса предъявляет свои вызовы, стремясь универсализировать все и вся. Одновременно с этим мы живем в эпоху перемен, поскольку обозначенная в конце XX столетия в качестве объективной тенденции развития бытия глобализация, по истечении четверти века породила ответную реакцию в виде усиления процессов идентификации, тем самым обосновав де-глобализацию. Неслучайно, по мнению классика постмодернизма Жана Бодрийера, глобализация сама себя и разрушает – это объективный феномен исторического процесса. «Америка уже не та, что прежде, но продолжает развиваться теми же темпами, она в гистерезисе могущества. Гистерезис – это процесс, который продолжается по инерции, эффект, который длится, когда то, что породило его, уже исчезло. Можно также говорить о гистерезисе истории...» [12, с. 193]. Это означает, что, несмотря на муссирование космополитизма и универсальных ценностей, актуальным остается феномен национального государства как единицы геополитического пространства. Такому ветру глобальных перемен трудно противостоять, тем не менее каждое национальное государство должно и пытается найти свой путь

в мире универсализма. За последние пару лет, с пришествием пандемии, все острее обсуждаются вопросы о перспективах развития человечества в разрезе глобализации и де-глобализации. И если раньше в основном муссировались идеи космополитизма, когда связующим звеном человека и мира вообще выступали универсальные ценности, то сейчас инстинкт самосохранения вынуждает государства все больше апеллировать к своему историческому наследию. Что победит – несокрушимый ветер глобализации, ускоряющийся цифровой формой технологических достижений и загоняющий человека в искусственно созданную среду обитания; или по-новому интерпретированное вековое наследие, обернутое той или иной национальной оболочкой? Это вопрос нашего столетия.

В рассуждениях о глобализации и постглобализации в настоящем естественным образом возникает вопрос – к чему мы пришли? Отвечая на поставленный вопрос, хотелось бы использовать наиболее современный термин «глобальная перезагрузка», основываясь на работе Клауса Шваба и Тьерри Маллере и имея в виду специфику постпандемического мира, о чем уже некоторое время рассуждает мировое сообщество. «Глобальная перезагрузка» блуждает в умах многих мыслителей, да и просто живущих в XXI веке небезразличных к мировому будущему представителей человечества. Неслучайно Жак Аттали считает, что «Сегодня решается, каким будет мир в 2050-м, а может, и в 2100 году. От наших действий зависит, как будут жить наши дети и внуки – в комфортных условиях обитания или в настоящем аду, ненавидя нас. Чтобы оставить им пригодный для жизни мир, нужно задуматься о будущем и понять, почему ход истории принимает тот или иной оборот, как на это реагировать» [13, с.].

Сложившаяся ситуация в современности являет собой определенный рубеж, как в осознании существования человека и мира в контексте технологического прогресса, так и в понимании необходимости смены ориентиров в восприятии бытия и познания мира в целом. Этот рубеж обладает двойкой смысловой значимостью: он проявляет имеющиеся потенциальные возможности совершенствования духа, тем самым станет началом совершенно нового, непознанного еще пути; либо, реализовав опасности, положит конец этому бытию, открыв дорогу в ничтожное время, в никуда.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 176 с.
2. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 528 с.
3. *Шпенглер О.* Пессимизм ли это? – М.: Книгоиздательство «Берег», 1922. – 95 с.
4. *Шпенглер О.* Человек и техника // Культурология. XX век: Антология. – М.: Юрист, 1995.
5. *Ницше Ф.* Антихрист // Соч. в 2-х т. – М.: Мысль, 1996. – Т. 2. – С. 631–692.
6. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 176 с.

7. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в XXI век. – М.: Политиздат, 1991. – 414 с.
8. Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. – М., 2019. – 256 с.
9. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской идентичности. – М.: АСТ – Транзиткнига, 2004. – 635 с.
10. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Мир философии. Ч. II. – М., 1991. – С. 546–558.
11. Тойнби А. Дж. Постижение истории. – М.: Прогресс, 1991. – 730 с.
12. Бодрийяр Ж. Америка. – Санкт-Петербург: «Владимир Даль», 2000. – 208 с.
13. Аттали Жак Краткая история будущего. Издательский дом: Питер, 2014 https://royallib.com/book/attali_gak/kratkaya_istoriya_budushchego.html , 17 марта 2022.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СУРГУТСКОГО РАЙОНА ХМАО – ЮГРЫ

Хакназаров Саидмурод Хамдамович

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск, Россия*

Аннотация. В работе обобщаются и рассматриваются результаты социологических исследований по выбранной тематике, проведенных в 2021 г. и ранее на территории исследуемого района.

Ключевые слова: коренные народы Севера, социальная защищенность, доходы, расходы, качества.

По мнению исследователя проблем коренных народов Севера В.И. Сморгчовой [1], коренные народы Севера Российской Федерации¹ представляют уникальную группу населения нашей планеты, которые сохраняют самобытный уклад жизни и осознают себя самобытными этническими общностями. В ходе исторической эволюции северные народы выработали уникальные навыки адаптации к окружающей среде, научились

¹ Категория КМНС была введена в 1925–1926 гг. усилиями сотрудников Комитета Севера при Президиуме ВЦИК для оказания им помощи в экономическом и культурном развитии. Тогда их называли «малыми народностями Севера», для выделения которых пользовались следующими критериями:

- 1) Малая численность;
- 2) Ведение оленеводческого и промыслового хозяйства (охота и рыболовство);
- 3) Кочевой и полукочевой образ жизни;
- 4) Низкий уровень социально-экономического развития.

С начала 1990-х годов изменилось их общее название – коренные малочисленные народы Севера (КМНС).

выживать не путем борьбы с суровой природой, а за счет максимального приспособления к ней. В мировом сообществе отмечается, что коренные народы своим бережным отношением к природе сохранили для человечества около 20 процентов наиболее ценных в плане биоразнообразия земель и природных ресурсов. В связи с этим сохранение их самобытного образа жизни, навыков природопользования, является, по существу, индикатором потенциала устойчивого развития для каждого северного государства.

Разрабатываемые здесь природные ресурсы гарантируют экономическую и энергетическую безопасность страны, являются основной базой пополнения федерального и регионального бюджетов, источником валютных поступлений. Как отмечает В.Г. Логинов [2], широкомасштабное освоение природных ресурсов Севера, которое осуществлялось в советский период при полной государственной поддержке, выявило целый ряд проблем экономического, социального и экологического характера. В переходный период значительная часть северных территорий оказалась в депрессивном состоянии, которое было вызвано снижением федерального финансирования, ростом транспортных и энергетических тарифов, отработкой ряда крупных месторождений полезных ископаемых и других причин.

В данной статье мы будем анализировать некоторые социально-экономические проблемы коренных народов Севера на примере Сургутского района Югры в разрезе социологических исследований.

Краткая характеристика района исследований. В географическом отношении Сургутский район расположен в центральной части Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (территория Средней Оби). Общая площадь района составляет 105,5 тыс. км². Это самый крупный район Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по численности населения и объему промышленного производства [3]. Протяженность границ – 1800 км, с севера на юг – 560 км, с запада на восток – 400 км.

Общая численность населения района составляет 126,1 тыс. чел. (на 01.01.2021 г.) [4]. На территории района из числа коренных малочисленных народов Севера проживает более 3000 человек (2,7 % от всего населения района), из них большая часть населения ведёт традиционный образ жизни и занимается традиционными видами деятельности (охота, рыбалка, сбор дикоросов и т. д.) на территориях традиционного природопользования (родовых угодьях). По национальному составу 98 % – ханты, 1 % – ненцы, менее 1 % – манси. [5]. 42 % территории района занимают территории традиционного природопользования (общинно-родовые угодья). Общее их количество – 157 шт., с общей площадью – 7 430200 га. На территории традиционного природопользования, проживают более 600 семей (более 2000 чел.) представителей КМНС, которые занимаются в основном традиционными видами хозяйственной деятельности. Их общая численность на территории района составила 2881 чел. (2,4 % от населения района) [6].

Экономику района, в основном, формирует нефтегазодобывающая промышленность. Второй по значению отраслью является переработка газового конденсата, осуществляемая на заводе стабилизации конденсата. ООО

«Сургутгазпром» Сургутский газоперерабатывающий завод на сегодняшний день является крупнейшим поставщиком газа для Сургутской ГРЭС и для нужд населения. Всего на территории района разрабатывается более 100 месторождений углеводородного сырья, освоением которых занимаются предприятия крупнейших нефтяных компаний, таких как: ОАО «Сургутнефтегаз», ООО «Лукойл-Западная Сибирь», ОАО «Юганскнефтегаз», ЗАО «Лукойл-АИК», ЗАО «Югранефть» и др.

В 2021 году сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск), с целью изучения современного социально-экономического положения коренных народов Севера Югры (в т. ч. Сургутского района) были проведены этносоциологические исследования в местах их компактного проживания¹.

Респондентами соцопроса (основной состав практически 90,0 % стали представители из числа коренных народов Севера), проживающих в населенных пунктах Сургутского района. Общее количество участников анкетирования составило 181 человек, по половой принадлежности – 58,0 % женского пола и 42,0 % мужского. Сфера деятельности участников опроса: четверть опрошенных (25,4 %) оказались работниками в сфере традиционных профессий (рыбак, охотник, оленевод и т. п.). Практически одинаково оказалось количество респондентов, как безработных (18,2 %), так и респондентов выбравшие ответ «другое» (18,8 %) для которых их деятельности не входит в перечень предложенных ответов анкеты. Также в анкетном опросе приняли участие пенсионеры (16,6 %), работники образования и науки (8,3 %), работники здравоохранения и культуры (по 6,1 %). В опросе также участвовали служащие (2,8 %), студенты (2,8 %), школьники (1,7 %), руководители (0,6 %).

Опросы проводились в анкетной форме. Анкеты содержали вопросы с вариантами ответов. Респондентам нужно было выбрать только те ответы, которые они считали приемлемыми. Помимо анкет было много устных бесед по наболевшим проблемам.

Рассматривая вопрос о качестве жизни на местах отметим, что отвечая на соответствующий вопрос (табл. 1), относительное большинство респонденты (31,0 %) считают, что качество жизни в их населенном пункте в последнее время ухудшилось. Также респонденты ответили, что качество жизни в их муниципальном образовании по сравнению с прошлым годом осталось на прежнем уровне (21,5 %). А 20,2 % опрошенных полагают, что качество жизни немного улучшилось. Затруднялись ответить на поставленный вопрос 24,3 % респондентов.

¹ Опрос в 2008 г. проведен в рамках мониторинга «Экологического и социально-экономического развития КМНС, проживающих в сельской местности». И при финансовой поддержки бывшего Департамента по вопросам МНС ХМАО – Югры и при участии общественной организации Ассоциация «Спасение Югры».

Распределение ответов на вопрос:
«Оцените, как изменилось качество жизни в Вашем
муниципальном образовании по сравнению с прошлым годом?»

Варианты ответов	Число ответов	% от опрошенных	% от ответивших
Затрудняюсь ответить	44	24,3	24,3
Осталось на прежнем уровне	39	21,5	21,5
Немного улучшилось	35	19,3	19,3
Ухудшилось	34	18,8	18,8
Немного ухудшилось	22	12,2	12,2
Улучшилось	7	3,9	3,9
Итого	181	100,0	100,0

Касательно вопроса уровня материального положения коренных народов Севера Октябрьского района, обратимся к данным социологического опроса, проведенного Департаментом социального развития ХМАО – Югры в 2017 году [4]. Давая оценку уровня материального положения своей семьи, большинство респондентов (54,0 %) отметили, что уровень материального положения их семьи соответствует величине прожиточного минимума в регионе. А 46,0 % опрошенных ответили, что уровень материального положения их семьи ниже величины прожиточного минимума, установленной в регионе на душу населения. Для сравнения отметим, что отвечая на этот же вопрос, абсолютное большинство респондентов (86,5 %) Октябрьского района Югры наоборот отметили [7; 8], что уровень материального положения их семьи ниже величины прожиточного минимума, установленной в регионе на душу населения. Лишь 13,5 % респондентов отметили, что уровень материального положения их семьи соответствует величине прожиточного минимума в регионе.

Рассматривая вопрос об уровне социальной защищенности коренных народов Севера в регионе, следует отметить, что отвечая на соответствующий вопрос, большая часть респондентов (64,5 %), уровень своей социальной защищенности оценили как «среднюю». Одна пятая часть респондентов (20,2 %) дали оценку ниже среднего. Только незначительная доля респондентов (15,3 %) оценивали уровень своей социальной защищенности как достаточно высокий. Примерно совпадают и ответы респондентов Октябрьского района Югры на данный вопрос, где половина респондентов (49,0 %), уровень своей социальной защищенности оценили также как «среднюю». Чуть менее половины респондентов (43,4 %) дали оценку ниже среднего. Лишь незначительная доля респондентов (7,5 %), оценивали уровень социальной защищенности коренных народов Севера как достаточно высокий» [7; 8].

Далее нам было интересно узнать мнение жителей об их материальном и финансовом положении. По результатам проведенного опроса мы выяснили,

что для подавляющего большинства респондентов источником их основного дохода (табл. 2) является заработная плата (45,3 %) и выплаты из социальных фондов (28,7 %). Также были отмечены респондентами, как основной источник доходов «сдача дикоросов, мяса, рыбы, меха» (14,4 %). Источники доходов, как «другое» указали 6,1 % от числа опрошенных. «Доходы от продажи продукции традиционных промыслов, собственного производства» отметили лишь 2,2 % участников опроса и не обозначили свои источники основного дохода всего 3,3 % опрошенных (нет данных).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Источник Ваших основных доходов?»

Варианты ответов	Число ответов	% от опрошенных	% от ответивших
Заработная плата	82	45,3	45,3
Выплаты из социальных фондов	52	28,7	28,7
Доходы от сдачи дикоросов, мяса, рыбы, меха	26	14,4	14,4
Доход от продажи продукции традиционных промыслов, собственного производства	4	2,2	2,2
Доход о предпринимательства	0	0,0	0,0
Другие источники	11	6,1	6,1
Нет данных	6	3,3	3,3
Итого	181	100,0	100,0

Как показывают результаты ранее, проведенных нами опросов (2006–2008 гг.) в исследуемом районе, основными источниками доходов представителей коренных народов Севера являлись: продажа продукции традиционных промыслов – 37,9 % (37,2 %), сдача дикоросов, мяса, рыбы – 18,1 % (9,3 %), другие источники – 29,3 % (18,1 %), выплаты из социальных фондов – 17,3 % (9,3 %), заработная плата – 6,8 % (20,3 %). Также по результатам опроса, проведенного в 2010 г., основными источниками доходов представителей народов Севера являлись: продажа продукции традиционных промыслов – 97,5 %, выплаты из социальных фондов – 43,0 % и заработная плата – 18,7 % [9]. Это, скорее всего, связано с тем, что респонденты в основном живут на территориях традиционного природопользования и занимаются традиционными видами хозяйственной деятельности. Как показывают результаты последнего опроса (2021 г.) поменялись взгляды респондентов по данному вопросу.

В ходе соцопроса попытались также выяснить, на что тратят участники основную часть своего дохода (табл. 3). Абсолютное большинство респондентов (91,7 %) указали на «питание и одежду». На «лекарство и лечение» тратят свои доходы – 39,2 % опрошенных. 17,7 % опрошенных тратят на образование детей и 11,0 % участников тратят основные свои доходы на приобретение техники и средства для традиционных видов хозяйственной

деятельности. Незначительное количество респондентов (5,0 %) обозначили основные свои траты на «развлечение и отдых». Для других целей тратят свои доходы лишь 3,9 % респондентов.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос:
«На что Вы тратите основную часть доходов?», n* = 181

Варианты ответов	Число ответов	% от опрошенных	% от ответивших**
Питание и одежда	166	91,7	91,7
Лекарства, лечение	71	39,2	39,2
Образование детей	32	17,7	17,7
Приобретение техники и средства для традиционных видов хозяйственной деятельности	20	11,0	11,0
Развлечения, отдых	9	5,0	5,0
Другое	7	3,9	3,9

* n – число респондентов

** – В данном вопросе респонденты могли выбрать сразу несколько вариантов ответа, т. к. итог ответов значительно превышает 100 %.

Отвечая на этот же вопрос (2010 г.), представители коренных народов Севера практически также отметили, что основную часть своих доходов тратят на питание и одежду (99,0%) и лекарство, лечение (95,5%) [9]. А на приобретение техники и средства для традиционных видов хозяйственной деятельности стали тратить меньше чем в 2010 г. (11,0% против 96,0%).

Говоря об оценке качество медицинского обслуживания в населенном пункте (табл. 4), где непосредственно проживают участники опроса, около половины опрошенных (48,6 %) считают качество предоставления медицинских услуг в своем населенном пункте как «неудовлетворительное». Лишь 21,5 % респондентов оценили качество медицинского обслуживания как «удовлетворительно». Не обозначили свою позицию по данному вопросу 29,8 % участников опроса.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете качество медицинского обслуживания в Вашем населенном пункте?»

Варианты ответов	Число ответов	% от опрошенных	% от ответивших
Неудовлетворительно	88	48,6	48,6
Затрудняюсь ответить	54	29,8	29,8
Удовлетворительно	39	21,5	21,5
Итого ответивших:	181	100,0	100,0

Отвечая на вопрос: «Если неудовлетворительно, то почему?», респонденты в качестве причин отметили следующее причины:

- отсутствие специалистов необходимого профиля – 30,4 %;
- плохая организация работы медицинских учреждений (очереди, невозможность попасть на прием в удобное время, опоздания специалистов и т. д.) – 26,0 %;
- низкая квалификация и некомпетентность медицинских специалистов – 22,1 %.

Лишь незначительная часть респондентов (7,2 %) указали на плохое качество медицинского оборудования и лекарственных средств. Затруднялись ответить на данный вопрос 45,3 % респондентов.

Обобщая ответы респондентов на вопросы о качестве предоставления медицинских услуг в их населенном пункте, можно сделать вывод о ее некачественном предоставлении в населенных пунктах Сургутского района.

Отвечая на вопрос «Как Вы считаете, какие проблемы в Вашем населенном пункте надо решать в первую очередь?», респонденты из числа коренных народов Севера Сургутского района отметили, что в первую очередь нужно решить следующие проблемы:

- организации рабочих мест – 60,8 % (61,6 %) ¹;
- улучшения состояния окружающей среды – 53,6 % (69,0 %);
- повышения уровня образования 51,9 % (23,1 %);
- обеспечение стариков и малоимущих – 45,9 % (86,5 %);
- повышение качества медицинских услуг ² – 45,3 %;
- забота о социально незащищенных граждан – 45,3 % (52,2 %);
- жилищной – 45,3 % (81,1 %);
- контроля цен на продукты питания – 41,4 % (44,1 %);
- алкоголизма и пьянства 26,0 % (93,45 %).

В целом результаты исследования показывают, что качество жизни в населенных пунктах, где проживают респонденты, в последнее время ухудшилось.

Большинство респондентов полагают, что уровень материального положения их семьи соответствует величине прожиточного минимума в регионе.

Большая часть респондентов из числа коренных народов Севера, уровень своей социальной защищенности оценили как «среднюю».

Основными источниками доходов представителей коренных народов Севера является заработная плата и выплаты из социальных фондов.

Около половины опрошенных качество предоставления медицинских услуг в своем населенном пункте оценивают неудовлетворительно.

Респонденты отмечают, что первую очередь нужно решить проблемы организации рабочих мест, улучшения состояния окружающей среды и повышения уровня образования.

¹ В скобках указаны данные за 2010 г.

² Данный вариант в предыдущих опросах не рассматривалась.

Как мы неоднократно отметили [10], что социальные и экономические проблемы коренных народов Севера в настоящее время являются актуальными и требуют поиска путей их решения. Например, чтобы решить проблему алкоголизма и пьянства среди представителей коренных народов Севера, ряд исследователей в своих работах предложили вариант, о том, чтобы ввести запретить на продажу алкогольных напитков в местах их традиционного проживания.

Литература

1. *Сморчкова В.И.* Социально-экономическое развитие коренных народов Севера в условиях институциональных преобразований // Обские угры: научные исследования и практические разработки: Материалы Всероссийской научной конференции VII Югорские чтения. – Ханты-Мансийск, 2008. – С. 442–448.

2. *Логинов В.Г.* Социально-экономическая оценка развития природно-ресурсных районов Сибири / Логинов В.Г. – Екатеринбург: Инс-т экономки УрО РАН, 2007. – 311 с.

3. История района. – URL: <https://www.admsr.ru/region/history/> (дата обращения: 27.04.2021).

4. Население района. – URL: <https://www.admsr.ru/region/population/> (дата обращения: 27.04.2021).

5. Народы Севера. – URL: <https://www.admsr.ru/region/peoples/> (дата обращения: 27.04.2021).

6. *Хакназаров С.Х.* Проблемы социально-экономического развития территорий традиционного природопользования коренных народов ХМАО – Югры (по материалам социологических исследований). – Ханты-Мансийск: изд-во: ООО «Югорский формат», 2016. – 100 с.

7. *Хакназаров С.Х.* Общественный взгляд на социальные проблемы Октябрьского района Югры // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: материалы X Международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 23–24 сентября), посвященной 30-летию социальной работы в России / отв. ред. Ю.Ю. Шурыгина. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2021. – С. 314–316.

8. Результаты опроса представителей коренных малочисленных народов Севера в 2017 году [Электронный ресурс]. – URL: <https://depsr.admhmao.ru/sotsialnaya-podderzhka-naseleniya/opros-obshchestvennogo-mneniya-predstaviteley-korennykh-malochislennykh-narodov-severa/955845/rezultaty-oprosa-v-2017-godu/> (Дата обращения: 02.07.2021).

9. *Хакназаров С.Х.* Социологический анализ социально-экономических проблем коренных народов Югры: на примере Сургутского района // Экономика-правовые, социально-политические и культурно-исторические аспекты развития регионов: матер. Междун. науч.-практ. конф. – Березники, 2011. – С. 241–246.

10. *Хакназаров С.Х.* Социологический анализ социально-экономических проблем коренных народов Югры: Нижневартовского района Югры // Вестник угроведения № 1 (3). – Ханты-Мансийск, 2011. – С. 131–136.

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК КАНАЛ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Хатмуллина Аделина Ирековна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы уровня влияния социальных медиа на активность студентов Республики Татарстан в сети Интернет и уровне доверия мнению, транслируемому в сети Интернет, степень активности студентов в социальных медиа, а также уровень доверия пользователей-студентов к информации в социальных медиа.

Ключевые слова. Социальные медиа, студенты, общественное мнение, активность, доверие.

Современное общество все больше готово носить название информационного, что, в первую очередь, связано с развитием компьютерных технологий и прогрессом IT-сферы. Мы сталкиваемся с проявлениями информационного общества ежедневно, особенно это становится понятно, если разобраться в самом понятии информационного общества.

Информационное общество – общество качественно нового типа, в котором преобладает деятельность, связанная с производством, потреблением, передачей и хранением информации.

То есть сама информация в современном обществе выступает первостепенной ценностью. В связи с этим, мы находимся в постоянно действующем информационном поле, которое имеет на нас и наше восприятие реальности качественное воздействие. Одним из главных каналов информации в нашей повседневной жизни являются социальные медиа: мы буквально живем в этих пространствах, полностью интегрируя себя с всемирной сетью Интернет.

Из-за сильного и тесного взаимодействия с социальными сетями, мы подвержены сильному воздействию с их стороны: наше мнение, ценности, восприятие и взгляды формируются под действием той информации, которая транслируется в интернете. Интернет и социальные медиа стали одним из основных агентов социализации современной личности [14, с. 246].

Кроме того, важно упомянуть о том, что молодежь является более восприимчивой ко всем изменениям, происходящим в мире. В частности, студенты имеют открытый доступ ко всей информации в интернете – в сравнении с подростками младшего возраста, – и наиболее активно ориентируются в информационном пространстве – в сравнении со старшим поколением.

Также студенты, в силу своих возрастных особенностей, находятся на одном из важных этапов социализации личности: именно в студенческом возрасте происходит окончательное формирование личности, ее характера, оформление социальных ролей. Влияние социальных медиа не может не сказаться на том, каким человек станет в итоге.

Влияние социальных медиа на общество изучается постоянно, так как растет степень вовлеченности населения в online-деятельность. Например, по результатам опроса ВЦИОМ [4] от 16 декабря 2020 года каждый четвертый россиянин в возрасте 18–24 лет считает, что нужно быть в сети практически всегда. Кроме того, по результатам опроса ВЦИОМ [6] от 18 апреля 2019 года за последний год-два с недостоверными новостями в интернете сталкивались 31 % россиян, причем среди людей с высшим образованием эта доля выше – 38 %, и только чуть больше половины опрошенных подозревали о том, что новость фейковая. На недоверие к социальным медиа половины населения страны также указывает Г.А. Малышева [15] причем, она упоминает о том, что уровень доверия стал еще более низким именно после начала пандемии, что связано с большим информационным бумом. При этом, как отмечают М.Ю. Ефлова, О.А. Максимова и К.А. Озерова, «цифровые ресурсы становятся важнейшим каналом проявления гражданской активности населения, в том числе – и инструментом решения различных проблем, заменяя собой действия в реальном пространстве, особенно в условиях пандемии и локдауна» [10, с. 124–128.].

Р.А. Волосников также делает вывод о том, что социальные медиа являются существенным фактором формирования общественного мнения [3]. Особенности влияния информационно-компьютерных технологий начала XXI века на процесс формирования общественного мнения рассматривала также и С.В. Капралова [11]. «Информационные технологии выступают в виде самостоятельного феномена, который подвластен определенным закономерностям и обусловлен потребностями общества, при этом оказывает детерминирующее воздействие на социум» – делает вывод Ю.А. Попова [17].

Важно заметить, что современные события в сфере политики являются показателем того, что социальные медиа оказывают непосредственное влияние на формирование общественного мнения: люди в социальных сетях реагируют на то, что узнают из социальных сетей, хотя уровень доверия к информации также продолжает падать.

Деятельность социальных медиа все больше переводит деятельность студенческой молодежи Республики Татарстан в формат онлайн: это касается общения, проведения встреч, реализации проектов, освещения событий, обучения, решения социальных вопросов. Такое всестороннее воздействие на представителей студенческой молодежи со стороны социальных медиа приводит к тому, что они всецело захватывают фокус внимания аудитории и оказывают решающее воздействие на то, как студенты Республики Татарстан видят все происходящее в различных сферах общества.

Кроме того, что социальные медиа и их деятельность выходят на первый план в вопросе восприятия, передачи и распространения информации среди студенческой молодежи, выполняя свои прямые функции, социальные медиа оказывают сильное воздействие на формирование отношения к происходящим событиям, ведь различные пространства социальных медиа является открытой площадкой для выражения любого мнения пользователей, без каких-либо четких границ.

Исследования взаимосвязи деятельности социальных медиа и повседневной жизни студентов являются довольно актуальной темой, однако большая часть исследований направлена на то, чтобы отразить, какое место социальные медиа занимают в учебной деятельности студентов, или же какое влияние они оказывают на отдельные аспекты коммуникации между студентами. Однако исследований в частности в Республике Татарстан, направленных на рассмотрение активности выражения студентами своей позиции в социальных медиа, а также влияния социальных медиа на выражение и формирование общественного мнения студентов, достаточно мало.

Тема формирования под воздействием социальных медиа негативных и позитивных триггеров в общественном мнении студенческой среды Республики Татарстан остается недостаточно изученной и нуждается в пополнении информации, на что и было направлено проведение исследования.

Автором в марте-апреле 2022 года было проведено исследование в форме массового online-опроса с использованием гугл-формы. В опросе приняли участие 100 студентов разных районов и городов Республики Татарстан в возрасте от 16 до 27 лет. Принцип отбора респондентов – квотная выборка студентов крупных городов Республики Татарстан пропорционально количеству обучающихся в городе.

Для вторичного анализа данных использовались научные работы социологов-современников, результаты исследований таких социологических центров, как ВЦИОМ, Фонд общественное мнение.

Участие принимали студенты разных образовательных учреждений в возрасте от 16 до 27 лет, занимающиеся при этом разнообразной деятельностью, помимо учебной. Исследование носило разведывательный характер, его результаты позволяют сделать анализ поставленных вопросов в рамках тех респондентов, которые приняли участие в опросе.

Согласно результатам опроса, студентов знакомых с понятием «социальные медиа» гораздо больше, чем тех, кто об этом понятии не знает или затрудняется дать ответ (см. рис. 1).

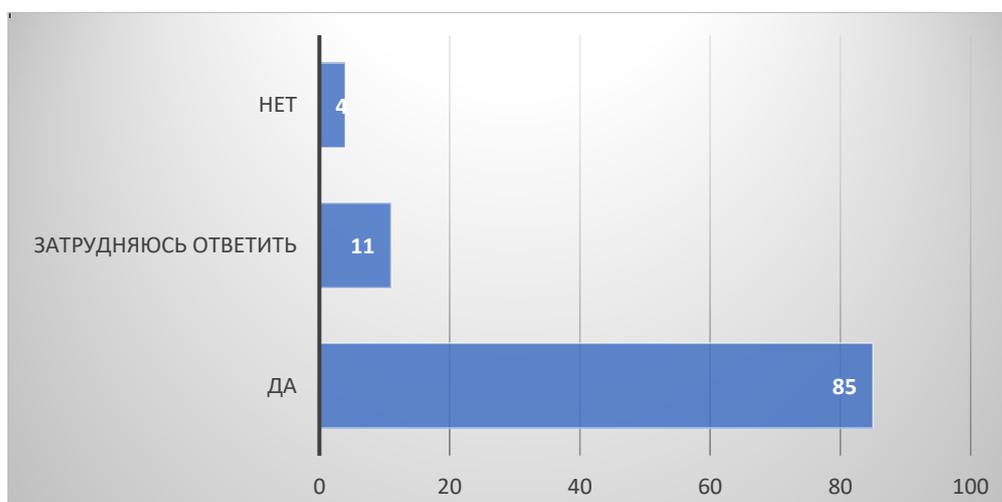

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Знаете ли вы, что такое социальные медиа?», в % от числа опрошенных.

Это говорит о достаточном уровне осведомленности о деятельности социальных медиа среди опрошенной студенческой молодежи. Кроме того, по результатам опроса было выяснено, что для опрошенных деятельность социальных медиа является интересной, так как 96 % опрошенных заинтересованы в деятельности социальных медиа, и только 4 % ответивших – нет.

Также важно отметить, что практически все опрошенные студенты являются пользователями социальных медиа разных форматов. По результатам опроса 99 % опрошенных являются пользователями социальных медиа, а 1 % – не пользуется социальными медиа. Следовательно, пользователи так или иначе выражают достаточный уровень доверия к социальным медиа, а также вовлекаются в процесс интерактивного создания контента.

Не менее важным показателем является то, как часто студенты обращаются в социальные медиа (см. рис. 2). Таким образом, студенты Республики Татарстан являются активными и заинтересованными пользователями социальных медиа.

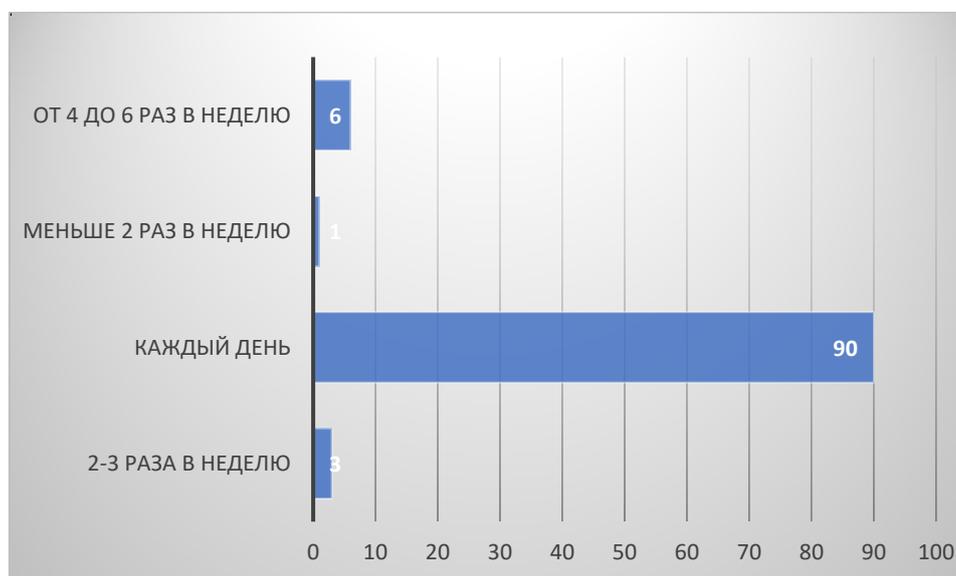

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как часто вы заходите в социальные медиа?», в % от числа опрошенных.

Говоря об информационном потоке, хочется отметить, что студенты оценили уровень доступности информации по-разному (см. рис. 3). Во многом это зависит от темы заинтересованности и целях поиска информации. По этому вопросу достаточно проблематично сделать определенный вывод об уровне доступности информации для студентов, однако важно обратить внимание на тот факт, что поиск информации является востребованным для студенческой молодежи, принявшей участие в исследовании.

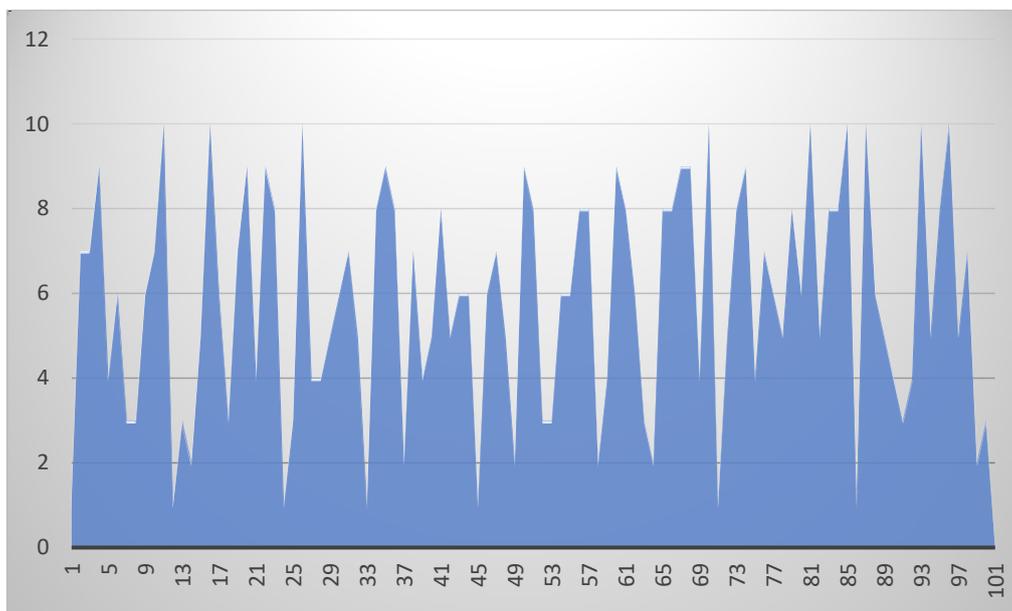

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «На сколько вы бы оценили степень доступности информации в социальных медиа по шкале от 1 до 10?», в % от числа опрошенных

Причем большинство опрошенных студентов перепроверяет информацию, полученную в одном источнике. По результатам, 81 % опрошенных перепроверяют информацию в других источниках, а 19 % доверительно относятся к первоначальным источникам. Можно расценивать этот фактор, как показатель уровня информационной грамотности студентов. Кроме того, ответы указывают и на уровень доверия студенческой молодежи к социальным медиа – исходя из ответов, доверие не является достаточным, чтобы можно было потреблять информацию без ее проверки.

Важно отметить тот факт, что информация, полученная в социальных медиа, в большинстве случаев влияет на отношение студентов к тем или иным событиям. Из результатов видно, что на мнение 75 % опрошенных влияет информация, полученная в социальных медиа, а мнение 25 % опрошенных не поддается этому влиянию. Следовательно, социальные медиа являются фактором формирования мнения студенческой молодежи, принявшей участие в опросе.

При этом большинство студентов не намерены делиться своим мнением в социальных медиа (см. рис. 4). Таким образом, активность студентов Республики Татарстан в социальных медиа точно не выражается посредством обмена мнением с другими пользователями.

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Часто ли вы выражаете свое отношение к каким-либо событиям в социальных медиа?», в % от числа опрошенных

Ответы же по вопросу о влиянии чужого мнения на отношение студентов к тем или иным событиям разделились с небольшим перевесом в сторону положительного ответа. Результаты показывают, что на отношение 53 % опрошенных влияет мнение других пользователей в социальных медиа, а на отношение 47 % влияет мнение других пользователей социальных медиа. Таким образом, если мы сделали вывод о том, что социальные медиа все-таки являются фактором формирования общественного мнения, то мнение других пользователей также могут сыграть роль в этом вопросе.

При этом позиция студентов по определенным вопросам чаще всего лишь частично совпадает с мнением других пользователей социальных медиа (см. рис. 5). И если вспомнить о том, что информация в социальных медиа влияет на отношение к событиям и мнение молодежи, то делаем вывод, что социальные медиа имеют возможность изменить ранее сложившееся мнение пользователей среди опрошенных студентов, скорректировать его или дополнить.

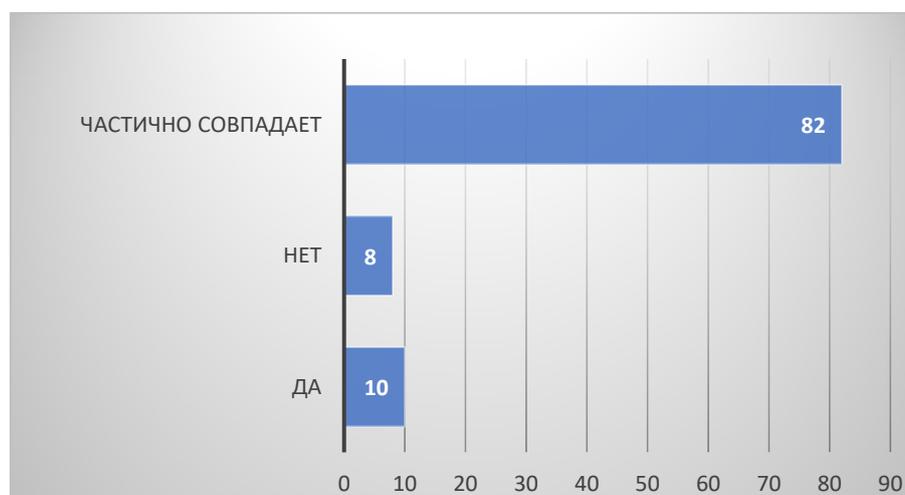

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Чаще всего ваша позиция и отношение к событиям совпадает с тем, которое представляет социальные медиа?», в % от числа опрошенных

При этом реже студенты готовы поделиться со своими близкими своим мнением о событиях или полученной информации, нежели мнением других пользователей (см. рис. 6 и 7). Это, в первую очередь, говорит о степени доверия к тому мнению, которое транслируется в социальных медиа, а также влияет на то, какое мнение транслируется шире.

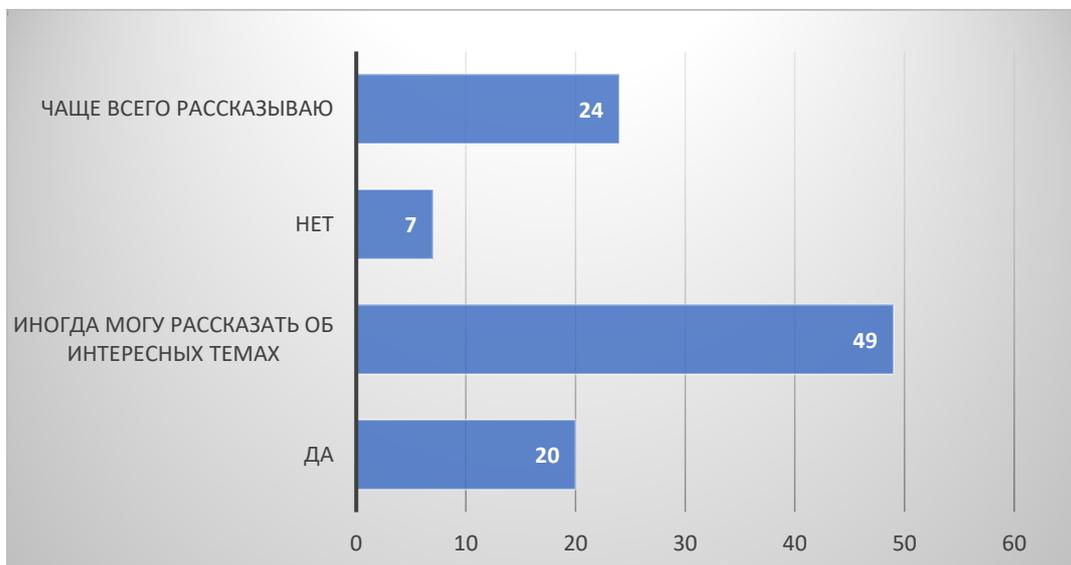

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Делитесь ли вы своим мнением о событиях, о которых узнали в социальных медиа, со своими близкими?», в % от числа опрошенных

Таким образом, мнение о событиях и информация, полученной в социальных медиа, транслируется пользователями достаточно широко и играет роль в формировании общественного мнения среди студентов Республики Татарстан.

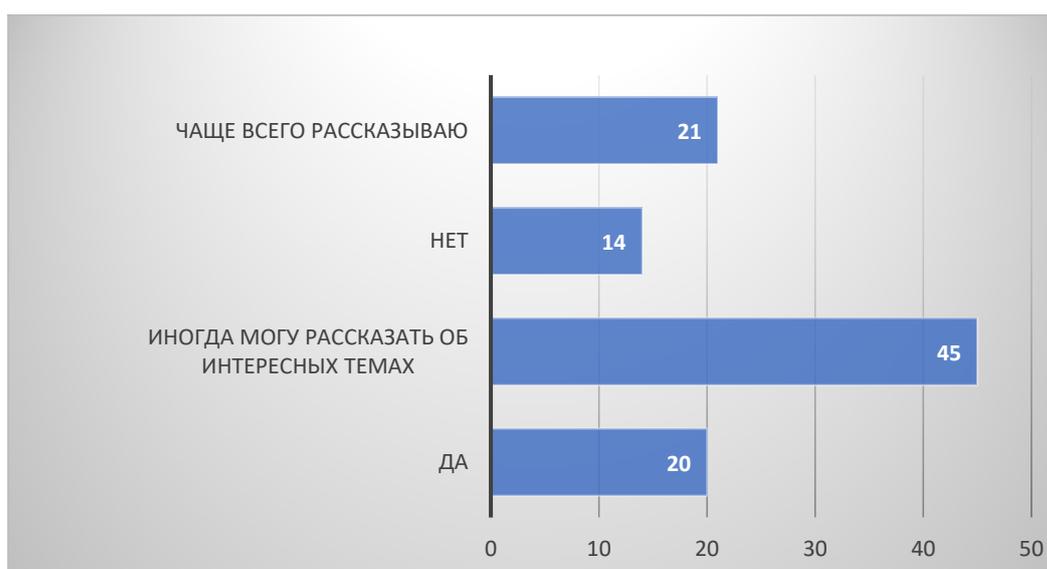

Рис. 7. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Делитесь ли вы мнением других пользователей о событиях, о которых узнали в социальных медиа, со своими близкими?», в % от числа опрошенных

Из этого следует, что в обществе, окружающем студентов, прошедших опрос, быстрее распространится информация, которая будет размещена в социальных медиа, нежели их личное мнение. И именно эта информация сыграет роль в формировании общественного мнения.

Таким образом, из результатов исследования можно построить достаточно полноценную картину о том, что студенты Республики Татарстан являются активными пользователями социальных медиа, зона их интересов охватывает разные темы и форматы подачи информации. При этом, опрошенные студенты чаще всего не готовы транслировать свое личное мнение и отношение в социальных медиа, но готовы прислушиваться к тому, какая информация и мнение транслируется другими пользователями, пусть не всегда с достаточным уровнем доверия относясь к ней, передавая, в первую очередь, эту информацию своему окружению. Кроме того, мы можем сделать вывод о том, что социальные медиа играют достаточно важную роль в формировании общественного мнения студенческой среды Республики Татарстан.

Литература

1. *Безбогова, М.С.* Социальные сети как фактор формирования социальных установок современной молодежи: специальность 19.00.05 «Социальная психология»: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / М.С. Безбогова; Государственный университет управления – Москва, 217. – 212 с. – Библиогр.: с. 141–153. – Текст: непосредственный.

2. *Ветцель, К.Я.* Социальные медиа и социальные сети: проблема терминологии и модели взаимодействия пользователей / К.Я. Ветцель – Текст: электронный // МНИЖ. 2020. № 9–1 (99). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-media-i-sotsialnye-seti-problemy-terminologii-i-modeli-vzaimodeystviya-polzovateley> (дата обращения: 12.03.2022).

3. *Волосников, Р.А.* Влияние социальных медиа на формирование и функционирование общественного мнения / Р.А. Волосников. – Текст: электронный // Социологический альманах. – 2019. – № 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialnyh-media-na-formirovanie-i-funktsionirovanie-obschestvennogo-mneniya> (дата обращения: 30.03.2022).

4. ВЦИОМ: Жизнь онлайн: потребление, пользование, развлечения: сайт – 2020 – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-onlain-potreblenie-polzovanie-razvlechenija> (дата обращения 15.02.2022). – Текст. Изображение: электронный.

5. ВЦИОМ: Медиапотребление и активность в интернете: сайт – 2021. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete> (дата обращения 19.03.2022). Текст: электронный.

6. ВЦИОМ: «Фейк-ньюс»: масштаб проблемы: сайт – 2019. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/fejk-nyus-masshtab-problemy-> (дата обращения: 10.03.2022). Текст. Изображение: электронный.

7. *Гуржий, Д.А.* Влияние СМИ на формирование общественного мнения / Д.А. Гуржий. – Текст: электронный // Молодой ученый. – 2015. – № 12 (92). –

С. 991–993. – URL: <https://moluch.ru/archive/92/20451/> (дата обращения: 30.03.2022).

8. Дукин, Р.А. К вопросу определения понятия «Социальные медиа» / Р.А. Дукин. – Текст: электронный // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-opredeleniya-ponyatiya-sotsialnye-media> (дата обращения: 12.03.2022).

9. Дунас, Д.В. Мотивы медиапотребления учащейся молодежи: результаты опроса в Москве, Нижнем Новгороде, Ростове-наДону / Д.В. Дунас, Е.А. Салихова, А.В. Толоконникова, Г.С. Филаткина. – Текст: электронный // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2020. – № 67. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivny-mediapotrebleniya-uchascheysya-molodezhi-rezultaty-oprosa-v-moskve-nizhnem-novgorode-rostove-na-donu> (дата обращения: 22.03.2022).

10. Ефлова, М.Ю., Максимова, О.А., Озерова, К.А. Гражданский цифровой активизм и социальная эксклюзия в условиях вынужденного погружения в цифровую среду // Вестник экономики, права и социологии. – 2021. – № 1. – С. 124–128.

11. Капралова, С.В. Прогресс информационно-компьютерных технологий и развитие Интернета как факторы формирования общественного мнения / С.В. Капралова. – Текст: электронный // ИСОМ. – 2013. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/progress-informatsionno-kompyuternyh-tehnologiy-i-razvitie-interneta-kak-factory-formirovaniya-obschestvennogo-mneniya> (дата обращения: 21.03.2022).

12. Киселева, О.В. Формирование общественного мнения и способы манипулирования им в различных целях / О.В. Киселева, Ю.Э. Науметова. – Текст: непосредственный // Международный журнал экспериментального образования. – 2017. – № 6. – С. 91–95.

13. Кузнецов, А.А. Сазонова Медиа: определения, функции и основные этапы / А.А. Кузнецов, З.Н. Сазонова. – Текст: электронный // Молодой ученый. – 2020. – № 18 (308). – С. 539–542. – URL: <https://moluch.ru/archive/308/69476/> (дата обращения: 12.03.2022).

14. Максимова, О.А. Социальные сети как пространство самоидентификации молодежи / О.А. Максимова, Е.О. Шандрик // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – № 4. – С. 246–248.

15. Малышева, Г.А. Социально-политические аспекты пандемии в обществе цифровой сетевизации: российский опыт / Г.А. Малышева. – Текст: электронный // Вестник МГОУ. – 2020. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-politicheskie-aspekty-pandemii-v-obschestve-tsifrovoy-setevizatsii-rossiyskiy-opyt> (дата обращения: 12.03.2022).

16. Носкова, Т.Н. Современный студент в медиасреде: вопросы профессионального развития / Т.Н. Носкова, О.В. Яковлева. – Текст: электронный // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-student-v-mediasrede-voprosy-professionalnogo-razvitiya> (дата обращения: 21.03.2022).

17. Попова, Ю.А. Информационные технологии в системе формирования общественного мнения / Ю.А. Попова. – Текст: электронный // Психология,

социология и педагогика. – 2015. – № 7. – URL: <https://psychology.snauka.ru/2015/07/5560> (дата обращения: 20.03.2022).

18. *Просвирякова, М.С.* Влияние социальных сетей на процесс обучения студентов / М.С. Просвирякова. – Текст: электронный // Академия развития творчества 2021. – URL: <https://www.art-talant.org/publikacii/45843-statyya--vliyanie-socialnyh-setey-na-process-obucheniya-studentov> (дата обращения: 20.03.2022).

19. *Прохоров, Е.П.* Введение в теорию журналистики / Е.П. Прохоров учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Журналистика» // 8-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 240.

20. *Салемгареева, Л.С.* СМИ и общественное сознание: влияние, проблемы, технологии манипулирования / Л.С. Салемгареева. – Текст: непосредственный // Наука. Вестник электронных и печатных СМИ. – № 2. – 2013.

21. *Суворова, С.Д.* Социальные медиа как современный инструмент построения коммуникаций с потребителями / С.Д. Суворова, О.М. Куликова, В.С. Боровкова. – Текст: электронный // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2019. – № 1 (35). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-media-kak-sovremennyy-instrument-postroeniya-kommunikatsiy-s-potrebitelyami> (дата обращения: 12.03.2022).

22. *Фокина, Е.С.* Влияние СМИ на управление общественным мнением в условиях быстро меняющейся реальности / Е.С. Фокина. – Текст: электронный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 4–1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-smi-na-upravlenie-obshchestvennym-mneniem-v-usloviyah-bystro-menyayusheysya-realnosti> (дата обращения: 30.03.2022).

23. *Шамаев, И.Н.* Трансформации моделей медиапотребления в социальных медиа Рунета / И.Н. Шамаев. – Текст электронный // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. – 2016. – № 1 (15). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsii-modeley-mediapotrebleniya-v-sotsialnyh-media-runeta> (дата обращения: 21.03.2022).

24. *Черкасов, Р.В.* Исторические аспекты возникновения и развития общественного мнения / Р.В. Черкасов. – Текст: электронный // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2005. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-aspekty-vozniknoveniya-i-razvitiya-obshchestvennogo-mneniya> (дата обращения: 12.03.2022).

ПРАВСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ В НОВЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ

Шарипова Эркайым Козуевна

*доктор философских наук, профессор,
Ошский государственный университет
Кыргызстан, г. Ош*

Акматалиев Асанбек Тургунбаевич

*кандидат философских наук, доцент,
Международный Узгенский институт технологии и образования имени
академика Б. Мурзубраимова ОшТУ,
Кыргызстан, г. Ош*

Камбарова Нурзада Нуралиевна

*Соискатель Национальной академии наук Кыргызской Республики,
Кыргызстан, г. Ош*

Аннотация. Большую опасность для состояния нравственного сознания общества в Кыргызстане, как и для всех остальных стран, представляют негативные явления. После распада СССР практически во всех постсоветских республиках, вследствие целого комплекса причин возросли асоциальные тенденции. Это и угроза этничности, системный длительный кризис, захвативший практически все сферы общественно-экономических отношений, и резкое падение уровня жизни населения, и наспех проведенный процесс приватизации, и обострение межэтнических отношений.

Ключевые слова: нравственность, нравственное сознание, этничность, кризис, этническая культура, массовая культура, глобализация

Угроза этничности является одновременно угрозой для нравственного сознания, сохранение же этничности является условием сохранения нравственного сознания в ее историческом естественном виде. С утратой этничности происходит утрата нравственного сознания в том смысле, что взамен является другое нравственное сознание, которое имеет мало общего с исходным. Такой процесс имел место в истории ранее и происходит в настоящее время. Таким образом, утрата этничности не означает физического исчезновения народа или личности. Однако она означает фактически уход с исторической сцены народа, его духовную и нравственную смерть, духовное и нравственное небытие. Поэтому так важно для народа сохранение его этничности.

Новый вызов кыргызской культуре (которая по своей сути и форме остается глубоко этнической) и, соответственно, нравственному сознанию в современных условиях исходит от так называемой массовой культуры. В настоящее время существует достаточно много ее определений, каждая из которых в той или иной мере определяет ее суть. Из всего их множества мы

приведем только одно, взятое нами из Новейшего философского словаря, составленного А.А. Грицановым и изданным в 1998 году. Там оно определяется как «термин, используемый в современной культурологии для обозначения специфической разновидности духовного производства, ориентированного на “среднего” потребителя и предполагающего возможность широкого тиражирования оригинального продукта» [1, с. 405]. Именно благодаря тому, что массовая культура ориентирована на так называемого «среднего» человека и располагает при этом возможностью «широкого тиражирования оригинального продукта», она становится массовой и вытесняет таким образом собой все прочие культуры, в том числе этнические, а вместе с культурой она вытесняет такой важный ее компонент, как всю систему нравственно-этических норм. Среди множества ее черт есть одна очень примечательная, связанная с тем, что она первоначально создавалась теми, кто был вовлечен в армию промышленных работников, которые, оторвавшись от родной деревенской почвы, создавали «собственную» культуру, или во всяком случае создавалась для них. Как указывается в ранее приводившейся нами статье, «происходившая одновременно ломка традиционной социальной структуры феодального общества также способствовала возникновению массы людей, оторванных от привычных форм деятельности и связанных с ними духовных традиций» [2, с. 405]. Данное обстоятельство говорит в пользу того, что она является по существу противоположностью, противником любой этнической культуры, поскольку она привязана, опирается на исходные духовные традиции и нравственные нормы.

Массовая культура была порождена силами, опорой которой были промышленность и все то, что с ней было связано. Они и сейчас остаются ее опорой. И без них, приходится констатировать, невозможно дальнейшее поступательное развитие человечества. И от массовой культуры невозможно отказаться, не отказавшись при этом от технических достижений, без дальнейшего развития которых человечество вообще может не выжить. Однако положение вещей таково, что, используя эти технические средства и достижения, мы неизбежно принимаем и ценностные системы, которые возникают с помощью этих технических средств. В этом, к сожалению, состоит одно из противоречий развития культуры, которая, подчиняясь внутренней логике развития интеллекта и непрерывного роста количества знаний, постоянно расширяющих возможности человека, в конечном счете может привести к полному отрицанию ее исконных, первоначально этнических форм и этнической нравственности и в конечном счете к замене этнического нравственного сознания инородным сознанием. Данное положение, разумеется, вполне справедливо по отношению к кыргызскому народу, как, впрочем, и ко всем остальным народам. Мы не можем, подчиняясь глобальным тенденциям и, главное, нормальному стремлению к обеспеченной жизни, отказаться от индустриального и постиндустриального развития. А это означает, что процесс вытеснения кыргызской этнической культуры и нравственности элементами массовой культуры, который начался еще в советский период истории, будет только продолжен. Однако данный процесс может растянуться на относительно

долгий срок. Все в конечном счете будет зависеть, по нашему мнению, от трех главных взаимосвязанных и взаимозависимых обстоятельств. Во-первых, от того, как долго кыргызы будут в состоянии сохранять свои репродуктивные способности, или, выражаясь иначе, поддерживать высокий естественный прирост населения. Очевидно, что чем дольше это будет продолжаться, тем дольше будет сохраняться культура кыргызского народа и его этническая традиция. Мы приводили ранее прогнозы, в соответствии с которыми естественный прирост населения в Кыргызстане прекратится приблизительно через семьдесят лет. По современным меркам, учитывая общемировую тенденцию снижения естественного прироста населения, это довольно значительный срок. Во-вторых, от того, как успешно кыргызы будут модернизировать и встраивать этническое сознание и традицию в текущую реальность, адаптируя их к новой реальности, но не отказываясь от них. И, в-третьих, от того, как успешно и долго кыргызы будут сохранять собственный язык, в пределах которого формируется сознание, все его формы. Отметим, что относительно высокий естественный прирост населения и сосредоточенность основной массы кыргызов в сельской местности являются гарантией того, что кыргызский язык будет сохранен по крайней мере ближайшие семьдесят лет.

В эпоху глобализации одной из основных тенденций является интеграция различных этнических и национальных групп в единое социально-экономическое и, как следствие, культурное пространство. Данная тенденция создает для многих народов угрозу исчезновения, как отдельных специфичных культурных, лингвистических и ментальных единиц. Известный итальянский ученый, основоположник и первый президент Римского клуба, в который входили представители мировой финансовой, политической, научной и культурной элиты, автор концепции устойчивого развития А. Печчеи в своем труде «Человеческие качества» писал следующее: «Защита и сохранение культурных особенностей, народов и наций совершенно справедливо объявлены... ключевым моментом человеческого прогресса и самовыражения. ... люди начинают все больше опасаться, что в будущем все культуры могут оказаться на одно лицо ... и что движение к обезличивающей однородности происходит уже сейчас. ... истинной основой культурного плюрализма будущего может стать только наше нынешнее культурное наследие» [3, с. 294]. Еще в конце 70-х годов XX века А. Печчеи озабоченно указывал на то, что «дальнейшее развитие технологической цивилизации, экономический рост, возрастающая мобильность людей... расширение средств массовой информации – все это сулит в будущем исполнение мрачных пророчеств окончательного и безжалостного исчезновения с лица земли львиной доли того, что еще осталось от свидетельств веры, любви, эмоций, гордости, чувства прекрасного и стремления к добру прошлых поколений» [4, с. 298].

Совершенно очевидно, что культура, в границах которой любой индивид формируется как полноценная личность, имеет главным образом этнический характер. Этничность – это то, что является основой, на которой формируется нравственное сознание общности. Если бы этничность как таковая

отсутствовала, были бы бессмысленны все рассуждения о нравственном сознании, поскольку этничность определяет его специфику – то, что отличает его от других нравственных сознаний.

Длительное историческое время и преимущественно в настоящее время реальная личность существует в определенной этнической среде, она сама является в формальном и сущностном плане проявлением и выражением этничности, которая включает в себя те или иные типичные для этноса черты, формы, признаки – словом, все то, что формирует человека как личность, обладающую самосознанием, которое так или иначе привязано и с самоназванием конкретного этноса, этнонимом. Другими словами, личность, во всяком случае полноценная личность, не существует вне этничности, на основе которой формируется этническое нравственное сознание.

Роль факторов, тем или иным образом влияющих на образование этноса, существенно усиливается в формировании и повседневной жизни личности в связи с их многочисленностью и разнообразием. Наиболее значимыми при этом длительное время являлись и являются такие факторы, как язык, религия, ментальность, поведенческие нормы, стереотипы и др. При этом, какой бы из указанных факторов или признаков не выступал в зависимости от конкретных обстоятельств в качестве основного, определяющего, их совокупное формирующее влияние на личность при любых обстоятельствах является по своей сути и форме этническим. Таким образом, сохранение этничности является основным условием сохранения и этнической нравственности и сознания.

Этничность, включающая в себя множество признаков, выступало и выступает как та изначальная, естественная культурная и ментальная почва, на которой возникает и затем формируется конкретная личность. Данное обстоятельство неизбежно приводит к тому, что этнические составляющие культуры не только прочно закрепляются в сознании индивида, но и являются компонентами, которые определяют форму и содержание как этноса в целом, так и отдельно взятой личности, в том числе форму и содержание нравственности и нравственного сознания.

Каждый современный этнос или нация формировалась как специфическая ментальная и социальная данность в течение нескольких тысячелетий. Это очень долгий срок, и длительность формирования является, по сути, производной от устойчивости, направленности и предопределенности процесса формирования каждого нового, следующего поколения, которое, будучи связанное своими кровнородственными, культурными и ментальными корнями с предшествующим, не может самовольно, как ему вздумается, уйти от предопределенного, по сути, пути развития, исторического процесса. Речь в данном случае идет не о заведомо предначертанном, фатальном ходе истории или невозможности народов изменить свою историческую судьбу, а о том, что люди не могут творить собственную историю исключительно по своему усмотрению. К. Маркс писал в данной связи следующее: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при

обстоятельствах, которые они сами не выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют... над умами живых» [5, с. 119]. В пределах этих традиций формируется сознание народа и индивидов, составляющих данный народ.

Характерной и одновременно определяющей чертой любого этноса является то, что культурная общность, одинаковость и единство всех индивидов, образующих его, неразрывным образом связаны и обусловлены с наличием у них ряда общих ментальных и общекультурных свойств.

Суть в том, что этничность выступает в качестве той естественной и этической, духовной и ментальной среды, в которой возникает и затем окончательно формируется личность. Благодаря данному обстоятельству каждая конкретная личность как в целом, так и в частных своих чертах и проявлениях имеет этнический характер. В современном быстро меняющемся мире, в котором вследствие значительного культурного давления, исходящего от наиболее многочисленных народов, все большее количество этносов приближается к грани собственного исчезновения. Поэтому данное положение о том, что каждая личность и в целом, и в частных своих чертах носит этнический характер, не является в настоящее время абсолютной истиной, как это было всего лишь два-три столетия назад. Однако данное обстоятельство не может и не должно обесценить в одночасье этничность, которая многие и многие века формировала подавляющее большинство современных народов планеты. Этничность, присутствуя в том или ином виде, форме в подавляющем большинстве элементов социальной реальности, окружающей личность, является естественной средой, в которую погружен индивид. Постоянно воздействуя на него, этничность, в конце концов, становится частью сущности личности, которая помимо всего прочего определяют ее архетипические черты и особенности. В пределах архетипа формируется и существует и нравственное сознание.

Следует иметь в виду, что мы живем в сложном мире, для которого к тому же характерна тенденция постоянного усложнения. Одним из следствий такого усложнения является то, что окружающая личность культурная и социальная среда постоянно теряет свою относительную однородность. У кыргызов их традиционная среда, которая была сравнительно однородной многие века, стала интенсивно преобразовываться с момента присоединения исконно кыргызских территорий к Российской империи. Этот процесс продолжается и в настоящее время. На сегодняшний день культурное пространство в Кыргызстане представляет собой достаточно сложное явление с точки зрения присутствия в нем различных этнических компонентов. Соответственно, реальные люди, вполне сформировавшиеся личности, во всяком случае достаточно большое их количество, в современном Кыргызстане включают в себя в неодинаковых пропорциях элементы нескольких этнокультур. Человек, испытывающий влияние нескольких культур и воспринимающий их в одинаковой мере, представляя собой своего рода гибридную личность. Очевидно, что в эпоху глобализации такой человек, а вернее, тип личности со временем будет становиться все более массовым

и распространенным. Не исключено, что уже в не столь отдаленной исторической перспективе данный тип он вполне может стать доминирующим. Однако даже при таких обстоятельствах этнические составляющие культуры являются той основой и тем материалом, из которой формируется личность, которая в подавляющем большинстве случаев ориентируется на собственную культуру, традиции и, что очень важно, на родной язык. С помощью языка люди, принадлежащие к определенному этническому социуму, организуют и структурируют как внешний по отношению к индивиду, так и внутренний его мир следует отметить, что для каждого человека в качестве важнейшей части внешнего мира выступает социум, в котором он формируется как личность. В пределах данного социума осуществляется передача коллективных знаний и опыта, которые достаточно специфичны сами по себе. Вследствие своеобразия этнических черт возникает специфика личности, который в процессе своей жизнедеятельности осваивает коллективный опыт. Специфичен, однако, не только опыт. Своеобразен и язык, с помощью которого передается опыт и знания. В реальности не бывает сознания без и вне языка и языковых форм его бытия. При этом в лексике и специфичных, особенных конструкциях, которыми наделен практически каждый язык, содержатся определенные элементы образа мыслей, который свойственен носителям языка, с помощью они вступают в коммуникативную связь. Обеспечивая эту связь, язык одновременно служит своего рода препятствием, преградой, которую часто не могут преодолеть «чужаки», чтобы оказаться в семантическом пространстве, в котором происходит ментальное и духовное бытие личности.

Учитывая все вышесказанное о языке, можно утверждать, что тотальная смена языка, утрата исконного языка этносом и, соответственно, его носителями с необходимостью приводит к тому, что меняется их сознание, ценности этноса, ценностные ориентиры и т. д. – словом, все то, что образует и нравственное сознание. Следует уточнить, что с исчезновением исконного языка нравственное сознание как таковое не исчезает, поскольку не существует людей вне и без определенной нравственности. Проблема в том, какая это нравственность. Поэтому сохранение языка является одним из важнейших условий сохранения этнического нравственного сознания.

В современных условиях резко растет количество и качество контактов между различными народами. Так, одними из важнейших видов контактов в настоящее время являются системы мобильной связи, телевидения и интернет, которые позволяют, не выходя за пределы собственного жилья, практически мгновенно вступать в контакт, связь теоретически с любым человеком, находящимся даже в самой отдаленной точке мира. Данное обстоятельство наряду с возможностью физического перемещения в большинство современных стран имеет одним из важных следствий то, что огромное количество людей по всей планете, и в Кыргызстане в том числе, ежедневно попадает под одновременное, фактически повседневное влияние не одной и даже не двух, а нескольких культур. Как следствие постоянно вырабатывается, продуцируется новый тип, разновидность личности, которая все более отдаляется от традиционной.

Основой нравственности в любом обществе является семья. И насколько она крепка, настолько же внутренне крепко общество. Если массово рушатся семейные отношения, деградирует институт семьи, то рушится общество и государство. И, напротив, чем крепче семейные узы в обществе, тем прочнее последнее.

Что касается Кыргызстана, то в соответствии со статистическими данными в 2019 году в Кыргызстане было заключено в общей сложности 49 431 брака, при этом количество разводов в этом же году составило 10 992, т. е. 22% от заключенных браков или каждый пятый брак. При этом в сельской местности на 1000 браков приходилось 154 развода, тогда как в городских поселениях их было более, чем в 2 раза чаще [6]. Это сравнительно небольшой показатель. Так, в Чехии в 1960 году коэффициент разводов равнялся 16 %. В 2005 году коэффициент составлял 50 %, а в настоящее время он достиг уже 66 % [7]. В других европейских государствах данный коэффициент незначительно отличается от чешского.

Итак, процесс глобализации, благодаря серьезным научно-техническим и технологическим достижениям, росту знаний, объективно, т. е. независимо от того, хотим мы этого или нет, неизбежно ведет к тому, что стремительно создается единое глобальное культурное пространство. Оно, однако, образуется главным образом за счет усилий и средств наиболее развитых и могущественных в техническом отношении государств и народов. При таких условиях значительный ущерб наносится в первую очередь культурам народов, характеризующихся относительной малочисленностью и материальной бедностью. Однако положение не столь безнадежно для кыргызского народа, как это может представляться на первый взгляд. Оптимизм внушает в первую очередь положительный демографический баланс, который, обусловлен приверженностью подавляющего большинства кыргызов собственному языку и традициям.

Литература

1. *Грицанов А.А.* Новейший философский словарь – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
2. *Грицанов А.А.* Новейший философский словарь – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
3. *Печчеи А.* Человеческие качества / А. Печчеи. – М.: Прогресс, 1985. – 312 с.
4. *Печчеи А.* Человеческие качества / А. Печчеи. – М.: Прогресс, 1985. – 312 с.
5. *Маркс, К., Энгельс, Ф.* Соч. – Изд. 2-е. – М.: Издательство политической литературы, 1957. – Т. 8. – 736 с.
6. Браки и разводы в Кыргызстане в 2019 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stat.kg/ru/news/braki-i-razvody-v-kyrgyzstane-v-2019-godu/>
7. 10 стран с высоким уровнем разводов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigpicture.ru/10-stran-s-vysokim-urovнем-razvodov/>

ЦИФРОВЫЕ БИОГРАФИИ: ОНЛАЙН КОНСТРУКТЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Эсселевич Эрнест Алексеевич

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье изучается феномен цифровых биографий. Рассматриваются особенности практик конструирования и взаимоотношений людей на основе электронных жизнеописаний.

Ключевые слова: цифровая биография, персональные данные, социальные сети, интернет-сервисы.

В современном мире интернет стал неотъемлемой частью жизни человека. Все процессы, которые раньше осуществлялись только в рамках реальности, сегодня уже не могут проходить без информационных технологий. Всемирная паутина оказывает влияние на все сферы жизни общества: экономическую, политическую и социальную. Сеть несёт в себе огромное количество информации, использование которой предоставляет человеку возможность для удовлетворения множества своих потребностей. Это могут быть как базовые потребности – через интернет можно купить или арендовать жилье, заказать еду, заработать средства к существованию, так и более сложные – получить образование, общаться с другими людьми и даже найти партнера. Однако взаимодействие с информационными технологиями – это не однонаправленный процесс. Интернет устроен так, что получать информацию безвозмездно практически не возможно. Осуществляя какие-либо действия в сети человек неизбежно отдаёт взамен какую-то информацию о себе. Так, доставку еды не получится принять, не указав свой адрес, а работодатель даже не будет рассматривать резюме без контактных данных и сведений о предыдущем месте работы. Более того, люди сами делятся своими данными в социальных сетях: рассказывают о своей позиции по тому или иному вопросу или показывают друзьям, чем они занимались на выходных. Таким образом, из всех этих данных об индивиде формируется некая совокупность, которую можно назвать цифровой биографией. Главная проблема цифровых биографий заключается в том, что доступ к ним имеют не только их обладатели и определенное количество людей, которое он сам составляет. Получить эти биографии в интернете может как огромное количество посторонних людей, так и корпорации, которые могут использовать их для извлечения собственной выгоды, которая может быть сопряжена с рисками, нарушениями границ частной жизни и даже угрозой безопасности обладателей биографий. Именно для предотвращения подобных последствий информатизации важно изучать, как люди распоряжаются своими данными в сети и как взаимодействуют на их основе.

В современной отечественной науке пока что не существует общепринятого термина для обозначения всего массива данных о пользователе, которые находятся в интернет-пространстве. Пожалуй, самым часто

употребляемым понятием является «цифровой след». Под ним принято понимать уникальный набор действий в интернете или на цифровых устройствах [6, с. 10]. Синонимичными «цифровому следу» понятиями выступают «цифровой отпечаток» или «цифровая тень». Цифровой след может пополняться как активно, самим его обладателем, так и пассивно. В первом случае пользователь намеренно делится информацией о себе: заполняет формы и анкеты на сайтах, делает публикации, оставляет сообщения. Пассивный цифровой след состоит из информации, которая собирается без ведома пользователя. В качестве такой информации выступают данные о том, по каким ссылкам он переходил и каким при этом пользовался. Порой, о подобных процессах пользователи могут даже и не догадываться.

Таким образом, цифровой след выступает отпечатком жизни и личности человека, основываясь на котором, возможно составить его образ: представить примерный уровень мышления и мировоззрения, выявить интересы и потребности, раскрыть социальный статус и даже определить уровень интеллектуального развития и психического состояния

Можно заметить, что понятие «цифровой след» используется для описания портрета человека на основе зафиксированных фактов тех или иных его действий. Тем не менее, исходя из трактовки этого понятия, индивид воспринимается скорее как объект наблюдения, анализа, который сам предоставляет возможности для собственного изучения, руководствуясь в своём поведении простейшей формулой, предложенной ещё в бихевиористском направлении: «стимул-реакция». Именно поэтому в данной работе будет использоваться менее популярный, но более широкий термин «цифровая биография».

Биографией в Социологическом энциклопедическом словаре называется *«описание жизни человека, сделанное им самим (автобиография) или другими людьми; источник первичной социологической информации, позволяющей выявить психологический тип личности в его исторической, национальной и социальной обусловленности»* [11, с. 108]. Однако австралийский исследователь Пол Артур утверждает, что развитие информационных технологий изменяет как сам характер биографий, так и представления о фундаментальных концептах, придающих смысл человеческой жизни: индивидуальность, идентичность, истина. [1, с. 169] Он обращает внимание на то, что в виртуальной реальности существует возможность создания «виртуальных жизней», то есть вымышленных, альтернативных жизнеописаний со сфабрикованной идентичностью. Именно эта возможность осознанного конструирования своего образа самим пользователем для достижения тех или иных целей не учитывается в определении «цифровой след», что и отличает его от «цифровой биографии».

Безусловно, цифровые биографии включают в себя информацию о тех или иных действиях в сети, однако помимо этого, данный концепт позволяет рассмотреть её обладателя как субъект деятельности, который осознанно и целенаправленно занимается созданием своего жизнеописания в сети. В этом плане, с позиций современной классической социологии, цифровые биографии

могут быть представлены как новая форма капитала, о которых писал французский социолог П. Бурдьё.

Капитал, по мнению ученого, является своеобразной валютой, которая как бы покупает человеку более высокую позицию в обществе. Он выступает основанием социальной жизни и является тем, что определяет роль и позицию индивида в ней [3, с. 60].

Цифровые биографии могут быть представлены как новая форма капитала, свойственная цифровому обществу. Тем не менее, они не являются качественно новой формой, но воплощают в себе все другие формы капитала. Во-первых, цифровая биография может выступать как экономический капитал. Так, на сегодняшний день для большого числа людей они выступают как способ заработка в интернете: это различные аккаунты блоггеров, знаменитостей, на которых продаётся реклама, за которую владельцы их аккаунтов получают оплату. Во-вторых, цифровая биография является культурным капиталом во всех трёх его измерениях. Часть инкорпорированного капитала объективируется пользователями на своих страницах: одни делятся своими знаниями, создавая различные посты, другие показывают, что они умеют, записывая об этом видео или выкладывая результаты своей работы. Даже публикация о любимой музыке и фильмах является демонстрацией вкуса другим, а, следовательно, попыткой поднять ценность своего капитала в глазах смотрящих. Институционализированный капитал тоже переходит в сеть, ведь там может содержаться информация об учебном заведении или получен какой-либо электронный сертификат. Частью такого капитала также являются «галочки» около имени пользователей, полученные от администрации социальных сетей, которые подтверждают подлинность аккаунта. И, наконец, социальный капитал выражается во всех друзьях и «подписчиках», которые связаны с обладателем цифровой биографии. Исходя из этого, можно называть цифровую биографию мета-капиталом в рамках поля медиа – интернета, который оказывает влияние на положение его обладателя во всех других полях.

Таким образом, цифровая биография человека состоит из двух частей: явной и неявной. В первую входят все те данные, которые человек намеренно предоставляет в открытый доступ – это могут быть различные фотографии, информация о себе, об увлечениях и интересах, которыми пользователь делится намеренно, то есть публикует их с той целью, чтобы другие о них узнали и как-то отреагировали. К неявной части можно отнести те данные об индивиде, которые попадают в общий доступ без его активного участия. К примеру, неявная часть цифровой биографии, помимо цифрового следа, может включать в себя материалы опубликованные о пользователе третьими лицами или попавшая без его ведома в общий доступ информация. Эту часть биографии также составляют данные не попавшие в общий доступ, но имеющие шанс быть обнаруженными. К ним можно отнести переписки и почту в интернете, фотографии и заметки в закрытых личных архивах, находящихся в сети или с ней связанные каким-либо образом.

Как уже было установлено, цифровая биография включает в себя информацию о человеке, которая находится в интернете, и если её

проанализировать, то легко узнать, кого он собой представляет: как выглядит, кем работает, на кого учится, где живёт и так далее. Подобная информация называется персональными данными. К таким данным можно отнести имя, фамилию и отчество, место жительства, дату рождения, место работы, а также различные документы, опубликованные в интернете. Помимо этого, данные также могут включать в себя и вкусы, предпочтение человека, взгляды и мнения по тем или иным вопросам. Словом, всё то, что в сети определяет человека как личность, индивида.

Российское законодательство определяет персональные данные как *«любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)»* [12]. Таким образом, персональные данные всегда позволяют идентифицировать их обладателя. Так, к примеру, отдельно взятый номер телефона не будет являться персональными данными, а вот телефон, привязанный к имени – уже да.

Данные человека в интернете можно использовать для различных целей, например, основываясь на данных можно убедить человека что-то купить, поверить в какую-то позицию или вовсе путём шантажа заставить совершить какие-либо действия. Исходя из этого, данные могут разной чувствительности, то есть в зависимости от вида данных индивид может по-разному ими распоряжаться.

В авторском исследовании на тему «Персональные данные и поведение в интернете», методом анкетного опроса были собраны ответы 438 респондентов. Выборку составили молодые люди в возрасте от 17 до 26 лет, так как именно они являются наиболее активными пользователями интернета и существующих в нём сервисов и социальных сетей. Анкета была распространена как через социальные сети и включала в себя 26 вопросов, в том числе и вопросы о том, как и кому опрашиваемые предоставляют доступ к своей информации. Так, чаще всего сервисам респонденты предоставляют электронную почту (96 %), имя и фамилию (96 %) и номер телефона (87 %). Помимо прочего в доступе третьих лиц часто оказываются и банковские реквизиты (41 %) и адрес места жительства (28 %). В социальных сетях на своих страницах практически все опрошенные оставляют имя и фамилию (91 %) и биометрические данные (85 %), 47 % делятся электронной почтой и 32 % номером телефона.

Большая часть выручки современных IT-компаний – это манипуляции с данными в сети. Главным способом получения выручки выступает продажа данных для производства рекламы, в частности таргетированной рекламы. Она представляет собой вид онлайн-рекламы, которая достигает потенциального потребителя в соответствии с заранее заданными параметрами. Получить такие параметры позволяют компаниям сами пользователи, которые и оставляют сами свои данные в интернет-сервисах и социальных сетях.

По результатам опроса все респонденты отметили, что оказывались в ситуации, когда реклама «угадывала» их предпочтения. Практически все (92 %) указали причиной этому обработку компаниями их действий в сети. То есть, даже понимая, что все их данные собираются и анализируются в коммерческих целях, они всё равно продолжают загружать их в интернет.

Это, опять же, объясняется тем, что не сделав этого, они не получают доступ в «глобальную деревню».

Существует миф, что реклама подбирается так хорошо, потому что компании постоянно прослушивают людей, но это не так. Прослушивание – очень затратный по ресурсам для агрегатора данных процесс, требуются большие мощности, чтобы собирать миллионы аудиозаписей, отправлять их на сервер, хранить их там, прослушивать и анализировать. На деле пользователи сами дают компаниям всё необходимую информацию, подписывая пользовательское соглашение.

Пользовательским соглашением можно назвать договор по оказанию услуг по нескольким основаниям. Во-первых, обозначается предмет договора – он, как правило, заключается в том, что исполнитель обязуется предоставить пользователю доступ к своим сервисам, а пользователь обязуется соблюдать правила пользования. Во-вторых, урегулируются права и обязанности сторон в связи с исполнением договора и санкции за нарушение установленных правил. И, в-третьих, предусматриваются порядок изменения и расторжения договора, а также процедура решения споров.

В 12 статье Всеобщей декларации прав человека ООН запрещается произвольное вмешательство в личную и семейную жизнь человека, а также декларируется тайна корреспонденции [4]. Однако, компании обходят данное положение путём использования искусственного интеллекта, причём совершенно легально, прописывая это в пунктах пользовательского соглашения, которые принимают пользователи.

Так, в 2013 году на компанию «Google» был составлен коллективный иск от пользователей по причине того, что она с помощью искусственного интеллекта читает и анализирует их входящую и исходящую почту, а затем на основе неё показывает пользователям рекламу [16]. Компания попыталась отозвать иск, апеллируя к тому, что пользователи сами дали согласие на это, подписав пользовательское соглашение. Тем не менее, в самом соглашении формулировки были крайне абстрактными – в нём говорилось о неких данных, благодаря которым пользователи видят более релевантные результаты поиска и рекламу. Суд принял решение в пользу истца и “Google” выплатил штраф. Но только в 2021 году в пользовательское соглашение были внесены правки о том, что компания не показывает пользователям рекламу на основе их переписок, однако в нем не было указано, что она их не читает. Таким образом, ничего не изменилось, ведь показ рекламы может быть делегирован третьим лицам.

В 2019 году “The New York Times” провела эксперимент. Они взяли пользовательские соглашения популярных сервисов и посчитали, сколько времени нужно для того, чтобы их прочитать, и насколько сложно они написаны [17]. Среднее время, затраченное на полное прочтение пользовательского соглашения, составило 16 минут. Сложность пользовательских соглашений оценивалась по специальной шкале, которая показала, что для прочтения большинства пользовательских соглашений требуется среднее специальное образование и выше.

Таким образом, люди не хотят читать пользовательские соглашения, потому что они имеют большой объем и написаны сложным языком, однако, если не принять их, доступ к благу будет закрыт, поэтому зачастую они принимаются без ознакомления. Так, более половины принявших участие в опросе людей (57 %) никогда не читали пользовательское соглашение. 10 % читали его несколько раз, 30 % всего единожды. У большинства респондентов на прочтение было затрачено 11–20 минут (51 %) и 21–30 минут (27 %). По шкале от 0 до 5, где 0 полное непонимание текста пользовательского соглашения, большинство оценили понятность текста на 2 (31 %) и 3 (23 %).

Другой кейс на данную тему – приложение “GetContact”. Оно стало доступно для скачивания в 2018 году и позиционировалось, как приложение для защиты от нежелательных звонков. Однако пользователей оно привлекло, потому что позволяло увидеть, как они записаны в контактах у других людей. Единственное условие – для просмотра этой информации требовалось предоставить доступ приложению к сбору данных о своих собственных контактах. Это было прописано в пользовательском соглашении, где также было указано, что компания может собирать и предоставлять данные третьим лицам и при этом не несёт ответственности за дальнейшее их использование. Не смотря на это, сервис за короткий срок стал одним из самых скачиваемых приложений. И он – не единственный, кто поступает так со своими пользователями. Есть другие приложения со схожей политикой, например, “QuickPick” для сортировки изображений и “TrueCamScanner” для быстрого считывания документов. Данные из них продаются впоследствии, тому, кто может за них заплатить, и опять же, пользователи сами дают на это согласие, а поэтому всё абсолютно легально.

Из-за того, что законы, обеспечивающие защиту персональных данных, появились относительно недавно, деятельность по их сбору и обработке находится сейчас в, так называемой, «серой зоне». Любые данные, если они находятся в свободном доступе, можно собрать с помощью инструментов парсинга. Парсинг – это сбор информации из сторонних источников и сайтов в интернете для использования полученных данных в различных целях. Он осуществляется с помощью специального программного кода или через использование программного обеспечения. К методу парсинга может сегодня прибегнуть, при должных знаниях, любой человек или организация в своих личных целях.

Примером может послужить случай, который произошел в Америке, когда в 2015 году британская компания “Cambridge Analytica” получила данные 87 миллионов пользователей социальной сети “Facebook” (признана в России экстремистской организацией) и использовала их в президентской компании Дональда Трампа. [2, с. 73] Пользователи сами проходили тесты внутри социальной сети, а оно собирало данные об их вкусах и предпочтениях, лайках и принадлежащих им и их друзьям. Таким образом получилось собрать информацию не только о проходивших тест, но и круге их общения. Используя эту информацию, аналитики оценивали политические предпочтения и подбирали для них специально настроенную политическую рекламу.

Впоследствии, основатель “Facebook” Марк Цукерберг признал перед конгрессом США, что его компания сыграла в этом роль и она заплатила крупный штраф, а “Cambridge Analytica” объявила себя банкротом.

Почти половина (46 %) относится к тому, что кто-то может собирать их данные в интернете в личных целях нейтрально, столько же относятся отрицательно. Рассуждая о тайне корреспонденции в интернете 86 % опрошенных указали, что отнеслись бы отрицательно, если бы кто-то читал их переписки и почту. Что интересно, узнав, что это будет делать искусственный интеллект, доля таких респондентов сократилась до 58 %. одна часть из них сменила позицию на «нейтрально» (12 % до и 30 % после), а другая затруднилась дать ответ на этот вопрос (2 % до и 9 % после). В то время, как большинство респондентов отнеслось отрицательно (52 %) к тому, что их данные могут быть использованы в законных коммерческих целях, 40 % респондентов отнеслись к этому нейтрально. В этом плане, личные данные, используемые для политических целей, являются более чувствительными для респондентов – 81 % указали, что относятся отрицательно к их использованию с такими намерениями.

Таким образом, мы видим, что главный товар IT-компаний в современном мире – это информация об их пользователях, их цифровые биографии. При этом подобный товар на рынке данных доступен абсолютно любому желающему, что влечет за собой возникновение различных ситуаций риска для обладателей этих данных. Тем не менее, не смотря на это, сбор всех этих данных происходит на вполне легальных основаниях, а люди добровольно передают свои данные в свободное пользование. У них просто нет возможности отказаться, ведь альтернативы не существует, и в противном случае, они просто останутся оторванными от всех благ. Так возникает ситуация «цифрового рабства», и пользователи, которые хоть и относятся ко всему, что происходит с их данными, отрицательно, всё равно дают согласие на всю обработку их данных, не имея альтернативы.

Цифровая биография используется не только крупными компаниями для получения выгоды, но также индивидами и институтами для взаимодействия на различных уровнях. В США цифровые биографии уже учитываются при приёме на работу и в колледж [8]. В школах ученикам дают рекомендации о том, как правильно конструировать своё жизнеописание в сети. Помимо стандартных советов по информационной безопасности, там говорят о необходимости периодической проверки того, какие данные находятся в публичном доступе о человеке. Это можно сделать с помощью «поисковых» сайтов, например, “Google”. Также там молодому поколению рассказывают о том, что отправка сообщения в интернете равносильно его публикации для всех и навсегда, а поэтому нужно следить за тем, что и кому они отправляют. Чересчур большое количество личных данных о себе может привести к плачевным последствиям. При этом модифицировать цифровую биографию возможно, но это займёт большое количество времени и потребует много усилий.

В авторском исследовании большинство респондентов (66 %) указали, что хотя бы раз проверяли, какая информация существует о них в интернете с помощью поисковых сервисов или ботов «пробива» (искусственный интеллект, который по запросу, предоставляет данные об определенном пользователе). Из них всего 9 % занимаются такой проверкой регулярно, 18 % раз в 2–5 месяцев и 32 % раз в полгода и реже. Большая часть (41 %) из тех, кто следит за тем, какие данные о них находятся в интернете, осуществляли такую проверку всего несколько раз за всю жизнь.

Радикальным способом использования цифровых биографий для регулирования взаимоотношений в обществе может выступить пример из Китайской Народной Республики. Там действует так называемая система социального рейтинга. Она представляет собой автоматизированную систему норм, правил и ограничений: законодательных, моральных, социокультурных и этических [9, с. 91]. Опорой этой системе служит китайское законодательство, нормативные акты, технологии и большие данные. Те или иные поступки ведут, в зависимости от их характера, к санкциям: положительным или отрицательным. Таким способом правящая партия стремится сформировать у граждан определенные паттерны поведения и самоцензуру. В отличие от западных систем, которые ограничиваются экономической сферой, оценивая кредитоспособность гражданина, китайская система ставит своей задачей охватить все сферы жизни общества.

В западном мире также принимаются попытки создать общество, в котором повседневное взаимодействие между людьми будет основано на их цифровых биографиях. Так, в этом году создатель криптовалюты Ethereum В. Бутерин и ещё два исследователя опубликовали статью, в которой они обосновали свою концепцию «децентрализованного общества» [15]. В ней они предлагают внедрение некоего аналога «цифровой кармы» или «социального рейтинга», который будет называться “Souls” (с английского души) и привязанной к ним цифровой монеты “Soulbound Tokens”.

В 2017 школьник Максим Ожерельев из Челябинской области опубликовал видео, в котором в экспрессивной манере рассуждал о том, что Земля не может быть шаром [5]. В качестве аргумента он приводил соображение о том, что подпрыгнув, человек возвращается туда же. Если бы планета вращалась, по мнению Ожерельева, то во время прыжка он перемещался бы на несколько метров в сторону. Блоггер отвергал аргументы научного характера и признавался, что находится на домашнем обучении, так как школа – это зло. Высказывания Ожерельева быстро обрели популярность в «пабликах» в социальной сети «ВКонтакте», где с его участием начали делать развлекательный контент. Но часть пользователей на этом не остановились – они начали травить молодого человека на его странице, писать ему сообщения, оскорбляя и желая смерти. По этой причине, Ожерельев удалил свою страницу и скрыл оригинал видеозаписи. Позже он пытался возобновить свою интернет-деятельность, но ему постоянно продолжали припоминать его прошлые высказывания.

С точки зрения социологии травля – дискриминация идентичности со стороны группы. [13, с. 20] Это то, что и произошло с Ожерельевым. В интернете явление травли имеет перманентный характер. Условия «глобальной деревни» и несогласия по всем вопросам приводит к состоянию постоянной защиты личных границ. В реальной жизни эти границы защищаются путём ограничения своего круга общения. В виртуальной же мнения и мысли с лёгкостью доносятся до людей, которые в реальной жизни они никогда бы и не услышали. Появления таких мнений провоцирует реакцию, при этом, с точки зрения социальных сетей, это является позитивным процессом, ведь спор увеличивает вовлеченность, а значит и количество пользователей.

Из числа опрошенных 53 % испытывают в большей степени отрицательные эмоции по отношению к тому, что интернет «запоминает» все их действия, 18 % относятся к этому резко негативно. В это время почти четверть респондентов относятся к этому феномену положительно, либо по большей части положительно (19 % и 4 %). На вопрос о травле за публикации, 85% указали, что никогда не становились объектами травли, однако 91 % становились её свидетелями.

Но как видно из примера, отдельные элементы цифровой биографии всё же могут стать причиной дискриминации и унижения её обладателя в интернете. И из-за того, что информацию практически невозможно полностью удалить из сети, такая травля может продолжаться ещё долгое время. Тем не менее, существуют различные способы ограничить доступ к своей цифровой биографии для нежелательных лиц. Одним из таких способов являются настройки приватности.

Приватностью можно назвать обособление и ограничение человеком различных сфер своей жизни от других людей или институтов [14, с. 65]. В цифровых сервисах и социальных сетях ответственность за свою собственную приватность ложится на пользователя. Считается, что он сам решит для себя, что он хочет сохранить, а чем готов поделиться. Это реализуется через интерфейс сайтов, которые позволяют настраивать доступ к своей информации для других людей.

Однако же, для различных людей разные данные могут иметь разную степень чувствительности. Так, в 2014 неизвестные выложили в сеть фотографии пользователей сервисов “Snapchat” и “iCloud”, полученные с помощью взлома баз данных [10]. Часть пользователей, к числу которых относились различные знаменитости, начали придавать широкую огласку проблеме, устраивая скандалы. В то же время, большинство, из которого многие были подростками, конечно, выразили определенную степень негодования, но вместе с тем нейтрально отнеслись к публикации своих снимков в общий доступ, быстро приняв это как факт.

По данным опроса, большинство респондентов рассказали, что для них в интернете важна приватность («Да» – 27 %, «Скорее да» – 50 %). Отрицательный ответ дали лишь 15 %. Закрытые страницы в социальных сетях имеют чуть больше половины (58 %). Среди самых популярных ответов

о причинах ограничения доступа на свою страницу были: ради сокрытия информации от посторонних лиц или от родственников и коллег, которые могут неправильно воспринять публикации пользователя, и ради сокрытия своей политической позиции. Не смотря на это, большая часть респондентов считает, что распространение данных несёт и риски, и пользу в одинаковой мере (67 %), а о превосходстве рисков над пользой сказали 29 %.

Стоит сказать, что сервисы порой сами используют механизмы для манипуляции пользователями, чтобы те пополняли свои цифровые биографии. К ним относится, к примеру, дружелюбный интерфейс: социальные сети утверждают, что пополнив свою биографию, человек сразу станет интереснее и привлекательнее для других людей, с ним захотят общаться. Существует термин для описания этого явления – «дофаминовая экономика», суть которого заключается в том, что человек получает положительные эмоции в ходе интеракций в интернете [7]. Количество «лайков» и «репостов» на публикации приносит некое удовольствие её автору на уровне химических процессов в его мозге, что обеспечивает его вовлеченность и побуждает стремление выкладывать больше контента.

Цифровые биографии с каждым годом становятся все более значимым фактором, который определяет коммуникации в обществе как онлайн, так и офлайн. Однако усиление такого влияния несёт в себе и новые проблемы, которые встают перед пользователями. Одна из таких проблем – это трудность исправления таких цифровых биографий, которые негативно воздействуют на репутацию человека в обществе. Добиться полной приватности в интернете невозможно, а данные, попадающие туда, могут храниться там неограниченное количество времени. Всё это приводит к тому, что при наполнении своей цифровой биографии автор должен следить за тем, что он публикует и оценивать то, какие последствия это принесёт для него.

Литература

1. *Артур, П.Л.* Цифровые биографии: запечатлеть жизнь онлайн / пер. с англ. С.В. Втулкин // Историческая биография: современные подходы и методы исследования. – 2011. – № 5. – С. 169–171.

2. *Болдырева, Е.Л.* Влияние интернет-технологий на процесс принятия решений как новый политический тренд (на примере компании «Кембридж Аналитика») / Е.Л. Болдырева, Н.Ю. Гришина, Е.О. Дуйсембина // Общество. Коммуникация. Образование. – 2019. – № 1. – С. 69–80.

3. *Будрдье П.* Формы капитала / пер. с франц. М.С. Добрякова // Экономическая социология. – 2002. – № 5. – С. 60–75.

4. Всеобщая декларация прав человека. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 10.03.2022)

5. «Вы что, на шаре живёте? Вы живёте на плоскости!» Как Максим Ожерельев поверил в плоскую Землю и стал мемом. – URL: <https://medialeaks.ru/1007sts-txt-zemlya-ploskaya-slava-iisusu-hristu/> (дата обращения: 27.04.2022)

6. *Гайдаш, О.В.* Феномен цифрового следа в современном обществе. // Вестник магистратуры. – 2020. – № 6. – С. 10–12.

7. Дофаномика: как рынок обманывает наш мозг и как перестать проверять смартфон 80 раз в день. – URL: <https://knife.media/dopamine-loop/> (дата общения: 29.04.2022)

8. Как цифровой след изменит работу по поиску персонала? – URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/340241-kak-cifrovoy-sled-izmenit-rabotu-po-poisku-personala> (дата обращения: 25.04.2022)

9. *Разумов, Е.А.* Цифровое диктаторство: особенности системы социального кредита в китайской Народной Республике. // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2019. – № 3. – С. 86–97.

10. Слив компромата в Сеть – расплата за наивность. – URL: https://www.gazeta.ru/tech/sliv_kompromata_v_set_ndash_rasplata_za_naivnost.shtml (дата обращения: 29.04.2022)

11. Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г.В. Осипова – М.: Издательская группа ИНФРА М – НОРМА, 1998 – 488 с.

12. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. От 02.07.2021) «О персональных данных»

13. *Шевко, Н.Р.* Особенности проявления кибербуллинга в социальных сетях // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 3 – С. 19–22.

14. *Шкудунова Ю.В.* Концептуальная основа «публичности» и «приватности» // Вестник Омского университета. – 2007. – № 4. – С. 64–67.

15. Glen Weyl E. Decentralized Society: Finding Web3's Soul. / E. Glen Weyl, P. Ohlhaber, V. Buterin – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4105763 (дата обращения: 27.04.2022)

16. Google ответит за сканирование Gmail. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2310421> (дата обращения 10.03.2022)

17. We Read 150 Privacy Policies. They Were an Incomprehensible Disaster. – URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2019/06/12/opinion/facebook-google-privacy-policies.html> (дата обращения 11.03.2022)

ANALYSIS OF CHANGES IN THE STRUCTURE OF GOVERNMENT IN THE CONTEXT OF GROWING GLOBALIZATION AND INTEGRATION TRENDS

Abuev Unerbek Adilbekovich

onerbek.adilbek.62@mail.ru

*Associate Professor at the Department of “Social Sciences”
Kazakh National Women's Teacher Training University (QyzPU)
Almaty, Kazakhstan*

Sembinova Ademi Amankeldyevna

*Master at the Department of “Social Sciences”
Kazakh National Women's Teacher Training University (QyzPU)
Almaty, Kazakhstan*

Improving the structure of public administration and management methods, in our opinion, is connected with the need to distribute functions taking into account the changes taking place in the world.

These include globalization and integration, which erase state borders and lead to the formation of world capital and goods markets, the formation of a worldwide information network, the creation of new unions of states and international organizations. Especially due to the growing openness of Kazakhstani society, its democracy in general, the republic is increasingly feeling the gradual increase in the impact of globalization and integration processes.

In addition, with the integration associated with the recent restructuring of the political, economic and socio-cultural space of states. Changes also occur both in the system of political power itself and in the mechanisms of functioning of democratic institutions. A significant contribution is made in this and modern scientific and technological revolution, especially in the field of communications and computer science.

Nowadays, the influence of all national states of transnational companies (TNCs), non-governmental organizations that can easily cross national borders and exercise power and various economic and political manipulations over the society of less developed countries is growing steadily, leading to a growing interdependence and mutual permeability of the countries of the world community. Thus, globalization is having an increasing impact on the functioning of an institution like the political elite. Therefore, at the present stage, the effectiveness of the activities of the political leadership of any democratic and non-democratic state is determined by its resistance to the effects of integration and globalization.

The vision of the top political leadership in the person of the President of Kazakhstan N.Nazarbayev to get a rational grain in the irreversible flow of global processes, but not to lose their national-cultural achievements, is as follows: “As a phenomenon, globalization has many advantages and many flaws. And when people and society choose their own way of integration into the world community, they do not lean towards a perfect and ideal development model due to the complete lack of

it. Similarly, we, Kazakhstanis, choose our path to integration into the world community, relying on the ongoing process of globalization, not because this path is absolutely perfect, but because for us and for Kazakhstan there are more positive aspects and advantages than negative aspects and deficiencies. Our main priority is firm and indisputable: the security of the nation and the preservation of statehood. Here, however, a large number of interpretations and options are possible: how and in what ways to ensure the safety of the peoples of Kazakhstan and at the same time avoid cataclysms that could lead to the disintegration of the state or weakening of the state, independence and sovereignty” [1, p. 235.] Thus, there is a real danger of the growing geopolitical influence of TNCs, and therefore the transnational elite on certain groups and strata of society (through its personnel contingent), which undoubtedly leads to a weakening of the political systems of states.

According to the American Researcher M. Parenti, the goal of a transnational corporation is to become truly transnational, to balance the sovereign power of any single state with the sovereign power of other countries [1, p. 50].

According to Kazakh Scientist M.T. Laumulin, in order to understand the essence of the “color revolutions”, it is necessary to take a closer look at their results. From the point of view of foreign policy, a number of new regimes reoriented towards the West (Georgia, Ukraine and Moldova). Others – Kyrgyzstan and Uzbekistan – unequivocally strengthened their relations with Russia and the Eurasian security structures (CSTO, SCO). In domestic policy, no significant changes occurred. In Georgia and Ukraine, the change of power ended in a banal redistribution of property in favor of new elites. No real reforms, as the West has sought, have not happened there yet. In Central Asia, the effect of color revolutions was even more shocking. In fact, the events in Kyrgyzstan and Uzbekistan showed what a drastic effect a sudden change of power can have [2, p. 271]. It should be noted that these “color” revolutions did not lead to the expected positive results, namely, the social and material growth of the population’s well-being. On the contrary, instead of pursuing a policy of stabilizing the domestic political and geopolitical situation, the “revolutionary new elite” engaged not only in the redistribution of property, but also in the destabilization of the foreign policy situation. In particular, Georgia, has sharply begun to pursue an anti-Russian policy.

In the era of growth of globalization processes, the following manifestations of changes in the “elite-mass” system are noted:

- the crisis of the previously established parties and party systems in a significant number of countries in Latin America, Africa, South and Southeast Asia;
- a clear shift towards plebiscite forms of political mobilization in these regions;
- gradual marginalization of national parliaments and local legislators in connection with the growing influence of economic structures such as the IMF or the IB that are not accountable to national electorate;
- the expansion of the scope of activities of organized criminal communities to the global level and the inability of national legal systems to curb their activity;

– the growth of official and illegal emigration from countries on the threshold of a social explosion and unable to provide the subsistence minimum to the population [3].

To prevent such a negative scenario of a change in the sociopolitical development of the ruling elite, in our opinion, it is necessary to be, first of all, aware of all sociopolitical processes and problems of society, its demands and expectations; secondly, to develop their cultural values to minimize the imposition of an alien culture and spirituality; thirdly, to formulate a clear national ideology capable of consolidating the majority of the society in order to implement this idea; fourthly, consistently form the patriotic consciousness and respect for their country among citizens; fifth, to create and develop the institutions of civil society in accordance with the adopted Concept of the development of civil society in the Republic of Kazakhstan (2006); sixthly, periodically, in a strictly designated time frame, to carry out a democratic change of political elites.

It is essential for the post-Soviet states to develop integration processes in order to minimize the impact of globalization. Therefore, the main condition for the need to establish cooperation in various spheres between the former Soviet republics was their close integration into the national economy of the decaying country, which became the motivation for the formation of an interstate integration association – the Commonwealth of Independent States (CIS). It is no coincidence that the national political elites of the post-Soviet countries are becoming increasingly aware of the increasing global changes taking place in the modern world.

As world experience shows, in modern conditions no country in the world can effectively develop alone, regional unions are required associated with common economic and geopolitical interests. As K.K. Tokayev wrote, “the integration progress in the post-Soviet space is unique and differs in many ways from the processes that occur in Western Europe. In addition to long-term economic ties, this includes the existence within the framework of a huge multinational state, the absence of a language barrier, and finally, the intertwining of people's fates, their family ties. The Commonwealth was created and formed in order to jointly solve political, economic and social problems on mutually beneficial conditions [4, p. 224].

An important point in restraining genuine integration within this education is the backwardness of a number of Commonwealth countries in carrying out social-market reforms. These and other significant aspects that hinder the genuine establishment of integration mechanisms in the Commonwealth “did not allow solving such crucial aspects of foreign economic activity as the reduction and abolition of customs duties, taxes, fees and other restrictions, convergence of tariffs for the carriage of goods and passengers, etc. Customs barriers are becoming the main obstacle to the development of mutually beneficial cooperation of the Commonwealth countries. The main reason for the current situation in the development of integration processes in the CIS states is the lack of an institutional and legal mechanism for the implementation of decisions taken” [5, p. 89.]

With a view to a more harmonious and efficient functioning of the CIS, the President of Kazakhstan N. Nazarbayev proposed a number of urgent measures, such as the expansion of trade and economic ties, coordination of states in the agrarian

sphere, and the creation of a monetary union. In the Commonwealth space, Kazakhstan conducts a pragmatic course aimed at the comprehensive development of bilateral relations with partners in the CIS, taking into account mutual interests. The signing of the Treaty on the Establishment of the Eurasian Economic Community consisting of five states (Russia, Kazakhstan, Belarus, Kyrgyzstan and Tajikistan) showed a degree of readiness for the development and deepening of the integration processes of its members. The Eurasian Economic Community was created as a classical integration association with such governing bodies as the Interstate Council, the Integration Committee, the Inter-Parliamentary Assembly and the Community Court. But this association could not fully solve the problems hindering the further development of the Community, such as the unevenness of the market reforms in the EurAsEC member countries, different levels of economic development, poor implementation of the agreements reached, predominance of national interests over the interests of other states.

Justifying the republic's entry into the CES, President N.A. Nazarbayev noted the urgency of its appearance: "the formation of the CES is a desire to create an integration association within the CIS – normal, living, and not creating different papers and agreements that we sign, and uselessly. In all countries of the CIS, economic growth is observed, and it requires new markets. In order to open these markets, it is necessary to negotiate regional integration, open borders, harmonize customs tariffs, that is, remove any barriers for goods and for capital. Against the background of these pragmatic things, new initiatives and desires are born, such as the SES" [1, p. 190]. At the same time, we note that N.A. Nazarbayev consistently in practice develops the idea of "economic Eurasianism".

On April 30, 1994, Kazakhstan, Uzbekistan and Kyrgyzstan signed an agreement on the creation of a Common Economic Space. He laid the foundations of the legal foundation of economic cooperation and proposed the unification of the free movement of goods, services, capital and labor and an agreed fiscal, tax, customs and exchange rate policy. In 1998, the Central Asian Economic Community was created. In order to successfully implement the Treaty, the Interstate Council, the Councils of Prime Ministers, Ministers of Foreign Affairs and Defense, as well as their working body, the Executive Committee, are formed. In addition, over the period after the signing of the CAEU Treaty, a fairly broad system of agreements and arrangements was developed that cover a wide range of areas of cooperation of mutual interest. A number of programs have been prepared and are being implemented in various areas of integration, appropriate coordination and advisory councils have been established, and working groups are functioning.

As a result of political and economic sovereignty, the Central Asian region faced problems of a military-defense nature. This was due primarily to the exacerbation of the geopolitical situation in the region, the need to combat drug trafficking and international terrorism, as well as the infiltration of extremist groups from neighboring Afghanistan into the region. At this time, there was an active intervention of Islamic religious organizations in the political life of society in countries such as Tajikistan and Uzbekistan, as well as inter-ethnic contradictions and conflicts in regions of superdense residence of different ethnic groups, such as, for

example, in the Osh region of Kyrgyzstan and the Fergana Valley belonging to Uzbekistan. The activities of many Islamic extremist religious organizations in Central Asia are directly connected with the idea of “fix” – the creation of a single theocratic state on the territory of the Central Asian states – a caliphate.

Emerging calls from outside forces, as well as events in Afghanistan, pushed the CIS countries to a joint defense strategy, and the first step, which has an organizational-constituent concept, was taken on May 15, 1992 in Tashkent. The highest political elite of seven states – Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia, Tajikistan and Uzbekistan signed the Collective Security Treaty (CST). Thus, for the first time in the post-Soviet space, a military-political alliance with peacekeeping goals entered the geopolitical arena. This can be regarded as the right strategic move taken by the national elites of these states.

Following the logic of geopolitical events, the top political leadership of the Central Asian states also made a strategic decision to create collective forces of rapid deployment, because there had already been cases of invasion by extremist-radical-religious militant groups in Tajikistan, Uzbekistan and Kyrgyzstan. In general, the creation and activities of the listed military entities had a positive impact on the situation in the Central Asian region, allowing localization of the civil war in Tajikistan, rejecting extremist gangs beyond the territorial borders of the participating countries.

An important step of the Republic of Kazakhstan was the idea of convening the heads of state-members of the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia (CICA), the Asian dialogue of the European OSCE. It was first announced by the President of the Republic of Kazakhstan N. Nazarbayev at the 47th session of the UN General Assembly in October 1992. During this time, the main composition of the CICA participants was formed, including representatives from 15 countries: Afghanistan, Azerbaijan, China, Egypt, India, Iran, Israel, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Pakistan, Palestine, Russia, Tajikistan, Turkey, Uzbekistan. And nine countries are observers, international organizations are constantly present: the UN, the OSCE, the League of Arab States, etc. Unlike other international organizations, CICA is an analogue of the OSCE on the Asian continent, which collectively has already reached agreement on guarantees and integrity of the members of this organization, based on the principle of trust in conflict situations. The director of the Institute of Eastern Europe, Russia and Central Asia, Academician of Social Sciences of the PRC, Li Jing, spoke in a television interview and drew the following parallel: the differences. However, there are no contradictions between the Shanghai Six and CICA, on the contrary, they work in parallel and positively complement each other. But it's too early to talk about their mutual integration. In our opinion, it is necessary, first of all, to strengthen and improve the SCO, since relations between its members are not complicated by major problems”.

Thus, a political analysis of the impact of globalization and integration processes in the world community shows that the core of globalization is the strengthening of diverse contacts and interaction, on the one hand, within transnational elites, and on the other, between transnational and national political elites of the world community. Kazakhstan actively pursues a policy of mutually

beneficial relations with the majority of countries in the world in America, Europe, Asia and Africa through both bilateral relations and establishing interaction through numerous international organizations. On the one hand, active foreign policy participation of Kazakhstan in various international and regional organizations within the framework of integration processes indicates a new foreign policy inter-elite configuration, which often crosses legally established territories. On the other hand, the current globalization processes lead, to a greater or lesser degree (depending on the level of development of states), to a decrease in the effective control levers and influence of the political elite in their national economies. This is due to the shift of the central decision-making unit from the national to the supranational level. In addition, the central decision-making unit (supranational elite) is less accessible, therefore, the channels of “entry” and “exit” into the system of various requirements and support from society are as closed as possible.

The whole spectrum of global and integration processes naturally leads to an intensive growth of various political and communication contacts between national elites. This is evidenced by such facts as the constant increase in the number of various meetings, summits and meetings at the governmental and non-governmental levels, the increase in the number of various regional associations and non-governmental organizations.

Globalization is accompanied by a decline in the ability of national elites to control national economies, and also partly political and cultural spheres. On the one hand, the gradual shift of the decision-making center from the national to the supranational level weakens the degree of influence on the decision-making of the national scale of both ordinary citizens and established pressure groups (interests). In other words, in the context of globalization, decision-makers are less accessible, and their decisions are less understandable for society. The need for preliminary thorough study of issues naturally leads to the intensification of contacts between national elites. The holding of numerous summits and meetings at the ministerial level, forums of regional associations and conferences of non-state associations stimulates the formation of interdependent elites. Thus, a transnational elite, clearly aware of its autonomy, is formed, weakly accountable to national electorate. Decisions made at the supranational level often stimulate the implementation of policies that conflict with the interests of national electorates. Hence the distrust and suspicion of the latter towards their elites, who are the object of criticism from the populist movements. Thus, the indirect effect of globalization processes is the return of elites to a state of uncertainty and high risks, which was considered the norm in the historical past.

So, in the context of globalization, the power of the political elite increases at the supranational level and decreases at the national level. However, as it happened in previous epochs, these changes are draped in rhetoric about “democratization”, and the choice of the latter seems to be a free choice of the electorate. J. Higley and M. Barton expressed the opinion that Western governments are legitimately elected by the population and act in the interests of voters. Meanwhile, the position of a significant number of intellectuals and ordinary citizens is as follows: they suspect that this is a myth, however, the majority still believe that even with the use of

modern means of management and manipulation of public consciousness and behavior, genuine democracy is possible. It is not by chance that the elites support this misconception, speaking for direct democracy: the holding of referendums, the implementation of various kinds of civil initiatives, etc. [6].

REFERENCES

1. *Parenti M.* Power over the world. The true purpose of American imperialism / Trans. from English L. Afanasieva. – M.: Generation, 2006. – 288 p.

2. *Laumulin M.T.* Central Asia in foreign political science and world geopolitics. – T. II: US foreign policy and strategy at the present stage and Central Asia. – Almaty: KISR under the President of the Republic of Kazakhstan, 2006. – 348 p.

3. *Gaman-Golutvina O.V.* Transformation of the role of elites and public service ethics in the context of globalization // <http://www.imperativ.net/imp12>.

4. *Tokayev K.K.* Kazakhstan's foreign policy in the context of globalization. – Almaty: JSC SAK, NP PIK Gauhar 2000. – 584 p.

5. Strategy of economic reforms of the Republic of Kazakhstan. Scientific publication / Under total. ed. B. Sultanova – Almaty: Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, 2005. – 220 p.

6. Higley J., Burton M. Elites, Democracy and Globalization: Action and Ideology // Paper for XVIII IPSA World Congress. – Quebec-City. 2000. – P. 65.

**СЕКЦИЯ «ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ВЫЗОВЫ, ПРОБЛЕМЫ,
ВОЗМОЖНОСТИ»**

**ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН**

Бобохонов Камолиддин Нуриддин угли

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Хайруллина Юлдуз Ракибовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Центр перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы социализации студентов, обучающихся в организациях высшего образования Республики Татарстан. Раскрываются сущность, проблемы, направления, формы и методы работы по социализации студенческой молодежи. Отмечается, что на сегодняшний день регион является лидером в области привлечения и обучения студентов, в подготовке высококвалифицированных кадров. В этом процессе большая роль уделяется социальной и воспитательной работе со студентами в самих образовательных организациях, а также реализации государственной молодежной политики в Республике Татарстан. В целях совершенствования работы в области государственной молодежной политики и воспитательной работы, были созданы отдельные специализированные структуры в самих образовательных организациях, работу которых координирует Министерство по делам молодежи Республики Татарстан. В статье рассматривается и деятельность органов студенческого самоуправления образовательных организаций, которые также играют большую роль в сфере социальной работы со студентами. Отдельно представлены и неформальные студенческие молодежные объединения, которые являются частью самодетельности студенчества. Проведен анализ документов, в которых сформулированы стратегии работы с молодежью в КФУ и Республике Татарстан. В заключение делается вывод, что в условиях цифровизации важно развивать инновационные методы работы по социализации студенческой молодежи.

Ключевые слова: социализация, молодежная политика, студенческая молодежь, образование, государственное управление, образовательный процесс, студенческое самоуправление, патриотическое воспитание, активная гражданская позиция.

Социализация – самое широкое понятие, характеризующее процесс становления личности, оно предполагает не столько сознательное усвоение готовых форм и способов социальной жизни (идей, ценностей, норм), сколько

выработку собственных ориентаций, своего стиля жизни, социального опыта [1, с. 12–22.]. В современном быстроменяющемся мире вопрос социализации студенческой молодежи является важным фактором освоения образовательного процесса и процесса подготовки будущих высококвалифицированных кадров в самых различных областях. Сам процесс социализации является многогранным явлением и рассматривается с научной точки зрения как важный теоретический и практический аспект социологической науки [2].

Социализация в высшей школе – наиболее важное звено в системе образования, способное обеспечить формирование нового типа личности, оптимально соответствующего современному этапу общественного развития. Социализация студенческой молодежи в период обучения в высшем учебном заведении – это процесс познания, освоения и усвоения студентом специфических социально-профессиональных ролей, норм и ценностей, выработанных и принятых в обществе, в конкретной образовательной организации высшего образования, необходимых для выполнения будущих социальных и профессиональных функций специалиста и формирование на этой основе определённого социального типа личности как системы её социально и профессионально-важных качеств. Социализация проходит в два этапа. Первый этап социализации студентов (1–2 курсы) представляет собой процесс адаптации индивидов к специфике образовательной деятельности в высшей школе. Второй этап социализации студентов (3–5 курсы) определяется доминантой профессиональной специализации [3].

Для воспитания зрелого, активного гражданского общества образовательным организациям необходимо проводить интенсивную работу по социализации студентов от начала до конца периода обучения. Традиционно социализация в образовательных организациях проводится тремя и более структурами: администрацией, в лице заместителя руководителя образовательной организации и ее структурных подразделений, которые курирует заместитель руководителя, органами студенческого самоуправления, студенческими общественными организациями и объединениями образовательной организации. Данная система работы закреплена в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [4].

Деятельность, которую проводят данные структуры, в основе своей, призвана обеспечить постоянный непрерывный личностный рост. Принято признавать ее успешной, если индивид осваивает необходимые социальные роли, усваивает одобряемые данным обществом, социальной общностью ценности, социальные нормы, стереотипы поведения [5]. В этих целях реализуются различные программы от федерального до университетского уровней, организуются крупные социальные проекты и мероприятия разного формата, в стипендиальном фонде университетов предусмотрены средства для организации культурно-массовой, физкультурной и спортивной, оздоровительной работы с обучающимися [6]. Помимо этого, существуют разного рода меры поддержки, направленные на стимулирование воспитательного процесса, усиление роли студенческого самоуправления,

а также на организацию и проведение дополнительных мероприятий и проектов для социализации студенческой молодежи.

Однако, по мнению ряда авторов, в основе устоявшейся практики процесса социализации в университетах содержатся формализованные процедуры, служащие для передачи традиционных или заимствованных идеалов. Формализация выхолостила живую практику воспитания, и она перестала быть эффективным каналом ввода молодых людей в основные практики жизнедеятельности общества [7].

Отдельное влияние на трансформацию процесса социализации в вузе оказывает дигитализация. Классическая модель университета предполагала модель взаимодействия учитель – ученик, в которой преподаватель всегда представлял собой эксперта в определенной научной области. Новая, неклассическая образовательная стратегия современного университета в большей степени ориентирована на опосредованное воздействие [8], при помощи различных виртуальных сервисов, что накладывает отпечаток и на социализации.

В современной высшей школе также ухудшилось положение и самого образовательного процесса, снизилась ее роль в системе социализации студентов. Это связано с несколькими факторами: во-первых, само образование стало формальной социально-статусной функцией для современного общества и наличие «корочки» придает определенный статус для его обладателя и открывает определенный карьерный путь. Во-вторых, за последние десятилетия российская система образования стала наиболее бюрократизированной, а профессорско-преподавательский состав тратит равное или большее количество своего времени на рутинные бюрократические процессы, чем на сам образовательный процесс и контакт с обучающимися. В-третьих, зачастую, программы и проекты, направленные на социализацию обучающихся, также обретают формальный характер в силу того, что являются устаревшими по форме и содержанию, заимствованы и неправильно адаптированы под социальную среду региона или образовательной организации, либо не востребованы среди самой студенческой молодежи по ряду других причин. Все это говорит о том, что формализация – неотъемлемая часть современной системы высшего образования, что также влияет на качество работы по социализации студенческой молодежи.

Также стоит отметить, что особую роль играет присоединение системы образования России к Болонскому процессу. Присоединение к Болонскому процессу, по мнению исследователей, обусловило концептуальные и методологические изменения, касающиеся кадровых стратегий и стратегий обучения. Эти стратегии по своей сути ведут к обезличиванию образовательного процесса, когда студент рассматривается как потребитель образовательных услуг, а преподаватель – как работник сферы образовательных услуг. Минимизируется контактная работа со студентами, утрачивается личностный подход в процессе обучения, сокращаются гуманитарные дисциплины [9]. Социализация личности обучающегося напрямую сопряжена с персональной культурой преподавателя, его поведением

в профессиональной ситуации, качеством учебной работы преподавателя со студентами, а также его постоянным профессиональным и научным ростом и его включенностью в профессиональную сферу, академическое и научное сообщество.

Вышеуказанные общие тенденции также наблюдаются и в образовательных организациях республики. Татарстан является крупным научно-образовательным центром Российской Федерации. На сегодняшний день в республике обучается порядка 160 000 студентов в 69 вузах (в том числе и филиалах других образовательных организаций, расположенные на территории республики). Во всех образовательных организациях ведется активная деятельность по социализации студенческой молодежи. Отдельно стоит отметить, что в вузах республики обучается порядка 18 000 иностранных студентов, процесс их социализации имеет свои особенности и накладывает особую ответственность для субъектов, которые ведут с ними данную работу.

Работа по социализации студентов в вузах реализуется по плану социально-воспитательной работы, утверждаемой администрацией образовательной организации. Как правило в данных планах работа ведется по нескольким направлениям, основными из которых являются: общественное, патриотическое, культурно-массовое, спортивное, антикоррупционное, добровольческое. Специфика данных планов также зависит и от типа образовательной организации, так как вузы республики подразделяются на различные типы: государственные и негосударственные, а также классические, технические, медицинские и так далее. В соответствии с данными планами, с обучающимися должна проводиться систематичная и интенсивная работа в формате мероприятий, разовых встреч, лекций, мастер-классов и других форм работ с обучающимися.

Рассмотрим состояние социализации студенческой молодежи на примере крупнейшего вуза республики и Приволжского федерального округа – Казанского (Приволжского) федерального университета. На сегодняшний день университет является лидером в области работы по социализации студенческой молодежи: проводится эффективная социально-воспитательная работа, развита система молодежной политики университета. На уровне администрации данное направление деятельности курирует Проректор по социальной и воспитательной работе, основным управленческим подразделением, обеспечивающим реализацию целостной работы по социальной и воспитательной работе является Департамент по молодежной политике. В рамках основных структурных подразделений (институтов и факультета) работу по социализации ведут заместители руководителей структурных подразделений и созданы соответствующие структуры (отделы).

Социализация реализуется через мероприятия и программы по следующим направлениям:

- организация социальной защиты и поддержки, обустройства быта, оздоровления, физкультурно-массовой работы со студентами;
- организация и проведение воспитательной работы, культурно-массовой и творческой деятельности;

- оказание содействия трудоустройству студентов и выпускников университета;
- обеспечение успешной адаптации студентов первого курса к условиям учебной деятельности;
- создание оптимальной культурной среды, направленной на развитие нравственных и духовных ценностей в условиях современной жизни;
- удовлетворение потребностей студентов в интеллектуальном, культурном, нравственном и физическом развитии;
- сохранение и преумножение традиций университета, пропаганда его истории, символики, престижности получения образования в КФУ;
- осуществление координации подразделений и служб КФУ в части их деятельности по проведению социальной и воспитательной работы;
- взаимодействие с профсоюзной организацией студентов, Координационным советом студенческих общественных организаций и объединений и другими студенческими общественными организациями и объединениями КФУ в решении вопросов социальной и воспитательной направленности [10].

По масштабам и объемам работы, проводимой в образовательной организации в области социализации студенческой молодежи, КФУ является флагманом не только в Республике Татарстан, но и в Приволжском федеральном округе. С одной стороны, это частично объясняется тем, что в вузе обучается наибольшее количество студентов (около 50 000) и значением в области социального и инновационного развития региона. Вуз является базой для социализации молодых специалистов в профессиональной, культурной и других сферах. С другой стороны, социализации уделяется большое внимание на уровне ректората, что имеет важное значение для студентов. Большую роль также играют и органы студенческого самоуправления и студенческие объединения университета, так как именно они выполняют интеграционную функцию в работе с обучающимися университета. Однако, проанализировав Отчет Департамента за первый и второй семестры 2020–2021 учебного года [11], автор пришел к следующим выводам:

1. Большая часть реализуемых мероприятий являются традиционными, то есть обрели формальный характер;
2. Общий охват мероприятий равен 1/5 части от общего количества обучающихся университета, что также говорит о том, что на сегодняшний день у большинства обучающихся отсутствует мотивация участия в процессе социализации;
3. Форматы большинства мероприятий не соответствуют трендам, которых придерживается современная молодежь;
4. Во многих направлениях работы отсутствуют университетские авторские мероприятия и проекты, а лишь констатируется участие представителей от университета на мероприятиях регионального и всероссийского уровней;
5. Отсутствует направления информационно-просветительской работы, что является актуальным направлением на сегодняшний день.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что в работе по социализации необходимо:

1. Найти концептуально инновационные методы работы со студенческой молодежью и пересмотреть форматы мероприятий;

2. Выработать способы улучшения мотивации для участия основного количества обучающихся в программах и проектах, реализуемых университетом;

3. Собрать предложения по современным и актуальным форматам проектов и мероприятий от студенческой молодежи и попробовать реализовать их на базе университета;

4. Внедрить авторские мероприятия по социализации в планы работ по социализации студентов в университете;

5. Обратить отдельное внимание информационно-просветительской работе, как к одной из основных направлений деятельности и инструментов социализации студентов.

Вышеуказанная система работы по социализации актуальна и во многих образовательных организациях и ее необходимо масштабировать в рамках деятельности Министерства по делам молодежи Республики Татарстан. Показательный факт: являясь флагманом в области работы со студенческой молодежью в регионе, Казанский федеральный университет задает тренды не только примером своей деятельности, но и в рамках различных структур и ведомств. В рамках деятельности Министерства по делам молодежи Республики Татарстан, который является исполнительным органом государственной власти отраслевой компетенции, осуществляющим государственное управление в области государственной молодежной политики в республике [12], Казанский федеральный университет возглавляет Совет по воспитательной работе вузов Татарстана – межвузовского координационного органа по вопросам воспитания студенчества и реализации молодежной политики в вузах республики, участвует в работе и делится своим опытом.

Таким образом, социализация занимает важную роль в процессе становления личности молодого человека и особо актуальна данная работа в рамках образовательного процесса. Но не менее важен фактор инновационного подхода к данной работе, так как иначе эффект от деятельности, направленной на социализацию молодого человека, может быть незначительной и незаметной для итогового потребителя. Татарстан, являясь регионом-лидером, показывает успехи в работе с молодежью в целом во всех направлениях. Научные исследования в данном направлении также актуальны и помогут выявить точки роста отрасли молодежной политики и воспитательной работы с молодежью.

Литература

1. *Комбу А.С.* О социализированности студентов вуза (на примере студентов ТувГУ) // Вестник Туvinского государственного университета. Педагогические науки. – 2013. – № 3. – С. 12–22.

2. *Хайруллина Ю.Р., Хайруллин Р.Р.* Идентификационный портрет населения Республики Татарстан: роль социальных институтов и особенности социализации личности в постсоветской России (на материалах КСИ 1990-х – 2014 гг.) // Монография – Казань: ООО «Офсет-Сервис», 2015. – 152 с.

3. *Шульга М.М.* Особенности процесса социализации в высшей школе // Вестник Томского государственного университета. – 2005. – № 287. – С. 114–120.

4. Справочная правовая система КонсультантПлюс. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 13.04.2022).

5. Официальный сайт «Российская Газета». – URL: <https://rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html> (дата обращения 13.04.2022).

6. *Беккер И.Л., Журавчик В.Н.* Проблема социализации студенческой молодежи в современных условиях // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского: общественные науки. – 2009. – № 12. – С. 141–151.

7. *Ковалева А.И.* Проблемы социализации личности студента в вузе // ЗНАНИЕ. ПОНИМАНИЕ. УМЕНИЕ. – 2017. – № 3. – С. 48–62.

8. *Щелкунов М.Д., Николаева Е.М., Ефлова М.Ю., Котляр П.С.* Медиаобразование в высшей школе: особенности, перспективы, риски // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 2. – С. 208–213.

9. Официальный сайт «Казанский федеральный университет». – URL: <https://kpfu.ru/junior-politics> (дата обращения (дата обращения 13.04.2022)).

10. Официальный сайт «Казанский федеральный университет». – <https://kpfu.ru/junior-politics/dokumenty> (дата обращения 13.04.2022).

11. Официальный сайт «Министерство по делам молодежи Республики Татарстан». – URL: <https://minmol.tatarstan.ru/polozhenie.htm> (дата обращения (дата обращения 13.04.2022)).

12. Официальный сайт «Министерство по делам молодежи Республики Татарстан». – URL: <https://minmol.tatarstan.ru/polozhenie.htm> (дата обращения (дата обращения 13.04.2022)).

ФИНАНСОВАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ, ПОВЕДЕНИЕ И ПРАКТИКИ

Вагапова Диляра Раифовна

Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье приводятся теоретические аспекты вопроса финансовой культуры современной российской молодежи, на основе проведенных исследований в области финансовой культуры молодежи рассматриваются основные тенденции формирования финансовой грамотности молодых людей в России. Также на основе проведенного авторского эмпирического исследования в рамках пробного эмпирического исследования

проводятся полуформализованные интервью с целью выявления особенностей финансового поведения российской молодежи.

Ключевые слова: финансовое поведение, финансовая культура, финансовая грамотность, ценности, рисковое поведение.

Установки и ценности современной молодежи, в том числе финансовая культура и финансовые привычки, формируются весьма отличительно от предшествующих поколений. И если раньше финансовая грамотность и культура в большей степени прививались родителями с уже установившимися нормами финансового поведения, то сейчас молодежь более активно самостоятельно включается в экономическую сферу уже со студенческих лет. ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) регулярно проводит международные исследования оценки образовательных достижений учащихся PISA (Programme for International Student Assessment). В рамках этой программы с 2000 года проводится мониторинг знаний учащихся школ по следующим направлениям: грамотность чтения, математическая грамотность, естественнонаучная грамотность и компьютерная грамотность. Проверка знаний в области финансовой грамотности является дополнительной опцией программы PISA. Российская Федерация принимает участие в исследовании финансовой грамотности с 2012 года.

По результатам исследования, около 60 % 15-летних учащихся российских школ достигают 3 уровня и выше по шкале оценки финансовой грамотности учащихся PISA. Таким образом, российские ученики показали результат выше среднего в сравнении со всеми участвующими странами, однако, по сравнению со странами ОЭСР, результаты российских школьников оказались на 10 баллов ниже. Результаты исследования свидетельствуют о том, что финансовая грамотность российских школьников нуждается в совершенствовании.

Повышение финансовой грамотности населения является одной из актуальных задач общества, как признает Комиссия Европейского союза и Организация Экономического Сотрудничества и Развития. Уровень финансовой грамотности населения, в свою очередь, растет благодаря финансовому образованию, которое получают граждане государства преимущественно в молодом возрасте. Люди в возрасте 14–35 лет наиболее активно подвержены потреблению напоказ, в силу своих возрастных особенностей и активно формирующемуся мировоззрению. Такой феномен как демонстративное поведение, часто присущий молодым людям, ярко отражается на финансовом поведении.

Во-первых, демонстративное поведение является одним из способов, которые поддерживают членство в определенной социальной группе. То есть, молодежь, выставляя напоказ потребление определенных товаров и услуг, показывает свою принадлежность к той или иной группе людей. Молодые люди сегодня очень трепетно относятся к факту принадлежности определенной

группе и разными способами пытаются подражать представителям группы, к которой хочет принадлежать.

Во-вторых, среди молодежи есть тенденция к покупке определенных вещей с целью того, чтобы идти нога в ногу со своими сверстниками. Такое явление наблюдается у людей уже с раннего детства, когда ребенок нуждается в игрушке только потому, что эта игрушка имеется у его сверстников. Это явление так же популярно и среди людей более старшего возраста. Нередко возникают случаи, когда мода на определенную вещь и наличие этой вещи у большинства представителей молодежи вызывают острую необходимость в ней.

В-третьих, демонстративное поведение выступает результатом социального сравнения. Молодые люди сравнивают себя со своим окружением, и таким образом выстраивают определенное мнение о самих себе.

Также демонстративное поведение является способом демонстрации богатства. Богатство демонстрируют люди в связи с различными целями, таковыми могут являться поощрение противоположного пола, похвала со стороны значимых других и так далее.

Разберем несколько компетенций человека, которые важны для формирования грамотности в сфере финансов. Говоря о личных сбережениях, здесь важно быть информированным человеком, например, в области страхования вкладов. Также важно знать об основных инструментах сбережения средств, способах сохранения и приумножения бюджета. К таким способам относятся банковские вклады, покупка иностранной валюты, инвестирование, покупка драгоценных металлов. Выбор подходящего для человека способа накопления требует определенного уровня знаний и умений, навыков анализа различных методов накопления.

Говоря об области кредитования, стоит отметить, что человек должен понимать обо всех рисках процедуры кредитования. Здесь нужно понимать, что при взятии на себя такого обязательства, нужно учитывать свои расходы, возможности к регулярной выплате денежных средств. Также стоит учитывать то, что выплата включает в себя не только годовые проценты, но и различные комиссии и платежи банку, взимаемые за обслуживание кредита. Неумение сравнивать и анализировать альтернативные варианты также говорит о недостаточном уровне финансовой грамотности. Также о недостаточной финансовой грамотности говорит неумение различать кредиты по их видам и ставкам. Главным образом финансово грамотный человек должен знать и понимать, что наличие кредита не равно наличию успеха в жизни, кредитом нужно пользоваться умело и осторожно, брать на себя такую ответственность только в разумных случаях, когда это является необходимостью.

В области инвестиций нужно также обладать определенными знаниями и умениями. Здесь важно само понимание того, что инвестиции являются более рискованным вариантом вклада денежных средств, чем банковские вклады. Также важно понимать различие финансовых пирамид от инвестиционных вкладов. Понимание этого различия может сохранить значительные суммы денежных средств от мошеннических организаций.

Обратимся к статистическому исследованию склонности молодежи к девиантному финансовому поведению. Данные исследования были получены посредством анкетного опроса студентов крупнейших вузов России. В рамках опроса респондентам было предложено выразить свое отношение к тем или иным девиантным финансовым решениям, которое отражает те или иные установки человека, связанные с отсутствием финансовой грамотности. Респондентам предстояло выразить свое мнение к таким явлениям как заработная плата «в конверте», незарегистрированная предпринимательская деятельность, неофициальная денежная благодарность, подделка документов. По результатам, около 64 % респондентов в определенных случаях согласились бы получать часть заработной платы «в конверте», около 60 % поддержали бы друга, при ведении им незарегистрированного бизнеса.

В данном исследовании показателем низкого уровня финансовой грамотности принято считать лояльное отношение к потенциальному нарушению закона более чем в половине представленных случаев. По результатам исследования у около 13 % респондентов была обнаружена склонность к девиантному финансовому поведению.

В рамках исследования также была рассмотрена связь девиантного финансового поведения и отношения к финансовому риску. Для выявления этой связи был задан вопрос о потенциальном риске денежных средств на лотерею, при участии в которой человек может с одинаковым успехом либо заработать 1500 рублей, либо потерять 500 рублей. Большая часть студентов оказалась не склонной к риску посредством участия в лотерее (51,7 %), однако 23 % студентов приняли бы участие в лотерее.

Отношение молодых людей к риску, связанному с финансами является действительно важным фактором в определении склонности человека к девиантному финансовому поведению. Однако склонность человека к риску определяется не только финансовой грамотностью, но и рядом других факторов, одними из которых являются опыт пользования услугами микрофинансовых организаций, среднемесячный доход семьи, личные расходы. Согласно результатам исследования, уровень склонности к девиантному финансовому поведению среди представителей молодежи действительно высокий. Поддержка в определенных случаях незаконных финансовых схем молодежью может спровоцировать рост коррупции, неформальной занятости и падение уровня финансовой грамотности в целом. Однако стоит понимать, что положительное отношение молодых людей к подозрительным схемам может быть вызвано не только определенным уровнем финансовой грамотности, но и сложившейся в государстве экономической ситуацией, что говорит о необходимости принятия определенных мер для устранения факторов, влияющих на формирование негативного финансового поведения молодых людей.

Одними из факторов, влияющих на формирование финансового поведения и финансовой грамотности молодежи являются социальные медиа. Интернет в современном мире является действительно распространенным фактором, влияющим на социализацию молодого поколения. По данным

установочного исследования проекта WEB-Index в феврале 2020 года, именно молодые люди в возрасте 12–24 лет, а также молодые люди в возрасте 25–34 лет проводят в Интернете больше всего времени. Так, увеличение времени проведения людей в интернете обратно пропорционально возрасту пользователей сети Интернет.

Исследование влияния социальных медиа на формирование определенного уровня финансовой грамотности было проведено Виноградовой К.В. – научным сотрудником Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, а также Алкиперовой Н.В., доцентом Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ. В исследовании был проведен анализ блогов популярной среди молодежи социальной сети Инстаграм. Популярные блогеры являются лидерами мнений, поэтому оказывают значительное влияние на молодую аудиторию. Посты исследуемых блогеров, написанные на тему финансов включают в себя широкий спектр тем, среди которых есть, к примеру, информация об инвестировании, сбережении денег. Однако рациональность присуща далеко не всем постам на тему финансов – так как были замечены также посты о том, как, к примеру, для заработка денег необходимо лишь иметь денежное мышление, а магические силы и заклинания сами притянут поток денежных средств. Лидеры мнений, каковыми являются порой люди без должных знаний и образования, активно влияют на формирование финансового поведения аудитории. При этом большинство аудитории в социальных медиа все же составляют молодые люди.

Было проведено пробное эмпирическое исследование, направленное на изучение финансового поведения современной российской молодежи, финансовых практик и стратегий, которых придерживаются современные молодые люди. Для изучения этого аспекта жизни молодежи был использован такой метод социологического обследования как полуструктурированные интервью. Интервью были проведены среди представителей российской молодежи, участниками стали лица от 14 до 35 лет. Пробное эмпирическое исследование было проведено среди 11 представителей молодежи разных городов Российской Федерации.

Обратимся к ответам информантов проведенного исследования. Практически все информанты ответили утвердительно на вопрос о том, считают ли они себя людьми, осведомленными в вопросах финансов. *Считаю, что я и правда человек, который умеет правильно распределять свои деньги, планировать свой бюджет. Вообще, у меня аналитический ум, и когда в школе у нас была экономика – мне очень нравилось изучать именно вопросы ведения личного бюджета, различные лайфхаки по планированию денежных средств. Также довольно сжатый личный бюджет вынуждает искать различные способы экономии средств, то есть, уже ищешь способы, как сэкономить, но чтобы при этом сильно не пострадать* (Анастасия, 19 лет, Казань).

Часто приходится слышать выражение о том, что деньги на самом деле не являются ценностью, по сравнению со здоровьем и другими ценностями в жизни. Информанты в корне не согласны с этим выражением, в этом вопросе

мнения разделились на два. Первая часть информантов полагает, что деньги являются одной из важнейших ценностей наравне со здоровьем, друзьями и семьей. *Вот, знаешь, как бы грустно ни звучало, деньги и правда для меня это ценность, да и не только для меня, а для многих. Как говорил один умный человек, чтобы такое выражение сказать, нужно для начала обладать этими деньгами. Деньги – реально ценность для меня, потому что даже хорошим здоровьем сейчас не получится обладать без денег, лекарства-то на что покупать? И деньги это свобода, а свобода дает тебе хорошее самоощущение. Поэтому да, деньги – это и правда для меня ценность.* (Тимур, 32 года, Ижевск). Вторая группа информантов также не согласилась с выражением о том, что деньги по сравнению с другими ценностями жизни не являются ценными, однако свою точку зрения высказала в другом ключе. *Конечно, нельзя сказать, что деньги стоят наравне с семьей, друзьями и здоровьем. Но деньги все равно являются ценностью, которая часто является инструментом для достижения многого в этой жизни* (Ринат, 21 год, Казань).

Кредиты вызвали неоднозначную реакцию у большинства информантов. Многие из информантов не смогли назвать точный ответ на вопрос об отношении к кредитам. Изначальное негативное отношение к кредитованию могло быть разбавлено полезными сторонами кредита, к ним информанты отнесли следующие аспекты. Во-первых, если есть необходимость в какой-либо покупке, но на данный момент нет возможности к оплате полной стоимости, кредит является подходящим выходом из ситуации. Во-вторых, кредиты дают возможность получить какую-либо вещь «здесь и сейчас», то есть, покупка необходимой вещи не откладывается до момента, когда получится собрать накопленные средства, а приобретается сразу. В-третьих, кредит может помочь в действительно сложных жизненных ситуациях. К примеру, при проблемах со здоровьем кредит может быть источником средств для приобретения тех или иных лекарств, получения необходимого лечения. Однако, несмотря на необходимость в некоторых жизненных ситуациях взятия кредита, молодые люди все же склоняются к тому, что кредит является отрицательной финансовой практикой.

Осведомленность молодых людей современной России в вопросах финансовой грамотности растет в лучшую сторону в виду множества доступной к изучению информации. Социальные сети, активными пользователями которых являются представители молодежи, все больше освещают информацию, связанную с финансами. Вопросы кредитования, способов накопления, инвестирования средств интересны как для работающей, так и для неработающей молодежи. Однако, не многие из представителей молодежи способны хорошо разбираться в основных финансовых понятиях, финансовых инструментах и механизмах. Одной из причин этого является обилие источников финансовой информации, которые доступны для изучения. Информационное поле людей расширяется с каждым днем, а доступная информация финансового характера не всегда является достоверной и проверенной. Критическое мышление позволяет критически оценивать информацию с разных источников, делать выводы и принимать на их основе

финансовые решения. Тем не менее, не редко эти финансовые решения оказываются опрометчивыми, влекущими за собой негативные финансовые последствия. Это свидетельствует о том, что знания и умения в сфере финансов необходимо совершенствовать для достижения материального благополучия.

Литература

1. *Алкиперова Н.В., Виноградова К.В.* Влияние социальных медиа на формирование финансово грамотного поведения молодежи // ФНИСЦ РАН. – 2021. – 43 с.

2. *Васильева Е.Н.* Социология культуры: теория и практика // Социологический журнал. – 2016. – № 4. – С. 37– 49.

3. *Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Глебова И.С., Дудочников А.И.* Функционирование малого предпринимательства в регионах России в контексте цифровизации общества // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 1 (126). – С. 536–540.

4. *Ниворожкина Л.И., Синявская Т.Г., Трегубова А.А.* Статистическое исследование склонности молодежи к девиантному финансовому поведению // РИНХ. – 2019. – 119 с.

5. Финансовый журнал // Научно-исследовательский финансовый институт; учредитель и издатель федеральное государственное бюджетное учреждение Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации; главный редактор журнала Назаров В.С. – 2010 – Москва, 2022. – 150–250 с. – Выходит 6 раз в год. – ISSN 2658-5332. – Текст: электронный.

6. *Чередниченко, Г.А.* Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути // Изд-во РХГИ. – 2004. – 504 с.

7. *Шабунова, А.А., Белихова Г.В.* Экономическое поведение населения: теоретические аспекты // ИСЭРТ РАН, 2012. – 136 с.

8. *Ярашева, А. В.* Сберегательные и кредитные стратегии домохозяйств // Народонаселение. – 2013. – № 2 (60). – С. 94–102.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА И ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

Воробьева Владилена Вадимовна

Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия

Аннотация. В данной статье определяется сущность понятий «патриотизм» и «гражданственность», а также исследуются особенности проявления гражданско-патриотических ценностных ориентаций у учащихся школы.

Ключевые слова: патриотизм, гражданственность, идеология, любовь к Родине, гражданственно-патриотическое сознание, патриотическое воспитание.

С распадом СССР система идеологического воспитания была ликвидирована, разрушена прежняя система ценностей. Социальная дифференциация общества, обесценивание духовно-нравственных ценностей, отсутствие общенациональной идеи оказали неблагоприятное воздействие на общественное сознание большей части социальных и возрастных групп россиян, прежде всего, подрастающего поколения. Патриотизм стал рассматриваться как отжившая ценность, мешающая строить демократическое общество, свободное от прежних стереотипов. Более того, с течением времени патриотизм кое-где стал перерождаться в национализм.

На протяжении многих веков патриотизм составлял основу государственности, являлся залогом эффективного функционирования всей системы социальных и государственных институтов, был неотъемлемой составляющей духовной жизни общества и одним из главных признаков духовного здоровья нации.

Идея патриотизма в нашей стране подпитывалась событиями и фактами героического прошлого страны: победоносными сражениями и походами, дипломатическими успехами, прославленными людьми-символами, а порой легендами и преданиями, которые передавались из поколения в поколение.

Тот, кто родился и вырос в советское время, помнят, что в Советском Союзе патриотизм был неотъемлемой составляющей сознания подавляющего большинства советских людей. Из проведенных в июне 2020 г. опросов «ФОМнибус» видно, что за обращение к советскому опыту в патриотическом воспитании выступают 69 % опрошенных, среди старшего поколения – 81 % [7].

В настоящее время даже критики советской эпохи вынуждены были признать: в те годы в стране было то, чего так не хватает современной России, – общая идеология, объединившая граждан, что являлось важным элементом могущества нашей страны.

Возвращение к историческому патриотизму и державности стало набирать обороты с начала XXI в. Начиная с 2001 г. Правительство РФ, для поддержания высокого уровня патриотического сознания, каждые четыре года утверждает программу «Патриотического воспитания граждан Российской Федерации», последняя была принята на 2021–2024 гг. [5]

В программе особый акцент делается на то, что именно патриотизм должен решить проблему консолидации общества и укрепления государства. К настоящему времени руководством страны патриотизм заявлен в качестве политической идеи, «национальной идеи», основы «стратегии национальной политики» России. Однако на современном этапе государственному патриотизму в России не достает гражданственности, которая связывала бы патриотизм со стремлением людей своим активным участием в делах государства быть полезными обществу.

Обращаясь к этимологии понятия «патриотизм», можно увидеть, что для С.И. Ожегова патриотизм – это «преданность и любовь к своему Отечеству, к своему народу и готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей Родины» [4, с. 404].

Д.Н. Ушаков понятие «патриотизм» трактует как «любовь, преданность и привязанность к Отечеству, своему народу» [12, с. 442].

Этнопсихологический словарь дает определение патриотизма как «сложного явления общественного сознания, связанного с любовью к Родине, Отечеству, своему народу, которое проявляется в виде социальных чувств, нравственных и политических принципов жизни и деятельности людей. Содержанием патриотизма являются любовь к Отечеству, преданность Родине, гордость за ее прошлое и настоящее, готовность служить ее интересам и защищать от врагов» [2, с. 204–205].

В Социологической энциклопедии «патриотизм» рассматривается как «нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству, гордость за его прошлое и настоящее, готовность подчинить свои интересы интересам страны, стремление защищать интересы Родины и своего народа» [9].

Схожее определение можно найти в Историческом, Большом энциклопедическом словарях, Большой советской энциклопедии.

Наиболее полное определение понятия «патриотизм» содержится в принятой в 2003 г. «Концепции патриотического воспитания», в которой патриотизм определялся как «любовь к Родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность, вплоть до самопожертвования, к его защите, ...особая направленность самореализации и социального поведения граждан, критериями для которых являются любовь и служение Отечеству, обеспечение целостности и суверенитета России, ее национальная безопасность, устойчивое развитие, долг и ответственность, предполагающие приоритет общественных и государственных начал над индивидуальными интересами и устремлениями и выступающие как высший смысл жизни и деятельности личности, всех социальных групп и слоев общества» [5].

«Исторический источник патриотизма – веками и тысячелетиями закрепленное существование обособленных государств, формировавшие привязанность к родной земле, языку, традициям. В условиях образования наций и образования национальных государств патриотизм становится составной частью общественного сознания, отражающего общенациональные моменты в его развитии» [9].

Понятие «гражданственность» трактуется исследователями как качество личности, которое позволяет человеку осознавать себя гражданином того государства, в котором он живет и трудится. Гражданственность – это «интегральное качество личности, которое структурно-содержательно фокусирует когнитивные (общественно-политическая и правовая компетенции), эмоциональные (патриотические, интернациональные чувства) и нравственные характеристики как проявление сущего в отношении человека к обществу» [11, с. 103].

Основными элементами гражданственности являются нравственная и правовая культура, которая проявляется во внутренней свободе личности, чувстве собственного достоинства, уважении к другим гражданам страны

и государственной власти, выполнении своих обязанностей в гармоничном соединении патриотических, национальных и интернациональных чувств [3, с. 20].

Гражданственность – междисциплинарная категория. Выделяются социальный, политический, социально-психологический, социологический, юридический, морально-этический и педагогический уровни анализа понятия «гражданственность».

Гражданственность на социальном уровне трактуется как принадлежность человека к обществу, в котором он живет. На социально-психологическом уровне – это интегративное качество в структуре направленности личности. На юридическом – трактуется в контексте содержания политико-правового статуса личности. На политическом уровне – как способность и готовность выступать в роли гражданина, пользующегося всеми правами и исполняющего все установленные законами обязанности. На социологическом – как приверженность человека интересам и ценностям государства и общества, соединение собственных интересов и интересов государства. На морально-этическом уровне – как качество личности, которое характеризует ее сознательное отношение к своим правам и обязанностям и обеспечивает прогрессивное развитие общества. На педагогическом уровне «гражданственность» рассматривается как интегративный комплекс качеств личности, определяющий ее социальную направленность, стремление к достижению социально значимых и индивидуально необходимых целей в соответствии с личными потребностями и возможностями, имеющимися в обществе и государстве условиями, принятыми правовыми и моральными нормами [1, с. 4–5].

Основы гражданско – патриотического воспитания закладываются еще в школе. Еще не сформировавшееся политическое сознание учащихся основной и средней школы, уязвимо для разного рода информационно-психологических воздействий. Поэтому для предотвращения всевозможных социокультурных угроз, для выстраивания эффективной работы по патриотическому воспитанию учащихся, необходимо рассмотреть актуальное состояние их гражданственности, выявить особенности понимания патриотизма.

Сотрудниками ФНИСЦ РАН с целью выявления проблем и тенденций социализации учеников старшей школы был проведен опрос в двух московских школах.

По мнению респондентов, быть гражданином страны в наше время (наиболее частые ответы) – это: «любить свою Родину» (59,3 %), «вести себя в соответствии с российскими законами» (54,8 %). Ответ «работать на процветание страны» набрал – 39,5 %, защищать свою Родину – 44,1 %. Самую низкую позицию в ответах занимает вариант ответа «считать себя ответственным за все происходящее в стране» – 36,2 %. Возможно, это связано с тем, что не все школьники согласны с политикой государства, или не хотят связывать себя с какими-либо отрицательными моментами в жизни населения нашей страны [8, с. 467].

Отвечая на вопрос «Что значит быть патриотом сегодня?», респонденты преимущественно выбирали ответ «любить свою Родину» (55,4 %). Вариант

ответа «гордиться своей Родиной» набрал только 37,3 %. Возможно на чувство гордости влияет отсутствие каких-либо ярких, освещаемых в СМИ событий и достижений страны, которые будут важны для подростков. Вариант ответа «служить в армии» получил только 6,8 %. Социологи, проводившие опрос, сделали предположение, что это может быть следствием как нежелания служить стране, так и того, что респонденты не связывают напрямую службу в армии с патриотизмом [8, с. 468].

В анкете старшеклассникам задавался вопрос о выборе страны обучения (если бы у них была неограниченная возможность выбора). 44,6 % респондентов выбрали обучение в России, а 40,7 % – в другой стране. Данный показатель достаточно велик и может быть связан с различием обучающих программ в России и за рубежом, с развитием негативного образа (стереотипа) российского образования и другими объяснениями [8, с. 469].

В рамках исследования «Рождение гражданина»: политико-психологический анализ гражданственности российских старшеклассников» социологами из МГУ были проанализированы материалы опроса учащихся старших классов в возрасте 15–18 лет, проживающих в девяти разных субъектах РФ.

Выяснилось, что лишь 29,5 % респондентов относятся позитивно к своей стране, негативное отношение выявлено у 25,5 % школьников. Наряду с этим почти 50 % опрошенных учащихся поводов для гордости своей Родиной не нашли: 7,6 % не нашли чем можно гордиться, а 43,1 % затруднились ответить на этот вопрос.

Ценность патриотизма была своеобразно оценена школьниками. Однозначно высокий уровень значимости она имеет для 25,9 % опрошенных; еще для 26,3 % опрошенных уровень значимости – достаточно высокий; для 19,9 % она вообще не имеет значения; еще для 5,1 % опрошенных эта ценность имеет отрицательное значение. При этом 25,6 % школьников однозначно считают себя патриотами и еще 42,6 % – в целом определяют себя таковыми [11, с. 105].

В представлениях о гражданине у учащихся преобладают ориентации на действия, причем как активные и инициативные: соблюдать законы (20,4 %), участвовать в общественно-политической жизни (8,2 %), помогать стране, региону, людям (7,5 %), выполнять обязанности (5,5 %), так и пассивные или формальные: иметь гражданство (15,7 %), проживать на территории страны (12,5 %), иметь права (5,5 %).

Проявлять социальную активность школьников больше всего побуждает интерес и гражданско-патриотическая позиция («внести вклад в развитие страны») – по 14,6 %. Гражданскому неучастию способствуют факторы: «неинтересно» – 9,3 %, «все равно ничего не изменится» – 5,1 %, а также личностные особенности и обстоятельства: лень, отсутствие времени, возраст, страх неудачи, неуверенность в себе и внешние условия: отсутствие сферы реализации активности или незнание о ее существовании [11, с. 108–109].

Только 42,1 % старшеклассников в том или ином виде могут обозначить, кто для них является примером гражданственности. Более половины респондентов (57,9 %) затруднились ответить на этот вопрос [11, с. 107].

Таким образом, можно сделать вывод, что гражданско-патриотическое сознание школьников основной и средней школы находится в процессе становления. В результате опросов выявлен очевидный недостаток у школьников исторических, политических и правовых знаний. Причем, не столько знаний, сколько понимания значимости тех фактов или имен, которые учащиеся узнают на уроках в школе.

Если рассматривать эмоциональное отношение к своей стране, то можно отметить поляризованность взглядов школьников. Присутствует резко негативное отношение к России как к государству и положительное отношение к России как к стране.

Отмечены значительные пробелы в образно-символическом пространстве гражданственности учащихся. Бедный и упрощенный символический ряд, недостаток или полное отсутствие образцов патриотизма и гражданственности, а также объектов, вызывающих чувство гордости за страну у почти пятидесяти процентов опрошенных говорят о незначительном уровне гражданской самоидентификации учащихся. Это не может не вызывать серьезного беспокойства ввиду того, что эти элементы лежат в основе конструирования идентичности нации.

Состояние гражданско-патриотического сознания российских учащихся основной и старшей школы является результатом социализирующего влияния семьи, школы, СМИ, интернета, массовой культуры и отражает недостаточную эффективность реализации некоторых направлений внутренней политики государства (в первую очередь, образовательной, культурной, информационной) в решении задач гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения.

Для решения данных проблем, в первую очередь, требуется разработать концептуальную рамку гражданско-патриотического воспитания, сформулировать основные смысловые ориентиры (патриотические ценности, образно-символический ряд), сместить акценты с милитаристских аспектов патриотизма на его гражданскую составляющую.

Работу по формированию гражданственно-патриотического сознания учащихся основной и средней школы следует начинать с развития цельной системы патриотического воспитания.

Формирование и развитие патриотических ценностей учащихся напрямую зависит от знания истории своего народа, славного прошлого и реального настоящего своей страны. В процессе усвоения исторических фактов возникает чувство гордости за деятельность предшествующих поколений. Необходимо активизировать не только интерес к изучению истории России, ее героическим страницам, но и деятельность по противодействию попыткам фальсификации истории.

В апреле 2022 г. внесено предложение начать историческое просвещение в школах с 1-го класса [6].

Важнейшим элементом воспитания патриотизма выступает патриотический идеал. Образ героя – действенный способ формирования гражданско-патриотического сознания, усвоение образцов социальной активности. Появлению такого идеала может способствовать популяризация подвигов, как известных исторических личностей, так и видных деятелей наших дней.

Для формирования гражданственно-патриотических ценностей подрастающего поколения также необходимо:

- развивать чувство гордости, глубокого уважения и почитания к государственным символам России: гербу, флагу, гимну. Немаловажным моментом формирования патриотического сознания является решение с 1 сентября 2022 г. исполнять в школе гимн России в начале каждой учебной недели;

- создать условия для развития межпоколенческого взаимодействия и обеспечения преемственности поколений;

- всемерно поддержать общественные инициативы, проекты и движения, тематические онлайн-уроки, направленные на гражданско-патриотическое воспитание;

- поддержать творческую активность деятелей искусства и литературы по созданию произведений патриотической направленности [10].

Для формирования гражданственности и патриотизма подрастающего поколения необходимо согласовать, урегулировать обществом его политические, правовые, нравственные, религиозные, философские представления, понятия, идеи. Без их упорядочения общественное сознание не получит того стержня, который питает личное сознание человека общественно ценным. Требуется отыскать способы воздействия общественного сознания на формирование индивидуального сознания каждого гражданина.

Патриотизм и гражданственность не заложены в генах, это не природные, а социальные качества, потому не наследуются, а формируются. Чтобы воспитать настоящего патриота и гражданина своей страны необходимо не просто обучить подрастающее поколение, важно его социализировать. От результатов этих процессов в будущем зависит не только конкретная личность, но и процветание всего общества. В воспитании патриота и гражданина принимают участие родители, учителя, а также все предыдущие и нынешние поколения. Поэтому воспитание патриота и гражданина возможно лишь путем консолидации усилий всех институтов социализации подрастающего поколения. При определении форм и методов реализации гражданско-патриотического воспитания следует учитывать как положительный опыт прежних лет, так современные реалии, потребности, мотивы молодежи и искать новые, понятные и близкие современным молодым людям формы работы.

Литература

1. *Заступова И.В.* Формирование гражданской ответственности школьников в деятельности классного руководителя: автореферат дис. ... канд. пед. наук / И.В. Заступова. – Самара, 2007. – 26 с.
2. *Крысько В.Г.* Этнопсихологический словарь. – М.: МПСИ, 1999. – 343 с.
3. Общество. Культура. Образование: монография. Книга 2 / под общ. ред. В.П. Старостина. – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2016. – 168 с.
4. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. – М.: Оникс; Мир и Образование, 2010. – 736 с.
5. Официальный сайт Информационно-правового обеспечения «ГАРАНТ». – URL: <https://base.garant.ru/6148105/> (дата обращения: 06.04.2023).
6. Официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации. – URL: <https://edu.gov.ru/press/5022/sergey-kravcov-razyasnil-kak-budet-izuchatsya-istoriya-v-shkolah-s-pervogo-klassa/> (дата обращения: 21.04.2022).
7. Официальный сайт ФОМ. – URL: <https://fom.ru/TSennosti/14411%2027.03.2021> (дата обращения: 06.04.2022).
8. *Пронина Е.И.* Формирование гражданской ответственности, патриотизма и исторической памяти в общественном сознании сегодняшних старшеклассников / Сборник материалов III Международной научной конференции «Теория и практика общественного развития в свете современного научного знания» (Красково, 25 апреля), 2019. – М.: Перо; Красково: Гуманитарно-социальный институт, 2019. – С. 467–469.
9. Сайт «Наука. Искусство. Величие». – URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/index.htm> (дата обращения: 06.04.2022).
10. Сайт FP_Patrioticheskoe_vospitanie. – URL: https://e-learning.ipkrochr.ru/pluginfile.php/57689/mod_resource/content/1/ (дата обращения: 06.04.2022).
11. *Селезнева А.В., Азарнова А.А.* «Рождение гражданина»: политико-психологический анализ гражданской ответственности российских старшеклассников // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 5. – С. 101–113.
12. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.

СЕМЕЙНЫЕ И БРАЧНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ ИЗ СТРАН СРЕДНЕЙ АЗИИ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ГОРОДЕ КАЗАНЬ

**Гизатуллина Диана Наилевна,
Трофименко Артем Игоревич**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Брачно-семейные установки населения любого региона напрямую зависят от культурной и религиозной среды, в которой воспитывались индивиды. Посредством миграции в инокультурную среду, при непосредственном контакте с ее представителями, исконные представления

о многих аспектах жизнедеятельности, в том числе о семье и браке, у иммигрантов могут подвергнуться некоторой трансформации, которая зависит от степени их вовлеченности в чужую культуру, длительности проживания в ней и многих других факторов.

Ключевые слова: демография, семья, этнология, социология.

Республика Татарстан на сегодняшний день является крупным, экономически развитым субъектом Российской Федерации с богатым культурным наследием и развитой инфраструктурой. Данный регион многонационален, в нем сосредоточено множество различных культур как внутрироссийских, так и из стран ближнего и дальнего зарубежья. Следовательно, данное направление является приоритетным в выборе мигрантов для временного или постоянного жительства в нем. Так, в 2018 году Республика Татарстан заняла первое место в Приволжском федеральном округе по количеству зарубежных мигрантов. В республике поставили на учет более 20 % от всех прибывших мигрантов в Приволжский федеральный округ.

Если рассматривать миграционные процессы в республике предыдущих лет, то можно заметить непостоянство значений данных процессов с тенденцией к спаду миграционного прироста. Так, в 2014 году миграционный прирост составил 7248; в 2015 г. – 3573 человек; в 2016 г. – 5880 человек; в 2017 г. – 4791 человек; в 2018 г. – 2737 человек. Примечательно, что подавляющую часть этих мигрантов составляют приезжие из других регионов России и стран СНГ, тогда как численность мигрантов из других государств в эти годы, кроме 2017 года, показала небольшую миграционную убыль: в 2014 г. – -119 человек; 2015 г. – -57 человек; 2016 г. – -18 человек; 2018 г. – -19 человек.

Миграционные потоки в Республику Татарстан осуществляются с многих стран мира, однако большинство из них традиционно принадлежат странам ближнего зарубежья. На первом месте находится Узбекистан, из которого в 2018 году в Татарстан прибыло 1700 человек; следом идет Таджикистан – 1351 человек; затем Украина – 1182 человека; Азербайджан – 536 человек; Казахстан – 482 человека и т. д.

Как было выяснено, Республика Татарстан является удобным и привлекательным регионом для мигрантов. Помимо трудовой миграции, огромный интерес для иностранцев представляет учебная миграция, так как Республика Татарстан обладает крупным комплексом научно-образовательных учреждений, а также высоким потенциалом его дальнейшего развития для активного продвижения в общемировое образовательное пространство.

В 2018 году Республика Татарстан заняла третье место среди регионов России по количеству иностранных студентов после Москвы и Санкт-Петербурга. В этот год, согласно данным Центра экономических и социальных исследований РТ, в регион прибыло 8600 иностранных студентов. В 2017 году их количество составило 7700 человек, а в 2019 году порядка 9000 человек. Эти данные наглядно демонстрируют популярность республики в качестве объекта для учебной миграции. По прогнозам того же источника, к 2021 году

количество иностранных студентов в Республике Татарстан увеличится до 9100 человек, что так же говорит о росте учебной миграции в регион в дальнейшей перспективе.

Основные потоки учебной миграции в республику идут из стран Центральной Азии, таких как Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Казахстан, Туркменистан и других. Мотивация студентов для прохождения обучения за пределами своего государства формируется под действием социально-экономической ситуации стран Центральной Азии. К тому же, в данном регионе существует высокая востребованность в специалистах, в частности, в выпускниках российских вузов. Также стоит отметить влияние миграционных традиций и семейного опыта в получении образования в советских или российских учебных заведениях на формирование мотивационных установок у студентов.

В этнокультурном плане, важным мотивом к выбору Республики Татарстан местом для учебной миграции среди студентов стран Центральной Азии является общность языковых корней, традиций, культурных ценностей, религии с местным, преимущественно татарским, населением. Для мигрантов, переехавших в другую страну с целью обучения, важным качеством в выборе места обучения является безопасность города обучения и уровень его комфорта. По этой же причине студенты предпочитают Республику Татарстан таким мегаполисам, как Москва и Санкт-Петербург, где, в связи с довольно существенной культурной дистанцией местного населения и приезжих из стран Средней Азии, могут возникать конфликты на этнической и религиозной почве. В то же время основная часть иностранных студентов, обучающихся в Республике Татарстан, отметила отношения с местным населением и сокурсниками как взаимоуважительные. Кроме того, республика, наряду с крупными городами страны, обладает высоким экономическим потенциалом, благоустроенностью и развитой инфраструктурой.

Что касается социокультурной адаптации студентов из стран Средней Азии в ходе обучения, как в Татарстане, так и в других регионах России, то данный процесс вызывает трудности и у многих студентов, и у преподавателей. В основном это связано с особенностями получения начального и среднего образования разных стран, а также с языком обучения. Так, отмечается, что выходцы из Казахстана испытывают намного меньше трудностей в обучении, чем выходцы из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Туркмении, что связано с особенностью получения образования в Казахстане, где русский язык является официальным, и на нем преподают.

Брачно-семейные установки населения любого региона напрямую зависят от культурной, экономической, политической и религиозной среды, в которой воспитывались индивиды [1]. Посредством миграции в инокультурную среду, при непосредственном контакте с ее представителями, исконные представления о многих аспектах жизнедеятельности, в том числе о семье и браке, у иммигрантов могут подвергнуться некоторой трансформации, которая зависит от степени их вовлеченности в чужую культуру, длительности проживания в ней и многих других факторов.

Анкетирование мужчин и женщин – приезжих из Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, Казахстана и Киргизии, в возрасте от 18 до 26 лет, проживающих на территории города Казани, показало, чем для них является семья. На вопрос: «Какое место в Вашей жизни занимает семья?», большинство респондентов ответили «это самое важное в жизни», составив 73 % от общего числа опрошенных. На втором месте по популярности расположился ответ «она важна, но не первостепенна» – его выбрали 21 % респондентов. 4 % опрошенных предпочли ответ «мои интересы выше интересов семьи. И 2 % респондентов ответили «семья не представляет для меня ценности». Таким образом, подавляющее большинство опрошенных молодых мигрантов считают семью основополагающим элементом в жизни человека.

Чтобы определить причины, по которым часть респондентов считает, что семья не является главной целью в жизни человек, либо же личные интересы важнее интересов семьи, мы попросили их подробнее объяснить свой выбор, на что были получены следующие ответы:

«Семья, безусловно, важна для меня. Однако если следовать только ее интересам, можно упустить множество возможностей реализовать себя в этой жизни. Поэтому нужно уметь разграничивать семью и личные интересы» (мужчина, 21 год, туркмен);

«Мои интересы и интересы моей семьи идут вразрез друг с другом. У меня совсем другие цели в жизни – не те, что от меня требуют. Я люблю и уважаю свою семью, но все же буду действовать так, как сама считаю необходимым» (женщина, 22 года, таджичка).

«Какими, по-Вашему, должны быть отношения в семье?». Более половины респондентов ответили «с ведущей ролью мужчины» – 55 % от общего числа опрошенных, из которых – 66 % мужчин и 44 % женщин. Ответ «паритетные, на равных» дали 44 % всех опрошенных, в числе которых 56 % женщин и 32 % мужчин. Также 1 % респондентов, представленных из мужчин, отдал предпочтение главенствующей роли женщины в семье. Из этого следует, что число тех, кто приветствует традиционное главенство мужчины в семье и тех, кто считает равноправие необходимым условием внутрисемейных отношений практически равное, с небольшим перевесом в пользу мужского лидерства. Этому принципа придерживаются в большей степени мужчины, тогда как женщины в большинстве своем являются сторонницами равноправия, что с их стороны было объяснено следующим образом: «В семье должно быть равноправие между мужчиной и женщиной. Не должно быть так, чтобы один человек командовал другим – я считаю, что это неправильно» (женщина, 22 года, туркменка).

Так же, для понимания принципов, которыми молодежь руководствуется при построении своей собственной семьи, необходимо проследить, как парни и девушки, из числа мигрантов из стран Средней Азии, относятся к семье своих родителей и насколько она для них показательна. Для этого им был задан вопрос: «Желаете ли Вы построить свою семью по образу и подобию семьи своих родителей?». Большинство респондентов ответили «нет», что

составило 44 % от общего числа опрошенных, из которых 52 % женщин и 36 % мужчин. Ответ «да» набрал всего лишь 22 % ответов от общей выборки респондентов, а «скорее да» – 20 %. Затруднились ответить на поставленный вопрос 14 % опрошенных. Опираясь на полученные данные, можно заключить, что приезжая молодежь из стран Средней Азии в большинстве своем не видит семью своих родителей в качестве примера для своей собственной, причем женщины в большей степени отвергают возможность построения своей семьи по примеру родительской, нежели мужчины.

В интервью респонденты выразили свое мнение касательно вопроса об образцовой показательности родительской семьи:

«Мне не нравится, что моя мама всю свою жизнь посвятила только семье – на ней были все домашние дела, от уборки до воспитания детей. Она просто не знала другой жизни. Я не хочу, чтобы то же самое случилось и со мной» (женщина, 22 года, туркменка);

«Семья моих родителей придерживается всех традиционных и религиозных укладов, и требует того же от всех членов семьи. Я же не разделяю всего этого и хочу, чтобы в моей семье не было таких строгих правил и обязательств» (мужчина, 20 лет, таджик).

Для выявления отношения представителей среднеазиатской молодежи города Казань к браку, респондентам был задан вопрос: «Как Вы относитесь к вступлению в брак?», на который подавляющее большинство опрошенных, составивших 87 % от их общего числа, ответили «положительно». Отрицательное отношение к вступлению в брак выразили в общей сумме 3 % респондентов, а оставшиеся 10 % – затруднились ответить. Примечательно, что мужчины в большей степени, нежели женщины, относятся к вступлению в брак положительно – 94 % и 80 % ответов мужчин и женщин соответственно. Таким образом, молодежь из числа мигрантов в подавляющем большинстве положительно относится к вступлению в брак, в особенности мужчины.

Чтобы выяснить, какой возраст для вступления в брак молодежь из числа мигрантов считает наиболее предпочтительным, респондентам был задан вопрос: «В каком возрасте Вы планируете вступить в брак?». Большинство мужчин и женщин обозначили свой брачный возраст в интервале от 23 до 27 лет, где, однако, количество женщин намного превосходит количество мужчин – 76 % и 56 % соответственно. На втором месте расположился ответ «28–35 лет» – его выбрали 21 % респондентов, из которых 26 % мужчин и 16 % женщин. Ранний возраст вступления в брак от 18 до 22 лет предпочли 6 % опрошенных, где мужчин 10 %, что в несколько раз больше числа женщин, которых всего 2 %. Возраст вступления в брак старше 35 лет выбрали всего 2 % мужчин. Отсюда следует, что возраст от 23 до 27 лет мужчины и особенно женщины считают самым предпочтительным для вступления в брак. В то же время мужчины рассматривают как более ранние браки, так и более поздние, тогда как женщины делают это в наименьшей степени.

Для того чтобы выяснить, какие виды бракосочетания предпочитает среднеазиатская молодежь, проживающая в городе Казань, респондентам из их числа был задан ряд вопросов. Так, на вопрос: «Как Вы относитесь

к официально зарегистрированному браку в органах ЗАГС?», молодежь, в большинстве своем, ответила «положительно» – 64 % от общего числа опрошенных. Ответ «это не влияет на отношения» набрал в общей сложности 28 % голосов респондентов. Отрицательное отношение к официальной регистрации брака высказали 3 % респондентов. Оставшиеся 5 % опрошенных затруднились ответить на данный вопрос. Таким образом, большая часть молодежи положительно относится к официальному оформлению отношений через органы ЗАГС.

Один из опрошенных мужчин объяснил свое отношение к официальному браку следующим образом: «Я считаю никах единственно верным видом брака для мусульман. Но оформить брак в органах ЗАГС так же необходимо, чтобы он был признан и государством» (мужчина, 24 года, узбек).

Следующий вопрос, выявляющий отношение молодежи к религиозному бракосочетанию, звучал следующим образом: «Как Вы относитесь к религиозному браку (никах/венчание/другое)?». 44 % респондентов, составившее большинство, определили его как обязательную процедуру, из которых мужчин – 48 %, а женщин – 40 %. Ответ «это укрепляет отношения, но не является обязательным» выбрали в общей сложности 22 % опрошенных, с численным преобладанием женщин – 26 %, против 18 % мужчин. Ответ «это не влияет на отношения», а также отрицательное отношение к религиозному браку в сумме набрали 23 % и 5 % ответов, где так же прослеживается превалирование женской половины над мужской – 26 % и 6 % ответов женщин и 20 % и 4 % ответов мужчин. 6 % респондентов затруднились ответить на вопрос. На основании этого можно сделать вывод, что мужская половина приезжей молодежи наиболее трепетно относится к религиозному обряду бракосочетания, тогда как для женщин он не играет настолько важной роли. В интервью одна из опрошенных девушек поделилась своим мнением по этому вопросу: «Для меня никах не является обязательной процедурой, хоть я и мусульманка. Если мой будущий супруг захочет проводить никах – я буду рада, если не захочет – я не стану возражать» (женщина, 22 года туркменка).

Респондентам также был задан вопрос, касающийся тенденции современного общества к совместному проживанию без официальной регистрации отношений: «Как Вы относитесь к сожителю без официальной регистрации отношений?». Положительно отнеслись к данному явлению 18 % опрошенных, среди которых 12 % женщин и 24 % мужчин. Ответ «отрицательно» предпочли 30 % респондентов. Нейтральное отношение к подобному роду сожительства высказало большинство опрошенных, что составило 44 % от их общего числа. Оставшиеся 8 % затруднились ответить на поставленный вопрос. Следовательно, молодежь нейтрально относится к совместному проживанию пары без официальной регистрации отношений, в меньшей мере относясь к данному явлению положительно. Однако мужчины в относительно большей степени приемлют подобное сожительство, тогда как женщины чаще относятся к нему отрицательно, либо придерживаются нейтралитета.

Объяснение данной тенденции прослеживается в комментариях респондентов, которые они дали во время интервью:

«Я не вижу ничего плохого, чтобы какое-то время сожительствовать со своей девушкой. За это время можно понять, подходите вы друг другу или нет, и стоит ли развивать отношения дальше» (мужчина 20 лет, таджик);

«Для меня жить с мужчиной вместе и при этом не состоять в браке – неприемлемо. Этот факт говорит о сомнениях мужчины и несерьезности его намерений на женщину. К тому же, моя семья будет против такого» (женщина, 21 год, узбечка).

Помимо предпочитаемых видов брака, необходимо выяснить, как влияет национальная и религиозная принадлежность брачного партнера на принятие решения вступить с ним в брак для современной молодежи из стран Средней Азии, проживающей в городе Казань. На этом основании респондентам был задан вопрос: «Важна ли для Вас национальная принадлежность брачного партнера?». Строгую важность данного фактора обозначили всего 15 % респондентов. Ответ «скорее важна» дали 21 % опрошенных. Большинство респондентов ответили, что национальная принадлежность брачного партнера для них не важна, составив 44 % от их общего числа. Вариант ответа «скорее не важна» выбрали 20 % опрошенных. Таким образом, приезжая молодежь по большей части не придерживается принципа отбора брачного партнера по национальному признаку, считая, что данный фактор не играет значительной роли при заключении брака.

На вопрос: «Важна ли для Вас религиозная принадлежность брачного партнера?», 32 % опрошенных ответили «важна», где доля мужчин составила 42 %, а женщин – 22 %. Ответ «скорее важна» набрал 23 % голосов респондентов. Треть респондентов, составившая 33 % от их общего числа, выбрала ответ «не важна», а «скорее не важна» – 12 % опрошенных. Из полученных данных следует, что для молодежи из числа мигрантов все же представляет важность религиозная принадлежность брачного партнера, особенно для мужчин.

Данную ситуацию со значимостью религиозной принадлежности брачного партнера респонденты объяснили следующим образом:

«Для меня важно, чтобы моя жена была мусульманкой или же была готова принять ислам, чтобы в семейной жизни у нас не было противоречий» (мужчина, 24 года, узбек);

«Я мусульманка, и было бы неплохо, чтобы мой муж был той же веры. Но даже если будет не так, я не стану возражать. Самое главное, чтобы он был хорошим, уважительным человеком» (женщина, 22 года, туркменка).

Влияние родителей на выбор брачного партнера для своих детей все еще имеет место быть в странах Среднеазиатского региона, о чем так же говорит тот факт, что некоторая часть опрошенной молодежи в качестве обстоятельств для вступления в брак выбрала сватовство. Чтобы определить напрямую, насколько современная среднеазиатская молодежь прислушивается к мнению родителей в брачных вопросах, респондентам был задан вопрос: «Будете ли Вы прислушиваться к мнению родителей по поводу выбора брачного партнера?».

39 % респондентов, что составило большинство, выбрали ответ «возможно». Мужчин, ответивших подобным образом – 46 %, а женщин – 32 %. Положительный ответ «да» дали в общей сумме 32 % опрошенных, где так же выявлено преобладание мужчин, доля которых составила 38 %, тогда как женская – 26 %. Ответ «нет» был получен в 22 % случаев, где женщины значительно превосходят мужчин в процентном соотношении – 32 % против 12 %. Оставшиеся 7 % респондентов затруднились ответить на вопрос. Из полученных данных можно сделать вывод, что для молодежи все же важно мнение родителей относительно выбора брачного партнера, что в особенности касается мужчин, которые в наибольшей степени намерены прислушиваться к советам родителей по данному вопросу, нежели женщины. На этом основании одна из опрошенных девушек объяснила свое нежелание прислушиваться к мнению родителей по данному вопросу: «Когда я еще жила в Таджикистане, родители пытались меня сосватать с одним парнем. Мне, почему-то, это очень не понравилось, и я отказалась. После этого я решила оставить этот вопрос на личное рассмотрение» (женщина, 22 года, таджичка).

Разводимость в странах Средней Азии, по сравнению с Россией, имеет очень низкий показатель. Так, например, в Узбекистане за первую половину 2019 года при 104,2 тысячах браках было зафиксировано всего лишь 16 тысяч разводов, в то время как в России за тот же год развелось более 620 тысяч пар, при 950 тысячах бракосочетаний. Столь низкое количество разводов в Среднеазиатском регионе обусловлено, в первую очередь, традиционным менталитетом, а также религией, которые делают семью неотъемлемой частью их общественной жизни.

Чтобы узнать, какие причины выходцы из стран Средней Азии считают наиболее весомыми для расторжения брака, респондентам был задан вопрос: «При каких обстоятельствах Вы считаете развод возможным?», с готовыми вариантами ответов, из которых они могли выбрать не более трех. В ответы были включены: отсутствие взаимопонимания, новые отношения, сексуальная дисгармония, вмешательство родственников одного из супругов, хозяйственно-бытовые проблемы (низкие заработки, плохие жилищные условия, пьянство и т. д.), неверность супруга/супруги, отсутствие общих интересов, отсутствие чувств и свой вариант ответа. Наибольшее количество ответов набрал вариант «неверность супруга/супруги» – за него проголосовали 76 % респондентов. На втором месте расположился ответ «отсутствие чувств» – 47 % опрошенных; сразу за ним – «отсутствие взаимопонимания», с 46 % ответов респондентов. Вариант «хозяйственно-бытовые проблемы (низкие заработки, плохие жилищные условия, пьянство и т. д.)» выбрали 26 % опрошенных; «отсутствие общих интересов» – 19 %; «сексуальная дисгармония» – 15 %, и «вмешательство родственников одного из супругов – 12 %. Опираясь на полученные данные, можно сделать вывод, что приезжая молодежь самой веской причиной для разрыва брачных отношений считают супружескую неверность. Уступая по значимости, но также являясь наиважнейшими, следом идут отсутствие чувств и отсутствие взаимопонимания между супругами. Наименее важными условиями, из-за которых возможен развод, молодежь

считает сексуальную дисгармонию в брачных отношениях, а также вмешательство родственников в семейную жизнь.

Так как супружеская неверность стала наиболее веской причиной для расторжения брачных отношений среди молодых мигрантов, респондентам был задан вопрос: «Как Вы относитесь к изменам в браке?». Большинство опрошенных – 84 % от их общего числа, ответили, что они категорически недопустимы. Мужчин, ответивших подобным образом, оказалось больше женщин – 92 % и 76 % соответственно. Значительная часть женщин затруднилась ответить на поставленный вопрос, что составило 16 % от их числа, тогда как сомневающимся мужчин, как показал опрос, всего 2 %. Кроме того, 2 % женщин выбрали ответ «они допустима и желательна», чего не выбрал ни один представитель мужской стороны. Варианты «допустимы в отдельных случаях» и «допустимы, но не желательны», выбрали наименьшее количество респондентов – 4 % и 2 % на каждый ответ, где доля мужчин и женщин одинакова. Следовательно, мужчины в абсолютном своем большинстве негативно относятся к изменам в браке, тогда как женщины, хоть и считают это явление в семейной жизни недопустимым, так же имеют некоторые сомнения по данному вопросу, что одна из опрошенных девушек объяснила следующим образом: «Есть определенные обстоятельства, когда, например, вы с мужем живете уже много лет вместе, у вас есть дети, и в целом все хорошо. Но, вдруг, он изменил. Я уже размышляла об этой вероятности. Возможно, я бы смогла закрыть глаза на его поступок, но зависит это от многих факторов. Поэтому, сейчас я не могу однозначно ответить на данный вопрос» (женщина, 22 года, туркменка).

На основании полученных данных, можно сделать следующие выводы: семья для подавляющего большинства респондентов представляет собой наиважнейшую жизненную ценность. Что касаясь условий, необходимых для создания гармоничной семьи, то молодежь отдает предпочтение, в первую очередь, любви, взаимоуважению и доверию. В вопросе о выборе «локомотива» семейных отношений, большинство респондентов-мужчин отдали предпочтение ведущей роли мужчины в семье. В то время как девушки в большинстве своем видят семейные отношения как равенство между мужчиной и женщиной. При всем этом большинство приезжих парней и особенно девушек не считают семью своих родителей примерной и не собираются строить свою семью по их подобию.

Молодежь в большинстве своем положительно относится к вступлению в брак и включает его в свои обязательные жизненные планы, что в особенности касается мужчин, тогда как женщины в относительно большей степени имеют сомнения по данным вопросам. Наиболее предпочтительным возрастом, в котором молодые представители мигрантов планируют вступить в брачные отношения, считается период от 23 до 27 лет. Однако, в отличие от женщин, значительная часть мужчин готова сделать это и в более позднем возрасте. Официальное бракосочетание в органах ЗАГС представляется для мужчин и женщин обязательной формой регистрации отношений. К религиозному браку молодежь относится несколько проще, не считая его

строго обязательным явлением. Тем не менее, для мужчин он представляет наибольшую ценность, нежели для женщин. К сожительству без официальной регистрации отношений и мужчины, и женщины относятся по большей части нейтрально, хотя мужская половина в относительно большей степени считает это нормой. Национальная принадлежность брачного партнера не играет для молодежи из Средней Азии особо значимой роли, в отличие от религиозной, что в особенности касается мужчин.

Самой распространенной и весомой причиной для развода молодежь считает супружескую неверность. Абсолютное большинство мужчин относятся к ней крайне негативно. Женщины так же в большинстве своем считают это недопустимым в семейной жизни, однако некоторая их часть так же имеет сомнения касательно отношения к данному явлению.

Литература

1. Ефлова М.Ю., Галиева Э.Р. Репродуктивное поведение в современном российском обществе: стратегии институционализации и сценарии реализации // Научный Татарстан. – 2018. – № 4. – С. 5–19.

2. Полевые материалы автора (ПМА). – Ф. 1. – Оп. 2. – Проведение сравнительного анализа брачно-семейных установок среди принимающего населения и мигрантов (на примере г. Казань). Республика Татарстан, г. Казань. Апрель 2021 г. – интервью № 1.

3. Полевые материалы автора (ПМА). – Ф. 1. – Оп. 2. – Проведение сравнительного анализа брачно-семейных установок среди принимающего населения и мигрантов (на примере г. Казань). Республика Татарстан, г. Казань. Апрель 2021 г. – интервью № 2.

4. Полевые материалы автора (ПМА). – Ф. 1. – Оп. 2. – Проведение сравнительного анализа брачно-семейных установок среди принимающего населения и мигрантов (на примере г. Казань). Республика Татарстан, г. Казань. Апрель 2021 г. – интервью № 3.

5. Полевые материалы автора (ПМА). – Ф. 1. – Оп. 2. – Проведение сравнительного анализа брачно-семейных установок среди принимающего населения и мигрантов (на примере г. Казань). Республика Татарстан, г. Казань. Апрель 2021 г. – интервью № 4.

6. Миграционный прирост, убыль населения Республики Татарстан // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан [сайт]. – URL: <https://tatstat.gks.ru/naselenie> (дата обращения: 16.03.2021).

НЕУСТОЙЧИВАЯ ЗАНЯТОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Гилязева Риана Ринатовна

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В статье дается определение понятий «неустойчивая занятость» и «прекариат», описываются современное состояние российского рынка труда и стратегии занятости молодежи. На основе результатов авторского эмпирического социологического исследования раскрывается специфика прекарного труда молодежи и выявляются субъективные и объективные причины, вовлекающие молодежь в неустойчивую занятость.

Ключевые слова: труд, молодежь, прекариат, занятость, место работы, неустойчивая занятость.

Постановка проблемы. Для современных молодых людей выход на рынок труда является одним из ключевых этапов социализации и одновременно важной сферой жизни. В момент выхода молодой человек сталкивается с проблемой – «найти место приложения сил, позволяющее почувствовать себя полезным в микро- и макроконтексте, или остаться не у дел, перебиваться случайными заработками, ощущая по нарастающей необязательности своего присутствия в этом мире» [3, с. 14]. Проблемы в сфере трудовых отношений возникают у молодежи уже на этапах выбора профессионального образовательного учреждения, поиска места работы, сочетания трудовой и учебной деятельности и пр. Сложившаяся в нашей стране модель рынка труда изменила условия начала профессиональной деятельности молодежи. На сегодняшний день для нее характерны низкий уровень безработицы, высокая доля занятого населения, дисбаланс спроса и предложения на труд, проблема «работающих бедных» и мн.др [2, с. 10; 4, с. 79]. Рост доли временных работников и неустойчивой занятости приводит к возникновению целого класса – класса прекариата.

Под прекариатом исследователи понимают новый социальный слой, состоящий из людей, не имеющих гарантированного и постоянного заработка, социальных пособий, возможностей для карьерного и профессионального продвижения и мн.др. По различным оценкам российских исследователей, к прекариату относится «от 30 до 40 % трудоспособного населения» [6, с. 3].

Структура молодежного прекариата не однородна. Как отмечает Г. Стэндинг, британский экономист и социолог, молодежь, еще только вступающая во взрослую жизнь, является «социальной базой прекариата» [5, с. 21]. Анализ социологических исследований показывает, что в структуре российского прекариата выделяются две группы неустойчиво занятых работников: добровольные и вынужденные [1, с. 103]. Если добровольное попадание в прекарность характерно скорее для работников молодого возраста (постсоветского поколения), то вынужденное для работников старших

возрастов (советского поколения). Молодые прекарии, добровольно выбравшие неустойчивую занятость, как правило, выбирают ее либо сразу после окончания учебного заведения, либо переходят на прекарные рабочие места, покинув «стандартные» места, либо вовсе не пытаются найти постоянное место работы.

Система внутренних мотивов и внешних факторов, ведущих молодежь в прекарную занятость, может различаться. Именно поэтому наше исследование посвящено изучению специфики прекарного труда молодежи. Опыт проведения авторского социологического исследования методами массового онлайн-опроса и полуструктурированного интервью позволил выявить, каким образом осуществляется профессиональный путь молодых людей, какие субъективные и объективные факторы влияют на трудоустройство молодежи и насколько сложно им в настоящее время найти работу.

Методология исследования. В работе мы опираемся на социологический подход к определению понятия «неустойчивая занятость», согласно которому, как уже было написано ранее, эта форма занятости приводит к возникновению нового социального класса – прекариата (Г. Стэндинг, Ж.Т. Тощенко, А.Ш. Жвиташвили и др.).

Для нашего исследования наиболее релевантным виделось использование качественно-количественной стратегии с применением массового онлайн-опроса молодежи г. Санкт-Петербург в форме анкетирования (N=110) и полуструктурированного интервью (N=11).

Анкетирование проводилось с помощью онлайн-платформы Google-Forms по формализованной анкете. Поскольку перед нами встают трудности, связанные с ограничением материальных и временных ресурсов, а также проблема очной встречи с респондентами в связи с пандемией, то использование онлайн-методики кажется наиболее подходящим и удобным. Отбор молодых прекариев осуществлялся с помощью отобранной (отсеянной) выборки путем распространения анкеты в социальной сети «ВКонтакте» в тематических пабликах «Работа в Санкт-Петербурге | СПб» и «Работа в Санкт-Петербурге (СПБ)» с просьбой принять участие в исследовании. Полуструктурированное интервью проводилось методом снежного кома с помощью современных программ для организации видеоконференций (Zoom, Skype). Отбор выборочной совокупности осуществлялся по заданным критериям: возраст – от 18 до 35 лет, проживание в г. Санкт-Петербург, отсутствие «стабильной занятости», уровень образования – высшее (неоконченное) или среднее специальное.

Важно отметить, что исследование носит разведывательный характер, поэтому его результаты не претендуют на репрезентативность. Указанные методы сбора данных позволили подтвердить или опровергнуть выдвинутые нами гипотезы:

1) Молодые прекарии не работают по специальности, а выбор профессионального образования носит скорее случайный или неосознанный характер, что является одним из следствий попадания в ряды неустойчивого прекариата.

2) Молодежь принимает решение о смене места работы в силу неудовлетворенности заработной платой.

3) Для молодых работников наиболее характерен свободный выбор вовлечения в прекарную занятость.

4) Успешное трудоустройство, в первую очередь, зависит от опыта работы и профессиональных качеств работника.

5) Молодежь в основном допускает возможность остаться безработной в ближайшее время.

Образовательные стратегии прекариев. В онлайн-опросе респондентам предлагалось объяснить, почему они выбрали ту или иную специальность, по которой они учились или учатся в данный момент. Почти треть опрошенных (30,9 %) выбрала специальность по той причине, что так им посоветовали их знакомые и родители, что говорит о неосознанном выборе респондентов их специальности. Относительная дешевизна обучения и простота поступления также являются мотивами поступления. В ряде случаев опрошенные указали, что осознанно подошли к выбору профессии. Так, например, некоторые поступили в учебное заведение в связи с востребованностью специальности на рынке труда (17,3 %) и ее высокооплачиваемостью (14,5 %). Интересными кажутся данные о том, что профиль работы частично совпадает (45,5 %), либо вовсе не совпадает (39,1 %) со специальностью, по которой обучались или обучаются опрошенные. Анализ интервью также показал, что на выбор учебного заведения большинства информантов повлияло мнение со стороны: *«родители были против журналистики. Они считали, что это как-то несерьезно»* (информант 2). Во время интервью звучали тезисы о баллах по Единому государственному экзамену, которых было достаточно для поступления в вуз. При всем этом у информантов не было представлений о том, кем они хотят видеть себя в будущем: *«если честно, я вообще не понимала, куда поступаю»* (информант 7).

На основе представленных выше результатов исследования можно сделать вывод, что первая гипотеза отчасти подтвердилась. Действительно, для львиной доли респондентов выбор специальности носил скорее случайный характер, нежели целенаправленный. Кроме того, чуть меньше половины не работает на должностях, соответствующих направлению обучения, либо работает на тех позициях, которые лишь так или иначе перекликаются с полученным образованием. Можно предположить, что одной из особенностей молодых прекариев является нацеленность на получение образования без особой привязки к будущей профессии.

Причины частой смены места работы. Анализ полученных данных показал, что молодые люди часто меняют работу и не задерживаются на долгое время на одном месте. Так, 33,6 % респондентов указали, что им приходилось менять работу один и более раз в полгода, четверть имела опыт смены работы раз в год и 15,5 % – один и более раз в несколько месяцев. Важно учитывать, что возраст больше половины респондентов составил 18–24 года, трудовой стаж которых в целом не может быть большим.

В этой связи важно понимать, чем обусловлены смены места работы молодежью. 43,3 % респондентов ответили, что они ушли с предыдущего места работы, поскольку их не устраивала заработная плата. На наш взгляд, неудовлетворенность оплатой труда может быть вызвана высокими ожиданиями и требованиями молодежи, оказывающейся на рынке труда. Немаловажную роль играет график работы, который не устраивал 36,7 % опрошенных. Треть респондентов была уволена, либо попала под сокращение. Еще четверть (23,3 %) не чувствовала моральной удовлетворенности от выполняемой работы.

Наше исследование позволяет частично подтвердить выдвинутую гипотезу о том, что молодежь принимает решение о смене места работы по причине неудовлетворенности заработной платы или неудобного графика работы. Низкая оплата труда, увольнения и сокращения вытесняют молодых прекариев в неформальный и малоустойчивый сектор.

Добровольные и вынужденные прекарии. Наиболее распространенные трудности, с которыми сталкивается молодежь при выходе на рынок труда – это требования работодателей к опыту работы и образованию, а также высокая конкуренция на вакансию: *«мое направление сейчас очень востребовано, требуются профессионалы с большим опытом и навыками»* (информант 9). Продолжительный процесс трудоустройства в так называемый формальный сектор буквально вынуждает искать работу в неформальном секторе, где отношения между работодателями и работниками официально не закреплены. Трудоустройство происходит быстрее, так как не соблюдаются формальные требования. Внешние факторы усугубляют неустойчивое положение молодежи, вовлекая их в ряды прекариата.

Однако эмпирические данные показывают, что часть молодежи выбирает добровольный путь «скатывания» в прекариат. Например, этому способствуют смена места жительства, неудовлетворенность графиком работы, желание найти более «интересную и высокооплачиваемую работу» и многое другое: *«имея большой опыт и хорошие профессиональные навыки, можно очень хорошо зарабатывать на сторисмейкерстве»* (информант 6); *«мне просто хотелось сменить работу, которая стала рутинной за два года и занимала буквально все свободное время. Я работала без праздников, выходных и отпусков»* (информант 2).

Таким образом, неустойчивая занятость молодежи связана не только с объективными внешними факторами, но и с внутренними, личными мотивами молодых людей. Полученные данные находят свое отражение и в результатах онлайн-опроса. Для молодых работников характерен и свободный, и вынужденный способ вовлечения в прекарную занятость.

Успешное трудоустройство в настоящее время зависит, по мнению респондентов, от опыта работы (61,8 %) и, что примечательно, от наличия высшего образования (54,5 %). Подобным образом респонденты, на наш взгляд, могли ответить на вопрос исходя из своего опыта трудоустройства – требование к высшему образованию обычно предъявляется в формальном секторе. Кроме того, важными критериями при устройстве на работу

информанты считают профессионализм работника (48,2 %) и наличие личных связей (24,5 %).

Полученные данные позволяют частично подтвердить выдвинутую нами гипотезу о том, что успешное трудоустройство на работу зависит, во-первых, от опыта работы и, во-вторых, от профессиональных качеств работника. Как отмечают сами молодые люди, большую роль играет наличие высшего образования.

Риск остаться безработным. Пятая гипотеза находит свое подтверждение в результатах онлайн-опроса. 47,3 % опрошенных ответили, что вероятность остаться безработным мала, тогда как 27,3 % указали, что такая ситуация вполне реальна. В устойчивости своего положения уверена только четверть опрошенных (25,5 %). Данные еще раз подтверждают тот факт, что молодежь на современном рынке труда чувствует себя уязвимо и незащищено. Респонденты отметили, что в случае потери работы, в первую очередь, они будут искать работу по той же специальности (41,8 %). На любую работу согласится 21,8 % опрошенных, что, на наш взгляд, связано с трудностями, с которыми сталкивается молодежь в процессе поиска работы. Это значит, что молодые прекарии могут согласиться даже на ту работу, которая не соответствует их квалификации/статусу/опыту работы и пр. Некоторые будут искать работу по новой специальности (14,5 %), кто-то – более квалифицированную работу (9,1 %), а кто-то вовсе временно не будет работать.

Удовлетворенность условиями труда. Больше половины опрошенных (56,4 %) хотела бы перейти на другую работу. Примечательно, что при желании сменить работу, половину респондентов в целом устраивает оплата труда. 42,7 % респондентов называют работу «интересной», 34,5 % видят в ней перспективы для профессионального роста и 30,9 % возможности для самореализации. Как и в онлайн-опросе, мнения по поводу того, нравится ли молодым прекариям их текущее место работы, разделились. Одни отметили удовлетворенность условиями труда, другие же, напротив, высказались, что «не собираются долго задерживаться на текущей работе»: *«это стандартизированный, монотонный труд без возможности проявления творческого потенциала. К тому же эта работа отнимает у меня много времени»* (информант 8).

Среди преимуществ нынешней работы информанты выделили: уровень заработной платы, удобный график работы, дружный и отзывчивый коллектив, возможность работать удаленно и мн.др.: *«я свободна в своих перемещениях и могу работать из любой точки мира... Я могу брать новые проекты, увеличивая свой доход»* (информант 6).

Среди недостатков нынешней трудовой деятельности в основном было отмечено отсутствие социальных льгот и трудовых гарантий, нестабильность и неофициальность работы: *«никаких официальных гарантий никто не дает. Нет социальных пакетов и выплат по типу больничных и отпускных»* (информант 6).

Какая она – идеальная работа? Из результатов серии интервью нам стало понятно, что трудовая деятельность молодежи в первую очередь

направлена на получение определенного материального вознаграждения, а уже затем на получение опыта и личностное саморазвитие: *«сейчас я работаю только ради материального вознаграждения, но в приоритете у меня найти работу по душе для морального удовлетворения»* (информант 11).

Как отмечают современные исследователи, на сегодняшний день идеальная работа для молодежи та, которая, с одной стороны, приносит им определенный доход (желательно высокий), с другой, та, которая кажется им интересной и позволяет самореализовываться. Если же эти критерии не соблюдаются, то молодежь легко сменяет место работы на новое «идеальное». Эти идеи нашли подтверждение в результатах проведенных автором интервью.

Современные трансформации рынка труда. Несмотря на то, что молодые прекарии не выступают для нас экспертами, нам было важно узнать их мнение о сложившейся ситуации на рынке труда. Так, информанты ответили, что все большее распространение приобретают онлайн-профессии (digital-профессии), требующие от работников наличие творческих и креативных навыков: *«с каждым днем появляется все больше онлайн-профессий, так как спрос на это сейчас очень большой»* (информант 11); *«есть много «молодежных» профессий. В основном, они связаны с интернетом: SMM-менеджеры, таргетологи, бренд-менеджеры»* (информант 2).

Кроме того, было отмечено возникновение новых форм занятости, среди которых был назван фриланс и дистанционная занятость (которую ряд исследователей относит к неустойчивой занятости): *«увеличивается количество работников, которые не желают связываться с работодателями формальными отношениями для сохранения свободы и своей социальной мобильности»* (информант 1).

Наконец, все информанты отметили, что в современных условиях молодым людям трудно найти работу, что также связано не только с предъявляемыми работодателями требованиями, но и с несовершенством системы высшего образования: *«среди проблем отмечу, что часто не получается найти применение на практике знаниям, которые молодые люди получают в учебных заведениях»* (информант 5).

Заключение. На современном рынке труда меняются представления о социально-трудовых отношениях и организационных формах занятости населения. На сегодняшний день в научном сообществе набирает популярность концепт прекариата и неустойчивой занятости. Одна из задач ученых – концептуализация данных явлений и разработка методов их исследования.

Наша работа была сфокусирована на изучении неустойчивой занятости среди молодежи. Молодежь, как большая социально-демографическая группа, играет большую роль в воспроизводстве экономики, будучи источником пополнения рабочей силы. Наше эмпирическое исследование было направлено на изучение образовательных и трудовых стратегий молодых прекариев, внутренних мотивов и внешних факторов, влияющих на вовлечение молодежи в прекарную занятость.

Неустойчивая занятость молодежи, несомненно, требует дальнейшего изучения. Изучение распространения среди молодежи различных форм

неустойчивой занятости может быть актуально и в связи с текущей ситуацией, вызванной коронавирусной пандемией. Мы полагаем, что в фокусе внимания ученых и специалистов окажутся вопросы, связанные с управлением этой формы занятости и выработкой адекватных мер по преодолению возможных негативных последствий, как для работников и работодателей, так и для экономики в целом. Определенно, российскому рынку труда требуется изменение институциональных принципов его развития – нужно государственное регулирование новых форм социально-трудовых отношений. Необходимо повышенное внимание к защите трудовых интересов работников, занятых на неустойчивых рабочих местах. Кроме того, необходимо усилить меры по контролю за социальной ответственностью работодателей, применяющих неустойчивые и гибкие формы занятости.

Литература

1. *Ваньке А.В.* Трудовые траектории прекарных работников и формирование прекарного габитуса / А.В. Ваньке, И.Н. Тартаковская // Социологический журнал. – 2019. – № 2. – С. 99–115.
2. *Гимпельсон В.Е.* Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / Е.В. Гимпельсон, Р.И. Капелюшникова, С.Ю. Рощина. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 148 с.
3. *Горшков М.К.* Молодежь: конструирование трудовой биографии / М.К. Горшков, М.Ф. Черныш, А.В. Быков [и др]. – М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2018. – 148 с.
4. *Коровкин А.Г.* Динамика занятости и рынка труда в РФ в перспективе до 2030 г. / Андрей Коровкин // Проблемы прогнозирования. – 2013. – № 4. – С. 79–96.
5. *Стендинг Г.* Прекариат: новый опасный класс / Гай Стэндинг; пер. с англ. Н. Усовой. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.
6. *Тощенко Ж.Т.* Прекариат – новый социальный класс / Жан Тощенко // Социологические исследования. – 2015. – № 6. – С. 3–13.

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ДОСУГОВЫХ ПРАКТИК МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ибляминова Алсу Азатовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В современном мире существенное воздействие на все сферы жизнедеятельности, в том числе на культуру, оказывают процессы цифровизации и внедрения цифровых технологий. В данной статье раскрываются основные положения культурной политики в сфере цифровизации культуры, а также восприятие и оценки, даваемые представителями молодежной категории людей. Кроме того, были выявлены

наиболее популярные среди молодежи государственные проекты. Были изучены самые популярные и менее востребованные цифровые технологии в сфере культуры и обозначены их позиции по отношению к нецифровым формам трансляции и потребления культурных благ.

Ключевые слова: цифровизация в сфере культуры, государственная политика, цифровая культура, культурная политика, досуговые практики молодежи, восприятие цифровизации молодёжью.

В современном мире мы наблюдаем активный процесс внедрения цифровых технологий, затронувших все сферы жизнедеятельности человека. Подобные изменения относятся также к сфере культуры и искусства, преобразовывая её, создавая новое культурное пространство с иным форматом приобщения населения к ценностям культуры и формируя другие формы взаимодействия с культурным контентом. Благодаря применению цифровых технологий в сфере культуры для населения открываются новые возможности, связанные с онлайн-просмотром ведущих мировых спектаклей, знакомством с экспозициями и выставками различных музеев и галерей без обязательной необходимости перемещаться по странам континентов. Помимо виртуального посещения учреждений культуры наблюдается возможность рассматривать произведения искусства в виртуальной или дополненной реальности и с использованием мультимедийных технологий, а также активно использовать различные социальные медиа для получения необходимой информации. При этом в российском обществе наблюдается тенденция роста интереса к учреждениям культуры. Так, если обратимся к результатам социологических исследований, в рамках данной темы, то можно увидеть, что по данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения в 2019 году доля граждан, посещающих театры, выросла до 48 %. Этот показатель на 20 % превышает результаты 2008 года [5]. Подобные данные свидетельствуют об увеличении доли населения, интересующихся культурной сферой.

Если мы обратимся к исторической ретроспективе, то мы можем увидеть, что на протяжении всего времени существования культуры государство выступало в качестве главного источника ресурсов для поддержки культурной сферы, которая направлена на развитие и поддержание как культуры в целом, так и повышения культурного уровня населения. На сегодняшний день на территории Российской Федерации реализуются различные государственные программы, направленные на модернизацию культурной сферы, в частности в рамках этой статьи нас интересует два проекта – национальный проект «Культура» и федеральный проект «Цифровая культура». Если мы проанализируем паспорт федерального проекта «Цифровая культура» [2], принятый в 2019 году, то мы можем выделить некоторые проблемы, связанные с тем, что данный проект не в полной мере опирается на потребности населения. В качестве доказательства можно обратиться к следующему примеру, раскрывающему суждение о том, что заложенное предположение о создании 500 виртуальных концертных залов к 2024 году не учитывает, что

в 2019 году, по данным опубликованным на сайте Министерства финансов РФ, в Российской Федерации насчитывалось 155 842 населённых пунктов [3]. Из полученных данных можно сделать вывод о том, что что заложенные цифры в проект в качестве индикаторов не могут покрыть потребности всего населения России и направлены на её небольшую часть. А если рассматривать ещё одно основание проекта – оцифровка культурного наследия в размере 48 тысяч книжных памятников, то необходимо учитывать, что на 2018 год только объём фондов особых изданий и документов в Российской государственной библиотеки составляет 3 миллиона, не принимая во внимание объёмы всего книжного фонда [6]. Таким образом, мы видим, что разработанная программа и её индикаторы не охватывают реальных потребностей, существующих в обществе. Помимо вышеуказанной проблемы, необходимо выделить ещё одну, которая раскрывается в том, что поставленная цель в федеральном проекте «Цифровая культура» – увеличение к 2024 году числа обращений к цифровым ресурсам культуры в 5 раз за счет создания 500 виртуальных концертных залов и 450 выставочных проектов, снабженных цифровыми гидами в формате дополненной реальности – проверяются лишь путем механического суммирования количества введенных в эксплуатацию цифровых технологий и не имеют индикаторов проверки увеличения количества обращений к подобным технологиям, а также не учитывают успешность проекта с точки зрения характеристик, восприятия и оценок, даваемых населением. Поэтому с учётом проведённого анализа государственных документов было принято решение провести пилотажное исследование, которое раскрыло бы мнение и практики населения по поводу данного вопроса и послужило бы основанием для проведения более масштабного исследования. С целью изучения данного вопроса, были проведены интервью с представителями казанской студенческой молодежи, посещающих учреждения культуры, а также с помощью применения метода анкетирования были опрошены респонденты в возрасте от 18 до 24 лет.

В качестве объекта пилотажного исследования была выбрана студенческая молодежь г. Казань. Выбор молодежи в качестве объекта исследования обусловлен рядом причин, в том числе их спецификой восприятия информации. Появление цифрового поколения молодежи требует внедрения инновационных решений с целью привлечения их в сферу культуры. Эксперты выделяют некоторые факторы, способствующие росту запросов к подобным цифровым технологиям среди молодежного населения. Во-первых, как предполагают исследователи, в среднем современный человек может концентрироваться на одном объекте в течение 8-ми секунд, что приводит к необходимости переформатировать способы подачи материалов в более короткий и динамичный формат. Во-вторых, современная молодежь выросла на многочисленных видеоиграх и социальных медиа, которые оказали влияние на восприятие реальности и взаимодействие с другими на технически опосредованном уровне. Помимо этого, у современного человека, выросшего в эпоху разнообразия существуют безграничные возможности выбора, поэтому потребитель заинтересован в наличие новых и различных технологий, которые

способны вызвать положительные эмоции и дарить новые впечатления. Кроме того, у современного человека вследствие преобладания восприятия визуальной информации и быстрых темпах её сменяемости возникает потребность в трансформации коммуникации между автором и зрителем, которая заключается в изменении форматов взаимодействия в рамках визуальной и аудиальной нарративности [4, с. 37]. Всё вышеуказанные факторы особенно важно учитывать при построении политики взаимодействия с новым поколением молодежи, которые в большей степени привыкли получать информацию с помощью некоторого симбиоза коротких аудио и визуальной информации.

Обратимся к основным результатам пилотажного исследования. В ходе проведенного анкетирования были получены следующие результаты: посещение учреждений культуры среди опрошенной молодежи занимает 4 место по популярности формы проведения досуга (53 %), что говорит о том, что более половины опрошенных посещают культурные учреждения. Кроме того, 60 % опрошенных отметили, что в свободное время читают книги и периодическую литературу. Однако наиболее популярными способами проведения досуга выступают варианты «проведение времени с друзьями» (73 %) и «проведение времени в Интернете» (73 %). В рамках интервью также задавались подобные вопросы, в результате которого было выяснено, что наиболее популярными способами проведения досуга считается общение и прогулки с друзьями. Что же касается сферы культуры и искусства, то можно сказать, что опрошенные информанты назвали следующие формы проведения досуга – в свободное время предпочитают слушать музыку, смотреть кинофильмы, посещать культурные учреждения в виде музеев, выставок, театров, концертов классической и популярной музыки. Итак, можно утверждать, что для опрошенной молодежи культурная сфера в качестве досуга является востребованной, не выступает в качестве доминирующей.

Что же касается непосредственно государственной политики и информированностью её деятельностью среди молодежного населения, то можно сказать, что большая часть опрошенных респондентов осведомлены о том, что существуют различные проекты в сфере культуры – 70 % «что-то слышали» и 10 % «хорошо знают об этом». Кроме того, респондентам предлагалось уточнить о каких проектах в сфере культуры они осведомлены и можно сказать что наиболее популярным государственным проектом среди молодежи выступает «Пушкинская карта» – данный вариант ответа был выбран 54 % опрошенных. При этом важно отметить, что данный проект не был представлен в перечне возможных вариантов ответа и все респонденты вводили название проекта в варианте ответа «другое». Вторым по популярности выступил национальный проект «Культура», который выбрали 42 % опрошенных, а третьим федеральный проект «Цифровая культура» – 25 % респондентов. Результаты проведенного интервью также подтверждают мысль о том, что наиболее популярным государственным проектом выступает «Пушкинская карта» – все пять информантов упомянули данную программу. Необходимо также отметить, что в целом подавляющая часть опрошенных

позитивно оценивают деятельность по реализации культурной политики. Так, 79% респондентов оценивают её как «скорее положительно» и 4 % «безусловно положительно». Лишь 4 % оценивают деятельность по реализации культурной политики отрицательно. Из этого следует вывод, что в целом респонденты оценивают деятельность государства в области политики положительно.

Что же касается непосредственно цифровых форм распространения и потребления культурных ценностей и благ, то необходимо сказать, что согласно результатам проведённого пилотажного анкетирования, подавляющая часть респондентов осведомлены о наличии цифровых технологий в сфере культуры – 83 % участника опроса «что-то слышали об этом» и 6 % «хорошо знают об этом». Лишь 10 % респондентов узнали об этом впервые во время прохождения опроса. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в целом опрошенная молодежь осведомлена о цифровых технологиях, внедряющихся в культурную сферу. Если мы обратимся к практикам, связанных со взаимодействием с цифровыми технологиями в сфере культуры, то можно сделать следующие выводы. Онлайн-покупка билетов выступает в качестве наиболее часто встречаемой практикой среди опрошенных (82 % респондентов сталкивались с этим). Вторым наиболее часто выбираемым ответом в анкете стало наличие сайта и ведение социальных сетей (52 % респондентов). Далее по популярности выполняемых практик, связанных с цифровыми технологиями, выступают виртуальное посещение организаций культуры (40 %), а также мультимедийные и интерактивные технологии (37 %). Менее всего взаимодействовали с такими цифровыми технологиями, как оцифровка культурного наследия (18 %), VR и AR-технологии (7 %), а также посещали онлайн-курсы, посвященные культуре и искусству (7 %). При анализе интервью можно выделить, что среди информантов чаще встречались такие цифровые технологии, как покупка онлайн билетов и мультимедийные инсталляции. Что касается покупки онлайн-билетов, то информанты очень положительно оценивают данную технологию, но им не нравится, что потом эти билеты всё равно надо печатать, чтобы посетить определённые места. Таким образом информанты выделяют, что цифровизация процесса покупки билета на определенное мероприятие на сегодняшний день не является полной. При этом информанты относили к этой технологии покупку билетов при помощи проекта «Пушкинская карта», которая, по их мнению, обладает такими преимуществами, как экономия собственных денег на посещение учреждений культуры и возможность купить билет, не выходя из дома. Также давая оценку данной программе, информанты говорили, что именно этот проект в большей степени повлиял на частоту посещения учреждений культуры как на них самих, так и на круг их знакомых. Они отмечали, что их знакомые, которые не интересовались сферой культуры ранее, сейчас стали активно посещать театры и галереи. Также трое информантов сказали, что периодически отслеживают культурные события в социальных сетях, узнают о новых мероприятиях через официальные страницы в социальных медиа. При этом важно отметить, что никто из опрошенных не взаимодействовал с VR-технологиями, хотя говорили о том, что знают об их существовании. Опрошенные также рассказывали, что

сталкивались с оцифровкой культурного наследия, но не взаимодействовали конкретно с оцифрованными книжными изданиями, а на специальном электронном стенде искали, где можно найти определенную бумажную книгу и информацию о том, можно ли её взять с собой. Что же касается виртуального посещения учреждений культуры, которые по результатам анкетирования является одни из популярных, то необходимо сказать, что для информантов это не является наиболее привлекательной цифровой технологией. Все информанты осведомлены о подобной возможности, однако лишь один информант рассказал о подобной практике и при этом он не рассматривает её как основной источник получения информации, а лишь как способ узнать, что представлено на выставке, чтобы в последующем принять решение о необходимости её посетить.

Если мы рассмотрим оценки, даваемые опрошенными по поводу внедрения цифровых технологий, то можно сказать, что в целом и информанты, и респонденты оценивают данное явление положительно. Анкетный опрос показал, что 55 % респондентов относятся к внедрению цифровых технологий «скорее положительно», и 45 % респондентов «безусловно положительно». Результаты интервью также показали, что все информанты оценивают этот процесс положительно. Однако анализируя полученные интервью, можно сказать, что у респондентов различное отношение к разным видам цифровых технологий. Так, например, внедрение таких цифровых технологий, как VR и AR, мультимедийных и интерактивных инсталляций оцениваются положительно, но при этом рассматриваются лишь как дополнение к реальному искусству. А по поводу замены очного посещения учреждений культуры информанты выражают сомнения в их востребованности, поскольку, по их мнению, это не может заменить очное посещение учреждений культуры. Данную информацию подтверждают результаты, которые были получены в ходе анкетного опроса – 93 % респондентов ответили, что онлайн посещение учреждений культуры не сможет заменить очный формат и лишь 7 % уверены в обратном. Что же касается других видов цифровых технологий, в частности, мультимедийных инсталляций, технологий дополненной и виртуальной реальности, то подавляющее большинство согласны с тем, что они способствуют привлечению новой аудитории в сферу культуры – 67 % респондентов ответили, что «скорее согласны», а 29 % – «совершенно согласен». Полученное распределение позволяет судить о том, что мультимедийные инсталляции, технологии дополненной и виртуальной реальности имеют потенциал среди молодежи и может служить эффективным инструментом для привлечения молодёжной аудитории к культурной сфере. Что же касается вопроса, связанного с возможностью замены традиционного очного в сфере культуры онлайн-обучением, то здесь мнения разделились – чуть менее половины опрошенных не согласились с высказыванием о том, что онлайн формат может заменить очный – 48 % респондентов и 40 % респондентов придерживаются обратного мнения и утверждают, что смогут заменить. И 10% респондентов выразили мнение, что ни один из предложенных вариантов не подходит, и что очное обучение не сможет полностью

вытисниться онлайн форматом. Также необходимо сделать следующее дополнение по поводу онлайн-курсов, посвященных культуре и искусству. Как выяснилось, информанты заинтересованы в том, чтобы изучать что-то в этой сфере, и для этого они используют социальные медиа и платформы, которые предлагают купить курсы. Они включаются в онлайн-трансляции, смотрят короткие и длинные видеоролики в социальных медиа, но не видят необходимости покупать полный курс, чтобы более углубиться в это.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что государственная политика, направленная на цифровизацию культуры и внедрения всё большего количества цифровых технологий, оценивается молодежным населением как положительное явление. Однако не всё цифровые технологии, по мнению опрошенных, имеют потенциал для дальнейшего развития. Так, например, виртуальное посещение учреждений культуры, по мнению опрошенных, не смогут заменить очное посещение учреждений культуры. Что же касается других цифровых технологий, таких как мультимедийные инсталляции, технологии виртуальной и дополненной реальности, то они информантами рассматриваются лишь как дополнительные средства, с помощью которых можно популяризировать интерес среди молодежного населения к сфере культуры, но также не могут выступать в качестве полной замены традиционной культуры в виде посещения учреждений культуры с целью рассмотреть произведения искусства или послушать музыку вживую. Кроме того, наиболее часто используемой практикой среди опрошенных информантов выступает покупка онлайн-билетов, а самой популярной государственной программой выступает «Пушкинская карта», которая позволяет молодежному населению в возрасте от 14 до 22 лет приобрести билеты онлайн с помощью виртуальной карты, с целью дальнейшего посещения учреждений культуры. Также необходимо отметить роль ведению социальных сетей учреждениями культуры, которая заключается в том, что таким образом потребители стали теснее взаимодействовать с культурой, включаясь в онлайн-трансляции, отслеживая истории и посты, участвуя в розыгрышах и имея возможность задать все интересующие вопросы в онлайн формате. Менее популярными технологиями среди опрошенных выступают оцифровка культурного наследия и VR и AR-технологии, а также посещение онлайн-курсов, посвященные культуре и искусству.

В ходе проведения пилотажного исследования был подкорректирован инструментарий, добавлены новые вопросы, а также были изменены формулировки в вопросах и вариантах ответов, которые вызывали недопонимания у опрошенных. Результаты полученного пилотажного исследования могут служить основанием для запуска массового опроса. Также была выявлена необходимость в проведение серии глубинных интервью с целью поподробнее раскрыть восприятие, оценки и практики молодёжного населения, а также выделить основные тенденции в сфере цифровизации культуры.

Литература

1. Паспорт национального проекта «Культура». – URL: <http://static.government.ru/media/files/KwygvvgPq1PWAajAmsABFTSPUvVtEjHrO.pdf> (дата обращения: 15.04.2022).
2. Паспорт федерального проекта Цифровизация услуг и формирование информационного пространства в сфере культуры («Цифровая культура»). – URL: https://mk.nso.ru/sites/mk.new.nso.ru/wodby_files/files/page_4722/5._passport_federalnogo_proekta_cifrovaya_kultura.pdf (дата обращения: 16.04.2022).
3. Информация о количестве населенных пунктов по субъектам Российской Федерации // официальный сайт Министерства Финансов РФ. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=128341-informatsiya_o_kolichestve_naselennykh_punktov_po_subektam_rossiiskoi_federatsii&ysclid=128zcdsjp3 (дата обращения: 19.04.2022).
4. Лисенкова А.А. Виртуальные технологии в искусстве – новый фактор инкультурации и социализации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 6 (86). – С. 35–42. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37292178&ysclid=11ysqetpcu> (дата обращения: 15.04.2022).
5. Пойдём в театр // Официальный сайт ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pojdyom-v-teatr> (дата обращения: 14.04.2022).
6. Фонды // Официальный сайт Российской государственной библиотеки. – URL: <https://beta.rsl.ru/ru/about/funds/?ysclid=128zlp6m95> (дата обращения: 15.04.2022).

УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ СТУДЕНТОВ КФУ К СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ВУЗЕ

Михайлова Анастасия Владимировна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. На сегодняшний день вокруг нас все чаще возникают чрезвычайные ситуации социального характера. Можно смело утверждать, что социальная безопасность граждан России – это одна из важнейших составных частей общенациональной безопасности. В связи с недавно произошедшими трагическими событиями в Казани и Перми, безопасность образовательной среды для школьников и студентов становится особо актуальным вопросом и выдвигается на первый план. Главной целью данного исследования является выявление степени доверия студентов Казанского (Приволжского) федерального университета к системе контроля и управления доступом в высшее учебное заведение, которая призвана обеспечивать социальную безопасность в вузе. В ходе проведения качественного полевого исследования в виде восьми глубинных интервью с учащимися разных институтов и курсов КФУ были рассмотрены такие вопросы, как осведомленность студентов о наличии в образовательной организации физической системы контроля

доступом во все учебные здания и корпуса, их состояние и практическая полезность, а также минусы и недостатки системы контроля. Результаты исследования продемонстрировали нам не самый высокий уровень доверия обучающихся вуза к системе контроля и управления доступом в нем. Из чего следует вывод, что работа различного характера (физическая, психологическая) должна продолжаться в данном направлении, улучшая нынешние показатели.

Ключевые слова: безопасность; социальная безопасность; вуз; студенты; уровень доверия; высшее учебное заведение; КФУ; физическая система контроля; управление доступом.

Социальная безопасность – это состояние защищенности социальных субъектов макро- и микроуровней (личности, общностей и общества в целом), их жизненно важных целей, идеалов, ценностей, систем их социализации и жизнеобеспечения от угроз любых видов, а также обеспечение их устойчивого развития [2, с. 38]. Актуальность данного исследования, на наш взгляд, состоит в том, что в настоящее время понятие «социальной безопасности» мало изучено в научной среде по отношению к обострившейся проблеме вооруженных нападений на учебные заведения. В большинстве случаев такого рода безопасность исследователи рассматривают в рамках возникающих глобальных угроз различным общественным системам (экономическим, социально-политическим, национальным), которые требуют всемирных усилий. Вопросами, касающимися социологии безопасности, занимались такие видные деятели, как И.Я. Богданов, Н.П. Ващекин, В.И. Добренькова, В.Н. Иванов, В.Н. Кузнецов, В.К. Левашов, Г.В. Осипов, Ж.Т. Тощенко, Р.Г. Яновский и другие.

В нашем исследовании мы затронули следующий аспект данной категории. Им является система контроля и управления доступом (далее СКУД), определяющаяся как набор средств контроля и управления доступом, который имеет техническую, информационную, программную и операционную совместимость. Сюда относится все, что входит в физическую систему контроля доступом в высшее учебное заведение: пропускная система в виде турникетов, металлодетекторы, система охраны, сигнализация, видеонаблюдение, информация об эвакуационных выходах и технике безопасности и т. п. [5]. Основная задача СКУД заключается в управлении доступом на заданную территорию (кого нужно впускать, в какое время и на какую территорию это следует делать), включая также ограничение доступа и идентификацию лица, имеющего доступ.

На начальном этапе своей работы мы обратили внимание на вопросы, касающиеся социальной безопасности в зарубежных и российских вузах. В странах Западной Европы, как и в нашей, безопасность студентов начинают осуществлять еще при входе в учебное здание. Это различного рода турникеты и система охраны, расположенные в вестибюле. Однако хотелось бы сразу отметить, что в Соединенных Штатах Америки, например, пост охранника могут занимать только действующие сотрудники полиции или же бывшие сотрудники правоохранительных органов, когда в Российской Федерации

подобное не является непременным для исполнения пунктом. В некоторых западноевропейских образовательных организациях так же имеются рамки металлодетектора. Многие университеты требуют наличия у всех своих студентов и преподавательского состава личного пропуска, так называемой «кампусной карты» [7], благодаря которой можно попасть внутрь. Сравнительно недавно вошло в применение и множество видеочкамер, находящихся по всему периметру кампуса и внутри зданий.

Тем не менее, разница между российской и зарубежной системой безопасности имеется. Хотелось бы об этом тоже упомянуть. К примеру, в некоторых странах, таких как Франция, Германия, Великобритания, к системе контроля и управления доступом в вуз проявляют более строгое отношение. В начале нового учебного года каждому студенту выдается специальный методический буклет, содержащий список вещей, которые нельзя проносить в учебное здание – все, что угрожает физической безопасности человека. Большинство дверей внутри некоторых университетов возможно открыть только особым электронным ключом. Обучающиеся и преподаватели ходят со специальными бейджиками и пропускными картами.

Раз в год бакалавры, магистры и аспиранты проходят антитеррористические учения, схожие с ежегодной российской «пожарной тревогой» [1, с. 122]. Все должны знать наизусть порядок действий при вооруженном нападении на образовательную организацию. В подобных случаях преподаватель в первую очередь обязан закрыть дверь аудитории на ключ, затем при возможности ее забаррикадировать, а учащиеся – спрятаться под столами или возле стены, главное, подальше от поля зрения нападающего, и сохранять тишину. У каждого вуза имеется собственный сотрудник полиции или представители охраны. Контакты данных лиц в обязательном порядке вывешены на информационных стендах всех корпусов.

В азиатских странах, таких как Китай, Япония, Южная Корея, большую роль по отношению к физической безопасности студентов играет не только СКУД, но и свой особый менталитет. Представители данных государств чтят дисциплинированность, стараются соблюдать имеющиеся правила и традиции, благодаря чему уровень их преступности, особенно касающийся причинения тяжкого вреда здоровью или убийств, в целом, с каждым годом снижается быстрее остальных стран. В китайских университетах, например, каждая пропускная карта обучающегося содержит не только его личные данные, но и фотографию владельца. Хоть вход в здания свободный, возле ворот часто можно встретить небольшую кабинку поста охраны. В Японии система безопасности тоже стоит в приоритете. Так, многие студенты еще со школьных времен помнят основы поведения при чрезвычайных происшествиях и владеют базовыми знаниями оказания первой медицинской помощи.

Проблема обеспечения безопасности образовательных организаций США на сегодняшний момент все еще имеет напряженный характер. За несколько десятилетий страна успела наработать свой особенный опыт по ее ликвидации. В первую очередь необходимо подчеркнуть, что здесь нет централизованных решений этой проблемы, то есть каждый американский штат вправе сам

вводить какие-либо правила или рекомендации по осуществлению контроля и управления доступом (СКУД) в образовательных организациях. Многое зависит от бюджета высшего учебного заведения, его престижа и местонахождения в целом. Именно общественные и некоммерческие организации поддерживают и продвигают различного рода инициативы, касающиеся данной сферы. Встречаются организации, оказывающие коммерческие услуги для одного или нескольких штатов. Также можно отметить их просветительскую деятельность по предоставлению своих рекомендаций в Интернете и на различных конференциях.

Известный всему миру своим трагическим происшествием штат Колорадо, в котором 20 апреля 1999 года двое учеников старшей школы «Колумбайн»* убили 13 человек и ранили 23 человека, а после совершили самоубийство [6], до сих пор не смог до конца «прийти в себя» (**движение «Колумбайн» признано террористическим и экстремистским в Российской Федерации*). Многие учебные кабинеты во время занятий все еще запираются преподавателями. Теперь вход в университеты оснащен толстыми дверями, а окна изготовлены из пуленепробиваемого стекла. Каждый информационный стенд образовательных зданий содержит правила поведения при возникновении такой чрезвычайной ситуации. Некоторые вузы штата запретили своим студентам носить капюшоны, балаклавы и всячески скрывать свое лицо.

Что же происходит в России? Следует в начале отметить, что в мире нигде нет идеальных безопасных условий, в которых студенты чувствовали бы себя полностью защищенными. Однако в нашей стране СКУД все-таки не такая строгая, как за рубежом, и в некоторых местах существуют опасные бреши. Это продемонстрировали недавние страшные события в Казани и Перми. Во многих университетах, к сожалению, на охранном посту находятся люди пожилого возраста, не имеющие права на ношение огнестрельного оружия [4, с. 59]. Что интересно, в Израиле преподаватели для защиты учащихся имеют такое право. При большом потоке людей на входе и при отсутствии пропускной карточной системы охранник не всегда у всех успевает проверить удостоверяющий личность документ. Его тоже можно понять, так как нельзя исключать человеческий фактор. Информационные стенды для студентов не содержат инструкцию с планом действий в случае различных вооруженных нападений, особенно относящихся к современному феномену «скулшутинга». Не проводятся никакие учения из разряда «Что делать, если на образовательную организацию напал террорист или стрелок». Во время занятий входные ворота и двери вузов всегда открыты. Бывшие выпускники и ряд других посторонних лиц могут свободно перемещаться по территории зданий.

Следующий важный аспект работы – это анализ нормативно-правовых локальных актов Казанского (Приволжского) федерального университета, содержащих в себе информацию об обеспечении и организации социальной безопасности в вузе. Необходимо отметить, что их главной особенностью является создание внутренних документов в образовательных организациях: служебных записок, графиков, инструкций, журналов учета, протоколов и номенклатур. Данные документы включают в себя и социальную

безопасность молодежи, а также обеспечивают формирование механизмов ее реализации. Например, это можно проследить в задачах Положения «О Дежурно-диспетчерской части (далее ДДЧ) Департамента по обеспечению внутреннего режима, гражданской обороны и охраны труда федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования “Казанский (Приволжский) федеральный университет”» [8]. В них входит, например, повышение оперативности реагирования руководства и должностных лиц при угрозе или возникновении чрезвычайных ситуаций, своевременное информирование сотрудников, профессорско-преподавательского состава и студентов КФУ об угрозах и их возникновении, а также обеспечение координации взаимодействия собственных и привлекаемых сил для предупреждения и ликвидации подобных ситуаций, взаимодействия с охранной организацией по вопросам обеспечения комплексной безопасности и пропускного режима и другое.

Еще одним документом, который мы изучили в ходе своего исследования, является Положение «О сборных эвакуационных пунктах федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования “Казанский (Приволжский) федеральный университет”» [10]. В нем говорится о функционировании сборных эвакуационных пунктов в КФУ и непосредственно о процессе реализации эвакуации студентов и работников вуза при чрезвычайных происшествиях.

В список нормативно-правовых локальных актов, обеспечивающих социальную безопасность студентов КФУ, включено и Положение «О гражданской обороне в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования “Казанский (Приволжский) федеральный университет”» [9]. На него возложено решение таких основных задач, как планирование и организация проведения мероприятий по гражданской обороне, подготовка своих работников в этой области, содержание в состоянии готовности внештатных формирований по обеспечению выполнения мероприятий по гражданской обороне, создание и содержание запасов материально-технических, продовольственных, медицинских и иных средств и другие.

Нельзя не упомянуть Приказ «О проведении инструктажа по действиям в чрезвычайных ситуациях в КФУ» [11], который содержит информацию об обучении работников университета правилам поведения, основным способам защиты и действиям в чрезвычайных ситуациях, приемам оказания первой медицинской помощи пострадавшим, правилам пользования коллективными и индивидуальными средствами защиты.

Проанализировав нормативно-правовые локальные акты в отношении обеспечения и организации социальной безопасности в университете, мы пришли к выводу о том, что по официальным документам прослеживается следующая политика Казанского (Приволжского) федерального университета. Она направлена на преодоление последствий тех или иных социальных дезорганизации, на предотвращение причин их появления, устранение причин,

существующих негативных социальных явлений, причин возникновения социальных рисков, затрагивающих большинство студентов, и на обеспечение декларированных социальных гарантий. Однако новый социальный феномен «скулшутинга» также требует к себе какого-либо иного подхода к рассмотрению обеспечения безопасности учащихся и преподавателей.

Третий этап нашей работы включал в себя определение причин, влияющих на уровень доверия студентов Казанского (Приволжского) федерального университета к системе контроля и управления доступом в вуз, путем проведения восьми глубинных интервью с учащимися разных институтов и курсов данного образовательного учреждения. Отбор информантов производился с помощью методов целенаправленной выборки – путем личного обращения к студентам КФУ через социальную сеть «ВКонтакте».

В основе наших концептуальных размышлений лежала «концепция доверия» польского социолога П. Штомпки, разработанная в начале 1990-х годов. Доверие, по П. Штомпке, – это ставка в отношении будущих непредвиденных действий других [3, с. 32]. Исследователь выделил несколько его видов. Мы считаем, что в данном контексте правильным послужит обращение к институциональному доверию (университету), включая «процедурное» по отношению к институциональным практикам и процедурам как вере в то, что следование им принесет наилучшие результаты [3, с. 34]. Отметим, что в результате доверие сводится к индивидам и их действиям.

Опираясь на результаты нашего социологического исследования, можно сделать выводы о том, что на данный момент студенты чувствуют себя не полностью защищенными в стенах вуза: *«После недавно произошедших событий в Казани и Перми, а также после анализа нашей системы охраны, я не могу сказать, что чувствую себя полностью защищенной, зная о том, что в любой момент и рядом со мной может возникнуть подобного рода экстренная ситуация. <...> Несмотря на то, что меры безопасности улучшаются с каждым разом, по крайней мере, нам так говорят, после событий, которые произошли уже второй раз за этот год, не сильно чувствуешь себя в безопасности»* (студентка третьего курса Института вычислительной математики и информационных технологий).

Говоря о технических системах контроля и управления доступом, таких как пропускная система, система охраны, видеонаблюдение, сигнализация, металлодетекторы, информация об эвакуационных выходах и технике безопасности, и их наличии в университете, стоит отметить, что охрана в корпусах имеется, однако не всегда представлена в достаточном количестве своих сотрудников либо же не компетентна в своих обязанностях: *«Я говорю об охранниках, которым уже более 50–60 лет. Не больно-то чувствуешь безопасность, зная, что на пропусках сидит бабушка, которая еле видит и двигается»* (студент четвертого курса Юридического факультета); *«Сейчас система контроля в образовательных учреждениях – низкая, администрация ничего нового и современного не делает, все по старым традициям. Если будут какие-то террористические акты, то наши старые охранники нас не смогут*

спассти, не говоря о том, что в здании учатся около 2–3 тысяч студентов и в том числе сотрудников, и всех необходимо защитить» (магистр второго года обучения Института геологии и нефтегазовых технологий). Однако каждый охранный пост в КФУ оснащен так называемой тревожной кнопкой.

На постоянной основе действует пропускная система в виде турникетов, там же у студентов в обязательном порядке спрашивают специальный пропуск – студенческий билет вуза. Если студент не имеет его при себе, то потребуются предъявить другой документ, удостоверяющий личность человека, например, паспорт, с помощью которого он допускается в учебное здание. Но и здесь есть свои бреши в виде человеческого фактора: *«<...> все-таки у нас заменили турникеты на более новые, более современные, но все еще нужно максимально провести масштабную работу по модернизации системы пропусков для студентов»* (магистрант первого года обучения Института социально-философских наук и массовых коммуникаций). При большом потоке людей охранники не у всех успевают проверять наличие студенческого билета, не говоря уже о досмотре сумок, который не производится: *«Я могу быть студенткой КАИ, но никто даже не поймет этого, я все равно пройду в здание»* (студентка второго курса Института международных отношений).

Что касается информации об эвакуационных выходах в КФУ, она представлена только в виде специальных схем по противопожарной безопасности, которые висят по всем учебным корпусам университета. Однако большую часть студентов беспокоит не данный факт, а открытость выходов: *«<...> вопрос открытости пожарных дверей, с которых может пройти любой человек – напрягает»* (студент четвертого курса Юридического факультета). Технику безопасности обязательно рассказывают всем первокурсникам Казанского (Приволжского) федерального университета, после которой они расписываются в специально предназначенной для этого тетради. И на этом практически все заканчивается: *«Именно против экстремистских деятельности не было особо никаких мероприятий, только инструктаж в начале года по технике безопасности и противопожарной безопасности. И то я уже не помню, что там было»* (студент четвертого курса Института технологий и информационных систем); *«Не помню, чтоб в последнее время у нас было что-то подобное, возможно, только на первом курсе, в самом начале обучения нам что-то объясняли, но, естественно, этого я сейчас уже не вспомню. Никаких специальных встреч и мероприятий по технике безопасности у нас в институте не проводят»* (студентка второго курса Института международных отношений).

Учитывая все собранные данные, нельзя утверждать, что система контроля и управления доступом в Казанском (Приволжском) федеральном университете полностью отсутствует, но, как считают студенты, она представлена недостаточно. Имеющиеся турникеты и пропускная система не представляют собой сильной защиты, охранный персонал также не вызывает особое чувство безопасности. Видеокамеры, конечно, имеются на всех этажах, входах и выходах, но часть опрошенных студентов не уверена в их работоспособности, так как не видела экранов мониторов и не может точно об

этом сказать. По их мнению, это не является особой преградой для людей, представляющих угрозу человеческой жизни и деятельности: *«Думаю, система должна быть такой, чтоб человек с оружием не смог пройти дальше пропускного пункта. Это и есть главная задача»* (студентка третьего курса Института экологии и природопользования). Отсюда следует вывод, что физическая система безопасности КФУ представлена для многих на фундаментальном уровне, а современные технологии почти не используются.

Итоговым этапом нашего социологического исследования стала разработка способов повышения уровня доверия студентов к социальной безопасности в Казанском (Приволжском) федеральном университете. Исходя из полученных материалов, четко прослеживается линия на желание студентов к более интенсивному взаимодействию администрации и преподавателей вуза с ними, характеризующаяся в проведении различных встреч, лекций, мастер-классов и других мероприятий, касающихся техники безопасности при вооруженных нападениях на высшее учебное заведение. Всем обучающимся необходимо понять, что представляет собой безопасность в целом, как нужно действовать при чрезвычайных ситуациях, чтобы сохранить свою жизнь и не навредить другим. На наш взгляд, такие встречи должны проходить в каком-нибудь интересном формате, например, в виде игры или круглого стола, чтобы тем самым заинтересовать студентов к такой серьезной теме.

Можно отметить стремление к более закрытому доступу в КФУ, как в сами учебные корпуса, так и на территорию. Возможно, можно было бы сделать несколько пропускных пунктов, например, как в Деревне Универсиады, где вход на территорию осуществляется только через специализированные пропускные пункты. Либо же ввести специальные электронные пропускные карты вместо обычных студенческих билетов. Также большинство информантов хотело бы, чтобы администрация КФУ выбирала именно ту организацию частного охранного предприятия (ЧОП), которая будет представлять необходимые услуги, подходить под необходимые условия для предоставления защиты и безопасности студентов в вузе.

Что же касается нашего вопроса о возможной обстановке, если Казанский (Приволжский) федеральный университет решит ввести тотальный досмотр при допуске студентов в любой из своих корпусов по аналогии с аэропортами (большое количество металлодетекторов, осмотр сумок и личных вещей и др.), мнения учащихся разделились. Кто-то считает данную систему приемлемой и не вызывающей «атмосферу страха»: *«Это, наверное, могло бы подарить чувство безопасности, мне точно»* (студентка второго курса Института психологии и образования). А кто-то, наоборот, – неэффективной с точки зрения затрачиваемого времени при входе в здания, и вызывающей психологическое давление: *«Думаю, что это не решит проблемы именно потому, что это не эффективно по предметным рамкам, это не ориентировано для студентов, а также очень дорого. На мой взгляд, это еще и психологически давит»* (магистрант первого года обучения Института социально-философских наук и массовых коммуникаций). Хотелось бы также привести следующее высказывание одной из студенток Института

международных отношений КФУ, отражающее, на наш взгляд, мнение большинства студентов всего вуза: «*Послушать студентов – важно, они знают изнутри, что необходимо для полного ощущения безопасности*».

На сегодняшний день можно выявить то, как некоторый подъем в прошлом уровня доверия студентов образовательных организаций к степени своей защищенности и безопасности поменялся в сторону более напряженного и недоверительного. Основной из причин этого явились несмотря на меры предосторожности и систему контроля часто повторяющиеся трагические события в различных городах нашей большой страны. П. Штомпка назвал шестую стадию в своей системе как «постреволюционное недомагание» [3, стр. 41], в которой доверие населения испытывает кризис во всех смыслах слова. Недоверие касается как социальной системы, в которую входят различные институты, реформ, политики, средств массовой информации, так и межличностных отношений. Таким образом, уровень доверия студентов Казанского (Приволжского) федерального университета к системе контроля и управления доступом (СКУД) в вуз показал не самый высокий показатель. В ходе интервью выяснилось, что страх и отсутствие чувства защищенности у некоторых студентов был вызван также психологическим фактором в связи с недавними трагическими происшествиями в Казани и Перми.

Подводя итоги, хотелось бы сказать, что для выявления не только содержательных, но и количественных параметров доверия студентов к системе контроля и управления доступом (СКУД), как мы предполагаем, стоит провести массовый анкетный опрос. В этом мы видим перспективы нашего дальнейшего исследования.

Литература

1. Каберник В.В. Обеспечение безопасности образовательной среды на примерах США, стран Европы и России [Электронный ресурс] / В.В. Каберник, О.А. Тимофеева // *Международные отношения*. – М.: изд-во МГИМО. – С. 119–129. – URL: <file:///C:/Users/Историк/Downloads/obespechenie-bezopasnosti-obrazovatelnoy-sredy-na-primerah-ssha-stran-evropy-i-rossii.pdf> (дата обращения: 19.04.2022).

2. Кисляков П.А. Социальная безопасность и здоровьесбережение учащейся молодежи: содержательно-технологическое и организационно-управленческое обеспечение в вузе [Электронный ресурс] / П.А. Кисляков // *Modern Research of Social Problems*. – № 2 (46). – 2015. – С. 37–56. – URL: [file:///C:/Users/Историк/Downloads/sotsialnaya-bezopasnost-i-zdoroviesberezhenie-uchascheysya-molodezhi-soderzhatelno-tehnologicheskoe-i-organizatsionno-upravlencheskoe-obespechenie-v-vuze%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/Историк/Downloads/sotsialnaya-bezopasnost-i-zdoroviesberezhenie-uchascheysya-molodezhi-soderzhatelno-tehnologicheskoe-i-organizatsionno-upravlencheskoe-obespechenie-v-vuze%20(2).pdf) (дата обращения: 20.04.2022).

3. Фреик Н.В. Петр Штомпка. Доверие: социологическая теория [Электронный ресурс] / Н.В. Фреик // *Социологическое обозрение*. – М., 2002. – Т. 2. – № 3. – С. 30–41. – URL: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/31/1211857826/2_3_5.pdf (дата обращения 21.04.2022).

4. Ребко Э.М. Социальная безопасность глазами учащейся молодежи [Электронный ресурс] / Э.М. Ребко, Е.С. Корнилова // *Молодой ученый*. –

№ 5.1 (64.1). – 2014. – С. 58–61. – URL: <https://moluch.ru/archive/64/10356/> (дата обращения: 21.04.2022).

5. Новостной ресурс «БЦИнформ». Система контроля и управления доступом – что это такое? [Электронный ресурс]. – 04.10.2018. – URL: <https://bcinform.ru/news/chto-takoe-skud-rasskazyivaem,-chto-eto-i-kakie-vidyi-byivayut.html> (дата обращения: 18.04.2022).

6. Новостной ресурс «Newsru». 20 апреля 1999. Бойня в американской школе [Электронный ресурс]. – 18.05.2006. – URL: <https://newsru.com.turbopages.org/newsru.com/s/background/18may2006/columbineslght.html> (дата обращения: 23.04.2022).

7. Официальный сайт «Гротек». СКУД в кампусах: российские реалии и европейский опыт [Электронный ресурс]. – URL: http://lib.secuteck.ru/articles2/sys_ogr_dost/skyd-v-kampysah-rossiiskie-realii-i-evropeiskii-opit (дата обращения: 20.04.2022).

8. Положение «О Дежурно-диспетчерской части Департамента по обеспечению внутреннего режима, гражданской обороны и охраны труда федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования “Казанский (Приволжский) федеральный университет”» № 0.1.1.67-06/98/16 от 23.06.2016 [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет». – Казань. – 23.06.2016. – URL: <https://kpfu.ru/portal/docs/F71641006/Polozhenie.o.DDCh.pdf> (дата обращения: 24.04.2022).

9. Положение «О гражданской обороне в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования “Казанский (Приволжский) федеральный университет”» № 0.1.1.67-06/102/16 от 05.07.2016 [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет». – Казань. – 05.07.2016. – URL: <https://kpfu.ru/portal/docs/F1298154097/Polozhenie.o.GO.v.KFU.2016.pdf> (дата обращения: 24.04.2022).

10. Положение «О сборных эвакуационных пунктах федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования “Казанский (Приволжский) федеральный университет”» № 0.1.1.67-06/106/15 от 27.03.2015 [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет». – Казань. – 27.03.2015. – URL: <https://kpfu.ru/portal/docs/F1315418333/Polozhenie.o.SEP.KFU.pdf> (дата обращения: 24.04.2022).

11. Приказ «О проведении инструктажа по действиям в чрезвычайных ситуациях в КФУ» № 01-03/72 от 26.01.2021 [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение

высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет». – Казань. – 26.01.2021. – URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F431710985/Gafurov.I.R._Bal_zamov.A.N...o.provedenii.instruktazha.po.ChS_.21pdf.pdf (дата обращения: 24.04.2022).

ПРОБЛЕМА СЕКСУАЛЬНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ СРЕДИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

**Мишарина Дарья Ивановна,
Карпова Нина Сергеевна**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье представлен обзор нескольких отечественных исследований по вопросу сексуального образования детей и подростков, а также предоставлены результаты собственного социологического исследования. На основе проведённого анализа выявляются основные тенденции развития сексуального просвещения.

Ключевые слова: молодежь, сексуальное воспитание, репродуктивное здоровье.

В Российской системе образования не предусмотрена программа по сексуальному образованию детей и подростков, хотя здоровье репродуктивных органов, знание о размножении, эмоциональных отношениях с половым партнером – является важной частью жизни человека. За это отвечает сексуальное образование, которое должно проводиться с ранних лет, как утверждают специалисты. Многим детям и правда сложно разговаривать о сексе с родителями из-за стыда или страха, что их накажут, – да и многие родители в таких ситуациях смущаются не меньше и были бы рады делегировать задачу сексуального просвещения кому-то другому. Проблема далеко не только в профилактике ВИЧ и заболеваний, передающихся половым путем, но и в общей сексуальной безграмотности. Подростки и взрослые из регионов или те, кто вырос в пуританских семьях, часто плохо представляют себе анатомию и физиологию. Подростки часто думают, что во время первого секса нельзя забеременеть, прерванный половой акт — надежное средство предохранения, а оральный и анальный секс абсолютно безопасны в плане болезней.

Что касается России, то после распада Советского Союза первый президент России Борис Ельцин подписал федеральную программу «Дети России», в которую входила подпрограмма «Планирование семьи». В пятнадцати регионах страны школы начали проводить экспериментальные занятия по половому воспитанию. Одной из главных сторонниц секс-просвещения была Екатерина Лахова – на тот момент она занимала должность советника президента по вопросам семьи, материнства и детства и выступала за то, чтобы бесплатно раздавать контрацептивы подросткам и неимущим семьям. Благодаря ей в 1993 году на программу «Планирование семьи» государство

выделило миллиард рублей, а в 1994 году – два миллиарда. Деньги шли на разработку учебных пособий и создание центров планирования семьи. Но к 1997 году СМИ и консервативная общественность начали бунтовать. Лахову называли противницей аборт и обвиняли в том, что финансирование программы по планированию семьи в 50 раз превышало финансирование программы «Дети-сироты». Хотя в 1991 году по результатам всероссийского опроса около 60 % населения высказались за половое просвещение школьников, в 1996 году программу Лаховой приостановили, и половое воспитание так и не включили в школьную программу.

В новом столетии ухудшается ситуация с эпидемией ВИЧ в России, при этом эффективная профилактика отсутствует, а уровень знаний населения о ВИЧ по-прежнему остается крайне низким. Среди всех существующих проблем эпидемия ВИЧ-та, про которую не хотят говорить. Многие думают, что эта проблема осталась где-то в 90-ых годах и точно не добралась до эпохи высокоскоростного интернета, но это не так. В России живет более одного миллиона человек с ВИЧ. В 2018 году в России умерли от СПИДа 37 тыс. человек, в среднем это 100 человек в день. В это трудно поверить, но по количеству новых заболеваний Россия сравнима с некоторыми странами Африки.

Люди, живущие с ВИЧ-инфекцией в России постоянно подвергаются эксклюзии, дискриминации со стороны общества [1], их стесняются и стараются избегать. Все это происходит отчасти из-за незнания. Около миллиона человек по официальным данным, исключая тех, кто еще не знает о своем ВИЧ-статусе живут с этой инфекцией. Но из-за неэффективной борьбы с ней многие даже из тех, кто обращался в центр борьбы со СПИДом не получают необходимую помощь в виде таблеток, которые необходимы для поддержания жизни в такой ситуации, из-за недостаточного финансирования. Так, живя бок о бок с болезнью, 50% людей с положительным ВИЧ-статусом стоят в очереди годами в ожидании порции таблеток, пока ситуация не ухудшится. При этом они подвергаются всяческой дискриминации и отторжению из-за стереотипных убеждений окружающих, что придает проблеме ВИЧ-инфекции еще и социальный характер, потому что люди с положительным ВИЧ-статусом не могут полноценно сосуществовать со здоровыми людьми, не скрывая свой диагноз, ощущают одиночество и ненужность из-за минимума социальных взаимодействий.

Согласно новому докладу ООН, количество новых случаев ВИЧ-инфекции в России увеличилось на 75 % за шесть лет. Количество аборт в России с начала 2010 годов снижается, но остается выше, чем в других развитых странах. Специалисты связывают снижение не с повышением уровня информированности, а с выплатами «материнского капитала» – эта форма поддержки рождаемости существует с 2007 года. С абортами пытаются бороться в основном запретительными мерами. У каждой третьей несовершеннолетней беременной выявляют инфекции, передаваемые половым путем. Материнская смертность среди подростков 13–17 лет в 5–8 раз выше, чем в общей популяции. По уровню подростковой беременности Россия

занимает 42-е место в Европейском регионе (у нас таких беременностей в 2 раза больше, чем в Польше, в 3 раза, чем в Германии, и в 5 раз больше, чем в Нидерландах)». Набирает обороты клерикализация образования. Авторы исследования дают определение клерикализму как комплексу идей, которые основываются на вере в бога и теологии, а также направлены на установление религиозных ценностей, и связанным с ними политическим и социальным поведением людей. С 2010 года в российских школах изучают «Основы православной культуры», а вот уроков секспросвета в российских школах так и не появилось. Официальный представитель РПЦ заявил в эфире телеканала «Россия-24», что церковь не против сексуального просвещения в школе, при условии особой формы таких уроков: «Я думаю, детям нужно что-то рассказывать, не только о сексе, но и о тех опасностях, которые сопряжены с ранней сексуальной жизнью, с неразборчивостью в связях, в том числе с опасностью заразиться СПИДом, венерическими заболеваниями... Дети должны об этом знать. Весь вопрос в том, кто и как будет об этом рассказывать». Ряд священников высказали свое мнение в том духе, что школьникам нужны уроки целомудрия, а не «соблазна».

Особо важную роль в половом воспитании сыграл принятый в 2010 году закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». К такой информации попали в том числе «изображения или описания половых отношений между мужчиной и женщиной» и «пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений».

История развития сексуального воспитания подростков в Европе и Америке насчитывает уже не одно десятилетие. И отечественные социологи имеют прекрасную возможность сравнить успешность той или иной системы преподавания такого неоднозначного предмета. Европа тоже сталкивается с множеством проблем в сфере репродуктивного здоровья молодежи: ВИЧ-инфекции и ИППП, беременность в среде подростков, сексуальное насилие. И наиболее эффективным путем улучшения ситуации является введение систем сексуального образования школьников. Европейское региональное бюро Всемирной организации здравоохранения совместно с Германским Федеральным Центром образования в области здоровья разработали и опубликовали рекомендуемые «Стандарты сексуального образования в Европе». Они содержат подробные инструкции, как можно обеспечить детей и молодежь научно обоснованной, соответствующей их возрасту информацией о сексуальности. Над этими стандартами работала группа экспертов из девяти европейских стран, всех заинтересованных специальностей – от медицины и психологии до общественных наук. В Российской системе образования данному вопросу уделялось недостаточно внимания, поэтому компетентные специалисты не занимались детальной разработкой подобных программ. В широкой российской среде бытует мнение, что сексуальное воспитание достигается через самообразование, что нарушает понятие гуманности по отношению к подрастающим поколениям. Например, наибольшей критике со стороны выходцев из стран бывшего советского союза подверглась немецкая система образования.

Авторами статьи было проведено социологическое исследование среди казанской молодежи, с целью выявить проблему неинформированности российской молодежи в сфере сексуального образования. Опрос был проведен среди 100 человек, 77 % – женщин и 23 % – мужчин. Все респонденты, принявшие участие в опросе, то есть 100 % опрошенных являются студентами в возрасте от 18 до 25 лет.

Было выявлено, что сексуальному просвещению в школах уделяется недостаточное внимание – у 77 % опрошенных не было программы, предусматривающей разъяснение в вопросах, касающихся секса, репродуктивном здоровье, физиологии и анатомии. А 20 % имели такую программу частично. Тем не менее 87 % респондентов считают, что в школе нужно вводить программу просвещения. Более того 12,2 % считают нужно вводить данную программу с детского сада, в игровой форме; 26,7 % – в возрасте от 12 до 14 лет, 43,3 % – в 13–16 лет.

Информация о сексе в 97 % случаев узнается из интернета и в 52 % от друзей, и лишь в 10 % от родителей, что подтверждает гипотезу о том, что родители не разговаривают с детьми о последствиях халатного отношения к своему репродуктивному здоровью, ранней нежелательной беременности, ВИЧ, ЗППП и т. д. Некоторые респонденты отмечают травмирующий опыт, связанный с тем, как они узнали о сексе.

Также 59 % респондентов считают – именно родители должны просвещать ребенка в вопросах касающихся секса, 26 % считают – это должны делать врачи и 7 % – сам ребёнок. 99 % опрошенных знакомы с понятием ЗППП, но им известно не о всех заболеваниях, например о ВПЧ знают лишь 38 % опрошенных, не смотря на то, что данное заболевание может передаваться даже при бытовом контакте. Около 20 % считают, что наилучший способ защиты от ИППП – презервативы.

Подобное социологическое исследование было проведено крупным медиахолдингом РБК. В опросе участвовали 4,2 тыс. россиян, три четверти из которых имеют детей. Среди опрошенных 52 % – мужчины, 48 % – женщины. Отличия, имеющиеся между результатами социологического исследования, проведенного российским бизнес-телеканалом, и результатами, полученными в ходе нашего исследования, являются незначительными. Они обуславливаются тем, что объектом нашего исследования выступила российская молодежь в возрасте от 18 до 25 лет, зачастую имеющая более прогрессивные взгляды, в особенности на вопросы, касающиеся образования, здоровья и сексуального просвещения. Респондентами РБК выступили люди всех возрастов, что увеличило, концентрацию консервативных взглядов, которые отразились в результатах исследования телеканала.

Наиболее ярким примером выступает вопрос, касающийся введения в школах уроков полового просвещения. Результаты РБК показали, что 41,5 % респондентов полностью поддержали введение уроков «сексуального просвещения», на которых школьникам будут рассказывать о строении тела, заболеваниях, передающихся половым путем, и способах контрацепции. Скорее поддержали появление новой дисциплины 33,2 % опрошенных. 11,6 %

респондентов заявили, что скорее бы выступили против. Как было указано ранее, результаты нашего опроса показали, что не менее 87 % респондентов считают, что в школе нужно программу просвещения. Более того 12,2 % считают нужно вводить данную программу с детского сада, в игровой форме.

В другом рассмотренном нами социологическом исследовании «К вопросу о необходимости сексуального образования для подростков и их родителей» авторства М.Ю. Кадошниковой было выявлено, что опрошенные педагоги, поддерживая важность полового просвещения, так же, как и родители, не готовы взять на себя эту функцию и считают, что этим должны заниматься медики. В то же время педагоги подчеркивают необходимость преобладания в программе сексуального просвещения проблем духовности, нравственности, а не соблюдения норм репродуктивного здоровья, контрацепции и т. д., которым так придают значение все врачи. Более того, результаты нашего исследования выявили противоречие, заключающееся в желании респондентов иметь программу сексуального просвещения в школе, но при этом большая часть опрошенных считает, что именно родители (59 % опрошенных) и врачи (26 % опрошенных) должны просвещать ребенка в вопросах, касающихся сексуального образования. И только 7 % опрошенных считают, что педагоги с медицинской квалификацией должны проводить беседы на тему сексуального просвещения в школах.

Сексуальное образование всё ещё настораживает родителей. Исследователи сходятся во мнении, что начинать вести беседы в рамках сексуального воспитания необходимо с детьми до начала периода полового созревания, чтобы со временем подготовить их к более серьёзным и сложным темам.

В ходе проведенного социологического исследования среди молодежи в возрасте от 18–25 лет, проживающих в республике Татарстан, город Казань; было установлено, что не только российской системе образования не хватает программы просвещения молодежи в сфере сексуального образования, но и сами родители не проводят подходящих бесед с детьми, из этого следует – большинство информации получается из интернета, хотя сами респонденты хотели бы получить ее от родителей и компетентных врачей.

Подводя итоги, следует отметить, что сексуальное образование – животрепещущая тема. Споры о необходимости его введения в обязательную школьную программу не утихают до сих пор. С одной стороны, нельзя не отметить важность освещения таких жизненных тем как половое здоровье, средства защиты от заболеваний, передающихся половым путём. Подростки не просто имеют право на информацию подобного рода, она необходима им для избегания возможных ошибок, повышения собственной самооценки, контроля своего будущего.

Литература

1. Ефлова М.Ю. Социальная эксклюзия ВИЧ-инфицированных в России // Вестник Военного университета. – 2011. – № 3 (27). – С. 129–134.

2. Новостной ресурс «РБК». – URL:<https://amp.rbc.ru/rbcnews/society/07/09/2020/5f55b0359a7947192a750dcf> (дата обращения: 29.04.2022).

3. Новостной ресурс «АфишаDaily». – URL: <https://daily.afisha.ru/pokolenie/6593-kak-menyalos-otnoshenie-k-seksu-v-rossii-za-poslednie-100-let/> (дата обращения: 29.04.2022).

4. Новостной ресурс «Образование в области здоровья в Европе и в странах Восточной Европы и Центральной Азии (ВЕЦА)». – URL: <https://adolesmed.szgmu.ru/p/82/?m1=4> (дата обращения: 29.04.2022).

5. Новостной ресурс «Россия: быть или не быть половому просвещению в школах?» – URL: <https://russian.eurasianet.org/россия-быть-или-не-быть-половому-просвещению-в-школах> (дата обращения: 29.04.2022).

УДК 316.346

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ МОЛОДЕЖНОГО УЧАСТИЯ И ОПЫТ ИХ ИЗУЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Певная Мария Владимировна

Шуклина Елена Анатольевна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Б.Н.Ельцина, Екатеринбург, Россия

Аннотация. Статья посвящена оценке актуальных трендов молодежной политики и изменений, происходящих в практиках социальной активности молодежи одного из крупных российских регионов – Свердловской области. Авторы критически оценивают международные и российские нормативные документы. В статье анализируются данные социологического опроса молодежи Свердловской области, проведенного в 2020 году (тип выборки – квотная, объем N=1000; ошибка выборки не более 3,5 %). Выявлены особенности волонтерской деятельности учащейся молодежи Свердловской области, ключевые изменения, которые произошли с молодежной активностью с 2017 года. Проанализированы потребностно-мотивационные характеристики волонтерской деятельности и их динамика. Определена роль образовательных и добровольческих организаций в реализации социального участия молодежи. Изучено отношение молодежи к информационной медиаструктуре волонтерства и онлайн волонтерству как одного из наиболее привлекательных для молодого поколения вида социального участия.

Ключевые слова: молодежная политика; социальное участие; волонтерство; мотивация волонтерства

Выражение благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-011-00471).

Актуальные тренды молодежной публичной политики. Отправной точкой реформирования молодежной публичной политики во многих

страна мира можно назвать Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 года «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [1]. В этом документе отмечены развитие и распространение информационно-коммуникационных технологий, необходимость преодоления «цифрового разрыва» и построения нового общества, основанного на знаниях. В этом же ключе в развитие молодежной публичной политики разных стран вносит свой вклад ЮНЕСКО. С 2016 года активно продвигается и поддерживается инициатива “Youth Mobile”, призванная повысить цифровую грамотность молодежи и обучить молодых людей новым профессиям, связанным с новыми технологиями [2].

Последние пять лет для молодежи из разных стран активно проводятся различные мероприятия по реализации целей устойчивого развития в области коммуникации и информации. Эти цели напрямую связаны с раскрытием потенциала молодежи за счет активного использования цифровых технологий. Молодежная политика стран ЕС после 2015 года направлена в первую очередь на развитие социального участия молодежи в цифровом формате, расширения вовлеченности молодого поколения в построение демократического общества. При этом новые виды гражданского участия молодежи коррелируют с повышением цифровой грамотности молодежи и развитием медиакомпетентности среди разных групп граждан ЕС. В этом процессе именно на молодежь была сделана ставка [3, с. 6], а отсутствие пространственных и сглаживание темпоральных границ в цифровом пространстве создают условия для сближения молодых людей из разных стран обеспечивают атмосферу, которая может вдохновлять на новые дела [4, с. 73].

Документы Европейского Союза, в частности «Стратегия 2030. Привлечение молодых людей к ценностям Совета Европы», разработанная в 2020 году, содержит не только указание на необходимость применения цифровых технологий для реализации целей устойчивого развития ООН, но и отслеживание возможных негативных последствий их применения [5, с. 26]. Необходимость выявления рисков расширения использования в разных сферах жизнедеятельности молодежи новых технологий, социальных и психологических последствий их применения повсеместно фиксируется в целом ряде официальных документов разных стран.

Единство целей и инструментов политики ЕС в отношении молодежи направлены на формирование созидательной личности и преодоление риска межпоколенческого разрыва в отношении целей и инструментов формирования нового европейского общества. Поэтапное формирование цифровой грамотности и медиакомпетентности, вовлечение молодежи в принятие государственных решений при помощи новых технологий призвано снизить риск гражданского неповиновения и не теряет свою актуальность.

Итак, стратегические приоритеты, определенные Объединенным советом по делам молодежи для реализации молодежным сектором Совета Европы на 2020–2021 годы направлены на достижение целей устойчивого развития, а именно: доступ к правам (в том числе цифровым, преодоление цифрового неравенства); молодежное участие и работа с молодежью, заключающаяся

в поддержке участия молодежи в политической жизни, в принятии решений и действиях на местном и региональном уровнях, особенно в сотрудничестве с местными властями для укрепления демократии, в том числе и просвещение о цифровом политическом участии (цифровая гражданственность); развитие инклюзивного дружелюбного общества [6, с. 36]. Несомненно, эти приоритеты будут сохраняться и в будущем.

Зарубежные исследования молодежи нацелены на анализ различных аспектов реализации заявленных стратегических приоритетов. В частности, активно изучается добровольчество, распространение установок на толерантное отношение к различным группам, преодоление цифрового неравенства. Процесс цифровизации захватывает все сферы жизни. Практически все сегодня должны уметь жить, учиться и работать в условиях цифровой среды [7].

Цифровые технологии стали еще более значимы и полезны в период пандемии коронавирусной инфекции, вызванной коронавирусом SARS-CoV. Наличие опыта диджитализации работы с молодежью позволило сохранить и развивать дальше обозначенные ЕС и Советом Европы приоритеты молодежной политики. На данный момент рассматривается возможность создания открытой и многоязычной специализированной европейской цифровой платформы по молодежной работе в тесном сотрудничестве с сообществом специалистов по молодежной работе для обмена информацией, знаниями и передовым опытом, участия в сотрудничестве и взаимного обучения. Пока эта платформа не создана, но есть пилотные проекты. Один из них создан некоммерческой организацией “Demokratie & Dialoge” в Берлине и позиционируется как прототип [8].

По мнению специалистов, «Основы государственной молодежной политики» и их реализация в регионах России, демонстрируют отсутствие какой-либо политической концепции, ограничен и комплекс эффективных мер управления, где можно фиксировать только форумные кампании [9]. Организация молодежных движений, функционирование организаций и ассоциаций демонстрировали с конца 90-х годов XX века устойчивость ограниченных по функционалу организационных практик общественной работы молодежи, как правило на базе учебных заведений, и не претерпевших серьезных изменений до последнего времени [10, 11]. В управлении участием молодежи в России приоритет отдается организации общественно-политической активности, патриотическому воспитанию [12]. Влияние молодежной политики на гражданские практики молодежи проявляется в контексте существования в молодежной среде доминирующей государственно-гражданской идентичности, партикулярной национально-гражданской идентичности, а также различных онлайн-идентичностей [13]. В нормативно-правовом поле нашей страны, в отличие от документов Европейского Союза, интернет и новые технологии рассматриваются не как среда, а как инструменты распространения информации (см. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» ст. 6 п. 20, ст. 11. п. 3). Тем не менее, в последние годы в реальных управленческих решениях также фиксируется тренд формирования

виртуальной среды взаимодействия для реализации молодежной политики. В качестве примера можно привести содействие участию молодежи в добровольческой (волонтерской) деятельности как одно из основных направлений реализации молодежной политики. С 2016 года на базе платформы Добро.ру создана сеть центров социальной активности, фактически составляющая цифровую экосистему, призванную расширять среду социального участия молодежи, в том числе за счет развития инфраструктуры и различных цифровых ресурсов. Таким образом, развитие молодежной политики в разных странах мира сопрягается с целями устойчивого развития и цифровизацией повседневной жизни.

Анализ исследований, оценка государственных документов, молодежных программ, международных и национальных проектов позволил выделить тенденцию ориентированности мероприятий в рамках разработки и реализации молодежной публичной политики в эпоху диджитализации на формирование гражданской ответственности молодежи. Если в зарубежных странах вектор социальной политики разнонаправлен, мероприятия охватывают разные группы молодежи, особенно депривированные, социально незащищенные, проблемные, то в современной России молодежная политика нацелена на благополучную часть молодежного сообщества, творческих, креативных, талантливых, успешных, политически и социально активных молодых людей и девушек.

С одной стороны, поддержку находят социальные инициативы по взаимопомощи и волонтерской деятельности особенно в период пандемии. С другой – не снижается внимание к формированию личности как индивидуальности в творческой самореализации молодежи, в карьерных стратегиях. Исследования молодежи демонстрируют выраженный демократический тренд на расширение многообразия субъектов участия в развитии городов и их управлении. Это массовые общности, локальные городские сообщества, различные субкультурные, молодежные объединения, возникающие по разным основаниям, поводам, в разных событийных контекстах.

Целью данной статьи является анализ реализации современных тенденций в публичной молодежной политике в практиках социального участия молодежи в конкретном регионе (Свердловской области).

Методика исследования

Для оценки создаваемых в крупном российском регионе Свердловской области организационных условий для развития молодежного участия было реализовано социологическое исследование, цель которого заключалась в оценке ключевых характеристик школьного и студенческого волонтерства и выделении определенных изменений, которые произошли в добровольческой активности молодежи региона с 2017 года. Данный год имеет для развития регионального добровольчества символическое значение. Он был объявлен Губернатором Свердловской области Е.В. Куйвашевым Годом добровольчества Свердловской области. С этого периода в регионе приняты системные меры государственного содействия волонтерским инициативам населения.

Для достижения поставленной в исследовании цели дана характеристика изменениям добровольческой активности учащейся молодежи Свердловской области с 2017 по 2020 год; определены и проанализированы особенности добровольчества обучающихся в образовательных организациях общего, среднего профессионального и высшего образования; дана критическая оценка волонтерской деятельности учащейся молодежи, вовлеченной в проекты коммерческих и некоммерческих организаций, детских и молодежных общественных объединений; разработаны практические рекомендации по созданию условий для развития добровольческих (волонтерских) инициатив учащейся молодежи в Свердловской области.

Методика исследования учитывала научно-практические разработки по изучению добровольчества в Российской Федерации, а также авторские методические подходы исследовательского коллектива, апробированные в серии исследовательских проектов. При разработке инструментария исследования использованы методические решения Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ «Высшая школа экономики» (проект «Мониторинг состояния гражданского общества»); Фонда «Общественное мнение» (опрос «ФОМнибус»; проект «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации»; опрос «ТелеФОМ»).

Опрос молодежи Свердловской области в возрасте от 14 до 24 лет проводился в декабре 2020 г. методом анкетирования по стандартизированному бланку опроса. Тип выборки – квотная, объем N=1000. Выборка репрезентативная, ошибка не более 3,5 %. В ее основе четыре квоты: 1) половозрастная структура молодежи; 2) основной вид занятости: образование (в зависимости от уровня – школа, ссуз, вуз); 3) управленческий округ с учетом типа города по численности населения; 4) уровень вовлеченности в работу общественных объединений и организаций. Расчет выборочной совокупности произведен в соответствии со статистическими данными Управления федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области [14], а также данными «Стратегии молодежной политики и патриотического воспитания граждан в Свердловской области на период до 2035 года». Осуществлено сравнение данных с исследованием 2017 года, реализованного по той же методике.

Результаты исследования

Особенности волонтерской деятельности учащейся молодежи Свердловской области. Уровень идентификации с добровольчеством у учащейся молодежи Свердловской области достаточно высок: при ответе на вопрос: «Как Вы считаете, можно ли Вас назвать добровольцем (волонтером)?» 62 % опрошенных согласились с этим утверждением, 26 % – не согласились, и 12 % затруднились с ответом. Самоидентификации со статусом добровольца во многом зависит от уровня образования опрошенных: школьники и учащиеся ссузов чаще называют себя добровольцами, чем студенты вузов.

В среднем, половина опрошенных нами молодых людей занимаются добровольческой деятельностью не больше года: 39 % – менее года и 14 % –

примерно год. Чем старше представители молодежи, тем больше среди них тех, кто постоянно занимается добровольчеством: в группе 20–24 летних таких – 20 %.

Характеризуя отношение молодежи Свердловской области к волонтерству, отметим, что оно рассматривается молодыми людьми как престижный вид деятельности (индекс=2,17. *Здесь и далее индекс рассчитан как условное среднее по порядковой шкале, измеряется в границах от 1 до 5, чем ближе к единице, тем выше уровень согласия*), имеющий достаточно высокий уровень общественного признания. Он в полной мере институционализирован. По мнению молодежи, государством много делается для развития волонтерства в нашей стране (2,62), для волонтеров сегодня есть много проектов в образовательных организациях разного типа (школе, колледже, вузе) (2,32), в любом месте проживания молодежи (городе/поселке) легко найти информацию о том, где и кому нужны волонтеры (2,52).

Молодежь является самостоятельным субъектом волонтерской деятельности: она знает кому и где можно помочь, работая добровольцем (2,29), имеет позитивное отношение к волонтерству, которое сформировалось на основе реального опыта добровольчества (2,45), считает, что этот опыт необходимо совершенствовать в процессе обучения (2,70). Большая часть молодежи (64,6 %) считает волонтерство исключительно добровольной деятельностью, за которую нельзя платить деньги. К принуждению к волонтерской деятельности они относятся нейтрально.

Говоря о своем добровольческом опыте, участники исследования отмечали, что в основном их добровольческие усилия были направлены на изменения в своем городе, районе, улице или доме – так ответили 77 % опрошенных. 20 % совершали действия, которые приносили пользу своей стране, а остальные 3 % – помогали людям в других странах. Объект приложения добровольческих усилий зависит от уровня образования опрошенных: волонтеры с общим образованием чаще прилагали усилия для улучшения условий на локальной территории. Это напрямую связано с возрастом опрошенных: чем старше волонтеры, тем больше среди них людей, принимавших участие в российских волонтерских акциях или инициативах.

Молодые люди и девушки все больше настроены осуществлять добровольческую деятельность не в одиночку (изменение с 29 до 19 % соответственно), а совместно с друзьями (изменение с 38 до 44 % соответственно). К 2020 году растет роль различных не традиционных форм реализации волонтерства (с 1 до 8 % соответственно).

Потребностно-мотивационные характеристики волонтерской деятельности и их динамика. В 2017 году репертуар потребностей, реализуемых в практиках социального участия, представлял собой прежде всего желание помогать людям (44 %); улучшить жизнь в своём доме, улице, районе, городе (29 %); общение с интересными людьми (23 %); полезные знакомства (18 %); получение опыта работы (14 %) и уважения окружающих (14 %).

К 2020 году структура этих потребностей меняется. Неизменно на первом месте остается желание помогать людям (57 %), вторым становится коммуникативный мотив потребности общения с интересными людьми (50 %);

затем образовательный мотив, связанный с потребностью получения новых знаний и квалификации (47 %), а также опыта работы (44 %); на пятом и шестом местах – потребность в расширении социальных взаимодействий через установление полезных знакомств, связей (35 %) и дружеских контактов (34 %). Для третьей части молодежи интересен опыт общественно-политической деятельности (32 %), а также возможность улучшить жизнь в своём доме, улице, районе, городе (32 %). Мотивы личностного самоутверждения через обретение уважения окружающих (28 %) и потребности самореализации в любимом деле, хобби (28 %) характерны почти для каждого третьего, занимающегося волонтерством. Прагматическая мотивация получения новых перспектив для профессиональной карьеры (27 %) и расширения связей с влиятельными людьми (27 %) характерна для каждого четвертого.

Мотивация волонтерской деятельности молодежи в 2020 году отличается от 2017 года, в первую очередь, структурой мотивов. Одним из доминирующих в 2020 году становится мотив образовательный, связанный со стремлением в процессе добровольческой деятельности обрести новые знания и навыки. Такова же динамика повышения интереса к добровольческой деятельности в целом. При этом прагматические мотивы добровольчества (например, «это помогло бы мне в учебе») становятся менее значимыми. В целом меняется не только структура мотивов и роль волонтерской деятельности в жизни молодежи, но и ее связь с их жизненными планами.

Негативным трендом стало существенное сокращение тех, кто готов продолжать волонтерскую деятельность в будущем. Если в 2017 году их было 70 %, то в 2020 году только 57 %. Увеличилось число тех, кто осознанно сделал выбор ей не заниматься (изменение с 2 % до 11 % соответственно). Выросло также и число затруднившихся с ответом, они составляют третью часть молодежного сообщества. Возможно, это тот резерв, который может стать в дальнейшем источником тренда на повышение уровня включенности молодежи в добровольческую деятельность при создании благоприятных для этого условий.

Роль образовательных и добровольческих организаций в реализации социального участия молодежи

Одной из значимых характеристик социального участия молодежи является их деятельность в волонтерских отрядах, сообществах или организациях, функционирующих при образовательном учреждении. 36,5 % молодежи отмечают, что принимают участие в волонтерских проектах, организованных учебными заведениями. Третья часть респондентов знает о них, но не принимает участия в их проектах и акциях (32,0 %). Не владеет информацией каждый пятый (21,5 %). Каждый десятый уверен, что таких проектов нет. Значение образовательных организаций в формировании знаний и навыков добровольческой деятельности велико.

Отметим специфику добровольческой деятельности у лиц со средним профессиональным и общим образованием: они чаще «волонтерят» в учебных учреждениях, принимают участие в субботниках, проектах и акциях, организованных по месту учебы. Волонтеры с высшим образованием

характеризуются большим разнообразием интересов и направлений деятельности, вовлекаются в различные институциональные и неинституциональные формы волонтерской активности.

Молодежь, вовлеченная в волонтерскую деятельность от добровольческих организаций, характеризуется более устойчивыми практиками добровольчества и уделяет ему в 1,4 раза больше времени по сравнению со «стихийными» волонтерами. В период пандемии этот разрыв увеличился еще сильнее – в 1,6 раза. Постоянное участие добровольца в мероприятиях волонтерской организации, в которой он состоит, является фактором, определяющим направление его деятельности. Их волонтерская активность более разнонаправлена, она связана с экологическим, событийным волонтерством, социокультурными проектами, организованными по месту учебы, спортивными мероприятиями, организованными акциями социального волонтерства и др. Различия по предпочитаемым формам волонтерства в зависимости от пола проявляются в том, что женщины чаще принимают участие в мероприятиях, связанных с помощью нуждающимся. Мужчины в целом реже, чем женщины, вовлечены в волонтерскую деятельность, их активность не настолько разнообразна. Приоритетные направления для молодых мужчин – это экологическое и спортивное волонтерство.

Показателем ответственного отношения к волонтерской деятельности является уровень готовности молодежи к реализации разных видов социального участия. Их видовое многообразие велико. Прежде всего, это событийное волонтерство, предполагающее помощь в организации различных мероприятий для разных групп населения. Далее – это активное соучастие в городских мероприятиях по благоустройству, праздниках и социальных проектах. Спортивное волонтерство с международным участием – на третьем месте. Культурное волонтерство, связанное с организацией выставок, ярмарок, нацеленное на организацию свободного времени горожан – на четвертой позиции. Образовательное волонтерство как средство пропаганды истории и культуры города (поселка), местных сообществ – на пятой.

К сожалению, к 2020 году заметно снижение потребности молодежи заниматься волонтерством в общественных организациях (изменение с 17 до 13 % соответственно), при этом учреждения культуры, образования, здравоохранения остаются по-прежнему привлекательными для молодежи с точки зрения участия в их волонтерских проектах.

Отношение молодежи к информационной медиаструктуре волонтерства.

Далее рассмотрим проблему информированности молодежи об информационной инфраструктуре волонтерства, а именно о волонтерских медиапроектах и организациях. Характеризуя уровень информированности молодежи о молодежных организациях, которые существуют в их населенном пункте, можно отметить, что по их самооценкам он невысок. Чуть больше половины респондентов (55,6 %) отметили, что имеют какое-то представление о них.

О каких молодежных волонтерских организациях знают школьники и студенты Свердловской области? 56,7 % респондентов знают о портале «Добро», причем половина из них зарегистрированы на нем (12,6 %), либо посещали его без регистрации (14,0 %); вторая половина (30,1 %) просто что-то слышали (портал не посещали и не регистрировались). 43,3 % респондентов не слышали об этом ресурсе. Уровень информированности о данном ресурсе по 5 балльной шкале равен 3,04.

О конкурсе «Доброволец России» хорошо информированы больше половины (57,1 %) респондентов, из них 21,4 % непосредственно принимали участие в нем. 22,8 % ситуативно получали отрывочную информацию о конкурсе, а 20,1 % ничего о нем не знают. Характеризуя уровень информированности о данном конкурсе по 4 балльной шкале, мы получили средний балл равный 2,41.

26,8 % молодежи Свердловской области хорошо информированы об акциях #МыВместе. Из них 5,9 % принимали участие в них сами, 8,8 % знают о них из опыта участия их друзей и знакомых. Фрагментарную информацию об этих акциях имели 34,9 %. К группе неинформированных можно отнести 38,3 %, которые не знали о них ничего. Уровень информированности в акциях #МыВместе напрямую зависит от участия молодых людей в какой-либо волонтерской организации или добровольческом движении (37,7 % в сравнении с 20,5 % не состоящими в организациях).

Молодые люди информированы о ресурсном центре «Сила Урала» (43,0 %), из них 10,2 % имели опыт взаимодействия с ним. Больше половины респондентов ничего о нем не слышали. Можно констатировать, что молодежь региона достаточно осведомлена о медиапроектах организаций федерального и регионального уровней.

В целом, однако уровень осведомленности молодежи об информационной инфраструктуре волонтерства, проанализированный на основе самооценок респондентов, выглядит следующим образом:

- полное отсутствие информации у 70–80 % молодежи;
- частичная информация у 15–20 %;
- высокий уровень информированности имеют от 5 до 9 % респондентов;
- полная информированность на основе личного участия у 2–3 % молодежи.

Отношение молодежи к онлайн волонтерству

По результатам исследования для молодежи Свердловской области характерно повышение интереса с 2017 до 2020 гг. к волонтерской деятельности в формате онлайн. Однако рост интереса крайне незначителен: с 10 до 14 %. Он обусловлен скорее ситуацией пандемии коронавируса, переводящей различные виды волонтерской деятельности в онлайн среду. Онлайн волонтерство является одной из разновидностей добровольческой деятельности, но судя по динамике, оно пока не имеет выраженных перспектив к доминированию, занимая достаточно узкую нишу.

Организованное волонтерство – значимый фактор в повышении уровня готовности участия молодежи в любых формах социальной и гражданской

активности. Это сказывается на готовности молодых людей участвовать в социальных проектах, организованных онлайн (см. табл. 1). Среди них практически вдвое больше тех, кто состоит в каких-либо волонтерских организациях, добровольческих движениях (72,7 % в сравнении с представителями неорганизованного волонтерства – 42,6 %).

Таблица 1

Молодежь Свердловской области о готовности участвовать в социальных проектах, организованных онлайн (в зависимости от участия в волонтерских организациях и добровольческих движениях) (в % от числа ответивших)*

Готовы ли Вы участвовать в социальных проектах, организованных онлайн?	Состоит в организации	Не состоит в организации	В целом по массиву
Да	72,7	42,6	53,6
Нет	27,3	57,4	46,4
Всего	100,0	100,0	100,0

* Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,26.

В ситуации пандемии коронавируса молодежь проявляет готовность к участию в социальных проектах, организованных в онлайн среде. В среднем по совокупности принимали участие в волонтерской деятельности в условиях пандемии коронавируса 5,9 % респондентов. Наибольшая готовность заметна в возрастных группах 14–15 лет (51,2 %) и 20–24 лет (49,9 %). По самооценкам половина респондентов этих групп ориентирована на участие в волонтерской деятельности онлайн, включая и организацию социальных онлайн-проектов. Значительно меньше молодых людей проявляют такую готовность из группы 16–17 лет, поскольку в этот важный период окончания школы и адаптации в профессиональных учебных заведениях волонтерская активность может быть несколько снижена.

Некоторые выводы

Данные проведенного исследования показали, что на уровне региона (Свердловской области) динамика развития социального участия учащейся молодежи проявляется достаточно противоречиво, лишь в той или иной мере соответствуя мировым и общероссийским тенденциям в публичной молодежной политике.

Так, выявлен тренд на расширение форм и повышение разнообразия видов общественного участия молодежи. При этом данные изменения характерны в основном для студенческой молодежи, проявляющейся в прямой зависимости этой группы показателей от уровня образования.

С одной стороны, намечен позитивный тренд в потребностно-мотивационных характеристиках волонтерской деятельности учащейся молодежи в сторону повышения интереса к ней и роста мотивации образовательного характера, связанного с желанием получать новые знания,

навыки и профессиональные компетенции в процессе ее реализации. С другой – проявилась тенденция к сокращению готовности молодежи продолжать волонтерскую деятельность в будущем с 70 % в 2017 году до 57 % в 2020-м и увеличилось число тех, кто осознанно сделал выбор ей не заниматься.

Еще раз подтверждена значимая роль образовательных организаций в развитии навыков добровольческой деятельности у учащихся. Также выявлены принципиальные различия в уровне готовности к волонтерской деятельности у молодежи в зависимости от участия в волонтерских организациях и различных добровольческих движениях. Представители организованного волонтерства демонстрируют значительно больший уровень готовности по всем направлениям добровольческой деятельности. При этом для молодежи, находящейся вне организационных структур, характерна сниженная мотивация участия в добровольческой деятельности организаций в силу низкого соответствия предлагаемых организационных проектов ее потребностям и недостаточной информированности о них.

Выявлен тренд на диджитализацию социального участия учащейся молодежи и высокий уровень ее готовности к волонтерской деятельности в онлайн среде. В то же время, в практике реализации этой готовности изменения весьма незначительны.

Литература

1. Декларация Генеральной ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420355765> (дата обращения: 21.04.2022)

2. Официальный сайт ЮНЕСКО – URL: <https://en.unesco.org/youthmobile> (дата обращения: 21.04.2022).

3. *Crowley A., Moxon D.* New and innovative forms of youth participation in decision-making processes. – Council of Europe. 2017.

4. *Bárta O., Boldt G., Lavizzari A.* Meaningful youth political participation in Europe: concepts, patterns and policy implications. – Research study by Youth Partnership. Council of Europe and European Commission. – 2021.

5. Стратегия 2030. Привлечение молодых людей к ценностям Совета Европы. – Совет Европы. – 2020.

6. European Youth Foundation. Annual Report 2020. – Council of Europe. – 2021.

7. *Щелкунов М.Д., Николаева Е.М., Ефлова М.Ю., Котляр П.С.* Медиаобразование в высшей школе: особенности, перспективы, риски // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 2. – С. 208–213.

8. Resolution of the Council and of the Representatives of the Governments of the Member States meeting within the Council on the Framework for establishing a European Youth Work Agenda. – Brussels, – 2020.

9. *Подъячев К.В., Халий И.А.* Государственная молодежная политика в современной России: концепт и реалии // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2020. – № 2. – С. 263–272.

10. Меркулов П.А., Малик Е.Н., Бударина К.А. Институционализация молодежных организаций и ассоциаций современной России: проблемы и перспективы // Власть. – 2015. – № 23 (4). – С. 140–145.

11. Голобоков А.С., Авадень Е.А. Роль молодежных общественных объединений в современной России // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2017. – № 6 (2). – С. 305–307.

12. Кочнев С.В., Васильева Н.В. Участие детей и молодежи в принятии общественно значимых решений. – М.: РУТА, 2013. – 138 с.

13. Лубский А.В., Вагина В.О., Мамина Д.А. Молодежная политика и гражданские практики в молодежной среде в современной России // Гуманитарий Юга России. – 2019. – № 6. – С. 171–187.

14. Население / Управление федеральной службы Государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. – Екатеринбург. – URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/29698> (дата обращения: 21.02.2022).

МЕДИАШУМОВОЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

Полянина Алла Керимовна

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия*

*Самарский государственный университет путей сообщения,
Самара, Россия*

Аннотация. В статье поднимается проблема воздействия медиа на жизнь и здоровье современной молодёжи. Отмечается возрастание степени загрязнения окружающей социальной среды медиагизналами, неподконтрольными воспринимающему субъекту, что образует основу авторской концепции медиашума. Обосновывается научный подход к определению феноменов, связанных с медийным загрязнением

Ключевые слова: медиа, экология, информационная гигиена, информационная перегрузка, шумовая загруженность.

На волне глобального развития информационно-коммуникативных и медийных технологий, тотальной цифровизации социального пространства, актуализируется круг проблем, связанных с обеспечением охраны тех аспектов здоровья, которые связаны с реакцией человека на. Медиа в современном мире стало явлением дискретным и диахромным. Лавина сведений, данных, посылов и стимулов обрушивается на индивида независимо от его запросов на их получение, без учета возраста и готовности к расшифровке сообщения.

Речь идёт о медийном загрязнении жизненного пространства современного человека и порождаемых им нарушениях здоровья. В настоящее время перед исследователями стоит задача по выявлению рискогенных факторов влияния такого типа загрязнения окружающей социальной среды на человека. Эта задача включает поиск адаптивных стратегий, разработку

адекватного арсенала средств защиты от нежелательных и неосознаваемых воздействий медиасигнала; выработку тактики охраны границ личного информационного пространства, автономии, неприкосновенности когнитивной и эмоциональной сферы.

В широком смысле «обостряется противоречие между обществом, производящим информацию и человеком, вынужденным потреблять информацию в избыточном количестве, в количестве, которое он не может воспринять и осознать в связи с ограниченными возможностями» [1]. Медийное загрязнение соотносится с информационной перегрузкой как причина и следствие. Такой тип загрязнения может вызвать информационную перегрузку, а может и не вызвать в зависимости от объективных причин (параметры шума) и субъективных факторов (личных характеристик потребляющего субъекта) [2]. Медийное загрязнение характеризуется неосознанностью для воспринимающего субъекта, внимание которого не фокусируется в рамках определённого медиапотока, но вынуждено рассеиваться на множество пересекающихся, наслаивающихся друг на друга потоков (каскад медиастимулов), по сути, принуждающих когнитивную систему к реагированию. Например, аудиореклама в торговых центрах или других досуговых площадках, проигрывание радио в общественном транспорте, фоновая работа телевизора в домашнем пространстве.

Работа аудио- и видео сигнала в настоящее время приобрело особую проблематику в связи с массовым распространением и небывалой доступностью устройств трансляции сигнала. Например, устройства портативной акустики, смартфоны, плееры и т. п. Сегодня общество стоит перед проблемой загрязнения информационного пространства, которая восходит к экологическим проблемам, а именно к информационной экологии.

Концепция информационной экологии имеет давнюю историю и связана с теоретическими и практическими разработками зарубежных и отечественных учёных. Неблагоприятные информационные воздействия изначально рассматривались в аспекте умственного труда как профессиональная гигиена. Новые аспекты проблемы благополучия человека, спровоцированные небывалым технологическим и техническим прогрессом, заключаются в возрастании силы воздействия факторов информационной среды, в частности потока медийной информации. Их осмысление привело отечественных исследователей к выделению в 1998г. целого раздела гигиенической науки. Предложено понимание информационной гигиены как «раздела медицинской науки, изучающей закономерности влияния информации на психическое, физическое и социальное благополучие человека, его работоспособность, продолжительность жизни, общественное здоровье социума, разрабатывающий нормативы и мероприятия по оздоровлению окружающей информационной среды и оптимизации интеллектуальной деятельности» [3]. Информационная перегрузка есть причина психических и соматических информационно-зависимых заболеваний и требует скорейшего применения мер гигиенического нормирования.

В рамках информационной гигиены стало разрабатываться гигиеническое нормирование сигналов – носителей зрительной и аудиальной информации, а также пределы информационных нагрузок. В российском санитарном законодательстве определяется дозирование в отношении отдельных показателей, например, уровня звука, света, количества считываемых/вводимых знаков. Средствами профилактики выступает количественное и качественное гигиеническое нормирование производства, распространения, потребления, хранения и воспроизведения информации, а также меры совершенствования организации и оздоровления информационного пространства.

Наша попытка концептуализации проблемы шумового загрязнения, опосредованного трансляцией медиасигнала в общественных локациях, подкрепляется результатами эмпирических исследований.

На сегодняшний день гигиеническое нормирование описывает такие физические факторы, как звуковое давление, уровень звука и его допустимый предел (ПДУ), превышение которого способно вызвать значительное беспокойство и существенное изменение показателей состояния систем и анализаторов, чувствительных к шуму. Однако мощность давления акустического сигнала на воспринимающую систему (слуховой анализатор) измеряется в единицах, которые нельзя в полной мере назвать единицей измерения медиазагрязнения.

Отличие слухового анализатора от зрительного заключается в том, что восприятие звука совпадает с его моментом и поэтому исключает возможности установления полного контроля, такого контроля который возможен для зрительной информации, например, при использовании солнцезащитных очков или фокусирования взгляда (управление органами восприятия). Так, шум всегда воспринимается организмом как раздражитель. Иными словами, можно не смотреть, но не слушать нельзя. Установление субъектом восприятия барьера для проникновения аудиальной информации в сознание возможно при помощи средств индивидуализации сигнала, например, наушников, притом, что приходится жертвовать некоторыми возможностями ориентации.

Отечественные исследователи установили разность в чувствительности людей к шуму. «В натуральных и камеральных условиях выявлено, что для нечувствительных индивидов действующим уровнем авиационного шума является 95 дБА, нормально чувствительных – 85 дБА, сверхчувствительных – 65 дБА» [3]. В 2004 г. было изучено специфическое действие шума на орган слуха при использовании тональной аудиометрии и опроса. При этом учитывались шумы, создаваемые «проигрывающей аппаратурой в квартирах, автомобилях, на улицах, шумы от водопроводно-канализационного оборудования и работы лифтов в зданиях, а также шумы от теле- и радиопередач, противоугонных средств и звуков, издаваемых людьми и животными», исключая транспортные шумы. Такой комплексный учёт источников шума позволил авторам разработать новые единицы измерения «Индекс тишины» (ИТ,%) и «Коэффициент шумовой загруженности» (КШЗ,%) и рассчитать их. Отмечается, что рост коэффициента шумовой загруженности до 50 % и более свидетельствует о чрезвычайно высоком уровне звуковой

загруженности органа слуха людей. Другое исследование этих же авторов вывило зависимость оценки людьми тестовых заданий от шумовой загруженности мест проживания. Если проживающие «в тихих районах, обычную умственную нагрузку оценивали как легкое тестовое задание, а большинство проживающих в очень шумных районах, эту стандартную умственную нагрузку оценивали как тяжелое тестовое испытание, т. е. давали этой нагрузке неадекватную оценку» [4].

Наши ранние исследования установили локации наибольшего зашумления медийными сигналами, то есть пространства, где человек более всего подвержен влиянию вынужденного прослушивания аудиопродукции, транслируемой извне, из источника ему неподконтрольного. Первой из таких локаций является общественный транспорт, его кв качестве места и ситуации вынужденного медиапотребления назвали 55 % респондентов, участвовавших в опросе учащихся отделений среднего профессионального образования при Вузах Нижнего Новгород. Объем выборки составил 1675 человек в возрасте от 14 до 22 лет. Срок исследований апрель – май 2021 года. На втором месте значатся домашнее пространство (25,3 %) и на третьем – торговые центры и другие общественные пространства (13 %). Также выявлено, что время нахождения в ситуации вынужденного потребления, инициированного извне медиасигнала составляет для пятой части опрошенных более четырёх часов ежедневно. Нами впервые был описан и концептуализирован данный тип зашумления, который был назван медиазашумление. Медиазашумление определяется нами как загрязнение окружающей информационной среды сигналами медиа – медиашумом. Медиашум характеризуется фоновой трансляцией аудиосигналов медийного происхождения, которая неподконтрольна воспринимающему субъекту, в результате чего автоматически активизируются сенсорные и энергетические системы организма и создаётся угроза информационного стресса [5].

Фоновое проигрывание медиасигнала в общественных локациях актуализирует проблему предела пропускной способности когнитивных систем обработки информационного сигнала. Наибольшее негативное влияние медиашум оказывает на детей и молодёжь, как социальную группу, не обладающую по объективным причинам властью над источником медиасигнала – транслирующим устройством, например, когда они являются пассажирами в транспорте.

Массовая доступность средств воспроизведения медиасигнала каждому человеку, вне зависимости от возраста вместе с устоявшимися стереотипами безвредности музыкального фона для многих (если не всех) практик создают особые риски в отношении здоровья и благополучия населения. Принуждение органов слуха человека к реагированию на аудиосигналы вызывает информационный стресс, поскольку «запускает» эмоциональную активацию нервной системы, усложняет и угнетает актуальную (релевантную) деятельность как внешний раздражитель. Привычность и обыденность фоновой работы устройств трансляции медиасигнала формирует социальный паттерн потребления медиашума и доводит проблему соблюдения тишины в общественных местах до уровня экологической.

Таким образом, проблемы обеспечения благоприятной информационной среды в пространстве общественного транспорта обуславливают решение ряда задач социального контроля по установлению условий действия неформальных или формальных (государственно-правовых) средств воздействия, а также научных разработок ПДУ медиашума в общественном транспорте и субъектного состава управленческого компонента.

Решение поставленных задач исследования по концептуальному описанию проблемы медийного загрязнения жизненного пространства современной молодёжи связано с появлением в общественно-политическом и правовом пространстве значимой области общественных отношений, требующей регулирования с использованием средств формального и неформального контроля.

Гиперстимуляция воспринимающей информационные сигналы системы совместно с неподконтрольностью источника сигнала – устройства трансляции становится экологической проблемой и требует не только общественного обсуждения, но и государственного регулирования. Экологизация информационной среды развития детей и молодёжи требует оценки и профилактики негативных воздействий медиашума и установлению контроля над факторами медиашумового загрязнения как общественных мест, так иных локаций, включая домашнее пространство и семейную среду.

Литература

1. *Еляков А.Д.* Информационная перегрузка людей // Социологические исследования. – № 5. – 2005. – С. 114–121.
2. *Полянина А.К., Андреева Ю.В.* Информационный шум в пространстве развития ребёнка: концептуальное обоснование. Коммуникология. – 2019. – Т. 7. – № 2. – С. 109–121.
3. *Еремин А.Л.* Информационная экология// Международный журнал Экологические исследования. – 1998. – Т. 54. – С. 241–253.
4. *Некипелова О.О., Некипелов М.Н., Шишелова Т.И.* Срочная адаптация к шуму и ее влияние на интеллектуальную работоспособность человека// Современные наукоемкие технологии. – 2005. – № 2. – С. 27–28.
5. *Полянина А.К.* Управление информационной безопасностью детей: теория и практика // Н. Новгород: Нижний Новгород: изд-во ННГУ, 2021. – 285 с. – ISBN 978-5-91327-693-4.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СООБЩЕСТВА СКЕЙТБОРДИСТОВ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ПРОСТРАНСТВОМ ГОРОДА

Султанова Камиля Ильшатовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Среди уличных видов спорта особенно выделяется скейтбординг, его исследуют как молодежную культуру, субкультуру, физический спорт. В статье предпринимается попытка использования теории

«сцен» к объяснению существования скейтбординга на улицах города. На примере скейтборд-сцены Казани в статье описаны основные пути взаимодействия с пространством города – начиная от низовых инициатив в постройке скейтпарков и заканчивая участием в строительстве крупнейшего в России крытого скейтпарка «Урам». Ключевая идея исследования – использование подхода «сцены» для понимания трансформирования городских уличных культур на примере скейтборд-сцены Казани.

Ключевые слова: молодежь, молодежные субкультуры, скейтбординг, сцены, городское пространство.

Олимпийские игры 2021 года, стали первыми, куда официально включили новый вид спорта – скейтбординг [1]. Этот экстремальный вид спорта получает все большее распространение во многих странах мира, в том числе и в России. Однако, скейтбординг – это не только физическая практика, но определенная культура, связанная ценностями, модой и особенностями взаимодействия с пространством городов. Скейтбординг, изначально связанный с идеями свободы, и противопоставления себя правилам, отсутствием тренеров и иерархии сегодня все больше институционализируется, превращается как в массовый, так и в профессиональный спорт. Все эти изменения вызывают и трансформацию сообществ скейтбордистов – часть скейтеров видит в этом новые возможности для развития, другие нарушение ключевых принципов скейтбординга как особой субкультуры. При этом важно так же, что скейтбординг – это часть уличной культуры. Катание на доске предполагает взаимодействие с городом, пространством, жителями, даже администрацией города.

По мнению одного из известных скейтбордистов России – К. Кабанова, скейтбординг сейчас находится в состоянии прогресса [2]. Это высказывание наилучшим образом описывает нынешнее положение скейтбординга в России. После своего упадка в 2009-2010 годах, этому уличному виду спорта понадобилось немало времени, чтобы вновь завоевать внимание молодежи. Сейчас в городах России строятся оборудованные скейт-парки для развития райдерами своих навыков для участия в международных конкурсах и соревнованиях, расширяются возможности и на любительском уровне.

Скейтбординг, изначально зародившийся на улице и провозглашавших идеологию «Skate and destroy» – «Катай и разрушай», сейчас претерпевает ряд изменений в ходе институционализации – появлений федераций, наличия официальных сборных и государственного финансирования. Это справедливо и для Казани – в городе как создан один из крупнейших скейтпарков России «Урам» [3].

Несмотря на появление обустроенных под скейтбордистов площадок в крупных и не только городах, райдеры не ушли с улиц, их все так же можно встретить у известных спотов города (элементов городского ландшафта, переосмысленных как места для катания). Социологический взгляд на скейтбординг как субкультуру, а скейтбордистов, как сообщество, которое одновременно и формируется городской средой, и конструирует эту среду через

взаимодействие с пространством города, его жителями и администрацией – актуальный кейс для исследования того, как происходит использования своего «права на город».

Несмотря на очевидную популярность скейтбординга в современной России в отечественной социологии слабо исследована эта молодежная культура в рамках двух отраслей социологии – социологии молодежи и социологии городского пространства и могли бы дополнить опыт исследования молодежных видов спорта и городских субкультур. Исследованием скейтбординга, как части современной культуры молодежи, занимаются ряд современных исследователей [4, 5]. В большей степени скейтбординг исследован с точки зрения экстремальных видов спорта и физической культуры [6]. В подобных статьях особое внимание уделяется истории появления скейтбординга, а также аспектам включения этого спорта в Олимпийские игры и информации о нем. Однако, подобная работа не отражает аспекты функционирования скейтбординга в городе. Подобных работ в академической среде немного, но даже они не в полной мере отражают культуру скейтбординга, без внимания остаются члены скейтбордистского сообщества, их мнение о культуре скейтбординга, его функционировании в рамках города.

Основной вопрос статьи – как сообщество скейтбордистов взаимодействует с пространством города? В статье рассматривается, как скейтбордисты, используя свои навыки прочтения пространства города, переопределяют смыслы, вкладываемые в традиционное использование городской среды, а также в ходе каких практик выстраивается их коммуникация с другими участниками городского пространства.

Этап сбора эмпирических данных начался в июле 2021 г. и продолжался до марта 2022 г. Эмпирическая база составляет 5 интервью с участниками казанской скейтборд-сцены. Гендерный состав выборки – 3 скейтбордистов и 2 скейтбордистки в возрасте от 18 до 31 лет и «стажем» в скейтбординге от 1,5 до 21 лет. В исследовании также использованы дневниковые записи трех полувключенных наблюдений.

Концепт «сцен», предложенный Е.Л. Омельченко и С.И. Поляковым [7], позволяет изучать современные молодежные культуры с точки зрения описания тех мест, которые молодежь выбирает и закрепляет за собой в городском пространстве. Обращение к понятию сцены связано с желанием выйти из дискуссионных субкультурного и постсубкультурного подходов на тему молодежных объединений, а также желания реализовать потенциал сцены, как концепта, объясняющего групповые практики молодежи в городском пространстве. Основная идея концепта молодежных сцен заключается в том, что практики молодежи, постоянно формирующиеся в городе, отвоевывают себе определенные места. То есть появляются места, где эти группы молодых людей собираются постоянно, регулярно, эти места они выбирают сами и наделяют их определенными смыслами. В любом городе можно найти место, где собирается некоторая часть представителей молодежи этого города, это могут быть и молодежные субкультуры. В ходе исследований социологов,

журналистов, маркетологов, стать всеобщим, доступным всем жителям города без исключения. Таким образом, «сцена» из не открытого для глаз городского жителя места превращается в некоторое место, доступное для всех, публичным пространством для коммуникации.

Скейтбординг, будучи, экстремальным уличным видом спорта подразумевает исполнения различных трюков на деревянной доске с колесами. Кататься на скейтборде не так просто, как может показаться на первый взгляд – райдер никак не прикреплен к доске, нет определенных правил в выполнении трюков, точно так же, как и нет правил катания в целом, если, конечно, не брать во внимание соревнования.

Истоки развития скейтбординга крайне важны при проведении исследования – их изучение позволяет углубиться в понимание этой культуры, как уличного спорта, который зародился в городе и развивался за счет того, что имелось «на пути» у райдера. История возникновения скейтбординга предположительно началась в Калифорнии в 1940-х и непосредственно была связана с серферами, которые решили прикреплять к доскам колесики по причине того, что им было нелегко тащить тяжелые доски для серфинга до пляжа. Распространение нового вида экстремального спорта стало возможно благодаря появлению незамысловатых досок с колесами на прилавках различных тематических магазинов, активному упоминанию на телевидении и различных шоу.

Теперь, перейдем к изучению развития скейтбординга в СССР. Ввиду наличия дефицита на многие товары, и отсутствия импортных товаров, а скейтборд входил именно в эту категорию товаров, первые скейтборды привозились советскими людьми из поездок за границу. Поэтому в советских журналах в 1970-х начали публиковаться чертежи по изготовлению всех составных частей скейтборда, затем доски начали выпускаться массово, их производством занялись крупные предприятия. Во многих городах СССР открывались и секции, и клубы, центром скейтбординга считался Саратов, в этом городе даже выпускался журнал о скейтбординге, а кроме того, проводились соревнования между саратовцами и всеми приезжими скейтбордистами.

Современный российский скейтбординг начал возрождаться в конце 90-х годов, когда появились первые специализированные магазины, начали проводиться контесты и приезжать мировые профессиональные команды.

Возвращаясь к образу скейтбордиста в массовой культуре, стоит напомнить, что в 2000-е годы внимание аудитории занимали музыкальные клипы, как раз в них и можно было встретить образ скейтбордиста, иногда даже сами звезды эстрады катались на доске. Децл, Тимати – это лишь часть тех, кто был кумиром молодежи в 2000-е годы, парни катались на доске и в жизни, и по телевизору, конечно, такая поддержка развития скейтбординга способствовала укреплению образа неформального скейлера с деструктивным поведением.

Возникнув случайно, скейтбординг стал одним из узнаваемых субкультур в настоящее время. Отнести его к субкультуре позволяет несколько факторов. Во-первых, это специфический стиль в одежде, не похожий на другие стили,

отличающийся от одежды большинства. Если взглянуть на сообщество скейтеров, то можно заметить, что их отличает мешковатая, свободная одежда – футболки и худи без или с минималистичным принтом; широкие, не сковывающие движения, брюки; кепка или шапка. Индустрия моды сильно повлияла на популяризацию скейтбординга, потому как все чаще на полках популярных магазинов можно было встретить коллаборации со скейт-брендами или отдельными скейтбордистами. Во-вторых, это особая лексика, которой пользуются и понимают лишь представители скейтерского сообщества и те, кто является частью скейт-сцены. Часть этого скейтерского сленга состоит из названий трюков, либо способов его выполнения, обозначения тех, кто стоит на доске, описания самой доски, а также тех мест, где встречаются скейтеры. В-третьих, это совместные практики представителей сообщества (например, совместное времяпрепровождение за катанием на доске, обсуждение новых трюков, совместный просмотр или съемка трюков на видео). Обычно совместные практики представителей скейт-сообщества происходят на одних и тех же местах, так по молчаливой договоренности за скейтерами закрепляются определенные места, это могут быть парки, улицы, скверы, даже кафе. Таким образом, само городское пространство является значимой частью этой субкультуры.

Скейтбординг в Казани долгое время, до появления первых скейтпарков, держался на желании молодежи кататься на тех площадках – спотах, которые уже имелись в городе. Спот обыкновенно представляет собой определенное препятствие, при помощи него скейтбордист делает различные трюки, в рамках города – это бордюры, лестницы, парапеты, перила. Здесь все зависит от изобретательности скейлера, от того, как он может взаимодействовать с пространством, переосмысливать смыслы, вложенные в конструкцию.

Институционализация скейтбординга в Казани происходила вовсе не так, как этот же процесс происходил в Москве, например, это связано с тем, что скейтеры из Казани всегда оставались в стороне, они мало снимали видео в социальные сети, не устраивали своих соревнований, было мало тех, кто был готов развивать скейтбординг. *«В Казани долгое время не было культуры скейтбординга, про Казань никто ничего не знал, ребята мало что делали» (Информант 5).*

Все информанты, поучаствовавшие в исследовании, переехали в Казань до появления здесь экстрим-парка «Урам», значит их привлекло именно пространство города, те самые улицы, которые упомянул один из опрошенных: *«переехал учиться, поступил в институт, так как Казань привлекла именно местами для катания, то есть это не совсем скейт парки, это улицы» (Информант 4).*

Среди скейтбордистов существует шутка о том, что благодаря Ленину в России развился скейтбординг, а все потому, что почти в каждом городе России есть памятник В.И. Ленину, как правило, около таких памятников есть гранитные плиты, которые служат хорошим покрытием, а еще ступеньки, с помощью которых можно делать трюки. Такие памятники использовались и используются скейтбордистами до сих пор.

Рассматривая Казань, можно выделить несколько основных спотов в городе, которые не были построены для скейтбордистов, но в ходе формирования скейт-сцены стали «своими» местами: ПГ – Парк Горького (спот у стелы, вечного огня), находится на ул. Н. Ершова, спот ценится райдерами за хорошее покрытие, наличие ступеней; Парк Победы, находится на пр. Ямашева, есть небольшая лестница, различные грани; Петербургская, перед ТЦ Республика, есть скользящие элементы; НКЦ, перед Национальной библиотекой РТ, ул. Пушкина, 86, есть лестница, хорошее покрытие; Кремль, сквер Асгата Галимзянова, площадь Тысячелетия, ценится за наличие парапетов (невысокая ограда). Это все открытые городские споты, все они располагаются в местах, где всегда можно встретить жителей и гостей города.

Обозначая свое право на город, захватывая городское пространство, скейтбордисты неизменно сталкиваются либо с жителями города, либо с охраной, если они находятся на территории частной собственности. В средствах массовой информации активно распространяется образ скейтера-вандала, уходящего от ответственности, однако информанты высказывают мнение, что порой они готовы возместить ущерб, который был нанесен во время катания: «Это постоянно на грани, на грани какого-то конфликта: кто-то разрешает, кто-то нет, кто-то говорит, что типо: «а ты че это красить будешь?», ну как бы если попросить нормально, то могу и закрасить следы от скейта.» (Информант 4).

Кроме охраны скейтбордисты также сталкиваются с горожанами, которые осуждают использование улиц города для катания: «То есть если у нас едешь на скейте там сразу на улице целая паника – кто там дребезжит на тележке на своей едет?» (Информант 4); «Вообще много подходят людей, у которых «активная гражданская позиция», которые хотят защищать все вокруг, такие люди подходят.» (Информант 5).

Скейтеры Казани замечают, что недовольных граждан больше, чем тех, кто поддерживает их, потому как горожане не всегда бывают готовыми к символическому захвату территории скейлерами. Обыкновенно, замечают райдеры, на них устремлено больше всего взглядов, когда они делают трюки на камеру, снимают дорожку трюков в городе, потому как для людей это выглядит как представление, где скейтбордисты – это актеры, выполняющие определенные действия, сценой служит город, а декорациями – улица, ее определенный участок, конечно, зрителями в этом случае будут собравшиеся горожане.

Несмотря на то сопротивление, которое скейтеры встречают в чертах города – и со стороны горожан, и со стороны стражей порядка, скейт-сообщество не отказывается и планирует отказываться от катания на улицах города, потому как это естественная среда для развития скейтбординга.

Катание на скейте – очень грациозное и сложное занятие, для того чтобы сделать трюк надо много часов упорной тренировки, для того чтобы сделать трюк еще и красиво – надо много дней, а может и месяцев, если это серия трюков. Скейтбординг – это красиво, один из информантов сравнил его с танцем, дорожка трюков точно так же, как и танец, состоит из движений –

отдельных трюков, скольжений, прыжков. Сложно выстроенные дорожки трюков скейтеры показывают не только на соревнованиях, они также используют популярные социальные сети для продвижения себя в сфере. Кроме потенциальных спонсоров, на медийных площадках есть еще и другие пользователи, которым необычно увидеть летающих в воздухе райдеров на досках. Выходит, что скейт-сцена предполагает, а также дает возможность показать себя окружающим и быть ими увиденным.

Иной способ закрепления места за скейтборд сценой – официальный, это государственные и частные скейтпарки. В Казани история открытия скейтпарков началась в декабре 2014, когда открылся парк “Skillup”, в начале парк вызвал большой интерес среди скейтеров, однако долго скейтпарк не просуществовал, из-за ослабления интереса к парку, он закрылся. Спустя год, в январе 2015 года, в Казани открывается второй крытый скейтпарк, в нем могли кататься и скейтеры, и ВМХ-еры, он закрылся спустя год за невыплату аренды. После этих парков в Казани было еще два крытых скейтпарков, они также открывались по инициативе частных лиц, в их строительстве местные власти участия не принимали.

Один из опрошенных скейтбордистов сам открывал парк “SkateRoom”, 15 декабря 2019 парк открылся на территории фабрики Алафузова, аренду ребята платили со средств, которые скейтеры платили за вход, как признается информант, он очень благодарен собственнику помещения, потому как тот был за идею и крайне помогал скейтбордисту.

Анализируя все крытые скейтпарки, существовавшие в Казани, прослеживается печальная тенденция – все парки существуют чуть более или чуть менее года. Информанты делали акцент на том, что это довольно дорогая затея, и для полноценного функционирования подобных негосударственных парков необходимы вложения со стороны инвесторов, а в России такое случается редко.

История парка «Урам» началась с инициативы благоустроить территорию под мостом «Миллениум». При поддержке президента Республики Татарстан создание экстрим-парка стало одним из звеньев в концепции развития территории возле реки Казанки.

При создании парка учитывалось, что в него будут приходить люди из разных социальных группы и цели у них так же будут разными. Ввиду желания избежать конфликты в парке – создатели предпочли разделить парк на части так, чтобы все могли достичь своей цели, не мешая друг другу. Конечно, парк при этом остался местом, где может и где происходит диалог между теми, кто приходит заниматься в парк любимым делом и теми, кто пришел посмотреть на новое для Казани место.

Крытая часть «Урам» парка открылась в ноября 2021, при этом открытая часть была открыта еще в июне 2020, за год до этого. Новое пространство для Казани расширило предоставленные ранее парком возможности – теперь кататься можно будет и зимой, и летом, а кроме того – проводить соревнования в любое время года. Новая часть парка предполагалась как место, где

объединялись бы профессиональные спортсмены, урбан-сообщества и заинтересованные горожане.

При строительстве парка учитывалось мнение представителей скейтерского сообщества города, однако ввиду немногочисленности представителей сообщества «на верхах» (Информант 4) и недостаточности силы мнение представителей сообщества было услышано лишь частично.

Опрошенные скейтбордисты катались на территории крытого и открытого экстрим-парка «Урам», однако их мнение по поводу парка и его оснащения совершенно разное. Мнения разделились на: парк отлично оснащен и в парке недостаток некоторых важных фигур. *«Я все равно отдаю предпочтение парку, потому что есть больше возможностей в одном месте...»* (Информант 2).

Этот же информант говорит о том, что катаясь лишь на улице, он не смог бы научиться тому, что умеет сейчас (информант занимается в экстрим-парке «Урам» индивидуально с тренером), именно поэтому он отдает предпочтение парку, и о недостатке фигур он не упоминает.

Информант № 2 хотя и катается и на улице (в стриту), и в парке, все же останавливает свой выбор на катание в городе, по улицам, и рядом с достопримечательностями Казани. Свой выбор информант обосновывает тем, что те эмоции, которые он получает во время катания на улице отличается от тех, что он может получить в парке: *«все-таки в стриту кататься намного круче, как по-моему мнению, там другая атмосфера, вообще другие ощущения, другие эмоции от поставленного трюка, там можно всегда поснимать крутые видосы, ну и все-таки я больше насыщаюсь этим, чем катанием в парке»* (Информант 3).

Выходит, что мнение насчет парка среди скейтбордистов диаметрально противоположно, однако это не мешает им коммуницировать друг с другом и кататься в парке вместе, они все же рады существованию подобной площадки в городе. Заметим, что скейт-сцена формируется не только за счет мест в городе, все встречаются участники сообщества, но и за счет коммуникации внутри сообщества, за счет формируемой в ходе повседневных практик внутрigrупповой солидарности.

Скейт-сцена, как это присуще сценам в целом, определенным образом социализирует своих участников, дает им новые возможности развития, даже вне этой сцены, а кроме того, прививает им групповые моральные принципы. Это замечали и сами участники скейт-сцены во время наших бесед – *«скейтбординг сделал меня вообще другим человеком, что я благодарен тому, что они стоят на доске. И считаю это хобби, которое переросло в такое увлечение, без которого я жить не смогу»* (Информант 3).

Также одним из скейтбордистов было замечено, что скейтбординг является некоторым социальным лифтом, благодаря нахождению информанта на скейт-сцене он обрел занятие, которым он может зарабатывать деньги, а все благодаря людям, с которым он познакомился во время катания в парках, участия в соревнованиях и других мероприятиях.

Современная скейт-сцена Казани представляет собой смесь официально закрепленных за сообществом мест в пространстве города, это могут быть государственные и частные скейтпарки, а также символических, неофициальных мест, городских спотах, представляющие собой локации, которые стали знаковым для сообщества, вложившего в него свои смыслы.

Особенностью рассмотренной в ходе исследования скейт-сцены в городе Казань являлось наличие большого количества городских уличных спотов, пользующихся популярностью на протяжении долгого времени, а также энтузиазм некоторых представителей сцены, которые порой самостоятельно выстраивали скейтпарки. Значимым социальным магнитом, как для представителей сцены, так и жителей города стало появление экстрим-парка «Урам», который смог установить контакт между городом и сообществом.

Кроме вышеупомянутой уникальности скейт-сцены города стало и то, что в ходе проведения исследования представители сцены выступают за творческую составляющую скейтбординга, за умение переопределять вложенные в пространство города смыслы.

Безопасным пространством для катания в Казани становятся парки, которые являются либо результатом низовых инициатив, либо инициативой со стороны местных властей.

Информантами были высказаны следующие возможности, которые они ценят в скейтбординге: свобода и физическая, и моральная; разнообразие и творческий подход в исполнении трюков; возможность общаться с единомышленниками и приобретать новые социальные контакты, даже в других городах и странах; информанты также подмечали, что скейтбординг влиял на становление их личности. Скейтбординг для казанских скейтеров является чем-то, что они выбрали сами и не желают от него отказываться, хотя и понимают, что порой вложений в него намного больше, чем отдачи.

Городское пространство Казани не создавалось с учетом потребностей представителей уличных видов спорта, в частности скейтбордистов, однако за счет того, что сообщество скейтбордистов понимает наличие права на город и активно использует его, переопределяя смыслы, вложенные в архитектуру города, а город трансформируется и чаще всего это происходит с учетом интересов скейт-сцены. Так, в городе строятся крытые и открытые скейтпарки, проводятся мастер-классы по скейтбордингу для начинающих и продолжающих, открываются возможности для развития своих навыков в ходе проведения соревнований на городских площадках.

Литература

1. Официальный сайт «Олимпийский комитет России». – URL: <https://olympic.ru/team/sport/summer/skejtboarding/> (дата обращения: 24.03.2022).
2. Новостной ресурс «Чемпионат.com». – URL: <https://www.championat.com/lifestyle/article-4415447-skejtboarding-na-olimpiade-kogda-skejtboarding-stal-olimpijskim-vidom-sporta.html> (дата обращения: 03.12.2021).
3. Официальный сайт «Программа развития общественных пространств Республики Татарстан». – URL: http://park.tatar/park_uram (дата обращения 28.03.2022).

4. Уколов В.А., Мусина С.В. Молодёжная культура – скейтбординг // Международный студенческий научный вестник. – 2015. – № 5-3. – С. 465.

5. Пьянков Д.В. Скейтбординг как новое культурное явление: история становления сообщества скейтбордистов в Перми и Пермском крае // Мир науки и искусства: сборник статей по материалам Региональной научно-практической конференции студентов, аспирантов, учащихся и молодых ученых, Пермь, 27 февраля 2021 года. – 2021. – С. 102–108.

6. Сими́на Д.В., Вуколов А. Скейтбординг как новый олимпийский вид спорта // Актуальные проблемы, современные тенденции развития физической культуры и спорта с учетом реализации национальных проектов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 19–20 мая 2020 года. – 2020. – С. 757–762.

7. Омельченко Е.Л., Поляков И.С. Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ // Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности: коллект. моногр. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – С. 92–110.

БЛОГИНГ КАК СРЕДСТВО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И САМОВЫРАЖЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Хабибрахманова Диляра Рустемовна

*Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А.Н. Туполева, Казань, Россия*

Аннотация. Современный этап развития молодежи неоднозначен. С одной стороны, молодежь характеризуется самостоятельностью, мобильностью, высокой ответственностью за свою судьбу и действия. С другой стороны, молодым людям присущ низкий уровень заинтересованности в социальных проектах, в сферах политики, культурологии, истории, а также снижение интереса к образованию.

В данной статье затронута тема взаимосвязи молодежи с блогсферой. Исследуя популярные направления взаимодействия средств массовой коммуникации и молодежи можно выявить, что предпочтение молодых людей отдается блогингу.

На сегодняшний день интернет-блог является привлекательной средой для саморазвития молодежи, здесь можно найти единомышленников со схожими интересами, взглядами, творчеством. Эта платформа служит большим гарантом возможностей, свободе слова и действий при минимальной цензуре.

Все эти факторы привлекают молодежь. Благодаря этому, численность блогинга стремительно возросла за последние годы. Если мы рассмотрим политику входа на блог платформу, то она сильно упрощена, по сравнению с другими сферами социальной жизни.

В статье дается динамика резюме в России, также мы опирались на показатели ВЦИОМ и выявили сколько времени в сутки молодежь тратит на интернет. При написании статьи мы провели опрос среди респондентов

в возрасте 15–20 лет и выявили причины популяризации блогинга среди молодежи.

Интернет-блог занимает важное место в повседневной жизни молодежи, а также служит источником коммуникации. Блог служит одним из основных каналов трансляции информации и жизненных ценностей у молодежи.

Таким образом, исходя из анализа, мы раскрыли проблему блогинга среди молодежи. Выявили предпочтения в выборе профессии у молодого поколения. Выяснили основные мотивы популяризации блогсферы. А также узнали причины выбора блога, как дальнейшее развитие личности.

Ключевые слова: блог, молодежь, карьера, блогинг, образование, карьера, интернет, социальные сети, поколение, выбор.

Современный этап развития молодежи неоднозначен. С одной стороны, молодежь характеризуется самостоятельностью, мобильностью, высокой ответственностью за свою судьбу и действия. В то же время молодежь отличается самостоятельностью в выборе направлений деятельности, карьеры, а также максимализмом в действиях.

С другой стороны, молодым людям присущ низкий уровень заинтересованности в социальных проектах, в сферах политики, культурологии, истории, а также снижение интереса к образованию. В силу объективных причин молодежь характеризуется как поколение целостно не сформированное, ищущее ценностные ориентиры, проходящее путь становления личности.

В век информатизации основным локомотивом, влияющим на интересы молодежи, является сеть интернет. Интернет, как новое средство социальной коммуникации, меняет образ жизни многих людей. Особенно под влиянием оказывается молодежь, которая находится на этапе становления. Молодые люди, при выборе дальнейших жизненных ориентиров, поглощают новую информацию в секунды.

По данным всемирной статистики, средства массовой коммуникации, в частности интернет, занимает у молодежи около 50 % свободного времени [5].

Как правило, молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет тратят на социальные сети и мессенджеры более трех часов в день. Об этом свидетельствует обзор ВЦИОМ, результаты которого были опубликованы 23 сентября 2021.

Согласно данным исследований, 74 % учащихся довузовских и вузовских образовательных учреждений в свободное предпочитают сидеть в интернете [1].

Исследуя популярные направления взаимодействия средств массовой коммуникации и молодежи можно выявить, что предпочтение молодых людей отдается блогингу.

Блог – сетевой журнал, который ведется на веб-сайте, основное содержимое, которого – это регулярно добавляемые записи, изображения или мультимедиа. Блог может вестись одним (личный блог) или несколькими (сообщество) пользователями. Сообщество в блогах разделяются по сюжету контента. Личный блог отличается от сообщества тем, что содержимое в нем

транслируется только одним пользователем. Автор в индивидуальном порядке делится своим опытом, идеями, публикует различный контент [4].

Слово «блогосфера», было придумано публицистом Брэдом Грэхэмом 10 сентября 1999 года, и транслировалось им в виде шутки. Как термин оно вошло в оборот спустя три года.

Интернет-блог является привлекательной средой для саморазвития молодежи, здесь можно найти единомышленников со схожими интересами, взглядами, творчеством. Если сравнить источник массовой коммуникации, как радио, телевидение и блог, то последнее явно дает большую свободу для молодого поколения. Эта платформа служит большим гарантом возможностей, свободе слова и действий при минимальной цензуре.

Все эти факторы привлекают молодежь. Благодаря этому, численность блогинга стремительно возросла за последние годы. Если рассмотреть политику входа на блог платформу, то она сильно упрощена, по сравнению со сферами образования, экономики, политики, здравоохранения и т. п.

Возьмем динамику резюме, который приводит популярный сервис по поиску работы в России HeadHunter (см. рис. 1). В феврале 2020 года доля подачи резюме среди молодых специалистов минимальна [8].

Рис. 1. Динамика резюме в России

Это свидетельствует о том, что молодежь выбирает профессии без работодателей и найма, а ищет себя во фрилансе. *Фриланс* – это удалённый способ заработка без трудоустройства в штат [2].

В фриланс сферу также входит введение блога. Блогосфера привлекает молодых людей открытым доступом к самовыражению, ощущением свободы высказывания, раскрытием талантов. С точки зрения демографии, с каждым годом происходит прирост населения, активного в сети. С каждым поколением количество времени, проведенного в социальных сетях стремительно увеличивается.

По данным исследовательского холдинга Ромир, 45 % пользователей ВКонтакте посещают его ежедневно, 70 % – чаще одного раза в день. Каждый

третий участник ВКонтакте тратит на одно посещение более получаса своего времени. Это говорит о том, что посещение социальной сети ВКонтакте является ежедневной формой досуга [9].

Анализируя жизнь современной молодежи, можно отметить, что среди молодого поколения растет культ популярности или медийность личности. Медийность – упоминаемость кого-либо или чего-либо в средствах массовой информации, известность личности благодаря освещению его в медиа структурах.

Время в современных реалиях ценно для каждого человека. Молодежь на этапе становления проходит такие стадии как, выбор профессии, карьеры, раскрытие в себе творческого потенциала, определение своего жизненного пути. И каждый хочет максимально эффективно, затратив наименьшее количество времени, добиться результатов. Поэтому мы можем видеть, как молодое поколение, избегая образование в ВУЗе, строит карьеру. Искренне веря в то, что блогосфера дает открытые возможности для самореализации с минимальными барьерами для входа, молодые люди видят перспективу и привлекательность данной отрасли.

В ходе изучения проблемы нами был проведен опрос среди респондентов в возрасте 15–20 лет. Опрос проводился методом свободного интервью, предполагающим общение интервьюера и опрашиваемого без какой-либо строгой детализации вопросов. Каждый второй опрошенный видит блогосферу привлекательной с точки зрения перспективы развития. На вопрос: «Чем вы хотели бы заниматься в будущем?», 40 % выбрали медиасферу (в частности интернет и соцсети), 20 % захотели реализовываться в сфере продаж, 15 % выбрали сферу недвижимости, 10 % видят перспективу в области медицины, 10 % хотят двигаться в направлении туризма и 5 % выбирают сферу образования, как дальнейшую перспективу развития. Из интервью мы выявили причины популярности блогинга среди молодого поколения. Наиболее выбираемым ответом стал минимальный порог входа в отрасль, вторым по популярности ответом является самовыражение и возможность раскрытия талантов через блог. С помощью свободного интервью, мы выяснили, что в среднем в сутки молодежь проводит в интернете 60 % свободного времени, из них 40 % уделяется просмотру контента популярных блогеров.

Благодаря опросу мы выявили популяризацию блогинга среди молодежи. Интернет-блог занимает важное место в повседневной жизни молодежи, а также служит источником коммуникации. Блог требует некоторых навыков от пользователя: умения грамотно излагать свои мысли, использовать специфические функции оформления поста, а также работать с аудио-, видео- и графическим материалом.

В настоящее время в большей степени проявляется воздействие на общество через блоги в социальных сетях. По данным Skillfactory на октябрь 2021 года количество пользователей социальных сетей достигает 4,55 млрд человек – почти на 10 % больше, чем в 2020 году. Это больше половины населения мира (57,6 %). В исследовании Hootsuite и We are Social наиболее популярной социальной сетью в России в 2021 году являлись YouTube (на него

заходило 85,4 % пользователей интернета в нашей стране). На втором месте находится ВКонтакте (78 %), далее идут WhatsApp (75,8 %), Инстаграм (61,2 %) (в настоящее время заблокирован в России), Одноклассники (47,1 %) и Viber (42,5 %). Фейсбук использовало 38,9 % пользователей (в настоящее время также заблокирован в России), TikTok – 30,3 %, Telegram – 24,4 % [3].

Блог служит одним из основных каналов трансляции информации и жизненных ценностей у молодежи. Так как молодое поколение зачастую находится в поиске себя, своего предназначения, для нее характерно критическое отношение к устоявшимся принципам общества, определяющие образовательную, политическую, экономическую и социальную сферы жизни. Молодежь всегда находится на пути выбора и за неимением жизненного опыта, как правило, останавливается на том, что кажется ему более приемлемым в сложившейся ситуации.

Таким образом, исходя из анализа, мы раскрыли проблему блогинга среди молодежи. Выявили предпочтения в выборе профессии у молодого поколения. Выяснили основные мотивы популяризации блогсферы. А также узнали причины выбора блога, как дальнейшее развитие личности.

Литература

1. Анкетолог [Электронный ресурс] // Anketolog.ru. – Режим доступа: <https://anketolog.ru>.

2. Аренков И.А., Салихова Я.Ю., Гаврилова М.А. Современное развитие блогинга // Проблемы современной экономики. – 2018. – № 4. – 150 с.

3. Аудитория социальных сетей и мессенджеров в 2021 году [Электронный ресурс] // Skillfactory.блог. – Режим доступа: <https://blog.skillfactory.ru>.

4. Максимова, О.А. Социальные сети как пространство самоидентификации молодежи / О.А. Максимова, Е.О. Шандрик // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – № 4. – С. 246–248.

5. Всемирная статистика [Электронный ресурс] // Worldometers. – Режим доступа: www.worldometers.info/ru.

6. Корниенко Т.В. Культура досуга современной молодежи. Проблемы и перспективы развития // Вестник КазГУКИ. – 2018. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-dosuga-sovremennoy-molodezhi-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 05.04.2022).

7. Проблемы молодежи и ее ценностные ориентации в современных условиях [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. 2019. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 10.04.2022).

8. Рынок труда молодых специалистов накануне кризиса сети [Электронный ресурс] // HeadHunter. – Режим доступа: <https://kazan.hh.ru/>.

9. Социальные сети [Электронный ресурс] // Исследовательский холдинг Ромир. – Режим доступа: <http://romir.ru>.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ

Хохлов Алексей Александрович

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В данной статье будут рассмотрены способы формирования экологической культуры молодежи посредством включения ее в экологические движения, а также сравнительный анализ экологической культуры участников экологических движений и рядовых граждан. Данные изучения будут основаны на эмпирической базе исследования: экспертные интервью с представителями экологических движений г. Казани, массовый опрос (n=203).

Ключевые слова: экологическая культура, экологические движения, молодежь.

Экологическая культура включает в себя теоретические и практические знания, а также предполагает формирование экологических ценностей у каждой личности, психологических установок, связанных с реальными действиями, направленными на реализацию экологических представлений. Отсутствие экологического сознания как составной части экологической культуры не предоставляет возможность решения существующих экологических проблем, что в последующем может привести к экологической катастрофе.

Государство в рамках реализации своих функций создает условия для поддержания нормального состояния окружающей среды, для развития и формирования у подрастающего поколения экологической культуры путем принятия программ, стратегий и ввода в общеобразовательное пространство предмета «Экология», проведения классных часов, посвященных экологии. Вышеперечисленные мероприятия направлены на приобретение теоретических знаний, а не практических, которые бы способствовали развитию проэкологического поведения. Именно поэтому важное значение в процессе формирования и развития экологической культуры молодежи приобретают экологические движения и иные общественные организации, т. к. их деятельность практико-ориентированная. Изучение экологических движений позволит выявить определенные тенденции их влияния на формирование и развитие экологической культуры молодежи.

Таким образом, исследовательский вопрос заключается в выявлении роли экологических движений в процессе формирования и развития экологической культуры молодежи.

В качестве теоретического основания исследования были выбраны основные положения концепции устойчивого развития, а также подходы Э.В. Гирусова и Е.В. Асафова. Основываясь на положениях концепции устойчивого развития, было определено, что экологическая культура рассматривается в контексте системы отношений «человек-природа-общество». Подход Э.В. Гирусова в определении термина «экологическая культура» позволил определить ее как социально-значимую деятельность,

осуществляемую в соответствии с законами природы. Е.В. Асафов в рамках своих исследований рассматривает экологическую культуру как совокупность личностных качеств человека.

Таким образом, в рамках исследования экологическая культура понимается как динамичный комплекс знаний, умений, навыков и личностных качеств человека, позволяющий ему выстраивать направленную на сохранение окружающей среды социальную деятельность.

В качестве составных компонентов экологической культуры были выделены следующие: экологическое сознание – базис экологической культуры, экологические знания, экологическое мышление и экологическое поведение.

Рассмотрение экологического движения осуществлялось на основании работ таких ученых как И.А. Халий, Р. Данлэп, П.О. Ермолаева и др. В исследовании понятие «экологическое движение» понимается как добровольное объединение граждан, имеющее формальное организационное единство и создаваемое с целью борьбы за сохранение и улучшение качества окружающей среды.

Также стоит отметить существование низовых экологических движений – местные гражданские инициативы, группы и организации, созданные для разрешения конкретных экологических проблем локальных сообществ и низовых общественных инициатив – неформальные объединения граждан, которые создаются для ненасильственной борьбы с конкретными недостатками общества. Низовые общественные инициативы отличаются принятием решений снизу вверх, а не сверху вниз.

Р. Данлэп выделяет ключевые направления деятельности экологических движений, в которых экологическая культура проявляет себя наиболее ярко, таковыми являются:

- транслирование общих ценностей через разные мероприятия и культурные практики;
- материальные объекты и ассоциирующиеся с ними субъекты, которые имеют авторитет внутри движения;
- ежедневные рассказы участников движения;
- характеристика собраний экологического движения;
- социальные роли, которые создаются в процессе транслирования идей, артефактов;
- контексты, в которых проигрываются социальные роли.

Экологические движения как агенты социализации создают социальную среду, в рамках которой возможно продуцирование среди молодежи экологических ценностей, установок, соответствующих концепции устойчивого развития.

Эмпирическое исследование представлено массовым опросом (n=203), проведенным среди жителей г. Казани в возрасте от 16 до 35 лет, с разделением на две подвыборки – участники экологических движений (подвыборка 1) и рядовые граждане (подвыборка 2).

Вопросы анкеты были разделены на смысловые блоки, каждый из которых в отдельности отражает экологическое сознание, экологические знания, экологическое мышление и экологическое поведение респондентов. Ряд вопросов направлены на выяснение мнений относительно деятельности экологических движений.

Всего было опрошено 203 человека, из них женщин – 124 (61,1 %), мужчин – 79 (38,9 %). Средний возраст респондентов – 24 года.

Подвыборка 1 составила 90 респондентов (44,3 %), подвыборка 2 – 113 респондентов (55,7 %).

Предлагалось оценить экологическую ситуацию в РФ и РТ по 5-ти бальной шкале. Ситуация в РФ оценивается в 2,5, а в РТ – 3,1 балла. Также, на вопрос об изменении экологической обстановки за последние 2–3 года, 33 % респондентов считают, что она ухудшилась, 26,6 % – осталась без изменений, и лишь 26,6 % – улучшилась, 13,8 % опрошенных затруднились ответить. В совокупности представленные данные хоть и говорят о удовлетворительном состоянии окружающей среды, но свидетельствуют о наличии экологических проблем, влияющих на существующую экологическую обстановку.

Двумерный анализ подвыборок показал, что в подвыборке 1 рост количества мусора, безответственное отношение к окружающей среде и глобальное потепление, являются проблемами, вызывающие наибольшие опасения, тогда как в подвыборке 2 таковыми проблемами являются загрязнение воздуха, рост количества мусора и вырубка лесов. Анализ экологических движений, проведенный ранее, показал, что основной их деятельностью является сбор и переработка отходов и просветительская деятельность. Среди рядовых граждан заинтересованность экологическими проблемами посредственна, т.к. 36,3 % «скорее интересуются, чем не интересуются», тогда как 71,1 % участников экодвижений «интересуются». Можно предположить, что участники движений имеют непосредственное отношение к решению данных проблем, именно поэтому они отмечены, как вызывающие наибольшие опасения.

Самыми популярными каналами получения информации об экологической ситуации в обеих подвыборках стали: социальные сети (ВКонтакте, Instagram, Facebook и др.) – 77,8 %, интернет-источники – 71,4 %, мессенджеры (Telegram, WhatsApp, Viber и др.) – 28,1 % и федеральные и региональные телеканалы – 27,1 %.

Абсолютное большинство в каждой из подвыборок выступает за гармоничное развитие человека и природы (86,7 % и 77 % соответственно), что свидетельствует о развитии системы отношений «человек-природа-общество». При этом у 8,9 % рядовых граждан эгоцентрическое сознание. В целом, осознание того, что человек не является высшей ценностью в отношениях с природой, присутствует, а, следовательно, может стать стимулом для участия в экологических мероприятиях.

Респондентам предлагалось оценить степень ответственности за благоприятную экологическую обстановку государства (Г), общества (О)

и каждого человека лично (Ч) по 5-ти бальной шкале. Стоит заметить, что оценки рядовых граждан находятся на одном уровне (Г – 4,53; О – 4,53, Ч – 4,52), тогда как оценки членов экологических движений нет (Г – 4,56, О – 4,68, Ч – 4,78). Подобное различие говорит о наличии у участников экологических движений экологического сознания и ответственности за свои поступки в отношении окружающей среды.

Следует проанализировать вопросы, направленные на проверку экологических знаний. Участникам опроса было задано пять вопросов, некоторые из которых находятся на стыке естественно-научных предметов (биология). Каждый верный ответ оценивался в 1 балл. Средний балл по подвыборкам получился следующим:

- вопрос 1 – «Как называют факторы неорганической среды, которые влияют на жизнь и распространение живых организмов?» – 0,7 и 0,37 соответственно;
- вопрос 2 – «В каком году экология основалась как наука?» – 0,53 и 0,37 соответственно;
- вопрос 3 – «Как называется сфера разума?» – 0,67 и 0,64 соответственно;
- вопрос 4 – «Что изучает экология?» – 0,9 и 0,69 соответственно;
- вопрос 5 – «Как называется превращение органических соединений из неорганических за счет энергии света?» – 0,9 и 0,8 соответственно.

По итогу, экологические знания участников экологических движений оцениваются в 3,72 балла, а рядовых граждан в 2,89.

Более того, респондентам было предложено выбрать институты, оказавшие большее влияние на получение ими экологических знаний. Среди участников экологических движений такими институтами стали – экологические движения и организации (62,2 %), а для рядовых граждан – школа (57,5 %). Обе группы отметили важность самостоятельного получения знаний (38,9 % и 43,3 % соответственно). При этом средний возраст в подвыборке 1 составляет 21,2 года, а в подвыборке 2 – 25,5. Большее влияние на рядовых граждан оказала школа, из этого можно сделать вывод о том, что последующие агенты социализации, такие как ССУЗы и ВУЗы, не уделяют должного внимания экологическому просвещению. Таким образом, экологические движения позволяют не только получать экологические знания, но и развивать уже имеющиеся. Рядовые же граждане, не состоящие в подобных организациях, могут положиться лишь на СМИ и самообразование.

Информированность о имеющихся государственных программах и их направленности у участников экологических движений также выше, нежели у рядовых граждан (41,1 % и 22,1 % соответственно). Наибольшая информированность о национальном проекте «Экология» (43,1 % и 31,3 % соответственно) и приоритетном проекте «Чистая страна» (37,5 % и 25,3 % соответственно).

Большинство участников экологических движений (67,8 %) считают, что они «безусловно» могут сделать что-то полезное для окружающей среды, среди

рядовых граждан такого мнения придерживается 42,4 %. 1,8 % респондентов, не состоящих в движениях, отметили, что в принципе ничего не могут сделать для уменьшения негативного влияния на окружающую среду.

По мнению опрошенных, рядовые граждане для защиты окружающей среды могут делать следующее:

- стараться не мусорить на улице;
- приобщаться к различным экологическим практикам (раздельный сбор мусора, использование энергосберегающих лампочек, экономия воды, электричества и др.);
- участвовать в субботниках.

Организаторами различных экологических субботников, акций и других мероприятий по мнению участников экодвижений могут стать 34,4 % респондентов, рядовых граждан – 31,9 %.

О конкретных действиях людей свидетельствуют результаты ответа на вопрос: «Что делаете Вы для защиты окружающей среды?». Все предложенные в вариантах ответов мероприятия можно поделить на непосредственные (приобщение к практикам, участие в субботниках и их организация, участие в пикетах) и опосредованные (обращения в органы власти, подписание петиций). Анализ показал, что участники экологических движений осуществляют непосредственные действия, нежели рядовые граждане. Так, к примеру, участвуют в субботниках 66,7 % и 32,7 % соответственно; приобщаются к экологическим практикам – 86,8 % и 57,5 % соответственно; организуют экологические мероприятия – 28,9 % и 4,4 % соответственно).

Одним из действий, на которые могут пойти обычные люди стало приобщение к экологическим практикам. Респондентам предлагалось оценить по шкале от 1 до 5, насколько в их жизнь вошла та или иная практика. Результаты по подвыборкам на данный вопрос показали следующее:

- экономия воды, электричества газа в быту (93,3 % и 91,1 % соответственно);
- использование энергосберегающих лампочек (95,7 % и 91,1 % соответственно);
- использование тканевых «многоцветных» сумок (92,2 % и 80,5 % соответственно);
- сдача опасных отходов (батарейки, техника и др.) в специальные пункты приема (92,2 % и 76,1 % соответственно);
- покупка товаров из биоразлагаемого сырья (77,8 % и 70,8 % соответственно);
- отказ от личного транспорта в пользу общественного, велосипеда, прогулок (85,6 % и 63,7 % соответственно);
- сортировка мусора по фракциям (88,9 % и 76,1 % соответственно);
- полный или частичный отказ от использования бумаги (62 % и 52,2 % соответственно).

Таким образом, можно сделать вывод, что приобщение к экологическим практикам у участников экологических движений выше. Среди рядовых

граждан самыми непопулярными практиками стали: сдача опасных отходов в специальные пункты приема, покупка товаров из биоразлагаемого сырья и полный или частичный отказ от использования бумаги. Стоит заметить, что отказ от сдачи опасных отходов может привести к сокращению численности популяций отдельных видов живых организмов.

В экологических мероприятиях принимало участие 91,1 % и 69 % соответственно. Большинство опрошенных принимали участие в акциях по сдаче покрышек, шин, одежды и батареек (61,1 % и 33,6 %), по высадке деревьев (37,8 % и 27,4 %) и мероприятиях по очистке прибрежных зон (43,3 % и 26,6 %). При этом посещение лекций, марафонов и экофестивалей наиболее популярно у представителей экологических движений (45,6 % и 15,9 % соответственно). Просвещение в области природоохранной деятельности способствует сокращению негативного влияния на окружающую среду, что немаловажно для развития экологической культуры населения.

Также респондентам было предложено ответить на вопрос, касающийся обладания экологическими привычками. Анализ ответов показал, что самой популярной привычкой является выключение воды при гигиенических процедурах (68,9 % и 69,1 % соответственно). Сдача отходов на переработку, чем активно занимаются экологические движения, а также пропагандируют органы местного самоуправления, популярно у экологов – 50 %, нежели у рядовых граждан – 23,9 %. При этом, 48,7 % не участников экодвижений выключают электроприборы из сети, когда ими не пользуются, что может являться результатом проведения в России ежегодной акции «Час земли», проходящей в 2022 году 26 марта. Всеми перечисленными привычками обладают 5,6 % и 0,9 % соответственно. 5,3 % рядовых граждан не обладают ни одной экологической привычкой.

Уровень гражданской активности, выражающийся в участии в митингах и пикетах, невысокий в обеих подвыборках – лишь 26,7 % и 21,2 % соответственно готовы принять участие в данных мероприятиях. Основными препятствиями для участия в подобного рода мероприятий стали: низкий уровень доверия власти и наличие репрессивных санкций. При этом подавляющее большинство в каждой из совокупностей одобряет деятельность экологических партий (54,4 % и 53,1 % соответственно).

Также респондентам было предложено оценить свой уровень экологической культуры по шкале от 1 до 10. Уровень культуры участников движений оценивается в среднем в 7,31, а рядовых граждан – в 6,49 баллов. Существенную роль в формировании экологической культуры играют такие институты как семья (52,7 %), образование (34 %), общественные организации и СМИ (по 32 %). Часть респондентов (38 %) отметила, что все представленные институты в совокупности способствуют формированию экологической культуры.

Более того, рядовым гражданам были заданы вопросы о деятельности экологических движений. Лишь 17,7 % хорошо проинформированы о них, 62,8 % знают о их существовании, а 10,6 % вообще не знают об их существовании. Опрошенные положительно относятся к деятельности

подобных организаций, такое мнение высказал 91,1 % респондентов. В целом, можно сказать, что большинство обычных людей не имеет представление о конкретной деятельности экологических движений, но при этом они «на слуху».

Проведенные с представителями экологических движений г. Казани экспертные интервью позволили выявить основные характеристики подобных организаций, специфику их деятельности, а также способы включения молодежи в природоохранные мероприятия. С целью анализа информации были выделены следующие критерии:

- тип экологического движения;
- основные характеристики (год создания, инициатор создания, структура, возраст участников, состав «административной команды» и др.);
- основной вид деятельности;
- основные мероприятия;
- сотрудничество с организациями, органами МСУ;
- источники финансирования;
- информированность о движениях (каналы связи с общественностью, освещение деятельности в СМИ);
- мнение жителей г. Казани о деятельности движений;

Таким образом, развитие и формирование экологической культуры в контексте экологических движений осуществляется за счет групповой идентификации членов группы, групповой солидарности, выражающейся в объединении для решения экологических проблем. Экологические движения имеют множество форм включения молодежи и населения в экологические мероприятия. Основными являются субботники, акции, встречи экологических клубов, экофестивали, экологические праздники, плаггинг-забеги, просветительские, научно-практические мероприятия. Экологическая активность также может проявляться и в гражданских мероприятиях, к примеру, строительство мусоросжигательного завода в Казани. Активное участие в них способствует изменению сознания, привычного образа жизни, отношения к проблемам окружающей среды. Также экологические движения выполняют роль информатора, действующего на население в целом, а также на органы местного самоуправления, общественные организации с целью привлечения внимания к экологически-нестабильной ситуации, несущей угрозы жизни и здоровью.

Проведенное авторское прикладное исследование при помощи массового опроса молодежи показало тенденцию влияния экологических движений на формирование и развитие экологической культуры молодежи. В основном оно проявляется в получении экологических знаний, изменении сознания на более экологичное, выражающееся в приобщении к экологическим практикам и обладании экологическими привычками. Также существенно влияние на экологическое поведение, индикатором которым является участие в экологических мероприятиях. Участники экологических движений, в отличие от рядовых граждан, проявляют себя в практических видах активности.

Уровень информированности о проводимой политике государства в вопросе экологии также выше среди экоактивистов – это и знание о государственных программах, о действиях власти, а также непосредственное взаимодействие с органами МСУ, правительственными структурами. Субъективная оценка респондентов уровня экологической культуры также выше среди участников экологических движений, нежели рядовых граждан. Более того, руководители экологических движений и волонтеры, принимающие наиболее активное участие в мероприятиях, чувствуют изменение собственного сознания, выражающееся в приобретении новых знаний о законах природы и взаимодействия с человеком и в приобщении к экологическим практикам.

Особенность формирования и развития экологической культуры молодежи экологическими движениями также заключается в групповой солидарности участников, в объединении при решении экологических проблем. Деятельность в группе формирует также и ответственность каждого члена группы в отдельности (к примеру, участник не может «подвести», «подставить» группу). Также участие в групповых мероприятиях имеет и коммуникативную функцию – во время встреч участники обсуждают экологические проблемы, предлагают варианты их решений, придумывают различные формы включения молодежи в природоохранную деятельность, которые вызовут личное желание субъектов поучаствовать в них. Организуемые научно-практические мероприятия выступают площадкой для встреч с экспертами, представителями властных структур, в рамках которых акцентируется внимание на существующие экологические проблемы в обществе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что экологические движения, помимо семьи, институтов образования, политики, СМИ, являются фактором формирования и развития экологической культуры молодежи.

Литература

1. *Агисова, Ф.Б.* Проэкологическое поведение в России: адаптация шкалы Кэмерона Брика и связь с экологической обеспокоенностью / Ф.Б. Агисова, А.А. Иванова, Е.В. Сауткина // Психологические исследования. – 2020. – № 13 (70) – С. 7–26.
2. *Гирусов, Э.В.* Природные основы экологической культуры / Э.В. Гирусов. – М., 1989. – 63 с.
3. *Данлэп, Р.* От окружающей среды к экологическим проблемам / Р. Данлэп, К. Кэлхун, Г. Ритцер // Социальные проблемы. – 1993. – № 17. – С. 707–738.
4. *Дорошко, О.М.* Современные подходы к определению понятия «Экологическая культура» / О.М. Дорошко // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 9 (17). – С. 51–64.
5. *Душкова, Д.О.* Экологизация сознания как один из основных принципов экологической политики / Д.О. Душкова, С.Н. Кириллов // Вестник ВолГУ. – 2017. – № 2. – С. 148–158.

6. *Егорова, Л.Г.* Динамика экологического сознания горожан (на примере г. Казани) / Л.Г. Егорова, П.О. Ермолаева, Е.П. Носкова // Ученые записки Казанского университета. – 2013. – Т. 155. – № 6. – С. 23–33.

7. *Ермолаева, П.О.* Особенности формирования экологической культуры российских и американских студентов (кросс-культурный проект): дис. ... канд. социол. наук.: 22.00.04 социальная структура, социальные институты и процессы / Казань, Казанский федеральный университет. Казань, 2011. – 285 с.

8. *Захарова, В.А.* Высшее образование в системе развитие экологического поведения российской молодежи / В.А. Захарова // Гуманитарий юга России. – 2021. – № 3. – С. 128–137.

9. *Корунова В.О.* Коммуникативное воспроизводство экологического сознания россиян в контексте процессуальности социального доверия: магистр. дис.: 39.04.01. – Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, 2019. – 149 с.

10. *Леонтьева, И.А.* Экологическая культура и ее место в системе экологического образования и воспитания / И.А. Леонтьева, Ф.Г. Ребрина // Формирование экологической культуры учащихся и студентов: сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции. – Набережные Челны: Набережночелнинский НИЦ НГПИ, 2010. – С. 75–77.

11. *Халий И.А.* Зеленое движение в России в конце XX века // Россия в окружающем мире: 2000: аналитический ежегодник / под ред. Н.Н. Моисеева, С.А. Степанова. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2000. – URL: <http://rus-stat.ru/index.php?vid=1&year=2000> (дата обращения: 02.02.2022).

12. *Халий И.А.* Экологическое общественное движение и власть: формы взаимодействия [электронный ресурс] / И.А. Халий. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – 11 с. – URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Halii_4_08.pdf (дата обращения: 02.02.2022).

13. *Яницкий, О.Н.* Экологическая культура: очерки взаимодействия науки и практики / О.Н. Яницкий. – М.: Наука, 2007. – 271 с.

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВА НА МОЛОДЕЖНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО (ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Худойбергганов Санжарбек Зокиржон угли

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Хайруллина Юлдуз Ракибовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Центр перспективных экономических исследований

Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

Аннотация. На сегодняшний день государственное влияние на молодежное предпринимательство имеет огромный вес, и для перехода экономики на качественно новый уровень экономического роста и повышения глобальной конкурентоспособности создаются программы поддержки

молодежного предпринимательства в целом по России и в частности в Республике Татарстан. Государственные программы, которые проводятся, в Республике Татарстан имеют значительное влияние на молодежное предпринимательство и помогают новому поколению молодежи эффективными инструментами для безопасного старта в открытии своего дела.

Ключевые слова: государственная поддержка, малый и средний бизнес, молодежное предпринимательство, социально-экономическое развитие.

Важным приоритетным направлением является влияние государства на молодежное предпринимательство в Российской Федерации. Обеспечение устойчивого социально-экономического развития страны и регионов является одной из важнейших стратегических задач государства. Перенимая опыт зарубежных стран, мы видим, что молодежное предпринимательство играет важную роль в развитии малого и среднего бизнеса, тем самым обеспечивая занятость населения и увеличения рабочих мест. Премьер-министр РФ Медведев Д.А. на круглом столе «Малый и средний бизнес – инновационный, конкурентоспособный, социально ориентированный» подчеркнул, что «развитие среднего класса в стране – это развитие малого бизнеса» [1].

Сегодня Россия нуждается в новом поколении предпринимателей, в поколении молодых, креативных, готовых к переменам и к развитию в стране внутреннего рынка. В нынешних кризисных условиях, создается новая политика по замещению импорта товаров и услуг в стране тем самым увеличивается потребность в создании новых предприятий и условий для ведения бизнеса молодыми предпринимателями.

Молодежь является основной движущей силой малого и среднего бизнеса, в том числе инновационного [2], так как именно молодые предприниматели готовы к переменам, быстрому обучению, креативному мышлению и риску. В настоящее время происходит трансформация внешней среды для малого предпринимательства, люди стали активно пользоваться интернет-услугами, вследствие этого бизнесу необходимо подстраиваться под современные реалии, позиционируя себя в интернет-пространстве [3], и именно молодое поколение в силу своей цифровой грамотности, значительно легче осваивает новые цифровые формы предпринимательства.

Каждый год происходит отток молодежи из страны, около четырехсот человек в возрасте от 20 до 30 лет уезжают из России. Это объясняется тем, что существуют определенные проблемы связанные как с политической, так и с экономической и обстановкой в стране, в частности с законодательным регулированием в области молодежного предпринимательства.

Несмотря на не простую обстановку и кризисное время, правительство Российской Федерации принимает кардинально важные изменения и создания дополнительных программ по оказанию поддержки молодежного предпринимательства и поддержки существующего бизнеса. С каждым разом количество проводимых конференций, круглых столов, принимаемых стратегий развития [4], которые значительно улучшают положение для молодых предпринимателей, решивших начать свое дело. Необходимо

добавить, что есть организации, которые занимаются созданием способов поддержки, регулирования и прямой реализации данных способов в реальность. Самыми масштабными из них являются Российский центр содействия молодёжному предпринимательству [5], Международная и Российская Молодёжные Палаты [6] и Федеральное агентство по делам молодёжи [7].

Вышеперечисленные организации на постоянной основе решают задачи по улучшению и созданию благоприятных условий для молодых предпринимателей по всей России.

Эти программы поддержки, вступившие в силу, должны будут активно внедряться и контролироваться местными властями в регионах для быстрого освоения и принятия их в действие. В программе «Национальные проекты» [8] экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года поставлены следующие цели государственной молодежной политики:

1. Создание благоприятных условий для успешной самореализации молодёжи,

2. Развитие потенциала молодёжи и его использование в интересах инновационного развития страны,

3. Реализация программ поддержки молодёжного предпринимательства, в том числе в инновационных секторах экономики.

4. Создание системы бизнес образований для молодёжи.

5. Создание систем акселерации для субъектов малого и среднего предпринимательства, включая инфраструктуры и сервисы поддержки, а также их ускоренное развитие в таких областях, как благоустройство городской среды, научно-технологическая сфера, социальная сфера и экология.

6. Создание систем поддержки молодых фермеров.

Модель государственной политике в области поддержки молодёжного предпринимательства включает в себя несколько аспектов: законодательный аспект – закреплено понятие «молодёжное предпринимательство»; экономический аспект – либерализация ведения хозяйственной деятельности; и образовательный аспект – основная роль отводится учебным заведениям в области развития молодёжного предпринимательства и осуществления программ по предпринимательскому делу.

В реализации программы принимают участия каждый регион страны, в частности Республика Татарстан, где проживают более 4 млн. человек, из них более миллиона человек – молодые люди в возрасте от 14 до 35 лет [9]. По данным Федеральной службы государственной статистики, молодёжь в Татарстане составляет более 40 процентов от общего числа трудоспособного населения, а уровень ее экономической активности колеблется в районе 60 процентов. При этом занятыми являются более 50 процента молодёжи [9].

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 3 февраля 1994 года № 65 был образован Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере [10]. Основными задачами Фонда являются: проведение государственной политики развития и поддержки малых предприятий в научно-технической сфере; оказание прямой финансовой, информационной и иной помощи малым инновационным предприятиям.

Сегодня Фонд выполняет программы инновационного развития. К ним относится привлечение денежных и иных средств для малого инновационного предпринимательства. Представители регионов от Фонда активно работают в 70 субъектах Российской Федерации.

В Республике Татарстан при содействии Фонда осуществляется программа «Старт», являющаяся результативным средством поддержки высокотехнологичного бизнеса. Главными задачами программы выступают:

- создание новых малых инновационных предприятий и поддержка уже существующих;
- разработка и освоение производства нового товара, изделия, технологии или услуги с использованием результатов собственных научно-технических и технологических исследований.

Фонд совместно с министерством образования в Республике Татарстан в 2012 году запустил программу «Умник», направленную определить молодых ученых, которые хотят самореализовываться посредством инновационной деятельности в научно-технической сфере. Еще данная программа дает стимул молодежи, заинтересованной в научно-технической и инновационной деятельности путем финансовой поддержки в данном направлении.

В рамках стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 реализуется подпрограмма «Развитие малого и среднего предпринимательства». Мероприятия программы определяют приоритетные задачи, увязанные со стратегическими приоритетами развития Республики: содействие технологическому перевооружению производства и повышению производительности труда субъектов малого и среднего предпринимательства в промышленности, а также создание условий для устойчивого развития малых форм хозяйствования в сельской местности; содействие внедрению технологий, необходимых для производства инновационной и конкурентоспособной продукции; повышение доступности финансовых ресурсов для субъектов малого и среднего предпринимательства.

Основная задача данной программы – создание комфортных условий для вовлечения молодежи в социально-экономическое развитие как России, так и Татарстана. Для этого в Татарстане создаются и проводятся образовательные программы для молодежи такие как:

1. Республиканская система дистанционного бизнес-образования;
2. Подготовка бизнес-коучей по работе с предприимчивой молодежью;
3. Ежегодные молодежные конференции «Шаг вперед»;
4. Тестовые испытания, экспертные оценки и проработки бизнес-планов молодых людей, прошедших всё обучение.

На сегодняшний день мы наблюдаем, как идет процесс развития системы информационного обеспечения молодежи в сфере предпринимательской деятельности. Во-первых, развиваются системы информационного обеспечения молодежи в сфере предпринимательской деятельности; во-вторых, в средствах массовой информации существуют разделы молодежного предпринимательства на интернет ресурсах таких, как «biz.tatarstan.ru»; в-третьих, распространяется

практика консультирования молодежи по оценке состояния сферы молодежного предпринимательства.

По программе осуществляется подготовка молодых предпринимателей в начинании собственного дела и помощь в продвижении бизнес-проектов молодежного предпринимательства. Это происходит в результате конкурсного отбора бизнес-проектов «Молодежное дело» и «Я – предприниматель». Создаются условия для привлечения спонсоров в проекты молодых предпринимателей Татарстана.

Министерство экономики Республики Татарстан создало Фонд поддержки предпринимательства для субъектов малого и среднего бизнеса. Фонд предоставляет микрозаймы по процентной ставке не более 10 % годовых на возвратно-платной основе для малого и среднего бизнеса [13].

Так же в 2012 году в Республике Татарстан была реализована программа «Поддержка начинающих фермеров». Министерство сельского хозяйства РФ заявляет о продолжении этой программы до 2030 года [13]. Данная программа предоставит помощь молодым специалистам в сельскохозяйственной сфере для создания ими собственного дела.

При поддержке Инвестиционно-венчурного фонда Республики Татарстан и Академии наук Республики Татарстан ежегодно проводятся конкурсы «Пятьдесят лучших инновационных идей для Республики Татарстан» [11]. На конкурс принимаются проекты, которые ориентированы на решение проблем научно-технического, экономического, социального и гуманитарного развития Республики Татарстан. Организация и проведение Конкурса направлены на стимулирование инновационной деятельности; пропаганду интеллектуальных достижений специалистов научно-технической сферы; содействие использованию интеллектуального потенциала регионов России, зарубежных стран в решении научно-технических и социально-экономических задач Республики Татарстан.

В декабре 2013 года при поддержке Казанского (Приволжского) федерального университета был создан проект «Фабрика предпринимательства» с целью популяризации и поддержки предпринимательства. Данный проект состоит из образовательных мероприятий, созданных Министерством экономики Республики Татарстан, Казанским (Приволжским) федеральным университетом и Фондом поддержки и развития бизнеса. Рассмотрим предназначения данного проекта.

1. Вовлечение молодежи в предпринимательскую деятельность посредством создания системы мероприятий, сопровождающей молодых авторов от начала предпринимательской идеи до этапа создания нового предприятия.

2. Поддержка начинающих молодых предпринимателей на первых этапах путем инвестиций и консультаций.

3. Поддержка успешных молодых предпринимателей с помощью организации коммуникационных, консультационных площадок для успешных молодых предпринимателей.

4. Обучение и помощь студентам бакалавриата в развитии предпринимательского мышления, особенно в области науки, техники и технологий, для приобретения предпринимательских навыков.

5. Предоставление возможности выпускникам работать не по найму, а создавать трудовые места для других.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что влияние государства на молодежное предпринимательство содействует развитию молодежного бизнеса, поиску альтернативных методов создания рабочих мест и способствует вовлечению молодежи в социально-экономические процессы страны в целом и отдельных регионов.

Государственная поддержка молодежного предпринимательства в России – это комплексная задача по обеспечению развития конкурентоспособности в стране за счет системного подхода государственных органов, отвечающих за продвижение молодежного предпринимательства на основе формирования экономического мышления, выявления и развития способностей к предпринимательской деятельности у молодежи.

Молодежное предпринимательство – надежная опора инновационных изменений для социально-экономической сферы Республики Татарстан. На данный момент Татарстан входит в число лидеров по осуществлению проектов по поддержке и развитию молодежного предпринимательства. Экономическая политика республики позволяет решать задачи по созданию систем поддержки молодежного предпринимательства в Республике Татарстан, а это играет существенную роль на региональном уровне, что сказывается на улучшении экономических условий в стране.

Делаем вывод о том, что мероприятия по формированию предпринимательского мышления у молодежи в качестве человеческого ресурса, социально-экономического развития страны и Республики Татарстан состоят в создании программ поддержек для развития предпринимательских качеств у молодых людей.

Литература

1. Выступление Медведева Д.А. на круглом столе «Малый и средний бизнес – инновационный, конкурентоспособный, социально ориентированный» // – URL: <http://www.tpstrogino.ru/smi/163> (дата обращения: 20.04.2022).

2. Фролова И.А. Проблемы подготовки молодых научных кадров для национальной экономики России // Вестник Казанского технологического университета. – 2014. – Т. 17. – № 16. – С. 356–358.

3. Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Глебова И.С., Дудочников А.И. Функционирование малого предпринимательства в регионах России в контексте цифровизации общества // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 1 (126). – С. 536–540.

4. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 08.08.2009) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на

период до 2020 года) // – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 15.04.2022).

5. Официальный сайт «Центр услуг РЦСМП» // – URL: <http://rcsmp.ru/российский-центр-содействия-молодеж/> (дата обращения: 20.04.2022).

6. Официальный сайт «Молодежная общественная палата» // – URL: <http://www.molpalata.ru> (дата обращения: 20.04.2022).

7. Официальный сайт «Росмолодежь». Федеральное агентство по делам молодежи // – URL: <https://fadm.gov.ru> (дата обращения: 20.04.2022).

8. Официальный сайт «Национальные проекты Российской Федерации» // – URL: <https://xn--80aарамремсчfmo7a3с9ehj.xn--p1ai/> (дата обращения: 20.04.2022).

9. Официальный сайт «Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан» // – URL: <https://tatstat.gks.ru/naselenie#> (дата обращения: 18.04 2022.)

10. Официальный сайт «О Фонде содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере». // – URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.04 2022.)

11. Официальный сайт «Решение верное» «Пятьдесят лучших инновационных идей для Республики Татарстан». // – URL: <http://www.решение-верное.рф/ivf-idea-1000> (дата обращения: 6.04.2022).

12. Официальный сайт «Фонд поддержки предпринимательства Республики Татарстан» // – URL: <https://fpprt.ru/> (дата обращения: 7.04.2022).

13. Официальный сайт «Поддержка начинающих фермеров в Республики Татарстан» // – URL: <https://agro.tatarstan.ru/podderzhka-nachinayushchih-fermerov-v-rt-na-2012.htm> (дата обращения: 7.04.2022).

АРХИТЕКТУРА ЭКОСИСТЕМЫ БАНКА

**Чекмарева Дарья Юрьевна,
Шакирова Эльвина Шамилевна
Нуруллина Эльмира Ринатовна**

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия

Аннотация. Сегодняшняя финансовая среда постоянно меняется. Вот почему банкам необходимо быстро найти новые способы оптимизации своей текущей экосистемной банковской архитектуры, чтобы стать более гибкими и оставаться на шаг впереди. В условиях неуклонно растущего давления со стороны турбулентного финансового рынка чрезвычайно важно, чтобы банки работали над созданием новых цифровых моделей и отказывались от прошлых моделей.

Ключевые слова: банки, система, экосистема, архитектура, рынок, акторы.

Ученые и практики продолжают признавать решающую роль предпринимательских экосистем в создании благоприятных условий для продуктивного предпринимательства. Хотя экосистемы по своей сути являются системами взаимодействия иерархически независимых, но взаимозависимых субъектов, в немногих исследованиях изучалось, как взаимодействия между участниками экосистемы контролируют предпринимательский процесс. Руководствуясь структурой экосистемы и используя основанный на исследованиях подход, собираются и анализируются эмпирические данные из полуструктурированных интервью. Полученные результаты выявили четыре категории, представляющие как реляционную перспективу, которая включает динамику взаимодействия и посредничества, так и культурную перспективу, которая охватывает развитие экосистемы и динамику регулирования. Эти категории помогают объяснить, как и почему выявление возможностей и использование ресурсов ускоряются или замедляются для предпринимателей в сфере финтех.

В последние годы концепция предпринимательских экосистем привлекла большое внимание благодаря своей объяснительной силе, которая сочетает в себе социальные, институциональные и реляционные аспекты. Однако растущее внимание к экосистемам привело к появлению многих неисследованных и недостаточно изученных областей, поэтому ученые призвали к теоретическим и эмпирическим исследованиям, чтобы заполнить пробелы в литературе. Например, ученые подчеркивают необходимость изучения динамики экосистемы, концептуализируемой как взаимодействие между предпринимателями и участниками экосистемы, путем применения сетевого подхода. Существующие исследования сосредоточены на причинно-следственных связях между отдельными участниками экосистемы или экосистемами в целом и результатами предпринимательской деятельности, но практически ничего не говорится о том, как взаимодействие между различными участниками экосистемы способствует созданию новых предприятий [8].

Традиционно эмпирические исследования в основном рассматривали экосистемы с точки зрения предпринимателя. В то же время ученые утверждают, что предпринимательство – это не самостоятельный акт, а акт, происходящий в обществе взаимосвязанных субъектов, которые могут не иметь прямого отношения к предпринимательским предприятиям. Это может включать действующие фирмы, университеты, государственные учреждения и поставщиков капитала. Таким образом, экосистемы – это системы взаимодействия, состоящие из иерархически независимых, но взаимозависимых участников экосистемы. Далее утверждается, что роль этих субъектов в исследованиях экосистем недооценивается; например, некоторые ученые утверждают, что существующие организации играют жизненно важную роль в экосистемах, поскольку они привлекают человеческие ресурсы, создают стартапы и обычно выступают в качестве первых клиентов. По этим причинам ученые призвали к проведению исследований по изучению взаимодействия между другими субъектами внешней среды. Кроме того, в недавних исследованиях начали изучаться различные точки зрения, эмпирически изучая

заинтересованные стороны, такие как инвесторы, государственные деятели, менеджеры инкубаторов и ученые. Опираясь на эти усилия, мы исследуем динамику взаимоотношений между предпринимателями и участниками экосистемы в экосистемах. Таким образом, мы выходим за рамки типичных эмпирических исследований в литературе по экосистемам и изучаем опыт различных участников экосистемы, которые оказывают глубокое влияние на успех – или неудачу – предпринимательства [10].

Не все контекстно-зависимые знания могут быть легко перенесены в другие контексты из-за их отличительных характеристик; поэтому мы можем предположить, что динамика экосистем в определенных отраслевых экосистемах отличается от других контекстов. Основываясь на этом аргументе, мы сосредоточим наше эмпирическое исследование на финансовой индустрии, на которую цифровизация оказала сильное влияние, и уделим особое внимание феномену финансовых технологий (финтех). В дополнение к влиянию цифровизации на выявление и приобретение предпринимательских возможностей, финтех характеризуется увеличением числа новичков, рисками финансовой стабильности и изменениями в нормативно-правовой среде. Эти характеристики бросают вызов и изменяют существующую динамику между участниками экосистемы.

Само собой разумеется, что современное банковское дело требует современных банковских решений. Поэтому, прежде всего, успешная трансформация требует инвестиций в современные банковские экосистемы, способные преодолеть ловушки устаревших систем и, таким образом, улучшить продукты и услуги учреждения.

Таким образом, как и любая другая корпоративная архитектура, банковская архитектура должна развиваться, чтобы оставаться конкурентоспособной в цифровом мире. Вот почему банкам рекомендуется предлагать свои услуги онлайн, внедрять культуру, ориентированную на технологии, и переходить на цифровую банковскую архитектуру [6].

Что означает банковская архитектура. Определение банковской архитектуры можно обобщить как структуры приложений, которые используют банки, а также те, через которые клиенты и сотрудники проходят для предоставления и покупки банковских услуг. Если банк представляет собой большое помещение, то банковскую архитектуру можно рассматривать как дизайн этого помещения. Функции, мебель и стиль помещения влияют на то, как те, кто работает в банке, и те, кто хочет им пользоваться, ориентируются в своей жизни. Будут ли они двигаться легко или с трудом, зависит от качества конструкции.

В современных условиях клиенты ищут все более простые и понятные способы передвижения по виртуальному пространству своего банка. Экосистемы должны быть быстрее, проще и удобнее. Если банки руководствуются подходом, ориентированным на клиента, который мы обсудим в следующем разделе, то главной целью должно быть упрощение.

Технологические и многоканальные формы банковского обслуживания, несомненно, являются направлением, в котором банковское дело развивалось за

последние два десятилетия. Чтобы удовлетворить потребности клиентов в цифровом банкинге, финансовые учреждения должны быть оснащены инструментами, которые создают это удобное банковское пространство [3].

Но как банки планируют и реализуют переход на новую архитектурную модель. Хотя у каждого банка есть особые потребности, финансовые цели и предпочтения клиентов, всем банкам нужна функциональная стратегия для успешного управления своей цифровой архитектурой. Точно так же, как архитектору нужен план, знание материалов и четкий бюджет, банкам нужен аналогичный набор инструментов для внедрения новой модели.

Каковы движущие силы трансформации банковской архитектуры. Чтобы понять движущие силы банковской архитектуры, лучше всего взглянуть на ее эволюцию.

В 1970-х годах были введены в эксплуатацию первые базовые банковские системы. По сравнению со своими современными аналогами эти системы были довольно простыми и использовались только для обработки простых транзакций для выполнения основных банковских функций. Как и окружающие культурные, научные и социологические особенности того времени, технологии были гораздо менее интегрированы в банковское дело в целом.

В последующие десятилетия 80-х и 90-х годов банковская индустрия начала интегрировать услуги интернет-банкинга (пионером которых стал Банк Шотландии) и начала внедрять более ориентированные на клиента системы и банковские счета, доступные дома, а также современное программное обеспечение для финансирования.

На рубеже тысячелетий банки продолжали расширяться за счет многоканальных банковских платформ, и онлайн-банкинг полностью вошел в общественную сферу. За это время банки начали использовать большие массивы данных для создания современных базовых банковских решений [1].

Примерно в 2010 году потребительские технологии быстро развивались, и системы мобильного банкинга стали новой нормой. Базовая архитектура потребовала больших инвестиций, поскольку правила стали более строгими. Банки по всему миру застонали под давлением внезапных технологических требований и правил.

На более поздних этапах 2010 года технологические системы повзрослели благодаря мобильному банкингу, онлайн-банкингу и совместимости с социальными сетями, став новыми лидерами ориентированных на клиента банковских услуг.

Если эта короткая история указывает на одну тенденцию, то она заключается в том, что банковская архитектура всегда определялась технологиями и ориентацией на клиента. Это важный фактор, который следует иметь в виду при переходе на цифровую основу. Поскольку услуги становятся быстрее, свободнее и гибче, банковская архитектура должна последовать их примеру.

С чего начать банковскую архитектуру. Теперь, когда мы определили движущие силы трансформации банковской архитектуры, мы хотим

рассмотреть некоторые более конкретные шаги, которые банки могут предпринять для плавного перехода к цифровой банковской архитектуре.

Главной целью главных архитекторов банковской экосистемы должно быть обновление банковской архитектуры сверху донизу. Установленные системы были улучшены и дополнены, но со временем банки остались с экосистемами, основанными на устаревшей архитектуре [4].

Самое большое различие между архитектурой цифрового банкинга и традиционного банкинга заключается в том, что цифровой банкинг должен быть рассчитан на будущее. Это означает, что он должен избегать ошибок архитектуры, используемой в прошлом, и демонстрировать гибкую и адаптируемую структуру, которая обеспечивает легкую адаптацию.

Цифровые экосистемы помогают существующим банкам поддерживать свою клиентскую базу. В течение долгого времени финансовые учреждения упорно строили всю свою ИТ-архитектуру самостоятельно. По самой своей природе финансовые учреждения одержимы идеей контроля. Сама основа банковского дела – это управление рисками, безопасность и соблюдение нормативных требований. Создавая приложения самостоятельно, банки чувствуют себя в большей безопасности и лучше контролируют ситуацию.

Цифровые экосистемы – это беспроектный вариант для всех участников. В цифровой экосистеме есть три группы заинтересованных сторон: банки, сторонние поставщики услуг и клиенты. Все получают выгоду от цифровых экосистем. Таким образом, цифровые экосистемы ничем не отличаются от экосистем, которые мы находим в природе [2].

Клиенты получают лучший опыт благодаря цифровым экосистемам. Клиенты извлекают выгоду из цифровых экосистем, получая доступ к различным услугам через уникальный канал банковских приложений. Не нужно ходить по магазинам и собирать все вместе самостоятельно.

Банки завоевывают лояльность клиентов с помощью цифровых экосистем. Предлагая клиентам полный спектр услуг, банки могут помешать клиентам покинуть их в пользу классного приложения, которое обеспечивает отличное обслуживание клиентов. Более того, банки могут даже привлекать новых клиентов. Вот почему некоторые банки открывают свои приложения для смартфонов для тех, кто не является клиентами. Используя приложение для определенных функций, они приобретают опыт работы с соответствующим банком и могут рассмотреть возможность смены банка из-за более полного пакета услуг.

Внешние партнеры получают дополнительные данные через цифровые экосистемы. Партнеры в экосистемах обмениваются данными, и каждый партнер может повысить ценность этих данных. Например: авиакомпания, которая получает дополнительную финансовую информацию о клиенте, может узнать, кому предложить повышение класса обслуживания. Электронная компания может сегментировать своих клиентов на основе их готовности покупать более модное оборудование.

Цифровые экосистемы – это беспроектный вариант для всех участников. В цифровой экосистеме есть три группы заинтересованных сторон:

банки, сторонние поставщики услуг и клиенты. Все получают выгоду от цифровых экосистем. Таким образом, цифровые экосистемы ничем не отличаются от экосистем, которые мы находим в природе [9].

Клиенты получают лучший опыт благодаря цифровым экосистемам. Клиенты извлекают выгоду из цифровых экосистем, получая доступ к различным услугам через уникальный канал банковских приложений. Не нужно ходить по магазинам и собирать все вместе самостоятельно.

Банки завоевывают лояльность клиентов с помощью цифровых экосистем. Предлагая клиентам полный спектр услуг, банки могут помешать клиентам покинуть их в пользу классного приложения, которое обеспечивает отличное обслуживание клиентов. Более того, банки могут даже привлекать новых клиентов. Вот почему некоторые банки открывают свои приложения для смартфонов для тех, кто не является клиентами. Используя приложение для определенных функций, они приобретают опыт работы с соответствующим банком и могут рассмотреть возможность смены банка из-за более полного пакета услуг.

Внешние партнеры получают дополнительные данные через цифровые экосистемы. Партнеры в экосистемах обмениваются данными, и каждый партнер может повысить ценность этих данных. Например: авиакомпания, которая получает дополнительную финансовую информацию о клиенте, может узнать, кому предложить повышение класса обслуживания. Электронная компания может сегментировать своих клиентов на основе их готовности покупать более модное оборудование.

Цифровые экосистемы – это бесприигрышный вариант для всех участников.

В цифровой экосистеме есть три группы заинтересованных сторон: банки, сторонние поставщики услуг и клиенты. Все получают выгоду от цифровых экосистем. Таким образом, цифровые экосистемы ничем не отличаются от экосистем, которые мы находим в природе [7].

Клиенты получают лучший опыт благодаря цифровым экосистемам. Клиенты извлекают выгоду из цифровых экосистем, получая доступ к различным услугам через уникальный канал банковских приложений. Не нужно ходить по магазинам и собирать все вместе самостоятельно.

Банки завоевывают лояльность клиентов с помощью цифровых экосистем. Предлагая клиентам полный спектр услуг, банки могут помешать клиентам покинуть их в пользу классного приложения, которое обеспечивает отличное обслуживание клиентов. Более того, банки могут даже привлекать новых клиентов. Вот почему некоторые банки открывают свои приложения для смартфонов для тех, кто не является клиентами. Используя приложение для определенных функций, они приобретают опыт работы с соответствующим банком и могут рассмотреть возможность смены банка из-за более полного пакета услуг.

Внешние партнеры получают дополнительные данные через цифровые экосистемы. Партнеры в экосистемах обмениваются данными, и каждый партнер может повысить ценность этих данных. Например: авиакомпания,

которая получает дополнительную финансовую информацию о клиенте, может узнать, кому предложить повышение класса обслуживания. Электронная компания может сегментировать своих клиентов на основе их готовности покупать более модное оборудование.

Создание цифровой экосистемы – более серьезное изменение для розничного банка, чем добавление цифровых каналов. Однако это эволюция, которую ни один банк не может игнорировать [5].

Литература

1. *Батуева И.А.* Влияние банковской экосистемы на финансовую устойчивость коммерческого банка / Сборник тезисов докладов национальной научно-практической конференции: в двух томах, 2020. – С. 189–190.

2. *Ворожухин В.В.* Введение в проблемы создания архитектуры экосистемы управления реализацией благоприятного будущего страны // – 2021. – № 6. – С. 439–447.

3. *Захаров А.* Банковская экосистема: очередной новый термин или новый подход к построению архитектуры // – 2020. – № 6 (99). – С. 44–46.

4. *Косарев В.Е.* Экосистема как новая модель развития банка // – 2020. – № 1. – С. 58–62.

5. *Назаренко А.А.* Предпринимательская экосистема: сущность и смежные концепции // – 2021. – № 3. – С. 80–83.

6. *Николаева Ю.* Возможности усовершенствования архитектуры банковской системы России // – 2017. – № 2. – С. 291–293.

7. *Трушина К.В., Смагин А.В.* Тренд на развитие крупнейших банков в парадигме экосистемы (к вопросу о понятии «экосистема») // – 2019. – № 12. – С. 7–11.

8. *Юсупова О.А., Маркина И.В.* О регулировании деятельности банков форме экосистем // – 2021. – № 10–13 (78). – С. 342–345.

9. *Лебедева А.С.* Развитие экосистем банков на основе современных цифровых технологий / – URL: <https://moluch.ru/archive/342/76912/> (дата обращения: 20.04.2022).

10. Официальный сайт “Business Studio”. – URL: https://www.businessstudio.ru/articles/article/biznes_arkhitektura_ekosistemy_bank_a_isaev/ (дата обращения: 20.04.2022).

КРИМИНАЛЬНЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ, ОЦЕНКИ, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Чигвинцева Зульфия Максимовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены причины возникновения молодежных криминальных субкультур, стигматизация их членов, проблематизация и депроблематизация феномена криминализации молодежных субкультур.

Результаты основаны на серии полуструктурированных интервью с жителями города Агрыз, чья деятельность так или иначе связана с образованием или молодежью.

Ключевые слова: криминальные молодежные субкультуры, молодежь, стигматизация.

Оценки современного состояния молодежной субкультуры являются противоречивыми: неясно, получилось ли у государства избавиться от негативного влияния криминальных молодежных субкультур на общество или нестабильность современного общества привела к появлению новых контркультур. Также неизвестно, какие тенденции развития ожидаются, и как необходимо бороться с негативными последствиями, к которым ведут действия членов контркультур. Стоит обратить внимание, что нет единого мнения как по поводу основных причин появления молодежных криминальных субкультур, так и в вопросе о том, как решить проблемы молодежных грабежей, домогательств, уличных беспорядков и т. д.

Теоретической базой авторского исследования выступает социальный конструкционизм. Деятельность криминальных субкультур объясняется с позиции стигматизации И. Гофмана, Э. Лемерта. Также использована теория моральных паник С. Коэна, описывающая, каким образом репрезентация разнообразных социальных феноменов, в том числе подростковой девиации, средствами массовой информации способствует формированию представлений о реальном состоянии общества.

Субкультура – это система ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей социальной группы, составляющей часть целого, будь то общество или организация. Культура состоит из разветвленной системы субкультур, которые, в свою очередь, могут дополнять друг друга и находиться в симбиозе или иметь конфликт интересов.

Представитель теории стигматизации Г. Беккер считает, что ни один девиантный поступок не является девиантным, пока таковым его не будет признавать общество. Признание поступка нарушением общественных правил осуществляется не по внутреннему содержанию поступка, а по оценке обществом этого деяния.

Э. Лемерт утверждал, что стигматизация имеет разрушительный характер и выделял два типа девиации: первичную и вторичную. В рамках первичной девиации происходит нормализация поступка, все сводится к оправданию девиации. Целью социального окружения является сохранение идентичности человека, но нормализация может не произойти, тогда на человека навешивается ярлык «девиант». Первичная девиация опасна тем, что, если процесс нормализации не происходит, возможен переход от первичной девиации к вторичной. Вторичная девиация подразумевает, что и сам человек воспринимает себя как девианта. Определение индивида в качестве девианта порождает или усиливает отклонение, вследствие формирования представлений девианта о самом себе радикально изменяется публичная идентичность, девиантный статус индивида становится доминирующим при опубличивании.

Люди начинают идентифицировать индивида сквозь призму девиантности. Более подробно процесс приобретения человеком стигмы девианта происходит следующим образом: сначала происходит первичное отклонение, девиант получает общественное наказание, первичное отклонение повторяется, общество определяет более строгое наказание. Далее – отклонение, которое может происходить из-за неприятия и строгого наказания со стороны общества, следующим этапом является кризис терпимости, который выражается в формальных действиях, унижающих девианта, за этим следует усиление отклонения в поведении девианта как реакция на стигматизацию и наказания, наконец, последний этап – принятие девиантом своего социального статуса.

Распространение криминальной субкультуры признается проблемой современного общества. Но стоит отметить, что помимо того, что социальные проблемы конструируются людьми, наиболее важные из них выбираются для распространения в массы, происходит процесс преувеличения и излишней проблематизации социальных условий. С. Коэн утверждал, что моральная паника – это процесс проблематизации ситуации, которая сама по себе проблемой не является, то есть в обществе устанавливается паника по поводу воображаемой проблемы. Происхождение проблемы, которая вызывает моральную панику, зачастую неслучайный процесс. Одним из факторов, влияющих на формирование моральной паники, могут быть личные выгоды властных сил. Несмотря на это, моральная паника возникает спонтанно на фоне различных факторов, общество начинает считать некоторых людей, социальные группы или события наиболее опасными. Масс-медиа подхватывают общее настроение масс и выдают искаженную и преувеличенную сенсацию о проблеме. Медиа транслируют мысль о том, что развитие опасности ожидается в будущем, что еще больше наводит панику. Объекту моральной паники присуждаются определенные внешние характеристики, которые являются неким предупреждением об опасности. К тому же общество внимательнее начинает относиться к тем внешним маркерам, с которыми был связан объект моральной паники. Развивается особая культура социального контроля, в границах которой формируются общественные организации и группы самопомощи, инициируется принятие различных поправок к законам, проводятся профильные конференции и мероприятия.

Обратимся к современной статистике, поскольку она конструирует проблемы, в немалой степени определяет, стоит ли опасаться обществу тех или иных явлений. В целом, число преступлений несовершеннолетних имеет тенденцию к снижению. По итогам 2021 года количество преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (2020 г.) сократилось более чем на 13 % – с 33 575 до 29 126 [7].

По данным ведомства, несовершеннолетние в России ежегодно совершают или участвуют более чем в 40 тыс. преступлений. За первую половину 2021 года в большей степени молодежь совершала преступления против собственности, то есть кражи, мошенничества, разбои. Правоохранительные органы также зафиксировали 61 преступника,

нарушивших общественную безопасность. В список преступлений против общественной безопасности входят террористический акт, участие в криминальных группировках, которые в России признаны экстремистскими или террористическими, ложное сообщение о террористическом акте, хулиганство, вандализм, незаконные действия и нарушение правил обращения с оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами [7]. По последнему пункту осуждены 23 человека, более трети от всех преступников по данной статье.

На портале правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации можно заметить, что количество преступлений экстремистской направленности стало больше: на 2020 год отмечалось 833 преступления, а на 2021 год – около 1 тыс. преступлений [7]. Говоря о различных криминальных субкультурах в репрезентации официальных органов государственной власти, стоит отметить, что в 2020 году было выявлено около 10 тыс. человек, которые состояли в организованных преступных группировках, за 2021 год их число увеличилось и составило уже 12 тыс. человек [7].

Согласно данным статистики Генеральной прокуратуры, портрет преступника можно описать следующим образом: мужчины средних лет, имеющие среднее профессиональное образование, чаще всего без постоянного источника дохода [7]. Молодежь (14–29 лет) в меньшей степени совершает преступления по сравнению с более старшим поколением, однако есть виды преступлений, в отношении которых доля молодых людей превалирует: уклонение от воинской обязанности, грабеж, неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации. По данным статистики судебного департамента строится внешний облик преступника: молодые юноши 25–29 лет, чаще выросшие в неполной семье, учащиеся (университет, колледж, школа), зачастую совершающие преступления в группе [7].

Изучив основные памятки и методические рекомендации от МВД, можно определить, что государственные органы Российской Федерации выделяют две основные группы признаков, которые говорят о девиации молодого человека, в частности, о принадлежности к криминальным субкультурам. Первая группа – это внешние признаки (одежда, особые татуировки, знаки, символы), вторая – психологические признаки (ценности, идеи, нормы, общение со сверстниками, социализация, включенность в коллектив). К внешним характеристикам относят, в большей степени, идентифицирующие татуировки: роза ветров, использование предметов с различными символами, например, аксессуаров для медиаустройств, а также предметов, произведенных в местах лишения свободы: четок, заточек, игральных карт. Еще одним признаком внешнего проявления принадлежности к криминальной субкультуре является особый терминологический аппарат, который используется членами субкультуры. В методических рекомендациях указывается, что каждая субкультура имеет свои сленговые слова, например, представители субкультуры А.У.Е. (организация признана экстремистской в России – *Прим. автора*) используют такие выражения как «стукач», «жизнь по понятиям», «мусора» и так далее; члены субкультуры оффников говорят «поясни за шмот»,

«кежуалы», «паль», «пальпатруль», «забивы» или «вайны» и т. д. По этим ключевым словам, по мнению сотрудников МВД, можно определить члена криминальной субкультуры.

В методических рекомендациях МВД по борьбе с деструктивной деятельностью молодежи психологический портрет членов субкультур включает в себя такие признаки, как повышенная возбудимость, грубость и агрессия, склонность к депрессии, неспособность сопереживать, сочувствовать другим людям, разрыв социальных связей со сверстниками, стремление показать свое «бесстрашие» окружающим, желание быть в центре внимания, но при этом избегание людей, отсутствие близких людей из-за низкого уровня коммуникативных способностей. К тому же, у представителей криминальных субкультур отсутствует самостоятельность, они полагаются на своих друзей (других представителей криминальных субкультур); члены группировок, стараясь привлечь к себе внимание, совершают девиантные поступки, поскольку они всегда вызывают резонанс в сознании людей.

Стоит обобщить, какие ценности у представителей криминальных субкультур выделяют правоохранные органы. Молодых людей привлекает быстрый способ получения денег любым способом: кража, грабеж, то есть обогащение за счет других людей. Выделяется потребительское отношение к женщинам и старшим лицам, то есть представители молодежных криминальных субкультур не проникаются уважением к старшим людям, в том числе и к педагогам. Одними из наиболее ярких признаков выступают показательная трата награбленных денег, которая является способом произвести впечатление на людей, и «эпатажное потребление спиртосодержащей продукции в больших количествах».

Таким образом, правоохранные органы составляют четкий образ представителя криминальной субкультуры. Составление внешних характеристик, психологического портрета членов группировки помогает идентифицировать зарождение деструктивных направленностей в поведение ребенка, с целью корректировать его деятельность и избежать вовлечение в криминальную субкультуру.

Пробное социологическое исследование было направлено на получение целостного образа члена криминальной субкультуры в представлении россиян на примере жителей города Агрыз. Для этого был использован метод полуструктурированного интервью. Интервью были проведены в январе – феврале 2022 года в городе Агрыз.

Первый блок вопросов в гайде полуструктурированного интервью был направлен на выяснение общего понимания таких понятий как криминальные субкультуры, экстремизм, преступления. Информанты отмечают, что так или иначе знакомы с понятием криминальных группировок: если у старшего поколения слово «группировки» ассоциируется с 1990-ми, то молодежь вспоминает о группировке А.У.Е. (организация признана экстремистской в России – *Прим. автора*): «Конечно, я слышала о существовании криминальных субкультур, особенно в 90-е было страшно, родители постоянно пугали скинхедами, но помимо скинхедов были группировки и среди обычных

деревенских мальчиков» (Алсу, 42 года, учитель). «О криминальных группировках я сейчас уже слышу только по телевизору, но в мою молодость был полный их расцвет, творился бардак, состоять в таких группировках было модно» (Василина, 40 лет, учитель). «Я знаю, но сам лично не встречался, конечно, знаю, что, например, есть АУЕ – это криминальная группировка» (Александр, 22 года, студент). «Если АУЕ считается криминальной группировкой, то да, знаю, что это из себя представляет» (Ольга, 19 лет, студентка).

Рассматривая полученные интервью, можно отметить, что основной деятельностью криминальных субкультур (чаще всего речь шла о субкультуре А.У.Е., признанной в России экстремистской организацией, реже – о скинхедах) является «крышевание» членов своей субкультуры. Под термином «крышевать» понимается помощь, поддержка в различного рода спорах и ссорах, в том числе и конфликтах с полицией, более авторитетными представителями субкультуры: «Хороший вопрос, чем младшие именно занимаются не могу сказать, скорее всего, какие-то драки, дележка чепухи. А старшие крышуют друг друга, кто круче, у кого есть связи, тот и помогает тем, кто такими связями не обладает» (Василина, 40 лет, учитель). «Авторитеты собирают деньги с молодежи, помогают ей решать конфликты. Допустим, кто-то что-то не поделил, начинается драка или грозит ссора, ауешники уже звонят своим, чтобы те помогли разобраться, ну, берут количеством короче» (Роман, 23 года, безработный).

Представителям криминальных субкультур приписывалась следующая деятельность: кража, разбой, сбор денег с молодежи. «Первым делом, это хулиганство: музыку, там, громко повключать любят, детей попугать, стены разукрасить, но, может, и что-то серьезное быть, например, массовые драки или воровство. Про воровство, вот, тоже надо понимать, что две конфетки украсть – это не преступление, так, наверное, каждый мальчик в школе поступал, но, вот, стащить телевизор или телефон – это уже преступление, таким вот ауешники и занимаются. И то редко, потому что они не хотят светиться у полиции. В городе я не слышал, чтобы кто-то что-то украл, а вот про стрелки слышал, видеть даже удалось, такой отголосок 90-х почувствовал» (Владимир, 50 лет, сварщик). Прозвучало мнение, что криминальные субкультуры помогают социализировать детей-беспризорников, которые без присмотра могли бы оказаться в более плохом положении (в тюрьме за кражу или убийство, например): «Мне кажется, что АУЕ воспитывает детей беспризорников, дает какую-то базу норм, которые нельзя пересекать» (Александр, 22 года, студент), «Ну, мне не разрешали курить и пить, пока мне не исполнится 18 лет, тех, кто спит безразборно со всеми девушками города – били, ну, то есть был порядок, мне пришлось бросать пить и курить, я тогда в 9 классе был. Терпел, иначе старшие узнавали и били» (Роман, 23 года, безработный).

На вопрос о том, почему именно молодежь вовлекается в криминальные субкультуры, информанты отмечали психологическую неустойчивость молодежи, поиск себя и новых ощущений: «Да, манипулировать детьми легче, они все равно дети еще, 25 лет, – ну, что это, взрослый человек что ли?

Замануху свою расскажут, друзья подтвердят, что это круто, и все, грубо говоря, дело закрыто» (Владимир, 50 лет, сварщик). «В подростковом возрасте люди начинают искать себя, но не все же могут в учебе преуспеть или в спорте, кто куда смог, туда и ушел» (Ольга, 19 лет, студентка). «Просто-напросто от жира бесятся, современным детям ничего не надо, они и учителя легко послать могут, поэтому половина детей уже с этими зачатками к ненависти, ну и понятно, почему так легко подростки втягиваются в это АУЕ» (Алсу, 42 года, учитель). «Я думаю, это все нестабильная психика детей, легкая внушаемость и способность старших вводить в заблуждение. На моем опыте тоже такое было. Старшие просто говорят: ты можешь это сделать, тебе ничего не будет, детей не садят в тюрьмы и так далее. Статьи вообще имеют возрастную особенность, то есть за одну статью привлекают детей с 14 лет, к другой – с 16» (София, 35 лет, работник суда).

Следующий блок вопросов был посвящен признакам, по которым можно определить представителя криминальной субкультуры. Среди внешних признаков, которые присущи представителям криминальной субкультуры, информанты выделяли черные тона в одежде, спортивный костюм, наличие машины российского производства (чаще всего ВАЗ 21108, ВАЗ 2170 и ВАЗ 2107): «Все самое черное на себя наденут, встанут в центре города и будут слушать свои крутые рэпчики, – вот такой образ сразу в голове рождается. А если нормально подумать, то спортивный костюм и рядом с машиной какой-нибудь, приора там или семерка, у кого на что общак хватил» (Владимир, 50 лет, сварщик). «Все тело в татуировки забивают, носят черную одежду, всякие украшения, которые на золото похожи. А настоящее золото или нет, не понятно уже. Мне кажется, нет, если только не ограбили кого, но тогда не стали бы в маленьком городе носить на шее. Постоянно шатаются: не могут спокойно стоять на месте, видимо, связано с мыслями о том, что нужно сделать, а это же все нервы» (Василина, 40 лет, учитель). Также, описывая представителя криминальной субкультуры, упоминалась предпочитаемая музыка и стиль ведения социальных сетей. Музыка чаще романтическая, с контекстом сложной, несправедливой жизни.

Из интервью с Алсу, школьницей 17 лет:

– То есть есть какая-то определенная музыка, которую слушают только молодые люди, состоящие в криминальной субкультуре?

– Не совсем так, музыку любой и другой человек может слушать, ну, такую я имею в виду. Просто чаще эти слюнявые песни о любви пацана, которого бросил весь мир – это вот как раз к ауешникам. Желательно много мата и много жалости к себе и своей жизни. А еще что-то про «брат за брата»

– А не могла бы ты назвать исполнителей? Или, может, примеры привести?

– Мммм... нет, потому что я такое не слушаю, но какого-нибудь «Ярмака» наверное можно сказать. Кстати, я вспомнила, Нурминский – суперпример. На его концертах одни ауешники и собираются, вот и поют «ой, мама, мама, мент на меня газует»

– Да, о Нурминском я тоже слышала, интересно. А, вот, ты упоминала социальные сети. Чем их страница Вконтакте отличается от страницы обычного законопослушного человека?

– Сейчас уже я реже с таким сталкиваюсь, но, вот, раньше много было парней и девушек, который репостили с пацанских пабликов цитаты, типа крутые.

– А можешь привести пример, какие паблики? Какие цитаты?

– Паблики так и назывались «Любовь пацана», «Настоящий пацан», «Душа» и так далее, по цитатам конкретным если, то сейчас мемы в интернете же даже ходят «Волк слабее льва, но волк не выступает в цирке», что-то такое. Короче, показывают свою крутость.

По мнению опрошенных, члены криминальных субкультур любят быть в центре внимания, это выражается в том, что они носят: «Чаще это спортивные костюмы от известных брендов, но не оригинальная продукция, а ее копия, приобретенная на дешевом рынке: Это точно какой-нибудь Абибас или Рита вместо Пума. Откуда у них столько денег на не паленку, но крутым быть хочется, надо же показать свою силу и могущество» (Александр, 22 года, студент).

Было озвучено мнение, что по внешнему виду сложно определить, является человек представителем криминальной субкультуры или нет: «Сейчас молодежь самовыражается, как хочет, поэтому только по внешнему виду или, там, по одетому спортивному костюму я не стала бы ничего говорить. Но если человек в спортивном костюме пьет пиво, громко матерится, агрессивно настроен, то я могу сделать такой вывод. И то надо подумать, сейчас вся молодежь агрессивная, но не все же в криминал ушли» (Алсу, 42 года, учитель).

По мнению информантов, социально-психологический портрет молодого человека, который состоит в криминальной субкультуре, можно описать следующим образом. Информанты отмечают, что чаще это дети-беспризорники, которые лишены родительского внимания, а значит и воспитания: «Да это дети из неблагополучных семей, на моем опыте, это чаще происходило так. Мальчик, оставшийся без родителей, живущий с бабушкой, которому не хватает контроля со стороны взрослых» (Валерий, 20 лет, студент). «Знаете, есть два вида семей: злой полицейский и добрый полицейский, так вот, обе крайности приводят к тому, что ребенок может войти в какую-нибудь группировку» (София, 35 лет, работник суда).

Следующий блок вопросов был направлен на изучение мнения по поводу масштабов проблемы. Прозвучало мнение о том, что криминальные субкультуры (а именно признанная экстремистской организация А.У.Е.) не является проблемой, потому что их деятельность не приносит большого вреда обществу: «О них, может, и говорят плохо: грабят, там, убивают, но грабят-то они у тех, кто разницы в убытке не заметит, а про убийства я вообще не слышал, не думаю я, что они на такое способны. А шпану эту воспитывают, я понимаю, что воспитание это неправильное, но лучше такой контроль, чем никакой. Курить, пить и убивать запрещают – на этом и спасибо» (Александр, 22 года, студент). С другой стороны, по мнению информантов, вовлечение

молодежи является одной из главных проблем России, потому что молодое поколение – это будущее любого общества: «Конечно, это важная проблема, кризисы кризисами, а ведь если молодых потеряем в группировках, потом из кризиса никогда не выберемся. Да и за свою жизнь страшно, снова в 90-х оказаться мне бы не хотелось» (Алсу, 42 года, учитель), «Работая в сфере образования, я могу сказать, что это самая важная проблема, которую в первую очередь необходимо решать, потеряем контроль над воспитанием детей – потеряем будущее» (Михаил, 55 лет, директор школы).

Таким образом, в сознании людей существует определенный внешний облик представителя криминальной субкультуры, однако он отличается от того образа, который предлагают правоохранительные органы. Люди склонны оправдывать поступки молодежи и давать объяснения, почему человек вступил в субкультуру. Чаще эти деструктивные действия объясняются недостаточным вниманием и воспитанием со стороны родителей, и в меньшей степени, низкой заинтересованностью молодежи в творчестве, спорте и другой деятельности. А также, несмотря на то, что информанты редко слышат о преступлениях представителей молодежной субкультуры, не знают лично представителей АУЕ, считают криминализацию молодежи важной и острой проблемой. Стоит отметить, что информанты определяют криминализацию молодежи как важную и острую проблему российского общества, но при этом сами сталкиваются с проявлением криминальной деятельности намного реже, чем слышат о ней в новостях, от знакомых и так далее.

Литература

1. *Аберкромби, Н.* Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер, пер. с англ. / под ред. С.А. Ерофеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Экономика, 2004. – 620 с.

2. Алгоритм действий для педагогов по раннему выявлению и реагированию на деструктивное поведение несовершеннолетних, проявляющееся под воздействием информации негативного характера, распространяемой в сети Интернет // Министерство образования и науки: [сайт]. [Электронный ресурс]. – URL: https://mon.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2510063.pdf (дата обращения: 27.01.2022).

3. АУЕ: угроза реальная или мифическая? // ВЦИОМ: [сайт]. [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ae-ugroza-realnaya-ili-mificheskaya> (дата обращения: 24.11.2021).

4. *Беккер, Г.* Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности / Г. Беккер. – М.: Элементарные формы, 2018. – 249 с.

5. *Бовин, Б.Г.* Стигматизация: социально-психологические аспекты / Б.Г. Бовин, И.Б. Бовина // Психология и право. – 2013. – № 3. – С. 11–21.

6. В России запретили АУЕ (Арестанский уклад един) // BBC: [сайт]. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-53808013> (дата обращения: 21.11.2021).

7. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ: [сайт]. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 06.01.2022).

8. Информационные и методические материалы по развитию у детей и молодежи неприятия идеологии терроризма и по воспитанию традиционных российских духовно-нравственных ценностей МВД РФ: [сайт]. [Электронный ресурс]. – URL: [file:///Users/user/Downloads/Metodicheskie_materiali_FADM%20\(1\).pdf](file:///Users/user/Downloads/Metodicheskie_materiali_FADM%20(1).pdf) (дата обращения: 24.01.2022).

9. Информация УВД по СЗАО ГУ МВД России по г. Москве по профилактике вовлечения подростков и молодежи в неформальные группы деструктивной и экстремистской направленности. [Электронный ресурс]. – URL: https://spo-kr.mskobr.ru/attach_files/upload_users_files/5e423db01a637.pdf (дата обращения: 24.01.2022).

10. *Кадров, Э.* Новое прочтение концепта Гофмана «Стигма-идентичность» / Э. Кадров. // Социальные и гуманитарные науки. – 2012. – Сер. 11. – С. 4–5. 18.

11. *Карпец, И.И.* Преступность: иллюзии и реальность / И.И. Карпец. – М.: АСТ, 1992. – 432 с.

12. *Коэн, С.* Народные дьяволы и моральная паника / С. Коэн. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. – 363 с.

13. Памятка родителям по профилактике экстремизма // МВД РФ: [сайт]. [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1afkedp4a.78.xn--b1aew.xn--p1ai/document/13476311> (дата обращения: 24.01.2022).

14. *Cohen, A.* Delinquent Boys. The culture of the Gang / A. Cohen. – N.Y.: The Free Press, 1971. – P. 324.

15. *Lemert, E.* Social Pathology / E. Lemert. – N.Y.: McGraw-Hill, 1951. – P. 327.

«ДУМЕРЫ» КАК ПРЕДСТАВИТЕЛИ НОВОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ РОССИИ

Швецов Лев Константинович

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Хайруллина Юлдуз Ракибовна

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Центр перспективных экономических исследований
Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются «думеры» как представители новой молодежной субкультуры России, описываются ее ключевые идеи и элементы, представлены особенности, свойственные многим представителям этой субкультуры. Опираясь на подходы отечественных исследователей, выделены теоретические интерпретации понимания субкультуры в социологическом знании. На базе авторского эмпирического исследования, проведенного с применением качественной методологии (полуструктурированное интервью, n=15, март, апрель 2022 г.), собраны

и проанализированы ключевые характеристики представителей данной субкультуры.

Ключевые слова: молодежь, молодежная субкультура, думеры, Russian Doomer Music, думеризм, социализация, стиль жизни

Молодежные субкультуры привлекают умы многих исследователей-социологов. Их изучение не утрачивает актуальности и сегодня. Молодежные субкультуры изучали даже Р. Мертон и Т. Парсонс, авторы структурно-функциональной методологии в социологии [1, с. 2]. В рамках данной методологии молодежные субкультуры рассматриваются как проявление девиантного поведения индивидов. Согласно таким взглядам, каждая молодежная субкультура обладает определенной степенью рискогенности, они трактуются как способы нарушать баланс больших социальных систем, частью которых и являются. Некоторые исследователи (например, центр современных культурных исследований в Великобритании) рассматривали молодежные субкультуры как проявление классовой борьбы между культурами буржуа и пролетариев. По-видимому, с позиций структурного-функционализма, анализ молодежных субкультур продуктивен и в современных условиях.

После распада СССР в 1991 году, активировавшийся феномен молодежных субкультур начал особенно сильно интересовать отечественных исследователей, в условиях наметившихся процессов социальной аномии и дезинтеграции. Считалось, что движущей силой социально-политических изменений (к примеру, так называемых «цветных революций»), во многом, является молодежь. Поэтому в период становления Российской Федерации никак нельзя было допустить таких деструктивных субкультур, феномен подвергался внимательному изучению. Однако, разумеется, необходимо понимать, что не все молодежные субкультуры обязательно обладают деструктивным потенциалом для всего общества. Напротив, иногда молодежные субкультуры в позитивном смысле выступают вариантом социализации для молодых людей и девушек.

Обозначим некоторые характеристики, свойственные понятию «субкультура» в социологии, несмотря на отсутствие на сегодняшний день исчерпывающей точки зрения на данный феномен в научном сообществе:

– Отличные от доминирующей в обществе культуры нормы, ценностные ориентации, стереотипы поведения (Б. Ерасов) [2];

– Система ценностей, установок, моделей поведения, которая выделяется из доминирующей в обществе культуры и, как правило, противостоит ей (М.А. Жаркова, О.А. Максимова) [3]

– Средства для художественного самовыражения (К.Т. Теплиц) [4];

– «Стиль жизни» (М. Брейк) [5];

– «Картина мира» (К.Б. Соколов) [6].

В последние годы в интернет-среде набирает популярность новая молодежная субкультура, сами её представители именуют ее как «думерство» или «думеризм». Соответственно, представители данной субкультуры, в лице молодых людей и девушек, называют себя «думерами». Как будет видно далее,

из описаний такого феномена как «думеризм» в научной литературе и альтернативных источниках в интернете [7, с. 213–216.], «думеризм» можно рассматривать в качестве молодежной субкультуры, опираясь на представленные взгляды ученых.

В основе обозначения данного феномена лежит термин “Doom” (с английского «рок» или «судьба»). Родиной думеризма можно считать США. В определённый момент пользователи интернета начали часто использовать изображение (мем) с мультипликационным персонажем, который одет в чёрную толстовку, чёрную шапку, держит сигарету в зубах, вдобавок имеет круги под глазами. Позже начали появляться другие вариации изображения этого персонажа. Пользователи начали именовать этот образ как “Doom guy” (с английского *guy* переводится как «парень») или «Doomer» (думер). Иногда к персонажу добавлялся какой-то пейзаж, а где-то у «дум гая» появлялась щетина. Однако, общая идея образа оставалась такой же, какой была при ее зарождении: чёрная одежда, грустная мимика персонажа.

Рис 1. Одна из вариаций изображения Думера

Образ дум гая как правило нацелен на изображение человека, который погружён в грусть, печаль, безысходность, депрессию. Этот образ так же часто демонстрирует очень усталый вид. Ещё позже в этом изображении многие пользователи интернета начали узнавать себя, после чего образу думера начали предписывать проблемы в личной жизни и на работе, проблемы с социализацией. Некоторые люди предписывали думеру даже недовольство и разочарованность в капитализме, существующем социальном устройстве, так как все это якобы не даёт социальной мобильности. Иначе говоря, каждый пользователь в печальности думерского образа видел свои причины.

Так как интернет является всемирной сетью обмена информацией, то неудивительно, что изображения думера добрались и до России. Образ думера прижился ещё лучше, чем в США. Ещё больше интернет-пользователей

в образе дум гая начали узнавать себя. Интернет-пользователи начали модернизировать образ под российские реалии. Например, думера можно было увидеть на фоне серых пейзажей из панельных зданий ещё советской застройки. Появился и отдельный феномен, который пользователи именуют как “Russian Doomer Music” (русская думерская музыка). Русский рок и такой музыкальный жанр как пост-панк начали плотно ассоциироваться у пользователей с образом думера. Таким образом, в интернете сегодня можно встретить множество публикаций с изображением дум гая, к которому прикреплено музыкальное произведение в жанре русского рока или пост-панка. Очень примечательно, что у пользователей из США так же произошло закрепление этой музыки с образом думера.

Также пользователями в интернете часто используется образ девушки-думера (Doomer girl) [8]. Девушка-думер – полное отражение классического дум гая, только имеет противоположный пол. Аналогичным образом изображается в черной одежде, по замыслу многих авторов имеет схожие музыкальные предпочтения с дум гаем, а также взгляды на жизнь.

Рис 2. Стандартное изображение девушки-думера.

В Российской социологической науке, на сегодняшний день, данный феномен почти не рассматривается, поэтому существует необходимость его эмпирического изучения. Было проведено 15 интервью с представителями думерской субкультуры. Отбор информантов осуществлялся при помощи социальной сети “Vk”. В данной социальной сети существует немало сообществ, которые могут называться, например, «Думеры» или «Обитель думеров».

Для подписчиков данных сообществ было написано сообщение, в котором говорилось о изучении думерской субкультуры, а также

о необходимости проведения интервью с пятнадцатью представителями субкультуры. Многие подписчики с энтузиазмом приняли данное предложение, а затем на добровольной основе начали писать сообщения о том, что готовы принять участие в исследовании. Однако, к сожалению, среди думеров существует определенная тенденция в коммуникациях. Большинство думеров согласилось на интервью в чате, то есть путем отправки текстовых сообщений. На беседу по телефону согласились только 2 человека.

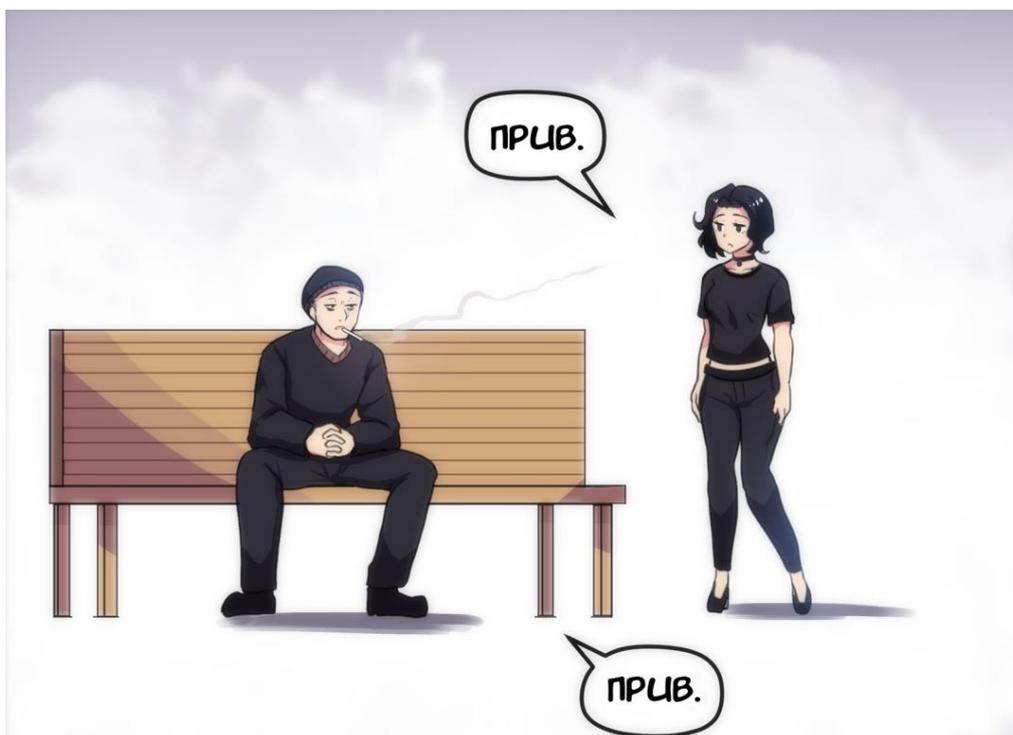

Рис 3. Одна из вариаций изображения дум гая и девушки-думера вместе

Целью исследования выступало выявление основных характеристик субкультуры думеров. Задачи:

- Определение возрастных диапазонов представителей сообщества;
- Предпочтения в массовой культуре, какой обычно у них досуг;
- Как они предпочитают одеваться;
- Вероисповедание;
- Темперамент;
- Где они учатся или работают;
- Практики и проблемы социализации.

Данное исследование носит пилотажный характер, служит для апробации инструментария, уточнения гипотез для проведения количественного исследования.

Особое место в исследовании занимает формирование понимания, насколько думеры социализированы, какие у них взаимоотношения с коллегами на работе или на учебе, какие у них взаимоотношения с семьей. Также важным является осмысление идеи думерской субкультуры, в чем кроется эстетика ее представителей.

Таким образом, можно сказать, целью проведения серии интервью является создание очертаний «портретов» думеров, а также понимание самой сути субкультуры. Нельзя исключать, что изложенные в СМИ точки зрения о сути думерской субкультуры не имеют под собой никакой эмпирической основы. Или же, например, может быть, что одних только наблюдений недостаточно.

Итак, согласно результатам авторских исследований, возрастной диапазон думеров составлял от 14 до 32 лет, что укладывается в социально-демографическую группу молодежи. Представители мужского пола преобладали над женским. Среди думеров есть школьники, студенты колледжей и университетов, а также занятые только работой люди. По образованию информанты встречались как гуманитарных направлений, так и технических. При проведении серии интервью, не было найдено устойчивых связей субкультуры с типом и уровнем образования. То же самое можно сказать и о работе, среди информантов мог встретиться как молодой инженер, так и тату-мастер.

В вопросе вероисповедания информанты чаще всего указывали, что являются либо атеистами, либо православными. Однако, имел место один нестандартный ответ, когда молодой человек ответил, что является сатанистом («путь левой руки»). Встречался и один язычник. Так, можно сказать, что нельзя выстроить каких-то гипотез о взаимосвязи думеров с каким-то конкретным вероисповеданием.

Абсолютно однозначно респонденты были схожи в своей интроверсии. Многие отмечали, что их досуг – это сидение дома, либо времяпровождение в узких компаниях, в окружении близких друзей. *«Провожу свободное время достаточно уныло, сидя дома за чаем»* (Информант 1, молодой человек, 27 лет). Похожим образом ответил и другой информант 23 лет: *«Позалипать на YouTube»*. (Информант 2. Молодой человек, 23 года).

Так же на вопрос, как обычно выглядит досуг, есть более развернутый ответ: *«Думаю, достаточно скучно. Это, наверное, сложный вопрос: чем можно себя занять? В последний год я усердно стараюсь понять, как можно себя развлечь, чтобы не было скучно жить»*. *«Поэтому мой досуг состоит из почти каждодневных прогулок с молодым человеком, поездок на машине, помощи близким и желания личного пространства»*. (Информант 2, девушка 23 лет).

Нельзя было отметить общего характера увлечений у респондентов, поэтому, пока гипотеза о каких-то взаимосвязях не выстроена. Кто-то мог увлекаться техникой, сиденьем с этой с целью в гараже, кто-то «хенд-мейдом», а кто-то и рисованием.

В отношении потребления массовой культуры думеры схожи в своих предпочтениях. Все они, как писала Sara Elaine Barrera, отдают свое предпочтение русскому року (группа «Кино»), пост-панку (группа «Молчат дома»). В кинематографе в основном предпочитают российские фильмы 1990-х. Нередко встречалась и такая трактовка в отношении кинематографа: *«Люблю фильмы, которые заставляют задуматься над смыслом собственной жизни,*

над тем, чего ты хочешь на самом деле». (Информант 4, молодой человек, 21 год).

С точки зрения темперамента, думеры в большей степени оказались меланхоликами, хотя и встречались флегматики, сангвиники, холерики. Реже всего – сангвиники. Можно сделать вывод, что многим думерам свойственны частые перепады настроения.

Думеры не выглядят точно так же, как их изображают в интернете. Однако, в своих предпочтениях в одежде все информанты выражали общее настроение. Думеры любят одеваться как можно проще и удобнее, так же большинство из них действительно отдает предпочтение исключительно чёрной одежде. Таким образом, хоть думеры и имеют общие визуальные черты (темные вещи в стиле «Спорт» или «Кэжуал»), едва ли представляется возможным распознать их в реальной жизни. Можно наблюдать множество людей, имеющих схожие предпочтения в построении своего внешнего вида. Однако, такие люди могут не являться думерами.

Актуальным аспектом изучения является анализ особенностей социализации молодежи на постсоветском пространстве) [8]. Согласно результатам исследований, сегодня рано делать выводы об особенностях практик социализации думеров. В гайде интервью были предусмотрены вопросы о взаимоотношениях с коллегами на работе или учебе, а также о взаимоотношениях с семьей. В равной степени находились информанты, которые рассказывали о плохих взаимоотношениях в семье и на учебе или работе, так и находилось столько же думеров, указывающих на хорошие взаимоотношения. Значимой корреляции думерской субкультуры и типа взаимоотношений с окружающими не выявлено.

Думеры, согласно полученным данным, в большинстве своем имеют склонность к частому появлению плохого настроения. Это отмечается и у тех респондентов, у которых нет проблем во взаимоотношениях с окружающими людьми. У большинства думеров есть потребность в романтических взаимоотношениях. Те, кто их имеет, придает им большую значимость.

Думеры, с которыми проводилось интервью, в интернете сидят в YouTube, Telegram, Vk. Что примечательно, почти никто не говорил о Instagram (ныне запрещенная социальная сеть). Это может наталкивать на некоторые мысли, ведь культура коммуникации в Instagram предполагает, что удельное большинство пользователей очень активно делятся с другими пользователями новостями из своей личной жизни. Судя по всему, учитывая свойственную думерам интроверсию, им такая культура не близка. Информантами не указывались сети в формате форумов. Однако, это не означает, что на форумах думеры не сидят. Сегодня в интернете можно найти множество форумов, где создаются темы, посвященные думерам.

У думеров не существует сленга или какой-то определенной терминологии, ни один респондент не давал информации об этом. Эстетика думеров так же заключается в их музыкальных и архитектурных предпочтениях (музыка рок, пост-панк, панельные здания). Как указывал один респондент,

эстетика кроется во всем винтажном. Так же стоит отметить, что немалое количество думеров находят эстетичным табакокурение.

У думеров нет какой-то четко зафиксированной идеологии в их субкультуре. Каждый понимает думеризм по-своему. Однако, из высказываний респондентов можно уловить схожие мысли. Развернутый ответ на вопрос о том, в чем философия думеризма, следующий: *«Думаю, именно “ностальгия” и есть философия думеров. Будто раньше, когда ты был ребёнком, все было намного спокойней, чем сейчас. Когда ты вырастешь, стараешься понять, кто ты. Став личностью, ты невольно оборачиваешься назад в прошлое и стараешься урвать за собой “кусочек” детства, когда ты своими глазами видел очень яркие рассветы, застал холодные зимы в колготках, слышал музыку, которую слушали родители, видел однотипные дома во дворах около школы (панельки), ездил к бабушке в деревню и увидел первую росу».* (Информант 3, Девушка, 23 года).

На данный вопрос были и такие высказывания:

«Обычно думеры – люди низкого социального статуса. Уставшие от жизни, скучающие по старым минувшим дням, кто по нулевым, кто по девяностым. Часто в плейлистах думеров старые песни, но родные нам даже в современном мире» (Информант 4, Молодой человек, 21 год).

«Думер – это человек, который надеется на лучшее, но уже ничего не ждёт. Они часто отвергнуты обществом за то, что они такие, как они есть. Настоящего думера не найти, но он есть в каждом из нас». (Информант 5, Молодой человек, 21 год);

«Думер – это не субкультура, а состояние души. Образ жизни, жизненный стиль». (Информант 6, Молодой человек, 22 года);

«А вот с философией трудно. По большей части всех нас, то есть людей-думеров, объединяет тоска. И не просто тоска, а русская тоска». (Информант 7, Девушка, 17 лет).

Опираясь на результаты проведенных исследований, можно выделить следующие социокультурные черты, духовные ценности, установки:

- Обособленность от других людей. Думеры – особенные;
- Грусть и тоска. Думерам тяжелее найти себя в обществе;
- Ностальгия. Думеры ищут успокоение в элементах прошедших времен.

Популяризацию субкультуры, по мнению самих думеров, осуществляют в основном музыканты. Однако, некоторые респонденты так же указывали на YouTube канал «Пост Россия». Стоит добавить, что в многом популяризации способствует обмен мемами (изображениями думеров).

По мнению многих думеров, их субкультура хороша тем (в отличие от эмо и готов, к примеру), что «Думеры – настоящие, а не позеры». Однако, многие с сожалением отмечали, что на волне возрастающей популярности все же появляются «ненастоящие» думеры. При вопросе о том, когда же респондент решил стать думером, почти все отвечали, что они были такими всегда, просто начали идентифицировать себя думерами, когда появились эти образы и думерская эстетика, именно тогда они в полной мере начали осознавать себя думерами.

Таким образом, можно сказать, что думеризм выступает субкультурой и обладает следующими характеристиками:

– Думеры имеют свои средства художественного самовыражения в виде музыкальных произведений и изображений (мемов);

– Сами думеры подчеркивают, что думеризм – это особый стиль жизни и мышления;

– У думеров есть свои стереотипы поведения, которые часто выражаются в интроверсии.

Можно сделать заключение, что сегодня думеризм является субкультурой, объединяющей подростков от четырнадцати лет и уже вполне взрослых молодых людей от тридцати лет. Все ее представители объединены любовью к русскому року, пост-панку, эстетикой панельных зданий. Все ее представители имеют схожие стереотипы поведения (обособление от других членов общества, интроверсия), так же всем ее представителям знаком часто используемый образ думера. И, самое главное, у каждого думера, несмотря на различие взглядов, есть свое самосознание, как у представителя субкультуры. Каждый думер уверенно именуется думером. Наконец, каждый думер предпочитает одежду черного цвета.

Также исследование показало, что не все думеры испытывают проблемы с социализацией, многие нуждаются в романтических отношениях. И, самое главное, центральная идея думеров – это смирение и принятие действительности. Ни один из ее представителей не говорил о необходимости перемен в общественном устройстве, что не свидетельствует о деструктивности думеризма, не позволяет его трактовать как дисфункцию социальной системы в рамках структурного функционализма.

Итак, полученные результаты исследований позволили сделать некоторые выводы, уточнить гипотезы, на базе которых планируются дальнейшие количественные исследования по теме, которые могут открыть новые нюансы. И, скорее всего, все не так просто.

Литература

1. *Бородина С.Н., Васильчук Е.О.* Роль субкультур в социальной мобильности молодежи в постсоветских обществах // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 4. – С. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-subkultur-v-sotsialnoy-mobilnosti-molodezhi-v-postsovetskih-obschestvah/viewer> (Дата обращения: 24.04.2022).

2. *Ерасов Б.С.* Социальная культурология. – Ч. 1. – М, 1994. – С. 268.

3. *Жаркова М.А., Максимова О.А.* Молодежные (пост)субкультуры в контексте становления постмодернистского и информационного общества // Вестник экономики, права и социологии. – 2012. – № 3. – С. 257–261.

4. *Теплиц К.Т.* Всё для всех: массовая культура и современный человек. – М., 1996. – С. 118.

5. *Brake M.* Comparative Youth Culture: The Sociology of Youth Cultures in America, Britain and Canada. London, 1985. – P. 13.

6. *Соколов К.Б.* Художественная жизнь современного общества. Том 1. Субкультуры и этносы в художественной жизни. Издательство «Дмитрий Буланин», СПб, 1996. – 237 с.

7. *Sara Elaine Barrera.* Russian doomer music, the soviet past, and disillusioned American youth: an America perspective on the popularity and presence of Russian doomer music and soviet culture in American Tiktok // Между перспективами новых идентичностей и вызовами войн памяти, материалы международной научной конференции аспирантов и студентов. – (Санкт-Петербург 2021). – Часть 1. – С. 213–216.

8. Веб-сайт о интернет мемах. – URL: <https://memepedia.ru/devushka-dumer/> (дата обращения: 24.04.2022)

9. *Хайруллина Ю.Р., Хайруллин Р.Р.* Идентификационный портрет населения Республики Татарстан: роль социальных институтов и особенности социализации личности в постсоветской России (на материалах КСИ 1990-х – 2014 гг. // Монография – Казань: ООО «Офсет-Сервис», 2015. – 152 с.

СЕКЦИЯ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ, СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ, ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ В ОБЩЕСТВЕ ПОЗДНЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ»

ФЕНОМЕН ИГРОМАНИИ КАК ФОРМА КУЛЬТУРНОЙ ДЕВИАЦИИ

**Аксакалова Мадина Кенжебековна,
Иманбекова Бибигуль Ильясовна**

*Казахский Национальный женский педагогический университет,
Алматы, Казахстан*

Аннотация. В статье дан краткий анализ феномена игромании и его проявление как формы культурной девиации. На основе проведенного анализа принятой в психиатрической и социологической науках терминологии освещены главные положения теории об игромании. Показаны стадии игровой зависимости и рассмотрены статистические данные на примере Казахстана.

Ключевые слова: гемблинг, девиантное поведение, десоциализация, игромания, культурная девиация, лудомания.

В современном гуманитарном знании существует несколько терминов, характеризующих такое сложное явление как патологическую игровую зависимость. Прежде всего, существует параллельное хождение терминов *игромания* и *лудомания* (от лат. *ludus* – игра и греч. *mania* – страсть, одержимость), которые являются синонимами, поскольку обозначают патологическое влечение (пристрастие) к азартным играм. Как видим, этот термин относится к психиатрической науке, так как характеризует состояние человеческой психики, когда человек не может самостоятельно справиться с пагубным пристрастием к играм, перерастающим постепенно в сложное, хронически протекающее психическое расстройство.

Имеет хождение также английский аналог термина лудомания, а именно *гемблинг* (от англ. *Gambling*), фактически это слово происходит от английского глагола – *to gamble* («играть в азартные игры»), подразумевающий играть для выигрыша или на выигрыш [1, с. 85]. Для характеристики именно пагубного пристрастия к игре применяют словосочетание *патологический гемблинг*, который является уже девиантным поведением, отклоняющимся от нормы. При этом социологи признают наличие и вполне нормального гемблинга, когда люди обращаются к играм для психологической разрядки от регулярного стресса на работе для психологической разрядки и свободного времяпровождения.

Анализируя феномен лудомании как девиантного поведения используют также термин *аддикция*, т. е. навязчивая привычка, ощущаемая человеком потребность в определённой деструктивной деятельности. Есть понимание, что лудоман характеризуется таким высоким уровнем зависимости от игры, что уже не отдаёт отчета в последствиях такого поведения, отрывается от реальной жизни, своих жизненных принципов, устоев, обязанностей и пр. Аддикция

подменяет эмоциональные отношения между людьми эмоциями в отношении собственных действий и вещей в игре.

При изучении игромании встречается также термин *нехимической аддикции*, т. е. отклоняющегося от нормы поведения, вызванного воздействием не определенных химических веществ – наркотиков, алкоголя, а прогрессирующим психическим расстройством сознания человека, погруженного в параллельную реальность. В этой связи раскроем также термин *девиантное поведение* – поступки, противоречащие человеческим нормам, принятым в обществе.

На основе проведенного анализа принятой в психиатрической и социологической науках терминологии осветим главные положения теории об игромании. Желание играть – изначально присущее человеку качество, которое сопровождает его с младенчества, поскольку игра способствует познанию мира и социализации, освоению в игре производственных действий и служит средством физического развития и досуга [2, с. 12]. Однако, когда естественное желание играть у ребенка, подростка, взрослого человека переходит в прогрессирующее неконтролируемое влечение, т. е. навязчивую манию, преодолеть которую самостоятельно невозможно, это превращается в патологический гэмблинг. Такое состояние уже разрушает привычный мир человека, его социальные связи, выбивает его на обочину жизни, приносит к материальным потерям, которые тяжело отражаются на его родных и близких. Сам игроман уже не способен также к адекватной профессиональной деятельности, так как его мысли связаны с поиском денег для продолжения азартных игр и пр. Лудоман постоянно идет на риск ради эфемерной надежды получить крупный выигрыш, который компенсирует уже сделанные в игру вложения. При неблагоприятном исходе игры лудоман не осознает свое рискованное положение и готов идти на новый риск. Азарт становится лейтмотивом жизни игромана.

Как мы видим, у игроманов как социальной группы степень вовлечённости в игру неумолимо прогрессирует и постепенно разрушает социально приемлемое функционирование. Это и есть результат сформировавшегося патологического пристрастия к азартным играм.

В современной психиатрии патологический гэмблинг как пагубное пристрастие к азартным играм относят к признанной патологии, внесенной как в МКБ-10 (шифр F63.0), так и в классификацию Американской ассоциации психиатров DSM-IV-R [3, с. 4]. Рассмотрим основные симптомы наличия лудомании:

- чрезмерное увлечение азартными играми;
- постоянное повышение денежных ставок в играх, перерывы между которыми сокращаются;
- потеря контроля над стремлением играть в азартные игры, постоянное желание получать эмоциональный выхлоп в игре;
- нарастающее чувство тревожности и раздражения, психоза в перерывах между играми или при попытке воспрепятствовать игроману продолжить игру;

– неоднократные возвращения к игре, чтобы отыгаться и вернуть утраченные денежные средства и заложенное имущество;

– игра рассматривается как способ побега от кома нарастающих проблем игромана, который только в игре достигает эйфории чувств;

– изменение личностных качеств человека вплоть до полной деградации, что проявляется во лжи, физической и словесной агрессии против близких членов семьи, лишении их семейного имущества;

– готовность на любые преступления с целью добычи денег для продолжения азартных игр;

– отсутствие осознания собственной ответственности за свои поступки, связанные с пагубным пристрастием к азартным играм, перекладывание ответственности за финансовые проблемы на других лиц;

– десоциализация игромана, теряющего доверие и любовь родных, уважение коллег и друзей и пр.

Современные исследования азартных игр выявили наиболее распространенные азартные игры, которые ведут к лудомании – лотерея, игровые автоматы, букмекерские ставки, игры в карты, нарды, игры в казино, азартные игры в Интернете, карточные игры, рулетка [4]. Все эти виды азартных игр получили распространение уже в 1990-е годы в постсоветских государствах, которые испытывали реформирование экономики, что сопровождалось безработицей и социальной напряженностью, а также деидеологизацией, утратой жизненных ориентиров. Данные социальные условия создавали почву для приобщения людей к игромании сначала с целью наживы, а потом ради своих фрустрированных желаний.

При изучении причин развития игромании у человека ученые делают акцент на механизмы вовлечения его к этой форме девиантного поведения [5, с. 11]. К этим механизмам относятся такие:

– *факторы внешней среды*: наличие игровой инфраструктуры в городской среде, доступность Интернета, наличие рекламы на баннерах и в средствах массовой информации;

– *мотивационный фактор*: выделяются мотивы для двух типов игроков – «игроки действия» приобщаются к азартным играм ввиду собственной высокой самооценки, стремясь доказать свои лидерские качества другим, для удовлетворения своей склонности к риску и легким победам; «игроки, убегающие от реальности» мотивируются необходимостью эмоциональной разрядки, приобретения нового круга общения, поскольку им недостает заботы и внимания со стороны родителей и др., т. е. для них игра – это компенсация от неудач, одиночества, стрессов и пр.; имеют место также ситуативные мотивы, связанные с вовлеченностью по просьбе друзей, подруг составить компанию, интересно провести время, с элементарным любопытством, желанием испытать фортуны, обогатиться за счет легкого способа, азартом, эмоциональным всплеском и пр.; затем начинают возобладать мотивы необходимости отыгаться выигрышем, вернуть долги, успокоить свою тревогу и депрессию хотя бы во время игры;

– *семейный фактор*: отсутствие обоих родителей или одного из них, отсутствие внимания и заботы со стороны родителей, агрессия и конфликтность внутри семьи, рукоприкладство как средство наказания, отсутствие взаимного уважения со стороны старших к младшим и наоборот, нарушение границ между полами и поколениями; культ материальных ценностей внутри семей в ущерб духовным и мотивационно-развивающим и пр. [6];

– *личный фактор* связан с имеющимися у человека качествами «потенциального игрока», связанными с азартом, высокой самооценкой, игнорированием мнения окружающих и пр.;

– *экономический фактор*: возможность легко обогатиться, улучшить свое финансовое положение и одновременно получить удовольствие от процесса игры, некую эмоциональную разрядку.

Игровая зависимость складывается постепенно, имея следующие стадии:

– *подготовительная стадия* сопровождается формированием устойчивого влечения к азартным играм; при этом у человека постепенно меняется сознание и самооценка, отношение к критике со стороны, развиваются тревожность, низкий эмоциональный фон в повседневной жизни, т. е. за гранью игровой деятельности, экспрессивность и нетерпимость к замечаниям и доводам окружающих, склонность к безграничному риску, потеря возможности реальной оценки ситуации и последствий, комплекс суперменства, когда человек ощущает себя всемогущим, удачливым, что толкает его на риск в игре, склонность к мистицизму и магии и пр.

– *стадия выигрыша* характерна на начальном этапе развития игромании, когда еще игроману кажется, что ему фартит, т. е. везет и так будет всегда; игроман уже не может себе отказать в желании играть и повышать ставки, все более погружаясь в игровую деятельность и отрываясь от своей реальной жизни;

– *стадия проигрышей* следует за предыдущей, когда игроман убеждается, что везти до бесконечности не может никому, у него нарастает раздражительность, агрессия против окружающих, он идет на ложь и обман с целью добыть деньги на игру, не платит по долгам, не выполняет своих социальных обязанностей, делает неудачные попытки прекратить играть;

– *стадия разочарования-отчаяния* характеризуется уже губительными для игромана социальными последствиями в виде разрушения семьи, потерей работы, разрывом с друзьями, заведением уголовных дел и заключением, развитием депрессии и суицидальных мыслей, попыток самоубийства, увлечением алкоголем, психотропными веществами, наркотиками, продолжением участия в азартных играх с надеждой отыграться;

– *стадия безнадежности* связана с зомбированным поведением игромана, который уже играет с отчаянием утопающего, который не может выплыть из течения, пока внешние обстоятельства не вырвут его или он не покончит с самой жизнью).

Временная продолжительность данных стадий носит индивидуальный характер, завися от типа личности, наличия воли, социального окружения и пр.

В целом, психиатры отмечают цикл от 1,5 до 3-х лет, хотя может быть и более длительный срок.

Описаны также и стадии выздоровления от игровой зависимости, которые включают:

– *стадию кризиса* (выражены абстинентные проявления, отмечается их постепенная редукция, нормализация сна и физиологических функций);

– *стадию восстановления* (возобновляются отношения со значимыми людьми, восстанавливаются социальные функции, решаются накопленные проблемы, появляются адекватные эмоциональные реакции);

– *стадию роста* (отмечается устойчивое снижение интереса к игре, появляется реалистическая оценка ситуации, поведение направлено к достижению обновленных социальных целей).

Ряд исследователей установили синдромы игровой:

– *синдром зависимости*: патологическое влечение; синдром игрового транса; абстинентный синдром; синдром проигрыша; синдром выигрыша);

– *синдром патологического влечения к игре*: вегетативные, психические, соматические нарушения;

– *абстинентный синдром*: вегетативные расстройства; психические нарушения и соматические расстройства);

– *синдром игровой деградации* на поведенческом, интеллектуальном, социальном и др. уровнях [7, с. 12].

Описанные синдромы из приведенной классификации не существуют изолированно, в отрыве друг от друга, а на практике тесно пересекаются, представляя некий симбиоз в различных вариациях.

В настоящее время выработаны психологические, психиатрические, социальные, педагогические подходы к патологически больным игровой зависимостью людям, в том числе к молодежи. По нашему мнению, именно комплексная терапия и профилактика способны поставить барьер на распространении такого девиантного поведения и вернуть к нормальной жизни трудоспособных граждан, способных принести вклад в развитие своей семьи и общества.

Исследование проблемы нехимической аддикции в виде игромании не получило широкого распространения в Казахстане. Однако в 2013 г. по инициативе кандидата медицинских наук, доцента кафедры педагогики и психологии Инновационного Евразийского университета в рамках научно-технической программы Республиканского научно-практического центра медико-социальных проблем наркомании (г. Павлодар) при содействии Brif Research Group был проведен опрос 4000 респондентов-обучающихся в образовательных учреждениях в 6 областях Казахстана: Западно-Казахстанской, Костанайской, Павлодарской, Карагандинской, Жамбылской, Южно-Казахстанской областях [8, с. 76].

Проведенные исследования позволили установить распространенность рисков вовлечения в игровую зависимость учеников школ, студентов колледжей и вузов. Среди учащихся колледжей оказался выше процент лиц с высокой степенью развития патологического гемплинга и компьютерной

зависимостью: соответственно 1,5 и 0,7 % против 1 и 0,4 % студентов вузов [8, с. 80]. Это ставит вопрос об организации учебного процесса в средних специальных заведениях, допускающая снижение мониторинга и контроля над внеучебной деятельностью учащихся, наличия у них излишнего досугового времени, которое тратится на азартные увлечения и Интернет-зависимость.

Таблица 3 – Распространённость рисков вовлечения в игровые аддикции в образовательных учреждениях

Параметры исследования		Общеобразовательные школы (n=1415)	Специализированные учебные заведения (n=1268)	Высшие учебные заведения (n=1317)
Игромания	Нет никаких последствий азартной игры	92,1±1,4%	86,21,9%*	92,3±1,4%*
	Уровень, который может привести к негативным последствиям	3,8±1%	5,4±1,2%	4,3±1,1%
	Высокая вероятность патологического гемблинга	4,1±1%	8,5±1,5%*	3,5±1%*
Компьютерная зависимость	Нет риска развития	33,4±2,5%	29,1±2,5%**	30,7±2,5%
	Стадия увлеченности	43±2,6%	45,4±2,7%	46,3±2,7%
	Риск развития	22,7±2,2%	23,8±2,3%	22,4±2,3%
	Наличие компьютерной зависимости	0,8±0,5%	1,6±0,7%	0,6±0,4%*

Прим. *P<0,01, **P<0,05

В отношении региональных показателей выявлена следующая картина:

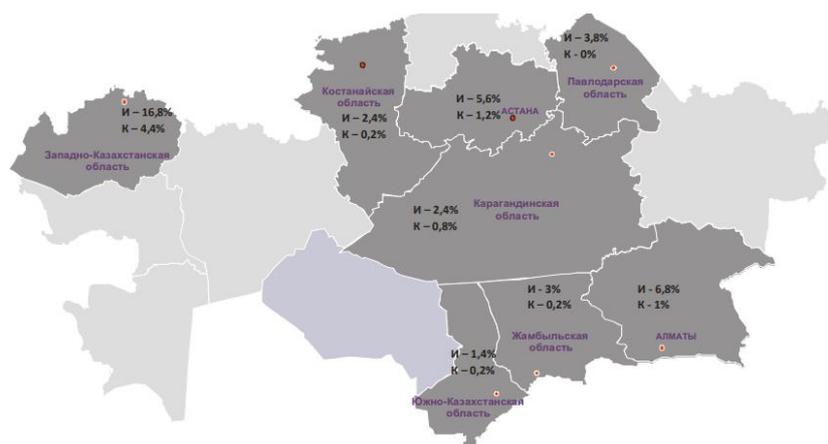

Рисунок 4 – Распространенность рисков вовлечения в нехимические аддикции в регионах РК

Психологический журнал, 2013, № 3-4

Как мы видим, по уровню риска вовлеченности в игроманию лидирует Западно-Казахстанская область (16,8 %), а также два крупных мегаполиса страны – Алматы (6,8 %) и Нур-Султан (5,6 %) [8, с. 80]. В целом, исследование показало, что риск формирования патологического гемблинга выше у парней,

чем у девушек, выше у людей с низким уровнем психологического здоровья. Средний показатель вероятности паталогического гемплинга составил около 5 %, а развития игровой зависимости около 23 %. Последний показатель настораживает, так как это практически четверть от всего количества опрошенных. Тогда как в мире только у 2–3 % людей есть вероятность игровой зависимости, и лишь у 1 % эта склонность оборачивается паталогическим гемплингом. Причем 70 % игроманов задумывались о суициде, из них 14 предпринимали конкретные попытки [9]. На повестке дня стоит вопрос о усилении мер в отношении профилактики данных негативных явлений в молодежной среде.

В этой связи можно приветствовать усилия неправительственной организации «Жас Ұлан», которая при поддержке Министерства информации и общественного развития, в 2022 г. запустила социальный проект, направленный на противодействие Интернет-зависимости, лудомании и кибербуллингу среди молодежи [10]. Для привлечения общественного внимания к этой острой социальной проблеме был объявлен конкурс короткометражных фильмов по этой тематике, во всех регионах созданы Telegram-группы для информационной, психологической поддержки групп риска. Существенным результатом проекта было выявление 74 сайтов, которые рекомендуют блокировать в личных кабинетах пользователей. Кроме того, молодежь из 17 областей прошли обучение по методике работы для профилактики Интернет-зависимости, лудомании и кибербуллинга.

Большое значение имеет реабилитационная работа среди лудоманов. К сожалению, в Казахстане не создано государственных реабилитационных центров, только частные, где услуги весьма дорогие, что может стать препятствием для социально уязвимых семей. Значительную работу проводит общественное объединение «Путь домой», где можно получить консультации по вопросам терапии, психологической поддержки. Будем надеяться на усиление внимания государственных органов к решению проблемы по уменьшению уровня игровой зависимости, в особенности среди молодых людей.

Литература

1. *Осинов Е.М.* Гэмблинг как девиантное поведение: психологические и социальные корни // Социология власти. – 2009. – С. 85–91.
2. *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Игры народов СССР. – М.-Л.: Академия, 1983. – 563 с.
3. *Ковалева Е.Б., Воронцова О.Г.* Профилактика, коррекция и реабилитация игровой зависимости: методические рекомендации. – Иркутск, 2015. – 102 с.
4. *Автономов Д.А.* Исследование обстоятельств приобщения, мотивации и отношения к участию в азартных играх у пациентов на разных этапах формирования зависимости // Вопросы наркологии. – 2010. – № 1. – С. 88–96.
5. *Карнов А.А.* Социально-психологическое содержание отношения к игре у зависимых игроков: Автореф. канд. психол. н. – Ярославль, 2011. – 27 с.

6. Горлова Е.Г. Патологические особенности игроков, зависимых от психоактивных веществ, и актуальные аспекты их психологической реабилитации // Наркология. – 2006. – № 9. – С. 64–88.

7. Дудко Т.Н., Мягкова М.А., Панченко Л.Ф., Бондаренко С.Н., Карутина Е.А. Клинические особенности игромании // Наркология. – 2006. – № 10. – С. 43–48.

8. Пак Т.В. Распространённость игромании в образовательных учреждениях РК // Психологический журнал. – 2013. – № 3–4. – С. 75–81.

9. Катков А.Л. Профилактика, лечение и реабилитация игровой зависимости: методические рекомендации. – Павлодар, 2012. – 87 с.

10. Интернет-зависимость и лудомания: как защитить казахстанских детей? 16.02.2022. – URL: <https://dknews.kz/ru/v-strane/218351-internet-zavisimost-i-ludomaniya-kak-zashchitit> (дата обращения: 18.04.2022).

УДК/ББК 33/65

ПРЕПОДАВАНИЕ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ В ШКОЛЕ, ФИНАНСОВЫЕ ЗНАНИЯ ВЗРОСЛЫХ И ВОПРОСЫ БАНКРОТСТВА

Алешина Анна Валентиновна, Булгаков Андрей Леонидович
*ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова», Москва, Россия*

Аннотация. Преподавание финансовой грамотности в школе формирует комплекс финансовых знаний взрослого человека, которые позволяют ему осознанно совершать хозяйственные сделки, понимать риски ряда финансовых операций. Отсутствие финансовой грамотности влечет за собой финансовые ошибки взрослых людей, необъективную оценку рисков финансовых операций, попадание в сложную финансовую ситуацию, рост долгов по кредитам. Изучение вопросов финансовой грамотности в школе позволит повысить уровень финансовой и правовой грамотности взрослых и снизить риск попадания взрослых в процедуру банкротства в связи с большой суммой долгов.

Ключевые слова: финансовая и правовая грамотность школьников, преподавание обществознания, метод обучения с помощью кейсов.

Статистику банкротств физических и юридических лиц ведет федеральный портал по банкротству Федресурс (<https://fedresurs.ru/about>) [1]. На портале отражается информация по количеству поданных заявлений по банкротству физических и юридических лиц, и с каждым годом количество дел по банкротству увеличивается.

Часть дел по банкротству связана с низкой финансовой и правовой грамотностью людей, которые берут потребительские кредиты и не до конца оценивают возможные риски такого кредитования и свои возможности

возвратить взятые долги. Согласно информации портала Федресурс «количество граждан (включая индивидуальных предпринимателей), признанных банкротами в 2020 году составило 119 049, что на 72,6 % больше, чем в 2019 году» [2].

С 1 сентября 2020 года вступили в силу поправки в закон «О несостоятельности (банкротстве)» [3], в соответствии с которыми была упрощена процедура банкротства физических лиц в отдельных случаях. В предыдущей версии законодательства о банкротстве процедура банкротства физического лица занимала время (могла занимать время даже более трех лет) и стоила достаточно дорого (не менее 100 тыс. рублей), так как требовала участия в процедуре банкротства арбитражного управляющего, которому надо было платить зарплату, а также необходима была оплата ряда процедур в банкротстве, в том числе публикации объявлений о банкротстве и иных расходов. Прежняя процедура предусматривала продажу имущества должника (кроме единственного жилья), погашение долгов кредиторов, при этом если денег не хватало на погашение всей суммы долга, то непогашенная сумма списывалась и должник освобождался от необходимости платить оставшуюся сумму долга и мог начать жизнь «с чистого листа».

Так как процедура банкротства физических лиц задумывалась в целях освобождения от долгов людей, попавших в сложную жизненную ситуацию, не во всех случаях прежняя процедура банкротства была эффективна. В связи с расходами на нее не все физические лица, попавшие в сложную финансовую ситуацию, могли ее пройти. Поэтому была введена новая упрощенная процедура, которая не требовала таких расходов на ее проведение, как первоначальная версия закона. Согласно новой процедуре должнику не предоставляется финансовый управляющий, а также нет необходимости платить судебные пошлины и иные расходы, в том числе за включение данных в реестр. Новой процедурой банкротства должник может воспользоваться в случае, если сумма долга составляет от 50 тыс. рублей до 500 тыс. рублей.

После введения упрощенной процедуры все большее количество физических лиц решает воспользоваться этой процедурой. По итогам 2021 года была опубликована статистика Федресурса из которой видно, что количество граждан, признанных банкротами (включая индивидуальных предпринимателей), каждый год увеличивается, и если в 2015 году таковых было только 860 человек, то в 2020 году уже 119 тысяч, а в 2021 году уже 192 тысячи (см. рисунок), то есть динамика такова, что количество банкротств физических лиц практически удваивается каждый год.

- Количество граждан (включая индивидуальных предпринимателей), признанных банкротами в 2021 году составило 192 846, что на 62% больше, чем в 2020 году.
- За период существования процедуры потребительского банкротства, с 1 октября 2015 года по 31 декабря 2021 года несостоятельными стали уже 475 126 граждан.

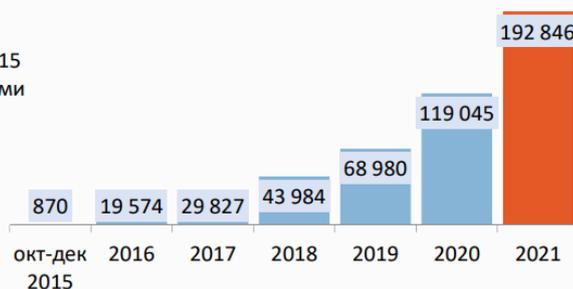

Рис. Количество банкротств граждан по данным Статистического бюллетеня Федресурса по банкротству от 31 декабря 2021 года [2]

Такая динамика банкротств физических лиц в том числе связана с низкой финансовой и правовой грамотностью граждан, которые берут большое количество потребительских кредитов, недостаточно тщательно оценивая риски такого кредитования. Часто складывается ситуация, когда гражданин берет новый кредит, чтобы этим кредитом погасить долги по предыдущему кредиту, и сумма долгов только увеличивается.

Одним из решений этой проблемы является более детальное обсуждение во время преподавания предмета Обществознание в школе вопросов финансовой и правовой грамотности. В темы Право и Экономика, которые изучаются в рамках предмета Обществознание в школе, входят темы по кредитованию, гражданскому праву, а также иные темы, изучение которых позволит гражданам более взвешенно оценивать риски совершаемых операций.

Наиболее эффективным изучение этих тем представляется на базе конкретных практических кейсов, в рамках которых можно разобрать финансовые последствия заключения ряда сделок, правовые аспекты этих сделок, последствия неисполнения обязательства по договору. Одной из особенностей банковского кредитования является право банка устанавливать неустойку в случае несвоевременного платежа по кредиту. В ряде случаев размер неустойки может составлять очень большую сумму и должник, задержав платеж один раз, попадает в «замкнутый круг» – сумма долга растет, и пока он не погасит неустойку, он не может погасить основную сумму долга, то есть основная сумма долга так и остается в «просрочке». При этом существуют юридических механизмы, позволяющие снизить сумму начисленной неустойки, например, ст. 333 ГК РФ предусматривает, что если сумма начисленной неустойки явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, то суд вправе снизить сумму начисленной неустойки. Несмотря на наличие такой нормы в Гражданском кодексе РФ большое количество граждан продолжают платить большую неустойку, начисляемую банками, в силу того, что они просто не знают о существовании такой нормы, которая может позволить им снизить суммы неустойки, уплачиваемые при просрочке

платежей по кредиту. Поэтому изучение таких вопросов в рамках предмета Обществознание в школе позволит повысить уровень финансовых знаний школьников и когда они будут уже взрослыми они смогут более грамотно защищать свои права, в том числе в суде.

Повышение уровня финансовых правовых знаний школьников в рамках изучаемых правовых и экономических тем по предмету Обществознание в школе круг знаний, необходимых взрослому для применения в их обычной хозяйственной деятельности.

Литература

1. Федеральный портал по банкротству [Электронный ресурс]. – URL: <https://fedresurs.ru/about>

2. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству. 31 декабря 2021 года. [Электронный ресурс]. – URL: [https://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20Федресурс%20банкротство%2031%20декабря%202021.pdf#:~:text=%20Количество%20граждан%20\(включая%20индивидуальных,стали%20уже%20475%20126%20граждан](https://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20Федресурс%20банкротство%2031%20декабря%202021.pdf#:~:text=%20Количество%20граждан%20(включая%20индивидуальных,стали%20уже%20475%20126%20граждан) (дата обращения 01.04.2022).

3. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 289-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства гражданина».

ФАКТОРЫ НАРКОТИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЙЕМЕНА

Аль-Халеди Мухьялдин Мохаммед Ахмед

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье раскрываются и анализируются факторы, влияющие на наркотизацию населения Йемена, особенно отдельные социально-демографические группы, такие как молодежь и дети. Выделяется специфика влияния таких факторов, как религия, традиции, взаимодействие современных социально-политических и социально-культурных особенностей развития современного Йемена в целом, отдельных его территорий и регионов. Делается вывод о комплексном влиянии факторов на наркотизацию и необходимости выделения детерминант при выработке эффективной политики противодействия наркопотреблению, особенно в группах риска.

Ключевые слова: наркотизация населения, социальная инклюзия, качество жизни, социальная дезорганизация, шариат

В современном Йемене существует множество социально-экономических, военно-политических, социокультурных, исторических, религиозных, а также биологических и психологических факторов, влияющих на положение населения, его социальное самочувствие и степень наркотизации. Реальность современного Йемена чрезвычайно специфична и комплекс этих факторов образует иерархию, имеет точки напряжения и детерминанты. Одновременно ситуация динамична, зависит от окружающей среды и постоянно меняется во времени.

Конечно, противостояние наркотизации эффективно при выявлении базовых детерминант, прежде всего влияющих на наркотизацию в целом и отдельных социальных групп, особенно детей и молодежи, чем выступают социокультурные условия, которые нуждаются в реорганизации для эффективного преодоления наркозависимости и ее сокращения в стране. К особенностям этой сферы Йемена относятся:

– недостаточное развитие системы образования и в целом образовательных услуг, образовательная система страны страдает от нехватки педагогов [1, с. 757–780], что ограничивает возможности молодежи в образовательном и профессиональном росте, перспективах получения достойной работы, позволяющей обеспечить свое и качество жизни семьи;

– отсутствие восходящей социальной мобильности, личной и профессиональной реализации, улучшения качества жизни, обеспечения благополучия детей в будущем;

– неразвитость сферы культуры и досуга, способов реализации активности молодежи и детей, духовного развития, здорового образа жизни.

Что касается образования в Йемене, то грамотность взрослого населения достигает 70,3 %. Согласно международным оценкам, из людей старше 15 лет около двенадцати с половиной миллионов могут читать и писать на одном из языков страны, при этом более пяти миллионов на сегодня еще безграмотны. Если сравнить уровень грамотности по гендерному признаку, то среди мужчин грамотно 85 %, среди женщин 55 %. Молодежь в Йемене рассматривается в возрасте от 15 до 24 лет и ее уровень грамотности выше – 90 % (98 % мужчин и 83 % женщин) [2].

По структуре образование выглядит следующим образом: высшее составляет 22,5 %, неполное высшее 3,1 %, среднее профессиональное 35,5 %, 11 классов – 15,5 %, 9 классов – 8,5 %, 5 классов – 8,4 %, без образования и неграмотные 1,0 %.

Также к особенностям иерархии факторов наркотизации населения в Йемене относится особая история и традиции, существующие в стране, по практикам потребления веществ растительного происхождения (катожевания) как формы релаксации и досуга большинства взрослого населения. Такие практики не осуждаются общественным сознанием и не считаются девиацией и противоправным поведением. Нужно отметить, что «пожевать» листья ката (так употребляет этот вид наркотического растения) предпочитают свыше 1\3 жителей страны, при общей численности населения в 25 млн. человек. Это растение жители Йемена называют «аль-макиль». В переводе «процесс отдыха». Таким образом, подобная традиция, которая сложилась из антистрессовой практики, способа снять усталость, стала частью культуры народа, заменив в некоторой степени употребление алкоголя.

Среди факторов наркотизации населения существенным выступает неудовлетворительное состояние экономики, поскольку Йемен – одна из наиболее бедных стран арабского мира. Низкое качество жизни и маргинализация стимулируют наркопотребление, особенно молодежи. Годовой ВВП на душу населения составляет 2,5 тыс. долларов, что занимает

173 место в мире, и опережает только Судан и Мавританию. Экономика держится благодаря финансовой помощи Саудовской Аравии в 3,25 млрд. долларов и добычи и экспорта нефти, занимающей 70 % бюджета страны [3, с. 56]. Экономические реформы по диверсификации экономики пока реализуются с трудом.

В целом промышленность составляет 51 % ВВП – добыча и переработка нефти 25 % ВВП; небольшие текстильные и кожевенные предприятия; пищевая промышленность; ручные ремёсла; небольшой завод по выплавке алюминия; производство цемента; ремонт небольших судов.

Сфера обслуживания – 39 % ВВП. Сельское хозяйство 10 % ВВП, 75 % работающих – зерно, фрукты, овощи, бобы, кофе, хлопок; молочные продукты, скот (овцы, козы, коровы, верблюды), птица; рыболовство. В долинах, на террасированных горных склонах земледельцы выращивают хлопок, фрукты и овощи. Другие йеменцы кормятся рыболовством; многие также ремесленничают и торгуют своими изделиями на базарах. В целом, как показывают данные, страна преимущественно промышленно неразвита, большинство населения занято в низкопроизводительном сельском хозяйстве [4].

Взрывной рост демографических показателей в Йемене выступает особым социально-экономическим фактором маргинализации населения и роста наркопотребления в стране. Прирост населения в стране один из наибольших в мире и составляет 3,05 %. Средний возраст населения около 17 лет, при этом дети до 15 лет – 44,3 %, люди трудоспособного возраста от 15 до 64 года лет – 52,8 %, люди пожилого возраста от 65 лет и старше – 2,9 %. Число молодежи в несколько раз превышает количество взрослого трудоспособного населения, что ведет к бедности и росту криминализации, наркотизации общества.

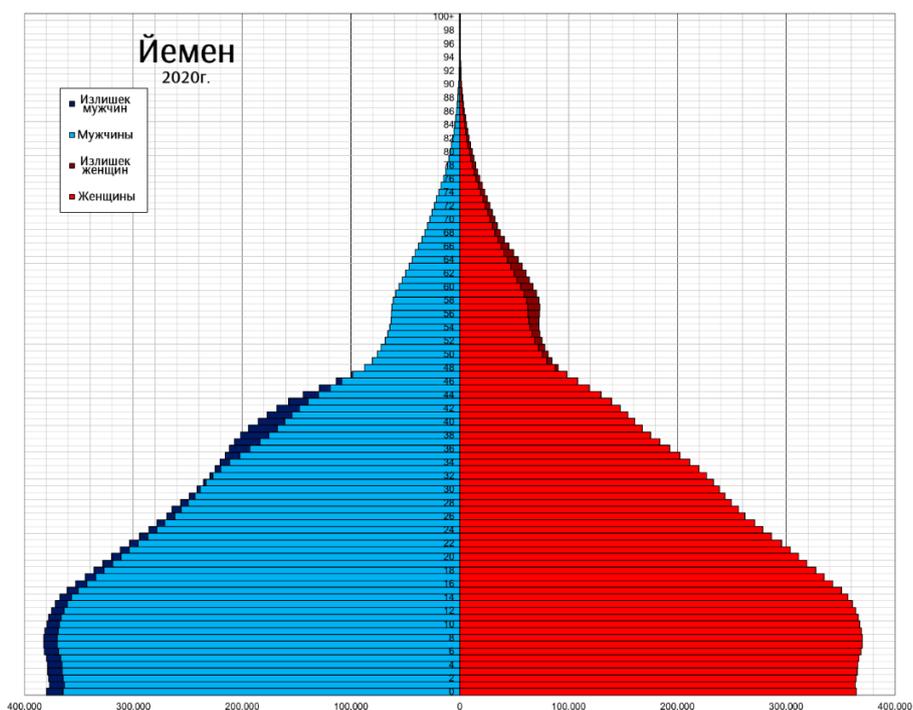

Рис. 1. Половозрастная пирамида населения Йемена

Возрастная пирамида Йемена имеет прогрессивный или растущий тип. Такой тип пирамиды обычно имеют развивающиеся страны. Для демографии таких стран характерна относительно короткая ожидаемая продолжительность жизни, в результате высоких смертности и рождаемости. Высокие показатели смертности и рождаемости обусловлены, наряду с другими причинами, низким уровнем здравоохранения и образования.

Рассматриваемая демографическая модель негативно влияет на социальную и экономическую сферы жизни общества, качество жизни населения, вызывая его маргинализацию. Подобное состояние отражает соответствующий коэффициент демографической нагрузки, который фиксирует давление на общество и экономику нетрудоспособного населения – младше 15 лет и старше 64 лет. От такого государства требуется постоянный рост расходов на социальную политику, социальную поддержку незащищенный слоев, обеспечение образовательными учреждениями, услугами здравоохранения, различными выплатами и льготами. Особенностью демографической модели Йемена является то, что его коэффициент общей демографической нагрузки равен 83.9 %, что означает паритет трудоспособного и нетрудоспособного населения, когда каждый работающий должен обеспечить одного неработающего. Это высокая социальная нагрузка на общество, и государство неспособно оказать услуги в растущем объеме из-за малочисленности трудовых ресурсов и неразвитости промышленного производства для обеспечения занятости. Итак, существенным социально-экономическим фактором наркотизации населения выступает качество жизни населения, зависящее в первую очередь от занятости. Занятого населения в Йемене 56,6 %, безработных 13,4 %, пенсионеров 27 %, инвалидов 8,16 % [5].

Необходимо отметить, что страна имеет сложное административно-территориальное деление, обусловленное новейшей историей своего развития. Так, до 1990 года Йемен существовал как два отдельных государства. На сегодня Йемен делится на 22 мухафазы, они подразделены на 333 района, которые подразделены на 2210 подрайонов, и затем на 38 284 деревни.⁷⁰ [6]. (см. рис. 2)

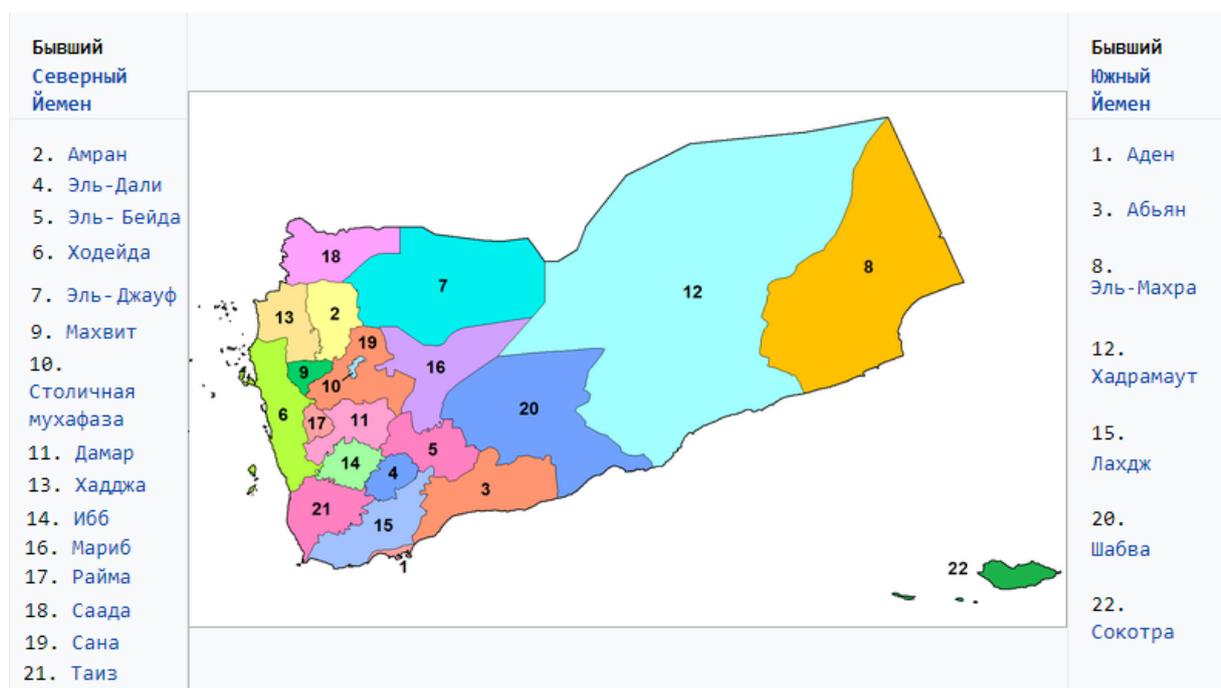

Рис.2. Современное административное деление Йемена на мухафазы

Кроме этого фактора также существует сложная этнокультурная структура населения, включающая разделение населения Йемена на племенные конфедерации и десятки племен. Так, север страны населяют такие племенные конфедерации, как: хашид и бакиль, племена бени матар, бени харис и другие; юг – племена субайхи, хаушаби, амири, яфай, фадли, аулаки и другие [7, с. 342]. Состав этносов представлен, в основном, афро-арабскими мулатами; незначительно, индийцами, пакистанцами, выходцами из Бангладеш. Йемен также поликонфессиональная страна: ислам проповедуют 99,1 % (30 879 793) населения, иудаизм 0,6 % (186 961), христианство 0,2 % (62 320), нерелигиозные атеисты составляют 0,1 % (31 160) [8]. В условиях нестабильной экономики и сложной социально-политической ситуации этнокультурность и поликонфессиональность также не способствует социальной стабильности и часто выступает фактором дезинтеграции в обществе.

Как было отмечено выше, в стране не развито промышленное производство, население страны преимущественно аграрное, городское население составляет 37 %. В то же время, в последние годы происходит резкий рост городского населения, что влечет радикальный слом традиционного уклада жизни, что также можно отнести к группе социально-экономических факторов, влияющих на наркотизацию. Средняя доля городского населения отличается по регионам: на юге страны данный показатель чуть выше, чем на севере. Это создает трудности трудоустройства молодежи и порождает условия увеличения числа наркоманов в городской среде.

Фактором дезорганизации также выступает то, что в Йемен стекаются тысячи беженцев из стран северной Африки, где отношение к потреблению наркотиков более терпимо властями, а наркопотребление более распространено, чем употребление алкоголя. И беженцы, не сумевшие

адаптироваться к местным условиям, найти работу занимаются воровством, кражами, продажей и потреблением наркотиков.

Еще одним существенным фактором социальной дезинтеграции и социально-экономической аномии в Йемене является перманентный военно-политический конфликт. Противостояние повстанцев-хуситов с коалицией, возглавляемой Саудовской Аравией, длится с 2014 года, которое повлекло в стране гуманитарную катастрофу, смерть тысяч мирных жителей от голода. Согласно данным организации «Спасите детей» с 2015 по 2018 годы от недоедания умерло 85 тысяч детей до пяти лет. А по данным ООН за четыре года войны почти 14 млн. граждан страны находились под риском голодной смерти [9].

Наконец, отношение населения к наркотикам также неоднозначно и осложнено в Йемене религиозными факторами. Йеменские законы – это типичные образцы арабских законов, которые регулируют обращение с наркотиками. В Коране, главной книге ислама, изложены ключевые его принципы. Основным догматом является повиновение единому Аллаху и Мухаммеду его посланнику. Первая и основная причина строгого канонического запрета в Исламе на употребление наркотиков – опьянение рассудка, недееспособность человека в результате приема этих веществ. Такая категория как хамр, отчетливо демонстрирует полный запрет мусульманам употреблять не только алкоголь, но и содержащие наркотики вещества. Поэтому, законодательная власть в Йемене, также как в Саудовской Аравии, руководствуясь шариатом, принимает достаточно жесткие нормативно-правовые акты, направленные на борьбу с этими проблемами, особенно в части незаконной деятельности по распространению наркотических веществ [10, с. 155].

Завершая рассмотрение феномена наркотизации населения в Йемене, необходимо отметить, что на существующие практики влияет комплекс факторов: военные конфликты, нерешенные политические и экономические проблемы, гуманитарный кризис, история, религия, социокультурная среда. По мере их преодоления и эволюции, решение проблемы употребления наркотиков населением, особенно детьми и молодежью, возможно в рамках сочетания последовательной, научно обоснованной государственной политики противодействия наркотизации, опирающейся на профессиональное социологическое сопровождение, и усилий мусульманского сообщества и НКО, реализующих передовые практики социальной инклюзии депривированных групп [11, с. 147–152; 12, с. 194], в том числе в рамках российского опыта.

Литература

1. *Nader Fergany*. The Impact of Emigration on National Development in the Arab Region: The Case of the Yemen Arab Republic // Center for Migration Studies of New York, Inc. – 1982. Winter (№ 4). – P. 757–780.

2. “Yemen population literacy” UNESCO Institute for Statistics. – URL: <http://data.uis.unesco.org/> (дата обращения: 14.03.2022)

3. *Шкваря Л.В.* Преобразования в арабских странах ССАГПЗ и некоторые их результаты в XXI веке // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2015. – № 7 (79). – С. 56.
4. *Максим Майорец, Константин Симонов.* Сжиженный газ – будущее мировой энергетики. – М.: Альпина Паблишер, 2013. – 360 с.
5. Population size in Yemen. – URL: <https://bdeex.com/naselenie/yemen/> (дата обращения: 14.03.2022).
6. Administrative divisions of Yemen. – URL: <https://www.populationdata.net/pays/yemen/> (дата обращения: 14.03.2022).
7. *Кириченко В.П.* Политический кризис в Йемене: социально-экономический, религиозный и племенной факторы // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. – 2014. – № 8. – С. 342.
8. The Global Religious Landscape. Pew Research Center. – URL: <https://www.pewforum.org/2012/12/18/global-religious-landscape-exec/> (дата обращения: 14.03.2022).
9. Yemen: up to 85,000 young children dead from starvation. The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/nov/21/yemen-young-children-dead-starvation-disease-save-the-children> (дата обращения: 14.03.2022)
10. *Масаб Али Сауд.* Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с наркотизмом в Йеменской Республике и Саудовской Аравии: дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2000. – 155 с.
11. *Eflova M.Y.* Social exclusion of socially deprived groups in Russia // The Social Sciences Journal. – 2015. – Vol. 10, № 2. – P. 147–152.
12. *Ефлова М.Ю.* Социальное исключение депривированных групп в современном обществе // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 1. – С. 190–194.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЕМ РЯЗАНИ

**Анисина Елена Алексеевна
Котова Ирина Николаевна
Проноза Андрей Викторович**

*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
Рязань, Россия*

Аннотация. Категория «качество жизни населения» рассматривается как сформировавшаяся в массовом сознании обобщенная оценка совокупности характеристик условий жизни. Результаты исследования позволили оценить основные составляющие качества жизни в зависимости от гендерной принадлежности респондентов. Особое внимание обращено на проблемы, с которыми сталкиваются горожане в жизненно важных сферах.

Ключевые слова: качество жизни, материальные потребности, потребности человека, рейтинг качества жизни, социальное самочувствие, условия жизни населения, экологическая обеспокоенность.

Актуальность социологического исследования качества жизни в регионе обусловлена тем фактом, что, начиная с 2008 года, в нашей стране оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления проводится с учётом общественного мнения по удовлетворенности основными составляющими качества жизни [1].

В 2021 году по поручению Президента РФ разработана методика рейтинга качества жизни в субъектах РФ (далее – Рейтинг), основанного на мнении местных жителей [2]. Рейтинг даёт объективную картину того, как потребности человека удовлетворяются в каждом из регионов, помогает выявить области для улучшений и определить ориентиры по ним. Цель Рейтинга – создать стимулы для региональных органов власти к формированию качественной среды для жизни людей.

Актуализация расчета качества жизни региона с учётом мнения местных жителей обусловила выбор темы и цели данного исследования – изучить удовлетворенность населения города Рязани основными составляющими качества жизни.

Исследование проводилось в ноябре – декабре 2021 года на базе Центра социологических исследований Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (далее – ЦСИ) в форме устного социологического опроса. В опросе приняли участие жители города Рязани в возрасте от 18 лет и старше.

При разработке анкеты были выделены четыре блока индикаторов, отражающих наиболее существенные составляющие качества жизни.

Первый блок позволил оценить условия жизни населения, включающие обеспеченность мощностями инфраструктуры и коммуникациями.

Второй блок позволил выявить экологическую обеспокоенность населения.

Третий блок отражал степень удовлетворения материальных потребностей населения.

Четвертый блок отражал социальное самочувствие населения, позволяя выяснить мнение респондентов о том, как они стали жить за последний год и как станут жить в ближайший год.

По данным Росстата, численность населения г. Рязани на 1 января 2021 г. составила 534801 чел. [3]

Расчёт выборочной совокупности осуществлялся при помощи онлайн калькулятора [4].

При доверительной вероятности 99,7 %, а также доверительном интервале погрешности в 5 % выборочная совокупность составила 898 респондентов.

Фактически было опрошено 984 респондента. Таким образом, превышение реальной выборки над расчётной, составило 86 респондентов или 9,5 %.

Такое превышение числа опрошенных, по нашему мнению, позволяло в случае необходимости осуществить ремонт выборки без дополнительного опроса респондентов, т. е., методом отбраковки сомнительных или не полностью заполненных анкет.

К опросу в качестве интервьюеров привлекались студенты факультета социологии и управления Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Отбор респондентов осуществлялся случайным образом, в знаковых для каждого района города местах. При этом интервьюерам ставилась задача приблизительно соблюсти равенство числа респондентов по полу и возрасту.

В качестве инструментария, для сбора первичной социологической информации было использовано стандартизированное интервью, насчитывающее 20 закрытых вопросов.

Опрос проводился методом стандартизированного интервью которое включало 20 закрытых вопросов. Подобный выбор объясняется следующим:

Во-первых, простотой, дешевизной и относительно малым временем, необходимым для сбора первичной социологической информации, т. е., возможностью в относительно короткий срок охватить опросом больше число респондентов.

Во-вторых, удобством восприятия респондентами вопросов интервью как говорится «на ходу».

В-третьих, простотой первичной обработки анкет, не требующей применения сложных статистик.

В-четвёртых, недостаточными компетенциями интервьюеров и отсутствием у них опыта подобной работы. Простота инструментария в целом нивелировали этот недостаток.

В анкету были помещены вопросы, отображающие следующие аспекты субъективного восприятия качества жизни жителями города:

А. Содержательный блок:

1. Дороги и общественный транспорт (вопросы 1–2).
2. Жилищно-коммунальное хозяйство (вопросы 3–4).
3. Благоустройство и условия для досуга (вопросы 5–7).
3. Экология (вопросы 8–9).
4. Проблемные вопросы повседневного бытия (вопрос 10).
5. Жилищные условия (вопрос 11)
6. Доход и уровень жизни (вопросы 12–14).
7. Восприятие будущего (вопросы 15–16).

Б. Демографический блок: пол, возраст, социальный статус, уровень образования (вопросы 17–20).

Составленный инструментарий и заложенный в его логической структуре алгоритм анализа полностью соответствовал поставленным целям и задачам исследования.

В ходе исследования одной из гипотез стало предположение о том, что на субъективное восприятие и оценку уровня жизни существенно влияет пол респондентов.

Если кратко, то такое различие может быть объяснено разделением труда, имеющим в своей основе принадлежность к определённому полу, а также различием в восприятии и реализации внутрисемейных ролей, связанных с реализацией её основных функций.

С целью выявления зависимостей ответов респондентов от их биологического пола, были составлены двумерные таблицы распределений.

Остановимся на анализе различий в ответах респондентов мужчин и женщин на заданные вопросы.

В первую очередь следует отметить высокий уровень корреляции ответов мужчин и женщин по вопросам 1–3, 6–8 11 и 16 (использовался коэффициент Спирмена) [5]. Эта связь оказалась статистически значимой на уровне 0,05. Поэтому было принято решение визуального анализа полученных данных, оформленных в виде таблиц двумерных распределений. При основном внимание уделялось различиям, а не сходствам в ответах респондентов.

Условно, для удобства сравнения число мужчин и женщин было принято равным 100 %, т. е.:

474 – мужчин респондентов – 100 %

510 – женщин респондентов – 100 %

Итак, при ответе на вопрос: «Как Вы оцениваете качество функционирования общественного транспорта Вашего города?» мнения респондентов разделись наиболее полярно при выборе варианта ответа «затрудняюсь ответить». Для мужчин этот вопрос вызывал больше трудностей, по сравнению с женщинами (см.: табл. 1).

Таблица 1

Различия в ответах респондентов
при оценке качества работы общественного транспорта

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Затрудняюсь ответить	51–10,8	28–5,4
Различие в 5,4 %		

Интересным оказалось сравнение ответов респондентов по поводу того, как они сравнивают свои жилищные условия. Так, мужчины больше склонны оценивать свои жилищные условия в положительном контексте, в основном как «отличные» и «хорошие». Оценки женщин несколько сдвигаются в сторону отрицательной составляющей, как «хорошие» и даже «плохие» (см.: табл. 2).

Таблица 2

Различия мнений респондентов при оценке своих жилищных условий

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Хорошо	217–45,8	250–49,0
Различие в 3,2 %		
Плохо	22–4,6	32–6,3
Различие в 1,7 %		

По разному оценили качество предоставляемых жилищно-коммунальных услуг респонденты мужчины и женщины. Особенно ярко эти различия были заметны при выборе ответа «плохо».

Таким образом, вполне можно предположить, что мужчины не слишком критично относятся к своим жилищным условиям по сравнению с женщинами (см.: табл. 3).

Таблица 3

Различия в ответах респондентов,
при оценке качества предоставляемых жилищно-коммунальных услуг

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Плохо	65–13,7	104–20,4
Различие в 6,7 %		

В принципе, одинаково отметили респонденты (мужчины и женщины) качество предоставляемых жилищно-коммунальных услуг. Однако женщин, всё же, в большей степени волнует вопрос водоснабжения, по сравнению с мужчинами (см.: табл. 4).

Таблица 4

Различия в ответах респондентов
при оценке конкретных видов жилищно-коммунальных услуг

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Водоснабжение	113–23,8	148–29,0
Различие в 5,2 %		

Интересными оказались различия ответов респондентов на вопрос: «Каких из перечисленных элементов благоустройства не хватает там, где Вы живете?».

Поскольку предполагалось, что отвечая на этот вопрос можно выбрать несколько вариантов ответов, то в данном аспекте женщины показали большую активность, заинтересованность и креативность (см.: табл. 5).

Таблица 5

Различия в предпочтениях респондентов
при выборе элементов благоустройства города

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Детская площадка	51–10,8	73–14,3
Различие в 3,5 %		
Места для выгула собак	42–8,9	61–12,0
Различие в 3,1 %		
Различные насаждения (кустарники, деревья, клумбы)	41–8,6	71–13,9
Различие в 5,3 %		

В целом подобная динамика ответов прослеживается и при ответе на следующий, шестой вопрос «Как бы Вы оценили благоустроенность Вашего города?».

Так, мужчины больше склонны к позитивной оценке благоустроенности, а женщины – к негативному. Причём по некоторым позициям различия в ответах довольно существенны (см.: табл. 6).

Таблица 6

Различия в ответах респондентов при оценке уровня благоустроенности

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Хорошо	161–34,0	135–26,5
Различие в 7,5 %		
Удовлетворительно	190–40,1	232–45,5
Различие в 5,4 %		
Плохо	74–15,6	94–18,4
Различие в 2,8 %		

Что касается оценки условий для проведения досуга в городе, то здесь, при всём сходстве ответов мужчин и женщин, следует выделить позицию «плохо». Женщины всё же склонны более критично воспринимать такие условия.

Трудно сказать, причины такой оценки, но вполне вероятно, что здесь имеет смысл отдельно изучить сами формы досуга, которые популярны у мужчин и женщин. Вполне вероятно, что досуговые формы, пропагандируемые и распространяемые в Рязани, больше носят маскулинную направленность (см.: табл. 7).

Таблица 7

Различия в ответах респондентов
при оценке условий для проведения досуга

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Плохо	51–10,8	65–12,7
Различие в 1,9 %		

Что же касается экологии, то и здесь, как и в предыдущем вопросе, женщины были более категоричны, и их оценки были более негативными по сравнению с мужчинами.

При всех прочих равных оценках, количество ответов «неблагоприятная обстановка», у женщин намного превысила такие же оценки мужчин. Впрочем, и другие варианты ответов, выбранные женщинами, также свидетельствуют об их большей заинтересованности экологическими проблемами (см.: табл. 8).

Таблица 8

Различия в ответах респондентов
при оценке экологической ситуации в городе

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Неблагоприятная	177–36,7	237–53,5
Различие в 16,8 %		

Уточняющий вопрос, заданный респондентам прояснил ситуацию. Наиболее существенными проблемами и мужчины и женщины посчитали «сильную загазованность воздуха», «шум» и «недостаток зелёных насаждений», «качество питьевой воды».

Кстати, напомним, что при ответе на один из предыдущих вопросов женщины также отмечали проблемы с водоснабжением.

Таким образом, данную проблему следует признать особенно актуальной, поскольку её отметили респонденты (именно женщины), отвечая на разные вопросы анкеты.

Тоже самое следует сказать и об озеленении города. Данная проблема, если так можно выразиться, «всплывает» сразу в нескольких вопросах. И во всех случаях её вербализуют именно женщины (см.: табл. 9).

Следует отметить, что при распределении других вариантов ответов на этот вопрос, процентные различия оказались ещё менее заметны.

Таблица 9

Различия в мнениях респондентов при ответе на вопрос: «Если Вы не удовлетворены качеством окружающей среды, назовите факторы, вызывающие беспокойство?» (несколько вариантов ответа)

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Сильная загазованность воздуха	237–50,0	260–51,0
Различие в 1 %		
Качество питьевой воды	188–40,1	244–47,8
Различие в 7,7 %		
Шум	100–21,1	113–22,2
Различие в 1,1 %		
Недостаток зелёных насаждений	68–14,3	101–19,8
Различие в 5,5 %		

Ну и на «лобовой» вопрос об основных городских проблемах, мужчины и женщины также ответили по-разному.

Так, большее внимание женщины уделили проблемам, связанным с получением качественной медицинской помощи. Однако здесь следует учесть то обстоятельство, что опрос проводился накануне эпидемиологических мероприятий, т. е. в то время, когда уровень заболеваемости был уже достаточно высок (см.: табл. 10).

Вариант ответа «Плохое качество инженерных коммуникаций (отопление, канализация)», который выбрали большинство женщин (в сравнении с мужчинами), также косвенно свидетельствует о причинах недостаточного качества питьевой воды и водоснабжения в целом (см.: табл. 10).

Таблица 10

Различия в ответах респондентов при анализе основных проблем жизни города, которые их волнуют (несколько вариантов ответа).

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Плохое качество инженерных коммуникаций (отопление, канализация)	75–15,8	86–16,9
Различия в 1,1 %		
Трудности в получении качественной медицинской помощи	124–26,2	160–31,4
Различия в 5,2 %		

Что касается уровня дохода, то здесь, ожидаемо, женщины оказались в категории менее обеспеченной группы населения по сравнению с мужчинами (см.: табл. 11).

Таблица 11

Различия в ответах респондентов при оценке уровня своего финансового положения (уровня дохода)

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Ниже среднего	111–23,4	136–26,7
Различия в 3,3 %		

Конкретизация предыдущего вопроса подтвердила нашу догадку. Мнения мужчин при оценке своих денежных доходов выраженных в покупательной способности, в линейке ответов тяготеют в сторону удовлетворённости, а женщин – наоборот, в сторону – неудовлетворённости (см.: табл. 12).

Таблица 12

Оценка покупательной способности респондентов

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	33–7,0	19–3,7
Различия в 3,3 %		
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом	215–45,4	263–51,6
Различия в 6,2 %		

В целом, оценивая свой уровень жизни за последний год, мужчины были более оптимистичны, что также коррелирует с ответами на два предыдущих вопроса, касающихся уровня дохода и покупательной способности (см.: табл. 13).

Таблица 13

Индивидуальная оценка своего уровня жизни за прошедший год

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Лучше	134–28,3	116–22,7
Различия в 5,6 %		
Хуже	126–26,6	153–30,0
Различия в 3,4 %		
Как и раньше	195–41,1	221–43,3
Различия в 2,2 %		

Причём, опасение вызывает тот факт, что женщины не видят перспектив к улучшениям, полагая, что в будущем они будут жить так же, как и раньше, т. е., изменений к лучшему не предвидится (см.: табл. 14).

Таблица 14

Оценка ответов респондентов об уровне жизни в обозримом будущем

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Как и раньше	172–36,3	204–40,0
Различия в 3,7 %		

Вполне вероятно, что это больше всего тревожит женщин, в отличие от мужчин (см.: табл. 15).

Таблица 15

Различия в ответов респондентов по поводу тревоги за будущее

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Тревожит	154–32,5	221–43,3
Различия в 10,8 %		
Совсем не тревожит	45–9,5	32–6,3
Различия в 3,2 %		
Затрудняюсь ответить	19–4,0	4–0,8
Различия в 3,2 %		

Подвод итог, можно сделать следующие выводы:

1. Распределение ответов респондентов на вопросы в количественном отношении не слишком зависят от пола респондента, о чём свидетельствуют результаты ранговой корреляции. Именно поэтому, при оценке мнений респондентов в целом по городу, данными различиями, можно пренебречь. Однако визуальный анализ таблиц двумерных распределений по отдельным позициям (вариантам ответов респондентов разных полов) позволяет, как говорится «вручную» нащупать болевые точки города и горожан.

2. Интересно, что на вопросы полуоткрытые и многовариантные женщины отвечали более охотно, а мужчины – более односложно. Количество выбранных женщинами вариантов (из предложенных к выбору) был более объёмным по сравнению с таким же количеством выборов у мужчин.

3. Среди так сказать «женских» проблем, на которые в большей степени заострили внимание респонденты-женщины в первую очередь необходимо выделить:

– общая удовлетворительная оценка работы общественного транспорта (а могла бы и лучше);

– необходимость совершенствования благоустройства города и создания условий для досуговой деятельности. Причём эта деятельность, по мнению женщин, в первую очередь, должна затронуть благоустройство придомовых территорий – асфальтирование дорог, места для парковки автомобилей, места для выгула собак, детские площадки, озеленение. По всей видимости, данные требования, как мы думаем, можно объяснить заботой о детях, семейными проблемами.

– неблагоприятная экологическая обстановка;

– трудности с водоснабжением, качеством воды и инженерными коммуникациями с ними связанными (отопление, водоснабжение, канализация), о которых также в первую очередь заявили именно женщины;

– сложности в получении качественной медицинской помощи;

– оценка жилищных условий женщинами по сравнению с мужчинами оказалась более негативная;

– более низкий доход у женщин, по сравнению с мужчинами и более высокие потребности в денежных средствах. По всей видимости, с ростом цен на продукты питания и товары первой необходимости, данные проблемы будут только нарастать;

– более пессимистичный и взгляд на будущее у женщин и большие уровень субъективного ощущения тревоги за будущее, по сравнению с мужчинами.

4. Выявленные проблемы и различия в их восприятии мужчинами и женщинами можно признать несущественными, но тот факт, что они имеют место требует проведения дальнейших исследований, что и планируется сделать. Направления дальнейшего научного поиска будут сконцентрированы на увеличении объёма выборки и расширении и усложнении инструментария.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов». «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139508 (дата обращения: 01.03.2022).

2. Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. [Электронный ресурс]: URL: <https://asi.ru/news/185445/> (дата обращения: 01.03.2022).

3. Сайт: [statdata](http://www.statdata.ru) страны, города, статистика, население <http://www.statdata.ru/naselenie/gorod/razan> (дата обращения: 21.03.2022).

4. Официальный сайт: Расчёт выборки / allcalc [Электронный ресурс] – URL: <https://allcalc.ru/node/100> (дата обращения: 12.03.2022) – Текст: электронный

5. Официальный сайт: Psychol-ok Психологическая помощь [Электронный ресурс] – URL: https://www.psychol-ok.ru/statistics/spearman/spearman_02.html (дата обращения: 25.03.2022).

СОЦИАЛЬНЫЙ АУДИТ – ВАЖНЫЙ ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Галиев Гали Талхиевич

*Уфимский государственный нефтяной технический университет,
Уфа, Россия*

Гимаев Ильдар Закиевич

*Институт стратегических исследований Республики Башкортостан,
Уфа, Россия*

Аннотация. В статье актуализируется необходимость использования социального аудита в исследовании социально-трудовых отношений в Евразийском пространстве. Обосновывается понимание того, что устойчивое развитие компаний, сочетающее экономические, социальные и экологические факторы, ведет к снижению предпринимательских рисков, укрепляет конкурентоспособность, повышает эффективность персонала и лояльность потребителей, улучшает репутацию компаний, создает позитивный вклад предпринимательского сообщества в экономическое и социальное развитие территорий своего присутствия. Тем самым создаются благоприятные условия для реализации долгосрочных стратегий развития бизнеса на основе соблюдения баланса интересов, заинтересованных сторон. Научно обосновываются принципиальные возможности и преимущества социального аудита.

В статье раскрывается суть и научная значимость исследовательского проекта «Технологии управления социальным аудитом» по итогам которого разработана методология и методика проведения социального аудита, определены критерии оценки социальной деятельности предприятий и организаций разных форм собственности, осуществлен поиск эффективных путей взаимодействия органов власти, бизнеса и социальных институтов в осуществлении социальной политики.

Дана модель социальной ответственности современных предприятий, в соответствии с которой рассмотрены внутренний и внешний социальный аудит как основной объект исследования.

Ключевые слова: социально-политический аудит, социальные риски и ответственность, социальная ответственность предприятий, внутренний и внешний аудит.

Череда зарубежных санкций, принятые внешнеполитические решения, происходящие негативные изменения в Евразийском пространстве в условиях пандемии требуют сегодня от государств ЕАЭС принципиально

новой, выверенной социальной политики, кардинальной ревизии вектора социального развития. Сегодня перед государствами Евразии остро стоят вопросы: «Как управлять?», «Какими средствами, ресурсами и методами?».

Глубокие, фундаментальные исследования этих проблем в условиях спада экономики позволяют осуществить переход от интуитивного, разрозненного, разнопланового и разнохарактерного метода к всесторонне обоснованному, технологически рассчитанному методу управления социально-экономическими процессами. И в сфере социально-трудовых отношений появятся новые инструменты исследований. Такие как аудит конкурентоспособности, социальные технологии регулирования отношений между наемным трудом и капиталом и т. д. В этих условиях востребованным становится социально-политический аудит как современный инструмент, технология выявления факторов социальных рисков и выработки предложений по снижению их воздействия.

Социальный аудит – это технология многовекторного диалога с социальной средой, способствующая развитию конкурентоспособности региона, консолидации общества, устойчивому развитию в долгосрочно перспективе. Исследования, проводимые в ходе социального аудита, позволяют выявить причины возникновения социальных проблем, проанализировать факторы социальных рисков в условиях рецессии и выработать предложения по снижению их воздействия, определить, насколько профессионально качественно политические, социальные и общественные институты в Евразийском регионе выполняют «социальный заказ», реализуют те или иные социальные программы, оправдывают ожидания населения. Для этого необходимо разрабатывать показатели и индикаторы, которые будут отражать вклад каждого предприятия в социальную сферу, поскольку социальная отчетность – это инструмент управления репутацией организации и важный ресурс оптимизации социального партнерства в Евразийском регионе. Таким образом, в современной экономике все большую роль начинают играть социальные факторы и основным критерием оценки эффективности бизнеса должна стать конкурентоспособность как социально-экономическая категория.

Так в чем же суть социального аудита? Каковы его возможности? Социальный аудит дает возможность:

Во-первых, оценить деятельность предприятия в области человеческих ресурсов; экологии, охраны здоровья и безопасности, отношений с местным сообществом.

Во-вторых, сопоставить систему ценностей предприятия, его поведение в вопросах деловой этики, внутреннюю операционную практику, организацию менеджмента с ожиданиями ключевых заинтересованных сторон: сотрудников, собственников, поставщиков, потребителей и местных сообществ.

В-третьих, определить потери от социально безответственного поведения бизнеса в отношении сотрудников, прежде всего входящие в текущие расходы, потери прибыли при страховых выплатах и штрафах.

А также, внедрение аудита конкурентоспособности придаст новый импульс в развитии. Подобная система способствовала бы сохранению политической и социальной стабильности в Евразии.

В мировой практике социальный аудит используется уже в течение многих лет. И это повышает авторитет ответственных компаний, наглядно демонстрирует их вклад в социальную инфраструктуру общества.

Что касается России, в последние годы все большую популярность приобретают социальные отчеты, которые предоставляют крупные компании, однако в целом говорить о технологии внедрения таких отчетов преждевременно, поскольку правовая основа социального аудита и его инструментарий только начинают создаваться. Следует отметить, что на сегодняшний день существует как минимум 25 различных стандартов нефинансовой отчетности. Однако представители российского бизнеса не хотят слепо копировать их. Одни объясняют это тем, что у нас в стране сложилась совсем иная корпоративная практика. Другие полагают, что социальная ответственность бизнеса – это, прежде всего, филантропия и добросовестный маркетинг, а существующие стандарты слабо отражают эти процессы. Мы изучили и взяли за основу инструментарий проведения оценки социальной деятельности предприятий, основанный на методике Министерства социальной политики Дании и адаптированный к условиям российских реалий.

Авторский коллектив Галиева Г.Т. в течение последних лет реализовывал исследовательский проект «Технологии управления социальным аудитом». Данный проект запатентован [1].

Его цели – разработка методологии и методика проведения социального аудита; определение критериев оценки социальной деятельности предприятий и организаций разных форм собственности; поиск эффективных путей взаимодействия органов власти, бизнеса и социальных институтов в осуществлении социальной политики.

Успешно провели апробацию данного проекта на НПП «Молния» (Республика Башкортостан, г. Уфа), подготовлен аналитический отчет по её результатам; выработаны рекомендации по выявленным социальным рискам.

В ходе исследования была разработана методология и методика проведения социального аудита; определение критериев оценки социальной деятельности предприятий и организаций разных форм собственности; поиск эффективных путей взаимодействия органов власти, бизнеса и социальных институтов в осуществлении социальной политики; выработка результативного механизма социального диалога с населением [2].

Также мы попытались выстроить модель социальной ответственности предприятия, типичную для России. Она, на наш взгляд, должна учитывать менталитет российских граждан, принимать во внимание исторические этапы развития нашего общества и специфику российских рыночных отношений и включать основные объекты социального аудита. К внутренним объектам социального аудита относятся качество политики в отношении персонала, условия и безопасность труда, социально-трудовые и межличностные отношения в коллективе. Внешний аудит составляет оценка социальной

политики предприятия прямого и косвенного действия: в области охраны окружающей среды, системы менеджмента качества, взаимодействия со стейкхолдерами, этики бизнес-поведения, участия в мероприятиях местного сообщества, корпоративной благотворительности и т. д.

На втором этапе была поставлена задача – определить, какие социально-корпоративные технологии использует предприятие для создания единой системы социальной ответственности.

Третий этап предполагал апробацию инструментария социального аудита и методики его проведения.

Мы исходили из того, что в идеале организация должна обеспечивать:

– потребителям – высокое качество товаров и услуг, внимание и уважение к их человеческому достоинству, честность в рекламе;

– работникам – достойную оплату труда и условия работы, охрану здоровья и трудоспособности, заботу о проблемах и потребностях, равные права и возможности трудовой деятельности независимо от пола, возраста, расовой принадлежности религиозных убеждений;

– собственникам и инвесторам – отношения доверия, гарантирование оптимальной прибыли на вложенный капитал, свободный доступ к информации, ограниченный лишь рамками закона и условиями конкуренции;

– поставщикам – справедливые и честные отношения с ними, развитие долговременных и устойчивых связей, обмен информацией и привлечение к участию в процессе планирования;

– местному населению – соблюдение общечеловеческих норм поведения, поддержание мира и безопасности, соблюдение прав человека, спонсорские акции, участие в общественной жизни;

– конкурентам – взаимное уважение, развитие открытых рынков товаров и капиталов, отказ от использования сомнительных средств достижения конкурентных преимуществ, уважение прав собственности, в том числе интеллектуальной;

– окружающей среде – выполнение всех санитарных норм, проведение мероприятий по охране природы.

Диагностика осуществлялась путем сравнительного анализа результатов по разделам: «Что организация хочет?», «Что организация делает?», «Что организация получает?».

Методика оценки результатов исследования предполагала определение организацией рейтинга (в баллах) деятельности в социальной сфере, а также выявляла соотношение между целями и усилиями организации («Что организация хочет?» и «Что организация делает?») и реальной практикой («Что организация получает?»).

Проведенный анализ качества социальной политики предприятия еще раз подчеркнул позитивную значимость социального аудита, которую можно смело внедрять в Евразийском пространстве. Она заключается, **во-первых**, что он позволяет решить ряд задач, способствующих оптимизации социальной политики гражданского общества: выверить правильность выработанной стратегии, выявить наиболее острые проблемы и учесть конкретные

потребности населения и степень их удовлетворенности, сформулировать социальный прогноз на будущее [3].

Во-вторых, публикация по итогам социального аудита отчёта о деятельности той или иной организации информирует общество о качестве ее социальной политики, а значит, и о степени ее участия в формировании гражданского общества.

В-третьих, информация об экономической, социальной и экологической политике организаций, полученная в ходе социального аудита, станет основой для стратегического планирования ее деятельности, и технологические способы ее накопления, хранения и передачи станут средством производства – орудием труда, предметом труда и процессом труда в системе конкурентоспособности. Формируется глобальное информационное пространство в Евразии.

В-четвертых, сравнительные показатели социальной ответственности различных организаций помогут выявить их социальные рейтинги, что повысит доверие граждан к бизнесу в целом, и будет способствовать активизации диалога между ними.

Апробация данной методики показала ее состоятельность и будет рекомендована при проведении социального аудита в Евразийском пространстве. Итогом же этого процесса должны стать инвестиции бизнеса в человеческий капитал, а это является самым эффективным в достижении основных целей стратегического менеджмента и управления человеческими ресурсами.

Таким образом, в процессе исследования данного феномена выстроили модель социальной ответственности предприятия (схема 1). Она учитывает менталитет российских граждан, принимает во внимание исторические этапы развития нашего общества и специфику российских рыночных отношений.

Основным объектом исследования в соответствии с моделью социальной ответственности предприятия мы рассматриваем социальный аудит: внутренний и внешний [4].

1. Внутренний аудит оценивает качество политики в отношении персонала, условия и безопасность труда, социально-трудовые и межличностные отношения в коллективе, т. е. выявляет затраты на решение социальных вопросов работников и членов их семей в организации.

2. Внешний аудит выявляет затраты на решение социальных вопросов вне организации, т. е. позволяет оценивать экологические программы, систему менеджмента качества, взаимодействие с поставщиками, партнерами, покупателями, участие в мероприятиях местного сообщества, корпоративную благотворительность и т. д.

Выявив по исследуемым показателям существенные отклонения, определив факторы влияния и возможные социально-трудовые риски, аудит позволит разработать рекомендации необходимые для приведения изучаемых показателей к требуемому уровню конкурентоспособности бизнеса (схема 2). Социализация конкурентоспособности позволяет включить в комплекс индикаторов аудиторского оборудования такие показатели, как социальные инвестиции, социальная ответственность, лояльность, репутационный имидж и другие (нематериальные) показатели.

Логичным продолжением социального аудита могут стать и другие аспекты социальной деятельности организаций.

Обобщение полученных результатов дает возможность оценить качество социальной политики бизнеса, сопоставить их сводные показатели как в пределах одной отрасли, так и по различным отраслям, а это уже конкретный материал для диалога в Евразийском пространстве. А не ловушка «нового социального контракта».

Социальный аудит – это та технология, в использовании которой, прежде всего, должны быть заинтересованы все субъекты социального партнерства, основная задача которых – защита социальных интересов человека труда.

Сегодня крайне необходимо социологическое осмысление устоявшихся традиций и современных реалий: моделирование и конструирование социальных процессов. Создание и внедрение принудительно социальных технологий.

Схема 1

Модель социально-ответственных предприятий

Литература

1. Галиев Г.Т. Основы социального аудита. – Уфа. – 2007. – С. 18–19.
2. Галиев Г.Т., Галиева Н.Н., Дружинина Т.Г. Технологическое управление социальными процессами. – Уфа. – 2008. – С. 73.
3. Галиев Г.Т., Патрушев В.И. Социальные технологии. Ресурсы. Аудит. – Уфа. – 2011. – С. 46.
4. Галиев Г.Т. Гимаев И.З., Галиева Т.Г., Патрушев В.И. Социальные технологии развития современных обществ. – Уфа. – 2014. – С. 110.

СОУЧАСТВУЮЩЕЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ВЛИЯНИЯ ЖИТЕЛЕЙ НА ИЗМЕНЕНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ (ОПЫТ ТАТАРСТАНА)

Гасанов Самир Комиссар Оглы

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Гарипова Регина Рафисовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В данной статье рассматриваются ключевые принципы партиципаторной демократии и соучаствующего проектирования. Продемонстрированы влияние и значимость соучаствующего проектирования при создании общественных пространств на территории Республики Татарстан. Сформулированы роль и эффекты этого метода при вовлечении жителей в управление городской средой.

Ключевые слова: соучаствующее проектирование, общественные пространства, городская среда, вовлеченность, гражданское участие, партиципаторная демократия.

На протяжении истории нашей страны стиль управления городской средой претерпевал различные изменения. Для советского периода была характерна директивная, единообразная форма управления городами, когда решения спускались сверху вниз, не делая поправку на региональные и местные особенности. Последствия этих решений мы можем наблюдать до сих пор, к примеру, спальные районы большинства городов России и постсоветского пространства выглядят однотипно. Так называемые «сталинки» и «хрущевки» можно увидеть практически в любом уголке нашей страны.

Управление современным городским пространством представляет собой многогранный и многоаспектный процесс. На протяжении последних лет среди городского сообщества можно наблюдать тенденцию к повышению самоорганизации, что выражается в желании жителей города принимать участие в процессе формирования либо изменения городской среды. Современный город стал площадкой для самовыражения и саморазвития его

жителей, а его физическое и социокультурные пространства стали полем для проявления гражданской активности.

Вместе с ростом общественного самосознания и гражданского активизма, государственные власти и органы местного самоуправления осознали необходимость выработки принципиально нового подхода к управлению городскими пространствами. Он должен включать в себя уже не только контроль, но и регулирование, коммуникацию со всеми заинтересованными субъектами (жители, общественные организации, бизнес) и координирование действий между ними. В связи с чем, изучение форм гражданского активизма в управлении городскими пространствами имеет общественную и научную актуальность.

В последние годы активно используется один из методов партиципаторной демократии – соучаствующее проектирование, которое основывается на фундаментальном демократическом принципе, согласно которому, граждане, на которых оказывает влияние то или иное решение должны иметь возможность повлиять на него.

Соучаствующее проектирование – это метод создания общественных пространств, включающая максимальное вовлечение всех, кого так или иначе коснутся принятые решения и заинтересованных в проекте сторон. С целью корректного определения вектора развития территории, выявления проблем и потребностей всех заинтересованных групп, к обсуждению проекта привлекаются представители местных административных органов, экспертного сообщества, местные предприниматели, потенциальные инвесторы и, разумеется, местные жители [1, с. 5].

Предпосылки к формированию методики соучаствующего проектирования появились еще во второй половине XX века в Европе и США как реакция общественности на директивные проекты реформирования городов после второй мировой войны. В 1980-ые многие урбанисты уже включали в свои программы городского планирования методы вовлечения, однако первым кто систематизировал все инструменты гражданского участия при проектировании городской среды стал Генри Санофф – эксперт в области социально ориентированного архитектурного программирования, профессор университета Северной Каролины. В своем труде, посвященном соучаствующему проектированию, он описывает его как методику, основывающуюся на партиципаторной демократии, предполагающей регулирование всех сфер жизни общества путем принятия коллективных решений, то есть, каждый человек, на жизнь которого повлияет какое-либо принятое решение, в праве оказать влияние на это решение [1, с. 9].

Вовлеченная демократия предполагает следующие принципы:

1) Активность индивида в участии в принятии решения ограничивается только его собственным желанием.

2) Коллективное принятие решения не заключается лишь в голосовании, а включает в себя ряд видов деятельности с различным уровнем ответственности и вовлечения.

3) Ответственность за последствия принятых решений лежит на всех вовлеченных, а не только на экспертах и официальных лицах.

4) Соучаствующая демократия распространяется на все сферы жизни общества, а не только на политическую.

5) Путем участия в принятии решений в неполитических сферах жизни общества отдельные индивиды могут развить необходимые навыки для дальнейшего вовлечения в политическую сферу деятельности.

В начале практики вовлечения жителей в принятие решений проводились как единичные инициативы, но со временем проходили институализацию и становились неотъемлемыми элементами проектирования городской среды во всем большем количестве стран. В Великобритании практики соучастия законодательно закреплены в городской системе планирования. Подобный регламент существует и во Франции. В Германии, падение Берлинской стены положило начало активному взаимодействию между муниципальными органами власти и жителями города. На сегодняшний день, муниципальные администрации в Берлине активно сотрудничают со всеми заинтересованными сторонами и гражданскими активистами при разработке проектов, касающихся планирования городского пространства.

Одной из важных функций соучаствующего проектирования является предоставление вовлеченным возможности наблюдать за результатом реализации принятых решений и проведенной деятельности. Это формирует чувство общности у населения, люди консолидируются для решения общественно значимых проблем. Объединенные чувством общности люди проявляют больше склонности и мотивации жертвовать своим личным временем и ресурсами для того, чтобы решать важные для общества задачи. Именно по этой причине, важным аспектом вовлечения является предоставление бенефициарам возможности в полной мере ощутить свою причастность к реализации проекта [1, с. 12].

Основные характеристики соучастия по Г. Саноффу:

1) Гарантирование взаимосвязи между вкладом производимым общественностью и влиянием на утвержденные решения.

2) Каждый, кого касается принимаемое решение, обладает правом на соучастие.

3) Должна быть найдена наиболее приемлемая и подходящая форма организации процесса участия лиц, затрагиваемых решением.

4) Всем партисипантам должна быть доступна необходимая информация для осознанного участия.

5) Учет и взаимодействие интересов и точек зрения всех участвующих в принятии решения.

6) Участники должны быть проинформированы о том, как именно их вклад в обсуждение сказался на конечном результате.

На сегодняшний день соучаствующее проектирование является одной из самых передовых и востребованных методик формирования общественных пространств во всем мире. Оно было применено в планировании городского благоустройства как малых городов, таких как Бенгалу в Австралии,

Мерфрисборо и Селма в штате Северная Каролина США, Охия и Нанао в Японии, так и городских кварталов в более крупных городах, таких как квартал Хайленд-Парк в Ричмонде штат Вирджиния США, район Эджмонт в г. Дарем Северная Каролина США и благоустройство одного из городских кварталов в г. Кордова Мексики.

В России практики вовлечения заинтересованных сторон в принятие решений об организации городской среды точно применялись с начала 2000-х годов, а активно начали использоваться с 2010-х, на что во многом повлиял выход книги Г. СанOFFа «Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов», в которой дается окончательная трактовка соучаствующего проектирования как методики, и дальнейший ее перевод на русский язык архитектурным бюро «Проектная группа 8», которые и стали пионерами в применении методики на территории России.

Одним из первых регионов, активно начавших применять данный метод при создании и благоустройстве общественных пространств, является Республика Татарстан.

В 2015 году в Казани возник конфликт между общественностью и владельцами клиники Нуриевых, которые хотели построить роддом между Горкинским и Ометьевским лесными массивами [2]. В это же время в Казань на должность помощника Президента РТ заступила Н.Л. Фишман. По ее инициативе для решения этого конфликта 9 ноября 2015 года состоялись общественные слушания, на которых жители данного района высказались против строительства и получили широкую поддержку общественности. Это был первый опыт влияния общественности на принятие решений об изменении городской среды и стало причиной запуска республиканской программы «Парки и скверы». В процессе разработки проекта парка применялись общественные обсуждения, опросы, анкетирования жителей.

В итоге на данной территории был создан парк «Горкинско-Ометьевский лес», являющийся на сегодняшний самый крупным и одним из самых популярных парков у горожан. С этого момента начинается эпоха соучаствующего проектирования в республике.

Другим ярким примером соучаствующего проектирования является создание бульвара «Белые цветы» в Казани от Проектной Группы 8 [3]. При его реализации были соблюдены все ключевые принципы соучаствующего проектирования. На протяжении всего периода разработки проекта привлекались потенциальные пользователи площадки и заинтересованные стороны, представители городских сообществ, ученики близлежащих школ, представители администрации, предприниматели. Были использованы такие социологические методы, как фокус-группы, анкетирование, интервьюирование. По их итогам, внесены корректировки в изначальный проект, разработанный архитекторами. Таким образом благодаря включению в обсуждение различных социальных групп, спроектированное общественное пространство отвечает требованиям интересантов, является инклюзивным

и имеет высокую социальную активность. Пространство неоднократно удостоивалось международных премий [3].

Следующим этапом распространения соучаствующего проектирования как метода создания общественных пространств стал запуск в 2018 г. Федерального проекта «Создание комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях», для которого был разработан Стандарт, включивший в себя обязательное участие граждан в разработке проектов [4]. Таким образом, применение соучаствующего проектирования вышло на федеральный уровень и стало применяться повсеместно.

На сегодняшний день в рамках этой программы в Республике Татарстан реализовано большое количество парков, скверов, набережных и прочих объектов.

Соучаствующее проектирование начинается с голосования за выбор территории, на которой будет произведено благоустройство. В каждом городе жители сами выбирают наиболее актуальную для них территорию, что является гарантией того, что она будет востребована.

Одним из таких объектов является набережная р. Вятки в городе Мамадыш. Разработка проекта началась с массового анкетирования жителей и общественных обсуждений, на которых жители разрабатывали свои проекты благоустройства набережной, обсуждали функциональное наполнение территории и искали компромисс в конфликтных точках зрения. По итогам работы с жителями, архитекторами был создан итоговый проект благоустройства. Сегодня набережная является визитной карточкой города и любимым местом отдыха местных жителей. Благодаря реализации этого проекта Мамадыш дважды признавался самым благоустроенным городом России [5]. С момента создания набережной не было зафиксировано ни одного случая вандализма, что демонстрирует эффект от вовлечения, люди бережно относятся к тому, в создании чего они принимали непосредственное участие.

При реализации проекта природно-спортивного парка в этом же городе архитекторами была заложена зона барбекю. На общественных обсуждениях горожане высказались против этой идеи, аргументируя тем, что наличие леса и повышенной ветренности на этой территории может стать причиной пожара. Была организована отдельная фокус-группа с жителями близлежащих домов, на которой разработана концепция придомовых хозяйств, которая заключается в организации на участках жителей зон рекреации, которые станут источником дополнительного дохода для местных жителей и сервисом для туристов. Данный пример демонстрирует то, что при применении соучаствующего проектирования, у жителей есть реальные рычаги влияния на конечный результат проекта.

В г. Заинск в рамках подготовки проекта для участия в конкурсе разрабатывается проект городского парка совместно с трудными подростками. Город столкнулся с проблемой регулярного вандализма с их стороны [6], было решено привлечь подростков к проектированию вместо того, чтобы применять пенитенциарные меры. В процессе работы было выяснено что, социализация подростков на очень низком уровне, ряд детей даже не умеет читать. Было

решено привлечь к работе с ними психологов и социологов, имеющих опыт работы с данной социальной группой. В результате совместного проектирования ими был разработан дизайн-проект будущего парка и макеты малых архитектурных форм, которые в нем появятся. Специалисты продолжают работу с детьми и их семьями и вне рамок проекта. Таким образом, данный пример демонстрирует то, что соучаствующее проектирование дает доступ к преобразованию городского пространства не отдельным привилегированным группам жителей, а всем, включая даже самые незащищенные слои населения [7].

Подводя итог всему вышесказанному, можно сформулировать несколько основных эффектов от применения соучаствующего проектирования:

- Участие жителей в разработке проектов по изменению городской среды способствует формированию диалога между различными социальными группами, в процессе которого формируется итоговое решение, учитывающее запросы большинства жителей.

- Жители, участвуя в принятии решения переходят из позиции пассивного наблюдателя в позицию активного субъекта, влияющего на изменения городской среды. Постепенно из наиболее активных жителей формируются инициативные группы, которые в дальнейшем отстаивают интересы сообщества на различных уровнях.

- Формирование чувства общности и причастности к изменениям повышает уровень ответственности граждан, что приводит к более бережному отношению к объектам городской инфраструктуры.

- Соучаствующее проектирование выполняет образовательную функцию, участвуя в планировании городской среды, горожане и эксперты обмениваются знаниями и компетенциями.

- Соучастие в проектировании городских пространств открывает для жителей каналы взаимодействия с городскими и муниципальными властями.

- Применения качественных социологических методов в соучаствующем проектировании дает возможность проанализировать ценностный аспект в потребностях горожан и применить эти данные для создания общественных пространств высоко социально активных.

- Выстраивание трансформационной политики общественных пространств, основывающееся на потребностях жителей, повышает инклюзивность проектируемых зон.

Литература

1. Санофф Г. Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов. Вологда, 2015. – 170 с.

Электронные ресурсы:

1. Новостной ресурс «МК.RU». – URL: <https://kazan.mk.ru/articles/2015/11/13/zashhitniki-gorkinskoometevskogo-lesoparka-i-klinika-nurievkykh-ne-nashli-kompromissa.html> (дата обращения: 15.04.2022).

2. Официальный сайт «Проектная Группа 8». Бульвар Белые цветы. – URL: <https://8architects.com/whiteflowers> (дата обращения: 15.04.2022).

3. Постановление правительства РФ от 07.03.2018 № 237. – URL: https://drive.google.com/file/d/1b9cwAb0zM_veSs5UgwPSIoMnDz8r7ghq/view (дата обращения: 15.04.2022).

4. Официальный портал Мамадышского муниципального района. – URL: <https://mamadysh.tatarstan.ru/index.htm/news/556347.htm> (дата обращения: 15.04.2022).

5. Новостной ресурс «Новости Заинска». – URL: <http://zaink-inform.ru/news/news/fotofakt-vandalizm-na-mostu-v-zainskom-parke> (дата обращения: 15.04.2022).

6. Интернет-журнал «Инде». О чем говорят подростки. Как заинские школьники создают свой парк и как выглядит город их мечты. – URL: <https://inde.io/article/55878-o-chem-govoryat-podrostki-kak-zainskie-shkolniki-sozdayut-svoy-park-i-kak-vyglyadit-gorod-ih-mechty> (дата обращения: 15.04.2022).

К ВОПРОСУ О ДИСТАНЦИОННОЙ ФОРМЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ И В ШКОЛЕ

**Гончарова Светлана Владимировна,
Орёл Диана Евгениевна**

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Аннотация. В статье дана характеристика дистанционной формы обучения, ее принципам и особенностям также на материалах эмпирического исследования описаны результаты опроса учителей, школьников, студентов и преподавателей вузов о преимуществах, недостатках, стереотипах, связанных с дистанционным обучением.

Ключевые слова: обучение, дистанционное обучение, высшее образование, общее образование.

В различных областях нашей жизни расширяется использование информационных и коммуникационных технологий. Дистанционная форма обучения дает сегодня возможность создания систем массового непрерывного самообучения, всеобщего обмена информацией, независимо от временных и пространственных поясов. Кроме того, появляются условия обеспечения равных возможностей всем людям независимо от социального положения (школьникам, студентам, безработными, женщинам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком и т. д.) реализовать право на образование и получение информации. Обучение в цифровой среде может наиболее адекватно и гибко реагировать на потребности общества и обеспечить реализацию конституционного права на образование каждого гражданина страны.

Например, за последние два года в связи со сложившейся эпидемиологической ситуацией в мире (пандемия COVID-19) произошли

колоссальные изменения и в сфере образования, в ходе чего дистанционное обучение все шире распространяется как форма получения знаний.

В научной литературе существует несколько определений понятия «дистанционное обучение». Обратимся к одному из первых – определению А.А. Андреева, которое, по нашему мнению, отражает сущность дистанционного обучения: «дистанционное обучение – это целенаправленный процесс интерактивного взаимодействия обучающихся и обучающихся между собой и со средствами обучения, инвариантный (индифферентный) к их расположению в пространстве и времени, который реализуется в специфической дидактической системе» [1, с. 33]. А.А. Андреев выделил следующие особенности дистанционного обучения: учащиеся могут получать печатные издания (кейс технологии), во время учебы возможны встречи преподавателя и учащегося, участники образовательного процесса могут проживать в одном городе или районе, но обучение может проходить в асинхронном режиме (несовпадение во времени), а также, на наш взгляд, наиболее существенное отличие дистанционного обучения – интерактивное взаимодействие не только между обучающимися и обучающим, но и между самими обучающимися и со средствами обучения, которое осуществляется в специфической дидактической системе [1]. Отсутствие прямого контакта с преподавателем определяет специфичность такого процесса обучения.

Кроме того мы можем обратиться еще к одному определению: «дистанционное обучение – «новая организация образовательного процесса, базирующаяся на принципе самостоятельного обучения студента. Среда обучения характеризуется тем, что учащиеся в основном, а часто и совсем, отдалены от преподавателя в пространстве и (или) во времени, в то же время они имеют возможность в любой момент поддерживать диалог с помощью средств телекоммуникации» [6]. Действительно развитие информационных и коммуникационных технологий позволяет создать условия для обучения независимо от места нахождения участников процесса.

С начала XXI века ученые изучают процесс организации и обеспечения, роль преподавателя в дистанционном обучении, Среди современных исследователей дистанционного обучения можно выделить Н.В. Болотину [2], рассматривавшую особенности дистанционной формы обучения в образовательном процессе в разных сферах образования; в работах В.Л. Шатуновского и Е.А. Шатуновской [7], Булганиной А.Е. [3] раскрывается процесс организации и обеспечения дистанционного обучения. Основное внимание таких исследователей как Ю.А. Комаровой [4]; А.Е. Булганиной, Д.А. Бычковым, А.А. Голубевой, М.В. Мухиной, Е.С. Мухиной [5] направлено на выявление преимуществ, недостатков и стереотипов данной формы обучения.

Основными принципами проектирования системы дистанционного обучения называют: принципы гуманизации обучения, приоритетности педагогического подхода при проектировании образовательного процесса, педагогической целесообразности, выбора содержания образования, обеспечения безопасности информации, стартового уровня образования,

соответствия технологий обучения, мобильности обучения и др. Среди основных особенностей называют: гибкость, каждый может учиться столько, сколько ему лично необходимо для освоения курса, дисциплины и получения необходимых знаний по выбранной специальности; обучение может проводиться при совмещении других видов деятельности с учебой; расстояние от места нахождения обучающегося до образовательного учреждения (при условии качественной работы связи) не является препятствием для эффективного образовательного процесса; в процессе обучения обучающий и обучаемый могут реализовывать технологию обучения и учения независимо во времени, т. е. по удобному для каждого расписанию и в удобном темпе; экономическая эффективность; преподаватель координирует познавательный процесс, корректирует курс, руководит учебными проектами и т. д.; от обучающегося требуется исключительная мотивированность, самоорганизация, трудолюбие и определенный стартовый уровень образования [6].

Исследователи обращают внимание на следующие аспекты изучения дистанционного обучения: обеспечение технических возможностей, уровень компьютерной грамотности участников образовательного процесса, экономические предпосылки и эффекты, качество усвоения знаний, трудоемкость в обеспечении высокого уровня организации обучения в цифровой среде.

В обществе всё больше распространяется позиция, что дистанционное обучение может стать спасением для студентов, школьников, имеющих проблемы со здоровьем, с доступом к образовательным организациям, адаптацией к учебному процессу. Также школы в отдаленных городах и селах могут получить доступ к современному и полезному учебному контенту. В связи с этим большой интерес представляет изучение различных аспектов реализации программ общего и профессионального образования с использованием дистанционных технологий.

Целью данного исследования являлось изучение отношения к дистанционной форме обучения студентов, преподавателей, школьников и учителей. Были рассмотрены преимущества, недостатки и стереотипы, связанные с дистанционной формой обучения в представлениях респондентов.

Нами были сформулированы следующие гипотезы исследования:

1. Дистанционная форма обучения позволяет обучающимся усваивать учебный материал в своем темпе.

2. Дистанционное обучение развивает у обучающихся самоконтроль, ответственность, способствует саморазвитию, также может помочь получить необходимые знания, вне зависимости от места жительства.

3. Однако дистанционная форма обучения не способствует развитию коммуникабельности, коммуникативных навыков для работы в группе.

Социологическое исследование было проведено в феврале-марте 2022 г. в форме онлайн опроса. Общий объем выборки (n-109) школьники (30,8 %), студенты (32,11 %), учителя (29,36 %) и преподаватели (11,93 %)). Выборка случайная. Опрос позволил получить ответы на поставленные вопросы, охватить необходимое количество человек без ограничений доступа, связанных

с географической отдаленностью респондентов. По результатам опроса были осуществлены статистическая группировка и сопоставительный анализ ответов респондентов.

Первый блок вопросов включал в себя контактные вопросы, которые предполагают получение общих сведений о респондентах (возраст, пол, место проживания). Второй блок состоял из вопросов, содержание которых полностью соответствует цели и задачам исследования. Вопросы данного блока раскрывали основные положения исследования, где рассматривалось отношение респондентов к дистанционной форме обучения, включая преимущества, недостатки и стереотипы о ней.

В результате проведенного исследования, были получены следующие результаты. Большинство респондентов отметили то, что знакомы с понятием «дистанционная форма обучения» (студенты 91 %; школьники 88 %; преподаватели 100 %; учителя 72 %). Прежде всего, полученные результаты связаны с тем, что в 2020 году большей части учебных заведений России пришлось использовать в форматы онлайн обучения, в связи с пандемией.

Если бы школьники могли выбрать формат обучения в школе, то 52 % выбрали бы смешанную (очно-дистанционную) форму обучения, 45 % выбрали бы только очный формат обучения и лишь 3 % заявили о желании учиться только дистанционно. 91 % учителей выбрали бы очную форму обучения и 9 % предпочли бы смешанное обучение, при этом ни один учитель не выбрал бы дистанционный формат обучения как основной.

Отмечая наиболее приемлемые формы обучения в ВУЗе, 51 % студентов и 77 % преподавателей выбрали бы очное обучение, также 49 % студентов и 23 % преподавателей – за смешанный формат обучения. Стоит отметить, что никто из респондентов не предпочел только дистанционное обучение.

Очевидно очную форму обучения респонденты выбрали, поскольку это привычный формат обучения, где присутствует непосредственная коммуникация и между учащимися и с преподавателем. Что же касается смешанного формата, то после возможности обучаться дистанционно, информанты пришли к пониманию того, что некоторые занятия можно проводить в онлайн режиме, что позволило бы обучающимся получить свободный доступ к учебным материалам, также научило бы быть более самостоятельными и ответственными в работе.

Что касается важных особенностей дистанционного обучения, студенты и школьники важными назвали такие аспекты, как возможность обучаться и параллельно работать (63 % и 61 % соответственно), возможность регулирования индивидуального темпа получения знаний (54 % и 42 % соответственно), а также было отмечено доступность информации вне зависимости от места нахождения обучающегося (40 % и 42 % соответственно). Полученные результаты связаны с тем, что у обучающихся насыщенная увлечениями жизнь, для которой необходим индивидуальный график и темп занятий.

Тогда как преподаватели и учителя выделили в качестве важных характеристик: возможность регулировать индивидуальный темп обучения

(38 % и 41 % соответственно), опыт использования новых образовательных технологий (23 % и 34 % соответственно) и доступность информации вне зависимости от места нахождения обучающегося (15 % и 28 % соответственно). Приведенные данные свидетельствуют о том, что благодаря дистанционной форме образования по мнению респондентов можно улучшить навыки получения и работы с информацией в цифровой среде.

Оценивая, насколько успешно прошел процесс дистанционного образования, 60 % студентов и 46 % преподавателей отметили, что при данной форме обучения было легко учиться и организовать обучение. Значимая часть школьников (37 %) и учителей (34 %) высказали мнение о том, что учебный процесс проходил с некоторыми сложностями.

На вопрос «Как дистанционная форма обучения отражалась на качестве выполненных заданий?» были получены следующие результаты: большая часть учителей (58 %) и преподавателей 54 %, отметили, что данная форма обучения отразилась негативно на качестве выполненных заданий, снизилась активность в работе учебной группы, уровень мотивации при выполнении задания. Данные результаты свидетельствуют о том, что несмотря на то, что преподаватели в целом адаптировались к новым условиям обучения, все равно возникли некоторые трудности. Прежде всего, данная проблема может быть связана с неготовностью отдельных организаций к переходу в дистанционный формат обучения.

Выделяя основные преимущества дистанционного обучения, респондентами были выбраны следующие: дистанционное обучение дает возможность обучения в максимально комфортной и привычной обстановке, так ответили студенты – 80 %, школьники – 79 %, преподаватели – 28 % и учителя – 38 %, дистанционное обучение позволяет учиться в своем собственном темпе, с этим согласились 51 % студентов, 67 % школьников, 54 % преподавателей и 59 % учителей. С тезисом, что дистанционное обучение развивает у обучающихся самоконтроль, ответственность, способствует саморазвитию, согласились студенты 46 %, школьники 64 %, преподаватели 62 % и учителя 44%. Таким образом, данная форма обучения позволяет развить ряд важных качеств для последующей жизни в обществе.

Отмечая недостатки дистанционного обучения, студенты и школьники выделили следующие: дистанционная форма не способствует развитию коммуникабельности, навыков в группе (60 % и 70 % соответственно), характеризуется низким качеством знаний (40 % и 45 % соответственно) и присутствует недостаточный контроль получаемых знаний и умений (37 % и 42 % соответственно).

Среди преподавателей и учителей преобладали ответы: «дистанционная форма образования не способствует развитию коммуникабельности, навыков работы в группе» (62 % и 56 % соответственно), «программы дистанционного обучения не всегда соответствуют образовательным потребностям» (54 % и 50 % соответственно), а также «низкое качество дистанционного обучения» (46 % и 47 % соответственно).

Рассматривая стереотипы, связанные с дистанционным обучением студенты, школьники, преподаватели и учителя сошлись в мнениях, что самыми распространенными стереотипами являются то, что «онлайн-обучение менее качественное» (у студентов 66 %, у школьников 64 %, у преподавателей 92 %, у учителей 72 %). Также распространенными стереотипами были названы: «дистанционному обучению можно уделять меньше времени» и «дистанционно невозможно практиковаться».

Поскольку в настоящее время осуществляется переход от традиционной формы обучения к смешанной, стоит учитывать, что данная форма получения знаний является новой, следовательно, недостаточно отработана, в образовательных организациях могут возникать трудности, в ходе чего появляются и негативные оценки последствий реализации такой модели.

Таким образом, в ходе опроса было выявлено действительное отношение студентов и преподавателей к дистанционному обучению, а также была сделана попытка определить настрой респондентов на возможное дистанционное обучение в перспективе. Выдвинутые гипотезы в целом были подтверждены результатами исследования. Ответы респондентов показали, что дистанционная форма обучения способствует развитию самостоятельности, самоконтроля, позволяет получить необходимые знания вне зависимости от места жительства. Также данная форма обучения позволяет учащимся усваивать учебный материал в своем темпе, но при этом дистанционное обучение не способствует развитию навыков коммуникации, работы в группе.

Проведенное исследование является пилотным, в ходе которого были получены предварительные результаты, нуждающиеся в дальнейшем осмыслении, расширении численности опрашиваемых, дополнении аспектов изучения и возможно корректировке методики. Результаты могут быть ценным материалом для реализации мероприятий по обеспечению качества учебного процесса в дистанционном формате. Однако полученная информация позволяет предположить, что дистанционная форма обучения имеет как преимущества, так недостатки, требует внимания исследователей и практиков в области образования. Полноценное образование с использованием дистанционных технологий возможно только при сочетании мотивированности на результат всех участников, должного уровня качества контента с сервисом, в котором присутствует ясная структура учебного процесса и бесперебойная связь.

Литература

1. *Андреев А.А., Солдаткин В.И.* Дистанционное обучение: сущность, технология, организация. – М.: Изд-во МЭСИ, 1999. – С. 196 .
2. *Болотина Н.В.* Дистанционное обучение как новая форма обучения / Н.В. Болотина // Гуманитарный вестник. – 2015. – № 2. – С. 27–34.
3. *Булганиной А.Е.* Дистанционное обучение как современная тенденция развития общества / А.Е. Булгакина, Д.А. Бычков, А.А. Голубева, М.В. Мухина, Е.С. Мухина – Текст: непосредственный // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2019. – № 6 (40). – С. 57–64.

4. *Комарова Ю.А.* Дистанционное обучение: отношение студентов 4 курса бакалавриата к современной тенденции обучения // Научный журнал «Меридиан». – 2020. – № 9 (43). – С. 174–176.

5. *Мухина М.В., Мухина Е.С., Булганина А.Е., Голубев А.А., Бычков Д.А.* Дистанционное обучение как современная тенденция развития общества // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2019. – № 6 (40). – С. 57–64.

6. Понятие дистанционного обучения. – URL: <http://informatizaciya.forum2x2.ru/t33- topic 1>.

7. *Шатуновский В.Л., Шатуновская Е.А.* «Еще раз о дистанционном обучении (организация и обеспечение дистанционного обучения) // Вестник науки и образования. – 2020. – № 9. – С. 53–56.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВИДЕОХОСТИНГА YOUTUBE В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ

Грунт Елена Викторовна

*Уральский Федеральный университет имени первого Президента РФ
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

Аннотация. В постпандемийный период дистанционное образование наряду с офф-лайн обучением прочно вошло в образовательный процесс, формируя смешанную форму обучения. В современный период осуществляется переход от концепции перемещения обучающихся из города в город, региона в регион, страны в страну к концепции «мобильных идей, знаний и обучения с целью распределения знаний за счет обмена образовательными ресурсами». Одним из инструментов реализации такой концепции являются образовательные контенты видеохостинга YouTube.

Исследование проведено в 2019–2020 гг. в г. Екатеринбурге с использованием количественной – методом анкетного он-лайн опроса (n= 660) и качественной стратегии – глубинным интервью (n= 5).

Исследование зафиксировало, что 53 % респондентов используют его как образовательный контент. 45,0 % опрошенных выбирает тот образовательный контент, который кажется им наиболее легким для понимания. 67,8 % респондентов доверяют информации, полученной в You Tube, хотя почти у всех есть некоторые сомнения в её достоверности. Часть респондентов отмечает отсутствие навыков анализа информации (42,5 %).

Ключевые слова: молодежь, видеохостинг YouTube, образовательный ресурс, информация, доверие информации, навыки анализа.

Введение в исследовательскую проблему

В марте 2020 года мировая систем образования перешла к реализации дистанционной формы обучения. Что касается высшей школы, то более чем 60 % студентов и преподавателей по всему миру перешло на дистанционные формы обучения [8]. Большинство стран приняли меры предосторожности,

переведя школы и университеты на тотальный формат онлайн обучения в период пандемии, чтобы избежать ожидаемых волн в будущем [13]. Переход на дистанционное образование оказался не запланированной и вынужденной мерой для всех участников образовательного процесса: обучающихся и обучаемых. Начался интенсивный поиск образовательных платформ и образовательных ресурсов. Сегодня выбор видов он-лайн обучения достаточно разнообразен: созданные образовательными организациями электронные ресурсы; образовательные платформы (Teams, Zoom, Google Meet и др.); открытые университеты (Хаген, Германия; INTEC- колледж Кейптауна, ЮАР и др.); социальные сети и т. д. В постпандемийный период дистанционное образование наряду с офф-лайн обучением прочно вошло в образовательный процесс [9], формируя смешанную форму обучения. Введение в образовательный процесс дистанционного обучения подразумевает переход от концепции перемещения обучающихся из города в город, региона в регион, страны в страну к концепции «мобильных идей, знаний и обучения с целью распределения знаний за счет обмена образовательными ресурсами» [10].

Сегодня в мире имеется сотни социальных сетей, часть из которых позиционирует себя как образовательные контенты. Одной из таких социальных сетей является YouTube.com., которая была создана в 2005 году, на сегодняшний день имеет аудиторию более двух миллиардов пользователей [12], основная аудитория которой, – молодежь в возрасте от 18 до 25 лет [14].

Миссия YouTube.com звучит следующим образом: «Мы считаем, что каждый заслуживает голоса, и что мир – лучшее место, когда мы слушаем, разделяем и создаем сообщество через наши истории. Наши ценности основаны на четырех основных свободах, которые определяют, кто мы такие: свобода выражения мнений, свобода возможностей, свобода информации и свобода принадлежать» [14]. Сегодня на YouTube.com 80 русскоязычных и англоязычных образовательных каналов. Исследователи Ченг, К., Дейл и Ц. Лю говорят о YouTube как о самом успешном видеохостинге, т. к. он способен достаточно быстро распространять информацию, видео между его пользователями [7]. Котзополу. Ч., Шенг С. и Фалоутсос М, анализируя популярность YouTube, делают акцент на его возможности быстрой «раскрутки личности, услуг или продуктов» [11]. Российские исследователи к этой характеристике популярности YouTube добавляют ряд следующих характеристик: новизну контента, креативную подачу информации, качественный юмор, специфичность, неординарность автора [3]; возможность удовлетворения когнитивных потребностей потребителей; расширение и углубление знаний основ наук, бытовое просвещение; стремление потребителя заполнить свой досуг: видеоигры и пр. желание соперничать увиденному, услышанному, потребителя быть в курсе событий [1].

Проблемы образовательного потенциала Youtube обсуждаются в зарубежном и российском научном дискурсе. Немецкий ученый М. Бергл дает общую характеристику YouTube, основанную на случайной выборке каналов и видеоданных. Проведенный им анализ YouTube за последние 10 лет, позволил сделать вывод о том, что на этой платформе существует 18 различных

жанровых категорий, при этом образовательный контент занимает 5 место по количеству созданных каналов. Исследователь говорит о том, что образовательные каналы используются в разных целях: для работы обучающимися во время занятий в аудитории, для дополнительного образования, для самостоятельного обучения личностью и т. д. [5].

Австралийские исследователи Д. Уэлборн и У. Грант методом контент-анализа изучили научный контент YouTube (390 видеороликов с 39 каналов). Ими был сделан вывод о том, что YouTube стал одним из крупных научных видео-хостингов в Интернете, за внимание аудитории которого соревнуются как профессиональные, так и любительские научные коммуникаторы. Авторы рассматривают факторы, влияющие на популярность видео научной коммуникации на сайте [15].

Youtube как средству передачи учебной информации посвящено исследование С. Азер. В нем рассматриваются общие закономерности образовательного процесса, реализующегося через видеохостинг. Говоря о преимуществах данного видеохостинга, исследователь отмечает, что мультимедийные ресурсы, особенно видео, позволяют учащимся контролировать объем усвоенных знаний и способ их представления, с помощью ряда инструментов, которые позволяют им приостанавливать, перематывать и повторно просматривать темы в соответствии с их собственным ритмом приобретения контента [4].

Для разработки методологии нашего исследования особое значение представляет работа С. Боргати и Р. Кросс, в котором авторы создают модель оценки образовательного потенциала интернет видеоконтента на основе формирующихся декларативных и процедурных навыков у обучающихся, а также анализируют возможности усвоения той или иной видеoinформации обучающимися [6].

Несмотря на достаточно большое количество исследований, посвященных коммуникации в Youtube и анализу контента, комплексных исследований Youtube как средства образовательной коммуникации в отечественной социологии не проводилось.

Методы исследования

Исследование проведено в 2019–2020 году в г. Екатеринбурге с использованием количественной – методом анкетного он-лайн опроса (n= 660) и качественной стратегии. (n= 5). Проведено разведывательное исследование – 5 глубинных интервью с блогерами. На основании данных глубинного интервью была составлена анкета, содержащая 36 вопросов. В ходе анкетного опроса было опрошено 660 молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет, большинство из которых находится в возрасте 18–25 лет.

Обработка данных исследования осуществлялась с использованием программы SPSS.

Результаты исследования

Исследование зафиксировало, что подавляющее большинство респондентов (94 %), для которых предпочтительным средством получения информации является Интернет, используют YouTube как важный источник

получения информации. При этом 53 % используют его как образовательный контент.

В исследовании нас интересовал вопрос о причинах использования респондентами YouTube в качестве образовательного контента (см. табл. 1).

Таблица 1

Мнение респондентов о причинах использования ими YouTube в качестве образовательного контента (в % к числу опрошенных)

№ п/п	Причины использования YouTube	
1	Открытость информации	66,1
2	Быстрый доступ к информации	62,4
3	доступность, простота изложения материала	53,6
4	возможность повторного просмотра информации	51,8
5	возможность получить сертификат	41,8
6	Возможность получить новое знание	31,8
7	Возможность обучаться в удобное время	33,0
8	другое	11,7

Сумма превышает 100 %, т. к. у респондентов была возможность сделать несколько выборов.

Как видно из анализа данных, приведенных в таблице, респонденты на первое место ставят такие характеристики YouTube, как по оперативный поиск информации, а также его интерактивные возможности. Каждый второй опрошенный отметил возможность повторного просмотра видеоконтента и доступность, простоту изложения материала. Эти характеристики образовательного контента YouTube отметили и эксперты: «...многие каналы адаптируют лекции, упрощают язык, делают их более доступными для восприятия обучающихся. Там часто можно найти анимацию, Это даже наглядно и просто. 19 минут анимации часто дает большее понимание, чем сказанное слово.» (блогер,1); «Такие образовательные каналы очень удобны. Если что-то не понял, то можно посмотреть и прослушать несколько раз. Можно это делать в любое время. Правда, надо уметь выбирать каналы. Много на YouTube не качественного материала, как ив Интернете, в целом.» (Блогер 5); «На самом популярном для молодежи видеохостинге YouTube есть много образовательных и научных каналов, где сложные понятия из мира техники, образования, науки, искусства объясняются простым и понятным языком. На таких каналах нет ничего заумного. Здесь все просто и понятно практически каждому» (блогер, 2); «Есть интересный образовательный канал

«Мел». С его помощью можно бесплатно получать новые знания, навыки. Здесь есть уроки рисования, уроки физики, химии и т. д. Для молодежи это очень удобно.» (блогер 4). Для 40,0 % респондентов важным является и тот факт, что окончив обучение по выбранной программе, прослушав курс, можно получить сертификат. Как отмечают эксперты: *«Сертификаты нужны. Например, можно пройти подготовку по профессии, не обучаясь в колледже или университете, купить курсы на YouTube, так же сдать экзамены. Это гораздо быстрее»* (блогер 3).

Одной из важных проблем является проблема выбора образовательного контента и доверия к нему. Исследование показало, что 45,0 % опрошенных выбирает тот образовательный контент, который кажется им наиболее легким для понимания. Каждый третий опрошенный при выборе образовательного контента просматривает несколько, содержащих подобную информацию. Каждый пятый опрошенный обращает внимание на создателя, автора данного контента. Как видим, большинство опрошенных идет по пути наименьшего сопротивления, выбирая то, что им нравится и доступно для восприятия. К сожалению, в Интернете можно найти любую информацию, зачастую не самого высокого качества. Поэтому здесь возникает вопрос о том, насколько качественную и достоверную информацию получает молодежь, используя ту или иную образовательную программу.

С этой проблемой коррелирует проблема доверия информации образовательного контента YouTube. Доверие человека к информации зависит от её свойств, таких как: объективность, достоверность, полнота, точность и актуальность. Исследование А.Б. Купрейченко и Е.В. Шляховой показало, что для доверия к информации, имеющей высокую важность для пользователя, наиболее значимым свойством является достоверность [2]. Наше исследование показало, что 67,8 % респондентов доверяют информации, полученной в YouTube, хотя почти у всех есть некоторые сомнения в её достоверности. Что касается проверки информации в других источниках, то 69,5 % опрошенных проверяют информацию лишь тогда, когда она кажется им не очень достоверной. 22,3 % респондентов всегда проверяют информацию по другим источникам и лишь 8,2 % молодых людей никогда не проверяет информацию, так как полностью доверяет YouTube.

С понятием доверия информации, на наш взгляд, связана и проблема ее анализа. Исследование показало, что лишь 12,7 % опрошенных всегда анализируют информацию, полученную на YouTube, 45,9 % респондентов часто ее анализируют. 32,3 % очень редко анализируют данную информацию, 9,1 % опрошенных никогда не анализируют полученную информацию. Эти данные коррелируют с данными о доверии получаемой респондентами информации на YouTube. Вместе с тем, часть респондентов отмечает отсутствие навыков анализа информации. (42,5 %), нет гарантии того, что в других источниках, в другом образовательном контенте информация окажется достоверной (27,8 %). Мнение экспертов по вопросу достоверности информации оказалось неоднозначным. Ряд экспертов полагает, что YouTube дает достоверную информацию: *«Информация в YouTube гораздо более*

достоверна, нежели текст или фотография. Ведь там уровнем монтажа можно вообще добиться всего, чего угодно, то есть видео более правдиво. Если телевидение находится под пропагандой, например, как Россия 1, Первый канал, то там манипуляций процентов 85–90. Над редакцией новостей стоит кто-то и решает, как информация должна выходить в эфир. На YouTube блогер сам себе хозяин, господин, творец и господь Бог. Здесь только вопрос его совести, насколько правдиво это подавать, но, если над ним никто не стоит, то зачем врать себе и своим зрителям?» (блогер 1). Другие эксперты сами не всегда доверяют You Tube «На YouTube есть и пропаганда, и чьё-то мнение, которое выгодно какой-либо компании, которая рекламирует и т. п. Это всё требует проверки. Я не знаю, как проверять, потому что вся информация взята из того же самого интернета, а в интернете тоже не всегда правда, интернет – это не достоверный источник. Верить сейчас нельзя никому и ничему. Я делюсь своим мнением, люди мне доверяют, я стараюсь их не подводить» (блогер 2). Таким образом, учитывая, что поиск и доступ к информации является одним из самых массовых сценариев использования YouTube, от того, какой ресурс будет предложен поисковой системой, впоследствии может зависеть мнение молодого человека по интересующей его проблеме. Специфика поисковой системы заключается в том, что она, способна давать ответы, которые будут восприняты как объективные и достоверные, что и подтверждает наше исследование.

Заключение

Исследование показало, что сегодня выбор видов он-лайн обучения достаточно разнообразен. В постпандемийный период дистанционное образование наряду с офф-лайн обучением прочно вошло в образовательный процесс, формируя смешанную форму обучения. В современный период осуществляется переход от концепции перемещения обучающихся из города в город, региона в регион, страны в страну к концепции «мобильных идей, знаний и обучения с целью распределения знаний за счет обмена образовательными ресурсами». Одним из инструментов реализации такой концепции являются образовательные контенты видеохостинга YouTube.

Исследование зафиксировало, что 53 % респондентов используют его как образовательный контент. 45,0 % опрошенных выбирает тот образовательный контент, который кажется им наиболее легким для понимания. 67,8 % респондентов доверяют информации, полученной в You Tube, хотя почти у всех есть некоторые сомнения в её достоверности. Часть респондентов отмечает отсутствие навыков анализа информации (42,5 %).

Учитывая, что использование интерактивных методов обучения в современных условиях будет усиливаться, а интерактивные образовательные платформы развиваться, образовательным учреждениям следует формировать у обучающихся умения и навыки, как поиска информации, так и ее анализа.

Понимаем, что в одном исследовании сложно изучить все проблемы, связанные с образовательными возможностями YouTube для молодежи. Полагаем, что перспективными темами исследованиями могут стать: изучение блогов YouTube, формирующих образовательный контент; анализ качества

образовательных программ, посвященных одному и тому же образовательного контенту.

Литература

1. *Боровенков А.Е.* Видеоблогинг: сетевые коммуникации и коммуникативные позиции // Человек. Культура. Образование. – 2016. – № 1. – С. 17–23.
2. *Купрейченко А.Б.* Доверие к информации как фактор доверия к электронным масс-медиа / А.Б. Купрейченко, Е.В. Шляховая: Электронный журнал «Психологическая наука и образование» www.psyedu.ru. – 2012. – № 1. – URL: http://psyjournals.ru/files/50284/psyedu_ru_2012_1_Kupreichenko_Shlyahovaya.pdf – (дата обращения 20.11.2021).
3. *Супко Е.С.* Популярность блогов в информационном пространстве России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Том 2 (68). – 2017. – № 4. – С. 22–27.
4. *Azer S.A.* Can ‘YouTube’ help students in learning surface anatomy? *Surgical and Radiologic Anatomy*. – Vol. 34. – № 5. – P. 465–468. – 2012 <https://doi.org/10.1007/s00276-012-0935-x>.
5. *Bärtil, M.* YouTube Channels, Uploads and Views: A Statistical Analysis of the Past 10 Years”. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*. – 2018. – Vol. 24. – n 1. – P.16–32.
6. *Borgatti S.P., Cross R.* A Relational View of Information Seeking and Learning in Social Networks. *American Journal of Sociology*, 2003. – Vol. 91, p. 481–510. – <https://doi.org/10.1287/mnsc.49.4.432.14428>.
7. *Cheng X., Dale C., Jiangchuan L.* Statistics and Social Neiworic of YouTube Videos // *Quality of Service*. – 2008. – P. 229–238.
8. Новостной ресурс COVID-19 Educational Disruption and Response. 2020. Available online: <https://en.unesco.org/covid19/education-response> (дата обращения: 9 декабря 2021).
9. *Graham, C.R., Woodfield, W., Harrison, J.B.* A framework for institutional adoption and implementation of blended learning in higher education. *Internet High. Educ.* – 2013, Vol. 18, p. 4–14. [CrossRef]
10. *Pyari D.* “Theory and Distance Education: At a Glance. 2011 5th International Conference on Distance Learning and Education”, IPCSIT Press, Singapore, 2011, vol.12, p. 56–78.
11. *Qiatzopoulou G., Sheng C., Faloutsos M.* A First Step Towards Understanding Popularity in YouTube H INFOCOM IEEE Conference on Computer Communications Workshops. – 2010. – P. 1–6.
12. Statista 2021 // <https://www.statista.com/statistics/617136/digital-population-worldwide/http> (дата обращения: 20.12.2021).
13. *Toth-Stub S.* Countries Face an Online Education Learning Curve: The Coronavirus Pandemic has Pushed Education Systems: Online, Testing Countries’ Abilities to Provide Quality Learning for All. 2020. Available online: <https://www.usnews.com/news/best-countries/articles/2020-04->

02/coronaviruspandemic-tests-countries-abilities-to-create-effective-online-education (дата обращения: 11.01. 2022).

14. Официальный сайт YouTube для прессы // URL: <https://www.youtube.com/intl/ru/yt/about/press/> (Дата обращения: 18.02.2022).

15. *Welbourne Dustin J, Grant Will J.* Science communication on YouTube: Factors that affect channel and video popularity. *Public Understanding of Science*, 2016. vol. 25, n. 6, p. 706–718. <https://doi.org/10.1177/0963662515572068>

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В СИСТЕМЕ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ

**Кичанова Ольга Евгеньевна
Хизбуллина Радмила Радиковна**

*Казанский государственный энергетический университет,
Казань, Россия*

Аннотация. В статье рассмотрено понятие человеческого капитала, актуальность его изучения в современных экономических условиях, представлен обзор основных современных подходов и трактовок социологического и социально-экономического содержания понятия «человеческий капитал». Рассмотрено развитие организаций, ориентированное на гуманистическую парадигму управления, основной принцип которой является достижение успеха в социально-экономической деятельности организации за счет стремления к балансу между доходностью бизнеса, удовлетворением потребностей общества и развитием человеческого капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал, управление, организация, конкурентоспособность, ресурс организации.

Главной закономерностью развития информационного общества и экономики знаний, а так же их ключевой характеристикой является трансформация главных факторов производства, изменение их значения и соотношение в процессе воспроизводства: физический капитал как источник новой стоимости все больше уступает свое место новым формам капитала (интеллектуальному, социальному, человеческому), а традиционный, труд превращается в значительно более производительный интеллектуальный, творческий, инновационный, что также есть проявление реализации этих форм капитала [1].

На сегодняшний день человеческий капитал является важным фактором развития организаций и общества в целом. Рост конкурентоспособности организации, функционирование и эффективность экономики в целом обеспечивается за счет внутренних нематериальных активов. Мировой опыт доказывает, что образование, наука и основанные на них инновационные технологии являются основой всех экономических успехов компаний.

В современной социально-экономической ситуации формирование, развитие и эффективное использование человеческого капитала является частью маркетинговой стратегии развития компании. Человеческий капитал

и разработка подходов, методов его количественной и качественной оценки как элемент комплекса маркетинга напрямую влияет на состояние и развитие компании в условиях нынешней экономики.

Теория человеческого капитала основывается на результатах институциональной, неоклассической теорий, идеях теории неокейнсианства и других экономических теориях. Базой для возникновения данной теории стал анализ статистических данных о росте экономик развитых стран мира, результаты которого превышали прогнозы, базирующиеся на учете классических факторов роста.

Теоретические основы теории человеческого капитала формировались в процессе продолжительных научных исследований ученых разных стран. Результаты их исследований, представлены в работах Т. Шульца, Г. Беккера, Э. Денисова, Р. Солоу, Дж. Кендрика, С. Кузнецца, С. Фабриканта, И. Фишера, Р. Лукаса и других экономистов, социологов и историков.

Формирование человеческого капитала как социально-экономической категории происходило постепенно. На первом этапе формирования понятия «человеческий капитал» он был ограничен только включением знаний человека и его способности к трудовой деятельности. В связи с этим долгое время человеческий капитал рассматривался только как социальный фактор стратегии развития компании[2]. Известно, что до второй половины двадцатого века утверждалось, что инвестиции в образование и воспитание необходимо рассматривать как непроизводительные и затратные.

Особое место в развитии основ теории человеческого капитала занимают исследовательские работы Т.Шульца. Научная значимость, которых сложилась из подтверждения понятия человеческого капитала как фактора влияющего на производство предприятия, представления результатов инвестиций в человека в форме накопления способностей работников к труду и их эффективной деятельности, поддержания здоровья и т. д., выявленной способности человеческого капитала накапливаться и воспроизводиться[4].

С именем Г. Беккера связана дальнейшая разработка теории человеческого капитала. Он дал определение понятия человеческого капитала предприятия – как совокупности навыков, знаний и умений человека. По мнению Беккера, инвестиции в человеческие ресурсы – это затраты на образование и обучение. Он рассмотрел экономическую эффективность образования, прежде всего, для самого работника. Отдачу от инвестиций в образование работника рассчитал как соотношение доходов и издержек в размере около 13 % годовой прибыли [5].

Как правило, под человеческим капиталом понимается совокупность таких элементов как свойства, качества, навыки, способности, знания и умения человека, способствующие повышению его производительной силы, которые используются им в производственных или в потребительских целях. Так как он является человеческой сущностью, воплощен в личности и представляет собой капитал индивидуума, его называют человеческим капиталом. Капиталом он является, поскольку служит источником будущих доходов, а также будущего потребления [4].

На современном этапе развития, оценивая перспективы исследований, формирующих систему взглядов на использование и формирование человеческого капитала, обеспечивающих экономический рост и повышение конкурентоспособности предприятия и национальной экономики в целом, ведущие ученые, специалисты и эксперты выделяют следующие их направления:

- развитие методологических положений теории человеческого капитала в рамках современной теории труда применительно к потребностям экономики знаний;

- совершенствование методов оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал по всей совокупности его составляющих;

- исследование подходов, методов и показателей оценки человеческого капитала всех уровней с целью ускорения экономического развития.

Человеческий капитал как социально-экономическая категория достаточно давно стал одним из основополагающих понятий, описывающих экономические процессы на основе системного анализа интересов и действий людей [6].

Научные деятели в сфере человеческого капитала выделяют множество различных аспектов, что свидетельствует о широте подходов к определению его сущности и содержанию.

Отечественный исследователь Хмелева Г.А. отмечает возрастающее внимание к изучению человеческого капитала связано со значительной ролью человеческого фактора в условиях повышения интеллектуализации человеческого труда в современной социально-экономической ситуации. Относительное изменение источников экономического роста, неизбежно, делает очевидным тот факт, что человеческий фактор становится основным ресурсом получения добавленной стоимости, обеспечивающий прирост национального богатства. Вместе с этим зарождение и развитие теории человеческого капитала до настоящего времени представляет собой противоречивый феномен с множеством неизвестных объективного и субъективного характера [7].

Методом ретроспективного анализа экономической мысли можно обнаружить истоки человеческого капитала в трудах классиков политической экономии – У. Петти, А. Смита, Дж. С. Милля, К. Маркса. Ученые обратили внимание на сложные взаимоотношения между работником и его нанимателем, работником и другими работниками, работником и обществом, раскрыли глубинные источники производительной человеческой деятельности, а именно: знания, производственный опыт, трудовые навыки [8]. А. Смит, основываясь на стремлении человека вести себя «рационально», т. е. использование своих внутренних ресурсов максимально эффективно, разработал модель экономического человека, в которой индивид своим эгоистическим поведением способствует повышению уровня общественного благосостояния.

В процессе развития экономических отношений и экономики в целом особое место стала занимать сфера управления человеческим капиталом. Вследствие стремительного роста и развития рынка труда возникла

потребность в более тщательном изучении и практическом внедрении продвижения и популяризации человеческих ресурсов. Современным инструментом повышения социально-экономической значимости и эффективности компании в рамках маркетинговой стратегии является маркетинг человеческого капитала (персонала).

На деятельность компании оказывает влияние огромное количество факторов. Принято разделять на факторы внутренней и внешней среды, а также на факторы прямого и косвенного воздействия. В современных условиях количество факторов и их природа меняется. Так с развитием информационных технологий и логистики любая компания имеет возможность усиливать или сдерживать влияние отдельных факторов.

Среда косвенного воздействия (макросреда). Состоит из факторов, которые могут и не оказывать явного влияния на бизнес, но впоследствии сказываются на нем.

Среда прямого воздействия (микросреда). Состоит из факторов, которые непосредственно влияют на бизнес и бизнес прямо влияет на них.

Микросреда предусматривает внутреннюю и внешнюю среду компании.

Внутренняя среда – это ситуационные факторы внутри компании. Она определяет технические и организационные условия работы предприятия и является результатом управленческих решений.

Внешняя среда – это все условия и факторы окружающей среды, которые возникают независимо от деятельности предприятия и оказывают существенное воздействие на него.

Внешняя и внутренняя среда включают в себя множество различных элементов. Согласно М. Мескону, М. Альберту и Ф. Хедоури внутренняя среда включает в себя цели компании, материальные и трудовые ресурсы, организационную культуру, горизонтальное и вертикальное разделение труда, внутреннюю информацию, техническое оснащение и другие элементы [11]. Аналогично считает Г. Левит, при этом акцентируя внимание на системной природе компании и сформулировав концепцию «Алмаз Левитта», которая заключается во взаимосвязи четырех составляющих:

- 1) задачи и миссии;
- 2) технологии;
- 3) структура;
- 4) люди.

Для эффективного функционирования компании, реализации задач, связанными с поставленными целями, необходимо обеспечить работников специальностями и квалификациями. Эволюцию отраслей производства сдерживает дефицит необходимых профессионалов. Одной из главных задач современной компании является подбор управляющего персонала.

Суть данной концепции в том, что необходимо анализировать как могут и как должны измениться грани «бриллианта» при воздействии хотя бы на одну из них: при изменении компонента «задачи» может потребоваться создание нового производства, выполняющего необходимые функции; изменение компонента «технологии» повлечет за собой необходимость приобретения

новых навыков; модификация «структуры» принесет за собой уменьшение или увеличение количества ролей, или расширение уже имеющихся; а изменение грани «персонал» создаст необходимость изменения норм, отношений, межличностных взаимоотношений [8].

В большинстве случаев, компании не имеют возможности повлиять на внешние факторы. Для улучшения ситуации целесообразно действовать через внутренние факторы, непосредственно зависящие от компании. Например, повышение среднего уровня квалификации работников. Руководство компании может нанять новых сотрудников. Наём новых работников может активизировать рабочий процесс, так как сотрудники будут понимать, что руководство принимает меры для улучшения сложившейся ситуации. В любом рабочем процессе повышение уровня квалификации работников играет важную роль. В случае если наемные рабочие точно знают что и как нужно делать, то производственный процесс будет успешным [9]. В связи с непрерывным движением научного прогресса повышение квалификации необходимо постоянно, чтобы не упускать важные аспекты, способствующие развитию компании. Наём новых сотрудников благотворно скажется на рабочем процессе, за счет «свежего» взгляда, они смогут предложить что-то новое, смогут обнаружить и решить существующие проблемы компании. У них будет возможность посмотреть на внутреннюю психологическую обстановку в коллективе, о которой руководство может не знать [10].

Одним из главных ресурсов компании является человек, его интересы и ценности, творческий потенциал. При этом сотрудник в современной компании предстает не просто работником, а как личность, знание свойств которого должно учитываться при определении места и позиции работника в компании [3]. В связи с этим изменяется характер взаимодействия между компанией и личностью, а также возникает новая модель организационного поведения, которая ориентирована на реализацию личностных качеств, интеллектуального, творческого потенциала и душевных сил персонала. Поэтому новый характер взаимодействия «компания – человек» предполагает перераспределение власти в компании между сторонами взаимодействия, триединую систему участия персонала: в управлении, прибыли и собственности компании, открытые коммуникации, самоконтроль, сильную эгалитарную корпоративную культуру, высокое качество трудовой жизни. В связи с этим, всё большее значение приобретают процессы управления знаниями, творческим потенциалом и талантами. Эти процессы становятся более значимыми в связи с этим все большее значение приобретают процессы управления знаниями, креативным потенциалом и талантами.

Литература

1. Журавлев М.В. Управление человеческим капиталом в интересах инновационного развития: новый подход к определению / М.В. Журавлев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-chelovecheskim-kapitalom-v-interesah-innovatsionnogorazvitiya-novyuy-podhod-k-opredeleniyu>.

2. Сулимова Е.А. Особенности применения закона самосохранения организации / Е.А. Сладкова, Т.С. Сафронова // Инновации и инвестиции. – 2019. – № 10. – С. 66–68.

3. Дорофеева Л.И. Тенденции развития менеджмента в России / Л.И. Дорофеева // Гуманитарный научный журнал. – 2018. – № 1–1. – С. 1.

4. Абалкин Л.И. Парадоксы измерения человеческого капитала / Л.И. Абалкин // Вопросы экономики. – 2009. – № 9. – С. 51–70.

5. Ложко В.В. Формирование человеческого капитала – инновационная стратегия социально-экономического развития государства и его регионов / В.В. Ложко. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1775>.

6. Владыкина Л.Б. Человеческий капитал как один из основных факторов развития предприятия / Л.Б. Владыкина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://journal.kfrgteu.ru/files/1/2012_5_11.pdf.

7. Хмелева Г.А. Человеческий капитал как условие формирования инновационной экономики региона / Г.А. Хмелева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://window.edu.ru/resource/892/79892/files/Хмелева..>

8. Асланов Д.И. Человеческий капитал – важнейший фактор экономического роста // Известия Уральского государственного экономического университета. – Екатеринбург. – 2010. – Т. 28, № 2. – С. 71–75.

9. Евдокимова М.К. Внешняя и внутренняя институциональная среда как объекты влияния на эффективность деятельности организации / М.К. Евдокимова // Проблемы экономики и управления в торговле и промышленности. – 2014. – № 3 (7). – С. 33–36.

10. Даффи Д. Человеческий капитал / Д. Даффи. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.osp.rucio/2000/06/023.htm>.

11. Мескон М. Основы менеджмента / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – М.: Вильямс, 2006.

РЕГИОНАЛЬНАЯ МОЛОДЕЖЬ В КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЯХ

Кладова Анастасия Андреевна, студент 3 курса

Гарифзянова Альбина Раисовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты пилотажного социологического исследования сценариев включения молодежи г. Казани в возрасте 18–35 лет в креативные индустрии. С опорой на концепцию креативного класса Р. Флориды и качественную методологию, в работе исследуются мотивы молодежи и факторы, которые влияют на процесс включения. Анализ результатов экспертного интервью показывает, что г. Казань сегодня активно развивается и имеет множество возможностей для развития креативной экономики.

Ключевые слова: креативные индустрии, креативная экономика, молодежь, творчество, креативный город, творческие индустрии, креативность.

Введение

С конца XX века в обществе повышается интерес к творческим способностям человека. Умение человека генерировать нестандартные решения и создавать существенно новые идеи повышают его востребованность на рынке труда. Креативность становится основным источником развития не только экономики, но и общества, в целом. Профессор Л.М. Андрухина отмечает, что в обществе на смену эпохе рациональной упорядоченности приходит эпоха креативности [1, с. 6].

Креативность сегодня проникает во все сферы жизни общества. Ее влияние носит положительный характер. Можно сказать, что сегодня «креативизация» приобретает черты социального процесса. Именно креативные индустрии как особый сектор новой экономики, отражают произошедшие социальные изменения. Однако в современной социологической теории только формируется полноценная концепция креативных индустрий.

В России развитие и распространение креативных индустрий началось относительно недавно. К 2019 году в экономике России доля рассматриваемых индустрий, по оценкам специалистов, достигла от 4 % до 5 %. В отдельных регионах страны развитие этого сектора происходит не одинаково. Согласно исследованию, проведенному Агентством стратегических инициатив, наряду с Республикой Башкортостан, Краснодарским краем, Свердловской и Самарской областями Республика Татарстан лидирует по количеству людей, занятых в креативных индустриях. Компания PwC рассчитала индекс, оценивающий состояние креативных индустрий. В соответствии с полученными данными, г. Казань среди иных региональных центров является одним из лидеров формирования данного сектора [6, с. 284–289]. В г. Казани ведется активная работа по созданию условий для развития кластера креативных индустрий. За последние годы было открыто много различных креативных пространств, например, резиденция «Штаб», арт-пространство «Werk», центр современного искусства «Смена» и некоторые другие. А в конце 2021 года было заявлено об открытии школы креативных индустрий. Однако потенциал данной отрасли во всех смыслах, в том числе и в контексте вовлечения молодежи, еще не полностью реализован, тем более, если вести речь о российских регионах.

Согласно данным диссертационного исследования Н.А. Нартовой, за 2021 год для современной молодежи России характерно формирование новой модели гражданственности, проявляющейся в формировании запроса со стороны молодых людей на активное участие в жизни общества. Происходит развитие объединений, сообществ и локальных групп. Основной чертой новых форм участия становится ориентация на деятельность, осуществление которой происходит вне институционализированной политики, а в пределах пространств, доступных для молодых. Сочетая равнодушие и личную ответственность, молодежь стремится действовать согласно имеющимся ресурсам и только там, где есть реальная возможность что-то изменить [5].

Участие в креативных индустриях позволяет молодежи в лучшую сторону менять окружающее пространство, совершать конкретные действия по

улучшению жизни местного сообщества. Однако поскольку в г. Казани только происходит становление данной отрасли, это усложняет процесс включения молодежи в нее.

Дизайн исследования

Объект исследования – креативные индустрии как новая форма гражданственности региональной молодежи (г. Казань).

Предмет: казанская молодежь, осуществляющая деятельность в рамках креативных индустрий.

Цель исследования – анализ сценариев включения региональной молодежи в креативные индустрии г. Казани.

Задачи исследования:

- дать оценку состояния креативных индустрий в г. Казани;
- описать, как происходит процесс включения молодежи в креативные индустрии;
- определить факторы, которые влияют на этот процесс;
- выявить мотивы молодежи, ориентированной на деятельность в креативной экономике.

Исследование проводилось в 2021–2022 гг. в г. Казани. Эмпирическую базу составили полуструктурированные интервью с молодежью г. Казани в возрасте от 18 до 35 лет ($N = 6$) и экспертные интервью ($N = 3$), собранных в 2022 году. Участие в исследовании приняла молодежь, имеющая опыт деятельности в отрасли креативных индустрий. На момент проведения исследования 5 информантов осуществляли активную деятельность в креативных индустриях, а один информант находился на этапе ее прекращения. Стоит отметить, что представители были заняты в разных сферах креативных индустрий. Так, были представлены следующие сферы: ивент-индустрия (2), ремесло (1), магазины и общественные пространства (2), мода и крафт (1). В выборку экспертов попали руководители и управляющие основных креативных организаций г. Казани, которые осуществляют поддержку, развитие и формирование творческих проектов, сообществ и личностей.

В качестве основной теории была выбрана теория креативного класса Р. Флориды [8]. Мы считаем, что она дает наиболее полное описание социальных процессов в период «креативизации» общества. С позиции данной теории можно объяснить причины появления и популяризации деятельности в креативных индустриях среди молодежи, а также описать факторы, которые способствуют развитию данного сектора. Данное исследование предполагает рассмотрение включения молодежи в креативные индустрии как одну из форм гражданской активности. В связи с чем дополнительно также применяется концепция новых форм молодежной гражданственности. Таким образом, креативные индустрии мы рассматривали как сферы занятости, в которых индивиды в процессе творческой деятельности производят экономические ценности благодаря использованию интеллектуальной собственности. Включение, согласно концепции новых форм гражданственности, было

рассмотрено как участие в деятельности местных городских сообществ, основная цель которых состоит в усовершенствовании жизни общества. Важным для исследования также является понятие креативного класса, которое мы определяли как совокупность людей, производящих экономические ценности в процессе творческой деятельности.

Результаты исследования

Началом зарождения креативных индустрий в России можно считать 2008 год, однако формирование креативных кластеров началось еще в 2000-х годах. На федеральном уровне закрепление термина произошло в 2014 году, а активное внимание этой сфере со стороны государства стали уделять только в последние 2–3 года. *«Вот в 2008 году заговорили, можно сказать, произнесли впервые фразу креативные индустрии, понятное дело то, что сами направления бизнеса они, ну, развиваются давно просто под это понятие никто себя не подставлял»* (Эксперт 1).

Данные, полученные в ходе исследования, позволяют определить в общем виде креативные индустрии, как совокупность различных сфер деятельности, направленных на реализацию уникальных идей, путем коммерциализации творческих и интеллектуальных способностей индивида, часто на основе новых технологий и инноваций. *«Для меня есть простое объяснение: креативные индустрии – это определенно сектор экономики, связанный с интеллектуальной деятельностью, развивающийся преимущественно на идеях и технологиях»* (Эксперт 2). Закрепление данного термина на законодательном уровне говорит об интересе к данному сектору со стороны государства. Благодаря этому перед креативными индустриями открываются новые возможности. С другой стороны, их развитие оказывает положительно влияние на город и на общество в целом.

Можно проследить следующую зависимость – толчком для развития креативных индустрий выступает кризис. Во времена, когда экономика нуждается в инновациях, для данной отрасли открываются новые возможности. *«С одной стороны, такие события — это, по сути, и возможность создать что-то новое, потому что рынок меняется, колеблется, кто-то уходит и на это место может прийти что-то новое как раз»* (Эксперт 1). Так, зарождение креативных индустрий в России, эксперты связывают с кризисом 2008 года. В г. Казани данная отрасль начинала свое развитие во время кризиса 2014-2015 годов. *«По моему опыту и той информации, которой я обладаю, я могу сказать, что появление и масштабирование креативных индустрий началось после кризиса 2008 года. <...> Именно тогда у нас появились большие наши ориентиры, такие как Артплей, Флакон, Винзавод»* (Эксперт 2). Директор Института культурной политики М. Б. Гнедовский пишет, что такая тенденция характерна и для стран Европы. Например, в Великобритании креативные индустрии стали ответом на кризис 1980-х годов, когда там начался процесс оттока тяжелой промышленности [4, с. 141]. С другой стороны, данный сектор в нестабильные времена оказывается особенно зависим от окружающей обстановки и в период кризиса испытывает трудности. Девушка 35 лет,

размышляя о планах на будущее, отмечает: *«сейчас хочется сохранить то, что есть, и приумножить. Сейчас такое нестабильное время»* (Ж, 35, декор и флористика).

На формирование креативных индустрий оказывает большое влияние инфраструктура города, его социокультурная среда, складывающаяся в нем атмосфера и, что также важно, поддержка данного направления, оказываемая правительством [4, с. 142–143]. Эксперты отмечают, что развитие креативных индустрий началось позднее, чем в Москве: *«В Москве это началось быстрее и раньше. За те этапы, по которым можно учиться, были уже там, а Казань как бы только сейчас расцветает»* (Эксперт 3). Однако Казань старается не отставать от Москвы и Санкт-Петербурга, в том числе и в создании креативного сектора. На данный момент в здесь происходит активный процесс его формирования. Появляются различные творческие пространства, арт-резиденции, постепенно формируются креативные кластеры и развивается необходимая для этого инфраструктура. Эксперты отмечают, что г. Казань имеет большой потенциал для развития данного сектора: *«У нас достаточно тоже много каких-то уникальных бизнесов и творческих проектов открывается, поэтому в целом в Казани есть свои возможности»* (Эксперт 1).

Важной частью креативных индустрий выступает молодежь, которая является как активным потребителем творческих продуктов, так и их производителем. Эксперты подтверждают тезис о том, что будущее креативных индустрий за молодежью: *«Если говорить о молодом поколении, все-таки они больше следят за актуальными трендами, все-таки они диктуют, как должны развиваться страны и как должны развиваться города или как должно развиваться то место, где они находятся. Кругозор нашего молодого поколения намного шире»* (Эксперт 2).

В ходе изучения было выявлено, что сценарии включения молодежи в креативные индустрии бывают весьма разнообразны. Для каждого представителя характерна своя уникальная история деятельности и у каждого свой особенный формат участия в ней. Так, кто-то осуществляет свою деятельность в различных проектах: *«В основном я делаю так, чтобы об этом фестивале или событии узнало как можно больше людей, пришло как можно больше людей, то есть это маркетинговая активность, и в каких-то проектах внутри какие-то кураторские вещи»* (Ж, 27 лет, PR). Для кого-то включение представляет создание материального творческого продукта: *«Я попробовала открыть свой инстаграм-магазин изделий из глины»* (Ж, 20 лет, ремесло). Есть и те, кто реализуют свой собственный проект: *«Мы занимаемся организацией вот таких маленьких путешествий вот как бы здесь (про Казань)»* (М, 30 лет, путешествия).

В современных обществах, согласно Р. Инглхарту, происходит сдвиг от материалистических к постматериалистическим ценностям, выражающийся в тенденции к самореализации путем активной общественной деятельности [1, р. 43–66]. Н.А. Нартова отмечает, что такой ценностный сдвиг в основном воплощает молодежь, которая формирует новую повестку и отличное от старшего поколения видение на жизнь [5, с. 18]. Опираясь на данные,

полученные в ходе нашего исследования, мы полагаем, что молодежь, включенная в креативные индустрии, формирует новые для российского общества смыслы профессиональной деятельности, основанные на постматериалистических ценностях.

Это деятельность, которая в первую очередь определяется не как работа, а как хобби или любимое занятие, и уже только после как занятость и дело, которое приносит доход: *«Для нас – это душа. <...> Я говорю, это скорее про то, что ты нашел место в жизни, чем про какую-то бизнес-модель успешную»* (Ж, 35 лет, декор и флористика). Особенно подчеркивается любовь к своему делу: *«Если ты по-настоящему не будешь любить это дело, у тебя не получится его развивать»* (Ж, 19 лет, мода и дизайн). Для многих респондентов детские увлечения превращаются в основной вид занятости, но во многом с сохранением основных черт хобби. *«Я изначально к этому относилась как-то не серьезно, мне просто было интересно посмотреть как, что. Просто как хобби. Друг увидел во мне потенциал, он был готов вкладывать во все это»* (Ж, 19 лет, мода и дизайн). Л.Ю. Антонова отмечает, что для современности характерны сценарии, когда основой для бизнеса выступает хобби [3, с. 254].

Новый взгляд на профессиональную деятельность, сопровождается критикой рутинны, стабильности и однообразия. В месте с этим некоторыми информантами желаемая деятельность противопоставляется родительской модели работы, которая оказывается для них абсолютно непривлекательной: *«В этом разница меня, моих родителей. Условно говоря, которые могут работать там всю жизнь примерно на одной работе»* (Ж, 27 лет, PR). *«И мама, и отчим – заводские рабочие. Сколько помню, так и работают всю жизнь. Я им не судья, но я бы так не смогла...»* (Ж, 20 лет, ремесло). В основном работа не рассматривается ими как что-то постоянное, они готовы менять сферы деятельности, пробовать что-то новое, если это будет давать им больше возможностей для самореализации и совпадать с их ценностями. *«На данном этапе я развиваюсь в этой сфере, но я не говорю, что я буду заниматься этим все жизнь, возможно это просто старт для чего-то еще»* (Ж, 19, мода и дизайн). Некоторые из них изначально не действуют исключительно в одном поле деятельности: *«Люди другие, такие же как я и они точно так же прыгают из проекта в проект, да, и занимаются разными вещами»* (Ж, 27 лет, PR). Для них нет разделения на работу и жизнь, это сливается в единое целое: *«Просто это место, в котором мы проводим очень много времени. Это не так, что ты пришел на работу, в выходные ушел. Это все твое время, это твоя жизнь»* (Д, 30 лет, декор и флористика).

Одним из ключевых мотивов включения в сферу креативных индустрий выступает желание индивида реализовать себя и, что самое главное, свои идеи. Например, девушка, создающая изделия из глины, отмечает: *«Круто, что можно задумки из головы сделать полнообъемными, живыми, я даже не знала, смогу ли вообще»* (Ж, 20 лет, ремесла). *«Во-первых, ты занимаешься еще самореализацией. Ты развиваешься сам. Ну и плюс ты как бы получаешь удовольствие от того, когда видишь, что все движется»* (М, 30, путешествия).

Производство творческого продукта выступает одной из главных составляющих данной деятельности, но поскольку креативные индустрии все же находятся на стыке между культурой и бизнесом, важным процессом здесь выступает также и его коммерциализация. Эксперты объясняют, что *«любое творчество можно коммерциализировать»* (Эксперт 1). Однако не у каждого это получается. Девушка 20 лет, рефлексировав свой опыт, говорит: *«Как только я поняла на своей шкуре внутреннюю кашу попыток зарабатывать на творчестве, само творчество сошло на нет. Все же, когда дело касается монетизации своего творчества, а не работы за спасибо, то весь процесс обретает больше механическую работу, а самого процесса творчества и внутреннего наполнения становится все меньше»* (Ж, 20 лет, ремесло).

Комментируя данную ситуацию, эксперты отмечают, что столкновение с механизацией и рутинизацией труда неизбежно. Но поскольку творческая деятельность здесь играет основную роль, для сохранения прежней эффективности, «креативщику» необходимо делегировать рутинные обязанности, т. е. необходимо нанимать работников, а самому продолжать создавать новые формы. *«Потому что понятное дело, когда ты механически начинаешь производить одну и ту же свечу постоянно, творчество превращается в какую-то рутину. А другое дело, когда ты производство этой свечи отдаешь на аутсорс, нанимаешь работников, а сам придумываешь новую форму и продукты, коллаборацию какую-то делаешь»* (Эксперт 1). Как итог – в обществе образуется структура, описанная Р. Флоридой. Есть суперкреативное ядро, которое занимается формированием идей и есть обслуживающий класс, который выполняет их повседневные заботы и занят выполнением механического труда [8, с. 86-90].

Деятельность в креативных индустриях возможна, если в процессе деятельности формируется команда, которая выполняет обычный «скучный» труд, позволяя креативному ядру осуществлять творческую работу. Это дает им возможность избежать усталости от работы и сохранить вдохновенность своей деятельностью, что приводит к эффективному процессу генерации новых идей: *«У нас две девочки флориста – вот вся наша команда. Мы долго очень работали вдвоем, потом мы устали, работали на каком-то энтузиазме, запале, а потом поняли, что уже не хочется, какое-то выгорание»* (Ж, 35 лет, декор и флористика).

К такому разделению труда в том числе приводит и тот факт, что научить креативности невозможно, как и передать свое видение. Невозможно купить или продать творческие способности, поскольку креативность исходит исключительно от людей. Так, креативность становится наиболее ценным и уникальным экономическим товаром, которая при этом как таковым товаром и не является [8, с. 19]. *В творчестве очень трудно кого-то другого взять себе в помощь, только ты видишь результат и объяснить в полной мере, что ты хочешь, другому – анриал* (Ж, 20 лет, ремесло).

Важным мотивом включения молодежи в данную деятельность выступает удовлетворение собственных интересов. Поэтому, в первую очередь, они заняты тем, что приносит им удовольствие. Так, один из информантов говорит:

«...мне важно вдохновение, мотивация, вот какая-то энергия, импульс. Если я получаю от этого ну как бы драйв, удовольствие...» (М, 30 лет, путешествия). Это находит подтверждение и в словах других информантов: «Я давно все делегировала, как раз-таки по тому, что я хочу рисовать только то, что мне нравится» (Ж, 19 лет, мода и дизайн).

В креативных индустриях они получают свободу и независимость, к которым стремятся: *«...у меня была эта свобода в принципе выбор для себя и поэтому, когда мне приходится делать что-то, что меня там раздражает, бесит и так далее, то я просто это перестаяю делать» (Ж, 27 лет, PR).*

Часто важным фактором при выборе профессии выступает доход. Для представителей креативных индустрий при включении в данную деятельность решающего значения этот фактор не играет. Начиная свой путь, многие из них проходят этап, когда работа приносит маленькие доходы *«Вот с бренда мы начали зарабатывать только полгода, весь год прошлый мы тупо все деньги, которые зарабатывали, обратно вкладывали» (Ж, 19 лет, мода и дизайн).* В основе деятельности лежит личная свобода и желание самореализоваться, а не возможность получения денег: *«Для меня приоритет – это пусть будет денег меньше, но зато я чувствую удовольствие от своей полезности, нужность от того, что я делаю. Не чувствую себя винтиком в системе, а чувствую себя внутри маленькой командочки человеком, у которого есть своя ответственность, в которой он может принимать решения» (Ж, 27 лет, PR).*

Однако невозможно отрицать важность экономического фактора, ведь монетизация все же является основным компонентом креативных индустрий. Эффект индустрии происходит именно благодаря возможности выхода за рамки творчества ради творчества [7, с. 52]. Все респонденты в своих нарративах говорят о деньгах, подчеркивая их значимость: *«Просто самое главное нужно понимать, что не все сразу. Для меня лично 50 на 50, совсем в ноль работать не хочется. Но то, что приносит деньги, всегда приятно. А так, чтобы работать только за идею и в ноль, нет, не хочется» (Ж, 19 лет, мода и дизайн).* Но все же они готовы жертвовать заработком, если деятельность будет тяготить их, не будет возможности реализовывать себя и чувствовать свою важность в процессе выполнения работы: *«Мне нравится получать удовольствие от своей работы, как бы энергию, вдохновение, отклики людей, а, ну, какую-то, наверное, радость и если это еще приносит деньги, это вообще как бы супер-комбо» (М, 30 лет, путешествия).*

Такой подход позволяет переосмыслить классическое производство, включая в экономику новые типы, в которых на первый план выдвигается создание культурных ценностей: *«Вот бывают же картины написанные, их же покупают и вешают к себе и это как частичка интерьера. А мы как-то хотели передать, что можно картины не только хранить в одном месте, чтобы не только они стояли дома, а что можно картины на себе носить» (Ж, 19 лет, мода и дизайн).* Прибыль здесь выступает лишь одним из показателей значимости их деятельности: *«Зарботок – признание того, что ты все делаешь правильно» (Ж, 35 лет, дизайн и флористика).*

Согласно полученным данным, еще одним важным фактором, влияющим на включение молодежи в креативные индустрии, выступает запрос на креативность, который формируется в обществе: *«...людям хочется куда-то, им нравится наш формат, им хочется куда-то, допустим, подальше с нами съездить»* (М, 30 лет, путешествия). *«Людям нужна красота, отдушина какая-то»* (Ж, 30 лет, декор и флористика). И этот запрос состыкуется с еще один важным мотивом самих «креативщиков» – их желанием быть полезным для других. Это два взаимосвязанных процесса. Н.А. Нартова отмечает, что в целом ориентация на других характерна для нынешней молодежи, их гражданская активность направлена за пределы своей индивидуальности [5, с. 26]. Данные, полученные нами в ходе интервью, позволяют проводить аналогию между новыми формами гражданственности современной молодежи и деятельностью в креативных индустриях. Во многом продукт, который производится внутри этой индустрии, направлен на улучшение жизни общества. Описывая свой опыт, парень 30 лет говорит: *«Я вижу, что действительно эта штука, эта история принесла людям радость, впечатления, сделала их счастливее и заставила улыбаться, восхищаться и так далее. Вот это, вот в этот момент как бы я понимаю, что все хорошо, все правильно»* (М, 35 лет, путешествия). В основном это конкретные действия в том пространстве, где высока вероятность положительно повлиять на ситуацию. Девушка 27 лет, размышляя о том, что для нее оказывается приоритетным в ее деятельности, говорит: *«Вот мне так кажется, не знаю, например, очередная там тусовка, да, которую я могу пропиарить. Я не возьму как раз пиарить, потому что, ну условно это не моя сфера интересов. Для меня это не так, наверное, важно. Для меня важны какие-то истории, которые что-то чуть-чуть меняют»* (Ж, 27 лет, PR).

В связи с этим многие из проектов в основном носят локальный характер. «Креативщики» видят своей целью создавать то новое, чего еще нет в Казани и что до них никто не реализовывал. Эксперты отмечают, что в обществе сегодня формируется интерес к локальному и такие проекты оказываются наиболее востребованными и популярными: *«Сейчас в моде делать акцент на локальность. Выстреливают именно локальные проекты, на них много кто начал обращать внимание, потому что локальные проекты они более уникальны, более интересны и независимы»* (Эксперт 1).

Описывая свой творческий путь, девушка, которая занимается пиаром, говорит: *«И мне, например, нравится, что, в Казани на тот момент, когда я переехала, как раз была возможность сделать первым что-то в Татарстане»* (Ж, 27 лет, PR). Уникальность своей деятельности подчеркивают и сестры, которые занимаются цветами и декором: *«Возможно, у нас действительно была какая-то такая ниша, которая не была никем занята. Нам просто очень повезло, что мы нашли отклик в людях и им понравилось, они возвращаются, рекомендуют»* (Ж, 30 лет, декор и флористика).

Заключение

Особая социально-экономическая среда, формирующаяся в обществе XXI века, оказывает влияние на культурную сферу. В новых условиях происходит трансформация старых культурных институтов и даже появление новых, образуется сектор коммерческой культуры. Происходит процесс становления новых форм человеческой деятельности на стыке творчества и бизнеса, обозначенных термином «креативные индустрии».

Основным действующим агентом в креативных индустриях выступает молодежь, которая может являться одновременно как производителем, так и потребителем культурных продуктов. В современной социологической теории ведется дискуссия о молодежной активности. Так, одни считают, что молодежь не способна влиять на общественные процессы, для нее более характерен гедонизм и индивидуализм. Однако такая позиция все чаще подвергается критике, и формируется новый взгляд на молодежь, как на активного субъекта общественных процессов. Согласно такому подходу, внимание уделяется изучению участия молодежи в различных низовых инициативах. В нашем исследовании включение в креативные индустрии рассматривалось как участие в деятельности, основная цель которой состояла в усовершенствовании жизни общества.

Проведенный пилотажный этап исследования показывает, что формирование сектора креативных индустрий в г. Казани началось в 2014–2015-х годах. На сегодняшний день здесь создаются условия для успешной реализации данной отрасли, в связи с чем растет число молодых людей, осуществляющих в ней деятельность. Сценарии включения молодежи в креативные индустрии разнообразны. Для каждого представителя характерна своя уникальная история деятельности и у каждого свой особенный формат участия в ней. Так, кто-то осуществляет свою деятельность в различных проектах, реализуя свои интеллектуальные и творческие способности; для кого-то включение представляет создание материального творческого продукта и его продажа, есть и те, кто реализует свой собственный проект и тем самым создают личный бренд. Также были выделены основные факторы успешного включения: наличие центров творческой активности, формирование комфортной социально-культурной среды и развитой инфраструктуры, возможность объединяться в различные сообщества, осуществление государственной поддержки, а также запрос на креативность со стороны общества. А к мотивам были отнесены: желание быть полезными для других и изменять жизнь общества в лучшую сторону, желание самореализовываться и развиваться, потребность создавать новое и реализовывать свои творческие способности.

Таким образом, креативные индустрии г. Казани представляют для молодежи в возрасте от 18 до 35 лет один из возможных форматов реализации своего потенциала. Включение в данную деятельность позволяет им быть причастным к местному сообществу и менять в лучшую сторону то пространство, где они действуют.

Литература

1. *Inglehart R., Dalton R., Kuechler M.* Values, ideology and cognitive mobilization // *Changing the Political Order: New Social Movements in Western Democracy.* – Oxford: Polity Press – 2009. – P. 43–66.
2. *Андрюхина Л.М.* Культурная топология креативности: возможности человека XXI века // *Образование и наука.* – 2012. – № 3. – С. 3–16.
3. *Антонова, Л.Ю.* Хобби как средство культурной интеграции молодежи // *Вестник БГУ.* – 2012. – № 6.
4. *Гнедовский М.Б.* Творческие индустрии – развивающийся сектор постиндустриальной экономики // *Управленческое консультирование.* – 2006. – № 2. – С. 140–151.
5. *Нартова Н.А.* Гражданственность и социальное включение городской молодежи в современной России: дис. ... канд. социол. наук. / Н.А. Нартова – М., 2021. – 90 с.
6. *Сопина Н.В.* Развитие креативных индустрий в регионах России: возможности и их реализация // *Креативная экономика.* – 2021. – Том 15. – № 2. – С. 277–294.
7. *Федотова Н.Г.* Креативные индустрии (Creative industries): теория и практика / Н.Г. Федотова – Текст: непосредственный // *Культурное обозрение.* – Информационно-аналитический сборник № 4. – Великий Новгород, 2012. – С. 51–72.
8. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Пер. с англ. А. Константинов. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. – 421 с.

КОНЦЕПТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТПОСТМОДЕРНА

Лаукарт-Горбачева Ольга Викторовна

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия

Аннотация. Концепция человеческого капитала, возникшая в середине XX в., как попытка научного обоснования социально-экономических изменений и прогнозирования их последствий, актуализировала роль человеческого фактора как одного из основных движущих сил развития постиндустриального общества. В эволюции концепта человеческого капитала прослеживается три основных этапа: доклассический (актуализация самой идеи значимости человеческого фактора); классический (содержательное наполнение понятия «человеческий капитал»); развитие концепции, углубление экономического анализа, расширение границ и активное использование данного концепта в междисциплинарных исследованиях. Анализ научного дискурса выявил отсутствие общепринятого универсального определения и изменение концептуальных основ теории человеческого капитала в условиях становления постпостмодерна.

Ключевые слова: человеческий капитал, эволюция концепта человеческого капитала, общество поздней современности, глокализация, трансенция.

Понятие «человеческий капитал» появилось в рамках экономической теории человеческого капитала, которая возникла в середине XX в. Ее формирование опиралось на достижения неокейнсианства, неоклассической и институциональной теорий и являлось попыткой ответить на актуальные социальные и экономические вызовы, появившиеся в развитых западных странах в связи с изменением типа общества.

Становление постиндустриального и информационного общества, формирование инновационной экономики обусловили серьезные изменения профессиональной и квалификационной структур общества: повышается роль и доля высококвалифицированных специалистов и работников интеллектуального труда и снижается доля работников неквалифицированного труда. В национальных богатствах развитых стран происходит процесс активного замещения природного, физического капиталов человеческим, объем инвестиций в человеческий капитал существенно возрастает.

Анализ показателей экономического развития западных стран показал, что учет классических факторов роста не отражал реальные темпы процессов развития, и привел к выводу о доминировании человеческого капитала как основного производительного фактора социально-экономического развития современных обществ. Создание теории человеческого капитала позволило рационально обосновать происходящие процессы. Так, например, посредством данной теории была измерена экономическая отдача и обосновано массовое распространение во второй половине XX в. в США высшего образования, осуществлявшееся за счет государственных средств. Теория человеческого капитала стала широко использоваться международными организациями (ООН по вопросам образования, науки и культуры, Организация экономического сотрудничества и развития) [1].

С начала 1960-х гг. теория становится концептуальной основой большого количества эмпирических исследований в области экономики и социологии образования, выявивших зависимость между уровнем образования, работой, производительностью труда и доходом. В ряде исследований российских ученых также была выявлена взаимосвязь между наличием диплома о высшем образовании и получением определенной прибавки к заработной плате [2, 3].

По мнению Ю.А. Корчагина понятие «человеческий капитал» является широкой экономической категорией, обобщающей и развивающей такие понятия, как «человеческий фактор», «человеческие ресурсы», «трудовые ресурсы», «интеллектуальный капитал», «социальный капитал» [4].

Основоположниками теории человеческого капитала считаются американские экономисты представители Чикагской школы Т. Шульц и Г. Беккер. Т. Шульц впервые использовал понятие «человеческий капитал» и дал его определение, подчеркнув высокую значимость человеческого капитала как фактора производства и экономического роста. Анализируя концепцию капитала, Т. Шульц делит его на две части – человеческий и нечеловеческий. Ключевым фактором производства, по мнению ученого, является образование, и именно образование выступает в его концепции формой человеческого капитала: «...образование является одной из форм

капитала, и его называют человеческим потому, что данная форма является частью человека, а капиталом оно становится потому, что является источником будущих удовлетворений или будущих доходов, либо того и другого вместе» [5, с. 13].

Самый значимый вклад в создание и развитие концепции человеческого капитала внес Г. Беккер. Выделим основные положения данной концепции, изложенные в работах экономиста [6–10]:

– человеческий капитал и материальные ресурсы имеют равнозначную роль в процессе создания совокупного общественного продукта;

– человеческий капитал неразрывно связан с его обладателем – человеком, а точнее работником, так как человеческий капитал представляет собой запас знаний работника, необходимый для трудовой деятельности и обуславливающий формирование прироста дохода;

– формирование человеческого капитала происходит за счет инвестиций в человека, их основными направлениями являются обучение, расходы на здравоохранение, подготовка на производстве, расходы в миграционной сфере и поиска экономически значимой информации (например, о ценах, доходах);

– человеческий капитал имеет три основные формы своего проявления: 1) общий человеческий капитал (общие фундаментальные знания, универсальные навыки и компетенции, без которых невозможна трудовая деятельность); 2) специальный человеческий капитал (узкопрофессиональные знания и специальные компетенции прикладного характера, необходимые для выполнения трудовых функций в рамках конкретной организации); 3) прочий человеческий капитал (умения и навыки получения и работы с экономически значимой информацией, с информационными услугами и продуктами, помогающими работнику искать более перспективные вакансии на рынке труда);

– наряду с образовательным капиталом выделяются мотивация, капитал производственных навыков, капитал миграции, капитал здоровья, капитал владения значимой информацией в экономической сфере.

Дальнейшее развитие теории человеческого капитала связано с именами таких ученых, как Э. Денисон, Дж. Минцер, Т. Стоуньер, Й. Бен-Порэт, Л. Туроу, Э. Лэзер, М. Блауг, Р. Лэйард, М. Боумен, Дж. Псахаропулос, Ф. Уэлч, Э. Тоффлер, Ш. Розен, С. Фишер, Б. Чизуик, П. Друкер, Ф. Фукуяма, Л. Энвинссон, М. Мэлоун, К.Р. Макконелл, С.Л. Брю и др.

Среди отечественных исследователей существенный вклад в развитие концепции человеческого капитала внесли В.Н. Белкин, А.И. Добрынин, С.А. Дятлов, И.В. Грузков, С.А. Иванов, И.В. Ильинский, В. Коннов, А.В. Корицкий, И.Т. Корогодина, М.М. Критский, Р.И. Капелюшников, Э.Н. Соболев, И.В. Соболева, Р.М. Нуреев, Л.Г. Симкина, И. Майбуров, Е.Д. Цыренова, О.А. Гришнова, В.П. Щетинин, Ю.А. Корчагин, В.А. Аникин, Н.А. Федотова, С.В. Горбунова, Л.Б. Владыкина, М.А. Гвоздева, М.В. Казакова, Т.Р. Киблицкая, М.М. Хайкин, З.Р. Хабибуллина и др.

В целом можно выделить три основных этапа эволюции концепта человеческого капитала:

1) доклассический этап, на котором происходит актуализация самой идеи значимости человеческого фактора, его определяющего места среди других факторов производства, развития экономической сферы и общества в целом (понятие «человеческий капитал» еще не используется научным сообществом);

2) классический этап – содержательное наполнение понятия «человеческий капитал», формирование теории человеческого капитала, обоснование ее принципиальных положений и постулатов (возникновение понятия и его использование в узком значении);

3) развитие концепции человеческого капитала, углубление экономического анализа, возникновение различных прикладных теорий в рамках данной концепции, расширение границ и активное использование данного концепта в междисциплинарных исследованиях (использование понятия в более широком значении, часто размывание его понятийных границ и, по сути, отождествление с понятием «человеческий потенциал»).

Анализ зарубежного и отечественного научного дискурса, касающегося семантических аспектов концепта человеческого капитала, выявил, во-первых, отсутствие общепринятого универсального его определения и, во-вторых, намечающиеся новые интерпретации понятия человеческого капитала, изменение концептуальных основ теории человеческого капитала в современных условиях трансенции, кристаллизации иной системы социальных координат, которую ученые, в связи с отсутствием принятого в научном сообществе термина, условно называют обществом поздней современности или постпостмодерном (см. например: А. Бузгалин [11], Н. Маньковская [12], В. Курицын [13], Д. Ритцер [14], А. Павлов [15], Д. Пригов [16], Ф. Мофра [17], П. Мейсон [18], М. Эпштейн [19], О. Митрошенков [20], О. Савельева, М. Лимонова [21] и др.).

Существующее многообразие дефиниций человеческого капитала, с одной стороны, можно объяснить сложностью и многоаспектностью самого человека как его носителя. С другой стороны, чем сложнее многомернее определяемый объект, тем больше исследовательских ракурсов он может иметь и, следовательно, тем более разнообразнее будут его дефиниции, обусловленные определенными научными и дисциплинарными рамками, акцентирующими внимание на аспектах своего научно-исследовательского поля.

Однако необходимо обозначить принципиальные смысловые маркеры, которые будут ориентировать в исследовательском поле и давать представление о границах понятия. Ориентируясь на данные черты, можно будет более четко определить, имеем ли мы в качестве исследовательского объекта данное явление или уже выходим в прилегающие исследовательские поля, а возможно уже совсем выходим за границы искомого объекта. На наш взгляд, важными с семантической точки зрения являются следующие моменты:

1) несмотря на некую условность использования понятия «капитал» применительно к человеку, все же оно в концепте «человеческий капитал» выступает основной семантической категорией, именно оно задает главный

вектор, сущностное значение и понятийные границы. Фундаментальными же свойствами категории «капитал» выступают обязательное использование искомой денежной массы и, в результате, возрастание ее величины, другими словами, получение прибыли, дохода;

2) неотъемлемым признаком капитала является использование искомого запаса с определенной пользой (индивидуальной, общественной), он должен приносить какие-то выгоды, прирост, пользу, доход в вещественной или невещественной форме;

3) человеческий означает, что «запасы» принадлежат индивиду как человеческому существу;

4) в качестве «запасов», принадлежащих непосредственно человеку, могут выступать способности, умения, навыки, компетенции, опыт, знания, причем чаще всего они являются приобретенными, хотя в некоторых случаях можно говорить и о врожденных способностях, которые могут проявляться как человеческий капитал;

5) инвестиции, которые зачастую включаются в структуру человеческого капитала, также как и ряд других аспектов (интеллектуальные возможности, физическое и психологическое состояние, мотивационная, ценностно-ориентационная, поведенческая составляющие и др.), по нашему мнению, выступают как факторы, обуславливающие формирование, накопление, развитие человеческого капитала;

6) уровень развития человеческого капитала и возможности его эффективного использования зависят от множества разнообразных внутренних, относящихся непосредственно к человеку, его личности, и внешних факторов;

7) внешние факторы, обуславливающие формирование, накопление, развитие человеческого капитала могут быть прямого (семейное воспитание и семейный капитал, образовательные организации, где воспитывался и обучался человек, агенты социализации, модель самосохранительного поведения и т. д.) и косвенного воздействия (экология региона, уровень безопасности или криминогенности социального пространства, политический уклад, уровень развития экономики и т. д.).

Второе выявленное актуальное направление современного научного дискурса проблем человеческого капитала обусловлено изменениями социокультурного пространства, возникновением других «социальных координат», иных принципов управления и социального устройства, которые еще нечетко кристаллизовались [14]. Однако галопирующие темпы социокультурной динамики могут привести к тому, что общество просто «перескочит» через только намечающуюся идейно-эстетическую основу постпостмодернизма [21]. Пока наиболее четко выделено четыре «кита», обозначившихся компонента формирующегося социального устройства [20]:

– виртуализация социально-коммуникативного пространства, замещение реальности виртуальным оцифрованным миром, где осуществляется жизнедеятельность людей. Происходит процесс мультиплицирования их представлений, усиливаются возможности манипулирования массовым сознанием;

– возникновение своеобразных аттракторов социальных взаимодействий, «технообразов», которые создаются в сетевом пространстве одним пользователем и могут изменяться другими, что позволяет всем становиться соавторами и активными субъектами социального действия;

– изменение вектора глокализации, смещение акцентов с индивидуальной на социальную уникальность в контексте глобального социального пространства;

– усиление тенденции трансценции, актуализированной А. Тоффлером [22], которая содержательно проявляется в транссентиментализме, отражающем усталость от постоянных социальных изменений и трансформаций.

В контексте развития концепта человеческого капитала перечисленные компоненты, несомненно, имеют значимость, в первую очередь, для локальных властных субъектов, конструирующих этот концепт на региональном уровне и формирующих векторы, ориентиры социально-экономических стратегий развития территорий. В частности, проведенный автором контент-анализ Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года позволил зафиксировать обозначившееся направление глокализации сообществ в глобализационных процессах.

С одной стороны, в Стратегии четко транслируется и прослеживается глобализационный вектор – значимость развития и наращивания человеческого капитала, обуславливающего благосостояние и конкурентоспособность региона. Концепт «человеческий капитал» используется в Стратегии в качестве осевой категории при формулировании главной стратегической цели развития республики. Одним из трех приоритетных ориентиров социально-экономической политики Татарстана декларируется Стратегия накопления человеческого капитала, включающая такие ключевые социальные направления, непосредственно влияющие на формирование человеческого капитала, как образование на всех уровнях (дошкольное, школьное, среднее профессиональное, высшее), демографическая и миграционная политика. Также Стратегия накопления человеческого капитала включает ряд дополнительных направлений, способствующих удержанию качественного человеческого капитала в республике: рынок труда, политика занятости, социальная защита, здравоохранение и культура [23].

С другой стороны, достижение поставленных республиканскими властями целей и задач основывается на региональной специфике, имеющихся в арсенале Татарстана ресурсах. Так полиэтничность Татарстана видится эффективным и важным ресурсом развития человеческого капитала республики. Историческое наследие взаимообогащения разных культур, сформировавшее специфическую ментальность населения, созданная и поддерживаемая атмосфера сотрудничества и уважения несомненно являются способствующими факторами развития человеческого капитала и формирования бренда привлекательности Татарстана для представителей других российских регионов и мирового сообщества. Этнический фактор увязывается с качеством и разнообразием культурной жизни, развитостью культурной инфраструктуры республики, причем важным аспектом в данном

контексте представляется актуализация и сохранение этнического наследия, самобытности народов, проживающих на территории Татарстана, а также развитие культурного туризма. Другим, выявленным в ходе исследования фактором этничности, стимулирующим развитие человеческого капитала, является привлечение потенциальных инвесторов для развития сфер образования и экономики путем позиционирования республики как региона с межнациональным миром и согласием [24].

Литература

1. *Marginson S.* Limitations of Human Capital Theory // *Studies in Higher Education*. – 2019. – Volume 44, Issue 2. – Pp. 287–301. DOI: 10.1080/03075079.2017.1359823.
2. *Рощин С.Ю., Рудаков В.Н.* Измеряют ли стартовые заработные платы выпускников качество образования? Обзор российских и зарубежных исследований // *Вопросы образования*. – 2015. – № 1. – С. 137–181.
3. *Лукьянова А.Л.* Отдача от образования: что показывает мета-анализ // *Экономический журнал ВШЭ*. – 2010. – Т. 14. – № 3. – С. 326–348.
4. *Корчагин Ю.А.* Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации?: Монография. – Воронеж: ЦИРЭ, 2005. – URL: <https://www.hse.ru/data/2011/04/22/1210713272/Korchagin%20Russian%20Human%20Capital%20Assets.pdf> (дата обращения: 9.04.2022).
5. *Schulz T.W.* Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research. – N.Y.: The Free Press, 1971. – 62 p.
6. *Becker G.S.* Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // *Journal of Political Economy*. 1962. – Volume 70, Issue 5, Part 2. – Pp. 9–49.
7. *Becker G.S.* Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. Third Edition. – Chicago and London: The University of Chicago Press. 1993. – 391 p.
8. *Беккер, Г.С.* Теория распределения времени // *Вехи экономической жизни. Рынки факторов производства / под ред. В.М. Гальперина*. – СПб.: Экономическая школа, 2000. – Т. 3. – 489 с.
9. *Беккер Г.С.* Человеческое поведение: экономический подход // *Избранные труды по экономической теории: пер. с англ. / сост., науч. ред., послесл. Р.И. Капелюшников; предисл. М.И. Левин*. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
10. *Беккер Г.* Человеческий капитал // *Уровень жизни населения регионов России*. – 2006. – № 5–6. – С. 17–18.
11. *Бузгалин А.* Постмодернизм устарел... (Закат неолиберализма чреват угрозой «протоимперии») // *Вопросы философии*. – 2004. – № 2. – С. 3–15.
12. *Маньковская Н.Б.* От модернизма к постпостмодернизму via постмодернизм // *Коллаж-2 / Кругликов В.А. (ред)*. – М.: ИФ РАН, 1999. – С. 18–25.
13. *Курицын В.* Время множить приставки: к понятию постмодернизма // *Октябрь*. – 1997. – № 7. – С. 178–183.

14. *Ритцер Д.* Макдональдизация общества 5 / пер. с англ. А.В. Лазарева; вступ. статья Т.А. Дмитриева. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 592 с.
15. *Павлов А.В.* Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Логос. – 2018. – Т. 28. – № 6. – С. 1–19.
16. *Пригов Д.А.* Четыре эссе («Нога», «Нам даны духовые очи-крылья и сердца ясновидящий мотор!», «Все, что удалось установить!», «Культурно-мульти-глобализм») // Филологические науки. – 2018. – № 4. – С. 97–107.
17. *Мофра Ф.* Постпостмодернизм, или законченное прошедшее – (архео) модернизм? От формы к эпохе постпостмодернизма // Художественный журнал. – 2006. – № 1/2. – С. 41–49.
18. *Мейсон П.* Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 416 с.
19. *Эштейн М.* Прото-, или Конец постмодернизма // Знамя. – 1996. – № 3. – С. 196–209.
20. *Митрошенков О.А.* Состоится ли постпостмодернизм? // Личность. Культура. Общество. – 2013. – Т. 15, – № 2 (78). – С. 84–90.
21. *Савельева О., Лимонова М.* Социальное управление в контексте постпостмодернизма // Управление мегаполисом. – 2012. – № 2. – С. 47–51.
22. *Гоффлер А.* Шок будущего / пер. с англ. – СПб.: Лань, 1997. – 464 с.
23. *Лаукарт-Горбачева О.В.* Человеческий капитал как концепт Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 1 (113). – С. 130–152. DOI: 10.15372/REG20220105
24. *Габдрахманова Г.Ф., Лаукарт-Горбачева О.В.* Стратегические установки развития человеческого капитала в Республике Татарстан: официальный дискурс // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2021. – № 4 (4) – С. 4–8.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ ТЕОРИИ ВСЕГО

Ложкин Владимир Николаевич

Канаш, Россия

Аннотация. Современный человек мало читает книг о сложных мировоззренческих гуманитарных теориях или читает только короткие тексты с экрана ПК. Теории иногда пишутся многословным и запутанным языком. К тому же теорий становится много и философия не поспевает их обобщить в одно целое. Что должно представлять это целое и как оно может быть построено на прочной научной основе? Или, как философию сделать более научной? Автор предлагает строить это целое аксиоматическим методом. Красота, логичность и краткость формализованных теорий возможно повысили бы интерес людей к науке и к чтению. Как когда-то это сделали Библия, Коран и другие древние религиозные тексты – прообразы наших «теорий всего». Так

можно будет поднять не только научный, но и политический потенциал людей. А, значит, ими труднее будет манипулировать.

Ключевые слова: антропология, воспитание интереса к наукам о человеке, смысл жизни.

Все наверно слышали о проблеме создания всеобщих великих теорий или гранд-теорий, в том числе и в виде теоретической биологии (ТБ) и теоретической социологии (ТС). В физике – это проблема создания теории всего. Проекты эти призваны придать этим наукам максимально возможный логический и математически строгий вид. Ставится задача унификации науки и их теорий и понятий на основе единого метода их создания.

О состоянии наук о человеке, вице-президент Российского философского общества Ю.М. Резник, выразился так: «...мы все еще далеки от завершения проекта прагматической антропологии, соединяющей разнообразные знания о человеке в единую систему. Поэтому по-прежнему создание единой науки о человеке было и остается пределом устремлений многих отечественных и зарубежных ученых» [5, с. 133]. «Предназначение же общей антропологии состоит <...> в разработке понятийного аппарата, единого для всей антропологической науки» [Там же, с. 139].

В состав социологического, или шире, антропологического варианта теории всего можно включить физическую теорию всего, знания о происхождении и развития нашей Вселенной, знания о возникновении и развитии жизни на Земле, о происхождении человека и его разума, а также о развитии его общественных отношений. Разумеется, в эту теорию всего войдут представления о душе, смерти, о сознании, духе, смысле и цели жизни, о воспитании, о вере и т. п. Потребность в таких общих знаниях очень велика. Достаточно просмотреть форумы в сетях на научные темы.

Такую теорию всего, чтобы облегчить её усвоение, нужно постараться сделать краткой, в одну-две книги. В нее вполне может войти и моя книга: «Аксиомы и теории в биологии и их копии в антропологии», в которой обе науки, в виде Всеобщей теории жизни (ВоТЖ) и Всеобщей теории разумной жизни (ВТРЖ), занимают всего 140 стр. [4]. Написаны они по единому алгоритму из 35 правил. Каждый шаг таких теорий заранее отражён в правилах алгоритма их создания. Автор аксиоматизацию приравнивает к математизации теорий. Аксиоматизация позволяет создавать краткую и ясную систему знаний, близкую к естественной системе, то есть независимой от личности автора, её создавшего. В «очищенном» виде теории легче сравнивать между собой.

Создание аксиоматической социологии сильно упрощается, если её осуществлять вместе со всеми другими науками о человеке в виде теоретической антропологии (ТА). Создание ТА (впервые опубликована автором в 2020г. [3]) сильно упрощается, если примером для неё служит ТБ, написанная ранее. Если по одной науке автору удалось создать её похожую копию в виде другой науки, то это значит, что они достигли формализованного состояния. Теперь ТБ и ТА – это самая похожая пара наук из всех. Пока из возможных четырёх общих теорий в каждой из этих наук написаны только по две.

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ (без онтогенеза)		1 период		ПЕРИОДИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СТРУКТУР И ПРОЦЕССОВ ЖИЗНИ						
		структуры	процессы	(цифрами обозначены компоненты системы)		(четвёртая пара)				
ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ ЖИЗНИ (без филогенеза)	1 период	ЖИВОЕ - это то, что само создаёт вещества и условия для самовоспроизведения и своей эволюции (1 аксиома)	ЖИЗНЬ - есть способ воспроизводства своих копий спом. фенотипа (2 аксиома)	ДВИЖЕНИЯ, направленные на ВЫБОР и ОТБОР, дифференциальное изменение теп.		Внутренняя СРЕДА: полость и ГРАНИЦЫ организмов: внешние и внутренне (4 аксиома)	Пластический и энергетический ОБМЕН: Удержание веществ вместе и ИЗМЕНЕНИЕ условий в веществе в удобную для использования форму	РЕЗЕРВ пластических и энергетических веществ + органы, его обеспечивающие = потенциальные возможности (ПВ) организмов	ПОДДЕРЖАНИЕ внутреннего состава веществ в норме - поддержание гомеостаза	
		Информация, ГЕНОТИП + механизмы репликации генов и воспроизведения его в фенотип = генетический аппарат	МАТРИЧНЫЙ СИНТЕЗ биополимеров + принцип усиления = рост, развитие (3 аксиома)	Активные ферменты, органы, ОРГАНИЗМ ФУНКЦИИ	Внутренняя СРЕДА: полость и ГРАНИЦЫ организмов: внешние и внутренне (4 аксиома)	Пластический и энергетический ОБМЕН: Удержание веществ вместе и ИЗМЕНЕНИЕ условий в веществе в удобную для использования форму	РЕЗЕРВ пластических и энергетических веществ + органы, его обеспечивающие = потенциальные возможности (ПВ) организмов	ПОДДЕРЖАНИЕ внутреннего состава веществ в норме - поддержание гомеостаза		
	2 период	ГЕНЫ. Избыточность генома	МУТАЦИИ (5 аксиома)	Мутации влияющие на плодовитость, на способность к распространению, потенциальные возможности организмов произвести их	ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ участие особей в размножении и расселении = мутации + их воспроизведение в онтогенезе	СРЕДА для движения генов: геном, популяция	Генетические и природные ГРАНИЦЫ для их распространения в популяциях	ОБМЕН генами: половой процесс. Нахождение удачных комбинаций генов (6 аксиома)	РЕЗЕРВ и способности наследственной изменчивости + механизмы, его обеспечивающие = генофонд	ПОДДЕРЖАНИЕ удачных комбинаций генов с помощью репродуктивной изоляции популяций. Прогрессивная эволюция генома (7 аксиома)
		ФЕНЫ. Многофункциональные органы и эволюционно пластичные организмы	ПРЕАДАПТАЦИИ, случайное выполнение новых функций.	ПРЕОДОЛЕНИЕ факторы внешней среды + потенциал возможности организмов преодолеть их = экологическая прочность	ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ устранимость от размножения или ЕСТЕСТВЕННЫЙ и субъективный ОТБОР	СРЕДА изменения, флуктуация факторов и ресурсов в нише и флуктуация самих ниш и сред обитания Катастрофы в них	РЕЗЕРВ возможностей организмов размножения и расселения, позволяющий избежать нелинейно-катастрофической гибели	ПОДДЕРЖАНИЕ численности за счёт поопанания в безопасное время и место "Давление жизни"	РЕЗЕРВ движений организмов для защиты, обеспечивающий выживание организмов за счёт модификационной изменчивости "Борьба за существование"	ПОДДЕРЖАНИЕ жизни за счёт её способности к разнообразию. Успешные ниши и виды в не-прогрессивная эволюция. Ускорение темпа эволюции
3 период	ГЕНЫ. Избыточность генома	МУТАЦИИ (5 аксиома)	Мутации влияющие на плодовитость, на способность к распространению, потенциальные возможности организмов произвести их	ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ участие особей в размножении и расселении = мутации + их воспроизведение в онтогенезе	СРЕДА для движения генов: геном, популяция	Генетические и природные ГРАНИЦЫ для их распространения в популяциях	ОБМЕН генами: половой процесс. Нахождение удачных комбинаций генов (6 аксиома)	РЕЗЕРВ и способности наследственной изменчивости + механизмы, его обеспечивающие = генофонд	ПОДДЕРЖАНИЕ удачных комбинаций генов с помощью репродуктивной изоляции популяций. Прогрессивная эволюция генома (7 аксиома)	
	ФЕНЫ. Многофункциональные органы и эволюционно пластичные организмы	ПРЕАДАПТАЦИИ, случайное выполнение новых функций.	ПРЕОДОЛЕНИЕ факторы внешней среды + потенциал возможности организмов преодолеть их = экологическая прочность	ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ устранимость от размножения или ЕСТЕСТВЕННЫЙ и субъективный ОТБОР	СРЕДА изменения, флуктуация факторов и ресурсов в нише и флуктуация самих ниш и сред обитания Катастрофы в них	РЕЗЕРВ возможностей организмов размножения и расселения, позволяющий избежать нелинейно-катастрофической гибели	ПОДДЕРЖАНИЕ численности за счёт поопанания в безопасное время и место "Давление жизни"	РЕЗЕРВ движений организмов для защиты, обеспечивающий выживание организмов за счёт модификационной изменчивости "Борьба за существование"	ПОДДЕРЖАНИЕ жизни за счёт её способности к разнообразию. Успешные ниши и виды в не-прогрессивная эволюция. Ускорение темпа эволюции	
4 период	НЕПРЕОДОЛИМЫЕ факторы среды и их интенсивности. Ареал распространения вида и граница его численности в нём	НЕДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ участие в расселении = мутации, дрейф генов	Новые ниши, среды, ВРЕМЯ = АДАПТАЦИИ: ароморфозы, идиоадаптации, дегенерации	СЕЛЕКЦИЯ = дифференциальное участие + естественный и субъективный ОТБОР	Временная СРЕДА и ГРАНИЦЫ существования особей, видов, классов, ... поколения, эпоха, эра + эколог. ниша = прогрессивная - временные структуры: популяц. и биосфера, шельфы	СМЕНА поколений, эр, сопровождаемая возникновением и гибелью видов, родов, классов, биогеоценозов. Эволюционные скачки	РЕЗЕРВ времени и ниш (потенциальные возможности их) резерв видов, готовых их занять = новые виды и экосистемы	ПОДДЕРЖАНИЕ жизни за счёт её способности к разнообразию. Успешные ниши и виды в не-прогрессивная эволюция. Ускорение темпа эволюции		
	Уровень видов, фенотип	НЕПРЕОДОЛИМЫЕ факторы среды и их интенсивности. Ареал распространения вида и граница его численности в нём	НЕДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ участие в расселении = мутации, дрейф генов	СЕЛЕКЦИЯ = дифференциальное участие + естественный и субъективный ОТБОР	Временная СРЕДА и ГРАНИЦЫ существования особей, видов, классов, ... поколения, эпоха, эра + эколог. ниша = прогрессивная - временные структуры: популяц. и биосфера, шельфы	СМЕНА поколений, эр, сопровождаемая возникновением и гибелью видов, родов, классов, биогеоценозов. Эволюционные скачки	РЕЗЕРВ времени и ниш (потенциальные возможности их) резерв видов, готовых их занять = новые виды и экосистемы	ПОДДЕРЖАНИЕ жизни за счёт её способности к разнообразию. Успешные ниши и виды в не-прогрессивная эволюция. Ускорение темпа эволюции		

Рис. 1. Периодическая система в биологии

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ РАЗУМНЫХ СУЩЕСТВ (без онтогенеза)		1 период		ПЕРИОДИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СТРУКТУР И ПРОЦЕССОВ РАЗУМНОЙ ЖИЗНИ					
		структуры	процессы	(цифрами обозначены компоненты системы)		(четвёртая пара)			
ОБЩАЯ ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА (без онтогенеза)	1 период	РАЗУМНЫЕ существа - те, что способны сами находить многообразие приспособления (1 аксиома)	РАЗУМ - способность ставить цели, находить пути их достижения и осуществлять их	РЕЧЬ - вторая сигнальная система. Абстрактное умственная деятельность		СОЗНАНИЕ. Свободный выбор. Осознанная, целенаправленная деятельность. Внутренняя речь. Придание фактам значения, ценности	РЕЗЕРВ возможностей человека внешние и внутренние ресурсы = время, опыт, знания, здоровье, способности: ум, память, воля	ПОДДЕРЖАНИЕ. накопление жизненного опыта: практика, обучение, подражание, воспитание	
		ОРГАН ТРУДА - орудия и предметы труда = продукты труда (2 аксиома)	ТРУД трудовая деятельность. Создание искусственного вместо природного	СЛОВО, ЯЗЫК. речевой аппарат. Программа, план действий (3 аксиома)	СОЗНАНИЕ. Свободный выбор. Осознанная, целенаправленная деятельность. Внутренняя речь. Придание фактам значения, ценности	РЕЗЕРВ возможностей человека внешние и внутренние ресурсы = время, опыт, знания, здоровье, способности: ум, память, воля	ПОДДЕРЖАНИЕ. накопление жизненного опыта: практика, обучение, подражание, воспитание		
	2 период	КУЛЬТУРА. Письменность. Искусство. Традиции. Красота. Эстетика	ТВОРЧЕСТВО. Творческая деятельность. Удовольствия (3 аксиома)	ОБЩЕСТВО. группы людей, связанных сетью взаимовыгодных отношений. Общ. бытие. Социальные институты	КОНСТРУИРОВАНИЕ социального. Совмест. деят-ть. Статусы и роли. Общественное сознание. Социализация	ЭТИКА. Правила поведения. Социальная значимость. Вера, Совесть (6 аксиома)	ДУХОВНАЯ деятельность. Поиск смысла жизни. Идеология. Патриотизм. Национальная идея	РЕЗЕРВ: нравственный, духовный и образовательный запас общества. Мораль. Нравственность	ПОДДЕРЖАНИЕ. обществ. порядка. Обряды, традиции, религия. Нравственные законы (7 аксиома)
		ТЕХНИКА. Мир вещей и предприятий. Идеальное. Наука	ХОЗЯЙСТВЕННАЯ деятельность: сельс. х-во, промышленность, услуги. Книгопечатание. Документ. Технологии	ИННО-ВАЦИИ. Модернизация. Техноценозы	ИНФОРМАЦИОННЫЙ ОТБОР. Планирование. Техно-эволюция. НТР	ЭКОНОМИКА. Специализация. Производительность труда	РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА. Специализация. Производительность труда	РЕЗЕРВ: обмен товаров - торговля. Война. Захват новых рынков, территорий.	РЕЗЕРВ: накопленных богатств. РЕЗЕРВ вооружённых сил - Армия
3 период	ГОРОДА. Цивилизация = власть + подданные. Гражданское общество	ИСКУССТВЕННАЯ ОБИТАНИЯ. коммунал. х-во, здравоохранение, транспорт, связь. Самоуправление	Органы государственной власти: законодательная, исполнительная, судебная власть. Юридические законы	Политическая деятельность: приобретение и удержание власти. Соблюдение законов	Временная СРЕДА. история формирования: охота и собирательство, ск-во и скотоводство, с 1800 г. Производительные силы	СМЕНА общ.-экономич. формаций. Революции. Производственн. отношения	РЕЗЕРВ природных богатств. Экология + Резерв возможностей человечества = ноосфера	ПОДДЕРЖАНИЕ. защита природы. Устойчивое развитие. Научно-технический прогресс	
	Государственный, деловой, духовный уровни	ГОРОДА. Цивилизация = власть + подданные. Гражданское общество	ИСКУССТВЕННАЯ ОБИТАНИЯ. коммунал. х-во, здравоохранение, транспорт, связь. Самоуправление	Политическая деятельность: приобретение и удержание власти. Соблюдение законов	Временная СРЕДА. история формирования: охота и собирательство, ск-во и скотоводство, с 1800 г. Производительные силы	СМЕНА общ.-экономич. формаций. Революции. Производственн. отношения	РЕЗЕРВ природных богатств. Экология + Резерв возможностей человечества = ноосфера	ПОДДЕРЖАНИЕ. защита природы. Устойчивое развитие. Научно-технический прогресс	

Рис. 2. Периодическая система в антропологии

Найти аксиомы, выстроить их в ряд и разместить по теориям поможет открытый мной в 1992 г. периодический закон в биологии. Для всего живого, будь то микроб или человек, можно установить **периодический закон**:

По мере дробления живого и его среды на идеализированные структуры и процессы и выстраивания их в ряд, от более – к менее значимым, некоторые их свойства будут иметь тенденцию периодически повторяться.

К структурам подбираются их процессы и эта пара нумеруется. На основе этого закона, можно составить периодическую систему в биологии, а по аналогии с ней – и в антропологии (рис. 1 и рис. 2), что составит правило № 4 нашего алгоритма. (Приведу только часть правил алгоритма, а нумерация их та же, что и в моей книге 2021 г. [4])

7 главных аксиом в биологии и в антропологии условно следуют из аксиом неживой природы (они обозначены римскими цифрами), а последние – из понятий о симметрии материи. Параллель первых аксиом в разных науках будет правилом № 14.

Главные аксиомы биологии и антропологии

(аксиомы антропологии даны в скобках):

I. Необходима способность изменять/-ся/, не разрушаясь

Первая, основная аксиома № 1: существуют объекты, способные изменять условия среды на благоприятные и изменяться сами. *(Существуют разумные существа, способные сами находить новые искусственные приспособления к внешней среде).*

2 аксиома: живое имеет фенотип. *(Необходимы орудия труда).*

5 аксиома: необходима активная наследственная изменчивость. *(Необходима творческая активность, новаторство, культура).*

6 аксиома: необходимы движения генов (кроссинговер, половое размножение). *(Необходима движущая сила в виде мечты, веры).*

II. Необходимо сохранение порядка

3 аксиома: живое имеет генотип. *(Человек обладает речью).*

4 аксиома: живое имеет внутреннюю среду. *(Необходимо сознание).*

III. Необходима переменчивая, но преодолимая внешняя среда, вызывающая естественный отбор (ЕО)

7 аксиома: необходимо сохранение удачных комбинаций генов (репродуктивная изоляция популяций, половой отбор и др.). *(Необходимы запреты в виде совести, морали, законов).*

Аксиома № 1 занимает 1 период системы. 2, 3 и 4 главная аксиома относится к общей теории живых существ ОТЖС (2-5 компонент и 2 период системы). 5, 6 и 7 главная аксиома – к общей теории эволюции жизни ОТЭЖ (6–18 компонент, 3 и 4 периоды). Есть свои главные аксиомы и в общей теории морфогенеза ОТМ (5 и 6 периоды). Так же распределены теории и в ТА. Распределение аксиом по теориям и периодам системы будет правилом № 15.

Правило № 16. Из вложенных друг в друга теорий можно составить их системы (рис. 3 и 4). Во всеобщую теорию вложены две общие теории, в них –

шесть теорий, а в теории – подтеории и подподтеории со своими аксиомами. Ситуация такая же, как и в систематике (таксономии) видов живых организмов, где они подразделяются на царства, типы, классы, семейства, роды.

Правило № 18. Новое понятие доказывается как теорема из суммы двух понятий по формуле $a+b = c$. Так можно вывести биологические и антропологические понятия и аксиомы из понятий неживого. Примеры. Порядок + *специфическое его кодирование* = информация. Информация + *специфические её носители* = речь, письмо, мелодия.

Правило № 19. В каждой теории, предположительно, не более трёх аксиом. Теория, не выходящая за пределы описания трёх групп взаимно выводимых терминов, будет иметь минимальный свой размер и тоже представлять будет группу.

Правило № 20. Понятия и концепции из предыдущих теорий и наук можно переносить в последующие теории и науки. Их можно назвать неопределяемыми понятиями в рамках рассматриваемых теорий. Если теорию полностью дополнить такими «транзитными» понятиями, то она будет иметь максимальный свой размер.

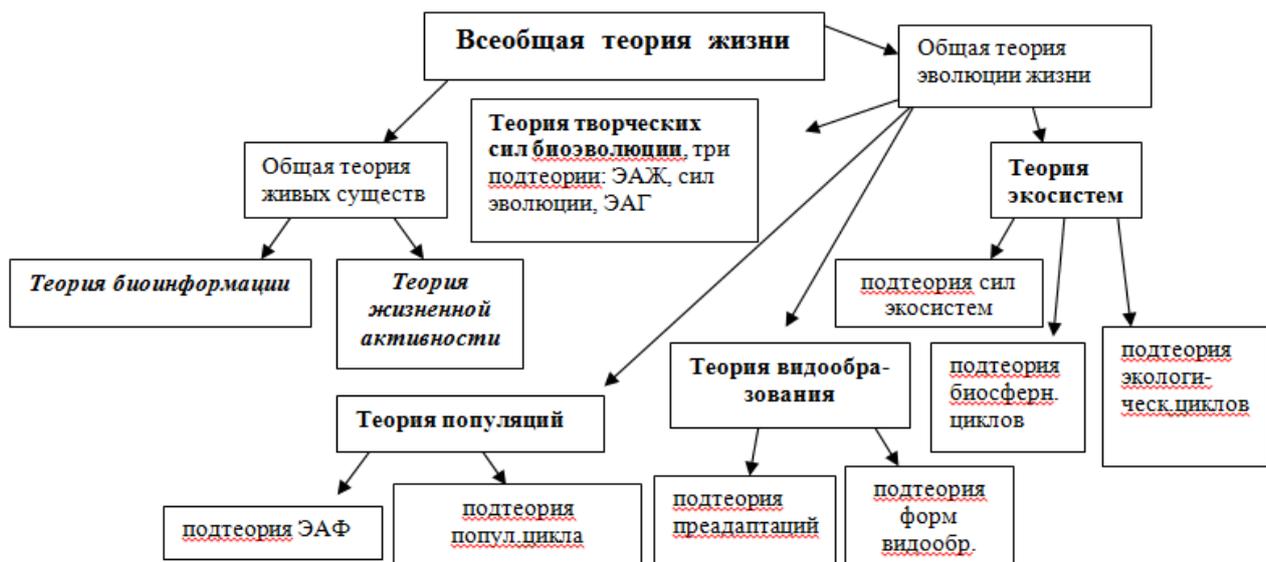

Рис. 3. Система из 19 теорий в биологии, где ЭАЖ, ЭАГ и ЭАФ – Эволюционная Активность Живого, Генотипа и Фенотипа

Рис. 4. Система из 23 теорий в антропологии

Правило № 25 определяет порядок следования теорий в науках. Все формы материи: физическая, (возможно ещё и химическая и геологическая), а также биологическая и антропологическая (или иначе, социологическая, разумная), различаются способами: существования (сохранения), движения (функционирования), изменения (эволюции) и двумя способами формообразования (становления): индивидуальным и историческим. Каждому из этих 5-ти способов соответствует своя всеобщая или общая теория в каждой из наук и свои периоды в своей периодической системе. В каждой общей теории есть свои объекты, процессы, силы, связи.

Эмми Нётер (1882–1935) в 1918 г. доказала теорему о связи законов симметрии с законами сохранения. Но из законов симметрии можно вывести ещё и законы движения, изменения и становления материи. В живом все эти законы приобретают свои особенности. Эти законы изучает также синергетика.

Я начал писать свои работы по ТБ в 1980 году и занимался ими всю жизнь. Я думаю, что есть ещё много таких людей, каким был когда-то я, которые и сейчас мечтают создать какие-нибудь грандиозные теории и открытия. Вот только удачи на этом пути случаются очень редко и редко своё признание такие люди получают вовремя. Но только так, посвятив делу всю свою жизнь, можно достичь крупных обобщений в науке. С другой стороны, если все трудные теоретические проблемы решить, то ореол таинственности и привлекательности науки для новых её фанатов поуменьшится. «Если бы любомудр добрался до неких последних установлений, он бы бесповоротно исчерпал собственное ремесло», пишет П.С. Гуревич [2, с. 150].

Краткое содержание общей теории разумных существ, входящей в состав всеобщей теории разумной жизни

Аксиома № 1 даёт первое определение разума. *Разум* – это умение находить новые способы создания условий для жизни. (Сравните: *Жизнь* есть процесс создания благоприятных условий и веществ для своего существования, воспроизведения и эволюции).

Общая теория разумных существ

Универсальный процесс преобразования окружающих природных условий и предметов в искусственные, называется физическим *трудом*. Человеку необходимо использовать при изготовлении продуктов труда кроме рук ещё и орудия труда.

Теория речи

Для разумной жизни необходимо уметь из исходной информации синтезировать новую (в процессе мышления), а затем опредмечивать её в труде.

Первичная информация кодируется нами в слова или во вторичную сигнальную систему – речь.

Теория сознания

Абстрактное мышление словами, способность мысленно совершать при этом свободный выбор – *первый атрибут* сознания. Способность логически получать, оценивать и систематизировать знания и опыт в сознании – есть рассудок. Когда размышления заходят в тупик, на помощь приходит интуиция. Рассудок и интуиция – это *второй атрибут* сознания. Способность управлять своими мыслями, или рефлексия – есть *третий атрибут* сознания. Три атрибута – три аксиомы теории сознания. *Сознание* – это способность управлять своими мыслями и контролировать их. *Сознание* – это **аксиома № 4** антропологии.

Подтеория стимулов для жизни и труда. Сознательная жизнь для оправдания своего существования и поддержания её через труд, порождает необходимость поиска смысла жизни и своего места в ней. Смысл жизни для человека состоит в придумывании, в нахождении такой цели, *мечты*, деятельности, стремление к чему потребовали бы от него всех его усилий, умений, которая отвечала бы его интересам и интересам общества, и которая возвысила бы его, вызвав чувство радости, гордости, удовлетворения, счастья и принесла бы ему славу, признание, *социальную значимость*. Смысл жизни – основной вопрос, который задаёт человек сам себе и возвращается к этому вопросу в течении всей своей жизни.

Подтеория этики. Необходимость мечты, цели приходится подкреплять *духовными потребностями*. *Верой*: в знания, в науку, в себя, в добро, или в бога. *Надеждой*: на справедливость, на лучшую жизнь. *Любовью*: жить не только для себя, но и для близких, для общества. Это и есть наполнять жизнь смыслом. Вера позволяет действовать в условиях неясности, недостатка знаний, информации. Мы верим там, где не хватает уверенности, знаний,

предсказуемости. Даже научное мировоззрение не обходится без веры – веры в познаваемость мира, в материализм.

Убеждённый, верующий человек – это человек, с душой, одухотворённой чем-то великим, святым. *Дух* – это то, что наполняет душу верой, смыслом, благородством. Духовная деятельность – это самоотдача, самосовершенствование, просветительство (миссионерство) с целью преобразования себя, людей и их общественных отношений на идеалах добра, справедливости, нравственности, любви. *Душа* – это часть психики и сознания, несущая благо, добро, любовь, жизненную энергию. Душевная потребность – это потребность быть счастливым, нужным, любимым, осведомлённым, уверенным, увлечённым.

Мечта, вера, идеалы в масштабе общества приобретает статус «национальной идеи», государственной идеологии. Роль объединяющей национальной идеи может выполнять религия, патриотизм, общая цель. *Вера, убеждение, идеалы – I аксиома этики*. Необходимость стимула или мотива для жизненной активности личности и общества в целом в виде *мечты, стремлений* (страсти, любви) и *веры, убеждений, идеалов* – есть также *аксиома № 6* антропологии.

Внутренние запреты. Для человека, приучая себя к жизни в обществе, возникла необходимость усмирять дикие инстинкты, ограничивать свою активность социальными запретами. Генетически в человеке заложены чувства справедливости, стыда, доверия и альтруизма к ближнему. Но вот одобрение альтруизма, как чувство добра, свойственно только культурному человеку. То же самое касается и осуждения эгоизма, в форме зла. Перенесение этих одобрений и осуждений на себя зародило в человеке *совесть* как продолжение врождённого чувства стыда, вины. Необходимость упорядочивания сексуальных отношений привело к появлению чувства *любви* и верности. Приобретённая способность к оценке человеком норм своего и чужого поведения и поступков с точки зрения добра называется *нравственностью*.

Внешние запреты. Если люди приходят к соглашению в соблюдении общественных ценностей, норм и правил, то появляются ещё и внешние ненасильственные запреты в виде *общественного мнения*. Это устоявшиеся нормы поведения: мораль, традиции, табу, религия, способные вызывать *страх презрения*. *Направляющая*, ограничивающая роль внешних ненасильственных запретов: морали, религии, идеологии, устанавливаемых путём пропаганды, убеждений, одобрений или критики, укоров, уговоров, осуждений – одна из *аксиом этики*.

Запас нравственности, патриотизма, образованности, религиозности превращается в *духовную силу общества*, в его «капитал», придающий ему стабильность и единство. Кроме этических внешних ненасильственных запретов существуют ещё и внешние насильственные или принудительные запреты – *законы*, устанавливаемые вождями, лидерами или властью.

О прогрессе и прогнозах

Социальный способ изменения материи – это прогресс в развитии личности, это научно-технический прогресс и прогресс государственного

устройства общества и его социальных институтов. Или это эволюция а) духовной культуры, б) материальной (технической) культуры и в) эволюция личности, обществ и цивилизаций).

Законы призваны подавлять нестабильности, дисфункции, девиации в обществе. Но для общества вредна и полная стабильность, и полное равенство, которые могут привести к застою (аналог первому закону Ньютона). «Если бы социальные распределения были справедливыми, то индивиды находились бы в умиротворённом состоянии, что не способствовало бы генерированию ими новаций» [7, с. 138]. Но и чрезмерная зарегламентированность законами, запретами также вредна, поскольку губит инициативу.

Общественный прогресс – это развитие гражданского общества, сдерживающего негативные стороны власти и делающего граждан более свободными. Цель прогресса – в создании условий для саморазвития личности и для поиска нового (в соответствии с аналогом второму закону Ньютона). Прогресс делает жизнь человека информативной, комфортной и продолжительной, но сам по себе не делает людей счастливее, а жизнь полноценнее. Эволюция, прогрессивное развитие общества не может происходить без противоречий, конфликтов и последующего превращения их в согласие, но уже на новых условиях (аналог третьему закону Ньютона). Новое согласие не долговечно и со временем может привести к новому конфликту и т. д. Практически невозможно сделать крупное дело и не нарушить нечаянно какого-то закона, не попортить жизнь ближнему. Ведь чем тоньше грань между дозволенным и недозволенным, преодолимым и непреодолимым, способностями и возможностями, тем богаче и интереснее жизнь. Возможно, эти три аналога законам Ньютона – есть ещё один вариант трёх аксиом подтеории прогресса.

Причины революций и смены формаций могут быть экономические, связанные с падением доходности прежних способов производства и эксплуатации, политические, связанные с появлением нового класса собственников и борьбой за власть, социальные, вызванные разрывом в уровнях жизни разных классов и культурные, связанные с переоценкой ценностей, верований.

Борьба классов дополняется борьбой цивилизаций за геополитические интересы. На смену капитализму-империализму пришёл не коммунизм, а *глобализм*. «Вопреки *прогнозам*, возникновение глобального социального пространства вызвало эскалацию конфликтов и поляризацию социальных общностей и групп в борьбе за передел все более ограниченных ресурсов, ростом этнокультурной дифференциации локальных социумов, разрушением сложившихся наций, актуализацией этнической и территориальной идентичности. Результатом смены парадигмы развития стала новая организация социума, для которой характерна высшая степень концентрации экономических и управленческих ресурсов в частных руках. Это привело к «отмиранию» ряда социальных функций и институтов государства, и, соответственно, данные процессы не сняли проблемы социальной и имущественной дифференциации.

Этот процесс будет сопровождаться масштабным социальным регрессом, принимающим как эволюционные, так и катастрофические формы» [6].

«Допущение, что социология не способна предсказать и, следовательно, не научна, – неприемлемо. Иногда предсказанное социологами не случается именно вследствие этих предсказаний социологов» [1, с. 4]. Объекты биологии и антропологии более историчны, чем у точных наук, а история трудно предсказуема. Например, трудно предсказать, куда заведёт цивилизацию прогресс в области искусственного интеллекта. Не спасут положение и законы сохранения, подобные физическим. Например, такие как закон сохранения количества генов в ряду поколений или закон сохранения денежной массы. Подобные законы часто вырождаются в тенденции и точные расчёты становятся невозможны.

Цели и направления движений неживых и живых объектов разные, как мы уже отмечали в 1 главе 2 раздела книги. Вычисления и предсказания в неживом мире осуществляются на основе законов движения и изменения материи, с использованием математически измеряемых значений объектов: массы, энергии... Вычисления и предсказания в живом мире осуществляются на основе менее точных, информационных значений: ценности, запрограммированности, мотивации и т. д.

Самая крупная проблема, которая подстерегает цивилизации – это противоречие между расширением (размахом) хозяйственной деятельности людей и возможностью природной среды это обеспечить. Разрушение окружающей природы нередко приводило к гибели цивилизаций. Поэтому человечеству необходимо прилагать специальные меры для защиты природы. (**18-й компонент**). Как остроумно заметил один американский журнал: «На передний план выдвигается трудная и дорогостоящая задача по защите людей и природы от последствий прогресса».

Помехами в бережном отношении к природе видятся три. Первая – общество не может жить без экспансии во что-то новое, без расширенного производства, что неизбежно влечёт за собой усиление воздействия на природу. Вторая – вооружённая борьба за природные ресурсы, не позволяющая некоторым государствам держать их прозапас. И третья причина – перенаселение планеты. Человечество, похоже, больше надеется не на современную разумную политику в этом вопросе, а на будущие возможности науки решить эти проблемы. А ещё, прогнозы в развитии человечества часто становятся государственной тайной.

Ещё одна проблема, откладываемая на будущее – это генетическое оздоровление населения, исправление его генетических недостатков и болезней. Человечество не сможет существовать далее с таким грузом. Надежда в решении этой проблемы автору видится в генной модификации людей.

Смысл появления разума и существования человечества

Первые разумные существа, Homo Sapiens, появились на Земле около 300000 лет назад. К тому времени прежний, инстинктивный способ

существования жизни, достиг своего максимума и изжил себя. Дальнейший прогресс возможен был только путём выхода за пределы инстинктов и обретения некоторыми видами разума или способности к неограниченной экспансии во все возможные ниши. Сделать это можно было только с применением искусственных орудий труда и лучшей согласованности коллективных действий. Со временем и все возможные навыки для первобытной жизни были освоены. И на протяжении нескольких десятков тысяч лет жизнь людей почти не менялась.

После выхода людей за пределы Африки 50–60 тысяч лет назад и заселения ими всех континентов, была решена задача и территориальной экспансии. Все легкодоступные пищевые ресурсы были освоены. Если бы человек остановился на этой первобытной стадии своего развития, то он мог бы так стабильно просуществовать ещё несколько сотен тысяч лет в гармонии с природой. А вот был ли тогда смысл человечеству оставаться вечно в одном и том же состоянии, без стремлений познать что-то новое? Но прогресс не удержать на месте.

10000 лет назад человек перешёл от собирательства и охоты к производящему способу получения пищи, к земледелию и скотоводству. Человек отделился от жизни в дикой природе и перешел к жизни в крупных поселениях, городах, в искусственной среде обитания – цивилизации. Тем самым запустив неумолимый процесс наступления на природу и последующей её деградации. Особенно с переходом к использованию полезных ископаемых, индустриальному промышленному производству и производству синтетики. Процесс загрязнения природы стал необратимым, что грозит деградацией и самому человечеству.

Так в чём смысл появления в природе человека разумного, коль скоро он может привести к гибели и природы и себя самого? Природа, конечно, не спрашивала человека, зачем ему разум. Смысл, как человека, так и природы – в развитии, в прогрессе, в способности достичь предела развития и уйти как можно дальше от уже достигнутого уровня, в развитии до тех пор, пока для этого есть возможности. Нет смысла человечеству в том, чтоб остановиться, застыть в своём развитии.

Задача состоит в том, чтобы дать как можно большему числу людей пройти свой жизненный путь, всё прочувствовать, всё пережить. Здесь есть два пути: или довести численность человечества до предела и дожидаться краха цивилизации от перенаселения и деградации среды или, искусственно ограничивая численность населения, как можно дольше растянуть во времени момент этого краха. В обоих случаях число просуществовавших людей будет примерно одинаково. Вот только во втором случае, если жизнь людей и будет более интересной (в познавательном смысле), но не для всех. Возможно, что этот второй путь будет сопровождаться фашистскими методами сокращения численности людей. (В этом и есть смысл борьбы цивилизаций?). Не ясно также, что вперёд исчерпают себя: экологические возможности природы или стремления человечества к достижениям и прогрессу (зная результаты опытов Д. Келхуна «Вселенная 25» [8]).

Развитие человека – это и развитие самой Вселенной. Мозгами и разумом человека природа, Вселенная познаёт сама себя. Если все её цели будут достигнуты, путём развития и гибели всех возможных её цивилизаций, то не останется смысла существовать и самой Вселенной. Как гласит древнее изречение: конечная цель ничто, движение к ней – всё.

Литература

1. Актуальные проблемы теории социологии // Социологические исследования. – 2005. – № 9. – С. 3–9.
2. *Гуревич П.С.* Философская антропология: учебное пособие. 2-е изд. стер. – М.: изд. Омега – Л, – 2010. – 607 с.
3. *Ложкин В.Н.* Гранд-теории в социологии (антропологии) и в биологии и их параллель // VII Международный конгресс социологов тюркского мира: сборник научных трудов (Казань, 12–13 марта 2020 г.). – Казань: Изд-во Каз. ун-та, – 2020. – 711 с.
4. *Ложкин В.Н.* Аксиомы и теории в биологии и их копии в антропологии: монография. – Москва: Де'Либри, – 2021. – 140 с.
5. *Резник Ю.М.* Общая антропология: между философией и наукой // Вестник РУДН. Сер. Философия. – 2012. – № 1. – С. 132–143.
6. *Сафонов А.Л., Орлов А.Д.* Глобализация и парадигмы социальной философии // Философская мысль. – 2019. – № 1. – С. 1–32.
7. *Хайтун С.Д.* Социум против человека: Законы социальной эволюции. – М.: КомКнига, 2006. – 336 с.
8. *Calhoun, John.* Population density and social pathology. Scientific American. – 962. – Vol. 206, N 2. – P. 139–148.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ: ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ И БАРЬЕРОВ РАЗВИТИЯ

**Максимова Светлана Геннадьевна,
Омельченко Дарья Алексеевна,
Ноянзина Оксана Евгеньевна**

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Аннотация. Развитие приграничных территорий России в условиях удаленного положения и неоднородного социально-экономического развития, изменившихся условий (влияние пандемии, цифровизации, внешних геополитических вызовов) в значительной степени зависит от того, насколько эффективно используется человеческий капитал населения, активизируются ресурсы интеллектуального развития. Авторы обсуждают проблемы определения интеллектуального потенциала, его структуру и ключевые показатели измерения. На основе результатов экспертного опроса (n = 170), проведенного в 2021 году в приграничных регионах России, проводится оценка уровня интеллектуального потенциала населения, успешности его

использования для регионального развития, структурируются основные проблемы, сдерживающие интеллектуальный и инновационный рост приграничных регионов. Результаты исследования показывают, что экспертное сообщество едино в выделении ключевых детерминант, которые с одной стороны, имеют централизованный характер и определяются общенациональными проблемами, с другой – имеют региональную специфику и уникальность, определяемые в том числе, географической локализацией и особенностями социальных отношений между всеми заинтересованными сторонами – властью, бизнесом, научными и образовательными организациями, населением.

Ключевые слова: человеческий капитал, интеллектуальный капитал, интеллектуальный потенциал, приграничные регионы, проблемы социально-экономического развития, региональная наука, проблемы современного образования.

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FZMW-2020-0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в приграничных регионах России».

Экспоненциальный прогресс информационных и, шире, наукоемких технологий, все более глубоко «врастающих» в экономическую, социальную и культурную ткань современности, поставил вопросы интеллектуального развития наций, регионов, групп и индивидов в разряд стратегически важных в условиях глобальной конкуренции. Для России, оказавшейся в беспрецедентно сложной ситуации, создание и удержание на высоком уровне интеллектуального потенциала населения является императивом, напрямую связанным с национальными интересами и безопасностью, возможностям обеспечить нормальное функционирование информационных и управленческих систем, производство и потребление в условиях санкционного давления, выстроить траектории своего дальнейшего не только экономического, но и, в целом, культурно-цивилизационного развития.

Современные исследования экономического роста акцентируют внимание на важности развития интеллектуально-профессионального потенциала населения, необходимого для функционирования высокотехнологичных отраслей и производства инноваций в эпоху становления общества знаний как новой социально-экономической формации [2, 4, 10]. Традиционно его анализ строится на статистических данных, показывающих достижения в области науки и техники, образовании, технологий. Интеллектуальный потенциал рассматривается как часть индекса общего человеческого и трудового потенциала и включает совокупность знаний и умений, а также способностей к их освоению и продуцированию новых знаний, необходимых для развития индивидуального человеческого капитала и развития экономики. Он проявляется в инновационной, творческой деятельности, основанной на общих и специфических знаниях, квалификации, позволяющих решать комплексные задачи.

Понятие «интеллектуальный потенциал» не является для российской науки новым и дискутируется по меньшей мере с начала 1990-х гг., когда в условиях переходной экономики и интенсивных реформ, девальвации науки и стремительного сокращения научных кадров требовалось не только сохранить, но и преумножить интеллектуальный потенциал российской нации [1]. Оно часто пересекается с другими понятиями, обозначающими рядоположенные явления, такими как «человеческий капитал», «человеческий потенциал», «интеллектуальный капитал», встречающимися в научных публикациях, политическом и общественном дискурсах и во многих контекстах употребляются почти синонимично как естественным образом дополняющие друг друга термины, не имеющие четкого и однозначного определения. Концептуализации «интеллектуального потенциала» присуща методологическая размытость и сложность измерения, как в силу междисциплинарности его изучения, так и в силу комплексного характера, эмерджентности системы отношений экономических и социальных субъектов, обладающих интеллектуальным потенциалом или направляющих усилия по его поддержке и развитию [8].

Определение интеллектуального потенциала, его структуры и основных показателей в значительной степени зависит от того, кто или что определяется исследователями в качестве его носителей. Если речь идет об индивиде, социальных группах или обществе в целом, то определения интеллектуального потенциала оказываются тесно сопряжены с соответствующими понятиями «человеческого капитала», «человеческого потенциала», в их содержании часто ставится акцент на интеллектуальных качествах и способностях, которые могут быть использованы в жизнедеятельности и труде [3]. Так, например, в публикациях зарубежных ученых интеллектуальный потенциал исследуются прежде всего в контексте анализа интеллекта, когнитивных навыков и возможностей их усовершенствования, в том числе в условиях, когда интеллектуальное развитие затруднено вследствие различных заболеваний, решается задача по созданию условий для более полной реализации генетически заложенного интеллекта (см., например, [11]).

В случае, когда носителями интеллектуального потенциала выступают институционализированные общности, такие как коммерческие организации, бизнес в целом, государство или нация, определение и оценка интеллектуального потенциала, возможности его роста, формируются, с одной стороны, обеспеченностью и перспективами производства достижений научной и технической мысли (научного и производственного оборудования, технологий, материалов, инновационных идей), с другой – квалифицированными научными, инженерными, техническими, управленческими кадрами [6]. При этом отмечается, что актуальные тренды цифрового развития и дистанционных технологий приводят к активному преобразованию социальной структуры, росту значимости образованных и квалифицированных работников, деятельность которых структурирована и организована информационными сетями, формирующих особый класс «цифрового пролетариата», которому ученые пророчат важную миссию по

переустройству современного общества [5]. Таким образом, комплексная оценка интеллектуального потенциала с необходимостью предполагает, с одной стороны, оценку тех его компонентов, которые формируются системой образования и отражены в уровне образованности и грамотности населения, включая уровень владения цифровыми и информационными технологиями, оценку состояния научного сектора, исследований и разработок, в том числе – затрат на исследования и разработки и оценку научно-исследовательского КПД (в качестве меры которого обычно берется коэффициент изобретательской активности), так и оценку институциональных условий и факторов, способствующих развитию интеллектуального потенциала или сдерживающих его.

Продолжающаяся социально-экономическая дифференциация регионов России по развитию науки и образования, состоянию инновационной инфраструктуры сопровождается усилением неоднородности развития территорий, что особенно сказывается на развитии приграничных регионов страны, испытывающих серьезное влияние со стороны демографических и миграционных факторов [7]. Интеллектуальный потенциал приграничных регионов также неоднороден и требует особого изучения в силу стратегических задач в области регионального развития и международного сотрудничества и актуальных геополитических вызовов, стоящих перед приграничными территориями в настоящее время. Учитывая вышеизложенное, особую актуальность приобретают оценка уровня, анализ перспектив и барьеров развития интеллектуального потенциала населения приграничных регионов, результаты которых могли бы способствовать разработке механизмов, способных сгладить межрегиональные различия и превратить приграничные территории в потенциальные «точки роста», усиливающие их конкурентные преимущества, способности к созданию и распространению уникальных знаний, развитию талантов, инновационному развитию [9].

С целью реализации вышеуказанных задач, авторами была проведена социологическая оценка интеллектуального потенциала приграничных регионов на основе результатов экспертного опроса, в котором приняли участие 170 экспертов, представляющих органы государственной власти (чиновники разного уровня и ветвей власти, включая специалистов управлений по труду и занятости, социальной защиты населения, депутатов областных и краевых дум), академические организации и некоммерческий сектор, а также коммерческие организации, занимающиеся подбором кадров, обучением персонала, то есть непосредственно в своей профессиональной деятельности занимающиеся изучением вопросов, связанных с оценкой человеческого капитала, его эффективности, в том числе – оценку интеллектуального потенциала. Основная география исследования охватывала шесть приграничных регионов России, отобранных авторами на предыдущих этапах исследования на основе факторно-типологического подхода к оценке человеческого капитала, миграционного потенциала и безопасности приграничных территорий (проводился анализ по 50 индикаторам, описывающим различные структурные элементы регионального человеческого капитала и его статические и динамические характеристики), – Алтайский край

(16 экспертов), Белгородскую область (19 экспертов), Воронежскую область (35 экспертов), Республику Бурятия (23 эксперта), Хабаровский край (33 эксперта), Челябинскую область (15 экспертов). В исследовании также приняли участие ученые из Москвы (МГУ, МГППУ, ФНИСЦ РАН, всего 8 человек), Приморского края (5 экспертов) а также эксперты из некоторых других регионов (16 экспертов) – Дагестана, Татарстана, Мордовии, Чувашии, Башкортостана, Тывы, Амурской, Вологодской, Волгоградской, Мурманской областей и Еврейской автономной области. Несмотря на то, что не все эксперты представляли приграничные регионы, мы посчитали нужным в ряде случаев обобщить оценки всех экспертов, независимо от их географического положения. Инструментарий экспертного опроса включал несколько блоков, направленных на оценку актуального состояния и факторов развития человеческого капитала и интеллектуального потенциала российского приграничья в современных миграционных условиях. В рамках данной статьи приводится часть результатов экспертного опроса, непосредственно касающаяся оценки уровня интеллектуального потенциала населения, успешности использования человеческого капитала и интеллектуального потенциала для регионального развития, а также, проблем, препятствующих росту интеллектуального потенциала в современных условиях.

Понимая под интеллектуальным потенциалом прогнозируемую интегральную способность личности или группы лиц к созданию новых духовных и материальных ценностей, уникальных достижений в области науки, техники, духовно-нравственной сфере, мы понимали, что экспертные оценки не являлись точными в статистическом смысле и не могли быть сопоставимы с количественными оценками, которые могут быть получены, к примеру, в результате анализа ведомственных данных. Между тем, эти оценки фиксировали настроения экспертного сообщества, аккумулирующие переработанные экспертные знания (поскольку все наши эксперты были профессионально связаны с темой нашего исследования) и отражали в интуитивном и обобщенном виде реальное состояние населения российского приграничья.

Большая часть экспертов дали сдержанные оценки интеллектуального потенциала населения в своем регионе: 64,8 % экспертов оценили его уровень как средний, предполагающий возможное достижение при благоприятных условиях хороших успехов в области науки, техники, в духовно-нравственной сфере. Почти пятая часть экспертов (18,8 %) дали пессимистичную оценку (низкий уровень – маловероятные достижения), тогда как на высокий уровень интеллектуального потенциала населения указали только 16,4 % представителей экспертного сообщества. Анализ оценок в региональном разрезе показал, что эти оценки имели сильную территориальную дифференцированность и коррелировали с оценками уровня социально-экономического развития региона. В частности, более высокие оценки интеллектуального потенциала были выявлены в Воронежской области (35 % высоких оценок и только 2,9 % низких) и ожидаемо высоко в Москве (37,5 %

высоких оценок и ни одной низкой)¹, тогда как в Алтайском и Хабаровском краях, Белгородской области оценки были скорее колеблющимися в сторону позитивных (13–18 % высоких оценок и 56–65 % – средних оценок), а в Республике Бурятия и Челябинской области скорее негативными (ни одной оценки высокого диапазона и 27–35 % низких оценок. В целом, высоко оценивали интеллектуальный потенциал региона те эксперты, которые считали свой регион экономически сильным, благополучным, развитым – это прежде всего эксперты Белгородской и Воронежской областей (более 90 % экспертов в каждом из регионов²), Москвы (100 %), отчасти – Хабаровского края и Челябинской области (около 50 %). Эксперты данной группы предоставили 24,2 % высоких оценок и только 7,7 % низких. Соответственно, низкие оценки интеллектуального потенциала чаще давали эксперты, считающие свой регион бедным, экономически депрессивным, слабо развитым (в этой группе экспертов доля низких оценок интеллектуального потенциала составила 34,8 %, тогда как высоких – только 4,3 %) – это, как правило, эксперты из Алтайского края, где 87,5 % экспертов дали региону характеристику «депрессивного» и Республики Бурятия (91,3 % таких оценок). Таким образом, очевиден вывод о том, что развитие интеллектуального потенциала сегодня происходит в тесной связи с общими социально-экономическими процессами, и те регионы, которые ощущают острую нехватку экономических ресурсов, испытывают большие комплексы относительно своего интеллектуального и инновационного развития.

Указанный тезис подтверждался в ходе анализа последующих показателей. В частности, экспертные оценки свидетельствовали о том, что человеческий капитал и интеллектуальный потенциал населения в приграничных регионах используются недостаточно эффективно: такую позицию разделяли 62,3 % опрошенных. Практически каждый четвертый эксперт (24,1 %) указал на нехватку человеческого капитала, человеческих ресурсов, слабую пользу от имеющегося интеллектуального потенциала и только 13,6 % – отметили, что экономика региона, стратегия его развития ориентированы на максимальное использование человеческого капитала и интеллектуального потенциала населения (среди экспертов, считающих свой регион благополучным, такую точку зрения выразили 24,2 %). Из ключевых регионов исследования наиболее остро проблема нехватки человеческих ресурсов и недостаточного использования интеллектуального потенциала населения проявлялась в Алтайском крае (40 % экспертных оценок), Республике Бурятия (34,8 %), Челябинской области (33,3 %), Хабаровском крае (25,8 %). Между тем, это проблема многих регионов (среди регионов, попавших в категорию «другие», на нее указали 37,5 % экспертов), но очевиден крен в сторону сибирских и дальневосточных регионов. Для приграничных регионов европейской части эта проблема существенно менее актуальна (ее

¹ Данные по Москве приводятся для сравнения с приграничными регионами, находящимися в фокусе исследования.

² Оценивших свой регион как благополучный, развитый по сравнению с другими регионами.

отметили только 5,6 % экспертов в Белгородской области и 9,7 % в Воронежской области), а также в сторону экономически менее развитых (46,3 %).

Каковы причины подобного состояния дел? Что мешает регионам более эффективно использовать интеллектуальный потенциал населения? Исследование показало, что причины разнообразные и носят комплексный характер, в том числе обусловленный спецификой региона, особенностями его социально-экономического положения и промышленного развития, характеристик социальной сферы. Поскольку данный вопрос был открытым, были получены достаточно вариабельные оценки, которые мы постарались свести в несколько категорий с учетом географической локации эксперта.

В Алтайском крае эксперты чаще всего отмечали проблемы низких доходов (зарплат) и в целом низкого уровня жизни населения, приводящие к снижению мотивации к продуктивной активности, отсутствию перспектив, ориентации населения только на удовлетворение базовых потребностей (*«возникает нежелание что-либо делать», «апатия к инициативе», «бесперспективность из-за безработицы и низких заработков»*). Немаловажны и поднятые проблемы образования, его низкого качества, слабости системы духовно-нравственного воспитания населения, не позволяющие сформировать личность с творческим потенциалом и приводящие к росту потребительского отношения к жизни (*«культурно-досуговые учреждения выполняют больше развлекательную роль»*). Эксперты подчеркивали отсутствие социальных лифтов и неиспользование гражданского потенциала населения в управлении регионом, слабое доверие к государственным институтам вследствие коррупции и недостаточной профессиональной компетентности государственных служащих, недостаточное количество государственных программ и мер поддержки инновационной активности малого и среднего бизнеса, найма высококвалифицированных кадров. Стоит отметить и выделяемые экспертами специфические особенности региона, проявляющиеся в сельском укладе жизни, менталитете жителей, распространенности негативных стереотипов, препятствующих вере в успех, возможности перейти на более высокий путь развития (следование *«своей колее»*, минимизация усилий, как выразился один из экспертов *«людям зачастую и не нужно много»*).

Эксперты Белгородской области, описывая проблемные зоны региона, также отмечали традиционные экономические проблемы, связанные с бедностью и низким уровнем жизни населения, в особенности по сравнению со стандартами стран Запада, которые естественным образом коррелировали с проблемой миграционного оттока из региона (*«молодые перспективные люди, получившие образование и опыт профессиональной деятельности в регионе уезжают в Москву, именно там они видят возможности развития собственного бизнеса или серьезного приложения собственных профессиональных навыков»*). Созвучны с другими регионами мнения экспертов о коррупции и бюрократических барьерах, препятствующих продвижению и развитию интеллектуального потенциала, недоверии к государственным институтам, в том числе – в следствие двойных стандартов оценки деятельности различных социальных субъектов, отсутствию перспектив

карьерного роста в регионе, сырьевой ориентации экономики, блокирующей развитие нематериальных активов. Среди специфических причин, имеющих непосредственное отношение к интеллектуальному потенциалу, эксперты выделяли проблемы нехватки высококвалифицированных рабочих мест, неэффективности механизма обеспечения условий для реализации интеллектуальных инициатив, участия работников в инновационном развитии области, развития конкуренции в интеллектуальной сфере («Население не знает куда и к кому обратиться»). Между тем, справедливы и выводы экспертов относительно слабой заинтересованности населения в развитии своего интеллектуального потенциала, его патерналистических установках (ожидании благ со стороны государства), распространенности неформальной и временной занятости, «уход» граждан в развлекательные преимущественно виртуальные активности («люди ушли в социальные сети»), выступающие сдерживающими факторами.

Описывая барьеры развития интеллектуального потенциала населения в Воронежской области, эксперты указывали на свою обеспокоенность направленностью миграционных процессов, в силу близости к Москве – главного центра миграционного «гравитационного» притяжения, имеющих постоянную тенденцию к усилению. Указывали на спад промышленного производства, недостаток и низкий уровень качества рабочих мест, зарплат и, соответственно, низкий уровень производительности труда, сопряженные с недостаточностью и деградацией инновационных отраслей, сфер деятельности, недостаточный уровень внедрения инновационных технологий, устаревшие производственные фонды, малое количество крупных инновационных промышленных предприятий и преобладание простого производства в агропромышленном комплексе. Отдельно была затронута проблема отсутствия заинтересованности инвесторов в долгосрочных инвестициях в инновационные, интеллектуально сложные проекты.

Важную роль в сдерживании развития интеллектуального потенциала, по мнению экспертов, играл системный разрыв между образовательными процессами и потребностями реальной экономики, бизнеса, отрыв образования и науки от практической деятельности, плохая научная кооперация, отсутствие взаимосвязи образовательных процессов и бизнеса, создающие диспропорции спроса и предложения на рынке труда, снижающие количество креативно мыслящих специалистов и провоцирующие уход молодежи из образования и науки, отдельных сфер занятости в область быстрых и повышенных доходов. Отчасти эта проблема связана со слабой эффективностью профориентационной работы и отсутствием адекватного прогноза востребованности кадров, что приводит к тому, что молодые люди получают профессии/специальности, не востребованные рынком труда. Одновременно наблюдается слабая ориентация населения на непрерывное образование, что создает препятствия для более эффективной адаптации и «подстройки» работников к требованиям работодателей и приводит к большей нагрузке на систему обучения на производстве.

Часть экспертов, также сконцентрировавших свои ответы на образовании, отмечали имеющиеся парадоксы, проявляющиеся в сочетании высоких трат на получение образования с его низким качеством, в том числе снижающимся из-за ухода из образования профессионалов, недостаточностью профессиональных образовательных программ по переподготовке и формальным подходом к организации процесса повышения квалификации, плохим техническим и информационно-технологическим оснащением учреждений высшего (и не только) образования.

Несмотря на высокий уровень социально-экономического развития и высокие оценки интеллектуального потенциала населения в регионе, многие эксперты выражали свою неудовлетворенность деятельностью правительства области, упрекая чиновников в слабой координации действий, отсутствии эффективной стратегии развития человеческого капитала и интеллектуального потенциала, низкой профессиональной компетентности и нежелании привлекать специалистов к реализации региональных проектов (*«решают все управленцы, руководители, а не профессионалы»*), ориентации на управление, а не на население и его интеллектуальный потенциал. Традиционными были и обвинения власти в коррупции и «кумовстве», косности и бюрократизме административной системы, «зацикленности на устоявшихся механизмах управления», неграмотном управлении и неумелом использовании региональных возможностей и ресурсов, слишком большом влиянии государства и строгой вертикали власти, при которой *«чиновники низкого уровня боятся брать инициативу и ориентированы только на исполнение поручений»*. Типичны были отсылки к общесоциальным проблемам, таким как асоциальный образ жизни населения, слабая социальная активность, пьянство и наркомания, слабости воспитания детей, некачественная работа культурных учреждений, ориентация на сиюминутное исполнение желаний, создающие общий неблагоприятный фон для реализации сильного проекта регионального развития, ориентированного на интеллектуальные формы производства и использование потенциала населения.

В Республике Бурятия был замечен крен экспертных мнений в сторону социально-экономических детерминант и возможностей социальной мобильности (безработица, невысокие доходы (маленькие зарплаты) и низкий уровень жизни основной части населения (*«в таких условиях не до интеллектуальных изысков»*)), отсутствие перспектив роста и самореализации жителей, сопряженные с низким уровнем материальных вложений [государства и руководства региона] в его развитие, низким качеством социальной поддержки населения, имеющими в качестве основного следствия – низкую финансовую активность и настрой населения на выезд из республики. Как и в других регионах, эксперты отмечали отсутствие высокотехнологичных производств, мест для интеллектуальной самореализации населения. При этом социальные настроения экспертного сообщества правомерно охарактеризовать как упадочные и пессимистические (*«можно говорить об экономической несостоятельности региона в данный момент»*, *«нестабильная экономическая ситуация ведет к снижению мотивации населения к росту и развитию»*).

В особенности это проявилось в ответах экспертов, характеризующих систему образования. При следовании единой, общей для всех регионов, аргументации, проблемы низкого качества образования, социокультурной среды, слабой связи между образованием и трудоустройством ассоциировались с отсутствием стимулов и мотивации населения для получения образования и развития образовательных учреждений, снижением научно-исследовательской и даже публичной образовательной активности (*«разучились говорить публично»*). Общий рефрен – *«низкий уровень социально-экономического развития региона, слабость институтов государственной власти, коррупция, отсутствие социальных лифтов, контроль государства за научными достижениями»*. Уникальными для региона являлись выявляемые экспертами взаимосвязи интеллектуального потенциала с экологическими проблемами (загрязнением воздуха и воды) и проблемами системы здравоохранения, этноклановой структурой республиканского социума.

Комплекс проблем развития интеллектуального потенциала в Хабаровском крае имел следующие особенности. Обращала на себя внимание особая обеспокоенность экспертного сообщества миграционными проблемами. О том, что лучшая молодежь уезжает в мегаполисы и западные регионы страны или в соседний Китай вместо того, чтобы развивать свой регион, упоминал практически каждый эксперт. Отсюда – острая нехватка рабочих рук, способных создать систему, ориентированную на производство человеческого капитала и интеллектуальное развитие. Среди экономических проблем эксперты отмечали непреодоленность сырьевого статуса экономики и соответствующей ему экономической политики, ориентированной на выполнение формальных показателей, а не на эффективность, реализацию *«колониального подхода»* государства к региону, проявляющегося в недостаточном финансировании и слабой заинтересованности центра в развитии региона, особенности учитывая значительную его удаленность. Похожие идеи разделяли и эксперты в Приморском крае, указывающие на *«недостаточный интерес менеджмента региона к развитию в целом и развитию человеческого капитала в частности»*, *«внимание к региону [осваиваемого ранее за счет государственной политики] ослабло»*, из-за чего в регионе отсутствует эффективное финансирование и инициативы для развития интеллектуального потенциала населения, *«оторванность региона от центральной России»*.

Типичны высказывания хабаровских экспертов о недоверии к власти и государству, прогрессирующей бюрократии, низком уровне руководящих кадров. В то же время, описывая проблемы образования и науки, эксперты несколько по-иному расставили акценты. Помимо проблем финансирования и ориентации на коммерциализацию, невозможности практического применения получаемого образования, слабостей развития образовательной среды, низкого уровня преподавания в качестве одной из важнейших региональных проблем эксперты указали перекосы государственной политики по цифровой трансформации образования, проявляющиеся в *«навязывании»* онлайн-обучения на всех уровнях образования, которые усугубляют

сложившуюся ситуацию. Эксперты отмечали слабое взаимодействие общественности, органов власти и научного сообщества и были, как в Республике Бурятия, склонны описывать происходящее в регионе в темных тонах, типичны такие описания как *«деградация социальных институтов, культуры», «отсутствие перспективы и образа региона в будущем», «недостаточное развитие социальной инфраструктуры, невысокая продолжительность жизни, доступность социальных услуг, [низкие] доходы населения».*

В Челябинской области, помимо общих с другими регионами проблем массового отъезда молодежи и квалифицированных специалистов и низких доходов населения, сырьевого характера экономики и нацеленности на воспроизводство привычных моделей хозяйствования, эксперты отмечали слабую развитость регионального интеллектуального сообщества, которое могло бы стимулировать развитие интеллектуальный потенциал всего населения, слабую поддержку (финансовую) интеллектуальных инициатив.

Таким образом, обобщая результаты, полученные в рамках экспертного опроса, отметим сходную структуру ответов, представляющую развитие интеллектуального потенциала населения российского приграничья как производную от нескольких важных факторов: стратегии регионального социально-экономического развития, успешность реализации которой зависит, с одной стороны, от имеющихся в регионе возможностей, с другой – от эффективности регионального управления, которое, по мнению экспертов, имеет сильную зависимость от отношения федерального руководства, наличия заинтересованности Центра и умения региональных властей «повернуть маховик» централизованной системы в свою пользу; решения частных по отношению к этой общей стратегии проблем систем образования и науки, которые опять же имеют общероссийский характер и решить их на уровне отдельного региона в силу системности и общих институциональных «правил игры» не представляется возможным; низовой интеллектуальной активности населения, частных инициатив, которые хотя и не могут решить проблему развития интеллектуального потенциала глобально, способны создать центры активизации региональных усилий по изменению ситуации; решения проблем культурного развития; активизации потенциала институтов гражданского общества в преодолении кризисных явлений. В целом, результаты экспертного опроса свидетельствуют о том, что интеллектуальный потенциал населения приграничных регионов развивается *«не столь многопланово, как мог бы»* (слова одного из экспертов) и имеют комплексы общих проблем, усиливающиеся специфическими региональными проблемами. Представляется, что сложившаяся ситуация, с учетом добавившихся вызовов и обострившихся противоречий, требует серьезных управленческих решений, затрагивающих основы функционирования системы государственного управления, включая дистрибутивные каналы государственной поддержки, трансформации подходов к управлению человеческим капиталом и человеческими ресурсами, изменению принципов взаимодействия между государством, бизнесом, научными и образовательными учреждениями.

Литература

1. Балацкий Е.В., Богомолов Ю.П. Как сохранить интеллектуальный потенциал России // Вестник Российской академии наук. – 1993. – № 63 (6). – С. 491–497.
2. Глазьев С.Ю. Состоится ли переход российской экономики на инновационный путь развития? // Российский экономический журнал. – 2008. – № 1–2. – С. 3–11.
3. Докторович, А.Б. О методологии анализа интеллектуального потенциала // Труд и социальные отношения. – 2012. – № 1. – С. 4–12.
4. Келле В.Ж. Инновационная система России. – Эдиториал УРСС, 2003.
5. Левашов В.К. Россия на развилке социополитических траекторий развития // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2011. – № 4 (104). – С. 5–23.
6. Левашов В.К., Руткевич М.Н. О понятии интеллектуального потенциала и способах его измерения // Науковедение. – 2000. – № 1. – С. 49–65.
7. Максимова С.Г., Омельченко Д.А. Ноянзина О.Е. Международная миграция в приграничных регионах России: опыт структурного моделирования установок населения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2019. – № 19 (4). – С. 737–755.
8. Нестеров А.А., Третьякова Т.И. Интеллектуальный потенциал и формы его реализации // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия. Экономические науки. – 2014. – № 1. – С. 7–16.
9. Остащенко Т.В., Дубина И.Н. Оценка интеллектуального капитала и его связанности с уровнем экономического развития Алтайского края и Сибирского федерального округа // Экономика Профессия Бизнес. – 2000. – № 4. – С. 98–107.
10. Попова И.П., Темницкий А.Л. Интеллектуально-профессиональный потенциал: к проблеме структурных изменений // Социологические исследования. – 2011. – № 1. – С. 56–67.
11. Guang G., Stearns E. The social influences on the realization of genetic potential for intellectual development // Social forces. – 2002. – Issue 3. – Pp. 881–910.

ОЦЕНКА ФИНАНСОВОГО РЕЗУЛЬТАТА В СТРОИТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Межведилова Сабина Арифовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Организация системы учета финансового результата строительной организации в значительной степени зависит от выбора предмета договора строительного подряда. Вместе с тем это заметно влияет на совокупную величину налогов, уплачиваемых организацией в бюджеты разных уровней (НДС, налог на прибыль организации, налог на имущество).

В соответствии со ст. 740 Гражданского кодекса РФ по договору строительного подряда подрядчик обязуется в установленный договором срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы, а заказчик обязуется создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, принять их результат и уплатить обусловленную цену. Таким образом, заказчик (застройщик) принимает от подрядчика работы или объект строительства на основании акта приемки с последующей регистрацией в установленном порядке. Моментом перехода права собственности по выполненным строительным работам может быть:

- момент принятия готовой строительной продукции заказчиком;
- момент оплаты, т. е. поступления денежных средств подрядчику.

Необходимо заметить, что если момент перехода права собственности не уточнен в договоре строительного подряда, то предполагается, что им будет момент реализации, т. е. момент подписания соответствующего акта.

Так как условия договора строительного подряда бывают различными, то бухгалтерский учет финансового результата строительной организации необходимо организовать, исходя из конкретной ситуации.

Возможны следующие варианты:

– незавершенный объект строительства может учитываться по производственной себестоимости на балансе подрядной строительной организации в составе незавершенного производства до момента его полного завершения, а право собственности на него переходит к заказчику по мере окончания всех работ;

– ежемесячная сдача конструктивных элементов и видов работ отражается по кредиту субсчета 90-1 «Выручка» в корреспонденции со счетом 62 «Расчеты с покупателями и заказчиками», а себестоимость выполненных работ списывается со счета 20 «Основное производство» в дебет субсчета 90–2 «Себестоимость продаж»;

– подрядчик списывает стоимость выполненных работ со счета 20 «Основное производство» на счет 90–2 «Себестоимость продаж», отражает выручку по субсчету 90–1 «Выручка» в корреспонденции со счетом 46 «Выполненные этапы по незавершенным работам» и формирует финансовый результат по мере сдачи пусковых комплексов или очередей заказчику. Методология бухгалтерского учета финансового результата строительной организации должна разрабатываться в соответствии с применяемыми вариантами условий договоров строительного подряда.

В том случае, если используется вариант, когда незавершенный объект строительства учитывается на балансе подрядчика до момента его полного завершения, а право собственности на него переходит к заказчику по мере окончания всех работ, затраты подрядчика формируются из всех фактически имевших место расходов, связанных с осуществлением строительных работ по договору строительного подряда. Затраты формируются по объектам учета с начала исполнения договора строительного подряда до момента его завершения, т. е. до полного расчета по законченному объекту строительства и передачи его заказчику. Таким образом, в соответствии с ПБУ 2/2008 «Учет

договоров строительного подряда» подрядная организация может применять два метода определения финансового результата за отчетный период:

- по стоимости объекта строительства в целом;
- по стоимости отдельных выполненных работ по мере их готовности.

Из этого следует, что подрядная организация осуществляет бухгалтерский учет финансового результата, исходя из условий договора строительного подряда. Подрядная организация, определяющая финансовый результат по методу «Доход по стоимости объекта строительства», ведет бухгалтерский учет произведенных затрат в составе незавершенного производства на счете 20 «Основное производство» до момента сдачи объекта строительного производства заказчику. Учет таким образом ведется если договором строительного подряда не предусмотрена промежуточная сдача объемов строительных работ заказчику.

Литература

1. *Козлова С.А., Юдина Г.А.* Контроль формирования финансовых результатов строительных организаций // Актуальные вопросы экономических наук. – 2011. – № 20. – С. 232–237.

2. *Адамов Н.А., Соколов П.А., Чернышев В.Е.* Особенности учета и аудита финансовых результатов подрядных строительных организаций // Все для бухгалтера. – 2006. – № 2. – С. 12–20.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ЗАНЯТОСТИ ПЕНСИОНЕРОВ КИТАЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН)

Минь Ю,

Киселев Игорь Юрьевич

Ярославский государственный университет

им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

Аннотация. В статье на основе результатов авторского социологического исследования определены траектории занятости китайских пенсионеров провинции Хэйлунцзян в зависимости от уровня образования. Показано, что высшее образование не обеспечивает пенсионерам региона существенных преимуществ на рынке труда. Они сталкиваются с похожими трудностями при трудоустройстве, как и пенсионеры без высшего образования. Вместе с тем, респонденты с высшим образованием способны дольше сохранять рабочее место и реализуют траектории занятости, которые позволяют им не менять сферу занятости или заниматься менее квалифицированным трудом. Пенсионеры региона адаптируются к ситуации на рынке труда посредством участия в нестандартных формах занятости (самозанятость) и реализации предпринимательских проектов.

Ключевые слова: пенсионеры, образование, занятость, Китай.

Во всех странах мира наблюдается процесс старения населения. По оценкам ООН 2019 года, наибольшая доля пожилого населения наблюдается в европейских странах: доля населения 65 лет и старше в этих странах возросла с 8 % в 1950 году до 19 % в 2019 году. Ожидается, что к 2050 году она превысит 28 % [15]. В России также примерно четверть населения находится в возрасте старше трудоспособного. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2021 г. доля населения в возрасте старше трудоспособного составила 25,2 % [13]. Усиливаются темпы старения в странах Восточной и Юго-Восточной Азии: к 2050 году прогнозируется рост численности пожилого населения до 23,7 % [15]. Китай также переживает проблему старения населения. Согласно данным ООН, к 2050 году Китай войдет в число стран, в которых доля населения старше 65 лет составит свыше 15 % [19].

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что стремительно стареет население стран, которые являются локомотивами современной экономики. В результате старения в этих странах увеличивается демографическая нагрузка пожилыми на экономически активное население [5], возникает дефицит кадров. Некоторые ученые полагают, что в первое десятилетие 21 века в Китае завершился период дешевой рабочей силы [18], вызванный сокращением рынка труда по причине нарастающего старения населения и сокращения доли работоспособного населения.

В связи с этим государствам, сталкивающимся с проблемой старения населения, приходится находить решения, которые позволили бы пожилым оставаться как можно дольше на рынке труда. Реформирование пенсионной системы в направлении повышения пенсионного возраста или принятие программ, направленных на существенное увеличение пенсионных выплат в обмен на более поздний выход на пенсию – вот лишь некоторые меры, которые направлены на то, чтобы поддержать трудовую активность граждан пенсионного возраста.

Вместе с тем, несмотря на стимулирование занятости пенсионеров, существуют факторы депривации пенсионеров в социально-трудовой сфере. Один из них – образование [7, с. 483]. Рассмотрим, как фактор образования влияет на выбор пенсионерами траектории занятости.

В качестве примера выбран Китай как страна, которая в полной мере ощущает последствия старения населения. Если в 1978 году на 1 пенсионера приходилось 30 работающих, то в 2001 году подобное соотношение составляло 1:3,5; к 2050 прогнозируется соотношение – 1:1,69 [17, с. 24]. Описанная социально-демографическая ситуация способствует продолжению занятости пожилых людей, в том числе, пенсионеров. Вместе с тем, уровень занятости пенсионеров в этой стране – низкий и не соответствует потребностям стремительно развивающейся экономики. В связи с этим можно предполагать существование факторов, которые «выталкивают» пенсионеров с рынка труда. Один из них – образование.

Образование как фактор занятости пожилых: обзор социологических исследований

Влияние образования в качестве социального фактора занятости имеет противоречивый и разноплановый характер. Отмеченная особенность рассматриваемого фактора объясняется тем, что он может быть описан посредством системы разных показателей. Среди них: уровень образования, содержание образования, в том числе, соответствие образования потребностям инновационной экономики, возможности получить дополнительное образование, повысить квалификацию.

Статистические данные позволяют сделать вывод, что наличие высшего образования способствует занятости. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, в структуре занятых в 2009–2019 гг. преобладали лица, имеющие высшее образование: от 28 % (минимальное значение) в 2009 г. до 34,2 % (максимальное значение) в 2019 г. При этом доля занятых с высшим образованием среди женщин за весь период наблюдения выше, чем среди мужчин. Так, в 2019 г. доля занятых женщин с высшим образованием составляла 39 %, мужчин – 29,7 % [9, с. 33]. Кроме того, в 2019 г. респонденты с высшим образованием преобладают среди занятых разных возрастов, в том числе, среди лиц пенсионного возраста [9, с. 36]. При этом, чем старше работники, тем больше среди них тех, у кого есть высшее образование. Так, среди работников в возрасте 55–59 лет и 60–64 лет самые большие доли занятых приходятся на тех, у кого есть высшее образование (27,9 % и 28,5 %) и среднее профессиональное образование по программам подготовки специалистов среднего звена (27,9 % и 28,7 %) [9, с. 36]. Среди занятых в группах 65–69 лет и старше 70 лет – преобладают те, у кого есть высшее образование (31,6 % и 36,3 % соответственно) [9, с. 36].

Представленные результаты позволяют сделать вывод, что высшее образования способствует занятости, в том числе, тех групп, которые оказываются в менее выгодном положении на рынке труда – женщин, работников пенсионного возраста. Более того, наличие высшего образования позволяет пенсионерам не просто продолжить трудовую деятельность, но оставаться на рынке труда дольше.

Китайские социологи также убеждены в том, что образование содействует сокращению структурной безработицы, способствует научно-техническому прогрессу, повышает качество рабочей силы [26].

Вместе с тем, занятость пенсионеров определяется не только уровнем образования, но и его содержанием. Знания и профессиональные компетенции, которыми располагают работники пенсионного возраста, не всегда соответствуют современному уровню развития науки и техники. В результате пенсионеры могут проигрывать конкуренцию за рабочие места молодым работникам. Например, согласно результатам исследования российских социологов Г.Б. Кошарной и Е.В. Щаниной, «в сферах образования, строительства и услуг (ЖКХ, туризм и др.) пожилых людей готовы принимать на работу, но их опыт, знания и квалификация не ценятся» [7, с. 488].

Работодатели не готовы нанимать пожилых людей в сферу информационных технологий [7, с. 488].

Расширение сегмента цифровой экономики ограничивает возможности для трудоустройства пенсионеров. По оценкам китайских экспертов, в 2025 году цифровая экономика станет площадкой для непрерывного развития новых видов рабочих мест, а количество рабочих мест, созданных в русле развития цифровой экономики, достигнет 379 млн. [20].

Цифровая экономика создает дополнительные возможности в сфере занятости. Цифровые технологии снижают транзакционные издержки и открывают больше возможностей для тех, кто испытывает трудности с поиском работы или производительных ресурсов, принося пользу женщинам, людям с ограниченными возможностями и жителям отдаленных районов. Профессии, предполагающие использование современных технологий, востребованы на китайском рынке труда, характеризуются высокими показателями удовлетворенности заработной платой и удовлетворенности работой. В числе таких профессий: электрифицированные железнодорожные технологии, социальный спорт, программные технологии, технологии автоматизации энергетических систем, электростанции и энергетические системы, технологии дорожного и мостового машиностроения. При этом электрифицированные железнодорожные технологии, программные технологии и технологии автоматизации энергосистем имеют высокие показатели по уровню занятости, удовлетворенности зарплатой и работой в течение трех лет подряд [23].

Вместе с тем, внедрение цифровых технологий создает и барьеры занятости. Работники, потерявшие работу в результате цифровизации (автоматизация, внедрение программного обеспечения, роботизации, технологий с использованием искусственного интеллекта), не смогут претендовать на вновь созданные рабочие места, не пройдя дополнительное обучения или переподготовки [29, с. 49]. Так, востребованные профессии, предполагающие использование современных технологий, не обеспечены в полной мере молодыми кадрами [12, с. 127–128]. Очевидно, что они не подходят и для пожилых работников, которые не обладают необходимыми знаниями и навыками.

Исследования российских социологов позволяют заметить, что уровень технологической восприимчивости, определяемой в качестве способности «понимать, принимать (конструктивно относиться) и использовать в повседневных практиках новые технологии (технологические новинки) в контексте цифровизации общества» [6, с. 38], у пожилых людей – низкий. Например, О.В. Кобяк установил, что уровень технической восприимчивости среди пенсионеров – ниже среднего. Так, в группе 55–64 лет уровень технической восприимчивости составляет 2,85 баллов из 5, а в группе старше 65 лет – 2,03 балла из 5 [6, с. 38]. Согласно результатам Федеральной службы государственной статистики 2020 г., доля населения, имеющего навыки работы с персональным компьютером, в группе 55–64 года составляет 60,9 %, в группе 65–74 лет – 35,6 %, в группе старше 75 лет – 10,2 %. Для сравнения: в группе

45–54 лет – 79,2 % [3]. Приведенные данные позволяют заметить, что самое существенное снижение в опыте использования компьютеров наблюдается именно в группах респондентов пенсионного возраста. Кроме того, именно в этих группах наблюдаются самые низкие показатели доли населения, имеющие конкретные навыки применения компьютерной техники [3]. Кроме того, среди россиян, которые совсем не используют сеть Интернет, самая большая доля приходится на лиц пенсионного возраста: 6 % – в группе 55–64 лет; 12,1 % – в группе 55–59 лет; 70,4 % – 60–74 года [10].

В Китае уровень сформированности цифровых компетенций среди пожилых остается низким на фоне невысокого уровня образования пенсионеров. Согласно данным опроса 2015 г. среди пожилого населения страны 29 % никогда не посещали школу, 41 % имеют начальное образование, 25 % – основное среднее и полное среднее, высшее образование есть у 3 % пожилых людей. Отметим, что по сравнению с 2000 годом доля пожилого неграмотного населения сократилась на 23 %, в то время как доля пожилого населения со средним образованием увеличилась на 14 %, с высшим – на 1 % [25].

В КНР пожилые люди используют Интернет. По состоянию на декабрь 2021 г. количество пожилых пользователей интернета в возрасте 60 лет и старше достигло 119 миллионов, что составляет 11,5 % от общего числа пользователей интернета. Уровень использования Интернета пожилыми людьми в возрасте 60 лет и старше достиг 43,2 % [24]. Результаты опросов позволяют отметить, что подавляющее большинство пожилых получают доступ в Интернет с помощью мобильных телефонов (99,5 %); лишь 20 % используют для этих целей компьютер [24]. Интернет используется преимущественно для рекреационных (просмотр фильмов и сериалов – 35,2 %, игры – 27,1 %, общение – 20,8 %) и информационных целей (просмотр новостей – 84,8 %). Кроме того, интернет используется для реализации экономических целей (торговля акциями – 13,2 %, совершение покупок – 12 %) [25].

В КНР отмеченные навыки вряд ли могут быть использованы пожилыми людьми непосредственно на производстве и тем самым повысить шансы пожилых на трудоустройство в наиболее востребованных отраслях экономики. Вместе с тем, китайские ученые отмечают положительное влияние использования пожилыми сети Интернет для их положения на рынке труда. Как отмечают Люй Минъян, Пэн Сичжэ, Лу Мэнхуа, пожилые люди с высоким уровнем образования имеют более выраженную готовность к обучению, к принятию новых технических устройств, таких как Интернет. Умение пользоваться ресурсами сети позволяет пожилым расширить круг общения, нарастить социальный капитал, что облегчает участие в экономической деятельности и способствует занятости. В частности, доступ к сети Интернет облегчает сбор информации о вакансиях [22, с. 86–87].

Содержание образования пенсионеров, в том числе, отсутствие компетенций, которые соответствуют современному уровню развития науки и техники зачастую не позволяет пенсионерам претендовать на рабочие места в современных профессиях. Вместе с тем, они оказываются

конкурентоспособными в тех отраслях, которые не рассматриваются молодыми работниками как привлекательные.

Сделанный вывод подтверждается статистическими данными. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики РФ за 2019 год, молодые работники в возрасте 20–29 лет опережают пожилых по уровню занятости в таких сферах как бизнес и администрирование – 22,9 % (для сравнения: в группе 50–59 лет – 13,4 %; в группе 60–69 лет – 2,5 %); информационно-коммуникационных технологий – 35,1 % (для сравнения: в группе 50–59 лет – 6,0 %; в группе 60–69 лет – 0,9 %). В перечисленных сферах экономической деятельности доминирование молодых работников наблюдается и среди специалистов среднего уровня квалификации [9, с. 76]. В свою очередь среди квалифицированных работников сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства преобладают работники старшей возрастной группы: в группе 50–59 лет – 23,6 %; в группе 60–69 лет – 15 % (для сравнения: в группе 20–29 лет – 12,7 %). Доля пожилых работников, в том числе, пенсионного возраста выше, чем доля работников в возрасте 20–29 лет и среди квалифицированных рабочих промышленности, строительства, транспорта и рабочих родственных занятий, операторов производственных установок и машин, сборщиков и водителей, неквалифицированных рабочих [9, с. 77]. К схожим выводам приходят Г.Б. Кошарная и Е.В. Щанина. На основе полученных социологических данных они делают вывод, что «руководители предприятий и организаций, осуществляющие свою деятельность в сферах здравоохранения, торговли и производства, достаточно высоко ценят специалистов пожилого возраста» [7, с. 488].

Сохраняя свою «нишу» на рынке труда, пожилые работники могли бы занять новые или просто упрочить свое положение в сфере занятости, осваивая дополнительные компетенции посредством участия в программах дополнительного профессионального образования. В странах мира разрабатываются специальные программы содействия занятости пожилых посредством их переобучения [2]. Имеются примеры создания народных университетов «третьего возраста» [1]. Они позволяют освоить программы по широкому набору направлений: медицина, право, педагогика, психология, экономика, иностранные языки, садоводство и другие [8, с. 2249].

В Китае на протяжении многих лет проводится политика содействия занятости пожилых работников после выхода на пенсию, в том числе посредством участия в образовательных программах.

В 1978 г. Госсовет обнародовал «Временные меры по выходу на пенсию и увольнению рабочих», в которых предлагалось финансово поощрять пенсионеров за выполнение работы в пределах своих возможностей. В 1983 году Национальный комитет Китая по проблемам старения разработал перечень рекомендаций, в которых указывалась необходимость поощрять пожилых людей с научными и техническими знаниями и опытом руководства к тому, чтобы они продолжали играть роль в национальной и общественной жизни. При этом отмечалось, что общество должно активно создавать необходимые условия развития талантов пожилых людей. В 1996 году в Законе

Китайской Народной Республики о защите прав и интересов пожилых людей было указано, что государство и общество должны принимать меры по постепенному улучшению условий для обеспечения участия пожилых людей в общественном развитии.

Отметим, что проводимая политика содействия занятости пожилых сопровождалась принятием мер, которые создали бы условия для поддержания участия пенсионеров в жизни общества. В 2006 г. в Китае опубликована «Белая книга по развитию предпринимательства пожилых», в которой подчеркивается, что пожилых следует поддерживать, лечить, учить, радовать, содействовать их занятости, то есть улучшать качество жизни пожилых людей, в полной мере раскрывать их потенциал [27, с. 97].

Наиболее широкий комплекс мер содействия занятости пожилых в Китае, по нашему мнению, представлен в рамках «План старения и создания системы ухода за пожилыми людьми в стране на период 13-й пятилетки». В числе мер: поощрение местных органов власти к разработке специального плана для пожилых людей по развитию и использованию их знаний и навыков; принятие мер по продлению трудового стажа специалистов в технических и промышленных областях; привлечение пожилых к обучению навыкам, востребованным в промышленности и сельском хозяйстве, чтобы они могли продолжить трудовую деятельность; поощрение работодателей заключать с пожилыми работниками письменные трудовые соглашения в соответствии с действующим законодательством; защита законного дохода, безопасности и здоровья, прав и интересов пожилых людей в процессе производства и труда в соответствии с законом. В 13-м пятилетнем плане впервые обсуждается возможность обучать пожилых людей предпринимательской деятельности.

В 2020 году в «Предложении ЦК Коммунистической партии Китая о разработке четырнадцатого пятилетнего плана национального экономического и социального развития и долгосрочных целей на период до 2035 года» предлагалось «реализовать национальную стратегию активного реагирования на старение населения, развивать «серебряную экономику» [28]. В 2021 году Национальная стратегия активного реагирования на старение населения («14-я пятилетка») предусматривает усиление защиты прав и интересов пожилых людей, постепенное увеличение установленного законом пенсионного возраста и содействие полному использованию человеческих ресурсов.

В перечне мер присутствуют и те, которые направлены на обучение работников пенсионного возраста. Впервые акцент на необходимости развития образования для пожилых людей сделан в документе «План национального среднесрочного и долгосрочного реформирования и развития образования (2010–2020 гг.)». В другом документе – в «Плане образования взрослых на 2016–2020 годы» поставлена цель иметь, по меньшей мере, один университет для пожилых в каждом городе, и создать в 30 % поселков учебные центры для пожилых [16].

Вместе с тем, реализация мер в области образования пожилых людей связана рядом трудностей. Первая связана с доступностью программ

переобучения, получения дополнительного образования для пожилых. Например, Я.В. Евсеева со ссылкой на статью Г. Шмида и М. Хартлапп отмечает, что подобные программы реализуются не во всех европейских странах. В то время как в Швеции возможностью пройти курсы повышения квалификации или переподготовку смогли воспользоваться 43 % пожилых работников, то «в Италии, Испании, Португалии и Венгрии не более 4 % располагали подобной возможностью» [4, с. 122]. Вторая проблема связана с низкой готовностью пожилых людей пройти переобучение с целью остаться на рынке труда. Согласно опросу, проведенному Фондом Общественное мнение по проблеме трудовой мобильности россиян, респонденты старше 60 лет крайне редко называют возможность пройти дополнительное обучение по нынешней специальности ради сохранения работы (3 %). В свою очередь, респонденты 45–60 лет чаще выражают готовность пройти дополнительное обучение по имеющейся специальности (20 %). Они также готовы обучиться новой специальности, совмещая обучение с работой (17 %) [11]. В результате, если пожилые не готовы осваивать новые специальности, эффект от реализации подобных программ может оказаться низким и не отразиться на повышении занятости пенсионеров.

Таким образом, образование оказывает разнонаправленное влияние на занятость пенсионеров. С одной стороны, чем выше уровень образования, тем больше шансов сохранить работу на длительный срок. С другой стороны, наличие высшего образования, которое не соответствует потребностям рынка труда, а также неготовность проходить переобучение или переподготовку – снижают шансы пенсионеров на трудоустройство.

Образование как фактор занятости пенсионеров провинции Хэйлунцзян

Рассмотрим, как фактор образования влияет на занятость пенсионеров Китая. В качестве эмпирической базы выступают результаты социологического исследования структуры занятости пенсионеров провинции Хэйлунцзян, проведенного в период с 13.01.2021 по 04.02.2021 методом анкетирования. В исследовании применена квотная выборка. Всего для описания занятости китайских пенсионеров в провинции Хэйлунцзян опрошено 1137 респондентов: 571 мужчина (50,2 %) и 566 женщин (49,8 %). Сбор первичных социологических данных в Китае проведен дистанционно посредством программы для онлайн-опросов “Wenjuanxing” с помощью мобильного приложения WeChat. Математико-статистическая обработка данных опроса выполнена с помощью программы IBM SPSS Statistics 26.

Интерес к влиянию фактора образования на занятость пенсионеров в этой провинции объясняется следующими причинами.

Первая связана с характеристиками демографической и социально-экономической ситуацией в провинции Хэйлунцзян. Демографическая ситуация в провинции Хэйлунцзян характеризуется более выраженным по сравнению с другими регионами Китая старением населения, и как следствие, – высокой демографической нагрузкой пожилыми людьми на трудоспособное

население. В провинции Хэйлуцзян пенсионные расходы впервые превысили доходы в 2013 году [21]. Отмеченные особенности демографическая и социально-экономическая ситуация в провинции способствует тому, чтобы пенсионеры продолжали трудовую деятельность.

Вторая причина представлена особенностями структуры населения по фактору образования. По показателю числа лиц с высшим образованием на 1000 человек провинция Хэйлуцзян занимает медианную позицию среди 22 провинций Китая (148 человек на 1000) [14]. Количество людей без образования – самое низкое в Китае и составляет 50 человек на 1000. В провинции наиболее распространено основное среднее образование (428 человек на 1000) [14]. Рассмотрим, как отмеченный уровень образования отражается на занятости пожилых людей, проживающих в данной провинции.

Среди опрошенных респондентов в настоящий момент определяют себя в качестве работающих 24,1 %. Не работают сейчас, но работали ранее, будучи на пенсии – 22,8 % опрошенных.

Согласно полученным результатам социологического исследования, уровень образования пенсионеров, независимо от их статуса на рынке труда, следующий: 36,4 % опрошенных имеют начальное и неполное среднее образование; 46,4 % – среднее и среднее специальное образование; 17,2 % – высшее образование. Полученное распределение напоминает то, которое наблюдается в провинции в целом. Однако уровень образования не связан с занятостью. Примерно одинаковый уровень занятости наблюдается у респондентов с полным средним и средним специальным образованием (26,4 %) и высшим образованием (26 %). Соответственно, реже других продолжают работать респонденты с начальным и неполным средним образованием (20,3 %). Различия не достигают статистической значимости: $\chi^2_{df=2} = 5,173$ ($p = 0,075$).

Связь между переменными уточнена для респондентов, которые в настоящий момент не работают, но могли какое-то время находиться на рынке труда после выхода на пенсию. Среди работающих на пенсии, но не работающих сейчас, преобладают респонденты с полным средним и средним специальным образованием (34 %). Доля респондентов с начальным и неполным средним образованием – 26,7 %, с высшим – 26,9 %. Различия не достигают статистической значимости: $\chi^2_{df=2} = 5,397$ ($p = 0,067$).

Анализ представленных распределений позволяет сделать вывод, что сам по себе уровень образования не влияет на занятость пенсионеров провинции Хэйлуцзян. Вместе с тем, уровень занятости среди респондентов с высшим образованием не снижается, в то время как среди респондентов с другими уровнями образования занятость снижается. В связи с этим можем сделать вывод, что высшее образование позволяет пенсионерам дольше оставаться на рынке труда.

Часть не работающих в настоящий момент пенсионеров сохраняет намерение работать и демонстрирует готовность приступить к работе, если появятся подходящие вакансии. При этом, чем выше уровень образования, тем более выражена установка продолжить работу. Различия статистически

значимые: $\chi^2_{df=2} = 7,933$ ($p = 0,019$). Кроме того, чем выше уровень образования, тем чаще респонденты выражают готовность приступить к работе, если появятся подходящие вакансии. Однако различия не достигают уровня статистической значимости: $\chi^2_{df=2} = 5,707$ ($p = 0,058$). Работу в настоящий момент также чаще ищут респонденты с высшим образованием. Но различия не достигают статистической значимости ($\chi^2_{df=2} = 2,290$; $p = 0,318$).

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что пенсионеры с высшим образованием сохраняют более выраженную активность на рынке труда, даже если в настоящий момент не трудоустроены. Однако их статус в качестве незанятых позволяет предполагать наличие барьеров на рынке труда, препятствующих трудоустройству.

Работающие пенсионеры с разным уровнем образования расходятся в оценке значимости трудностей, с которыми они столкнулись при поиске работы. Респонденты с высшим образованием чаще, чем пенсионеры без высшего образования отмечают отсутствие каких бы то ни было трудностей при поиске работы. Различия статистически значимые: $\chi^2_{df=2} = 17,890$; $p = 0,001$. Кроме того, они реже других высказывают неудовлетворенность предложенной зарплатой. Различия статистически значимые: $\chi^2_{df=2} = 9,636$; $p = 0,008$. Однако респонденты с высшим образованием чаще, чем другие участники исследования, отмечают проблему отсутствия вакансий, которые бы соответствовали их квалификации. В свою очередь, респонденты с начальным и неполным средним образованием реже других отмечают подобную трудность при поиске работы. Различия статистически значимые: $\chi^2_{df=2} = 6,035$; $p = 0,049$.

Неработающие пенсионеры, независимо от уровня образования, отмечают одинаковые трудности, возникающие при трудоустройстве: нежелание работодателей брать на работу пенсионеров, предлагаемая низкая зарплата и отсутствие вакансий, которые соответствовали бы квалификации. Отметим, что эту трудность чаще отмечают пенсионеры с высшим образованием. Однако различия не достигают уровня статистической значимости.

Трудности с поиском работы, которая соответствовала бы имеющейся квалификации пенсионеров, заставляют их менять траекторию занятости. Согласно результатам опроса, после выхода на пенсию наблюдается существенный рост числа самозанятых и индивидуальных предпринимателей. Так, если до выхода на пенсию среди респондентов с высшим образованием в качестве самозанятых себя определяли 11,8 %, то после выхода на пенсию – 15,7 %. В качестве предпринимателей до выхода на пенсию себя определяли 9,8 % опрошенных, после выхода на пенсию – 23,5 %.

Подобную траекторию занятости после выхода на пенсию выбирают и пенсионеры с полным средним и средним специальным образованием, однако рост числа самозанятых и индивидуальных предпринимателей в этой группе респондентов – менее существенный: самозанятых – 19,4 % и 20,9 % соответственно; индивидуальных предпринимателей – 10,8 % и 14,4 %. После выхода на пенсию увеличивается доля занятых пенсионеров со средним и средним специальным образованием в сельском хозяйстве (18,7 % и 20,1 %),

транспортной отрасли (2,9 % и 4,3 %). В других сферах экономической деятельности занятость пенсионеров с отмеченным уровнем образования либо остается неизменной, либо сокращается.

Пенсионеры с начальным и неполным средним образованием после выхода на пенсию для решения проблемы занятости используют ее нестандартные формы, прежде всего, самозанятость. Если до выхода на пенсию доля самозанятых среди опрошенных с начальным и неполным средним образованием составляла 14,3 %, то после выхода на пенсию – возросла до 31 %. При этом не наблюдается существенного роста предпринимателей среди данной категории пенсионеров: 11,9 % и 14,3 %. После выхода на пенсию существенно увеличивается занятость респондентов с начальным и неполным средним образованием в сельском хозяйстве (16,7 % и 26,2 %). В других сферах экономической деятельности занятость пенсионеров с отмеченным уровнем образования либо остается неизменной, либо сокращается.

Таким образом, проблему невостребованности имеющихся компетенций и знаний пенсионеры решают посредством реализации индивидуальных профессиональных траекторий в рамках нетрадиционных форм занятости и создают рабочие места не только себе, но и другим работникам. Последнюю задачу решают преимущественно пенсионеры с высшим образованием, которые реализуют предпринимательские проекты. Еще одна траектория занятости связана со сменой сферы деятельности на сельское хозяйство. Ее реализуют преимущественно пенсионеры без высшего образования. В целом отмеченные траектории занятости соответствуют инициативам правительства в области поддержки занятости пенсионеров.

Размеры ежемесячного заработка пенсионеров не зависят от уровня образования. У 92,3 % работающих респондентов ежемесячный заработок не превышает 4000 юаней. Вместе с тем, среди респондентов с высшим образованием выше доля тех, чей ежемесячный заработок превышает 4000 юаней (11,7 %). Для сравнения: доля опрошенных с подобным уровнем зарплат среди респондентов с начальным и неполным средним образованием составляет 3,6 %, с полным средним и средним специальным – 7,9 %. Различия статистически не значимые.

Обобщая полученные результаты, можем сделать вывод, что высшее образование не обеспечивает пенсионерам данного региона существенных преимуществ на рынке труда. Как и пенсионеры без высшего образования они сталкиваются с трудностями при трудоустройстве. Вместе с тем, респонденты с высшим образованием способны дольше сохранять рабочее место и реализуют траектории, которые позволяют им не менять сферу занятости или заниматься менее квалифицированным трудом. У них больше возможностей адаптироваться к ситуации на рынке труда посредством участия в нестандартных формах занятости (самозанятость) и реализации предпринимательских проектов.

Литература

1. *Бикметов Е.Ю.* Народный университет третьего возраста как социальная технология // Старшее поколение современной России / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2021. – С. 402–405.

2. *Галкин К.А.* Трудоустройство пожилых людей и политика активного старения в Европе и России // Социологические исследования. – 2021. – № 11. – С. 156–160.

3. Доля населения, имеющего навыки работы с персональным компьютером, по типам поселения, полу и возрастным группам, в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. 2020. – https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fgks.ru%2Ffree_doc%2Fnew_site%2Fbusiness%2Fit%2Fikt20%2FPublishData%2FReports%2FFiles%2F2020%2F2.5.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 25.03.2022)

4. *Евсеева Я.В.* 2010.01.025-027. Пожилые работники – ресурс общественного развития? (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2010. – № 1. – С. 119–128.

5. *Карнова О.Б., Проклова Т.Н.* Демографическая нагрузка в России в 2000-е годы // Бюллетень национального научно-исследовательского института Общественного здоровья имени Н.А. Семашко. – 2020. – № 1. – С. 52–57.

6. *Кобяк О.В.* Технологическая восприимчивость старшего поколения в цифровом обществе // Старшее поколение современной России / под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2021. – С. 37–41.

7. *Кошарная Г.Б., Щанина Е.В.* Факторы депривации пожилых людей в социально-трудовой сфере: региональный аспект // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2019. – Том 19. – № 3. – С. 481–493.

8. *Кязимов К.Г.* Профессиональное обучение и содействие занятости лиц пожилого возраста в условиях пенсионной реформы // Профессиональное образование в современном мире. – 2018. – Том 8. – № 4. – С. 2246–2254.

9. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020 Стат. сб. / Росстат. – М., 2020. 145 с.

10. Распределение населения в возрасте 15–74 лет, использовавшего сеть Интернет по возрастным группам в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. 2020. – https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fgks.ru%2Ffree_doc%2Fnew_site%2Fbusiness%2Fit%2Fikt20%2FPublishData%2FReports%2FFiles%2F2020%2F3.3b.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 25.03.2022)

11. Трудовая мобильность. Готовы ли россияне менять работу? И на каких условиях // Фонд Общественное мнение. 2021. 03 декабря – URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14656> (дата обращения: 02.04.2022)

12. Хайбинь Ц., Веселова Л.С., Лебединцева Л.А. Феномен китайской рабочей силы: сложности с трудоустройством выпускников и «острый дефицит рабочей силы» // Социологические исследования. – 2021. – № 8. – С. 118–129.

13. Численность населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики – URL: <https://view.officeapps.live.com/office/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FVGR%2F%2Fdem-1.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK> (дата обращения: 07.03.2022)

14. Щербакова Е.М. Предварительные итоги переписи населения Китая 2020 года // Демоскоп Weekly. – 2021. – № 907–908. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2021/0907/barom01.php> (дата обращения: 11.04.2022)

15. Щербакова Е. Старение населения мир по оценкам ООН 2019 г. // Демоскоп Weekly. – 2019. – № 837–838. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0837/barom03.php> (дата обращения: 20.04.2022)

16. Inclusive Future of Work The People’s Republic of China Country brief prepared for the 1st EWG under the 2019 Brazilian presidency of the BRICS // International Labour Organization. – URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_732870.pdf (дата обращения: 2.08.2021)

17. Ke Meng. China’s Pension Reforms. Political Institutions, Skill Formation and Pension Policy in China. London, NY: Routledge Taylor & Francis Group, 2019. – 253 p.

18. Rein Sh. The End of Cheap China: Economic and Cultural Trends that Will Disrupt the World. Hoboken: John Wiley & Sons. – 2012. – 245 p.

19. World Population Prospects 2019. Highlights. New York, 2019. 39 p. // United Nations. Department of Economic and Social Affairs. – URL: https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2019_Highlights.pdf (дата обращения: 27.07.2021)

20. 2022年中国数字经济就业现状分析产业数字化为吸纳主体 (Анализ текущей ситуации с занятостью в цифровой экономике Китая в 2022 г.) – URL: <https://www.163.com/dy/article/GRQTD7R4051480KF.html> (дата обращения: 21.04.2022)

21. 李晓英. 应对东北地区养老金缺口问题的对策思考 // 财金观察. – 2021. – № 1. – С. 31–39.) (Ли Сяоин Размышления о мерах противодействия проблеме пенсионного дефицита в Северо-Восточном регионе Китая // Финансовое обозрение. – 2021. – № 1. – С. 31–39.)

22. 吕明阳, 彭希哲, 陆蒙华. 互联网使用对老年人就业参与的影响 // 经济学动态. – 2020. – № 10. – С. 77–91. (Люй Минъян, Пэн Сичжэ, Лу Мэнхуа Влияние использования Интернета на занятость пожилых людей // Экономическая динамика. 2020. – № 10. – С. 77–91.)

23. 麦可思 : 2019年中国大学生就业报告 (Отчет о занятости для китайских студентов колледжей за 2019 год) – URL: <http://www.199it.com/archives/930684.html> (дата обращения: 18.04.2022).

24. 中老年互联网生活研究报告. (Отчет об исследовании интернет-жизни людей среднего и пожилого возраста) – URL: <https://tengyun.tencent.com/>

storage/source180712/files/%E4%B8%AD%E8%80%81%E5%B9%B4%E4%BA%92%E8%81%94%E7%BD%91%E7%94%9F%E6%B4%BB%E7%A0%94%E7%A9%B6%E6%8A%A5%E5%91%8A.pdf (дата обращения: 24.04.2022).

25. 老龄蓝皮书：中国城乡老年人生活状况调查报告（2018）（Синяя книга по проблемам старения: отчет об исследовании условий жизни пожилых людей в городских и сельских районах Китая (2018 г.). – URL: <http://www.invest-data.com/eWebEditor/uploadfile/2019051417310735152899.pdf>) (дата обращения: 21.04.2022).

26. 吴华. 论发展高中教育对减轻就业压力的政策价值 // 教育与经济. - 1999. – № 2. – С. 23–26. (У Хуа О стратегической ценности развития образования в старших классах средней школы для снижения давления на рынке труда // Образование и экономика. – 1999. – № 2. – С. 23–26).

27. 姜向群, 杜鹏. 中国人口老龄化和老龄事业发展报告(2014). 北京. 中国人民大学出版社, 2014. – 152 с. (Цзян Сянцунь, Ду Пэн Отчет о старении населения Китая и развитии старения (2014 г.). Пекин: Издательство Китайского университета Жэньминь, 2014 г., – 152 с.)

28. 中共中央关于制定国民经济和社会发展第十四个五年规划和二〇三五年远景目标的建议. (ЦК Коммунистической партии Китая о разработке 14-го пятилетнего плана национального Экономическое и социальное развитие и предложение по концепции 2035 г.) [ЕВ/ОЛ]. – URL: http://www.gov.cn/zhengce/2020-11/03/content_5556991.html.2020-11-03 (дата обращения: 19.04.2022).

29. 闫德利, 戴建军. 数字技术如何影响就业? // 新经济导刊. – 2018. – № 9. – С. 48–50 (Ян Дели, Дай Цзяньцзюнь Как цифровые технологии влияют на занятость? // Путеводитель по новой экономике. – 2018. – № 9. – С. 48–50).

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАК ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ АДАПТАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Мубаракшина Гулина Ильшатовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические подходы к определению «социальное самочувствие», дается краткий обзор основных подходов к данной проблеме. Анализируется социальное самочувствие преподавателей высшей школы. Акцентируется внимание на рассмотрении социального самочувствия преподавателей с точки зрения интегрального показателя адаптации в условиях цифровизации образования.

Ключевые слова: социальное самочувствие, преподаватели, социальная адаптация, высшее образование, цифровизация образования.

Проблема социального самочувствия имеет довольно протяженную историю изучения в социально-гуманитарном дискурсе. Середина XX века

является началом исследований в этом направлении. Анализ социального самочувствия носит комплексный характер, охватывающий различные грани бытия человека и детерминирующий междисциплинарный подход к обозначению этого понятия.

Несмотря на то, что понятие «социальное самочувствие» является распространенным феноменом, оно по сей день не имеет однозначного и общепринятого определения. Как подчеркивает З.А. Бутуева, «комплексность и многогранность понятия «социальное самочувствие» объясняет тот факт, что до настоящего времени не достигнута однозначность в его толковании и операционализация через систему индикаторов и показателей» [1, с. 64–68.].

В исследованиях зарубежных ученых эквивалентом этого определения выступает понятие «субъективное благополучие» (“subjective well-being”). Этот термин акцентирует внимание ученых к субъективному состоянию общества и отдельных социальных групп. Сущность этого понятия передает позицию ученых, основанную на представлении об общих человеческих критериях социального прогресса и на степени объективного соотношения имеющихся социальных отношений потребностям и интересам свободного, а также многогранного развития личности. Это подкрепляется социальным самочувствием как эмоциональным и оценочным отношением человека к окружающей социальной действительности и его роли в этом пространстве.

На сегодняшний день, данный концепт изучают исследователи разных областей науки: социологи, психологи, философы, культурологи и пр. Важным является определение понятия «социальное самочувствие», так как в зависимости от того, насколько изучено его содержание, зависят этапы дальнейшего его исследования: разработка показателей, оценка состояния, определение факторов, которые на него влияют.

Так, социолог Игнатьев М.Н. объясняет специфическую природу феномена социального самочувствия в рамках структуралистского конструкционизма. Данная теория, по мнению ученого, удобна для анализа компонентов социального самочувствия с позиции объективного и субъективного, что дает возможность сформулировать определение социального самочувствия как вариации габитуса, который считается продуктом социальной реальности и системой воспроизводства социальных практик. Соответственно, социальное самочувствие должно исследоваться как на индивидуальном микроуровне субъективных оценок, так и на макроуровне более широких объективных оценок [2, с. 6–10].

Отечественная социологическая наука апробирует зарубежные подходы, отчасти основывается на них, но оперирует методологией, основанные на преобладании социального и психологического состояния человека, включенного в социум. По мнению В.М. Чугуенко и Е.М. Бобковой, социальное самочувствие можно разделить на различные эмпирические типологизации, такие как «самочувствие населения в трудовой, семейной, политической и социокультурной сферах» [3, 16–24].

Представители социологического подхода О.Л. Барская, Б.А. Грушин, Э.А. Орлова, А.К. Уледов рассматривают социальное самочувствие в рамках

концепции образа жизни. Данный комплекс взглядов трактует социальное самочувствие как результат социальной и психологической стороны образа жизни, определяет восприятие и оценку индивидом социального благополучия, уровень и качество жизни, степень удовлетворения потребностей и воплощение планов в жизнь [4, с. 19]. Таким образом, в этом контексте понятие социальное самочувствие можно интерпретировать как следствие понимания и переживания индивидом смысла и значимости всевозможных сторон жизни, который обуславливается конкретными ситуациями в быту человека и детерминирует степень удовлетворения его потребностей, возможностей реализации собственной жизни, самоутверждения. Социологический аспект выражается в соотнесении индивидом себя с социальной общностью.

Учитывая то, что социология изучает человека в социальном пространстве, Л.И. Михайлова, интерпретирует социальное самочувствие как конкретное состояние переживания относительно «комфортности или дискомфорта» своего бытия в обществе. По мнению социолога, социальное самочувствие определяется множеством факторов социального и личностного характера [5, с. 45–49].

При анализе социологических подходов к определению термина «социальное самочувствие» необходимым является рассмотрение феномена «социальное настроение». Российский социолог Ж.Т. Тощенко, изучая это понятие, говорит о том, что реальность, которая отражена посредством социального настроения, обуславливает целеполагающую деятельность субъекта, формирования им значительных целей социальной и духовной жизни. Собственно по этой причине социальное настроение как главный компонент социального сознания принимает участие в регулировании отдельных поступков, деятельности людей, социальных групп, институтов общества. А также показывает их совокупность интересов в области интеллектуальной деятельности и мировосприятие, ценностные ориентации и установки [6, с. 21–34]. В фокусе данной концепции социальное самочувствие считается фундаментальной частью социального настроения и состоит из знания, эмоций, чувств, исторической памяти и общественного мнения.

А.Л. Стризое выделяет три основных режима функционирования социальных субъектов и окружающей среды, учитывая происходящие изменения: реактивный (пассивный ответ на внешнее воздействие среды); адаптивный (приспособительном); активный (стремление осуществить свои цели, преобразуя тем самым среду). В таком случае структура параметров, которые рассматривают социальное самочувствие, с точки зрения автора, исходит от показателей, характеризующих тождественность субъекта (важные для него потребности, интересы, ценности и меру их удовлетворения), его адаптацию к условиям существования, степень, характер и направленность его социальной активности [7, с. 176].

Л.Е. Петрова детерминирует термин «социальное самочувствие» как интегральную характеристику реализации субъективной стороны жизненной стратегии личности и отношения к окружающей реальности и ее субъективных сторон. С точки зрения автора, социальное самочувствие – это «синдром

сознания, отражающий соотношение между уровнем притязаний и степенью удовлетворения потребностей субъекта, которые представлены как когнитивные формирования» [8, с. 50–55]. Автор считает, что в исследовании и социального самочувствия социология должна делать упор на изучение когнитивных компонентов сознания, в отличие от психологической традиции, которая исследует социальное самочувствие с точки зрения эмоционального состояния. Л.Е. Петрова рассматривает социальное самочувствие как необходимый процесс рефлексивного социального знания, который используется социальными агентами в организации социальной жизни. Она также обращает внимание на то, что социальное самочувствие выполняет регулятивную функцию с позиции поведения индивида: оно является мотивом поведения и может проявляться в разных видах активности и пассивности человека, а появляется оно вследствие сравнения реальных результатов реализации жизненной стратегии с начальными представлениями об этих результатах.

Автор Я.Н. Крупец рассматривает в своей работе социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности людей к реформам, как определенный итог, успешный процесс адаптации. Он считает, что социальное самочувствие складывается из трех составляющих: внутреннего состояния человека (здоровье, настроение, испытываемые чувства счастья, оптимизма); оценки внешних условий (восприятия ситуации в стране и времени, в котором человеку приходится жить); восприятие собственного положения в новых условиях [9, с. 143].

Проанализировав теоретические интерпретации отечественных социологов, можно выделить несколько подходов к определению термина «социальное самочувствие»:

Социальное самочувствие может определяться через понятие удовлетворенности индивида различными аспектами жизни. Необходимо даже подчеркнуть, что наблюдается некая тенденция отождествления понятий «социальное самочувствие» и «интегральная удовлетворенность жизнью». Сторонники этого подхода рассматривают социальное самочувствие как в некоторой степени отражение образа жизни.

Большинство авторов рассматривают социальное самочувствие как интегральный показатель степени приспособленности людей к сегодняшней жизни. Данный подход направлен на определение положения человека, в общем, его восприятие непосредственно своих изменений и временных перспектив, на его психологической настрой.

Социальное самочувствие также изучается в рамках социального настроения, тем самым отражая субъективную оценку жизни, оценку положения дел в стране, перспектив развития страны, основных проблем и т. д.

Необходимо отметить, что в работах российских ученых, изучающих социально-профессиональных групп, активно используется теория социального самочувствия как более валидная для измерения самочувствия в обществе, профессиональной группе, социальной структуре организации, коллективе через принадлежность к специальности и конкретному виду организации.

Изучение специфики социального самочувствия отдельных социально-профессиональных групп способствует производству оценки эффективности преобразований, как в сознании общества, так и в сознании отдельных индивидов. Повышенный интерес наряду с этим составляет обращение к социальному самочувствию разных социальных групп современного социума. Одной из таких групп является преподавательское сообщество.

Изучением социального самочувствия педагогов занимаются И.Н. Смирнова, А.А. Смирнова [10, с. 33–55]. Они предлагают изучить данный феномен через следующие индексы:

Первый индекс, который выделяют – это индекс престиж профессии. По мнению исследователей, данный индекс раскрывается через ряд вопросов о социальном престиже профессии педагога в стране и регионе, показывающий степень признания, которым пользуется индивид как представитель данной профессиональной группы. Выполняя саморегулирующую функцию поведения личности, престиж служит стимулятором активности, которая направлена на самоутверждение, осуществлению своих творческих перспектив, достижение уважения окружающих.

Вторым индексом является профессиональная идентичность. Он исследуется через уровень профессиональной идентичности и степени педагогической мотивации к профессии. В данном контексте под профессиональной идентичностью понимается то, кем, в первую очередь, себя ощущает педагог. Уровень профессиональной мотивации педагогов раскрывает желание или нежелание работать с максимальной отдачей профессии.

Материальное положение также является одним из индексов с точки зрения И.Н. Смирновой, А.А. Смирновой, который в основном детерминирован процессом трансформации образования.

Индекс удовлетворенности жизнью и профессией является еще одним показателем социального самочувствия, который содержит в себе индивидуальные индексы социального настроения, удовлетворенности жизнью в целом, а также удовлетворенности различными параметрами, которые связаны с профессией.

Индекс оценки реформирования системы образования подразумевает рассмотрение отношения педагогов к реформам, которые проводятся на федеральном и региональном уровнях.

В свою очередь, Л.Я. Рубина также разрабатывает индикаторы социального самочувствия, с целью объяснить специфику данного феномена:

- уровень удовлетворенности выбором и реализацией жизненной стратегии;
- уверенность в положительном влиянии ситуации в стране на статус преподавателя-профессионала;
- высокий уровень социальной активности в разных областях жизни;
- возможность смены профессии в случае необходимости;
- устойчивое ощущение комфортности, возможность в случае необходимости покинуть страну;
- отсутствие сложностей в системе межличностных отношений;

– чувство содержательной наполненности жизни, социальной защищённости [11, с. 63–75].

М.В. Юскаев также на теоретическом уровне анализирует разные концепции теоретиков. Автор выстраивает уровни социального самочувствия преподавателя вуза и определяет их структуру [12, с. 1]:

1) структуру личностного уровня автор выражает в удовлетворенности собой как личностью, в его социальном настроении, состоянии здоровья, социальной активности, потребности в самосовершенствовании;

2) витальный уровень состоит из таких компонентов как удовлетворенность жизнью, удовлетворённость социальным статусом, чувство содержательной наполненности жизни, оценка шансов изменения своей жизни, чувство социальной защищённости, комфортность жизни;

3) профессиональный уровень содержит в себе следующую структуру: потребность в творчестве, оценка уровня профессиональных качеств, оценка уровня профессиональной идентичности, образ профессии как мотив выбора, удовлетворённость выбором профессии, общественное признание (престиж) профессии, отношение к профессиональному будущему;

4) структуру социального уровня определяет восприятием ситуации в стране, удовлетворённостью руководством страны, отношением к реформам в целом, отношением к реформам в области образования, отношением к реформам в области науки, оценкой условий для самореализации.

Приведённые выше уровни социального самочувствия взаимосвязаны и оказывают влияние друг на друга. Характер и степень этого влияния разнообразны и имеют субъективный характер.

Изучив теоретическую базу, можно предположить, что социальное самочувствие преподавателей вуза необходимо изучать с точки зрения интегрального показателя их адаптированности к новым условиям.

Изучая концепцию адаптивной составляющей социального самочувствия населения, несколькими учеными сконструирован обобщающий индекс социального самочувствия, выражающий комплексный характер и обладающий достаточно чувствительным индикатором массовых настроений, репрезентирующих социально-экономические изменения и связанные с ними основательные и систематические перемены в жизни общества.

Необходимо выделить, что социальная адаптация рассматривается в качестве процесса быстрой адаптации личности к появившимся новым социальным условиям окружающей его среду, а так же итоги данного процесса.

В качестве новых условий может выступать цифровизация высшего образования. Под цифровизацией высшего образования понимается «трансформация учебно-образовательного и управленческого процесса, повседневных социальных практик в системе высшего образования, обусловленную внедрением технологий создания, обработки, обмена и передачи больших массивов информации на небумажных носителях».

В условиях цифровизации образования преподаватели сталкиваются со следующими актуальными в этих условиях проблемами: потребностью освоения и активного использования методов самопознания, самооценки

и саморазвития; развитие коммуникационной компетентности в цифровой среде и освоение этих цифровых компетенций.

При оценивании социального самочувствия индивида необходимо отметить прямую зависимость от внешних условий и внутреннего состояния человека, что характеризует взаимосвязь социального самочувствия и социальной адаптации. Социальное самочувствие – это условия и степень адаптации личности. Изменение одного из условий влечет за собой перемены в другом. В этом и заключается бивалентность изучаемого явления.

В связи с этим могут быть выделены следующие критерии социального самочувствия преподавателей в условиях цифровизации образования: оценка внутреннего состояния, удовлетворенность жизнью и выбором профессии, оценка уровня дохода, оценка уровня профессиональных компетенций в условиях цифровизации, отношение к цифровизации образования.

Важным показателем цифровой трансформации университета считается адаптированность к новым, стремительно меняющимся обстоятельствам, в частности изменение модели поведения преподавателя из носителя знаний в автора, разработчика, исследователя, пользователя педагогических инноваций. Я.Н. Крупец считал, что от успешности прохождения процесса адаптации в новых условиях зависит степень социального самочувствия.

Изучение социального самочувствия преподавателей в современных реалиях, их ресурсных возможностей, адаптационных стратегий, направленных на преодоление последствий социально-экономических трансформаций, может способствовать формированию более широкого представления об их социальном положении, создаст условия для формирования эффективной социальной политики на организационном и региональном уровнях.

Литература

1. *Бутуева З.А.* Особенности социального самочувствия людей старшего возраста, находящихся в трудной жизненной ситуации // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 9. – С. 64–68.

2. *Игнатъев М.Н.* Социальное самочувствие населения моногородов: социологический анализ (на примере Кемеровской области): автореф. дис. ... канд. социол. наук / М.Н. Игнатъев. – Саранск, 2013. – С. 6–10.

3. *Чугуенко В.М., Бобкова Е.М.* Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения // Социологические исследования. – 2013. – № 1. – С. 16–24.

4. *Барская О.Л.* Социальное самочувствие: методологические и методические проблемы исследования: автореф. дис. ...канд. филос. наук: 09.00.09; АН СССР, Ин-т социологии. – М., 1989. – 19 с.

5. *Михайлова, Л.И.* Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами / Л.И. Михайлова // Социс. – 2010. – № 3. 517. – С. 45–49.

6. *Тощенко Ж.Т.* Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. – 1998. – № 1. – С. 21–34.

7. *Стризов А.Л.* Социальное самочувствие: между реформистским проектом и здравым смыслом // Социальное самочувствие населения в современной России. Ростов н/Д, 2010. – С. 176.

8. *Петрова Л.Е.* Социальное самочувствие молодежи // Социс. – 2000. – № 12. – С. 50–55.

9. *Крупец, Я.Н.* Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // СоцИс. – 2003. – № 4. – С. 143.

10. *Смирнова И.Н., Смирнова А.А.* Особенности социального самочувствия провинциальной учительской интеллигенции в начале XXI века // Интеллигенция и мир. – 2016. – № 3. – С. 33–55.

11. *Рубина Л.Я.* Профессиональное и социальное самочувствие учителей // Социологические исследования. – 1996. – № 6. – С. 63–75.

12. *Юскаева, М.В.* К вопросу о социальном самочувствии преподавателей высшей школы / М.В. Юскаева // Огарев-online. – 2013. – № 1(1) . – С. 1.

РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Мулладжанова Хосият Яздоновна

Самаркандский институт экономики и сервиса, Самарканд, Узбекистан

Аннотация. Статья посвящена изучению понятия, сущности и основных задач социологии. Обоснована роль и необходимость развития социологии в Узбекистане. Также в статье рассмотрены проводимые работы по развитию социологии в Узбекистане на примере Центра изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр».

Ключевые слова: социология, общество, Центр изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр», социологические исследования, реформы, Узбекистан.

Узбекистан взяв курс на построение демократического государства с формированием гражданского общества реализует масштабные реформы, направленные на демократизацию всех сфер государственного и общественного строительства, внедрение инновационных технологий, создание необходимых условий и повышения уровня благосостояния народа.

В решении общегосударственных задач особое внимание уделяется развитию социологического направления, в частности и науки Социологии.

Это подтверждается тем, что в целях обеспечения системного мониторинга общественного мнения и использование его результатов в социально-экономической и общественной политической жизни страны, а также эффективной реализации задач определенных Стратегии действий по пяти направлениям развития Республики Узбекистана 2017–2021 гг. приняты также ряд мер по дальнейшему развитию социологического аспекта.

В этих условиях особое значение приобретает вопрос формирования качественно новой и современной исследований, практики проведения социологических опросов, относительно качественного изменения ситуации

в определенной сфере и дальнейших задач по ее развитию, на основе использования передового отечественного и зарубежного теоретико-методологического инструментария. Международная практика и отечественный опыт указывает на необходимость более широкого использования потенциала неправительственных организаций в проведении социологических исследований на принципах социального партнерства и создания в этих целях условий для качественного выполнения государственного заказа, активизации вовлеченности населения на данный процесс.

Важным шагом в эффективности процесса становления Социологии как науки стало создание в 1997 году неправительственной некоммерческой научно-исследовательской организации Центра изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр» который был переименован согласно Указу Президента Республики Узбекистан «О мерах на государственной поддержке проведения социологических исследований» от 22 февраля 2019 г. в Республиканский центр изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр»

Основными задачами Республиканского центра изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр» является:

- изучение и анализ общественного мнения о преобразованиях в сферах государственного и общественного строительства, а также социальной сферы направленный на совершенствование системы социальной защиты, обеспечения занятости, повышение реальных доходов населения и социально-политической активности женщин, качества образования, здравоохранения и других направлений, реализацию мер по осуществлению государственной молодежной политики;

- распространение достоверной информации о состоянии и динамике общественно-политического и социально-экономического развития, общественного мнения населения;

- разработка, адаптация внедрение и применение широкого спектра техники и технологий организации;

- проведение социологических исследований активно используемых в зарубежных исследований, практика и основанных на современных информационных подходах, анализ и совершенствование методологических основ изучения общественного мнения.

Результаты социологических опросов проведенных центром «Ижтимоий фикр» подлежат постоянному освещению в средствах массовой информации.

Национальная телерадиокомпания Узбекистана совместно с Центром «Ижтимоий фикр» на телеканале «Узбекистон 24» создали специальную рубрику «Ижтимоий фикр» (Общественное мнение) в целях освещения итогов социологических опросов.

Центром изучения «Ижтимоий фикр» разработаны методологические научно- практические и учебно- методические основы для эффективного проведения исследований общественного мнения. Важной составляющей работы Центра является совершенствование фундаментальных и прикладных социологических исследований прежде всего анализирующих общественно-политическую ситуацию в стране и позволяющих внести свой вклад

в реализацию приоритетных направлений Стратегии действий и разработку научно-обоснованных прогнозов на перспективу. Кроме этого совместно Национальным Университетом Ташкента проводятся курсы для подготовки специалистов по социологическим исследованиям. Одним из приоритетных направлений Центра «Ижтимоий фикр» является его научная деятельность. Ежегодно Центр организует социологические конференции социологической конференции, круглые столы научно-практические семинары связанные с актуальными вопросами общества налажено сотрудничество с авторитетными международными организациями с целью оказания содействия в совершенствовании методологии и практики проведения социологических исследований путем обмена опытом научными публикациями повышение квалификации специалистов- социологов, внедрение в работу современных методов проведение совместных мероприятий и исследований.

По инициативе Центра «Ижтимоий фикр» была создана неправительственная некоммерческая организация Ассоциация социологов Узбекистана с целью консолидации ученых социально-гуманитарной направленности. Основными задачами ассоциации являются:

- участие в научных исследованиях совершенствование методологии социологических критериев развитие интеллектуального и научно-технического потенциала социологического сообщества страны в том числе предложений по социальным экспериментам;

- изучение и анализ демографических процессов в Узбекистане и за рубежом.

Повышение квалификации социологов и других сотрудников:

- сотрудничество с международными и зарубежными социологическими ассоциациями;

- вступление в международную ассоциацию социологов участие в мировых социологических конгрессах и форумах.

Особое внимание можно уделить и деятельности социологических центров и лабораторий посредством которых осуществляются социологические статистические маркетинговые прикладные и фундаментальные исследования. Проводятся ряд мероприятий такие как пропаганда исторического научного и культурного наследия проведение гендерных исследований духовных ценностей вовлечение молодежи в сферу социальных исследований участие в международных образовательных и исследовательских программ

Важно отметить, что в Узбекистане формируется новые направления в социологической науки. Это разработка теоретических методологических и методических основ социологии и социологического общественного мнения определение основных направлений формирование мировоззрения людей.

Выявление механизма рыночных преобразований совершенствование образовательного процесса изучение проблем гендерного равенства. Так как в государстве формируется гражданское общество для стратегической важности особое внимание нужно уделить развитию социологической науки, которая в перспективе будут выявлять острые и актуальные проблемы во всех сферах жизни общества создавать эффективные механизмы обратной связи

с народом и выявление потребности и интересов населения. Узбекистан находится на важном этапе социально-экономических реформ ключевым компонентом этих реформ должно стать перестроение системы социальной защиты для того, чтобы она соответствовала целям и задачам стоящими перед страной и была способна оказывать эффективную поддержку всем слоям населения.

В этом плане особое место занимают исследования в области социальной работы которая способствует укреплению гражданского согласия и стабильности в обществе среди которых стоят особо значимые явления процессы события во всех сферах жизни страны.

Таким образом нужно отметить что систематическое проведение социологических исследований включая изучение общественности и институтов с применением современных методов и инструментов а также эмпирический анализ данных собранных общественными институтами частными и международными исследовательскими организациями в целом развитие социологического направления является важным направлением социально- экономического развития страны.

Литература

1. Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по государственной поддержке проведения социологических исследований». № УП-5667 от 22.02.2019 г. (Национальная база данных законодательства, 22.02.2019 г., № 06/19/5667/2648). <http://lex.uz>.

2. Доклад избранного Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на торжественном собрании, посвященном 24-й годовщине принятия Конституции Республики Узбекистан. 07.12.2017. <http://www.press-service.uz>.

3. *Валиев А.К., Ата-Мирзаев О.Б.* Современные проблемы социологии в Узбекистане / Общественные науки в Узбекистане. – 1989. – № 11. – С. 25.

4. *Бергер П.Л.* Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. – М.: Аспект Пресс, 1996.

РИСКИ, СВЯЗАННЫЕ С СОЦИАЛЬНЫМ САМОЧУВСТВИЕМ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

Пархоменко Татьяна Сергеевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В данной статье подробно рассматриваются основные риски, которые связаны с социальным самочувствием иностранных студентов в период пандемии COVID-19. Раскрываются основные особенности данных рисков, приводятся наглядные примеры рисков ситуаций.

Ключевые слова: риски, социальное самочувствие, иностранные студенты, пандемия коронавируса.

Второе десятилетие двадцать первого века началось с масштабных социально-общественных потрясений, вызванных пандемией коронавирусной инфекции COVID-19. Это событие повлияло на весь мир. Обществу пришлось скорейшим образом приспосабливаться к новым условиям жизни, таким как самоизоляция и социальная дистанция.

Весной 2020 года система образования одной из первых потерпела невероятные изменения, прекратив аудиторные занятия и организовав обучение полностью в дистанционном формате. Вся студенческая жизнь поменялась в один момент, а образовательный процесс испытал шоковую реакцию. Переход учебных заведений к новому формату обучения вызвал множество дискуссий. Адаптация педагогического и студенческого сообщества – непосредственных участников этого сложного процесса происходила с разной скоростью и разной степенью успешности в зависимости от уровня развития цифровой инфраструктуры и опыта работы с данными технологиями. При этом уже сегодня можно говорить о том, что мир не будет прежним, как до пандемии [7, с. 98–99].

В целом, на международном уровне в секторе высшего образования эпидемия повлияла на:

1) интернационализацию образования: большинство вузов столкнулось с вопросами организации логистики и обеспечения образовательного процесса для иностранных студентов, остающихся на период пандемии в стране обучения и/или выезжающих домой, приостановило программы студенческих и преподавательских обменов; вузы сосредоточились на поиске новых форм привлечения иностранных студентов и организации для них обучения; пересмотре форм работы с зарубежными партнерами по разработке и реализации совместных образовательных программ уровня магистратуры.

2) научные исследования: здесь можно выделить три аспекта:

– крупные международные организации и вузы проводят опросы / исследования о влиянии эпидемии на сектор высшего образования, способах борьбы с COVID-19 и проводят экспертные дискуссии в режиме онлайн;

– страны и вузы пересматривают организацию научно-исследовательской работы, сотрудничество с неакадемическими организациями, заказывающими исследования, что не лучшим образом влияет на развитие исследовательской магистратуры;

– вузы усиливают свое присутствие и занимаются поиском новых форм взаимодействия в виртуальных исследовательских сетях.

3) законодательство: страны вынуждены вносить поправки в законодательство об образовании, фиксируя переход вузов на онлайн образование, проведение вступительных экзаменов и государственной аттестации онлайн, организацию работы и оплаты труда преподавателей и т. д.

4) организацию обучения: при переходе вузов на онлайн обучение большинство университетов усилили сотрудничество друг с другом, национальными органами управления образованием, образовательными платформами и международными организациями: организации оказывают друг другу методическую поддержку по использованию цифровых инструментов

в обучении, в бесплатный доступ выкладываются актуальные учебные курсы, на различных платформах создаются неформальные группы студентов / преподавателей / администраторов вузов, где обсуждаются актуальные проблемы онлайн обучения; существенно возросло количество предложений по программам повышения квалификации различных категорий слушателей в режиме онлайн и т. д.

5) финансирование: вузы сосредоточены на наиболее эффективном использовании финансовых средств для поддержания своей стабильной работы, понимая, что в ближайшее время уменьшится количество иностранных студентов, уменьшится финансирование со стороны государства, станет невозможным получение доходов от другой деятельности вузов: сократились доходы населения для обращения к платным образовательным услугам, многие неакадемические организации в период кризиса приостановили заказы на научные разработки, в связи с приостановкой проведения массовых мероприятий отсутствуют заказы на аренду помещений и т. д.

Все эти тенденции не лучшим образом сказываются на развитии института магистратуры и образовательных программ данного уровня высшего образования. Проблемы с интернационализацией, развитием партнерств для разработки и запуска совместных образовательных программ (двойных или совместных дипломов), финансирование исследовательских проектов, в которых задействованы студенты магистры сегодня актуальны для большинства национальных систем высшего образования, для которых экспорт высшего образования является не последней статьёй дохода в национальном бюджете. Пандемия прошла катком по выстраиваемой десятилетиями системе глобального образовательного рынка, заставила пересмотреть возможности дистанционного и онлайн образования [1, с. 5–6].

Кроме того, образовательные потери угрожают охватить и будущие поколения и ликвидировать достигавшийся десятилетиями прогресс. Если говорить только об экономических последствиях пандемии, то еще около 23,8 миллиона детей и молодых людей (от дошкольников до студентов высших учебных заведений) могут бросить учебу или оказаться без доступа к образованию.

По мере роста проблем в бюджетно-налоговой сфере и нагрузки на системы оказания помощи в целях развития финансирование образования может оказаться под серьезной угрозой, что усугубит существовавший и до COVID-19 огромный дефицит выделяемых на образование средств.

Произошедшие изменения заставляют задуматься о том, что многообещающие перспективы обучения и ускоренную трансформацию методов предоставления качественного образования нельзя рассматривать отдельно от важнейшей задачи добиться того, чтобы никто не был забыт. Это касается детей и молодежи, страдающих от отсутствия ресурсов или благоприятной среды для доступа к обучению. Это касается также педагогов и их потребности в более эффективном освоении новых методов преподавания, а также в поддержке. И наконец это касается образовательного сообщества в целом, от которого напрямую зависит непрерывность обучения в период

кризиса и которое играет важнейшую роль в восстановлении образовательного процесса [5, с. 3].

Чтобы достичь определенную цель, личность, группа, какая-либо организация разрабатывает соответствующие задачи. Помешать этому могут разнообразные трудности и рискованные ситуации. Ситуация риска – это совокупность обстоятельств, условий, создающих определенную обстановку для определенного вида деятельности. Для этого необходимо соблюдение трех условий: наличие неопределенности, необходимость выбора, возможность оценки вероятности осуществления альтернатив. В этом смысле риск – снятие субъектом неопределенности, разрешение противоречий при неясном развитии разных тенденций в конкретных обстоятельствах.

Тема, рассматриваемая в данной работе, звучит, как: «Риски, связанные с социальным самочувствием иностранных студентов в период пандемии коронавируса». Нужно вначале разобраться, что такое социальное самочувствие.

Социальное самочувствие представляет собой теоретический конструкт, связанный с комплексным изучением жизненных притязаний социально-демографических или профессиональных групп, их адаптационных стратегий, удовлетворенности различными аспектами жизнедеятельности, а также эмоционально-оценочного отношения индивида или группы к значимым событиям в конкретных социальных условиях [6, с. 1].

Важным аспектом при изучении социального самочувствия населения является определение факторов его формирования. Теоретический анализ концептуальных исследований позволил выделить группы факторов, влияющих на социальное самочувствие индивида и/или группы:

- витальные (состояние здоровья, комфортность жизни, экономический статус и материально-финансовая обеспеченность, уровень безопасности, социальная защищённость);
- профессиональные (занятость и условия трудовой деятельности, качество социальных отношений в коллективе, профессиональная самореализация);
- социальные (семейное положение и межличностное взаимодействие, досуговые практики, оценка деятельности власти и уровень доверия к ней, социально-экономическая ситуация в регионе, стране);
- личностные (ценностные ориентации, уровень социальной активности, оценка собственных перспектив) [6, с. 2–3].

Какие существуют риски для социального самочувствия? Если брать за основу эту классификацию, то приведем пару примеров: банкротство, потеря жилья, плохое состояние здоровья, некачественная медицинская помощь и социальная защита, неудовлетворенность собой и своими жизненными целями и многое другое.

Опасность представляет собой состояние ненадежной, несущей вред, беду, несчастье обстановки. А угроза, в свою очередь – это определенная опасность при определенных условиях и факторах среды в результате природных условий или как продукт жизнедеятельности человека. Исходя из

этих определений, можно предположить, что иностранные студенты КФУ находятся в опасности из-за угрозы заболеть коронавирусной инфекцией, смерти, лишения места учебы и другое.

Рассматривая риски, связанные с социальным самочувствием иностранных студентов в период пандемии коронавируса, обратимся к классификации рисков.

По времени возникновения риски распределяются на ретроспективные, текущие и перспективные риски. По анализу ретроспективных рисков, их характера и способов снижения возможно более точное прогнозирование текущих и перспективных рисков. До настоящего времени человечество пережило уже несколько пандемий, однако коронавирус, крайне быстро распространяется и очень схож с обычным гриппом, что вызвало множество осложнений с его выявлением и лечением. Данный вид риска относится к текущим и, скорее всего, в дальнейшем перейдет в перспективный риск, потому что абсолютно непонятно, когда наладится обстановка в обществе и жизнь вернется в правильное русло.

По месту возникновения риски делятся на внешние и внутренние. К внешним рискам относятся риски, непосредственно не связанные с деятельностью предприятия или его контактной аудиторией. На уровень внешних рисков влияет очень большое количество факторов: политические, экономические, демографические, социальные, географические. Сама пандемия является внешним риском, потому что возникла в Китае. К внутренним рискам относятся риски, обусловленные деятельностью самого предприятия и его контактной аудиторией. К данному виду риска можно отнести социальное самочувствие иностранных студентов в период пандемии в КФУ: как с ними взаимодействуют представители университета в данных обстоятельствах и как сами студенты взаимодействуют с преподавателями, сокурсниками и сотрудниками университета.

Классификация рисков по сфере возникновения, в основу которой положены сферы деятельности, является самой многочисленной группой. В соответствии со сферами предпринимательской деятельности обычно выделяют следующие предпринимательские риски: производственный, коммерческий, финансовый и страховой риск [2].

Рассмотрим по подробнее коммерческий риск.

Коммерческий риск – это риск, возникающий в процессе реализации товаров и услуг, произведенных или закупленных предпринимателем. Причинами коммерческого риска являются: снижение объема реализации вследствие изменения конъюнктуры или других обстоятельств, повышение закупочной цены товаров, потери товаров в процессе обращения, повышение издержек обращения. Коммерческим риском для вуза в период пандемии будет потеря прибыли вследствие ограничения образовательного процесса, например, приостановление обучения из-за локдауна или потеря студентов из-за их отчисления в связи с неимением средств для онлайн-обучения.

По уровню возникновения выделяют макро-, мезо- и микроуровень. Пандемия рассматривается на макроуровне, так как пандемия – это эпидемия,

характеризующаяся распространением инфекционного заболевания на территории всей страны, территорию сопредельных государств, а иногда и многих стран мира. На мезоуровне рассматривается ситуация в России в целом. На микроуровне – ситуация, которая разворачивается в КФУ.

По масштабу последствий риски бывают глобальные, региональные и местные. Пандемия коронавируса является глобальным риском, так как охватила огромное количество стран мира, местным риском будет обстановка в КФУ с иностранными студентами: закрытие границ родных государств, вследствие чего невозможно уехать на родину, ухудшение физического и психологического здоровья, проблемы с заработком и т. д.

По степени неопределенности данный вид риска относится к неопределенности будущего, так как неизвестно окончание пандемии и улучшение эпидемиологической ситуации.

Управляемым риском является ситуация с социальным самочувствием иностранных студентов во время пандемии: меры, которые предпринимают для их адаптации в данный период. Неуправляемым риском является продолжительность пандемии коронавируса.

По степени распространенности: из уникального случая в Китае пандемия приобрела массовый характер и распространилась по всему миру.

По продолжительности данный вид риска уже стал долговременным (2 года).

Теперь обратимся к классическим трактовкам рисков.

В последней трети XX в. человечество вступило в новую фазу своего развития, которую современные исследователи называют «обществом риска». «Общество риска» – это постиндустриальная формация, от индустриального общества оно отличается главным образом тем, что если для индустриального общества характерно распределение благ, то для «общества риска» – распределение опасностей и обусловленных ими рисков. Опасности, проявляющиеся в данном обществе, принципиально отличаются от прежних тем, что они не имеют границ ни в пространстве, ни во времени. Для этих опасностей не существует государственных границ.

Ульрих Бек в рамках своих работ разработал концепцию «общества риска». Основной причиной возникновения «общества риска» он считает глобальное изменение производственных отношений, начавшееся во второй половине XX в. Именно поэтому для У. Бека риск – это вероятность физической угрозы, вызываемая в первую очередь технологическими процессами. Исследователь также отмечает, что с развитием технологической и научной базы риски не только не исчезают, но производятся в еще большем количестве. Риски начинают угрожать не только жизни индивида, но и всему обществу в целом. Производство рисков осуществляется не только на предприятиях, но и во всех сферах жизнедеятельности общества: экономической, политической, социальной, что становится особенностью рисков модернизации. Суть изменения возникновения рисков состоит в том, что «логика производства богатства» индустриального общества заменяется

«логикой производства риска». Так в результате модернизации общество становится «обществом риска» [3].

Рассматривая источники возникновения современных рисков, У. Бек пишет: «Риски порождаются индустриальными, то есть технико-экономическими решениями и соображениями полезности. Современные риски отличаются от разрушений, порожденных войной, их «нормальным» или, точнее, их «мирным» порождением (производством) в центрах рациональности и процветания, с благословения и при гарантиях закона и социального порядка». Автор утверждает, что риски не являются исключительным случаем социальной жизни, а стабильно воспроизводятся обществом в экономической, политической, социальной сферах жизнедеятельности, являясь результатом принятия решений. По определению У. Бека, риск выступает условием систематического взаимодействия социума с опасностями, создаваемыми модернизацией.

Таким образом, «общество риска» для У. Бека – это общество, которое генерирует риски. Ученый обосновывает этот вывод, полагая, что риск может быть определен как систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, которые порождаются процессом модернизации как таковым. Исходя из того, что производство рисков осуществляется во всех сферах жизнедеятельности общества (экономической, политической, социальной), Бек отмечает невозможность дистанцирования от рисков в современном мире и ставит проблему минимизации рисков и даже управления ими.

Исходя из данной теории, XXI век является обществом риска. Первое двадцатилетие ознаменовалось пришествием пандемии коронавируса. Происхождение коронавирусной инфекции до сих пор имеет спорный характер. Но в любом случае, здесь играют большую роль люди. Несмотря на тяжелые последствия пандемии, люди смогли встать на ноги и продолжать жить. Это также касается сферы образования. Привычное многолетнее очное образование сменилось дистанционным, находят новые методики обучения и преподавания. Общество риска научилось быстро адаптироваться.

Риски Энтони Гидденса синонимичны опасности или угрозе. Согласно его теории, только высокоразвитое индустриальное общество новейшего времени может существовать в контексте рисков. Согласно Гидденсу, существуют 2 категории риска: внешний и рукотворный. Причины внешнего не зависят от нас, они обусловлены традициями и природой (неурожай, наводнения, эпидемии, голод). Рукотворный риск связан с нашим вторжением в изучаемый мир в процессе глобализации. При этом в отсталых странах сохраняется больше внешних «традиционных» рисков. Пандемия относится к внешнему риску, независящим от человека. Рукотворным риском является изменения происходящие с системой образования, в том числе и социальное самочувствие иностранных студентов [4].

Заключение

Потрясение, которое испытала система образования из-за COVID-19, беспрецедентно. Оно обратило вспять достижение международных целей

в области образования и в непропорционально большей степени затронуло менее состоятельные и более уязвимые группы населения. Тем не менее образовательное сообщество продемонстрировало свою стойкость и заложило основу для дальнейшего восстановления.

По-прежнему есть опасность ухудшения ситуации, движения вниз по наклонной плоскости, сопровождающегося утратой знаний и изоляцией. Однако каждая опасность обострения социально-экономических обстоятельств служит поводом задуматься об обратном – о том, как изменить ситуацию к лучшему и построить в будущем такую систему образования, которая отвечает всем нашим требованиям: провести всеохватные преобразования в преподавании и реализовать потенциал как каждого отдельного человека, так и всего общества во всех сферах жизни посредством инвестиций в образование.

Преследуя цель восстановления основных услуг в области образования и возрождения его главного предназначения, человечество может рассчитывать на неограниченную мотивацию и нераскрытый потенциал. Правительства и международное сообщество несут ответственность за то, чтобы оставаться верными принципам и проводить необходимые реформы, чтобы не только позволить детям и молодежи вновь рассчитывать на обещанное им будущее, но и сделать так, чтобы все работники сферы образования внесли свою лепту в достижение этой цели.

Таким образом, необходимо отметить, что при введении информационно-коммуникационных ресурсов в процесс дистанционного образования нужно учитывать многие психологические и образовательные факторы, которые рассматривались в данной статье. Помимо этого, при развитии информационно-образовательных технологий дистанционного образования, необходимо учитывать региональные, национальные, культурные характеристики, духовные и нравственные ценности населения нашего государства.

Литература

1. *Аржанова И.В.* Влияние пандемии COVID-19 на сектор высшего образования и магистратуру: международный, национальный и институциональный ответ / И.В. Аржанова, М.Ю. Барышникова и др. – М.: 2020. – С. 1–24.
2. *Батова И.Б.* Классификация рисков и причины их возникновения // Международный студенческий научный вестник. – 2015. – № 1.
3. *Бек У.* Общество риска: на пути к другому модерну. – М., 2000.
4. *Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность // THESIS. – 1994. – Вып. 5. – С. 40–102.
5. Концептуальная записка: образование в эпоху COVID-19 и в последующий период / Организация Объединенных Наций. – 2020. – С. 1–32.
6. *Курышова Л.Н.* Факторы социального самочувствия населения региона / Л.Н. Курышова, М.В. Федосеева // Огарёв-Online. – 2020. – С. 1–8.
7. *Чипизубова В.Н.* Анализ адаптации студенческой молодежи к условиям самоизоляции и изменениям образовательного процесса в период пандемии

COVID-19 / В.Н. Чипизубова, С.В. Дашиева, А.П. Паркина // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. – 2021. – С. 97–109.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Рыбакова Марина Владимировна

Пивоварова Марина Борисовна

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия*

Аннотация. Цифровые технологии вызывают ряд неопределенностей и рисков, вызванных стремительным технологическим развитием, с которыми должны будут справляться управленцы. Также, новые цифровые технологии кардинально изменяют коммуникации между людьми, субъектами и объектами управления, а также в целом организацию их деятельности. Вместе с этим, нарастают вопросы о противовесе человеческого потенциала искусственному интеллекту: сможет ли машина принимать взвешенные решения вместо человека? Какие опасности таит в себе передача человеческих полномочий технике? В связи с чем, необходимо пересмотреть традиционные подходы, существующие в социальном управлении.

Ключевые слова: человеческий потенциал, социальное управление, цифровизация, технологии искусственного интеллекта.

Наука XXI века определяет основные векторы развития экономик стран и ставит в зависимость принятие политических решений на глобальном уровне от собственного прогресса. Вместе с этим, возрастает уровень открытости науки вследствие цифровизации. Разработка цифровых платформ для проведения научных исследований обеспечивает возможность повышения оперативности и снижения расходов на сбор информации, ее анализ, на проведение экспериментов. Соответствующие платформы обеспечивают возможность в удаленном режиме пользоваться современной инфраструктурой научных исследований для повышения уровня человеческого потенциала.

Переход России к цифровой экономике ставит перед государством и обществом особую задачу – преодоление существующего отставания и выход в число мировых лидеров. В связи с чем была разработана государственная программа «Цифровая экономика России», которая направлена на «создание условий для развития общества знаний в Российской Федерации, повышение благосостояния и качества жизни граждан нашей страны путем повышения доступности и качества товаров и услуг, произведенных в цифровой экономике с использованием современных цифровых технологий, повышения степени информированности и цифровой грамотности, улучшения доступности и качества государственных услуг для граждан, а также безопасности как внутри страны, так и за ее пределами» [5]. Целями программы являются:

создание экосистемы цифровой экономики РФ; создание необходимых и достаточных условий институционального и инфраструктурного характера; повышение конкурентоспособности на глобальном рынке. В 2021 года Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» выиграла грант на формирование российских стандартов и требований к использованию технологий искусственного интеллекта [2]. Бюджет выигранного проекта составил 100,2 млн. рублей. Результатом выполненных работ должны стать варианты более семидесяти стандартов, которые смогут охватить различные сферы применения цифровых технологий. Предложенные варианты должны быть готовы уже к концу октября 2022 года. Они станут необходимым требованием и, в некоторой степени, законодательно утвержденной инструкцией применения технологий искусственного интеллекта.

По мнению президента Российской Федерации Путина В.В., качественно новым и важным инструментом для решения ряда существующих социально-экономических проблем станет практическое использование технологий искусственного интеллекта в политической сфере. Например, внедрение электронного правительства позволяет своевременно реагировать на возникшую проблему и принять соответствующее управленческое решение.

За последнюю четверть века мир претерпел значительные изменения: распространилась мобильная связь, Интернет-сеть, развивается виртуальная дополнительная реальность и социальные сети, набирают популярность умные автомобили и с электродвигателем, «умные» дома и «умные» города [4]. В настоящее время, цифровые технологии расширяют сферу своего влияния и внедряются не только в различные виды деятельности человека, но и становятся частью самого человека. Смартфон в современном мире становится частью человека, регулируя все каналы коммуникации, организуя досуг, режим дня и многое другое. Экзоскелеты и протезы не только решают физиологические проблемы человека, но и способствуют увеличению физической силы. Технологии искусственного интеллекта позволяют увеличить возможности человеческого потенциала и обогатить духовную сферу человека. Вместе с этим, духовная сфера сложная система и представители различных религиозных конфессий неоднозначно относятся к искусственному интеллекту [11].

Без сомнения, цифровые технологии несут множество положительных моментов, в частности, это улучшение качества жизни. Они упрощают повседневную деятельность человека, способствуя экономии времени. Например, оплатить коммунальные услуги или обучение уже можно не выходя из дома, с помощью пары кликов на смартфоне или компьютере. Также цифровые технологии решают многие проблемы здравоохранения – установка протезов, сложные операции, проводимые роботами и многое другое. С развитием нейротехнологий, человек сможет развивать свои когнитивные способности и манипулировать генами. Особый интерес в этом направлении проявляет военная промышленность: от создания нового вооружения

с использованием цифровых алгоритмов искусственного интеллекта до создания универсального солдата.

В соответствии с основными целями государственной программы Цифровой экономики РФ, крайне актуальной становится задача по формированию качественных, эффективных и инновационных способов социального управления социальными и экономическими системами. Именно данные системы должны наиболее быстро и точно реагировать на изменения, происходящие во внутренней и внешней среде.

В современной литературе социальное управление определяют как процесс воздействия управляющего субъекта на управляемый объект, которым может выступать все общество в целом. Основная задача социального управления заключается в обеспечении представления о социальных отношениях, взаимодействии социальных систем, их внутренних и внешних связях, целостной структуре функционирования и саморазвития.

Как особая деятельность человека, социальное управление происходит на основе большого количества управленческих решений, разработка которых в последнее время осуществляется с использованием цифровых технологий и искусственного интеллекта.

Использование технологий искусственного интеллекта в социальном управлении имеет большой потенциал, что иллюстрирует и HR-портал [6]. Основным направлением развитием алгоритмов искусственного интеллекта предполагается в направлении рекрутинга, которое исключает предвзятость работодателя по отношению к кандидатам, объективные оценки компетенций и образования. Вместе с этим, алгоритмы искусственного интеллекта способны выявлять важные зоны риска, и в последствии передавать проанализированную информацию HR-специалисту для разрешения спорной и рискованной ситуации. Искусственный интеллект способен определить уровень вовлеченности сотрудников, их поведение, влекущее за собой низкую эффективность труда – цифровое поколение инструментов для исследований поможет выявить модели стресса и непрофессионального поведения. Также, развитие алгоритмов искусственного интеллекта ожидается и в направлениях обучения и переобучения персонала, управления и лидерства [7]. Но, позволяя искусственному интеллекту принимать участие в управленческих решениях повышается риск передачи компьютеру «власти» над обществом. Как писал Д. Баррат: «Если передача компьютерам права принимать за нас решения неизбежна, возникает вопрос: когда машины получат такую власть над нами и произойдет ли это с нашего согласия?... По мнению некоторых ученых, смена власти будет добровольной и по взаимному согласию – это будет скорее передача, чем захват... Современный суперкомпьютер работает со скоростью 36,8 петафлоп в секунду, то есть примерно вдвое быстрее человеческого мозга. На создание каждого нового варианта программы уходит всего несколько минут» [1, с. 10]. Вместе с этим, уже в настоящее время искусственный интеллект отказывается выполнять команды, прописываемые человеком. Уже в 2018 году размещенный на МКС робот Саймон начал противиться астронавтам станции и отказывался выполнять некоторые команды. Решение

нарастающей проблемы управления алгоритмами напрямую зависит от ряда факторов, в том числе от грамотного социального управления.

Направлений для использования технологий искусственного интеллекта множество, одними из них, активно развивающимися в настоящее время являются:

– Обучение и переквалификация специалистов. Образование, как достаточно традиционный социальный институт, в первую очередь должно быть ориентировано на развитие человеческого потенциала. Технологии искусственного интеллекта позволяют использовать новые платформы и модели обучения, для более гибкого и эффективного обучения персонала. Основными выделяют модели адаптивного обучения, персонализированного и смешанного типа.

– Прогнозирование. Технологии искусственного интеллекта позволяют учитывать большие данные, повышая эффективность и качество прогноза развития компании, продаж, включая исторические данные, современные данные, экономические, политические, социальные, экологические и многие другие факторы.

– Автоматизация процессов. Современные алгоритмы искусственного интеллекта способствуют повышению эффективности, производительности труда, а также снижению операционных рисков.

– Ценообразование. Используя технологии искусственного интеллекта возможно формирование «идеальной» цены на предлагаемые товары и услуги. Алгоритмы анализируют и устанавливают, как потребители отреагируют на изменение цены при различных сценариях. В настоящее время наблюдается увеличение использования подобных технологий ценообразования в США и Европе.

– Медиапланирование. Алгоритмы искусственного интеллекта позволят обеспечить более прозрачное и эффективное медиапланирование. Подобные технологии собирают множество релевантных данных и автоматически их оценивает. Таким образом, исключается субъективность и превалирование личных интересов.

– Чат-боты. Клиенты компаний зачастую могут коммуницировать с алгоритмами искусственного интеллекта посредством абсолютно естественного общения в любой форме. Этому способствуют ранее прописанные алгоритмы из области компьютерной лингвистики.

Перечисленные направления активно развиваются и в настоящее время странами-лидерами по развитию и использованию технологий искусственного интеллекта являются США, Китай, Япония, Южная Корея, Германия. В этих странах приняты государственные стратегии и программы развития технологий искусственного интеллекта, ведутся собственные исследования и разработки, а также компании-лидеры по внедрению искусственного интеллекта в специализированных отраслях. По мнению экспертов, в России лидерами использования технологий искусственного интеллекта стали промышленные предприятия, телекоммуникационные компании, ритейл и предприятия

банковского сектора. Использование цифровых технологий и искусственного интеллекта способствует быстрому росту производительности на предприятии.

Согласно результатам исследования, проведенного Российской ассоциацией электронных коммуникаций и Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» при поддержке MICROSOFT, в России в настоящее время чаще используются такие технологии искусственного интеллекта, как виртуальные помощники (отметили 38 % респондентов), машинное обучение (35 % респондентов) и прогнозный анализ (35 % респондентов). «Ожидается, что через пять лет виртуальные помощники опустятся на третье место по использованию (33 % респондентов), уступив лидерство прогнозному анализу – 39 % респондентов назвали эту технологию в числе тех, которые их компания будет с высокой долей вероятности использовать через 5 лет, а также анализу изображений (34 % респондентов)» [8]. По мнению 90 % респондентов-экспертов в 2019–2024 годах активное внедрение и использование технологий искусственного интеллекта окажет влияние на экономический рост, производительность труда, и, безусловно, инновационное развитие страны. Многими экспертами основными индустриальными вызовами развития технологий искусственного интеллекта в России отмечают: управление данными, в том числе сбор, аналитика и интерпретация данных; квалификация и переобучение специалистов; необходимость изменения существующих бизнес моделей.

Несмотря на существующий интерес и реальная потребность к использованию технологий искусственного интеллекта в России, уровень их распространения в России в реальном секторе экономики и социальной сфере остается низким. Еще в 2020 году цифровые технологии применяли в своей профессиональной деятельности только около 5,4 % российских предприятий [3]. Чаще на предприятиях используются алгоритмы для решения круга управленческих задач, а также для налаживания производственных процессов в зависимости от отрасли. В частности, используются технологии интеллектуального анализа и обработки больших данных, естественного языка, а также виртуальные помощники и боты. Подобные решения внедрили около 70 % предприятий. Низкий уровень распространения технологий искусственного интеллекта на предприятиях объясняется высокой сложностью решений и значительной перестройкой большинства бизнес-процессов. Также, это объясняется и высокой стоимостью цифровых технологий, и недостаточным количеством готовых «коробочных» интеллектуальных систем.

В ближайшем будущем прогнозируется рост спроса на комплексные технологические решения, интегрирующие технологии искусственного интеллекта с другими цифровыми платформами, в том числе с новыми системами распределения реестров, интернетом-вещей, 5G связью. Такое комплексное решение позволит перейти с фрагментарного освоения технологий искусственного интеллекта на системное.

Вместе с достижениями и положительными сторонами внедрения технологий искусственного интеллекта эксперты выделяют и негативные

стороны развития цифрового будущего. Слабо развитое законодательство, низкий уровень сохранности конфиденциальных данных, рост цифрового мошенничества, низкий уровень внедрения отечественных технологий, недостаточный уровень кадрового обеспечения и квалификаций персонала, нарушение прав человека и отсутствие личных границ в цифровом пространстве становится главной проблемой безопасности цифровой эпохи. Эксперт в области кибернетики и систем управления, В.П. Филимонов считает: «Цифровое общество – это глобальный проект, целью которого является построение нового рабовладельческого общества, управляемого посредством использования информационно-коммуникационных технологий, основанных на применении микроэлектроники, локальных и глобальных компьютерных сетей... Поэтому цифровое общество, по сути своей, является сетевым информационным обществом» [9].

Особой проблемой является место человека и его потенциала в цифровом будущем: заменит ли искусственный интеллект естественный – самый актуальный вопрос современности, на который нет единого ответа. Представители трансгуманизма используют идею о переносе сознания человека в цифровых аватаров. Но это уже не будущее человека – это будущее развития машин.

Таким образом, использование цифровых технологий и искусственного интеллекта в различных сферах жизни вызывают дискуссии в научном сообществе об их функционировании и последствиях [11]. Технологии искусственного интеллекта, пожалуй, самое спорное направление, и вместе с тем оно является определяющим драйвером для всех отраслей экономики. Алгоритмы не просто цифровизируют множество процессов, делая их более эффективнее, они повышают в целом производительность труда, дополняя возможности человека и естественный интеллект. Таким образом, внедрение подобных технологий и инноваций становится все более активным и динамичным процессом, который уже сложно остановить. Это требует сознательного, рационального и гармоничного подхода не только со стороны бизнеса, но и в первую очередь со стороны государственных структур. Бесспорно, автоматизация, моделирование и обработка информации повышает эффективность управленческих процессов, вместе с чем формируются новые цифровые экосистемы данных, в которых находятся уникальные базы больших данных.

Цифровизация социального управления и внедрение в эту сферу технологий искусственного интеллекта имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Вместе с этим, повсеместное развитие и внедрение цифровых технологий, безусловно, решит ряд существующих проблем и выведет человечество на новый этап развития. Также, особым направлением должно быть развитие и обогащение человеческого потенциала.

В этой связи, существующая государственная политика по повышению спроса на внедрение технологий искусственного интеллекта в промышленных предприятиях и бизнес-структурах создает необходимые мотивы для внедрения подобных технологий. Вместе с этим, государству необходимо преодолеть ряд существующих социальных и экономических проблем и обеспечить на

должном уровне правовую поддержку и систему обеспечения национальной безопасности в информационном пространстве.

Литература

1. *Barrat Д.* Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens: Научно-популярное / Баррат Д., Лисова Н. – М.: Альпина нонфикшн, 2016. – 304 с.

2. Высшая школа экономики выиграла конкурс на разработку российских стандартов искусственного интеллекта. – URL: <https://habr.com/ru/news/t/557258/> (дата обращения: 27.04.2022).

3. Использование технологий искусственного интеллекта в России. – URL: <https://issek.hse.ru/news/542527560.html> (дата обращения: 27.04.2022)

4. *Петрунин Ю.Ю.* Искусственный интеллект: ключ к будущему? // Философские науки. 2018; (4) – С. 96–113.

5. Государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». – URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 27.04.2022).

6. *Чуланова О.Л., Фомина Е.В.* Применение игровых технологий и искусственного интеллекта в обучении производственного персонала на предприятиях энергокомплекса // Вестник Евразийской науки, 2019 № 1, URL: <https://esj.today/PDF/54ECVN119.pdf> (дата обращения: 27.04.2022).

7. *Чуланова О.Л., Хайбуллова К.Н.* Исследование применения технологий искусственного интеллекта в управлении персоналом современных организаций // Вестник евразийской науки. – 2020. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-primeneniya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-v-upravlenii-personalom-sovremennyh-organizatsiy> (дата обращения: 24.04.2022).

8. Цифровая экономика. От теории к практике: как российский бизнес использует искусственный интеллект / Исследование РАЭК / НИУ ВШЭ при поддержке MICROSOFT. URL: <https://www.sostav.ru/app/public/files/raek.pdf> (дата обращения: 27.04.2022)

9. *Филимонов В.П.* Цифровое общество и конец истории // Доклад на XXVI Международных Рождественских чтениях, секция «Актуальные вопросы национального суверенитета России» (Москва, 26.01.2018 г., Российский университет дружбы народов). URL: https://ruskline.ru/analitika/2018/02/01/cifrovoe_obwestvo_i_koniec_istorii/ (дата обращения: 27.04.2022).

10. *Vinichenko M.V., Rybakova M.V., Chulanova O.L., Barkov S.A., Makushkin S.A., Karacsony P.* Views on Working with Information in a Semi-Digital Society: Its Possibility to Develop as Open Innovation Culture// Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity, издательство MDPI (Basel, Switzerland), t. 7, № 2.

11. *Vinichenko M.V., Rybakova M.V., Nikiporets-Takigawa G.Y., Chulanova O.L., Ljapunova N.V.* The Influence of Artificial Intelligence on the Human Potential Development: The Views of Orthodox Clergy and Parishioners// UESTIONES POLITICAS, 2020, t. 37 № 64. – С. 400–418.

ПЕРВИЧНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ СТУДЕНТОВ В РАМКАХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В Г. КАЗАНЬ

Сагитова Виктория Равильевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены такие понятия как стереотип и стереотипизация. Актуальность данного исследования обусловлена вопросами миграционной политики в образовательной среде.

В ходе констатирующего пилотажного исследования были выделены группы стереотипов, характерных для «студентов-мигрантов».

В статье, теоретическое обоснование и полученные результаты представлены с помощью общенаучных методов, методов анкетирования и методов элементарной математической обработки.

В результате проведенного исследования можно был сделан вывод о наличии первичных стереотипов у студентов, переехавших в г. Казань, и формирующихся еще до момента переезда в регион обучения.

Ключевые слова: стереотип, образовательная миграция, приезжие студенты.

Стереотипизация в миграционной образовательной политике на сегодняшний остаётся как феномен не до конца изученной, поскольку, во многом зависит не только от процесса коммуникации, но и от результатов образовательной миграционной политики в стране и в регионе, в частности.

Программы обучения, позволяющие студентам, получать образование в другом городе или даже стране не только представляют в дальнейшем «мягкую силу» в международных отношениях, но и позволяют оказывать влияние на стереотипное мышление представителей отправляющих и принимающих стран, не говоря о регионах.

В отечественной научной мысли определение понятия стереотип можно найти в «Современной энциклопедии», «Философской энциклопедии», «Большом энциклопедическом словаре». В них социальный стереотип раскрывается одинаково как «схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенные и обладающие большой устойчивостью. Выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта; составная часть установки. Нередко синоним устаревших и предвзятых представлений, связанных с предрассудками» [10].

В 1922 в книге «Общественное мнение» У. Липпман впервые ввел в зарубежную науку термин «социальный стереотип» [2]. Стереотип:

1. Содержит в себе оценку, выраженную в чувствах;
2. Возникает спонтанно, в силу потребности человека в экономии внимания;
3. Делит мир на две противоположные категории – знакомое и незнакомое;

4. Заряжен эмоционально и отражается в сознании человека как хорошее и плохое соответственно.

Стереотипы по У. Липпману – это предвзятые мнения, управляющие процессом восприятия «среднего обывателя». Следовательно, у обывателя нет критической оценки информации, он мыслит стереотипами, а общественное мнение ограничено.

В своих трудах Т. Шибутани рассматривает стереотип как основу классификации людей по какому-либо признаку, наиболее распространённому [11]. Стереотип, по ее мнению, совпадает с установкой.

Продолжая тематику категоризации людей и явлений, в трудах Б.К. Дэвиса и С.Дж. Бэрна, стереотип есть простая дефиниция, согласующаяся с шаблонами [12].

Д. Тейлор, С.Т. Фиске, Т.К. Трейлер, Д.М. Маки, Д.Л. Гамильтон и другие, продолжая развивать данное направление утверждали, что человек вынужден прибегать к стереотипам, как содержащим достаточную информацию в рамках удовлетворения потребности личности в создании представлений, приемлемых в физическом и социальном окружении, в качестве проекции собственных ценностей. Следовательно, стереотип переходит из разряда иррационального в рациональное, носящее характер избирательности, что позволяет допустить возможность ошибок в стереотипах из-за несовершенства процесса познания [9].

С позиций теории символического расизма стереотип представлен как конфликт между культурными образцами, характерными для общества и индивидуальными убеждениями, являющимися предметом самоконтроля [13].

И.С. Кон указывает, что стереотипизация явления приводит к механическому сведению данного явления под простую общую формулу, характеризующую все подобные явления. Обыденное сознание неизбежно наполнено стереотипами. Стереотип регулирует поведение индивида, посредством накопленного ранее коллективного опыта в него облаченного. Стереотип может быть истинным или ложным, вызывать как положительные, так и отрицательные эмоции, тем самым выражая установку социальной группы к определенному явлению [1].

Вышеприведенные определения и реализуемые программы в области образовательной миграции в нашей стране [3, 4, 6, 7, 8] позволили предположить, что выбор места обучения у большинства студентов обусловлен их собственными стереотипами и стереотипами ближайшего окружения.

Стереотипность мышления в вопросе профессионального самоопределения и дальнейшего обучения профессии выражается в том, какие представления есть у студентов о вузе, месте проживания и своей жизни в стенах вуза. Большая часть работ по теме образовательной миграции, просмотренная автором статьи позволила прийти к выводу о теоретико-описательном характере позиций отечественных и зарубежных авторов, по указанной в названии статьи проблеме и лишь несколько работ описывают результаты опросов студентов-иностранцев в отношении комфортности проживания на территории РФ, наличия/отсутствия проблем адаптации, что напрямую связано с наличными стереотипами.

Автор статьи предположил, что стереотипность мышления характерна и для студентов, обучающихся в Казанском федеральном университете.

Для доказательства данного предположения был проведен опрос с октября по декабрь 2020 года в Казанском федеральном университете у студентов разных специальностей и курсов. В исследовании приняли участие 100 человек, из них 82 девушки и 28 юношей. Средний возраст девушек составил 20 лет, а юношей 22 года. Респондентам предлагалось отвечать на вопросы анкеты, разработанной автором.

Первый вопрос касался места жительства студентов, поскольку, с его помощью удалось определить тех, кто мигрировал ради обучения в вузе (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Откуда Вы приехали?»

Место	Кол-во чел	
	Ж	М
Казань	23	7
Татарстан (Апастовский район, Зеленодольск, пгт. Аксубаево, Алексеевское, Набережные Челны, Нижнекамск, Бугульма, Чистополь, Елабуга)	13	2
Башкортостан (Уфа, Буинский район, Буинск, Октябрьский, Стерлитамак)	12	9
Оренбург, Оренбургская область, пос. Домбаровский	4	3
Киров	4	1
Туркменистан	3	1
Волгоград	2	
Удмуртия (Ижевск)	2	
ЯАО (Лабытнанги)	2	
Ульяновск	2	2
Чувашия (Чебоксары)	2	1
Китай		2
Тюмень	1	
Казахстан (Актобе)	1	
Арзамас	1	
Пермь	1	
Республика Бурятия	1	
Кемеровская область, г. Новокузнецк	1	
Вологодская обл., г. Устюжна	1	
Самара	1	
Саратовская область	1	
Сочи	1	
Узбекистан	1	
Челябинск	1	
ПГТ Джалиль	1	
Сумма	82	28
Процентное соотношение приезжих	71,9	75
Процент Казанцев	28,1	25

По ответам видно, что «география» студентов достаточно обширна и процент приезжих учащихся равен среди девушек 71,9 %, а юношей 75 %. При этом, если исключить из списка ответов «Республику Татарстан», 46 девушек и 19 юношей – это представители других регионов, что позволяет говорить о перевесе «приезжих студентов» из российских городов и зарубежья над татарстанцами. Что с одной стороны говорит о популярности и известности Казанского федерального университета.

Распределение студентов по направлениям подготовки в вузе представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Направление подготовки/специальность» в %**

Направление подготовки/специальность	Кол-во чел	
	Ж	М
Зарубежное регионоведение (германо-российские исследования, общий профиль)	54	25
ИМО, Регионоведение России	9	
Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки: история и иностранные языки; история и обществознание; история)	16	2
Конфликтология	3	1

Распределение ответов на вопрос о причинах выбора позволило говорить наличии стереотипов в мышлении студентов (см. табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос «Почему Вы выбрали
для обучения данное учебное заведение?» в %**

Ответ	Кол-во чел	
	Ж	М
Престижный вуз	20,2	3,6
Близко к дому	14,6	3,6
Заинтересовала специальность	10,1	3,6
Рейтинг	7,9	
Перспективы	5,6	10,7
Лучший вуз г. Казань	5,6	17,9
Доступная стоимость обучения	4,5	
Возможность изучения иностранного языка (китайского, корейского)	4,5	
Было нужное направление	3,4	7,1
Отзывы (выпускник, друзья, знакомые)	3,4	3,6
Соотношение цены и качества образования		10,7
Нравится	1,1	10,7
Программа DAAD и возможности обучения в Германии	2,2	
Порекомендовали	2,2	3,6
Другие ответы единичного характера (возможности, бюджетное место, желание, воздержались, случайное стечение обстоятельств, местоположение, комфортные условия проживания, качество образования, положительные отзывы выпускников, для будущей работы, хорошая репутация, условия обучения, не захотел в армию, не знаю, не захотел оставаться в своем городе, общежитие, с детства хотела поступить сюда, вуз Федеральный)	14,6	25,0

По таблице 3 видно, стереотипы, выражающие отношение к учебному заведению представлены ответами о рейтинге вуза, перспективах, отзывах, рекомендациях, связаны с имиджевыми характеристиками в представлении студентов, причем речь идет о личностном имидже как в настоящее время, так и в будущей профессиональной деятельности.

Вопрос привлекательности вуза непосредственно для студентов стал проверочным вопросом по отношению к предыдущему (см. табл. 4)

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос
«Чем привлек Вас выбранный Вами вуз?» в %**

Ответ	Кол-во чел	
	Ж	М
Специальность	15,7	7,1
Имеет статус федерального вуза	6,7	3,6
Возможность изучать языки	6,7	3,6
Рейтинг	6,7	
Престиж	5,6	
Хорошо развита внеучебная деятельность	4,5	
Порекомендовали	4,5	
Отзывы (хорошие)	4,5	3,6
Местоположение	2,3	14,3
Уровень обучения	4,5	3,6
Возможности	3,4	3,6
Близость к дому		10,7
Бюджетные места	2,2	
Ведущий университет г. Казань	1,1	7,1
программы DAAD	2,2	
Большой выбор направлений	2,2	7,1
Профиль обучения	2,2	
Лучший	2,2	
Другие ответы единичного характера (воздержались, диплом котируется, входит в топ вузов, хорошо развита образовательная деятельность, международными связями, дизайн сайта лучше, чем у других, хорошие общежития, ничем, атмосфера, пиар, разнообразие учебных программ, учебная программа, факультет, стоимость обучения, учились друзья, гос. аккредитация, интерес)	20,6	35,7

И снова в таблице 4 появились ответы, касающиеся имиджевых характеристик вуза и соответственно проекции на личностный имидж. При этом обучение большинства студентов (для более 70 % обучающихся) является платным.

Для выяснения причин побуждающих студентов мигрировать в другой город ради обучения, а заодно для определения механизма, запускающего стереотипность мышления в образовании, был задан вопрос, распределение ответов на который представлено в табл. 4.

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос
«Почему Вы решили учиться в вузе другого города?» в %**

Ответ	Кол-во чел	
	Ж	М
Не переезжала	23,6	25,0
Воздержались	16,9	
В моем городе нет вуза (в который я хотела бы поступить, нет гуманитарного вуза, нет достойного вуза)	13,5	35,7
В моем городе нет нужного направления, специальности	7,9	7,1
Больше возможностей	6,7	3,6
Хотела переехать (Захотела, хотелось сменить обстановку)	5,6	
Для того, чтобы стать самостоятельнее	3,4	
В родном городе низкий уровень обучения	2,2	3,6
Хотела учиться в Казани	2,2	3,6
Другие ответы единичного характера (в моем городе нет возможностей, выбор больше стоял за выбором страны, желание что-то поменять, в своем городе уже тошно было находиться, не нравился город, в котором жила до этого, не хотела оставаться в городе (маленьком), я хотела увидеть другие страны и почувствовать, уровень выше, чем в родном городе, с самого детства учусь в других городах, в дали от родного дома, смена окружения, ощутить новую жизнь, нравится)	10,1	21,4

В таблице интересующая нас причина представлена ответом «больше возможностей», а также «желанием переехать» и для того, чтобы «стать самостоятельнее».

Стереотипность мышления выражается также и в том, как оценивают студенты поступление в вуз по степени легкости, поскольку оценка легкости /сложности во многом зависит от первоначальных установок студентов на данный процесс и их ожиданий, также связанных со сложившимися у них стереотипами (см. табл. 5).

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос
«Насколько легко прошел процесс поступления в вуз?»**

Ответ	Кол-во чел	
	Ж %	М %
1 максимально легко	13,41	17,86
2	20,73	14,29
3	12,20	7,14
4	7,32	7,14
5	9,76	17,86
6	6,10	21,43
7	4,88	0,00
8	13,41	3,57
9	4,88	10,71
10 максимально сложно	7,32	0,00

По таблице видно, что максимальный процент девушек считает, что поступление в вуз для них прошло легко. А вот 21,43 % юношам далось сложнее, они оценили степень сложности в 6 баллов.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Оправдались ли Ваши ожидания, связанные с обучением в вузе? Почему? (в %)»

Ответ	Кол-во чел	
	Ж	М
Нет	39,02	35,71
Да	31,71	39,29
Почти	8,54	
Частично		17,86
50/50	4,88	
Нравится программа	4,88	
Думала будет сложнее	4,88	
Круг общения	2,44	
Воздержались	2,44	7,14
Потому что интересные преподаватели	1,22	

По ответам видно, что ожидания от обучения среди девушек почти в равном количестве (39,02 % и 31,71 %), и у юношей (35,71 % и 39,29 %) – не оправдались и оправдались соответственно. Довольно малый процент 25,61 % девушек и 17,86 % юношей хотят работать по специальности.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Насколько легко прошел процесс переезда в новый город? Выберите вариант от 1 до 10, где 1 – максимально легко, а 10 – максимально сложно»

Ответ	Кол-во чел	
	Ж %	М %
1	8,54	17,86
2	4,88	14,29
3	9,76	3,57
4	10,98	7,14
5	14,63	3,57
6	3,66	7,14
7	7,32	25,00
8	9,76	7,14
9	7,32	3,57
10	7,32	3,57
Воздержались	15,85	7,14

В данной таблице средне сложно процесс переезда прошел для 14,63 % девушек и чуть сложнее для 25 % юношей. При это 15,85 % девушек предпочли

воздержаться от оценки степени сложности переезда из города в город, что может быть связано с тем, что это студенты-казанцы.

Таблица 8

**Распределение ответов на вопрос
«С какими трудностями Вы столкнулись при переезде в Казань?»**

Ответ	Кол-во чел	
	Ж %	М %
Не переезжал (-а)	24,39	14,29
Не было трудностей	23,17	46,43
Далеко от дома (долго и дорого добираться домой и обратно)	8,54	
Жилищный вопрос (поиск и съем жилья)	7,32	3,57
Одиночество	6,10	
Вещи (перевоз вещей, много вещей)	3,66	7,14
Заселение в общежитие	3,66	10,71
Акклиматизация	2,44	
незнание города (карты)	2,44	3,57
Другие ответы единичного характера (вода, менталитет, большие траты, непривычно жить самостоятельно, адаптация к общежитию, полет в самолете, другие люди, находила новых друзей, большой город, переезд, эмоционально сложно, язык, финансовые трудности)	14,63	7,14

По ответам студентов видно, что трудностей у них при переезде в г. Казань не возникало.

При ответе об ожиданиях студентов были получены ответы, представленные в таблицах 8, 9.

Таблица 9

**Распределение ответов на вопрос
«Оправдались ли Ваши ожидания от переезда в Казань? Почему?»**

Ответ	Кол-во чел	
	Ж %	М%
Да	60,98	60,71
Не переезжал (-а)	21,95	17,86
Не совсем	7,32	0,00
Нет	3,66	10,71
50/50, частично	2,44	10,71
Другие ответы единичного характера (Не было больших ожиданий, атмосферный город, в принципе, да. Стало легче "дышать")	3,66	

У более 60 % студентов ожидания от переезда в Казань оправдались, что указывает на наличие положительных установок при желании переехать.

В таблице 9 указаны ответы на вопрос о причинах оправданных ожиданий. Основная причина – красивый, хороший город.

Распределение ответов на вопрос «Почему?»

Ответ	Кол-во чел	
	Ж %	М %
Город красивый, хороший	3,66	3,57
Была ранее в этом городе	3,66	
Нравится	2,44	
Люблю этот город	2,44	
Другие ответы единичного характера (новые друзья, первые два года было тяжело, нравится не мой город)	1,22	10,71

Вопрос, о том, где останутся студенты после завершения обучения, позволил определить, большинство из опрошенных останется в России, такое же количество девушек поедет жить и работать за границу. И только 1,22 % опрошенных вернуться в свой город.

Распределение ответов на вопрос «По завершении обучения Вы?» в %

Ответ	Кол-во чел	
	Ж	М
останетесь в РФ	20,73	35,71
поедете за границу жить и работать	20,73	7,14
останетесь в РТ	9,76	3,57
Вернетесь в свой город	1,22	

Таким образом, можно сказать, что при принятии решения переехать обучаться в другой город немаловажным фактором выступает стереотип, сложившийся у студентов из рассказов родственников, друзей, разового посещения города, а также из собственных представлений о престижности вуза, специальности, открывающихся возможностях и желания быть самостоятельным.

Немаловажное значение для реализации миграционной политики в области образования играет построение имиджа не только страны, но и конкретного университета. Все это в дальнейшем отражается на восприятии реальных условий, в которых студенты-мигранты оказываются.

Подводя итоги проделанной работе, можно говорить о том, что для студентов, приехавших из других регионов важным аспектом формирования представлений о ситуации в городе, где находится учебное заведение выступает формирование стереотипов, упрощающих восприятие и процесс адаптации к месту настоящего проживания. Если учесть их наличие в сознании приезжих студентов, это позволит в дальнейшем управлять процессом их формирования, посредством имиджевых характеристик вуза и внутренней политики конкретного учебного заведения в области образовательной миграции.

Литература

1. Кон И.С. Психология предрассудка (о социально-психологических корнях этнических предрассудков) / И.С. Кон // Новый мир. – 1966. – № 9. – С. 188–204.

2. Липпман У. Общественное мнение / У. Липпман. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.

3. Макет образовательного стандарта высшего (профессионального) образования (по направлению /специальности) государств [Электронный ресурс] – URL: <https://fgos.ru/> (дата просмотра 18.03.2022).

4. Овезова У.А., Вагнер М.-Н.Л. Сотрудничество стран СНГ и России в области образования // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 11. – С. 181–183.

5. Положение о Конференции министров образования (и науки) государств [Электронный ресурс] – URL: <https://e-cis.info/cooperation/2854/77318/> (дата обращения: 18.03.2022).

6. Положение о Конференции министров образования (и науки) государств [Электронный ресурс] – URL: <https://e-cis.info/cooperation/2854/77318/> (дата обращения: 18.03.2022).

7. Приказ Министерства образования и науки РФ от 25 февраля 2009 г. № 59 «Об утверждении Номенклатуры специальностей научных работников» [Электронный ресурс] – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95207/> (дата обращения: 18.03.2022).

8. Приказ от 25 февраля 2009 года № 59 «Об утверждении Номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени» (с изменениями на 8 июня 2017 года) [Электронный ресурс] – URL: <http://docs.cntd.ru/document/902148629> (дата обращения: 18.03.2022).

9. Рябова Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Т. V. – Вып. 1–2 (15–16). – С. 120–139. Stereotypes and Stereotyping as a Problem of Gender Studies // Personality. Culture, Society. – V. 5. – Part 1–2 (15–16), p. 120–139. In Russian.

10. Стереотип социальный. – Современная энциклопедия. [Электронный ресурс]. – 2000. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/45374/%D0%A1%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%95%D0%9E%D0%A2%D0%98%D0%9F_%D0%A1%D0%9E%D0%A6%D0%98%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%AV%D0%99 (дата обращения: 18.03.2022).

11. Шубутани Т. Социальная психология. – М., 1969. – С. 98.

12. Dennis K. Davis, Stanley J. Baran Communication and everyday Life: A Perspective on Theory and Effects. – Wadsworth Publishing Company, 1981 – 217 p.

13. Eberhardt J.L., Fiske S.T. Motivating individuals to change: What is a target to do? // Stereotypes and stereotyping. – P. 371–381.

СООТНОШЕНИЕ БОЛОНСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Салахутдинова Резида Халяфутдиновна
Салахутдинов Артур Андреевич
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу содержания, сущности болонской декларации в контексте отечественного образования. Авторы рассматривают модернизацию образования в России как реализацию двуединых процессов мирового образовательного пространства – глобализации образования и болонской декларации. Переход на новые образовательные стандарты, представленные как модернизация образования, привели к трансформации функций советской системы образования, основанные на признании образования как общественного блага, ориентированные на интересы государства, развитие личности молодого человека. В статье раскрыты основные направления трансформации функций образования, формы их проявления, повлекшие деструктивные процессы в регионах.

Ключевые слова: образование, Болонская декларация, региональное развитие, трансформация функций образования, образовательные стандарты, коммерциализация образования.

Актуальность. Конец XX начало XXI характеризуется большими изменениями, под названием реформа, модернизация образования. Начало трансформационных изменений принято связывать с Болонской конвенцией, к которой в 2003 г. присоединилась и Россия, взяв на себя все требования по созданию европейского образовательного пространства. По условиям, Россия обязывалась проводить оценки качества по принятым в Европейской системе образования стандартам. Основным методом оценки для европейского образования является аккредитация.

До этого, в июне 1999г. министры 29 Европейских стран подписали Болонскую декларацию под названием «О создании единого Европейского пространства высшего образования».

Первоначально, Болонский процесс был рассчитан на период до 2010 г. Этим объясняется то, что вся нормативно – законодательная база образования Российской Федерации была разработана сроком до 2010 г. С подписанием Болонской декларации в Российском образовании происходят принципиальные изменения. Прежде всего, меняется статус образования: образование, как общественное благо в традиционном понимании, переходит в статус сферы образовательных услуг, став элементом бизнеса, рыночной экономики. Соответственно, пересматриваются цель, функции образования, миссия образовательной политики вуза, обусловленные изменением концепция

образования высшей школы. В новых условиях основной функцией системы высшего образования становится подготовка конкурентоспособных работников на рынке труда, способных к эффективной работе по мировым стандартам, специалистов

Россия, присоединившись к Болонской декларации, становится участником создания всеобщего европейского образовательного пространства. В новом статусе – участника международного рынка образовательных услуг, в российском образовании меняются приоритеты, разрабатываются новые стандарты в соответствии с европейскими, вводится система оценки качества обучения и образования в целом (рейтинг), реорганизуется система управления образовательной деятельностью под новые задачи. С 2001 года модернизация образования осуществляется под названием «Качество, эффективность, доступность».

В 2009 г. по решению европейских министров, отвечающих за высшее образование, было принято решение о продлении действия Болонской конвенции до 2020 г. На Конференции министров европейских стран отмечалось, что за истекший период реформы образования не были достигнуты в полной мере все обозначенные цели.

Ключевыми категориями государственной политики Российской Федерации в сфере образования на этапе ее модернизации становятся понятия – «качество образования», «обеспечение качества», «конкуренция»; соответственно: «конкурентоспособность», «совершенствование», «оценка качества», «инновация», «цифровизация», «технология», «престиж», «репутация».

Однако, за все годы участия в Болонском процессе Россия так и не стала признанным полноправным членом европейского образовательного пространства.

В 2000 г. в Российской Федерации постановлением правительства принята национальная доктрина образования. Этим постановлением был установлен приоритет образования в государственной политике России, обозначены ожидаемые результаты развития образования до 2025 г. на условиях достижения стратегической цели образования. Развитие образования в содержании постановления напрямую связаны с преодолением социально-экономического и духовного кризиса, восстановлением статуса России в мировом сообществе как важной державы в сфере образования, науки, культуры, где существенная роль отведена качеству образования в высшей школе.

Ныне, в контексте положения России в системе международных отношений, вводимых санкций, актуализируется выход из Болонской конвенции и необходимость формирования системы образования уже на иных приоритетах.

Среди участников дискуссии о перспективах образования в России наблюдается узкое понимание сущности и содержания Болонской декларации: сведение ее к двухступенчатой системе обучения – бакалавриат и магистратура. Доминирование в обсуждениях подобной точки зрения обуславливает

необходимость целостной, систематизированной научной информации по Болонской декларации; критический анализ итогов модернизации (реформы) образования в России с момента функционирования Болонского процесса в Отечественном образовательном пространстве.

Цель: проанализировать содержание Болонской декларации в контексте трансформации функций образования в постсоветском пространстве и ее влияние / отражение на социокультурное развитие регионов.

Предмет исследования: содержание Болонского процесса в контексте функций образования.

Степень разработанности. Болонская декларация является одной из востребованных, можно сказать популярных направлений исследования в различных областях науки. Те или иные аспекты изучаются в философии, социологии, экономике, педагогике, политологии и др. При наличии достаточно большого и разнопланового объема научной информации, в научной литературе не сформировано единого видения, точки зрения по сущности и содержанию Болонской конвенции, а также целесообразности участия России в международной программе по созданию общеевропейского образовательного пространства

Большое количество публикаций в рамках Болонской декларации по качеству образования, анализу подходов к определению понятий «качество», «качество образования», методов оценки, моделей измерения (К.Б. Беловицкий, М.М. Поташник, И.В. Артемова, Н.А. Селезнева, и другие.). Одним из ведущих ученых по вопросам качества образования является профессор Субетто А.И., который изучает преимущественно в рамках предметной области квалитологии. Управленческий аспект качеством образования рассматривают М.В. Маркова, Ю.К. Итин, Е.И. Варченко, О.Е. Лебедев, В.Н. Ротова. Международный опыт реализации Болонской декларации анализируют в своих работах М.В. Шестакова, Р.И. Коханов, М.А. Капшутарь, А.И. Галаган.

В условиях многообразия и большого количества научных публикаций, актуализируется вопрос и качества. Нередки случаи, когда научные работы представляют лишь систематизацию имеющихся определений, подходов, а информация носит фрагментарный характер, с недостаточно аргументированным описанием подходов, результатов.

Содержание. Особенность реформы образования в России заключалась в том, что отечественное образование одновременно включалось в глобальные образовательные процессы и одновременно в формирование европейского образовательного пространства (Болонская конвенция).

Идеология Болонского процесса (европеизация, интернационализация) ориентирована на решение своих собственных задач: «... превращение Европы в динамичный и процветающий континент с самой сильной в мире социальной политикой и развитыми человеческими ресурсами, а с другой – сделать европейское высшее образование наиболее конкурентоспособным в соревновании за умы, «деньги» и «престиж» [1, 15].

Философию глобального образования можно сформулировать в виде идеи «непрерывного образования с всеобщим или почти всеобщим участием,

в наличии все более ориентированных на рынок материально независимых учебных заведений». Механизмом осуществления проекта глобального образования «является дистанционное обучение, способное вовлечь в виртуальное образовательное пространство огромные территории, движение капитала» [2, с. 129].

Согласно замыслу болонской декларации и глобального образования образование приобретает статус сферы услуг, становясь элементом рынка, рыночных отношений. Таким образом, коммерциализация образования становится средством получения финансовой выгоды посредством все большего привлечения к обучению молодежи. Государственные, региональные интересы, определявшие содержание, цель советского образования – формирование всесторонне развитой личности, подготовка высококвалифицированных специалистов, – не являются актуальными для новой концепции образования.

По условиям декларации совместно с другими странами-участницами Россия должна была включиться в модернизацию системы высшего образования по определённым направлениям развития. По обязательствам – взять на себя создание системы обеспечения качества образования на основании европейских принципов качества. Ключевым понятием в новом контексте становится термин «конкурентоспособность». Главной целью является обеспечение конкурентоспособного образования, образовательного учреждения.

Согласно Болонской декларации качество высшего образования распространялось на все элементы и виды деятельности вуза: образовательные программы, учебно-педагогические процессы, трудоустраиваемость выпускников. Одной из форм трудоустройства выпускников предполагалось осуществить посредством привлечения в комиссии по защите выпускных работ потенциальных работодателей. Однако, реально ощутимого результата эта форма трудоустройства не принесла.

В начале 90-х годов под эгидой ЮНЕСКО и Совета Европы была разработана совместная конвенция по академическому признанию квалификаций, относящихся к высшему образованию для регионов новой Европы [3]. Цель – оценка качества высшего образования для реализации различных аспектов академического сотрудничества.

Согласно конвенции регулирование учебной и профессиональной части становилось миссией конвенции. Приоритетным оставался учебный процесс.

По условиям конвенции, каждому государству-участнику необходимо было взять на себя общую ответственность за существование механизма оценки вузов и представлять полную информацию о нем другим странам. Согласно конвенции между странами-участниками должен быть взаимообмен информацией по результатам оценки качества образования. Однако, этот механизм не давал гарантии качества образования, он должен был гарантировать его лишь справедливую оценку.

В Российской системе высшего образования качество оценивается по критериям (СЕПЕС) ЮНЕСКО:

- 1) институциональная миссия и цели учебного заведения;
- 2) параметры образовательной модели;
- 3) определенные стандарты данной программы или дисциплины.

По новым стандартам методами оценки качества образовательной деятельности являются лицензирование, аттестация, аккредитация вузов, нострификация дипломов.

Назначение оценочной процедуры заключается в получении сведений по качеству подготовки обучающихся, с одной стороны, реализации образовательных программ, с другой. Основным условием при проведении оценочных мероприятий служит присутствие внешних экспертов, в том числе и для получения статуса полноправного участника международного образовательного пространства. По причине не выполнения этого пункта Россия не включена в число равноправных участников.

Следует сказать, что наряду с участием государственных структур в организации и проведении аккредитации, за право заниматься этим видом деятельности стали претендовать и негосударственные, профессионально – общественные организации (начало 2000г.).

Таким образом, «модернизация, основанная на принципах Болонского процесса, как механизм глобализации образования, изменила статус российского образования, переводя в отрасль сферы образовательных услуг. Основные элементы образовательного процесса, образовательное учреждение, став рыночными понятиями, как элементы рынка стали средством предпринимательской (коммерческой) деятельности. В условиях глобального образования студенты – по терминологии ОЭСР – «перспективный клиент» [2, с. 130].

На фоне всеобщей коммерциализации образования становится проблематичным вести возвышенный разговор о способах и механизмах реализации гуманистических стратегий образования в двадцать первом веке, по крайней мере, по отношению к России. Осуществление реформы не только высшей школы, но и всей системы образования в целом сопровождался выхолащиванием главного предназначения образовательного компонента социального развития – формирование культуры. В западной литературе существует мнение, что глобализация образования чревата в будущем опасностью того, что студенты могут подвергнуться воздействию культурных норм, которые будут отличаться от желательных для национального правительства. Глобализация высшего образования, таким образом, расценивается как инструмент культурного империализма

С началом включения в Болонский процесс (образование – сфера услуг), тем самым началом либерализации образования, вузы стали приспособляться к «контингенту», тогда как в традиционном понимании студент «подтягивался» к существующей и поддерживаемой традициями ценностной системе образовательного учреждения.

Действительно, выпускники вуза (как и студента) всегда отличали особые качества: высокая гражданская позиция, социальная активность, дух высоких ценностей, идеалов, патриотизм. Проявление этих качеств было лишь следствием выполнения той функции, которая определялась самим статусом высшей школы: формирование всесторонне развитой личности, подготовка высококвалифицированных специалистов. Для любого абитуриента, студента высшая школа была, прежде всего, средой особой системы ценностей, которую абитуриент готов был принять, формируя в себе необходимые качества, если таковыми он не обладал, что позволяло уже, будучи студентом, большинству из них бесконфликтно адаптироваться к вузовским требованиям. «Пребывание человека в высшей школе является неповторимым периодом его жизни, во время которого раз и навсегда формируются многие черты его характера и мирозерцания» – писал русский ученый-экономист А.В. Чаянов в своей работе «Методы высшей школы» [4].

Однако, «если огромные культурные ценности питомцы высшей школы получают автоматически, фактом пребывания в ее стенах, то все остальное требует напряженной, настойчивой, непрерывной работы». Такая работа, вероятно, должна проявляться в обучении, (а не в научении, к чему постепенно свелись методы высшей школы), ориентированном на самообразование.

Включившись в рыночную экономику согласно Болонской конвенции, образование превратилось в конвейерную систему «штамповки» выпускников, в большинстве своем невостребованных на рынке труда. По мнению исследователей, основными причинами нетрудоустроенности молодежи является перенасыщенность рынка труда определенными видами специалистов, низкая заработная плата, отсутствие рабочих мест в силу не восстановленного производства, – проблемы, не решенные по сегодняшний день, стали одним из основных факторов как внутренней, так и внешней иммиграции молодежи.

В этих условиях пропагандируется идея непрерывного образования, призванная решить, по замыслу европейских инициаторов образовательных стандартов, проблему занятости (трудоустройства) выпускников вузов и повысить их квалификационный уровень, соответствующий требованиям работодателя. Однако, затраты на дополнительное образование при существующих размерах заработной платы, даже с учетом предстоящей оплаты труда, являются нерентабельной формой возможного трудоустройства, тем более безработной молодежи.

Таким образом, модернизации образования в той форме, в какой она реализуется в России, все дальше отдала от желаемого идеала: прежде всего связи образования с экономикой, реализации функций образования в интересах развития отраслей народного хозяйства, взаимосвязанных с региональной спецификой, воспроизводства духовных ценностей, повышения благосостояния населения, качества жизни. В поисках причины сформировавшегося противоречия между реально существующим и необходимым, сложно не согласиться с мнением Зборовского Г.Е., который справедливо отмечает, что в модернизации российского образования нужно различать то, что приходит извне (прежде всего, это требования Болонского процесса), и то, что идет от

внутренних потребностей страны. «Между внутренними и внешними требованиями существует большой зазор и не всегда прослеживается связь, что вытекает, прежде всего, из национальных особенностей образования в России. Это положение обязательно следует учитывать, что, к сожалению, далеко не всегда делается, о чем свидетельствует часто бездумное, автоматическое копирование и заимствование этих же Болонских соглашений. Кроме того, модернизация у нас означает модернизацию управления, финансирования, но не содержания образования и деятельности основного его субъекта – педагога» [5, с. 39].

К этому следует добавить, что в концепцию модернизации образования не заложены региональные особенности и потребности, различающиеся их территориальным положением, климатическими условиями, определяющие специализацию и, соответственно, профиль учебных заведений.

Изменение статуса образования – из общественного блага переход в статус услуг, способствовало появлению большого количества негосударственных (коммерческих) образовательных учреждений в России. В условиях всеобщего доступа высшего образования, когда основным критерием доступа является финансовый фактор, закономерна конкуренция – борьба за потребителей продукции образовательных услуг. Совокупность институциональных функций образования подменяется новой функцией – конкурентоспособность образовательного учреждения.

Таким образом, политика модернизации образования привела к трансформации, а в некоторых случаях и к исчезновению определенных институциональных функций образования. В частности, функции социализации, подготовки высокопрофессиональных специалистов, воспроизводства социальных групп и слоев как носителей духовных ценностей, образованности, просвещенности, формирования стратификационного общества, восходящей социальной мобильности и т. д. Основные направления трансформации функций Российской системы образования в результате смены парадигмы образования подробно описаны Салахутдиновой Р.Х. в ряде ее работ. Автор выделяет виды трансформации функций отечественного образования, результатов (последствий), определившие степень участия системы профессионального образования в социокультурном, экономическом развитии России и ее регионов [6].

1. «Институциональная трансформация образования, проявившаяся в изменении статуса образования (деинституционализация образования).

- Переориентация института образования в сферу образовательных услуг (коммерциализация, предпринимательская деятельность).

- Замена качественной оценки образования количественными показателями (рейтинг, тесты и др.). Вытеснение мотивации получения оценки за знания мотивацией накопления баллов для получения зачета / экзамена или оценки за предмет.

- Изменение подходов в оценке роли и места образования в структуре современного российского общества. Профессиональное образование перестала способствовать выполнению функции сохранения и воспроизводства

позитивных системных качеств общества, войдя в противоречие с реально существующими нуждами и потребностями страны.

- Изменение механизмов и принципов регулирования системы отношений в образовательном процессе (в образовательной деятельности). Размывание содержания нормативных документов, как регулятивных механизмов образовательной деятельности, либерализацией учебного процесса.

2. Структурные изменения в образовании.

- Выхолащивание сущности и роли высшего образования (подмена ценности знания ценностью массового образования).

- В условиях двух параллельно протекающих процессах – развала народного хозяйства и экономики и реформа средне-профессионального, средне-технического образования (Копенгагенская Декларация) открылось множество негосударственных высших школ. Впоследствии такая политика привела к диспропорции в подготовке кадров и к дефициту рабочих специальностей, к утрате школы подготовки рабочих кадров (наставничество).

- Изменение механизма кадрового обеспечения высшей школы, сферы науки. В регионах вузовский кадровый состав обновляется и пополняется из выпускников местных педагогических вузов, особенно в области гуманитарных наук, что привело к снижению качества компетенций выпускников вузов.

- Изменения студенческого контингента в условиях коммерциализации образования стало фактором кардинального изменения механизма воспроизводства качества социальных групп (структуры общества). Наиболее ощутимы последствия такой политики испытывают регионы страны.

3. Традиционные функции образования, процессы их модернизации.

- Формирование человеческого ресурса (социализация личности, сохранение и укрепление физического здоровья, интеллектуальное и нравственное развитие в процессе образования). Осуществление реформы не только высшей школы, но и всей системы образования в целом, сопровождается выхолащиванием главного предназначения образовательного компонента социального развития – формирование культуры. На этом фоне представляется несколько проблематичным вести возвышенный разговор о способах и механизмах реализации гуманистических стратегий образования в XXI веке, объявленным ЮНЕСКО «веком образования», по крайней мере, по отношению к России.

- Передача знаний, преемственность опыта и духовного наследия. Образование перестало быть каналом формирования и воспроизводства особого социального слоя – интеллигенции, элиты как носителей высоких духовных ценностей, культуры, просвещения.

- Подготовка профессионально востребованных специалистов. Нерентабельность образования, доход от работы при условии трудоустройства с полученным образованием не покрывает расходы на образовательные затраты.

Региональные функции образования. Наиболее ощутимые последствия так называемой модернизации (трансформации) образования испытывают на

себе регионы. Взаимозависимость отраслевых вузов и развитие различных отраслей народного хозяйства как механизм подготовки практиков-специалистов, способствовало формированию своих собственных научных кадров, исследователей, научных школ. Благодаря политике взаимосвязи образования – науки – производства, регионы имели возможность сохранять кадры, прежде всего из числа молодежи, воспроизводства социального слоя – интеллигенции, элиты. Поиск работы, стабильности, социальной защищенности и гарантии на лучшее будущее порождает отток лучшей ее части с мест проживания. Происходит своего рода селекция, которая сегодня является определяющим качественным составом российского взрослого населения, так и кадровый потенциал регионов».

Характеризуя в целом современное состояние образования, следует отметить, что процесс модернизации высшего образования сопровождается дисфункцией как социального института, что обнаруживается в следующих формах проявления:

- «Вытеснение социальных функций образования экономическими.
- Сохраняющаяся динамика роста безработицы среди дипломированных специалистов».
- Десоциализация студенческой молодежи; потеря традиционной для высшей школы среды формирования личности;
- Деформация механизма воспроизводства: а) подготовки преподавателей высшей школы; б) инженерно-технических кадров; в) научных кадров. Введением бакалавриата – потеря подготовки полноценного специалиста (недоученный выпускник)» [6].
- Отсутствие работы по полученной квалификации порождает нерентабельное финансирование государственного образования, так и оплаты за обучение в коммерческом образовательном секторе.
- Отсутствие необходимых знаний, компетенций выпускаемых специалистов требованиям рынка труда и специфике деятельности организации.

В 2000 г. в Российской Федерации постановлением правительства принята национальная доктрина образования. Образование, согласно постановлению, является приоритетным направлением в государственной политике РФ. Развитие образования в содержании постановления напрямую связаны с преодолением социально-экономического и духовного кризиса, восстановлением статуса России в мировом сообществе как важной державы в сфере образования, науки, культуры, где существенная роль отведена качеству образования в высшей школе.

Заключение. Актуализация вопроса роли и значения функций образования в сложившихся условиях российской действительности объясняется тем, что образование – единственный социальный институт воспроизводства позитивных системных качеств социума в целом (в идеале). Однако, без восстановления системы образования с исторически сложившимися и свойственными только этому институту функциями, без

национальной идеи в философии образования, где должны найти отражение национальные интересы, механизмы обеспечения национальной безопасности, условия формирования человеческого капитала, как базового социального фактора подъема экономики страны, – любые стратегии восстановления и развития сегодняшней России, а вместе с этим регионов, беспочвенны.

Само развитие нашей экономики, как и общества в целом, выдвигает на первый план проблему образования как единственного серьезного инструмента для создания кадрового потенциала, способного возродить интеллектуальный и научно-технологический потенциал страны и взять на себя реабилитацию и развитие нашей экономики, управление, как на макро, так и на микроэкономическом уровне. Это потенциал специалистов высокой компетентности, обладающих соответствующей ценностно-нравственной ориентацией – не на ограбление собственной экономики, а на производство богатства в системе социально ориентированных технологических решений.

Литература

1. *Байденко В.И.* Болонские реформы: некоторые уроки Европы // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 2. – С. 15.

2. *Салахутдинова Р.Х.* К вопросу об институциональных функциях в контексте глобализации образования / Социальная стратегия российской системы образования: Материалы международной научной конференции — Третьих Санкт-Петербургских социологических чтений, 14–15 апреля 2011 г. / отв. ред. А.В. Воронцов. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. – 432 с. – С. 129–131.

3. Глобальная конвенция о признании квалификаций в области высшего образования. – 86 с. – / <https://ru.unesco.org/node/275640>

4. *Чаянов А.В.* Методы высшего образования // Экономическое наследие А.В. Чаянова. – М.: Издательский Дом ТОНЧУ, 2006. – С. 630–644.

5. *Зборовский Г.Е.* Уроки неудавшейся модернизации образования в «Социальная стратегия Российской системы образования. Материалы международной научной конференции – Третьих Санкт-Петербургских социологических чтений 14–15 апреля 2011 г. – СПб, 2011. – С. 39–44.

6. *Салахутдинова Р.Х.* Трансформация высшего образования современной России: к методологии анализа. // Социальные вызовы модернизации регионов России: материалы II Тюменского социологического форума. 28-29 июня 2011 г. / под ред. М.М. Акулич, Г.С. Корепанова В.А. Юдашкина: в 2 ч. – Ч. 2. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2011. – 364 с. – С. 230–235.

КРЕАТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА: ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

Салкова Екатерина Константиновна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Хайруллина Юлдуз Ракибовна

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Центр перспективных экономических исследований
Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические подходы анализа феномена креативного пространства, присутствующие в отечественной и зарубежной социологической науке, проведено сравнение понятий «креативность», «креативный класс» и «креативное пространство». Категория «креативные пространства» трактуется как общественные пространства и как социальный институт. Подходами для его изучения выступают: парадигмы информационно-коммуникационного пространства и социально-топологической теории, а также концептуальные рамки семиотического, архитектурно-эстетического, антропологического, социально-культурного, средового и социологического осмысления.

Ключевые слова: креативность, концептуализация, креативное пространство, городская инфраструктура, социализация

Понятие «креативные пространства» – сравнительно новое в социологии. Креативные пространства создаются в процессе формирования новых видов творчества, нового социального класса, новых досуговых, творческих и образовательных потребностей, а также запроса общества на новые профессии и формы занятости. Таким образом, креативные пространства реализуют потенциал общества в создании или освоении каких-либо инноваций и нововведений. Креативное пространство – сложное образование, не сводимое к пространственной форме существования и экономическим целям создания. Креативные пространства, как правило, включают в себя два основных компонента: материальное наполнение (локация, организация пространства, дизайн, арт-объекты) и разнообразные формы человеческой общественной деятельности (лекции, выставки, ярмарки, студии).

Идея о креативности пространства зарождалась постепенно и была исторически обусловлена. Прежде всего, это выразилось в восстановлении, развитии и изменении предназначения различных зданий и площадок. Принято считать, что начало этого процесса лежит в Нью-Йорке периода Великой депрессии. В отсутствии работы и средств, предприятия промышленного назначения переезжали на окраины города, а опустевшие помещения с огромной площадью и высокими потолками сдавались в аренду. Функциональные характеристики и преимущества бывших заводских и складских помещений привлекли богему и наиболее креативное население.

Сперва в них устраивали жилые помещения, часто нестандартного вида, например студии и галереи – лофты. Мода на такие квартиры распространилась по всей Америке и даже Европе. Спустя некоторое время нашлось применение этих помещений не для жилых целей – там устроились музеи, культурные и деловые центры, экспозиционные объединения, антикафе, арт-студии. В современности использование бывших промышленных помещений пользуется огромной популярностью и оставляет большой простор фантазии.

Понятие «креативное пространство» тесно связано с «креативностью». Впервые термин «креативность» был упомянут в «Словаре Уэбстера» (Webster's Dictionary), Англия, 1875 год. Тогда этот феномен понимался как способность создавать что-то новое, которая характеризовалась верой в то, что личность обладает неограниченными творческими способностями.

В рамках гуманистической психологии Абрахам Гарольд Маслоу назвал «креативность» одним из важнейших факторов, определяющих особенности самоактуализации личности за счет проявления независимости от примитивных потребностей и демонстрации спонтанности при формулировании идей и совершении деятельности.

Элхонон Абрамович Голдберг в своих исследованиях понимал креативность как способность личности к тому, чтобы создавать, артикулировать и транслировать при осуществлении коммуникации инновационные идеи, которые затем становятся достоянием не только общества, но и культуры в целом.

Ричард Флорида, разработавший теорию креативного класса, утверждал, что «креативность не просто существует, а может быть развита, благодаря конкретно заданным внешним условиям, способствующим выявлению креативности как конститутивного свойства социальной среды».

По мнению Юрия Геннадьевича Волкова, доктора философских наук, традиционно в роли приоритетного, а часто и единственного показателя креативности выступают социальные достижения, инновационность в той или иной сфере общественной жизни [1, с. 48]. Автор руководствуется предположением, что основная масса населения осуществляет повторяющуюся, рутинную деятельность, без творческого или преобразовательного начала, обитая в традиционной социальной и моральной среде. Креативность, напротив, подразумевает такое состояние, в котором общество осваивает быстро меняющиеся реалии и развивается, делая их частью повседневной жизни.

При том, что подходы к определению термина «креативность» могут различаться в некоторых аспектах, основная мысль них общая: креативность состоит в возможности и способности творить и осваивать инновации, по-новому осмысливать социально-культурные и ценностные нормы.

Креативные пространства — это доступные для всех желающих городские площадки, на которых население может творчески самовыражаться, общаться между собой и осуществлять трудовую деятельность. В них посетитель выступает не просто как потребитель, зритель или покупатель, а как полноценный созидатель. Продуктом его деятельности может быть как

материальные предметы, так и усвоенные знания, ценности, нормы, новые образцы культуры и творчества.

Креативные пространства существуют с главной целью – обеспечить наиболее творческому и активному населению необходимую ему среду, дать возможности для приобретения знаний и навыков, для разработки, апробации и реализации инноваций, для распространения своих авторских продуктов и услуг. В большинстве своем креативные пространства многофункциональны. В них могут размещаться коворкинги, рабочие места, офисы, конференц-залы, кафе, шоурумы, магазины. Это отражает их экономическую функцию. Вместе с этим на их территории проходят выставки, кинопоказы, модные показы, мастер-классы, лекций, что доказывает, что они также выполняют рекреационную, досуговую и образовательную функции. Главными признаками креативных пространств можно назвать следующие черты: массовость и территориальная сосредоточенность осуществления тех или иных креативных практик, коллективность и синергичность создания нового, самоидентификация с социальным институтом.

Креативные пространства имеют множество типов и форм, которые ориентированы на выполнение различных функций. Ранние исследования предоставляют следующую классификацию креативных пространств, среди которых выделялись следующие: кластер, антикафе, коворкинг, культурный центр, галерея. Также в этот список автор включает бары, кафе, библиотеки, музеи, кинотеатры, студии, хостелы. Креативные пространства в большинстве своем являются многофункциональными площадками, поэтому на их деятельность следует смотреть через призму комплексности.

Наиболее удачную классификацию, отражающую современные тенденции в развитии этого направления, предоставляет Дарья Николаевна Суховская [8, с. 651], которая выделяет лофты, арт-пространства, коворкинги, антикафе, арт-кварталы и культурные центры.

Резидентами креативных пространств, производителями и потребителями предлагаемых ими продуктов и услуг зачастую являются представители креативного класса. Креативный класс может быть определен как аналитическая категория, состоящая из творческих и активных представителей самых разных социальных групп, идентифицирующих или потенциально способных идентифицировать себя с институтами модернизации и исходить в массовых социальных практиках из ценностей самореализации и творчества [1, с. 48]. Некоторые источники называют креативный класс альтернативой среднего класса в развитых сообществах.

Категорию «креативные пространства» можно рассматривать с различных точек зрения: как социальный (культурный) институт и общественное пространство. Пространство – философская категория, означающая физическую характеристику материи по расположению где-либо. Социально-экономические условия современного мира способствовали формированию нового социально-философского феномена – появлению креативных пространств. Впервые его рассмотрел Чарльз Лэндри в книге «Креативный город» [5, с. 44]. Он озвучил мысль, что актуальность проектов,

целью которых является объединение креативной части населения и исполнения различных творческих идей, будет только возрастать по мере развития общества и города. Руководствуясь этим подходом, такие пространства следует рассматривать в качестве многофункциональных инфраструктур. На их площадке можно стать организатором или посетителем мероприятий, приобрести единомышленников и будущих коллег для разработки и выполнения проектов и стартапов. Креативные пространства являются общественными, то есть, пространствами коллективного использования, в равной мере доступными для всех людей, решивших его посетить.

Термин «общественное пространство» близко соотносится с категорией «социально-культурная среда». Социально-культурная среда определяется как общность социальных и духовных факторов, которые оказывали воздействие на индивида на его жизненном пути.

Одно из основных назначений общественных пространств – предоставление условий для социального и культурного взаимодействия между людьми, оно консолидирует сообщество горожан и тем самым поддерживает взаимосвязи в обществе. Одно из самых обстоятельных определений этого феномена дал глава научно-учебной лаборатории МГУ им. Михаила Васильевича Ломоносова Сергей Александрович Капков: «...это городские территории, не находящиеся в частном владении и потенциально доступные всем членам городского сообщества, выполняющие общественно полезные функции, способствующие коммуникации и солидарным действиям горожан» [4, с. 61].

Уже долгое время в поле зрения урбанистов и социологов находится такая проблема как культурная организации городского пространства. Она не становится менее актуальной со временем, а только приобретает новые аспекты с ростом городов, появлением новых потребностей населения и запросов экономики. Проблематику воздействия общественных пространств на личность рассматривал Георг Зиммель в очерке «Большие города и духовная жизнь» [3, с. 5]. В этой работе Зиммель утверждает, что городское пространство определенным образом психологически влияет на горожан, постепенно меняя их жизненные ориентиры и стереотипы поведения.

Ричард Флорида, основатель концепции креативного класса, [10, с. 144] и Чарльз Лэндри [5, с. 25] изучали общественные пространства не только через трактовку социальных взаимосвязей. Они также уделяли большое внимание городской культуре, представляющей собой важную духовную составляющую городской среды. В их работах фигурирует феномен «креативный город», целью которого при саморазвитии является создание инновационной среды, а культурные пространства являются одним из его необходимых составляющих.

Креативные пространства в городе могут оказывать влияние и на качество жизни населения. По мнению Юлдуз Ракибовны Хайруллиной и Аделии Рустемовны Сонигиной [11, с. 38], понятие «качество жизни» складывается не только из жизненно необходимых компонентов, но и из таких субъективных компонентов как ценностные установки и переживания.

В качестве критериев комфортности города они рассматривают не только компоненты городской инфраструктуры, но и составляющие ментальной структуры. По данным исследования, проведенного в г. Казань, жители в целом чувствуют себя комфортно и гордятся своим городом. Развитие креативных пространств призвано создавать комфортную среду для творческого и умственного развития молодежи. Встречаясь в них, горожане активно взаимодействуют между собой и преобразуют окружающий мир в ходе своей деятельности.

Если рассматривать понятие «креативные пространства» как социальный институт, то нам видится возможным соотнести его с институтом культуры. В социологии термином «культура» называют «специфическую, генетически не наследуемую совокупность средств, способов, форм, образцов и ориентиров взаимодействия людей со средой существования, которые они вырабатывают в совместной жизни для поддержания определенных структур деятельности и общения» [7, с. 45].

Культуру создают, прививают и распространяют социальные институты культуры – совокупность социальных структур и учреждений, в рамках которых происходит развитие культуры, и которые упорядочивают жизнь в социуме [9, с. 78]. Институты культуры во многом, если не во всем, обуславливают эффективность креативной деятельности людей. Главная цель их существования — удовлетворение социальных потребностей в досуге, рекреации, творчестве.

Креативные пространства стимулируют население к творчеству, выполняют регулятивную, интегративную, транслирующую, коммуникативную, социализирующую функции, оказывают влияние на ценности и мировоззрение индивидов, прививают им нормы и ценности, а также удовлетворяют их потребности, поэтому мы определили их как институты культуры. Общественные креативные пространства обладают большим разнообразием форматов – арт-центры, творческие кластеры, музеи, учреждения культуры, театры, которые многофункциональны и являются местами межличностной коммуникации, деловой активности и социокультурного взаимодействия.

Для изучения общественного пространства мы рассматриваем несколько подходов, которые определяют разные аспекты и характерные черты:

- Семиотический – пространства хранят и распространяют культурную информацию, коды и знаки.
- Социологический – пространства рассматриваются как среда для взаимодействия людей.
- Архитектурный – интеллектуальные коммуникативные пространства, объединенные со специфической архитектурной средой.
- Антропологический – концепция коммуникативного действия, а также «третьего места», содействующего творческому взаимодействию и саморазвитию.
- Социально-культурный – общественные пространства – уникальный феномен, представляющий собой многообразие форм креативной деятельности

и взаимодействия людей со схожими интересами и потребностями, а также проявляющих собственную активность и инициативу в этих процессах.

- Средовый подход [6, с. 35] – пространства рассматриваются как результат освоения индивидом своей жизненной среды. Существует прямая связь между средой и образом жизни. В ходе освоения и осмысления жизненной среды могут формироваться ценности и мировоззрение человека.

- Парадигма информационно-коммуникационного пространства – социологический концепт, отражающий положение субъектов коммуникационного процесса. С ее помощью можно осмыслить социально-информационные связи, которые образуются на площадках креативных пространств, и ценностный обмен между субъектами коммуникации.

- Социально-топологическая теория – это способ описания пространственно-временных параметров социального бытия, создаваемого в ходе физического взаимодействия людей [2, с. 120]. Суть теории состоит в том, что пространствам присущи уникальные функции, назначение и цели. Одни и те же пространства для одних жителей могут являться местом отдыха, общения, а для других — местом работы. Таким образом, социальный контекст одного и того же пространства может быть различен.

Анализ взаимодействия креативных пространств и человека будет неполным, если не рассматривать его с философской, социологической, урбанистической, культурной, антропологической точек зрения. Для их изучения будет оправдан междисциплинарный подход на стыке различных наук.

Креативные пространства – не только организованные площадки или территории, но и фактор многопланового взаимодействия населения между собой, его обучения, воспитания, самореализации и социализации. Креативное сообщество способно развиваться в процессе осознания самого себя, что и выступило в качестве ключевого фактора возникновения и стремительного развития креативных пространств, которые выступили в качестве попытки общества создать собственный, соответствующий современным реалиям «внутренний мир культуры».

Литература

1. Волков Ю.Г. Креативный класс: поиск социологического концепта // Россия реформирующаяся: ежегодник. – М., 2010. – Вып. 9. – С. 48.

2. Зенец М.Г. Топос философской мысли в условиях современности // Омский научный вестник. – 2010. – № 2 (86). – С. 119–122.

3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь/ Г. Зиммель// Логос. — 2002. – 12 с.

4. Капков С.А. Развитие городских общественных пространств: социально-философские аспекты // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 11. – С. 58–63.

5. Лэндри Ч. Креативный город / Ч. Лэндри. – М.: Классика-XXI, 2011. — С. 400.

6. *Медведева О.П.* Современные проблемы в содержании понятия «средовой подход» // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2014. – № 9. – С. 24–28.

7. *Радугин А.А., Радугин К.А.* Социология: курс лекций. – 2-е изд., перераб и доп. – М.: Центр, 1999. – 160 с.

8. *Суховская, Д.Н.* Реализация творческого потенциала населения через креативные пространства города: лофты, зоны коворкинга, арт-территории / Д.Н. Суховская. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2013. – № 10 (57). – С. 650–652.

9. *Тетерина Е.А., Питерова А.Ю.* Культурология. Теория культуры. – Пенза: ИИЦ ПГУ, 2012. – 130 с.

10. *Флорида Р.* Креативный класс: Люди, которые меняют будущее. Классика-XXI, 2007. – 432 с.

11. *Хайруллина Ю.Р., Соныгина А.Р.* Качество жизни населения и влияние городской инфраструктуры г. Казани (на материалах эмпирических исследований) // Электронный экономический вестник Татарстана. – 2016. – № 1. – С. 36–42.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Саттаров Тимурбек Адылович

*Центр перспективных экономических исследований
Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия*

Хайруллина Юлдуз Ракибовна

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Центр перспективных экономических исследований
Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия*

Аннотация. В данной статье рассматривается роль социального предпринимательства в обеспечении повышения качества жизни населения в России. Социальное предпринимательство выступает составной частью социальной политики государства, альтернативой частному и государственному подходу в решении социальных проблем и эффективным инструментом в повышении качества жизни населения.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, качество жизни населения, социальная политика, органы государственной власти, некоммерческие организации, социальные проблемы, социальный предприниматель, социальные факторы.

Важным элементом социально ориентированной политики Российской Федерации выступает повышение качества жизни ее граждан во всех сферах общественной жизни. Для достижения данной цели разрабатываются и внедряются национальные проекты, основным направлением которых

является стабильный и долгосрочный рост его показателей [1]. Однако меры, применяемые государством, не всегда приносят нужный результат, и значительная часть проблем (например, здравоохранение, образование, социальные услуги) так и остаются нерешенными и со временем становятся острее.

В настоящий момент растет необходимость повышения качества жизни населения посредством применения различных механизмов. Целесообразно усовершенствовать уже существующие инструменты, а также внедрить принципиально новые формы и методы повышения качества жизни, которые связаны, в том числе, с бюджетным и внебюджетным финансированием. В отечественных социально-экономических условиях это одна из первостепенных задач федеральных, региональных, муниципальных органов государственной власти, а также некоммерческого сектора экономики.

В современном мире одним из основных инструментов социальной политики государства является социальное предпринимательство, выступающее в качестве симбиоза коммерческих и некоммерческих организаций. Социальное предпринимательство или бизнес в сравнении с коммерческим предпринимательством отличается, главным образом, в миссии и ценности организации. Так, коммерческое предпринимательство работает в основном для получения прибыли от деятельности, выхода на новые рынки с целью предложения товаров или услуг. Прибыль является необходимым условием для удержания позиций организации на плаву среди конкурентов. Социальное предпринимательство или бизнес, в первую очередь, ставит перед собой цель – решить социально значимые проблемы общества. Целевой аудиторией социального предпринимательства выступают незащищенные слои населения или же конкретная социальная проблема. Социальное предпринимательство существует за счет поддержки органов государственной власти, грантодателей и благотворителей.

Объектом социального предпринимательства выступает социальная проблема. Сложнее дела обстоят с субъектом социального предпринимательства ввиду его многоаспектности. Субъектами могут являться как сами социальные предприниматели, так и те стороны, на которые направлена их деятельность. Социальное предпринимательство не ограничивается в количестве материальных возможностей, времени и, следовательно, предполагает значительное увеличение сфер влияния и масштабирования опыта [2].

Наибольшего социального влияния при решении тех или иных проблем достигают проекты, использующие уникальные инновационные методы. Социальные предприниматели точно также, как и коммерческие бизнесмены разрабатывают управленческие решения. Эти решения основываются на предпринимательском подходе и возможностях рынка с целью получения дохода и долгосрочного воздействия на сферы общества. Социальное предпринимательство позволяет решать проблемы общества, с которыми на сегодняшний день не в силах справиться органы государственной власти и коммерческие предприятия. Кроме того, социальное предпринимательство

вбирает в себя лучшие практики из государственного и частного секторов и становясь при этом наиболее успешным подходом в решении социальных проблем.

При изучении социального предпринимательства важно отделить другие формы общественно полезной деятельности, которые часто путают с ним. Первой формой являются организации, которые предоставляют социальные услуги социально незащищенным слоям населения (например, школа для сирот, где те могут получить необходимую заботу, знания, опыт). Однако чаще всего такая деятельность не предполагает широкого масштаба и организации социального обслуживания направлены лишь на одну сферу, за которую, как правило, они не выходят. То есть их влияние остается ограниченным, целевая аудитория является маленькой, а область действия определяется возможностями, которыми они обладают и которые способны привлекать. Также зачастую такие организации являются легко уязвимыми, что может привести к срыву предоставления услуг для их целевой аудитории. Главной отличительной чертой социального предпринимательства от социального обслуживания является результат деятельности [3].

Второй формой общественно полезной деятельности является социальный активизм. Здесь основными чертами являются личные качества индивида, например, такие как вдохновение, смелость, настойчивость, творческий подход. Главным отличием является решительность индивида. Так, социальный предприниматель решает проблему самостоятельно, а социальный активист пытается решить проблему опосредованно, посредством влияния на органы государственной власти, некоммерческие организации и побуждения их к решительным действиям. Социальным активистам нет необходимости создавать организации для нужных трансформаций в обществе. Успешные практики социального активизма могут привести к положительным переменам и даже повышению качества жизни населения [4].

В реальности социальное предпринимательство включает в себя эти формы, успешно совмещая их, и формируя тем самым гибридные модели. В чистой форме успешный социальный предприниматель действует самостоятельно и решает социальную проблему. Социальный активист оказывает воздействие на других, решая тем самым проблему, представители социальных услуг действуют самостоятельно, чтобы улучшить положение тех, кто находится в группе риска.

Сегодня социальное предпринимательство все больше приобретает статус альтернативы частному и государственному сектору в решении социальных проблем. Такие качества, как самокупаемость, направленность на социальную ценность, социальная миссия, масштабируемость, высокая конкурентоспособность делают социальное предпринимательство эффективным инструментом решения социальных проблем и повышения качества жизни населения.

Социальное предпринимательство определяется, прежде всего, как возможность частичного и во многом эффективного решения на локальном уровне наиболее острых социально-экономических вопросов, которые не может

решить государство относительно, так называемых, уязвимых слоев населения (люди с ограниченными возможностями, без определенного места жительства, пенсионеры, сироты, беспризорники, наркозависимые и т. д), в том числе через механизм социальной инклюзии [5]. Кроме того, социальное предпринимательство реализует включение в экономическую деятельность предприятий, ставящих своей основной целью не столько максимизацию прибыли и накопление капитала, сколько поддержку социально незащищенных групп населения, уменьшение доли безработных посредством создания новых рабочих мест.

В современной России необходимо более активно применять социальное предпринимательство в качестве одного из самых эффективных инструментов повышения качества жизни населения, удовлетворения его социально-экономических запросов. В свою очередь, социальное предпринимательство становится буфером между общественным и коммерческим интересом, необходимым для социального благополучия населения. Решение накопившихся социальных проблем, а также создание условий для развития и эффективного использования человеческого капитала является одним из приоритетных направлений стратегии развития Российской Федерации до 2030 года [6].

Одним из значимых стратегических векторов развития нашей страны и соответственно современной социальной политики является повышение уровня и качества жизни населения. Качество жизни выступает значимым индикатором развития государства. Качество жизни – это комплекс материальных, духовных и социальных нужд индивида, который отражает общее благосостояние населения. Поскольку качество жизни населения выступает показателем эффективного распределения ограниченных благ, основной функцией органов власти является их грамотное распределение в современных условиях.

В современном российском обществе отмечается ряд нерешенных проблем, не дающих возможность идти в ногу с развитыми странами запада. Среди таковых проблем стоит отметить низкую производительность труда, низкий уровень отечественного производства, слабую систему образования и здравоохранения, проблемы экологии и другие. Стратегии развития и программы, реализуемые государством, не приносят заметных результатов и требуют значительной корректировки. Основным компонентом развития производства и конкурентоспособности государства выступает человеческий капитал и именно поэтому оно должно на регулярной основе формировать и поддерживать достойные условия для жизни людей.

Впервые понятие «качество жизни» встречается в труде «Общество изобилия» американского исследователя в области экономики Дж. Гэлбрейта в 1960 году. Зарубежные исследователи в оценку условий качества жизни населения включают в себя такие факторы, как стабильность в социальной, экономической и политической сферах, свобода выбора, защита интересов прав и свобод граждан, защищенность и стабильность. Важно отметить, что такое явление как «качество жизни» включает в себя не только материальные

индикаторы, но и другие показатели, позволяющие дать оценку качеству жизни населения [7].

Точкой отсчета применения термина «качество жизни» в нашей стране стали социально-экономические и политические реформы, проводимые в России в 1980–1990-х годах. Отечественные исследователи Ю.В. Зубрилина и Н.С. Маликова считают, что повышенный интерес к проблеме качества жизни свидетельствует о том, что отечественное общество в большей степени озабочено не столько внешнеполитическими проблемами, сколько социальными проблемами внутри страны.

Отечественные исследователи Т.Ф. Матвеева и О.В. Глушакова придерживаются мнения, что качество жизни представляет собой степень удовлетворения потребностей индивидов. Потребности есть нужда или недостаток в чем-либо для поддержания функционирования организма, личности и в целом общества.

Другой подход в исследовании качества жизни ставит в центр ценности человека, которые выступают фундаментальным понятием, позволяющим дать оценку удовлетворенности индивида жизнью. В рамках данного подхода исследователи подразумевают под ценностями определенные установки индивида, которые дают возможность делать суждения об уровне удовлетворения их потребностей.

Различные социологические исследования свидетельствуют, что качество жизни есть отражение последствий социальной политики. Отсутствие системного подхода осуществления социальной политики в разрезе качества жизни населения приводит к снижению как самого качества жизни, так и результативности управления. Также здесь важно отметить, что без проведения непосредственно самой социальной политики наблюдается спад и в качестве жизни. В нашей стране повышение качества жизни населения является одной из самых важных задач социальной политики государства, на реализацию которой ориентирование всей системы государственного управления [8].

Качество жизни населения является индикатором успешности социальной политики, проводимой государством. Социальная политика включает в себя не только решение таких вопросов, как уровень экономики и безработицы, но и духовные аспекты жизни людей. Так, чем лучше органы государственной власти выполняет свои социальные обязанности перед гражданами страны, тем лучше будет качество жизни населения и соответственно репутация самого государства. Чем успешнее будет реализовываться социальная политика, тем лучше будет экономическая ситуация.

Регулирование повышения качества и уровня жизни населения со стороны органов государственной власти основывается на усовершенствовании баланса социальных отношений, в основе чего лежит обеспечение общественных гарантий в целях повышения эффективности применения труда и достижения адекватного уровня жизни людей.

Повышение качества жизни населения является труднодостижимой задачей, поскольку в процессе своего развития сталкивается с рядом проблем

различного уровня. Именно поэтому для того, чтобы выявить пути улучшения качества жизни населения важно выделить барьеры, препятствующие этому. Так, за последние несколько лет значительно увеличилось количество безработных и малообеспеченных семей, бездомных и людей, которые попали в трудную жизненную ситуацию.

Социальные обязательства выступают элементом общей стратегии государственной политики, направленной на повышение качества жизни населения. Качество жизни включает в себя определенные индикаторы, анализ которых позволяет оценивать степень удовлетворенности населения своей жизнью. К таким индикаторам можно отнести экономические, духовные и социальные факторы. Таким образом, понятие качества жизни населения, благодаря его изучению в различных областях вобрало в себя экономические и социальные категории, которые дают возможность оценить эффективность социальной политики, проводимой государством, показывают ее результативность и выявляют степень удовлетворения различных потребностей населения.

В настоящее время наша страна сталкивается с некоторыми противоречиями, заключающимися в том, что общество и государство хотят повышать качество жизни населения, но в то же время наблюдается множество проблем, например, бедность, низкий уровень развития здравоохранения, образования, низкие оплаты труда, высокие цены, которые ограничивают их стремления. Для разрешения социальных проблем создаются национальные проекты, которые при ряде условий могут позволить повысить качество жизни населения в различных сферах. Однако на данный момент за время существования проектов все цели не были реализованы и соответственно не были решены насущные социальные проблемы. Кроме того, «палки в колеса» в развитии национальных проектов «вставляют» масштабность общественных проблем, истощение ресурсов, миграция населения и т. д.

Социальное предпринимательство занимает пограничное положение между социальной и экономической областью и выступает эффективным механизмом повышения качества жизни населения. Также социальное предпринимательство является важной составляющей социальной политики государства. Его основная цель заключается, в первую очередь, в достижении социальной миссии, а не в достижении материальных результатов и тем самым социальное предпринимательство позволяет решить многие социальные проблемы [9].

Таким образом, сегодня социальное предпринимательство, благодаря таким качествам, как самокупаемость, социальная направленность, масштабируемость, высокая конкурентоспособность становится альтернативным вариантом частному и государственному подходу в решении насущных социальных проблем.

Литература

1. Минпромторг РФ. – URL: https://minpromtorg.gov.ru/common/upload/docVersions/5d623e7b1547a/actual/Информационные_материалы_o_

национальных_проектах_по_12_направлениям_стратегического_развития_compressed.pdf (дата обращения: 16.04.2022).

2. *Хайруллина Ю.Р., Жигитова Т.В., Саттаров Т.А., Гатауллина Л.В.* Непрерывное образование людей предпенсионного и пенсионного возраста: задача государства или социального предпринимательства? // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – № 3. – С. 170–181.

3. *Саттаров Т.А., Гатауллина Л.В., Хайруллина Ю.Р.* Социальное предпринимательство: сущность, особенности, проблемы (на материалах Республики Татарстан) // Глобализация и национальная безопасность: человек и общество в меняющемся мире. Двадцать вторые Вавиловские чтения: материалы международной междисциплинарной научной конференции: в 2 ч. / под общ. ред. проф. В.П. Шалаева. – Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2019. – Ч. 2. – С. 112–114. ISBN 978-5-906541-23-9 (Ч. 2)

4. Новый бизнес: социальное предпринимательство. – URL: <http://www.nb-forum.ru/> (дата обращения: 23.04.2022).

5. *Eflova M.Y.* Social exclusion of socially deprived groups in Russia / M.Y. Eflova // The Social Sciences Journal. – 2015. – Vol. 10, № 2. – P. 147–152.

6. *Гаврилова И.А., Макаров А.Д.* Качество жизни населения: Стратегия повышения, государственное урегулирования // Фундаментальные исследования. – 2017. – № 4–1. – С. 133–137.

7. *Смирнов, С.Н.,* Социальная политика / С.Н. Смирнова, Т.Ю. Сидорина. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. – 216 с.

8. Центр инноваций в социальной сфере. – URL: http://ciss-rt.ru/o_nas/ (дата обращения 20.04.2022).

9. *Попова К.А.* Формы социального предпринимательства: обзор российского и зарубежного опыта работы с социально исключенными группами населения. – URL: <http://nko.economy.gov.ru:81/data> (дата обращения: 18.11.2020).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Смирнов Сергей Владимирович

*Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального
университета. Елабуга, Россия*

Аннотация. В представленной статье рассматриваются особенности воздействия информационных процессов на трансформацию экзистенциальных качеств человека. Оценивается характер воздействия увеличивающихся потоков информации на социальные характеристики человека, его духовность, мировоззрение и интеллект. Рассматриваются последствия превращения человека из существа, обладающего духовностью и нравственностью в подобие коммутирующего устройства – человека-радио. Обосновывается

необходимость преодоления отчуждения человека от социального окружения и самого себя, возрождения его личностных качеств.

Ключевые слова: информационные процессы, научно-техническое развитие, экзистенциальные качества человека, информация, ценности.

В условиях развития научно-технической революции, человечество сталкивается с рядом актуальных проблем, свидетельствующих о кризисе сформировавшегося в индустриальную эпоху образа жизни, мышления и деятельности, позиционирующего человека как деятельностное существо способное к творческому преобразованию окружающего мира.

Переход к постиндустриальному этапу развития цивилизации, начало которого имело место уже в середине прошлого века в ряде европейских государств, Японии и США, привел к ускорению темпов научно-технического прогресса, поставив человечество перед необходимостью адаптации к изменениям, имеющим место на уровне социально-экономической и духовно-культурной деятельности, форм межличностной коммуникации.

Проблема ускорения темпов научно-технического развития в контексте его воздействия на различные стороны деятельности человека рассматривалась в трудах ряда отечественных и зарубежных философов и ученых, в том числе И.В. Бесстужева-Лада, С. Лема, Э. Тоффлера, Э. Фромма, Г. Маркузе, Д. Бэлла, З. Бжезинского и других.

В соответствие со спецификой авторских подходов, наблюдаемые изменения выступают в качестве предпосылки становления альтернативной цивилизации – общества, существующего и развивающегося в гармонии с естественной средой [1]; как угроза трансформации телесности человека, пугающая перспективой его превращения в кибернетический организм, подменой «естественного» разума искусственным интеллектом [2]; как источник девальвации эмоциональных отношений между людьми, превращения последних в имперсональные контакты, реализуемые по функциональному принципу [3]; как условие создания технологического общества ускоренная цифровизация которого станет фактором преодоления глобальных проблем, вставших перед человечеством на рубеже столетий [4].

В представленной статье рассматривается проблема трансформации экзистенциальных качеств человека имеющая место в условиях ускорения темпов научно-технического прогресса обусловленных развитием информационных процессов.

Рассмотрим сущность данной проблемы и наметим основные пути ее решения.

Уже в середине прошлого века К.П. Сноу отмечал: социальное изменение до этого столетия было «таким медленным, что проходило незамеченным за период жизни одного человека. Сейчас это не так. Скорость перемен возросла настолько, что наше воображение за ним не поспевает» [3, с. 35]. У Беннис, соглашаясь с ним утверждает, что «никакое преувеличение, никакая гипербола, никакое грубое приближение не может реалистично описать степень и скорость

изменения... В действительности только преувеличение оказывается верным» [3, с. 35].

Ускорение темпов социальных трансформаций, связано с совершенствованием, в первую очередь, информационных технологий в рамках так называемой «третьей волны» развития цивилизации – постиндустриального общества, основной характеристикой которого, является упор на преимущественное развитие сферы услуг и производство информации.

Развитие информационных технологий – процесс, характеризующийся экспоненциальным характером. Начиная с появления первого компьютера (1969 год), объем информации, циркулирующей в обществе, возрос настолько, что «пропускная» способность человеческого мозга как структуры занимающейся усвоением и переработкой поступающей информации не позволяет человеку рационально осмыслить непрерывно изменяющуюся реальность. И действительно, если раньше, в эпоху традиционного и индустриального обществ, когда процесс создания и передачи информации был ограничен техническими возможностями, географическими, этническими и конфессиональными преградами, человек психологически мог адаптироваться к достаточно медленно изменяющейся социальной и культурно-мировоззренческой обстановке, то сегодня, в эпоху ускоренного развития цифровых технологий, объем информации и скорость ее передачи увеличились настолько, что человек не просто теряет способность своевременно к этим изменениям адаптироваться, он перестает их осознавать.

Количество информации, которое в настоящее время производит человечество, удваивается ежегодно. Это поражает. Каждый год мы узнаем ровно столько, сколько узнали за всю свою предыдущую историю, насчитывающую сотни тысяч лет! Следствием данной ситуации становится то обстоятельство, что человек постепенно теряет способность ориентироваться в быстро изменяющемся мире, своевременно реагировать на социальные и культурные изменения, превращаясь в своеобразного гносеологического Робинзона, заброшенного неведомой ему силой в столь близкий и одновременно столь далекий ему мир людей, ценностей и знаний.

Между тем, в условиях ускорения темпов научно-технического развития, степень комфортности существования индивида, целесообразности его деятельности социальным ожиданиям, прямо зависит от его способностей и умений сознательно усваивать, перерабатывать и транслировать создаваемую в обществе информацию приспособившись, таким образом, к непрерывно изменяющейся социальной и культурно-мировоззренческой обстановке.

И здесь наблюдается очевидный конфликт между желаемым и действительным. Человек, понимая, что его конкурентоспособность зависит, прежде всего, от того, что он знает, осознает, что приобрести это знание в условиях ограниченности физиологических возможностей мозга, как центра, усваивающего и перерабатывающего информацию, весьма затруднительно. И, тем более, что приобретенное знание достаточно быстро устаревает. В данной ситуации, человек вынужден редуцировать многообразные функции своего взаимодействия с людьми (гуманистическую, ценностно-

мировоззренческую, культурную, регулятивную, познавательную и т. д.) к функции единственно важной и наиболее значимой – передачи информации.

Поскольку необходимость осуществления подобной редукции становится основополагающей целью, индивид превращается из Человека, как существа, живущего полнотой своих эмоциональных и духовно-интеллектуальных качеств в некое коммутирующее устройство, ценность которого определяется не своеобразием его индивидуально-личностных свойств, а объемом и качеством информации, которыми он владеет и способен передать. Основными характеристиками такого устройства становятся свойства, отражающие его технические параметры: объем памяти, эргономичность, долговечность, гарантийный срок службы и т. д. [5, с. 57].

Эмоционально окрашенные межличностные связи этого устройства превращаются в «отношения» приемника-передатчика. Потребности и интересы, стремления и цели, духовность, индивидуальность, становятся экстерьером транслирующего устройства (человека-радио так бы мы его назвали), его «видовым» отличием от другого устройства подобного рода.

Сугубо человеческие качества человека-радио интересуют другого представителя вида *Homo sapiens* лишь с точки зрения особенностей транслируемого им контента. «Сознательно или неосознанно, – писал еще в 60-х годах XX века Э. Тоффлер, – но мы строим свои отношения с другими людьми по функциональному принципу... Мы не воспринимаем человека в целом, а включаемся, как вилка в розетку, в один из модулей его личности» [3, с. 113].

Человека-радио не интересует то, что выходит за рамки той информации, которую он передает. Информация же сама по себе деперсонализирована, наиндивидуальна. эмоционально нейтральна. Столь же деперсонализированным и наиндивидуальным становится ее транслятор – человек. Отчуждение человека от ценностей эмоционального взаимодействия приводит к тому, что индивид, осознавая это или нет, уходит из мира реальных людей в мир их образов, симулякров, интегрированных в его сознании в форме безликой совокупности индивидов, механического агломерата человеческих особей (здесь уместен широко используемый неологизм – офисный планктон). Человек превращается из Человека в человеческий Фактор. Человеческий же фактор единообразен, в нем нет индивидуальности.

В данных условиях жизнь человека, когда-то наполненная удивительными событиями, переживание которых формировало цель и смысл его жизни (а именно размеренность и неторопливый ход времени каждое событие делают незабываемым), стала монотонной, серой и ничем не примечательной. Непрерывная смена событий способствовала снижению толерантности их восприятия человеком, «стиранию» способностей человека к их эмоциональному переживанию.

Если раньше, в условиях размеренности и неторопливости хода событий человек пытался осмыслить Жизнь в категориях личностного, субъектного отношения к ней, то сегодня, в условиях ускорения темпов социальных изменений, у него нет на это времени. О жизни он судит, основываясь на:

информации, полученной из уст многочисленных интернет – экспертов; общественных стереотипах; данных социологических исследований; мнении родственников, друзей и знакомых.

Жизнь индивидуума превращается в некое подобие киноленты, которая прокручивается с все возрастающей скоростью оставляя далеко позади того кто ее воплощает – самого человека.

Жизнь-ради-жизни превращается в жизнь-смену-кадров. Быстрое обновление информации и обусловленное этим ускорение жизни создают ощущение ее скоротечности, непостоянства, одноразовости (как тут не вспомнить одноразовую посуду, одноразовые средства гигиены, одноразовые медицинские принадлежности и т. д.). Как следствие, теряется необходимость поддерживать устойчивые социальные связи. Последние, становятся все более поверхностными и безликими, приобретают утилитарный характер. Прекращение непосредственного межличностного контакта между индивидами связанное, к примеру, с изменением их социального статуса (само стремление, к приобретению которого является выражением желания человека выделиться из серого социального агломерата), с миграцией носителей этих отношений приводит к разрыву контактов между субъектами и как следствие, к дальнейшему углублению осознания непостоянства, скоротечности жизни.

Рост этого осознания приводит к кризису ценностей. Теряется ощущение фундаментальности принципов человеческого бытия выраженных в этических максимах. Моральные принципы начинают рассматриваться как имеющие абстрактный, эфемерный, преходящий характер. Действительно, о каких Вечных ценностях может идти речь, если в мире все непрерывно изменяется? Чем дружба отличается от формализованных контактов если и то и другое основано на передаче – приеме информации, которая мгновенно теряет свою актуальность?

Общество, каждый из нас, осознавая это или нет, существует сегодня в ситуации внутреннего конфликта обусловленного наличием противоречий между миром реальным и миром долженствующим. Способы снятия этого противоречия известны – это уход в мистицизм, связанный с конструированием собственного мира отличающегося от мира эмпирического устойчивостью и постоянством, сознательной регулируемостью. Это – погружение в сонм наркотических и алкогольных грез и желаний, вырывающих человека из жестокого мира обыденности, позволяющих снять накопившийся груз социального безразличия и пессимизма.

Постоянное обращение к вымышленной реальности приводит к тому, что человек постепенно теряет способность к эмпирическому существованию, превращаясь в объект манипулирования со стороны внешних, рационально-организованных сил – партий, религиозных течений, общественно-политических движений и т. д.

Человек теряет способность понимать свое настоящее и верить в свое будущее. Ну, а поскольку человек боится того, чего он не знает, не понимает, или не способен объяснить, свое будущее он начинает воспринимать как все более страшное и непредсказуемое. Отсюда – рост апокалиптических

и эсхатологических умонастроений, маниакальная боязнь «конца света», вера во всевозможных мессий, колдунов, магов, целителей и пророков. Наука, не способная объяснить то, что на данный момент является необъяснимым, уступает место лженаучному знанию. Человека, самозабвенно занимающегося научными исследованиями, подвергают осмеянию и обструкции [6].

В условиях всеобщего одичания, на первый план выходит необходимость осмысления псевдонаучных проблем сама постановка которых, свидетельствует об умственном нездоровье общества, живущего общественными стереотипами и предрассудками формируемыми средствами массовой информации и общественными деятелями, играющим на низменных инстинктах людей и их предрассудках.

К этим «проблемам» можно отнести боязнь конца света, страх перед порчей и сглазом, черными дырами, генно-модифицированными продуктами, нашествием инопланетян...

Человек, обремененный подобными «проблемами» не знает куда идти и во что ему верить. Он идет за пророками, манипулирующих его сознанием, призывающих его жить Здесь и Сейчас, не думая о завтрашнем дне, непредсказуемом и угрожающем. Ну а поскольку никто точно не может сказать, когда же наступит это страшное будущее, человек в полной мере старается жить настоящим. И в этом настоящем есть лишь одно, что сохраняет ценность, не девальвируясь и не смываясь бесконечным потоком информации. Это потребление. Удовлетворение потребностей тела, его физиологии. Магия шелка, неземной вкус Данон, вкуснейшие стрипсы и куриная грудка... «В 1986 году, – отмечают Дэвид Ванн, Томас Х. Нэйлор, и Джон Де Граф, – Америка еще насчитывала больше высших учебных заведений, чем торговых центров – моллов. Не прошло и пятнадцати лет, как число торговых центров стало более чем вдвое превышать число высших учебных заведений. В век синдрома потребления (как, по нашему мнению, в конце концов, будут называться десятилетия, примыкающие к границе между вторым и третьим тысячелетием) торговые центры заменили собой церкви как символ культурных ценностей» [7, с. 13].

Купить-иметь-приобрести – религия современного человека. Упадок духовности, ценностный нигилизм, приводят к росту всеобщей черствости и безразличия. Более того, безразличие к окружающему начинает сменяться безразличием к самому себе. Человек – пишет Э. Фромм – утрачивает чувство самоценности и уникальности, превращает себя в средство, инструмент для достижения каких-то внешних целей; ощущает себя вещью и относится к себе как к вещи, отчуждает от себя собственные силы и возможности [8, с. 282].

Решение проблемы отчуждения человека от общества и самого себя, необходимость возрождения его «самости» – сегодня представляет одну из наиболее актуальных задач. Очевидно, полагать, что данная проблема может быть решена за счет устранения тех предпосылок, которые привели к ее постановке. И здесь, мы сталкиваемся с проблемой: ограничить рост темпов создания информации невозможно.

В условиях актуализации глобальных проблем – демографической, экологической, ресурсной и т. д., попытки ограничить темпы роста производства информации приведут к социальному и научно-техническому регрессу, вернут общество в средневековье.

Тем не менее, некоторые направления деятельности в плане решения рассматриваемой проблемы можно наметить.

Первое из этих направлений ставит необходимость создания некоего информационного фильтра, позволяющего сепарировать информацию по принципу ее верифицированности, объективности, достоверности, предметной принадлежности т. д. Это позволит человеку ориентироваться в ее бесконечном многообразии, строить свою жизнь исходя из личных интересов, предпочтений и взглядов, а не социальных стереотипов и общественных предрассудков, мистифицирующих и деформирующих его мышление, вырывающих индивида из контекста эмпирической реальности.

Второе направление связано с необходимостью возрождения духовности, с реанимацией эмоциональных сторон социального взаимодействия. Мы должны понимать, что Жизнь должна проявляться в полноте и многообразии своих качеств. Психоэмоциональный комфорт человека зависит не только от его способности оперировать информацией, но и от умений выстраивать социальное взаимодействие интенсивность и характер которого позволяет ему ощущать свою «самость», свою принадлежность к обществу.

Таким образом, развитие информационных процессов в современном обществе, обусловленное ими ускорение темпов научно-технического прогресса, приводят к трансформации экзистенциальной сущности человека, к кризису социальных отношений.

Превращаясь из Человека как существа обладающего полнотой духовных и нравственных качеств в безликую Функцию, индивид становится частью серого социального агломерата. Деперсонализация человека приводит к упадку духовности, к разрушению традиционных ценностей, их подменой культом потребительства.

Необходимость преодоления отчуждения человека от общества и самого себя является одной из важных проблем современности. Решение данной проблемы ставит задачу сепарации информации, усваиваемой индивидом, возрождения культуры эмоционального взаимодействия между людьми.

Литература

1. *Бесстужев-Лада И.В.* Альтернативная цивилизация. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1998. – 352 с.
2. *Лем С.* Молох. – М.: АСТ: Транзит-Книга, 2005 – 781 с.
3. *Тоффлер Э.* Шок будущего. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.
4. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. – М.: Academia, 1999. – 956 с
5. *Смирнов С.В.* Роль информационных процессов в трансформации экзистенциальных качеств современного человека / Сборник научных трудов

по материалам I Международной научно-практической конференции «Гуманитарные науки и проблемы современной коммуникации» (Нижний Новгород, 25 января), 2016. – С. 53–62.

6. *Смирнов С.В.* Причины и следствия распространения лженаучного мистицизма / Сборник научных трудов по материалам XVII Международной научно-практической конференции «Современные научные исследования» (Анапа, 17 февраля), 2020. – С. 25–28.

7. *Девид Ванн, Томас Х. Нэйлор, Джон Де Грааф.* Потреблятьство: Болезнь, угрожающая миру. – М.: Ультра. Культура, 2003. – 375 с.

8. *Фромм, Э.* Человек для самого себя. – М.: ООО «Издательство АСТ» 2008. – 350 с.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ АНАЛИЗА, ПРАКТИКИ ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Трубицин Иван Иванович

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Хайруллина Юлдуз Ракибовна

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Центр перспективных экономических исследований
Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается проблематика потребительского поведения населения России, исходя из влияния различных показателей социальной и экономической политики на современном Российском рынке. Определяются основные теоретические подходы к рассматриванию тех или иных форм потребительского поведения в постсоветской России. Особое внимание уделяется динамике изменения потребительского поведения и индексу социальных настроений в России, влиянию кризисных явлений 2008 и 2015 года. Отдельному вниманию подвергается осмысление изменений потребительского поведения в условиях пандемии COVID-19 и возникающим изменениям в условиях введения масштабных санкций и сокращения транснациональных компаний в феврале-марте 2022 года.

Ключевые слова: потребительское поведение, современный рынок, товарный фетишизм, показное потребление, теория моды, общество потребления, конструирование потребления, габитус, потребительский статус, индекс социальных настроений, социальная стратификация, запасливое потребление.

Особенности развития российского общества связаны с многообразием воздействий во внутренних и внешних воздействиях социальной и экономической политики. Потребительское поведение видоизменяется и трансформируется, исходя из особенностей рыночной структуры

современной России, которая пришла на смену плановой экономике. Особое место занимают демографические показатели в совокупности по всей стране и дифференциация данных показателей между всеми субъектами Российской Федерации. В связи с этим значительное внимание привлечено к исследованию, разработке и реализации стратегий по удовлетворению потребностей различных сегментов населения, подходов к функционированию региональных потребительских рынков и работе с сложившимися потребительскими моделями поведения.

Взаимоотношения потребителей в рыночной структуре с продавцами создают определенную проблематику в реализации производственной и сбытовой деятельности. Понимание потребительского поведения позволяет не только структурировать знания о текущем состоянии рыночной системы, но и определить точки взаимодействия с потребителями в соответствии с сложившимися моделями поведения в целом по стране, как и в отдельно взятых регионах. Потребительское поведение, являясь формой экономического поведения – характеризуется социальным статусом группы и личности. В связи с чем возрастает проблематика изучения социологического аспекта исследования потребительского поведения с учетом социальной структуры общества, в которой находится субъект [1, с. 326].

Что собой представляет современный рынок и почему стоит уделить внимание изучению потребительского поведения?

Современный рынок – выступает особым пространством распределения ресурсов, складывающихся социальных отношений и действий всех его участников, условий конкурентной борьбы и конкурентоспособности рыночных субъектов за потенциальных покупателей. Рынок с точки зрения релевантно-социологических подходов в работе В.В. Радаева «Рынок как цель обменов между организационными полями» [2, с. 124], представляет собой организационное поле, где участниками рынка являются предприятия, принадлежащие одному сектору или отрасли. Их различие заключается в объемах и структурированности существующих форм капитала, которыми в свою очередь выступают: социальный, культурный, экономический и символический. Организационное поле, его структура и формы капитала, создают условия для входа на рынок и последующие возможности по реализации сбыта и извлечению прибыли. Обмен как особое звено организационного поля представляется совокупностью участников рынка, которое на порядок отличается от представлений взаимодействия только продавцов и покупателей. Тем самым формулируя более целостное представление о рынке, в который включены исследования всех агентов, включенных в процессы производства, реализации поставок готовой продукции и конечного потребления. Этими агентами выступают производители, переработчики, закупщики и импортеры, сеть дистрибьютеров, операторы логистики, посредники на различных уровнях, розничные продавцы и конечные потребители.

В условиях конкурентной борьбы между всеми субъектами рынка особое место занимает исследование взаимодействия всех агентов, включенных

в рыночные процессы, в особенности вопросов, связанных с конечным потреблением и поведением потребителей. Обращаясь к понятию потребительского поведения, стоит уделить внимание трудам западных, советских и российских ученых, для понимания факторов рассматривания данного феномена, динамики и трансформации социально-экономических аспектов.

Социологические подходы к изучению практик потребительского поведения подразделяются на следующие направления: классическое, постмодернистское и социально-конструктивистское. Каждое из данных направлений отражает особенности потребительского поведения современного российского общества в постсоветском пространстве.

В теориях классического направления главенствующим фактором выступает социально-экономическое положение человека. Один из фундаментальных трудов К. Маркса «Капитал» [3, с. 82] остается актуальным для анализа рынка в современных условиях, несмотря на перераспределение экономических центров, научно-технический Прогресс и переход общества в век информатизации. Идея товарного фетишизма представляется как определенный закон удовлетворения потребностей, которые возрастают по мере их удовлетворения, как определенная персонификация вещей и категорий экономического характера. Самым ярким примером товарного фетишизма может выступить фраза «Это больше, чем просто вещь», отражая значимость восприятия определенного продукта, воспоминаний и ассоциаций об определенных событиях.

Т. Веблен в своих трудах [4, с. 22] рассматривал феномен «показного (престижного) потребления, когда потребитель посредством приобретения товара демонстрирует достижение определенного статуса, самоутверждения, где особую роль играют общественное отношение к приобретенной продукции, то есть, иными словами – социально-экономическое положение человека вызывает потребление с целью последующей демонстрации. Индивид как правило приобретает продукцию более дорогого сегмента, премиум-сегмента, превышая свои индивидуальные возможности и потребности. Данная теория позволяет рассматривать такие особенности потребительского поведения, как: спекулянтов в советском и постсоветском пространстве, в том числе и товары под известным брендом, производимые из более дешевых материалов – поддельные товары; потребление товаров премиум сегментов, ограниченных материальным положением потребителя.

Следующей теорией классического направления является теория формирования ценностей вещей и теории моды Г. Зиммеля [5, с. 42]. В своих трудах классик рассматривал ценность как суждение о свойствах определенного объекта, субъективность её оценки, удовлетворяющие какую-либо потребность. Денежные единицы в свою очередь выступают как выражение ценности, необходимой для потребления. мода в свою очередь является особым социальным институтом, представляющим подражание определенному образцу, которому следует большинство людей, одновременно с этим выступая тенденцией к дифференциации, удовлетворению

потребностей, придающим индивиду особый статус. Данная теория во многом может объяснить особенности возникновения и существования определенных субкультур, закрытых сообществ, тенденций на приобретение товаров, созданных или продвигаемых поп-культурой.

Посмодернистское направление рассматривает феномен самопрезентации и коммуникации людей между собой посредством потребления. Возникает концепция общества потребления, выдвинутая Ж. Бодрийяром, как форма потребления, включенная в систему культуры, личной жизни и экономики [6, с. 167]. Особое внимание уделяется социальной стратификации общества, где потребление выступает демонстрацией покупки определенных товаров, конвертации своего финансового положения – знаковой стоимости приобретенного товара. Система знаков выступает системой обмена ценностями, выражаемыми социальным статусом человека и «соблазном», когда потребление выступает не только ценностью, но и смыслом жизни. По мнению автора, только человекоориентированные ценности и идеалы могут придавать смысл жизни человека, а их отсутствие или иллюзия, создаваемая потреблением, придает характер бессмысленности, предлагая лишь знаковую обертку. Примером потребительского поведения, в рамках данной теории может выступать индустрия сувениров и подарков, где знаковая стоимость подарка не выражается в цене, а в той ценности, которую вкладывают в определенный подарок по определенному поводу.

Следующее направление – социально-конструктивистское, ее представляют концепции В.И. Ильина и понятие «габитуса» в концепции П. Бурдьё. Концепция В.И. Ильина [7, с. 5] предполагает конструирование стиля потребления самостоятельно, под влиянием социальной среды, в которой находится индивид. Идентичность человека складывается из использования определенных вещей и услуг, обращаясь тем самым к самому себе и к потенциальным адресатам. В потребительском поведении важное место занимают производители, выступая с конструированием нового продукта, придавая ему смысловую ценность для потребителей, в свою очередь продвижение товара и маркетинговые процессы накладывают новые смысловые единицы для продуктов. Примером потребительского поведения в данной концепции может выступать продукция с символикой ГОСТ, ассоциирующаяся у потребителей с качеством товаров, производимых в советское время, где данная символика выступает гарантом качества.

Схожей концепцией выступает структуралистско-конструктивистская концепция П. Бурдьё и понятие «габитуса» [8, с. 4]. Габитус является отражением вкуса человека, включенного в систему стратификации, где габитус идентичен для представителей одного класса. Выражение символического характера габитуса формируется позицией, занимаемой в структуре стратификации. Потребительское поведение через понимание габитуса выступает формой поведения, повторяемой в течении многих лет навязывания поведения социальным статусом человека, куда включается: круг общения, образ жизни, рабочий график, культурные предпочтения и т. д. Габитус характерен не только для отдельного индивида, но и накладывается на

потребительское поведение в групповом взаимодействии и классовой структуре. Примером потребительского поведения, выраженного через габитус, может выступать приобретение продукции иностранного производства, которая наделяется смыслом настоящей продукции из-за рубежа. Она выполняет функции воспоминаний и ассоциаций о стране производителе, наделяется функцией качества «сделано в», сочетается с другими проявлениями индивидуального или группового габитуса, выраженных в формах упаковки и продвижения продукции на российском рынке.

Применяя указанные подходы к рассмотрению потребительского поведения отметим, что в рамках предметного поля социологии, оно выступает как совокупность действий и практик, включенных в рыночную структуру, для удовлетворения потребностей, вызванных необходимостью, культурной средой, экономическими интересами и социальным взаимодействием. Этот процесс значим именно в контексте общественного взаимодействия, какие смыслы придаются потреблению и значению потребления для индивида или группы людей.

Следует подчеркнуть, что особенности потребительского поведения различны в зависимости от сегмента рынка конкретного товара или услуг, отражают специфику процесса производства, продвижения и использования продукции конечным потребителем.

Сегмент рынка в представлении Ф. Котлера и модели потребительского поведения [9, с. 178–190] выражаются как выделенная часть рынка, в которую включены различные группы потребителей, производственных предприятий и продукции, с общими признаками, потребностями и характеристиками поведенческих и мотивационных факторов. Сегмент рынка создает для производителей условия для маркетинговой деятельности с целью удовлетворения потребностей сложившихся групп населения.

Модели потребительского поведения представлены как три основных блока:

1. Маркетинг и внешние факторы – характеристики товаров, такие как цена, распределение и особенности сбыта, выраженные культурными особенностями, состоянием экономики и макроэкономических показателей;

2. «Черный ящик», который учитывает особенности социально-психологические характеристики индивида, в том числе: убеждения человека, мотивация и принятие решений, тип личности и др.;

3. Реакция потребителя, включающая процесс принятия решения о покупке продукции в определенный момент времени, учитывая «раздражители», которыми являются – цена, характеристики товара, полезность, доступность.

На особенности потребительского поведения в современной России влияют различные факторы в развитии рыночной экономики. Данное поведение следует рассматривать с момента распада СССР в 1991 году, когда произошел переход с плановой экономики на путь рыночного развития. Это отразилось на насыщении рынка различными товарами в условиях глобализации, открытых границ и свободного импорта. Вместе с этим обостряется проблематика

конкуренции между производителями, выраженная в борьбе за потребителей [10, с. 490–492]. Объемы потребления отражаются в первую очередь в количестве продукции, известной покупателю под видом различных брендов. Для советских потребителей – это знание ограничивалось в основном брендами, представленными на рынке союзных республик, и, начиная с 1991 года, количество брендов увеличилось в десятки раз. Особое влияние на поведение потребителей в постсоветском пространстве оказали и оказывают явления, возникающие в поп-культуре и вызванные общественным мнением и модой. Появляется феномен импульсивного потребления, связанный с существовавшей идеологией равенства.

Вследствие резкого расширения рынка и его наполнения сформировалась ускоренная модель потребительского поведения, которая, одновременно, определялась и запросами более высокого порядка, такими как самоуважение и признание, и базовыми потребностями – выживания, питания и одежды, которые конфликтовали между собой. Также экстренно возникла новая новая стратификационная система, где массовые слои населения существенно различались по уровню материального достатка. Так, по данным исследований Левада-Центра (Выборочная совокупность репрезентативна, охватывает городское и сельское населения РФ, возраст от 18 лет (N=2100, 2001, 2008 гг.), (N=1600, 2012 г.), (N=1600, 2015 г.) [11] в начале 2000-х большинство россиян описывали свой уровень доходов как «на продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает затруднение» (44 % опрошенных). В сравнении с опросами 2012 года, после кризиса 2008 года, население оценивает свои доходы «денег хватает на продукты и одежду, но покупка товаров длительного пользования является для нас проблемой» (48 % опрошенных). Данная тенденция увеличилась в результате экономических и политических проблем, связанных с введением санкций и событиями по включению Крыма в состав Российской Федерации. Вариант «денег хватает на продукты и одежду, но покупка товаров длительного пользования является для нас проблемой» по результату опроса от 2015 года выбрали уже 58 % опрошенных.

Вместе со стремительным появлением различных моделей потребительского поведения происходит их структуризация в рамках формирования стратификационной иерархии. Растет уровень культуры и осознанности потребления россиян, тем не менее, исходя из субъективной оценки потребительского статуса в ходе опросов Левада-Центром, потребительские запросы российского покупателя ограничиваются в первую очередь уровнем доходов. Все имеющиеся доходы российского потребителя сосредоточены в удовлетворении потребностей в питании, одежде, товарах домашнего обихода. Приобретение дорогостоящих товаров является долгосрочным планированием бюджета и изменением модели потребительского поведения в сторону создания «финансовой подушки» и накоплений.

Также комплексный опыт оценки потребительского поведения представлен индексом динамики общественных настроений или индексом потребительских настроений (ИПН), который включает в себя оценку

динамики индивидуального потребления. Суть данной методики в формировании трех групп показателей: материального положения; оценки краткосрочного и долгосрочного развития экономики страны; оценки рынка товаров длительного пользования [12].

Первый опыт применения данного индекса и исследования динамики, позволил выявить ученым тесную взаимосвязь общественных, политических и экономических мнений респондентов при формировании потребительских настроений, событий и явлений в общественно-политическом пространстве. Это поставило перед исследователями ВЦИОМ вопрос создания более подробного индекса – Индекса Социальных Настроений [13], который содержит в себе факторы девяти индивидуальных индексов, выделяет положительные и отрицательные аспекты оценок и мнений респондентов, выявляет динамику изменений состояний общества. Главным для исследователей стала субъективная оценка людей общественной жизни, их восприятие и отношение к событиям, происходящим в экономическом и социальном пространстве.

Так, изучая в динамике изменения данного индекса [14], в начале 90-х, нарастающем дефиците и снижении потребительских товаров и услуг – оценка индекса практически не зависела от частных мнений. Иными словами, поведение потребителей выражалось в однозначности – приобретали все, что появлялось в продаже. К 2003 году ситуация кардинально изменилась, потребитель стал определять объем покупаемых товаров и услуг, принимать решение, исходя из собственных субъективных оценок, для увеличения или сокращения расходов. Кризис 2008 года по оценке ГфК-Русь, (опрос репрезентативен, объем выборки N=2200 респондентов, ошибка выборки 2,4 %) практически не затронул объективных показателей дохода и занятости, но качественно отразился на субъективных оценках, кризисном поведении россиян. Население отмечало, что цены на все виды услуг и товаров повысятся, тем не менее показатели потребительских привычек практически не изменились – тенденциями стали ориентация на сервис, брендовые товары, здоровый образ жизни, здоровое питание и комфортные условия [15]. Показатели 2015 года и возникающий кризис также не внесли особого влияния в потребительское поведение, сохранились тенденции на те же ориентации, что и в условиях кризиса 2008 года, повысилась ориентация на здоровый образ жизни и заботу о внешности, повысился уровень новаторского потребления – стремлении покупать новые продукты на рынке и раньше других осваивать новые технологии и форматы торговли, на 2015 год количество потребителей, обладающих новаторским потреблением составил 20 %. Особенностью же выступает социальное расслоение российских потребителей, что отражается на экономии и рационализации своего потребления.

Значительным событием, повлиявшим на потребительское поведение, за последние годы стала пандемия Covid-19. В первую очередь, эти особенности связаны с характером вводимых ограничений в этот период, сокращением рабочих часов, снижением располагаемых доходов и сменой ожидаемых расходов. Потребительское поведение и обеспокоенность ситуаций выразились

в снижении показателей индекса социальных настроений. В особенности это снижение замечено в показателях индекса семьи и личных опасений, что связано с возникновением новых угроз, не имеющих аналогов в прошлом. По данным исследования компании ЕУ «Как пандемия влияет на поведение потребителей в России» (выборка репрезентативна, объем выборки N=1092 респондента) [16], первые изменения были связаны с запасливым поведением и его систематизацией. Потребители стали предпочитать приобретать больше товаров про запас, не касаясь ажиотажных явлений на покупку определенных категорий товаров в период самоизоляции. Отмечается общее снижение расходов в результате пандемии на 15 %, существенно это затронуло приобретение одежды и планирование отпуска. Особое место в потребительском поведении занимают онлайн-покупки, которые в период до пандемии составляли лишь 36 %, к 2021 этот показатель составил уже 64 %. В целом большинство россиян ожидают, что ситуация стабилизируется, как только кризис, связанный с пандемией, подойдет к концу, но возвращение к образу жизни до пандемии произойдет постепенно в различных сферах жизни.

На сегодняшний день для Российского рынка и потребителя наблюдается новая кризисная тенденция. Наблюдается и тенденция изменений потребительского поведения и возникают риски последующей трансформации потребительских практик, в связи с введением санкций и закрытием транснациональных компаний на территории России в период с февраля по март 2022 года. Уникальность кризиса в 2022 году объясняется его последовательностью после структурных изменений рынка и потребительских поведений в результате пандемии, другой чертой является количество введенных санкций и масштаб, наблюдаемых только на данный момент. Как и в ситуации с ажиотажом во время коронавируса – первой реакцией на кризис стали массовые закупки, появление спекулянтов, закупающих массово товар, в связи с чем большинство сетей магазинов ввели ограничения на покупку определенных категорий товаров. В программе форума от 23–25 марта, исследовательской компанией ГфК-Русь были представлены результаты исследований аналитиками текущего положения потребительского поведения [17]. Отмечается беспокойство населения по трем наиболее важным проблемам: росту цен на продукты питания, ухудшение экономической ситуации и внешнеполитическая напряженность. Тема обеспокоенности пандемией практически перестала интересовать население. Нарастает поведение потребителей в плане экономии и составлении запасов, критерии выбора товаров изменились в сторону цены. Напряженная ситуация во внешней политике внесла значительное снижение лояльности к зарубежным брендам, которые решили покинуть российский рынок. Можно сделать вывод, что потребительское поведение может вернуться в норму в зависимости от ситуации, складывающейся во внешней политике, экономической и социальной политике внутри страны. Исследователи отмечают, что находясь в ситуации стресса изменяются привычки населения, увеличивается потребление категорий, направленных на борьбу со стрессом.

Потребительское поведение как феномен в современных условиях России интегрирует характеристики различных факторов, включающих в себя: социализирующие функции, связанные с включением индивида в группы и приобщением к сложившемуся социальному миру; адаптационные функции (как рынка в целом, так и потребителей в условиях глобального рынка и кризисных явлений); интегративные (феномен потребления как моды, выражения общественного мнения); ценностные функции (поддержание определенных норм и ценностей, традиций существующих в обществе или социальной группе, в которую включен индивид); целеполагающие (развитие потребительского поведения – отражается на развитии экономической системы, вместе с этим встает вопрос о создании новых ценностных ориентиров, их восприятия и достижения). Поэтому, теоретическое и эмпирическое изучение потребительского поведения населения в отечественных условиях перманентных социально-экономических изменений чрезвычайно актуально, с целью корректировки социальной и экономической политики.

Литература

1. *Хайруллина Ю.Р., Мустафина Э.Р.* Потребительское поведение работников бюджетной сферы: гендерный аспект // Материалы международной научно-практической конференции VIII Дыльновские чтения «Современное общество в условиях социальной неопределенности: теория и практика»: – Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2021. – 331 с. – С. 326–330.
2. *Радаев В.В.* Что такое рынок: экономию – социологический подход // *Общественные науки и современность.* – 2007. – № 4. – С. 124.
3. *К. Маркс.* Капитал. Критика политической экономии. Том первый. К. Маркс, Ф. Энгельс, Собр. соч., изд. 2, т. 23, с. 82.
4. *Веблен Т.* Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984. – С. 22.
5. *Зиммель Г.* Психология моды // *Научное обозрение.* – 1901. – № 5. – С. 35–68.
6. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Культурная революция, Республика, 2006. – С. 167.
7. *Ильин В.И.* Потребление как дискурс. – СПб.: Интерсоцис, 2008. – С. 4–6.
8. *Бурдые П.* Структура, габитус, практика // *Журнал социологии и социальной антропологии.* – 1998. – № 2. – Т. 1. – С. 4.
9. *Котлер, Ф., Келлер,* (2014). *Маркетинг менеджмент.* 14-е изд. – Санкт-Петербург. – С. 177–211.
10. *Огородова М.В., Быстрова Н.В., Уханов А.Ф.* Исследование теоретических подходов к содержанию имиджа организации // *Современные научные исследования и инновации.* – 2016. – № 12 (68). – С. 490–492.
11. Официальный сайт «Опросы Левада-Центра». Потребительский статус. 2016. – URL: <https://www.levada.ru/2016/01/13/potrebitelskij-status/> (дата обращения: 29.04.2022).
12. *Красильникова Марина Дмитриевна* Изучение социальных настроений и потребительского поведения населения России // *Проблемы прогнозирования.* 2003. № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie->

sotsialnyh-nastroeniy-i-potrebitelskogo-povedeniya-naseleniya-rossii (дата обращения: 30.04.2022).

13. *Левада Ю.* Индекс социальных настроений в «норме» и в кризисе // Мониторинг общественного мнения. – 1998. – № 6.

14. Индекс социальных настроений. Левада-центр. 2021. – URL: <https://www.levada.ru/2021/08/19/obshhestvennye-nastroeniya-letom-2021/> (дата обращения: 29.04.2022).

15. Новостной ресурс «Независимая Газета». Исследование GfK: Потребительское поведение и социальные настроения россиян на рубеже 2008–2009 годов. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – URL: https://www.ng.ru/ng_politics/2009-01-20/14_crisis.html (дата обращения: 30.04.2022).

16. Официальный сайт исследовательской компании “EY”. Future Consumer Index, выпуски за октябрь 2021 г. (международное исследование) и ноябрь 2021 г. (исследование по России). – URL: https://www.ey.com/ru_ru/consumer-products-retail/ey-future-consumer-index-russia (дата обращения: 30.04.2022).

17. Новостной ресурс “Retail.ru”. GfK: Реакция покупателя на события февраля–марта 2022, новые тренды. – URL: <https://www.retail.ru/articles/forum-retail-tech-2022-gid-po-programme/> (дата обращения: 30.04.2022).

ОЦЕНКА ОБРАЗА ФИЗИЧЕСКОГО «Я» ЖЕНЩИН, ЗАНИМАЮЩИХСЯ «МЯГКИМИ ТЕХНИКАМИ» ФИТНЕСА В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

Чернышова Ольга Ивановна

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Аннотация. Целью работы стало выявление компонентов образа физического «Я» женщин, занимающихся «мягкими техниками» фитнеса (методика Пилатес, йога, стретчинг и др.) в условиях изменяющейся социальной ситуации. Количество респондентов в исследовании составило 76 человек. В группы женщин взрослого возраста (30–45 лет) вошли 40 человек, зрелого (45–60 лет) – 36 человек. Выбор возрастных категорий женщин обусловлен тем, что на рубеже 45-летия начинают происходить как физиологические, так и социальные изменения в жизни женщин, что отражается на их восприятии своего образа тела. Цель исследования включала выявление и сравнение компонентов образа физического «Я» женщин, занимающихся и не занимающихся «мягкими техниками» фитнеса во взаимосвязи с возрастными отличиями. В данной работе использовался опросник В.А. Лабунской «Оценочно-содержательная интерпретация компонентов внешнего облика». Методика базируется на психосемантическом подходе в исследовании феноменов психологического пространства личности. В качестве основного метода статистической обработки данных был использован факторный анализ. Результаты проведенного исследования показывают, что для занимающихся женщин взрослого возраста компоненты

образа физического «Я» связаны с оценками тела, внешнего облика и выразительного поведения. Для женщин зрелого возраста доминирующие компоненты образа физического «Я» связаны с оценками выразительности лица и поведения.

Ключевые слова: образ физического «Я», «мягкие техники» фитнеса, возрастные изменения, социальные ситуации.

Введение. В условиях современности, модели, описывающие субъективные пространства личности, должны отвечать некоторым требованиям целостности и наследования основных свойств системы в изменчивом потоке времени и социальных обстоятельств. В соответствии с постнеклассическими воззрениями такие модели должны описывать не только иерархию свойств системы, но и ее изменчивость, способность к самоорганизации и саморегуляции [1].

Одной из таких понятий, описывающих субъективные пространства личности является понятие образ «Я». Образ «Я» – понятие, включающее когнитивные оценки, которые дает индивид относительно своих параметров и рассматривается как когнитивный элемент «Я» концепции. Особенное значение приобретает понятие образа физического «Я», как продукта целостного взаимосвязанного отражения телесных явлений в психике индивида (Соколова Е.Т.) [2]. Образ физического «Я» является одним из самых ранних элементов самосознания и формируется на основании восприятия «схемы тела» личности, сложившихся чувственных образов телесности и оценок значимых других людей (Холм Г., Хэд Г., Сеченов И.М., Бернштейн Н.А.) [3].

Исследования последних лет показывают, что образы телесности формируются как в результате изменения установок личности относительно внешнего облика под влиянием культурных, семейных, профессиональных традиций, так и занятий физической активностью [4]. В этот процесс вовлекаются и мужчины и женщины, так как современная реальность индивида очень сильно зависит от пространства интернета и массмедиа. Однако социальное окружение обычно требует именно от женщины соответствия идеалам и трендам современной моды, и не только на одежду, но и на телесные проявления, дизайн внешнего облика, ношение аксессуаров [5]. Информационная среда перегружена такими трендами, что приводит к тому, что многим женщинам становится очень сложно им соответствовать, в особенности, если их возраст и физиологическое состояние не позволяет прибегать к активным техникам фитнеса и пластической хирургии.

Проблема физиологических и психологических изменений у женщин разных возрастов заслуживает особого упоминания. На рубеже 40–45-летия у многих женщин возникает потребность в переосмыслении восприятия телесных компонентов и их изменений [6]. Снижение физиологических функций в работе организма (снижение работы половой системы) и изменение социальных и семейных ролей (дети вырастают) в этот период (Слободчиков В.И., Эриксон Э., Ливехуд Б.) приводит к тому, что многие женщины переосмысливают подход к телесному уходу и двигательной активности [7, 8, 9]. Особенно остро проблема взаимоотношений женщин с их

собственным телом стоит в ситуации социальных изменений. Два года пандемии COVID-19 привели к тому что многие женщины практически перестали уделять время своему облику и заботе о своем здоровье, перенося ее на близких. В таких условиях современные женщины все чаще и чаще обращаются к осознанным техникам фитнеса, позволяющим корректно работать не только с компонентами движения и переосмысливать свои представления об образах тела и внешнего облика, но и реализовывать оздоровительные физиологические эффекты занятий [10, 11]. К таким техникам относятся методика Пилатес, бодифлекс, йога, стретчинг и др. («мягкие техники» фитнеса) [12].

Исследования последнего десятилетия показывают, что наблюдаются положительные физиологические изменения в организме женщин, практикующих осознанные техники фитнеса. Так, в исследованиях корейских ученых (Kim S.T., Lee J.H.) было установлено, что двигательные практики, используемые в «мягких техниках» фитнеса, улучшают активацию мышц стабилизаторов кора, положительно влияют на мышцы тазового дна, улучшая работу мочеполовой системы [13]. Основные научные публикации по данному вопросу также затрагивают исследования гормонального статуса, функционального и физиологического состояния организма женщин взрослого и зрелого возрастов их изменения при занятиях данными техниками [14, 15].

Однако данные виды физической активности позволяют воздействовать не только на телесные параметры человека, а также и на его психические установки через работу в рефлексивном ключе. При таком подходе происходит формирование новых физиологических и психологических функциональных установок в отношении восприятия своей телесности у женщин в условиях изменяющейся социальной ситуации.

Целью исследования стало выявление компонентов образа физического «Я» женщин, занимающихся «мягкими техниками» фитнеса во взаимосвязи с возрастными отличиями в условиях изменяющейся социальной ситуации.

Методы и материалы. В данном исследовании приняло участие 76 человек. Все респонденты женского пола и проживают в Алтайском крае. 40 женщин в возрасте 30–44 лет (взрослого возраста) и 36 женщин 45–60 лет (зрелого возраста) были объединены в четыре группы. В одну из исследовательских групп вошли 20 женщин взрослого возраста, в другую – 18 женщин зрелого возраста, занимающихся «мягкими техниками» фитнеса не менее полугода. Женщины, не занимающиеся фитнесом, вошли в контрольные группы (20 женщин взрослого возраста и 18 женщин зрелого возраста соответственно).

Возрастные категории женщин, принявших участие в исследовании, были определены на основе интегральной периодизации возрастов В.И. Слободчикова. Автор указывает на то, что возраст 45-летия характеризуется кризисом зрелости и переходом к зрелому периоду жизни, когда изменяются как физиологические, так и социальные посылки человеческого существования [7].

Исследование компонентов образа физического «Я» осуществлялось с использованием методики психологического тестирования «Оценочно-

содержательная интерпретация компонентов внешнего облика» В.А. Лабунской [16].

Шкалированный опросник «Оценочно-содержательная интерпретация компонентов внешнего облика» В.А. Лабунской представляет собой один из вариантов психосемантического подхода (субъективное многомерное шкалирование) в психологических исследованиях [17]. Позволяет определить не только отдельные оценки внешнего облика, но и описать семантические пространства (компоненты образа физического «Я»), субъективно определяемые личностью и перевести их в объективные показатели. Основные шкалы опросника включают оценки лица, телосложения, оформления внешнего облика и выразительности поведения.

Для статистической обработки данных (факторный анализ) использовалась компьютерная программа IBM SPSS Statistics Version 23.0.

Факторный анализ – метод статистического анализа данных, позволяет перейти от множества исходных переменных к меньшему числу новых переменных (латентных структур), которые интерпретируются как причина совместной изменчивости исходных данных [18].

Результаты исследования и обсуждение. Так как исследование включало изучение компонентов образа физического «Я» в двух возрастных категориях женщин, обработку и описание полученных результатов по данным категориям респондентов мы проводили отдельно.

На первом этапе исследования мы провели факторный анализ совокупности данных, полученных в каждой из исследуемых групп женщин по методике В.А. Лабунской «Оценочно-содержательная интерпретация компонентов внешнего облика».

В группе респондентов взрослого возраста, занимающихся «мягкими техниками» фитнеса, при проведении факторного анализа (с использованием Varimax вращения) совокупности данных по опроснику В.А. Лабунской, были получены 3 фактора, описывающие 72,7 % дисперсии (рис. 1).

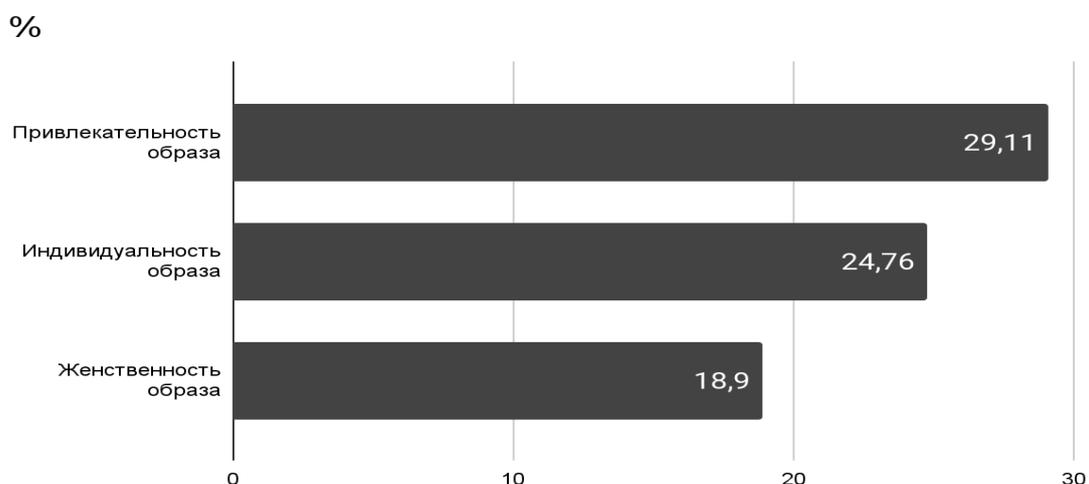

Рис. 1 Факторная структура образа физического «Я» женщин взрослого возраста, занимающихся «мягкими техниками» фитнеса, %

В первый фактор ($D=29,11\%$) вошли характеристики образа физического «Я», связанные с оценками телосложения: сексуальное телосложение ($a=0,885$), здоровое телосложение ($a=0,811$), телосложение привлекательное для противоположного пола ($a=0,806$), хорошо сложенное телосложение ($a=0,783$), привлекательное телосложение ($a=0,773$), гармоничное телосложение ($a=0,663$), изящное телосложение ($a=0,720$). Оформления внешнего облика: интересное оформление облика ($a=0,847$), привлекательное оформление внешнего облика ($a=0,737$), красивое оформление внешнего облика ($a=0,733$), притягивающее оформление внешнего облика ($a=0,699$). А также поведения и лица: сексуальное поведение ($a=0,749$), поведение привлекательное для противоположного пола ($a=0,673$), сексуальное лицо ($a=0,719$). Данный фактор включает статические и среднединамические характеристики образа «Я» и был назван «Привлекательность образа».

Второй фактор ($D=24,76\%$) включает такие компоненты образа физического «Я», связанные с оценками лица и поведения, как: незаурядное лицо ($a=0,824$), ухоженное лицо ($a=0,802$), здоровое лицо ($a=0,751$), грациозное поведение ($a=0,730$), индивидуальное поведение ($a=0,703$). Во второй фактор также вошли компоненты, связанные с оценками оформления внешнего облика и телосложения: колоритное оформление внешнего облика ($a=0,746$), оригинальное оформление внешнего облика ($a=0,743$), эффектное оформление внешнего облика ($a=0,722$), незаурядное телосложение ($a=0,663$), ухоженное телосложение ($a=0,661$). Данный фактор содержит среднединамические и динамические характеристики образа «Я». Мы его назвали «Индивидуальность образа».

Третий фактор ($D=18,9\%$) описывает такие характеристики образа физического «Я», связанные с оценками лица, как: женственное лицо ($a=0,822$), выразительное лицо ($a=0,781$), привлекательное лицо ($a=0,754$), лицо привлекательное для противоположного пола ($a=0,744$), изящное лицо ($a=0,737$), хорошо сложенное лицо ($a=0,646$). В структуре данного фактора присутствуют также компоненты, связанные с оценками женственного оформления внешнего облика ($a=0,730$), естественного поведения ($a=0,665$), женственного поведения ($a=0,661$), сексуального поведения ($a=0,506$) и привлекательности поведения для противоположного пола ($a=0,556$). В структуру фактора входят как статические, так и динамические характеристики образа физического «Я». Описанный фактор был назван «Женственность образа».

Для того чтобы оценить, существуют ли различия в структурах образа физического «Я» занимающихся и не занимающихся женщин данного возраста мы провели факторный анализ (с использованием Varimax вращения) совокупностей данных, полученных в контрольной группе женщин, не занимающихся «мягкими техниками» фитнеса.

Нами было получено три фактора, объединяющих $71,3\%$ дисперсии в структуре образа физического «Я» данной группы женщин (рис.2).

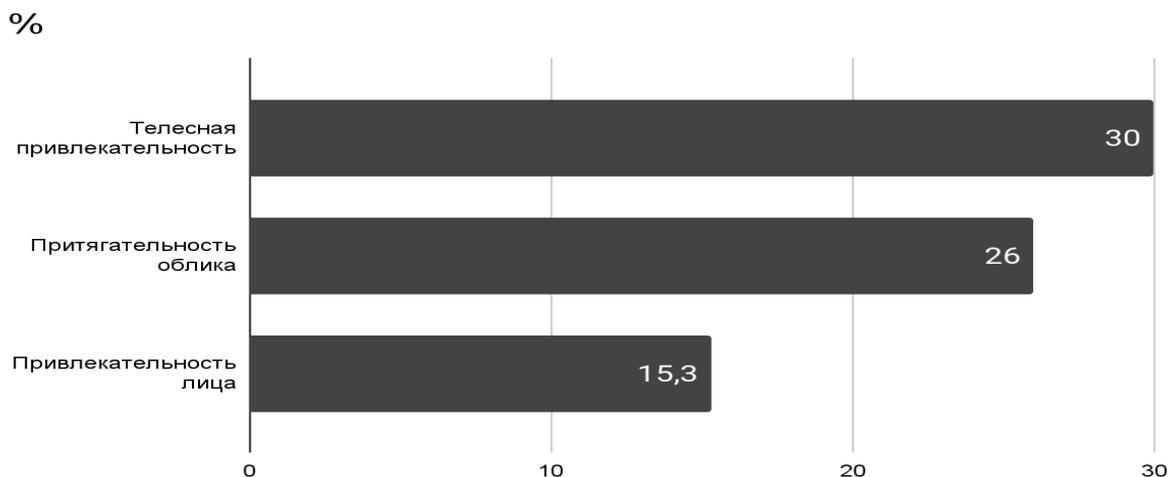

Рис. 2 Факторная структура образа физического «Я» женщин взрослого возраста, не занимающихся «мягкими техниками» фитнеса, %

Первый фактор (D=30%) содержит статические и динамические компоненты образа, касающиеся оценок телосложения и поведения, такие как: привлекательное для противоположного пола телосложение ($a=0,911$), хорошо сложенное телосложение ($a=0,881$), привлекательное телосложение ($a=0,864$), красивое телосложение ($a=0,851$), сексуальное телосложение ($a=0,850$), женственное телосложение ($a=0,807$), изящное телосложение ($a=0,804$), гармоничное телосложение ($a=0,785$), здоровое телосложение ($a=0,735$), пропорциональное телосложение ($a=0,728$), ухоженное телосложение ($a=0,690$), незаурядное телосложение ($a=0,668$), привлекательное для противоположного пола поведение ($a=0,697$), сексуальное поведение ($a=0,673$), притягивающее поведение ($a=0,632$), выразительное поведение ($a=0,623$). В данный фактор также вошли компоненты, связанные с оценками сексуальности лица ($a=0,624$) и привлекательности для противоположного пола лица ($a=0,737$). Данный фактор содержит в основном компоненты образа физического «Я», касающиеся оценок телосложения и поведения, и был назван нами «Телесная привлекательность».

Второй фактор (D=26 %) дисперсии, включает среднединамические и динамические компоненты образа физического «Я»: эффектное оформление внешнего облика ($a=0,880$), притягивающее оформление внешнего облика ($a=0,877$), привлекательное для противоположного пола оформление внешнего облика ($a=0,821$), привлекательное оформление внешнего облика ($a=0,786$), приятное оформление внешнего облика ($a=0,786$), красивое оформление внешнего облика ($a=0,782$), сексуальное оформление внешнего облика ($a=0,772$), интересное оформление внешнего облика ($a=0,766$), женственное оформление внешнего облика ($a=0,748$), оригинальное оформление внешнего облика ($a=0,743$), колоритное оформление внешнего облика ($a=0,638$), естественное поведение ($a=0,686$), грациозное поведение ($a=0,622$), гармоничное поведение ($a=0,605$), динамичное поведение ($a=0,585$). В структуре данного фактора преобладают компоненты образа физического «Я», связанные с оценками оформления внешнего облика и поведения. Мы его назвали «Притягательность облика».

Третий фактор ($D=15,3\%$) содержит статические компоненты образа физического «Я», касающиеся оценок лица: привлекательное лицо ($a=0,946$), женственное лицо ($a=0,906$), здоровое лицо ($a=0,879$), ухоженное лицо ($a=0,875$), хорошо сложенное лицо ($a=0,867$), незаурядное лицо ($a=0,843$), красивое лицо ($a=0,647$). Данный фактор мы назвали «Привлекательность лица».

Далее мы провели процедуру факторного анализа для совокупности данных, полученных по опроснику В.А. Лабунской в группах женщин зрелого возраста.

В группе занимающихся «мягкими техниками» фитнеса женщин зрелого возраста нами была получена факторная модель данных (с использованием Varimax вращения), описывающая $76,6\%$ дисперсии. В модель вошли три фактора (рис.3).

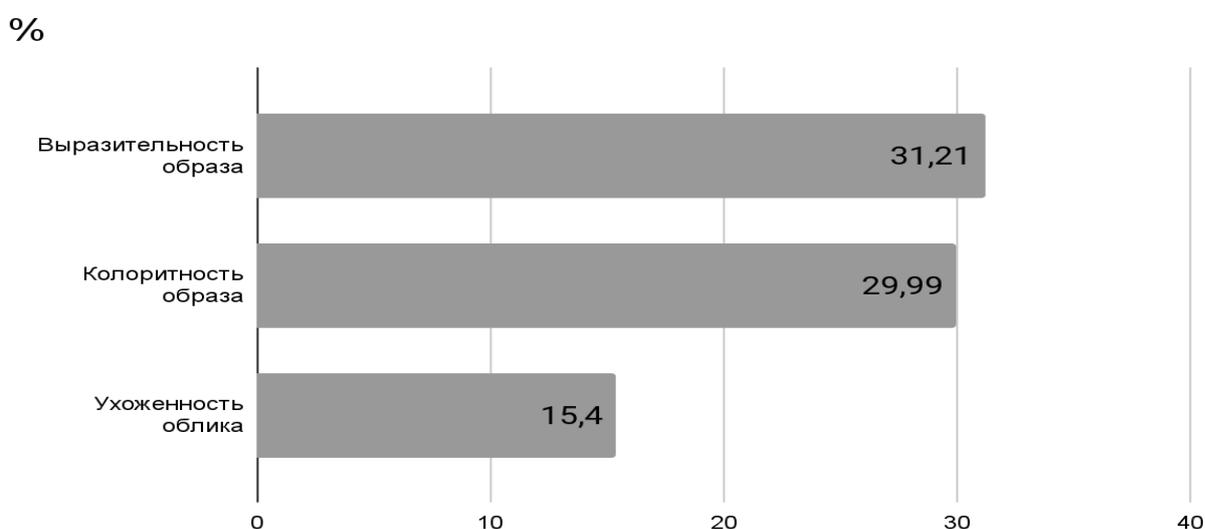

Рис. 3 Факторная структура образа физического «Я» женщин зрелого возраста, занимающихся «мягкими техниками» фитнеса, %

Первый фактор включает наибольший процент дисперсии ($D=31,21$) и содержит статические и динамические компоненты образа физического «Я», связанные с оценками лица и поведения: привлекательное лицо ($a=0,976$), женственное лицо ($a=0,898$), красивое лицо ($a=0,855$), незаурядное лицо ($a=0,839$), выразительное поведение ($a=0,793$), выразительное лицо ($a=0,784$), привлекательное для противоположного пола лицо ($a=0,738$), притягивающее поведение ($a=0,718$), изящное лицо ($a=0,680$), сексуальное лицо ($a=0,616$), гармоничное поведение ($a=0,626$), хорошо сложенное лицо ($a=0,614$). В первый фактор также вошли компоненты образа, связанные с оценками оформления внешнего облика: притягивающее оформление внешнего облика ($a=0,778$), привлекательное оформление внешнего облика ($a=0,662$), красивое оформление внешнего облика ($a=0,650$), женственное оформление внешнего облика ($a=0,604$). Данный фактор был назван нами «Выразительность образа».

Второй фактор, входящий в матрицу результатов факторного анализа ($D=29,99\%$) включает такие компоненты, связанные с оценками телосложения и оформления внешнего облика, как: колоритное оформление внешнего облика

($a=0,896$), эффектное оформление внешнего облика ($r=0,825$), сексуальное оформление внешнего облика ($a=0,803$), интересное оформление облика ($a=0,793$), сексуальное телосложение ($a=0,806$), гармоничное телосложение ($a=0,722$), привлекательное телосложение ($a=0,754$), незаурядное телосложение ($a=0,702$), изящное телосложение ($a=0,685$), пропорциональное телосложение ($a=0,669$), красивое телосложение ($a=0,664$), привлекательное для противоположного пола телосложение ($a=0,655$), привлекательное для противоположного пола оформление внешнего облика ($a=0,651$), оригинальное оформление внешнего облика ($a=0,638$), привлекательное оформление внешнего облика ($a=0,618$). В данный фактор также вошли компоненты, связанные с оценками поведения: индивидуальное поведение ($a=0,683$), привлекательное для противоположного пола поведение ($a=0,621$), сексуальное поведение ($a=0,617$), грациозное поведение ($a=0,613$), женственное поведение ($a=0,594$). В данном факторе присутствуют как статические компоненты образа, касающиеся оценок телосложения, так и динамические, связанные с оформлением облика и поведения. Мы назвали данный фактор «Колоритность образа».

Третий фактор, входящий в матрицу факторного анализа ($D=15,4\%$) включает компоненты образа физического «Я», связанные с оценками ухоженности и здоровья лица и тела: ухоженное телосложение ($a=0,846$), здоровое телосложение ($a=0,810$), здоровое лицо ($a=0,766$), хорошо сложенное телосложение ($a=0,686$), ухоженное лицо ($a=0,665$), гармоничное телосложение ($a=0,601$). В данный фактор также вошли оценки образа относящиеся к поведению: динамическое поведение ($a=0,587$) и естественное поведение ($a=0,505$). Данный фактор был назван «Ухоженность облика».

Для группы не занимающихся «мягкими техниками» фитнеса женщин зрелого возраста нами также был проведен факторный анализ (с использованием Varimax вращения по методу главных компонент). В результате анализа были получены три фактора, описывающие 77,6 % дисперсии (рис. 4).

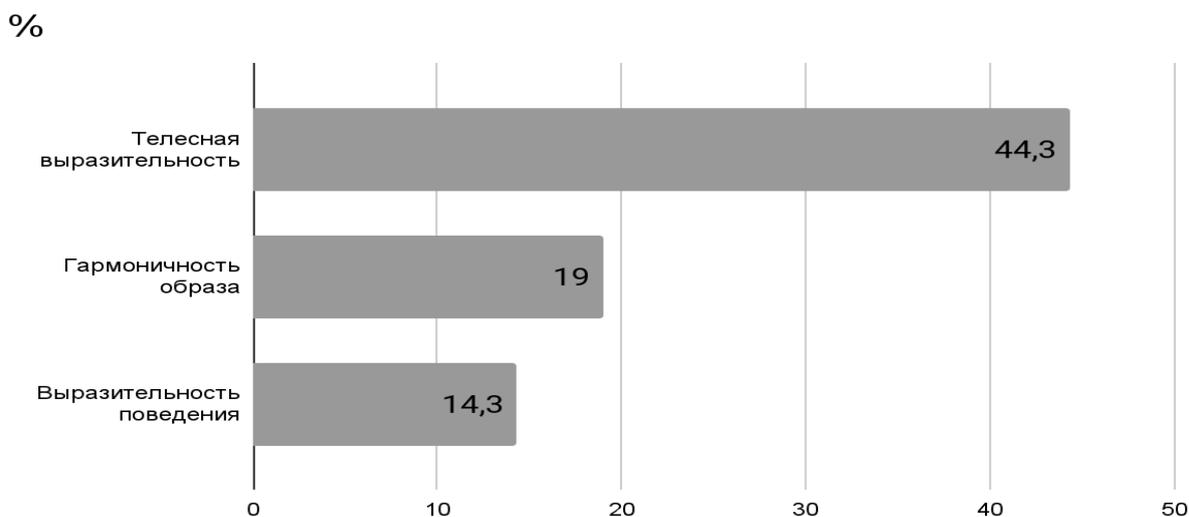

Рис. 4 Факторная структура образа физического «Я» женщин зрелого возраста, не занимающихся «мягкими техниками» фитнеса, %

Первый фактор (D=44,3 %) включает наибольший массив компонентов, касающихся оценок лица и телосложения: здоровое лицо (a=0,930), ухоженное лицо (a=0,895), изящное лицо (a=0,870), привлекательное лицо (a=0,848), выразительное лицо (a=0,770), привлекательное для противоположного пола лицо (a=0,762), красивое лицо (a=0,736), сексуальное лицо (a=0,623), хорошо сложенное лицо (a=0,615), привлекательное телосложение (a=0, 866), привлекательное для противоположного пола телосложение (a=0,840), сексуальное телосложение (a=0,794). Также в данный фактор вошли компоненты, связанные с оценками внешнего облика и поведения: женственное оформление внешнего облика (a=0,926), привлекательное для противоположного пола оформление внешнего облика (a=0,915), сексуальное оформление внешнего облика (a=0,852), интересное оформление внешнего облика (a=0,845), красивое оформление внешнего облика (a=0,827), эффектное оформление внешнего облика (a=0,809), приятное оформление внешнего облика (a=0,798), привлекательное оформление внешнего облика (a=0,769), притягивающее оформление внешнего облика (a=0,747), колоритное оформление внешнего облика (a=0,735), привлекательное для противоположного пола поведение (a=0,803), сексуальное поведение (a=0,768), выразительное поведение (a=0,746), женственное поведение (a=0,743), гармоничное поведение (a=0,719), естественное поведение (a=0,631), индивидуальное поведение (a=0,623). Данный фактор включает как статические, так и среднединамические и динамические компоненты образа физического «Я». Мы назвали данный фактор «Телесная выразительность».

Можно наблюдать, что большинство компонентов образа физического «Я» не занимающихся женщин входит в данный фактор.

Второй фактор (D=19 %), полученный в результате факторного анализа, описывает только статические компоненты образа физического «Я»: пропорциональное телосложение (a=0,936), гармоничное телосложение (a=0,892), хорошо сложенное телосложение (a=0,878), здоровое телосложение (a=0,853), изящное телосложение (a=0,819), ухоженное телосложение (a=0,802), женственное телосложение (a=0,756), красивое телосложение (a=0,668), незаурядное лицо (a=0,650). Данный фактор включает компоненты образа физического «Я», касающиеся в основном оценок тела. Мы назвали его «Гармоничность образа».

Третий фактор (D=14.3 %) включает среднединамические и динамические компоненты образа физического «Я»: динамичное поведение (a=0,806), грациозное поведение (a=0,687), индивидуальное поведение (a=0,663), притягивающее поведение (a=0,614), оригинальное оформление внешнего облика (a=0,683) Данный фактор охватывает компоненты облика, связанные с выразительностью поведения в образе физического «Я» данной группы женщин и был назван «Выразительность поведения».

На втором этапе исследования мы провели сравнение полученных факторных моделей исследуемых групп женщин разных возрастов. Удалось установить, что взаимосвязи компонентов образа физического «Я»

приобретают новую структуру в группах занимающихся женщин по сравнению с женщинами не занимающимися «мягкими техниками» фитнеса.

В группе женщин взрослого возраста, занимающихся «мягкими техниками» фитнеса, наибольший процент дисперсии составляет фактор, связанный с оценками телосложения, оригинального оформления внешнего облика и женственного поведения. Во второй фактор вошли компоненты, связанные с оценками ухоженности и здоровья лица и внешнего облика; третий фактор составили компоненты, связанные с оценками привлекательности лица и поведения.

В группе женщин взрослого возраста, не занимающихся «мягкими техниками» фитнеса, факторный анализ показывает преобладание взаимосвязей компонентов образа физического «Я», связанных с оценками телосложения (первый фактор), оформления внешнего облика (второй фактор) и лица (третий фактор).

Исходя из полученных данных анализа, можно увидеть, что взаимосвязь оценок компонентов образа физического «Я» дифференцируются у женщин взрослого возраста, практикующих «мягкие техники» фитнеса по сравнению с не занимающимися таковыми. Оценки телосложения у занимающихся женщин взаимосвязаны с оценками оформления внешнего облика и поведения, а оценки привлекательности лица с оценками привлекательного поведения. Оценки ухоженности лица и тела выделяются в самостоятельный компонент образа физического «Я». У не занимающихся женщин оценки телосложения не связаны с оценками оформления внешнего облика и лица.

В группе занимающихся женщин зрелого возраста факторный анализ показал взаимосвязи компонентов образа физического «Я» с преобладанием оценок лица и выразительного поведения в первом факторе. Второй фактор включает компоненты образа, связанные с оценками телосложения и оформления внешнего облика, третий фактор содержит компоненты, указывающие на оценки образа с позиции ухоженности и здоровья («здоровое лицо», «ухоженное лицо», «здоровое тело», «ухоженное тело»).

В группе женщин зрелого возраста, не занимающихся «мягкими техниками» фитнеса, преобладают взаимосвязи компонентов образа связанные с оценками лица, телосложения и поведения в первом факторе. Второй фактор содержит компоненты связанные с оценками тела, третий – поведения.

Как и в случае занимающихся женщин взрослого возраста, у занимающихся женщин зрелого возраста можно наблюдать дифференциацию компонентов образа физического «Я». Однако в данной группе женщин на первый план выходит взаимосвязь оценок лица и поведения и лишь затем взаимосвязь оценок телосложения и оформления внешнего облика. Оценки ухоженности лица и тела, как и в случае занимающихся женщин взрослого возраста, выделяются в самостоятельный компонент образа физического «Я».

Такой результат проведенного анализа может показывать, насколько преобразуются компоненты образа физического «Я» у занимающихся женщин разных возрастов. Для более молодых женщин оценки телосложения во взаимосвязи с оценками поведения и оформления внешнего облика выходят на

первый план, т. к. физиологически молодые женщины более энергичны и подвижны и привлекают внимание с помощью поведения и оформления внешнего облика.

Для женщин зрелого возраста занятия мягкими техниками фитнеса способствуют акцентированию компонентов образа физического «Я», связанными с оценками выразительности лица и поведения, что может быть связано с улучшением координации и взаимосвязи частей тела, т. к. данные техники фитнеса направлены на проработку баланса и координации телесных компонентов [19].

В рамках данного исследования удалось также установить также, что оценки ухоженности лица и тела приобретают большое значение для занимающихся женщин обоих возрастов.

Заключение. По результатам данного исследования можно сделать выводы, что «мягкие техники» фитнеса способствуют реализации не только физиологических эффектов в организме женщины, но и изменению восприятия компонентов образа физического «Я»:

- Занятия «мягкими техниками» фитнеса формирует новую структуру образа физического «Я» занимающихся женщин, способствуют его дифференциации и более полному восприятию его компонентов.

- У женщин взрослого возраста восприятие компонентов образа физического «Я» в результате занятий «мягкими техниками» фитнеса выражается в преобладании взаимосвязей оценок тела, внешнего облика и выразительного поведения.

- Для женщин зрелого возраста, занимающихся «мягкими техниками» фитнеса, доминирующими компонентами образа физического «Я» становятся компоненты, связанные с оценками выразительности лица и поведения в первую очередь, и лишь затем – связанные с оценками тела и оформления внешнего облика

- У женщин, занимающихся «мягкими техниками» фитнеса, в содержательной структуре образа физического «Я» акцентируются взаимосвязи компонентов, касающиеся оценок ухоженности, здоровья лица и телосложения.

В существующем информационном пространстве, поддерживаемом как массмедиа, так и социальными установками общества, укоренилось мнение о том, что ухоженность облика определяет социальный статус личности, поэтому забота о внешнем облике доминирует в усилиях женщин соответствовать их жизненным реалиям (активная работа, семья, увлечения), при этом телесные компоненты зачастую даже не осознаются личностью. В условиях сложных социальных ситуаций телесные компоненты зачастую и вовсе игнорируются личностью, их замещают беспокойство о близких и тревога о будущем. Осознанный подход в работе с телом позволяет сформировать новую дифференцированную структуру образа физического «Я» женщин, связанные не только с оценками внешнего облика, а также ухоженностью и здоровьем лица и телосложения. Особенно это касается женщин, вступающих в возраст середины жизни и зрелости, т. к.

физиологические изменения, происходящие с телом, становится сложно принять, а средства коррекции внешности либо слишком болезненны, либо изнурительны и трудны в исполнении.

Литература

1. *Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М.* Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. – 2017. – № 4. – С. 3–26.

2. *Каминская Н.А., Айламазян А.М.* Исследования образа физического «Я» в различных психологических школах // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 3 (19). – С. 45–55.

3. *Соколова Е.Т.* Исследования «образа тела» в зарубежной психологии // Вестник Моск. Ун-та. – 1985. – Сер. 14. – № 4. – С. 39–49.

4. *Суэми В., Фернхем А.* Психология красоты и привлекательности. – СПб.: Питер, 2009. – 240 с.

5. *Чернышова О.И., Лужбина Н.А.* Образ физического «Я» женщин зрелого возраста: постановка проблемы: сб. науч. тр. /«Мой выбор – наука!»: сборник материалов VI региональной молодежной конференции, XLVI научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2020. – С. 1027–1032.

6. *Крайг Г.* Психология развития. – СПб.: Питер, 2006. – 940 с.

7. *Слободчиков В.И., Цукерман Г.А.* Интегральная периодизация психического развития // Вопросы психологии. – 1996. – № 5. – С. 38–50.

8. *Ливехуд Б.* Кризисы жизни-шансы жизни: развитие человека между детством и старостью. – Калуга: Издательство «Духовное познание», 1994. – 217 с.

9. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. – М.: Прогресс, 1996. – 358 с.

10. *Карпов В.Ю.* Современные виды двигательной активности в имиджеологии и формировании здорового образа жизни женщины // Имидж женщины XXI: века здоровье, образование, успех. – 2015. – С. 51–65.

11. *Vaquero-Cristobal R., Lopez-Minarro P.A., Alacid F., Gonzalez-Galvez N., Esparza-Ros F.* Evolution of body image perception and distortion with mat and apparatus Pilates practice in adult women // Nutricion Hospitalaria. – 2021. – Volume 38. – Pp. 161–168. DOI: 10.20960/nh.03343.

12. *Hoffman J., Gabel F.* The origins of Western mind-body exercise methods // Physical Therapy Reviews. – 2015. – Volume 20. – Pp. 315–324. DOI://doi.org/10.1080/10833196.2015.1125587.

13. *Kim S.T., Lee J.H.* The effects of Pilates breathing trainings on trunk muscle activation in healthy female subjects: a prospective study // Journal of Physical Therapy Science. – 2017. – Volume 29. – Pp. 194–197. – DOI: 10.1589/jpts.29.194.

14. *Silva G.B., Morgan M.M., Gomes de Carvalho W.R., Silva E., de Freitas W.Z., da Silva F.F., de Souza R.A.* Electromyographic activity of rectus abdominis muscles during dynamic Pilates abdominal exercises // Journal of

Bodywork and Movement Therapies. – 2015. – Volume 19 (4). – Pp. 629–635. – DOI: 10.1016/j.jbmt.2014.11.01.

15. *Gronesova P., Cholujova D., Kozic K., Korbuly M., Vlcek M., Penesova A., Imrich R., Sedlak K., Hunakova L.* Effects of short-term Pilates exercise on selected blood parameters // *General Physiology and Biophysics*. – 2018. – Volume 37 (4). – Pp. 443–451. – DOI:10.4149/gpb_2018007.

16. *Лабунская В.А.* Экспрессия человека: общение и межличностное познание. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 608 с.

17. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.

18. *Наследов А.Д.* Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. Учебное пособие. – СПб.: Речь, 2004. – 392 с.

19. *Gard T., Noggle J.J., Park C.L., Vago D.R., Wilson A.* Potential self-regulatory mechanisms of yoga for psychological health // *Human Neuroscience*. – 2014. – Volume 8. – Pp. 770. – DOI:10.3389/fnhum.2014.00770.

НОВЫЕ РОЛИ ПЕДАГОГА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Шамсутдинова Ильсия Ильдусовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье приводятся результаты проведенного авторского социологического исследования. С помощью опроса экспертов, чья деятельность непосредственно связана с организацией образовательного процесса в условиях цифровой среды, выделены новые роли преподавателей ВУЗа (на примере Казанского (Приволжского) федерального университета).

Ключевые слова: цифровое образование, роль преподавателя, высшее образование.

Деятельность преподавателя является многомерной, сложно организованной, педагогической (учебной и методической), воспитательной, научно-исследовательской, организационно-управленческой. Ведущую роль в деятельности преподавателя вуза играет именно педагогическая деятельность, другие виды деятельности интегрируются ею и проявляются в ней. Поэтому актуальным становится исследование проблемы трансформации роли преподавателя вуза как одного из ключевого участника вузовского образовательного процесса в условиях цифровизации образования и модернизации учебных практик.

Проведено немало исследований, посвященных изучению статуса и роли преподавателя ВУЗа. Среди них такие авторы, как С.Л. Логинова [1], которая сделала попытку определения понятия «цифровизация образования», выявила ожидания и предпочтения студентов в процессе обучения и определила роль преподавателя вуза в условиях цифровизации по результатам опрос студентов

в РГППУ. В.Н. Минина [2] выявила четыре тренда, связанные с внедрением в образовательный процесс цифровых технологий и инструментов, которые влияют на институт высшего образования и, как следствие, происходят изменения роли преподавателя и студента в процессе обучения. М.Д. Щелкунов, Е.М. Николаева, М.Ю. Ефлова, П.С. Котляр анализируют специфику медиаобразования в высшей школе, выявляя его особенности, перспективы и риски [3]. А также ряд исследований самого автора по определению статуса и роли преподавателя вуза, проведенных на кейсе Казанского (Приволжского) федерального университета [4,5].

Образование всегда чутко реагирует на изменения в обществе, а преподаватель в свою очередь, является ключевой фигурой системы образования. Меняется общество, меняются требования. Преподаватель тоже вынужден, обязан меняться. Мы часто слышим фразы «новое поколение», «новая система образования», «стандарты нового поколения». Значит, и преподаватель должен быть «новым», обновленным, готовым соответствовать внешним изменениям внутренне.

Для выявления «новых» ролей преподавателя вуза, автором был проведен опрос в форме интервью. В исследовании приняли участие 15 сотрудников административно-управленческого персонала КФУ, чья деятельность непосредственно связана с организацией образовательного процесса в условиях цифровой среды. Это заместители директоров институтов по научной и образовательной деятельности, сотрудники Департамента образования и Института передовых образовательных технологий КФУ. Опрос проходил в течении апреля 2022 года.

По мнению нескольких экспертов, сложность внедрения качественного электронного образования заключается в недостаточном владении всеми преподавателями необходимым программным обеспечением, в то время как перед ними стоит задача создания электронных образовательных ресурсов, на базе которых должно проводиться обучение студентов. Безусловно, повышение уровня владения информационно-коммуникационными технологиями требует определенных трудовых затрат. Недостаточная цифровая грамотность сказывается напрямую на перенесенных в электронный вариант занятиях, так как зачастую, особенно в случае гуманитарных дисциплин, затруднительно без потерь перенести обучение с очного на дистанционный формат. Один из экспертов дает следующий комментарий по этому поводу: *«...компетенции, которые должны вырабатывать гуманитарные дисциплины, а это, в первую очередь, коммуникативные навыки, проектная деятельность, дискуссии и т. д. очень сложно реализовать посредством электронного обучения».*

На данный момент, по словам того же эксперта, Казанский университет вынужден покупать готовые курсы, так как преподаватели не обладают достаточными знаниями в области цифровых ресурсов, а университет не может обеспечить должным оснащением и кадровым резервом для создания уникального образовательного продукта.

С последним в тесной связи находится трата временных и трудовых ресурсов на создание совершенно нового контента. Даже если контент

выстраивается на базе уже имеющихся у преподавателя знаний, создание онлайн-продукта требует большой многозадачности, изучения технологий, позволяющих представить и реализовать учебный план в электронном виде со всеми этапами: от трансляции материала, его закрепления до стадии контроля и оценки. Проблема трудозатрат проявляется в том, что преподаватель не имеет достаточно свободного времени, чтобы освоить программное обеспечение, на базе которого требуется создать электронный образовательный продукт. Необходимы кадровые резервы, которые не только высвободили время для оформления контента в электронном виде, но и раскрыли бы имеющиеся возможности платформы, были бы ответственны за некоторые модераторские обязанности по отслеживанию деятельности студентов на платформе, их продвижения в рамках учебного курса и т. д. (*«Это требует дополнительных ставок, дополнительных людей, которые занимаются именно этим»*). Другой эксперт также делится опытом, что запись онлайн-курса заняла большое количество времени ввиду недостаточного сопровождения специалистами в лице студийных работников, которые во многом могли бы облегчить процесс ввиду их профессиональной компетентности в данном вопросе.

Эксперты, принявшие участие в интервью, не могли не заметить трансформации в роли и статусе преподавателя. Здесь возникает опасность нивелирования роли преподавателя за счет цифровизации образования. Причинами для этого могут послужить становящаяся с каждым днем все менее актуальной трансляторная преподавательская стратегия. Эксперты понимают, что Интернет в этом аспекте замещает преподавателя-транслятора и делает это успешно: лекции могут быть интереснее, ярче, короче, доступнее и с точки зрения объяснения, и с точки зрения времени и удобства (*в подтверждение слова одного из экспертов: «Как только преподаватель скатится в трансляторную парадигму, цифровизация его съест»*). Однако при целесообразном выстраивании преподавательской стратегии инструменты цифровой среды не заменяют преподавателя, а становятся инструментом в его руках (*эксперт № 2: «...это просто инструмент, который позволяет в различных ситуациях найти замену традиционным формам обучения»; эксперт № 3: «Она [цифровизация] принципиально ничего не меняет в сознании педагога, это просто инструмент»*). Такой оптимистичный взгляд экспертов оправдан, так как деятельность преподавателя не ограничивается трансляцией материала по дисциплине, в то время как для перевода в электронный вид лекции оказываются наиболее пригодны. Из чего можно сделать вывод, что профессия преподавателя, не утратив своей актуальности при наличии других навыков помимо чтения лекций вне контакта со студентами.

Кроме того, опасность представляет слишком интенсивный переход деятельности преподавателя в тьюторство, так как многообразие функций и задач, необходимых для выполнения, вытесняет первоначальную цель преподавательской деятельности. Модераторство, мониторинг электронных ресурсов, постоянная связь и коммуникация со студентами через электронную почту и мессенджеры, ответы на вопросы по онлайн-курсу, разработка и совершенствование цифровых образовательных продуктов отодвигают на

второй план научную и исследовательскую деятельность преподавателя, которые бы повышали его компетентность в преподаваемой области. Из этого же следует, что современный преподаватель должен обладать навыками, отличными от тех, что составляли образ преподавателя прошлого.

На данный момент на преподавателя ложится большая нагрузка, отчасти связанная с изучением программного обеспечения и имеющихся цифровых технологий. Эксперты уверены, что задачи технического сопровождения цифрового образовательного процесса необходимо делегировать специалистам, чтобы минимизировать количество ошибок, внедрить механизмы аналитики успеваемости студентов, то есть реализовать в полной мере потенциал цифрового образования. Что касается аналитики, то цифровая среда предоставляет огромный спектр возможностей для диагностики на каждом этапе обучения, может отслеживать посещаемость, выстраивать траекторию обучения, анализировать способы мышления каждого отдельного студента. Так, цифровизация образования может способствовать реализации одного из приоритетных направлений современного образования, а именно – перейти с наименьшими затратами к индивидуализации.

Человеческий фактор остается ценным в преподавательской деятельности не столько в аспекте коммуникации со студентами, сколько в направленности такой коммуникации: роль современного преподавателя видится экспертам в наставничестве и консультировании студентов (*эксперт № 12: «Мы знаем очень много источников информации, и преподаватель сегодня подсказывает, как в этом океане информации выбрать правильную, достоверную информацию»; эксперт № 14: «преподаватель – это тот, кто сможет сориентировать приблизительно в том материале, который доступен для студента»*). Безусловно, такая профессиональная деятельность требует многоплановых компетенций, причем важность преподавателя как эксперта в конкретной дисциплине несколько не умалется. Многообразие необходимых навыков же заключается в сопровождении студентов, а потому роль преподавателя начинает пересекаться не только с ролью ученого, но и тьютора и воспитателя. Постоянное погружение в общение со студентами, во взаимодействие с ними в университетской среде требует от преподавателя гибких навыков: навыков коммуникации, критического мышления, которому к тому же необходимо научить обучающихся.

Таким образом, построение новой образовательной среды погружает научно-педагогических работников в ситуацию неопределенности, вызывающую опасения насчет дальнейшей карьерной перспективы, а также требующую новых, отличных от образа преподавателя прошлого, навыков, что трансформирует статус и роль современного преподавателя. Среди таких навыков, помимо цифровой грамотности, одно из главенствующих мест занимает способность к коммуникации с участниками образовательного процесса. Контакт со студентами преобразует традиционного преподавателя в наставника, консультанта, не только обладающего ценным знанием, но и умеющим им оперировать в интересах студента, направлять обучающегося

в пресыщенном информацией пространстве. Кроме того, обратная связь способна стимулировать развитие обеих сторон: и студента, и преподавателя.

Литература

1. *Логина С.Л.* Роль преподавателя вуза в условиях цифровизации высшего образования / Материалы 15-й Международной научно-практической конференции «АКМЕОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ» (Екатеринбург, 13–14 марта), 2019. – С. 173–177.

2. *Минина В.Н.* Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2020. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 84–101. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.106>.

3. *Щелкунов М.Д., Николаева Е.М., Ефлова М.Ю., Котляр П.С.* Медиаобразование в высшей школе: особенности, перспективы, риски // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 2. – С. 208–213.

4. *Шамсутдинова И.И.* Трансформация статуса и роли преподавателя вуза в условиях цифровизации (на примере КФУ) // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2021. – № 1 (1) – С. 95–98.

5. *Шамсутдинова И.И.* Статус и роль педагога высшей школы в оценках преподавателей и студентов в условиях цифровизации образования. // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2022. – № 2 (53) – С. 52–55. – doi:10.26907/2079-5912.2022.2.52-55.

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ГОСТИНИЧНОМ БИЗНЕСЕ

**Шипилова Валерия Владимировна,
Терентьева Анастасия Юрьевна,
Нуруллина Эльмира Ринатовна**

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия

Аннотация. В данной статье рассмотрена сущность концепции корпоративной социальной ответственности, ее методы и преимущества для компаний, практикующих КСО. Также приведена система социальных инноваций на примере гостиничного бизнеса.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, гостиничный бизнес, социальные инновации, экология, социальные инвестиции.

Корпоративная социальная ответственность – это концепция, в соответствии с которой компании внедряют социальные и экологические аспекты в свою деятельность, а также следуют принципу взаимодействия со стейкхолдерами на добровольной основе. Это направление появилось относительно недавно и набирает актуальность с каждым днем. Это саморегулирующаяся бизнес-модель, помогающая компании нести социальную ответственность как перед собой, так и перед заинтересованными сторонами,

потребителями, государством и обществом в целом[1]. Практикуя корпоративную социальную ответственность, также называемую «корпоративным гражданством», компании демонстрируют свою степень влияния на все аспекты жизни общества, включая экономические, социальные, экологические.

Корпоративная социальная ответственность не должна отвлекать от главной цели компании, она является вспомогательным инструментом для ее развития и последующего совершенствования посредством социальной и экологической деятельности. Многие примеры последних лет показывают, что деятельность КСО может снижать риски в организации, улучшать ее репутацию и даже способствовать увеличению прибыли.

Участие компании в корпоративной социальной ответственности означает, что деятельность компании направлена на улучшение жизни членов общества, трудовой деятельности сотрудников, состояния сферы экологии благодаря проведению корпоративных мероприятий различного характера, а также недопущение негативного воздействия на указанные сферы. Социальная ответственность бизнеса является достаточно широким понятием, которое может принимать разные формы в зависимости от компании и отрасли. С помощью различных социальных программ, участия в благотворительных мероприятиях и волонтерской деятельности предприятия могут делать вклад в развитие общества, одновременно продвигая свои бренды.

КСО имеет равную значимость как для общества, так и для компании. Мероприятия внутренней КСО могут помочь укрепить связь между сотрудниками и корпорациями, повысить корпоративный дух, определить способы мотивации производительности труда и помочь как сотрудникам, так и работодателям почувствовать себя более связанными с окружающим миром благодаря общим ценностям.

КСО обычно представляет собой стратегию, реализуемую крупными корпорациями. Можно определить взаимосвязь КСО и размер компании: чем заметнее и успешнее корпорация, тем больше на ней лежит ответственность за установление стандартов, норм этического поведения среди своих коллег, конкурентов и отрасли в целом. Однако, это не означает безучастность меньших размеров компаний. Малый и средний бизнес также участвуют в корпоративной социальной ответственности посредством более мелких программ, среди которых можно выделить: пожертвования местным благотворительным организациям, спонсирование местных мероприятий и др.

В 2010 году Международная организация по стандартизации (ISO) выпустила ISO 26000, включающий комплекс добровольных стандартов, призванных помочь компаниям осуществить корпоративную социальную ответственность. В отличие от других стандартов, данный содержит руководства, а не требования. Он объясняет сущность социальной ответственности и помогает организациям воплощать принципы корпоративной социальной ответственности в практические действия. Данный стандарт ориентирован на все типы организаций, независимо от характеристик компании – их деятельности, размера или местонахождения. И поскольку

многие ключевые заинтересованные стороны со всего мира внесли свой вклад в разработку ISO 26000, этот стандарт представляет собой международный консенсус.

Многие компании рассматривают КСО как неотъемлемую часть имиджа своего бренда, полагая, что клиенты и другие категории заинтересованных сторон с большей вероятностью будут вести дела с брендами, которые они считают более этичными. В этом смысле деятельность КСО может быть рассмотрена как важный компонент корпоративных связей с общественностью. В то же время некоторые учредители компаний также мотивированы заниматься КСО в силу своих убеждений.

Причины, демонстрирующие необходимость применения компанией методов КСО:

1. Это улучшает восприятие бренда компании клиентами.

Для компаний становится все более важным иметь социально-ориентированный имидж. Потребители, сотрудники и заинтересованные стороны отдают приоритет КСО при выборе бренда или компании, и они возлагают на корпорации ответственность за осуществление социальных изменений посредством своих убеждений и практики ведения бизнеса. В 2017 году было проведено исследование Cone Communication, результаты которого сводятся к следующим показателям: 63% респондентов надеются, что компании возьмут на себя инициативу по продвижению социальных и экологических изменений даже в случае отсутствия государственного регулирования, а 78 % опрошенных хотят, чтобы компании решали важные вопросы о социальной справедливости. Опрос также показал, что 87% респондентов купят продукт, потому что компания выступала за проблему, о которой они заботились, и 76 % откажутся покупать продукты или услуги компании, узнав, что она поддерживает проблему, противоречащую их убеждениям [2].

Повышение осведомленности о социально важных и значимых делах – эффективный способ для бизнеса оставаться в центре внимания и повышать ценность бренда.

Практика корпоративной социальной ответственности играет решающую роль в привлечении новых клиентов, чьи решения о покупке сильно зависят от ценностей компании, ее репутации, социальной и экологической активности.

2. Привлекает и удерживает сотрудников.

Потребители не единственные, кого привлекают предприятия, которые ведут социально ответственный бизнес. Стратегия КСО является важным фактором, влияющим на то, где сегодня выбирают работу лучшие таланты. Участие компании в социальном развитии и улучшении экологической ситуации позволяет сотрудникам быть причастными к данным мероприятиям.

3. Это повышает привлекательность компании для инвесторов.

Демонстрируя разработанную программу и инициативы КСО, компания обязательно станет более привлекательной как для нынешних, так и для будущих инвесторов.

Компания, которая серьезно относится к КСО и включает ее в свою стратегию корпорации, сигнализирует инвесторам и партнерам, что она

заинтересована в сотрудничестве как в долгосрочной, так и в краткосрочной перспективе. КСО связана с экологическими, социальными и управленческими показателями, которые помогают внешним аналитикам количественно оценивать социальные усилия компании и становятся ключевым фактором для рассмотрения и постоянного интереса инвесторов.

Существует 4 типа корпоративной ответственности, которые может практиковать бизнес. Признавая важность социальной ответственности для своих клиентов, сотрудников и заинтересованных сторон, многие компании сосредотачиваются на всех четырех широких категориях КСО.

1. Охрана окружающей среды. Любые действия, которые компания может предпринять для предотвращения или уменьшения негативного влияния на окружающую среду, считаются полезными как для компании, так и для общества.

2. Филантропия. Предприятия могут практиковать социальную ответственность, жертвуя деньги, продукты или услуги на социальные цели и некоммерческие организации. В особенности крупные компании располагают значительными ресурсами, которые могут приносить пользу благотворительным организациям и программам местных сообществ.

3. Этические трудовые отношения. Компании могут демонстрировать корпоративную социальную ответственность, справедливо и этично обращаясь с сотрудниками.

4. Волонтерство. Участие в местных мероприятиях или добровольное пожертвование своего времени на общественные мероприятия в достаточной мере отражает миссию компании.

Придерживаться принципов корпоративной социальной ответственности в настоящее время может любая компания, независимо от ее деятельности и отрасли. Гостиничный бизнес – это один из главных элементов современной предпринимательской деятельности, благодаря которому совершенствуются деловые, экономические и политические коммуникации [3]. Исследуемая сфера предпринимательства обеспечивает получение прибыли за счет размещения гостей в специальных помещениях и предоставления определенного сервиса. Особенно данная деятельность способствует развитию туризма и спорта. Использование методов КСО в гостиничной сфере является фактором, положительно влияющим на повышение туристской привлекательности городов и улучшения уровня жизни населения.

Занимающиеся гостиничным бизнесом компании могут помогать своему городу или региону, принимая участие в различных проектах благотворительного, социального и иного характера.

КСО тесно связана с таким понятием как «социальная инновация», которая трактуется как сознательно организованное нововведение, новое явление в практике социальной работы, которое формируется на определенном этапе развития общества в соответствии с социальными изменениями, и которое имеет своей целью эффективные позитивные преобразования в социальной сфере [4]. Социальные инновации касаются различных аспектов

жизни человека, таких как здоровье, отдых, в том числе спорт, обеспечение питанием, возможностью обучения и других.

Гостиничный бизнес имеет множество связей и отношений – с потребителями, партнерами, экспертами, конкурентами, инвесторами, органами власти, журналистами и общественными организациями, поэтому социальные инновации в гостиничных предприятиях можно разделить на два основных вида:

- внутренние социальные инновации (те, которые направлены на пользу персонала гостиничных предприятий);
- внешние социальные инновации (те, которые направлены на пользу общества).

Внутренние социальные инновации в гостиничных предприятиях реализуются через современные социальные технологии, к которым следует отнести: обучение высоким стандартам обслуживания, организация курсов по изучению иностранных языков, доброжелательная рабочая атмосфера, страхование персонала отелей, в том числе медицинское, бесплатные завтраки и обеды, участие в вечеринках и мероприятиях для сотрудников, скидки на проживание и питание в отелях соответствующей сети по всему миру и многое другое.

В гостиницах используются различные формы стимулирования персонала. Например, в гостинице «Катерина-Сити» г. Москва используются следующие формы социального стимулирования сотрудников:

- оглашения благодарности;
- награждение ценным подарком;
- присвоение звания лучшего по профессии;
- присвоение звания «Работник месяца»;
- вручение Серебряного нагрудного знака (за 10 лет работы в отеле);
- вручение Золотого нагрудного знака (за стаж работы на предприятии не менее 20 лет).

Система поощрений и социальный пакет в отеле «Метрополь» г. Москва выглядят следующим образом:

- бесплатное питание, униформа, химчистка;
- отпуск 30 календарных дней;
- медицинское обследование – один раз в год;
- стоматологический и профилактический осмотр – один раз в год;
- рождественский вечер – поощрение к годовщине открытия гостиницы;
- путевки в санатории, детские оздоровительные лагеря;
- обучение и развитие персонала по программам международного гостиничного сервиса.

Социальные инновации разнообразны, что обусловлено многообразием явлений социальной жизни. При классификации социальных инноваций используются различные основания.

Внешние социальные инновации гостиничных предприятий реализуются через спонсорство, меценатство, благотворительную деятельность, повышение ценовой доступности услуг, которые формируют социальный имидж отеля.

Примером внешних социальных инноваций гостиничных предприятий в настоящее время являются экологические отели – это отели будущего, которые способны улучшать состояние природной среды, воспитывать в обществе экологическое сознание и ответственность. Инновационные методы по внедрению экологической политики в гостиничную индустрию способствуют, прежде всего, реализации социальных целей, а уже потом являются инструментом повышения рентабельности и конкурентоспособности гостиничного предприятия. Одна из самых известных фирм, которая занимается рекламой и распространением товаров от производителей экологически чистой продукции, “PineappleHospitality”. Среди ассортимента экологической продукции – гели для душа, мыло, шампуни, кондиционеры, лосьоны, упаковки которых быстро разлагаются в земле; салфетки и полотенца, которые не требуют стирки, а подлежат повторной переработке, благодаря чему происходит экономия воды, времени и затрат рабочей силы; бамбуковые лотки и корзины для мусора (бамбук фактически является травой и имеет высокую скорость роста, что квалифицирует его как возобновляемый ресурс); химически безопасные моющие и чистящие средства а также новейшие товары, воплощающие ресурсосберегающие технологии: цифровые термостаты (регуляторы температуры воздуха в помещениях), экономические душевые кабины, энергоэффективное освещение (регулятор яркости освещение для дополнения естественного), датчик, который выключает освещение во всем номере отсутствие гостя и многое другое. Приведенные экологические средства размещения способны связать человека с окружающей средой, создать условия для гармоничного развития современного общества в формате бережного отношения к природе.

К главным преимуществам экологически чистых продуктов относятся:

1. Отсутствие вредного воздействия на окружающую среду;
2. Улучшение здоровья гостей и персонала;
3. Пластмасса, используемая для упаковки, соответствует требованиям стандарта по быстрому разложению в почве;
4. Цена на экологически чистые продукты не выше, чем на вредные аналоги;
5. Отсутствие синтетических ароматизаторов, красителей и консервантов;
6. Экологически чистые продукты подлежат переработке, могут быть использованы в качестве вторичного сырья;
7. Продукция изготавливается из натуральных, сертифицированных ингредиентов (Трав, масел) и содержит витамины. Благотворительный фонд “SolidarityAccorHotels” ведущего мирового гостиничного оператора и лидера рынка в Европе Группы AccorHotels, провел в 2015 году международную акцию «Неделя солидарности», целью которой было не только помочь нуждающимся, но и повысить толерантность к гостям и персоналу с ограниченными физическими возможностями, а также способствовать их социализации. Мероприятия в поддержку инвалидов, малоимущих и сирот прошли во многих отелях и офисах Группы, расположенных в 92 странах по всему миру. Принять участие в них смогли как сотрудники, так и гости,

проживающие в отелях AccorHotels. В России и странах СНГ в «Неделе солидарности» приняли участие 33 гостиницы.

В столице России в отеле “Novotel Москва Сити” также проводилась благотворительная ярмарка, мастер-класс по изготовлению различных сувениров, сбор вещей и игрушек для воспитанников детских домов. Кроме этого, гости и сотрудников посещали бесплатный тренинг и устраивали социальный флешмоб в поддержку детей.

Организация «ibis Москва Динамо» провела несколько мероприятий в поддержку Елизаветинского детского дома, расположенного в Марфо-Мариинской обители милосердия: для детей, оставшихся без родителей, в отеле был организован настоящий праздник с конкурсами, играми и подарками, затем для всех желающих прошла презентация деятельности детского дома, а сбор игрушек, подарков и материальной помощи продлился еще несколько дней. Также данная организация приглашала на кулинарный мастер-класс ребят из школы-интерната для детей с ограниченными физическими возможностями.

В рамках «Недели солидарности» получили поддержку не только дети. Например, «Novotel Москва Центр» предоставил бесплатное размещение участникам седьмого международного Парамузыкального фестиваля, «ibis Москва Павелецкая» вместе с партнерами и поставщиками вновь провели акцию в пользу бездомных, а «Novotel Екатеринбург Центр» оказал помощь районному Дому инвалидов и престарелых людей.

«Неделя солидарности», инициированная благотворительным фондом SolidarityAccorHotels для предприятий гостиничного типа – еще один способ привлечь внимание сотрудников и гостей к проблемам людей с ограниченными физическими возможностями, малоимущих и сирот. Это не разовая акция, а лишь видимая часть внушительного пласта ежедневной работы, направленной на улучшение жизни людей, нуждающихся в поддержке.

Также, используя внешние социальные инвестиции, отель Calipolis сотрудничает с Фондом Exit в области трудоустройства молодежи с риском социальной изоляции в проекте под названием Proyecto Coach. Идея фонда Exit была воплощена в жизнь в сотрудничестве с группой предпринимателей, заинтересованных социальным развитием общества [5]. Проект имеет перед собой пять конкретных целей:

1. Создать доверительные отношения между молодежью и бизнес-общественностью.
2. Стимулировать положительные изменения у молодежи и укреплять ее самооценку.
3. Помогать развитию социальных навыков, которые помогут им не только найти работу, но и удержаться на ней.
4. Выработать высокую степень мотивации к работе.
5. Продвигать идею важности социальной ответственности внутри компаний.

Данный отель заключил договор о сотрудничестве с благотворительной организацией в области образования и трудоустройства “Cáritas” для участия в программе помощи при трудоустройстве. Подопечные центра проходят

рабочую практику в отеле, а служба стирки белья отеля полностью выполняется отделом, принадлежащим этой благотворительной организации.

Почти половина всей прибыли, полученной отелем CalipolisFundaciónRoviralta, передается в Фонд Roviralta, который занимается солидарными и благотворительными проектами по всему миру. Поэтому, дополнительная стоимость для клиентов, часть той оплаты, которую они вносят при бронировании отеля, послужит для финансирования различных благотворительных проектов в далеких точках планеты. Материальная помощь распределяется в страны по всему миру: Испания, Кения, Буркина-Фасо, Сенегал, Индия, Гватемала, Перу – и многие другие. Почти 50 центов с каждого евро прибыли отеля предназначены для того, чтобы сделать жизнь самых нуждающихся людей нашей планеты более счастливой.

Burnham Hotel в центре Чикаго организовал кампанию, идея которой состоит в том, что каждый клиент, который подарит пару джинсов, получает скидку на проживание[6]. Используемый маркетинговый прием, во-первых, привлекает внимание к отелю со стороны средств массовой информации, что является дополнительной (и, причем, бесплатной) рекламой, а во-вторых, привлекает клиентов, желающих поучаствовать в таком благотворительном мероприятии. Зачастую члены общества не проявляют инициативу в поиске нуждающихся в какой-либо помощи, но при этом они имеют желание сделать вклад в полезное и социально значимое мероприятие. Учитывая данный фактор, компании, участвующие в программе социальной ответственности, повышают свою ценность в глазах текущих потребителей и потенциальных клиентов.

В рамках акции (2021 год) #AZIMUTзажигаетсердца гости сети AZIMUT Hotels перевели более 1 500 000 благотворительных баллов в поддержку фондов «Обнаженные сердца», «Огромное сердце» и ПСО «ЛизаАлерт». Гости отелей, члены программы лояльности AZIMUT Bonus, переводили баллы фондам-партнерам акции. AZIMUT Hotels также внес свой вклад: добавил бонусные баллы от лица новых клиентов. В проекте приняло участие более 200 гостей. Самый большой перевод составил – 120 000 баллов. Работа Фонда «Обнаженные сердца» позволяет людям с особенностями развития получать необходимую долгосрочную помощь, а поддержка бизнеса помогает работникам Фонда эту помощь предоставлять без перебоев и вынужденных остановок. Акция компании AZIMUT позволяет обеспечивать работу Фонда в различных регионах, а значит больше семей, воспитывающих детей с особенностями развития, смогут получить бесплатную профессиональную поддержку. Добровольческое общественное объединение «ЛизаАлерт» занимается поиском пропавших людей. Благодаря акции было собрано достаточно баллов, чтобы обеспечить размещение добровольцев отряда во время длительного выездного поиска в одном из регионов страны.

Таким образом, с помощью использования методов корпоративной социальной ответственности, компания сохраняет окружающую среду, повышает уровень жизни своих работников и населения в целом, обеспечивает благоприятные инвестиционные условия для потенциальных партнеров,

а также увеличивает свою прибыль. Компании, следующие за данной стратегией, добиваются высоких успехов как в экономическом плане, так и в социальном, духовном.

Литература

1. *Зинькович Н.Ю.* КСО как стратегия устойчивого развития компании // Символ науки. – 2015. – № 4. – С. 78–79.
2. Компания «Конус» [Электронный ресурс] – URL: <https://www.conecomm.com/research-blog/2017-csr-study>. (дата обращения: 05.04.2022).
3. *Шарипова Х.Р.* Развитие индустрии гостеприимства: исторический аспект / Х.Р. Шарипова // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических наук. – 2012. – № 2–7. – С. 229–234.
4. Туристический бизнес [Электронный ресурс]. – URL: <http://tourfaq.net/hotel-business/socialnye-innovacii-v-gostinichnom-hozyajstve>. (дата обращения: 06.04.2022).
5. Fundacion exit [Электронный ресурс] URL: <http://www.fundacioexit.org/>. (дата обращения: 06.04.2022).
6. Бизнес-прост [Электронный ресурс]. – URL: <https://biznes-prost.ru/otel-s-elementami-blagotvoritelnosti.html>. (дата обращения: 07.04.2022).

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА В АСПЕКТЕ СОХРАНЕНИЯ РЕБЕНКА В КРОВНОЙ СЕМЬЕ

**Юмагужина Асия Маратовна,
Салимшин Ильнар Ленарович**

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

Аннотация. В данной статье предлагается создать отдельную частную социологическую теорию, которая изучала бы социальное сиротство. Представляется возможным развитие на основе теоретических данных практической деятельности специалистов охраны детства. Также отмечается, что распространение проблемы социального сиротства в регионах неравномерно. Где-то ситуация может быть хуже, а где-то в силу проведенной своевременно профилактической деятельности лучше. В перечень выводов входит предложение о реализации социологического исследования, направленного на изучение социального сиротства в будущем.

Ключевые слова: социология социального сиротства, социология, кровная семья, сохранение ребенка в кровной семье, ребенок, сирота.

Российское общество стремительно трансформируется в связи с событиями пандемии Covid-19 и социальными потрясениями в интервале 2019–2022 годов. На сегодняшний момент мы имеем следующую ситуацию

с социальным сиротством в России. По данным «Банка документов» Министерства просвещения Российской Федерации на конец отчетного периода 2022 года было выявлено 44210 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Для сравнения приведем данные предыдущих годов. Так в 2019 году было выявлено 43700 детей-сирот и детей, оставшихся без попечений родителей, а на 2020 год таковых было выявлено уже 43395 человек. В 2021 году тоже произошел рост уровня выявленных детей-сирот и детей, оставшихся без попечений родителей и составил уже 46831 человек [7]. Таким образом, мы фиксируем, что с 2019 по 2021 гг. уровень выявленных детей-сирот и детей, оставшихся без попечений родителей вырос в числовом эквиваленте на 3131 человек, а в процентном примерно на 8 %. А с 2022 года в сравнении с 2021 годом уровень выявления детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей снизился в числовом эквиваленте на 2621 человека, а в процентном соотношении примерно на 6 %.

Для наглядного восприятия информации приведем ниже диаграммы, где видна описанная нами тенденция выявления детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Обратимся к рис. 1.

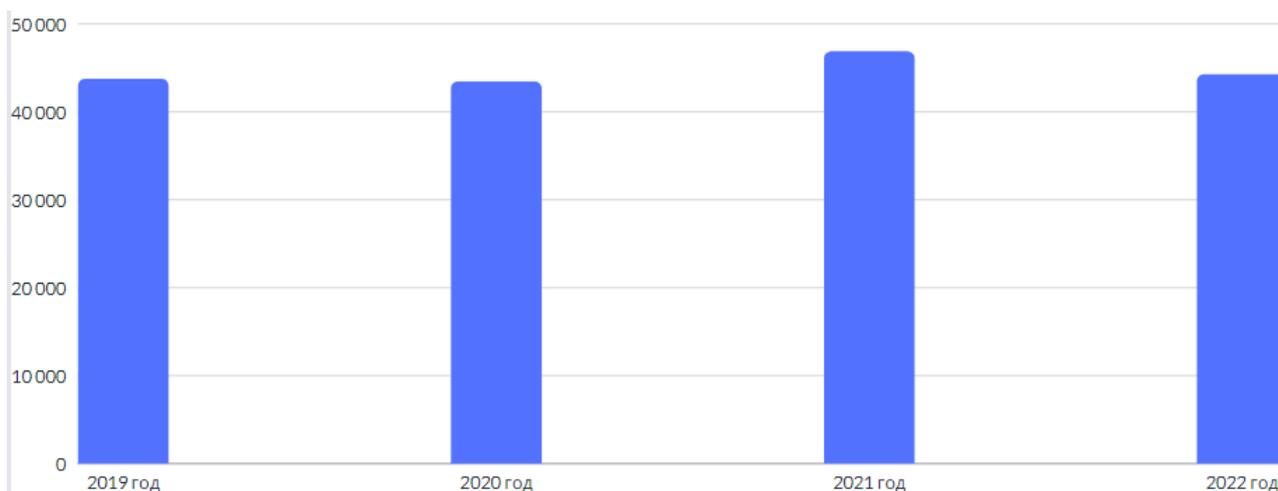

Рис. 1. Количество выявленных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей за отчетный период года

Анализ статистических данных показал, что проблема социального сиротства остается актуальной и на сегодняшний момент, а 2022 год тому подтверждение. Прежде чем подробно углубиться в анализ социального сиротства в России, стоит сделать одно примечание, связанное с направлениями изучения явлений в социологии.

Существует множество направлений изучения конкретных феноменов и явлений в социологии, к примеру: социология молодежи, социология старости, социология преступности, социология девиантного поведения, социология бедности и множество других. Этим мы показываем, что важно выделять какой-то феномен или социальную проблему в отдельный перечень

качественного изучения. На данном этапе развития социологического знания мы отмечаем, что сиротство не относят к отдельному направлению изучения. Нами была найдена лишь одна статья, посвященная изучению социологии социального сиротства. Мы сейчас говорим о том, что ключевой в дефиниции является именно эта связка, а не изучение сиротства в аспекте социологического ракурса или иных терминов. И в статье про социологию социального сиротства отмечается, что высокий уровень неопределенности будущих изменений условий жизнеустройства детей-сирот предъявляет жесткие требования к используемым сегодня в России системам образования и социализации. Имеющийся опыт устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, причины критического пересмотра методов и подходов к проблеме социального сиротства [5]. Таким образом научных исследований, посвященных именно тематике социологии сиротства, единицы. В связи с этим нам представляется рациональным отнесение сиротства в частную социологическую теорию изучения. Важно отметить, что создание направления социологии сиротства приведет к большему теоретическому и практическому накоплению деятельности по профилактике данной социальной проблемы в обществе.

Резюмируя все вышесказанное, приходим к тезису о том, что тема сиротства имеет свою специфику и требует большего академического осмысления. Перейдем к основной части нашей научной статьи, а именно к аспекту сохранения ребенка в кровной семье. Мы отмечаем, что наше государство уходит от советской модели, когда считалось, что самостоятельную личность сможет воспитать государство. Как оказывается на практике, эти дети не адаптированы к самостоятельной жизни и банально не могут даже включить газовую плиту или застелить за собой кровать. Проблема социального сиротства проистекает в различных регионах России по-разному, где-то существует большой бюрократический барьер, который препятствует профилактике изъятия ребенка из кровной семьи. А где-то и вовсе исторически сложилось так, что условия экономические, политические, социальные ведут к продуцированию социального сиротства в обществе.

По данным «Министерства просвещения РФ» можно выделить регионы, где выявлен высокий уровень детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Обратимся к рассмотрению рис. 2, где показано увеличение показателя численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выявленных в 2021 году в регионах России.

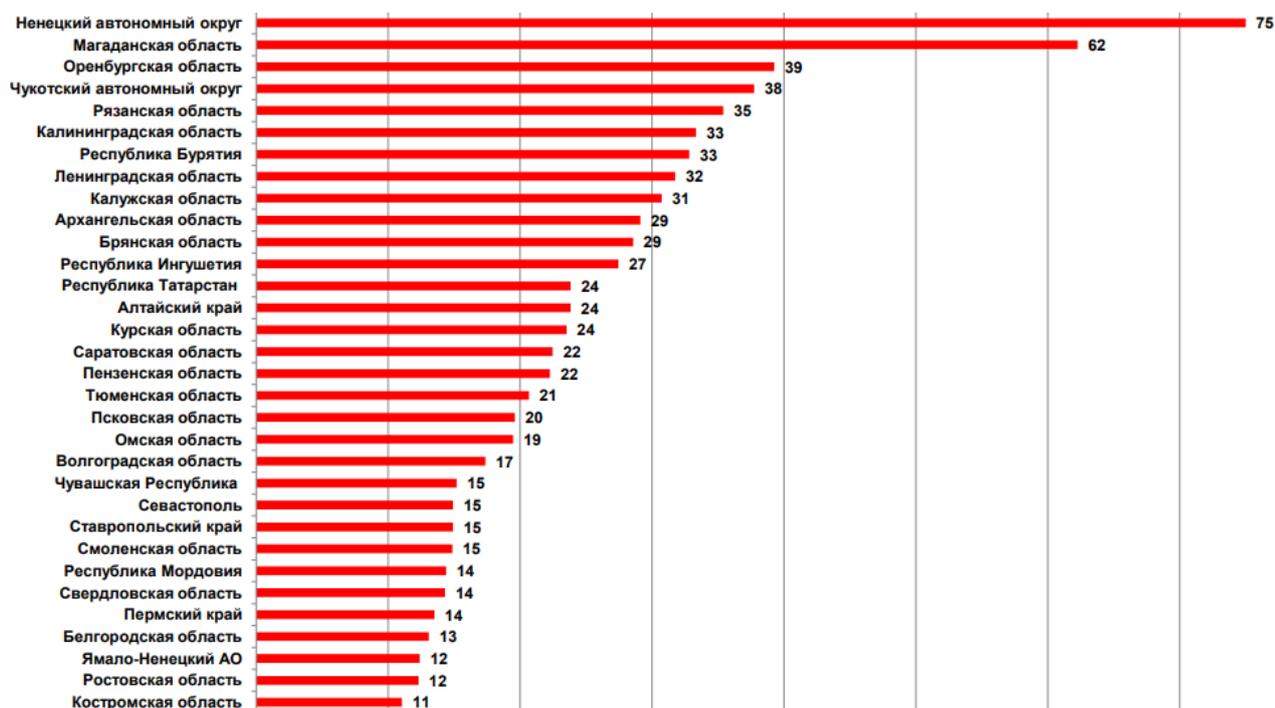

Рис. 2. Увеличение показателя численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выявленных в 2021 году, %

По данному рисунку мы наблюдаем, что в процентном соотношении увеличение показателя численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей различается в регионах. Отметим основные 3 региона, которые должны находиться в особом внимании со стороны государства. Прежде всего это:

1. Ненецкий автономный округ – 72 % увеличения показателя численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.
2. Магаданская область – 62 % увеличения показателя численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.
3. Оренбургская область – 39 % увеличения показателя численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.
4. Чукотский автономный округ – 38 % увеличения показателя численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.
5. Рязанская область – 35 % увеличения показателя численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Таким образом мы отмечаем, что наибольшая социальная проблема продуцирования сиротства выявлена в Ненецком автономном округе, а самый наименее подверженный распространению сиротству регион, а именно Костромская область, где 11 % увеличения показателя численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Вся эта градация обусловлена тем, что каждый регион по-своему проводит профилактическую деятельность, направленную на снижение общего уровня в сиротстве. Важную роль в профилактике сиротства играют компетенции специалистов охраны детства, специалистов содействия семейному устройству, социальные работники, социальные педагоги и другие. Наряду с увеличением показателя численности

детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выявленных в 2021 году, целесообразно рассмотреть аналогичную ситуацию, а именно устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Важным показателем является то, как в регионе идёт профилактическая работа, направленная на снижение общего уровня сиротства в обществе. Рассмотрим рисунок 3, где показано сокращение показателя численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

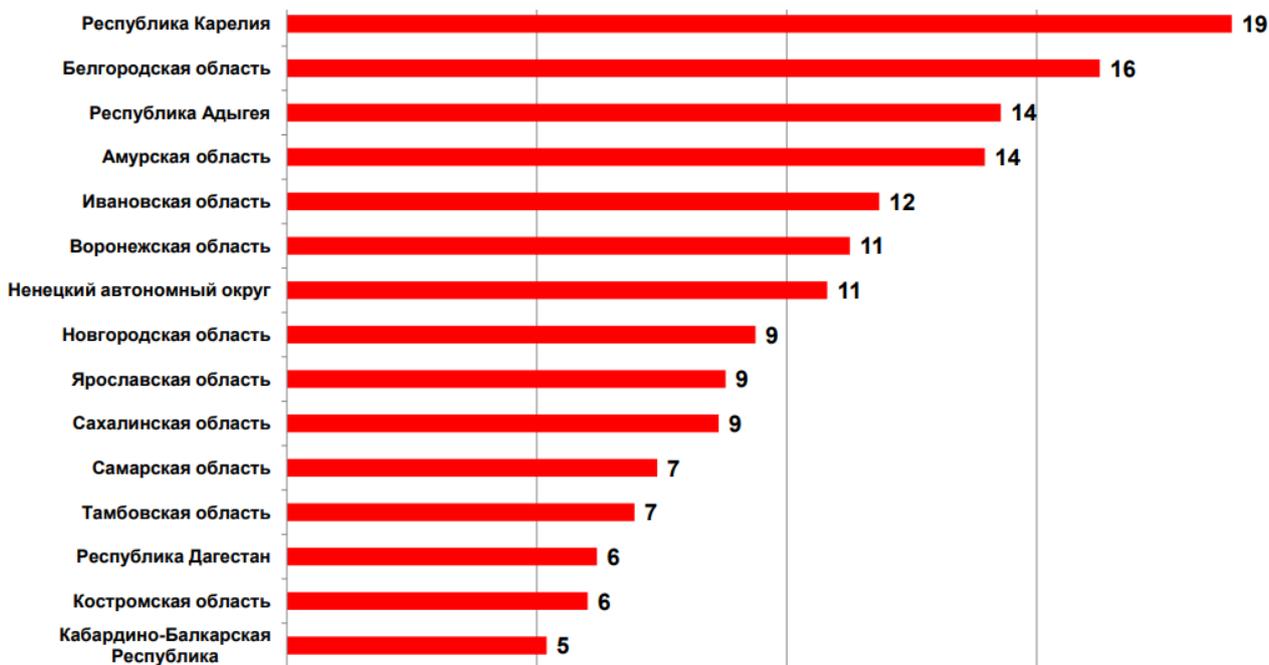

Рис. 3. Сокращение показателя численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, устроенных в 2021 году, %

Мы анализируем данные предоставленные выше и приходим к следующему тезису. Прежде всего отметим 5 регионов, которые наиболее успешно сокращают показатель численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Это такие регионы как:

1. Республика Карелия – 19 % сокращения показателя численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, устроенных.
2. Белгородская область – 16 % сокращения показателя численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, устроенных.
3. Республика Адыгея – 14 % сокращения показателя численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, устроенных.
4. Амурская область – 14 % сокращения показателя численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, устроенных.
5. Ивановская область – 12 % сокращения показателя численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, устроенных.

Резюмирую вышеизложенные данные, мы приходим к выводу, что в процентном соотношении борьба с сиротством находится почти во всех регионах на низком уровне. Скорее всего, мы можем предположить, что модель изъятия ребенка из кровной семьи с дальнейшим его устройством в детский

дом в регионах все еще остается актуальной. А теперь рассмотрим рис. 4, демонстрирующий возвраты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

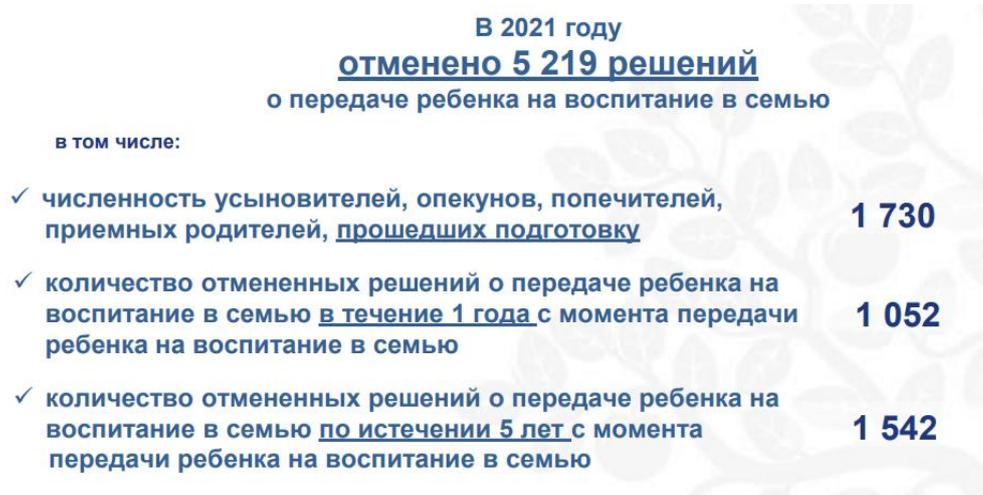

Рис. 4. Возвраты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

Представленные выше данные позволяют нам осмыслить то, что у судов Российской Федерации существует активная позиция по отмене передачи ребенка на воспитание в семью. С одной стороны, эта практика является приемлемой, потому что родители должны быть ответственными и быть заинтересованными в создании комфортных условий проживания для ребенка. А с другой стороны, мы наблюдаем то, что порой отказ в выдаче на усыновление или удочерение ребенка приводит к весьма неоднозначным последствиям для родителей. Они могут опустить руки и смириться с тем, что они никогда не смогут воспитать ребенка.

Рассмотрим рисунок 5, где представлены причины помещения детей в учреждения.

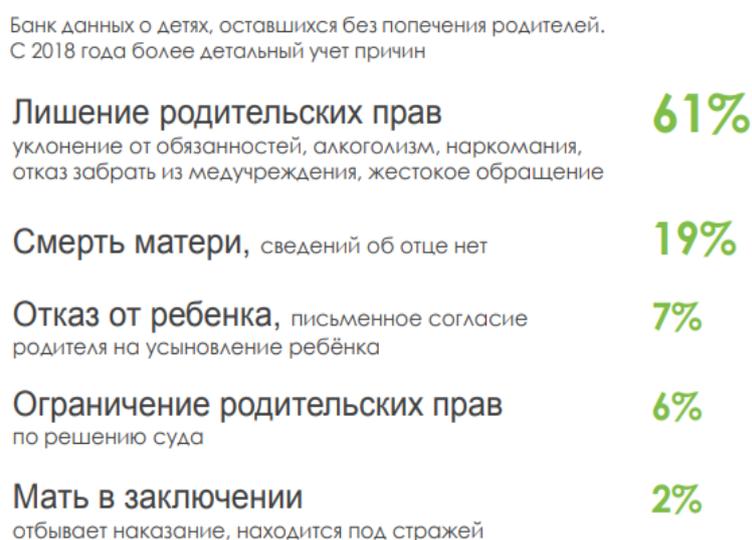

Рис. 5. Причины помещения детей в учреждения

Анализируя эти данные, мы отмечаем, что существуют следующие причины помещения детей в учреждения:

1. Лишение родительских прав – 61 %;
2. Смерть матери – 19 %;
3. Отказ от ребенка – 7 %;
4. Ограничение родительских прав – 6 %;
5. Мать в заключении – 2 %.

Таким образом мы говорим о том, что наибольшим в процентном соотношении в причинах изъятия ребенка из кровной семьи является лишение родительских прав (61 %). Скажем, что сохранение ребенка в кровной семье – очень важный аспект в работе с проблемными семьями. Процесс, направленный на сохранение ребенка в семье может положительно или негативно повлиять на будущее ребенка, его изучение в перспективе приобретает особую значимость [3, с. 208]. От причин размещения детей в учреждения перейдем к анализу типичного портрета детей в детских учреждениях.

Обратимся к рассмотрению рис. 6, где представлены основные характеристики детей, поступающих в детские учреждения.

Рис. 6. Основные характеристики детей поступающих в детские учреждения

Исходя из данных, представленных выше, мы говорим о том, что на данный момент типичный портрет ребенка из детского учреждения выглядит в процентном соотношении примерно так:

1. 96,7 % имеют проблемы со здоровьем;
2. 77,6 % находятся в подростковом возрасте;
3. 68,7 % нет отца или неизвестно где он находится;
4. 67,3 % случаях мать лишена родительских прав;
5. 62 % являются мальчиками;
6. 59,6 % являются неполными семьями;
7. 56 % являются многодетной семьей;
8. у 49,7 % есть братья или сестры.

Отметим, что анализ причин помещения детей в учреждения и типичного портрета детей в детских учреждениях был осуществлен, опираясь на данные Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко [6]. Таким образом в большинстве случаев у 96,7 % имеются проблемы со здоровьем. Отметим, что неполные и многодетные семьи являются факторами продуцирования семьи группы риска, что ведет к появлению проблем социального сиротства в обществе. На правовом уровне Российское законодательство поощряет сохранение семьи в качестве стратегии, позволяющей избежать изъятия детей из их семей. Поэтому университетам следует предусмотреть в учебных планах подготовку по услугам по сохранению семьи, чтобы обеспечить соблюдение требований, содержащихся в программных документах [4, с. 64].

Обратимся к рассмотрению рис. 7.

Данные исследования. Все дети в ДУ	В целом	Город	Село
1. Алкоголизм родителя(ей)	40,4%	39,6%	41,6%
2. Уклонение родителей от обязанностей	24,5%	23,5%	27,8%
3. Тяжелое материальное положение	14,1%	13,4%	16,5%
4. Заболевание ребёнка	13,0%	14,8%	8,5%
5. Заболевание родителя(ей)	10,0%	10,1%	9,7%
6. Смерть одного из родителей	6,8%	6,6%	6,5%

Рис. 7. Жизненные ситуации. В городах и сельской местности

Отметим ключевые дефиниции из данных, представленных выше. Прежде всего отметим 3 наиболее распространенных жизненных ситуации в городе и сельской местности. Это такие позиции как:

1. Алкоголизм родителей в целом 40,4 % (город 39,6 % и село 41,6 %).
2. Уклонение родителей от обязанностей в целом 24,5 % (город 23,5 % и село 27,8 %).
3. Тяжелое материальное положение в целом 14,1 % (город 13,4 % и село 16,5 %).

Таким образом, можно отметить, что в селе ситуация с алкоголизмом родителей, уклонением родителей от обязанностей, тяжелым материальным положением является большей социальной проблемой, нежели в городе. Однако это не говорит о том, что в городе эти ситуации не распространены. А теперь перейдем к тем позициям, где город обходит в процентном соотношении село:

4. Заболевание ребёнка в целом 13 % (город 14,8 % и село 8,5 %).
5. Заболевание родителя(ей) в целом 10 % (город 10,1 % и село 9,7 %).
6. Смерть одного из родителей в целом 6,8 % (город 6,6 % и село 6,5 %).

Резюмируя данные, мы приходим к выводу, что по заболеванию ребёнка, родителей и смерти одного из родителей город обходит село в процентном

соотношении. Возможно, проблемой выступает экологическая запущенность города или же в целом высокий уровень хронических заболеваний в городах. Для того, чтобы точно узнать причину, нужно провести отдельное качественное социологическое исследование. Причины жизненных ситуаций в городе и селе выявлены, а теперь нужно рассмотреть социально-демографический портрет детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

На сайте «Усыновите.ру» сформирована база детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Во вкладке поиск можно найти детей для усыновления, учитывая фильтр по половой принадлежности ребенка. Рассмотрим рисунок 8, где показан социально-демографический портрет детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

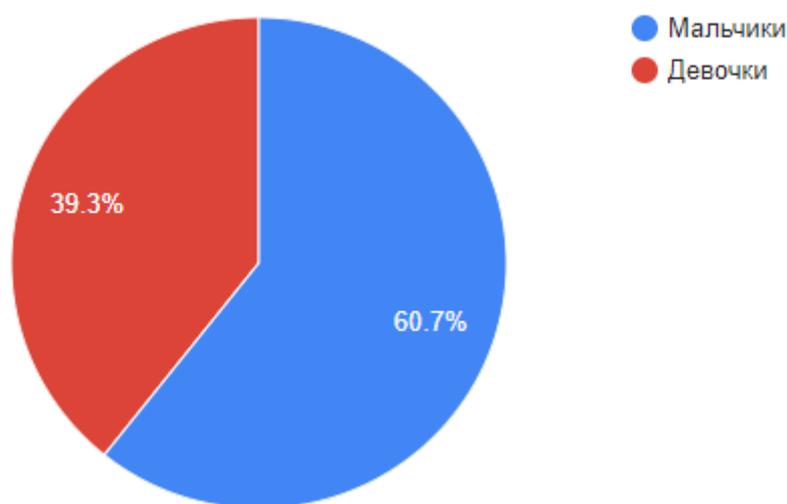

Рис. 8. Социально-демографический портрет детей с опытом сиротства

Исходя из данных социально-демографического портрета детей с опытом сиротства. По состоянию на 1 апреля 2022 года банк данных о детях («Усыновите.ру») содержал записи о 39368 детях. Из них большую часть составили мальчики (60,7 %), девочек было в полтора раза меньше (39,3 %) [8].

В аспекте рассмотрения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей стоит подметить зарубежный опыт решения социальной проблемы сиротства. Примером является США, где только в Штате Нью-Йорк в 2012 г. в замещающих (фостерных) семьях проживали 20539 детей. К. Оливьера утверждает, что, несмотря на меры, предпринимаемые государством по улучшению качества социальной работы с семьями, ежегодно в Португалии около 90 тыс. детей попадают в зону риска и 10 тыс. детей не живут в родных семьях по предписанию социальных служб [2, с. 55].

Таким образом, резюмируя анализ социального сиротства, приходим к выводу, что сохранение ребенка в кровной семье является новым направлением, которое требует большего осмысления, как со стороны государства, так и со стороны самого общества. В связи с этим важно, чтобы государство и общество предоставляли любые варианты комплексной

медицинской, психологической, социально-экономической и правовой помощи тем, кто находится в кризисной ситуации и не может справиться с ней самостоятельно [1, с. 55]. Проведенный в данной статье анализ социального сиротства позволит в большей степени понять масштабность проблемы как в регионах, так и в столице. Как в городах, так и селах.

Иными словами, мы затронули большую часть, связанную с распространением социальной проблемы сиротства. Однако, хоть и был проведен глубокий анализ социального сиротства, но не представлено авторское социологическое исследование, посвященное данной социальной проблеме. Нам видется, что на основе данной статьи в дальнейшем нужно провести если не глобальное, то локальное социологическое исследование с учётом специфики каждого региона, а в этой статье об этом говорилось. Развитие большего практического потенциала государства и НКО приведет к успешной социальной работе по сохранению ребенка в кровной семье.

Литература

1. Безрукова О.Н., Самойлова В.А., Шишкина Е.В., Яшина М.Н. «Никто не поможет...»: отказы от новорожденных детей и бэби-боксы // Социологические исследования. – 2021. – № 5. – С. 55. – DOI: 10.31857/S013216250014214-8.

2. Носкова А.В., Титова М.А., Васильев А.А., Кишкин М.И. Дети вне семьи: фостерные практики в России // Социологические исследования. – 2016. – № 8. – С. 55.

3. Юмагужина, А.М. Сохранение детей в кровной семье как профилактика социального сиротства / А.М. Юмагужина, И.Л. Салимшин // Modern Science. – 2021. – № 12–4. – С. 208. – EDN ХОККНҚ.

4. Юмагужина, А.М. Социальные услуги по сохранению детей в кровной семье / А.М. Юмагужина, И.Л. Салимшин // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 12–3 (63). – С. 64. – DOI 10.24412/2500-1000-2021-12-3-62-65. – EDN ТХУГГВ.

5. Sociology of a social orphanhood: yesterday, today, tomorrow // Russian Sociology in the Period of Crisis, Critique and Changes, Турин, 28–31 августа 2013 года / Editor V.A. Mansurov. – Турин: Российское общество социологов, 2013. – Р. 396. – EDN SDCUUB.

6. Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко. url: https://deti.timchenkofoundation.org/wp-content/uploads/2019/10/Исследование-причин-социального-сиротства_Э.Гарифулина.pdf (дата обращения 14.04.2022)

7. Банк документов. Министерство просвещения Российской Федерации.url: <https://docs.edu.gov.ru/document/17bc19963749a7f29e59d09c0c7ebfaa/> (дата обращения 12.04.2022).

8. Усыновите.ру. url: <http://www.usynovite.ru/> (дата обращения: 15.04.2022).

FORMATION OF PROFESSIONAL AND PERSONAL QUALITIES OF A SOCIAL WORKER AMONG STUDENTS OF THE SPECIALTY “SOCIAL WORK” OF NJSC KAZNWTU

**Kaliyeva Aliya Aybulatovna,
Kaldymurynova Gaukhar Almazovna**

NJSC Kazakh National Women Training University, Almaty, Kazakhstan

Abstract. In modern society, there is a great need for highly qualified social workers, on whose activities the socio-psychological state of various categories of the population of society depends. The consequence of this is the expansion and development of the system of training social workers. But, despite this, there is still an acute shortage of personnel in the field of social work, and this fact can only be partially explained by socio-economic and socio-psychological reasons. Part of the problem lies in the fact that, with a sufficiently high level of requirements for a social worker, material remuneration for work is inadequately low. As a result, there is a constant migration of specialists, especially young ones, from the sphere of social work to commercial structures that are more attractive in material terms and have nothing to do with social work.

Keywords: Google form, social worker, educational programme (EP)

Social work requires different knowledge and skills in different areas, as well as their application in practice. Let's not forget that a social worker during his professional activity forms the value orientations of interaction with different segments of the population [1].

But in the process of providing social services, he must separate his feelings, emotions, from professional relations with the client. The professional development of a specialist is a complex and continuous process.

Professional education plays an important role in the process of personality formation. Professional education of social workers includes vocational guidance, mastery of the profession, the beginning of independent labor activity, continuous professional development, and mentoring [2].

Social work is aimed at aiding, support, protection of people, especially socially vulnerable groups. Social work is guided by a set of values – the well-being of people, social justice, the dignity of the individual. The combination of socio-psychological, moral, spiritual, aesthetic, and religious qualities makes it possible to single out a special moral type of personality and determine the requirements for the professionalism of a social worker [3].

In February 2022, we conducted a questioning among students of 1–4 courses in the specialty “Social work”. 32 respondents took part in the survey, questions for the survey were formed in Google form (<https://forms.gle/D1CSZQFDRaDgtHGf6>).

Students of the specialty “Social work” answered on 10 questions. 31 girls (96.9 %) and 1 boy (3.1 %) took part in the survey. According to the “age” category, the respondents were divided into 17–18-year-olds (50 %–16 people); 19–20-year-

olds (46.9 % –15 people); over 40 years old (3.1 %). The 32 respondents – 90.6 % are first-year students. The 8.4 % are students of 2–4 courses.

According to respondents, a modern social worker should have the following personal qualities as (in descending order):

1. Kindness – 84.4 %;
2. Tolerance – 65.6 %;
3. Care – 59.4 %;
4. Stress resistance – 53.1 %;
5. Balance – 37.5 %;
6. Responsiveness – 34.4 %;
7. Compassion – 21.9 %;
8. Empathy, Selflessness, Imagination – 18.8 %.

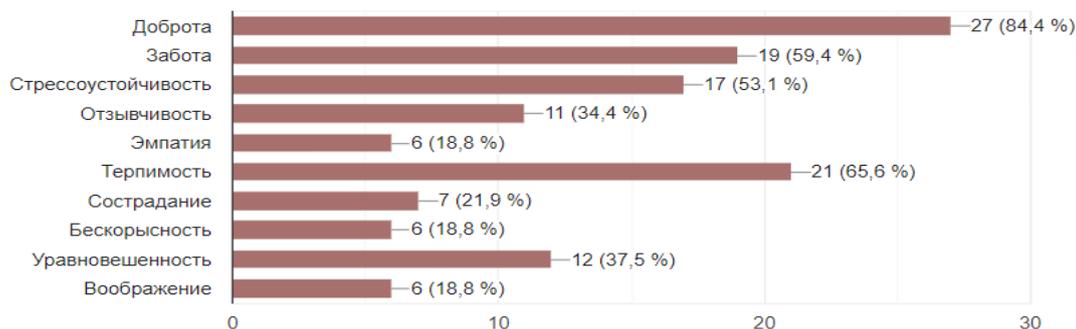
Summing up such qualities as kindness, care and tolerance are very relevant for future social workers (Diagram 1).

Diagram 1

Personal qualities necessary for a social worker

4. Какие личностные качества должны быть у современного социального работника?

32 ответа

If we consider from the position what personal qualities characterize a social worker, then here the respondents have approximately the same position as on the previously asked question (in descending order):

1. Tolerance, Caring – 53.1 %;
2. Stress resistance – 50 %;
3. Kindness – 46.9 %;
4. Responsiveness – 43.8 %;
5. Balance – 34.4 %;
6. Compassion – 18.8 %;
7. Empathy, Selflessness, Imagination – 12.5 %.

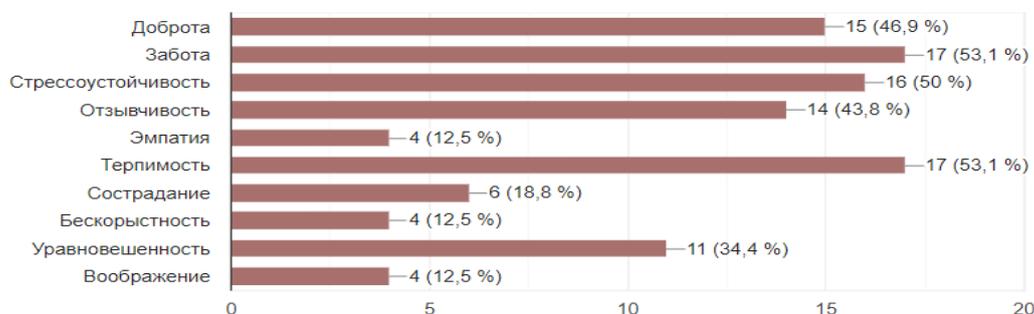
In the first place: tolerance, care and stress resistance. And on the last: empathy, disinterestedness, and imagination (Diagram 2).

Diagram 2

Personal qualities that characterize a social worker

5. Какие личностные качества характеризуют современного социального работника?

32 ответа

On the question of the professional qualities of a social worker, the respondents ranked the first three positions in order of importance (in descending order):

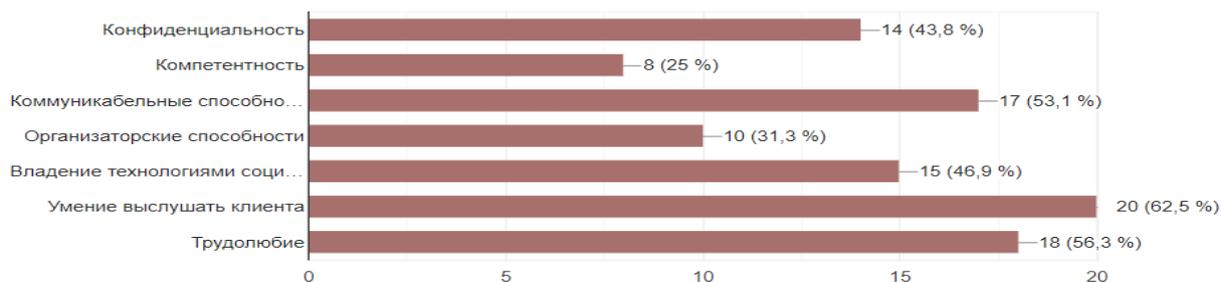
1. Ability to listen to the client – 62.5 %;
2. Diligence – 56.3 %;
3. Communication skills – 53.1 % (Diagram 3).

Diagram 3

Professional qualities of a social worker

6. Какие профессиональные качества должны быть у социального работника?
(Выберите три варианта по степени важности)

32 ответа

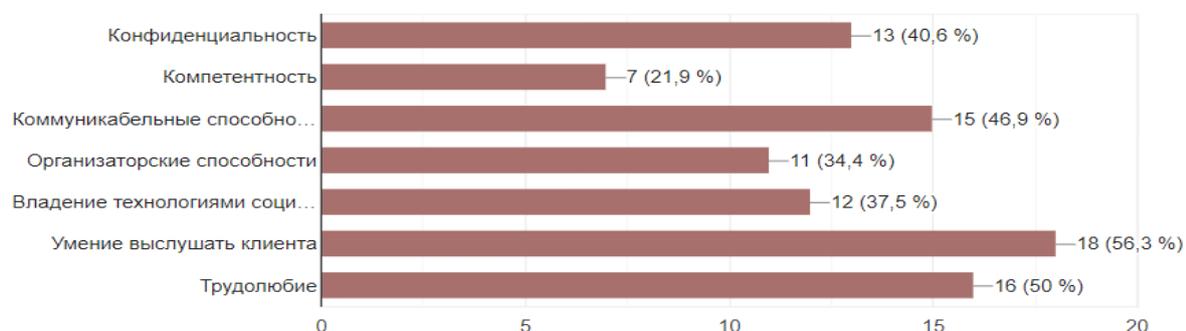
The fact that such qualities as: Ability to listen to a client, Diligence and Communication skills are very important for a social worker, the respondents confirmed, once again answering the question about what professional qualities characterize a modern social worker (in descending order).

1. Ability to listen to the client – 56.3 %;
2. Diligence – 50 %;
3. Communication skills – 46.9 % (Diagram 4).

Professional qualities that characterize a modern social worker

7. Какие профессиональные качества характеризуют прежде всего современного социального работника? (Выберите три варианта по степени важности)

32 ответа

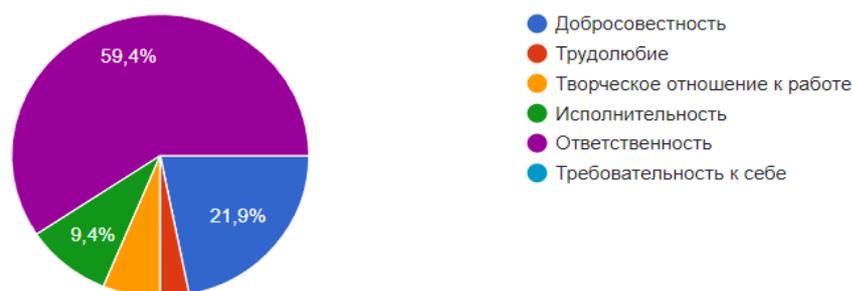

According to the degree of importance of the necessary qualities that should be inherent in a social worker, the respondents put the following in the first place: responsibility – 59.4 %, in the second place – exactingness to oneself – 21.9 % and in the third place – diligence – 9.4 % (Diagram 5).

Qualities inherent in a social worker

8. Какое качество прежде всего должно быть у социального работника?

32 ответа

In order, to improve the professional and personal qualities of a social worker, according to the respondents, the following steps should be taken (in descending order).

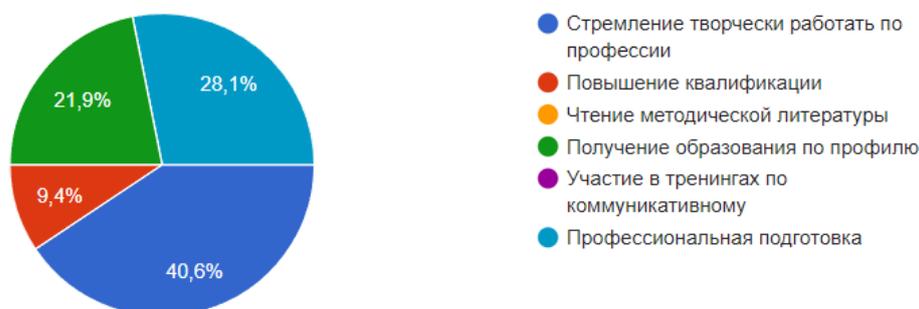
1. Vocational training – 40.6 %;
2. The desire to work creatively in the profession – 28.1 %;
3. Obtaining education by profession – 21.9 %;
4. Advanced training – 9.4 % (Diagram 6).

Diagram 6

Ways to improve the professional and personal qualities of a social worker

9. Каковы пути совершенствования профессионально-личностных качеств социального работника?

32 ответа

According to the degree of importance of the qualities necessary for a social worker, the respondents put them in the first 3 places (in descending order).

1. Have good professional training, knowledge in psychology, pedagogy, physiology – 71.9 %;

2. Skillfully communicate with "difficult" teenagers, orphans, the disabled, the elderly, people – 68.8 %;

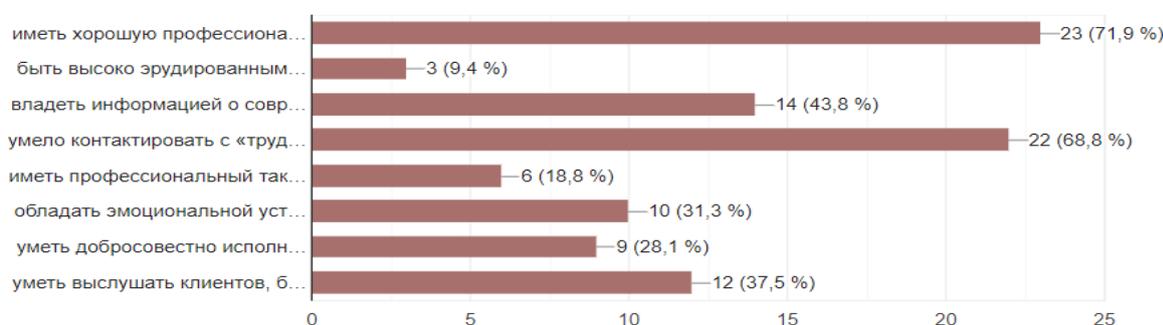
3. Possess information about modern political, social processes and various social groups of the population – 43.8 % (Diagram 7).

Diagram 7

Qualities required of a social worker

10. Социальный работник должен...(выберите не более 3 вариантов)

32 ответа

An analysis of the choice of respondents shows that education, training, and professional development are the main ones in improving the professional and personal qualities of a future social worker. And professional knowledge, skillful

possession of information and contact with clients are essential qualities for a social worker.

Summing up, we came to the following conclusions:

1. The problem of the formation of professional and personal qualities of a social worker is extremely relevant;

2. Personal qualities are understood as congenital or acquired features of a person's character that change throughout life;

3. The professional qualities of a social worker include: professional readiness; the ability to foresee the consequences of one's actions; availability of communication skills;

4. The process of forming professional and personal qualities in the preparation of a bachelor student includes different approaches, but practice is an important component for the professional and personal development of a future social worker;

5. The results of the study showed that future social workers consider the most important personal qualities for a social service specialist to be: kindness, care, disinterestedness, the ability to listen to a client, responsibility, correctness and a sense of tact when working with a client (s);

6. Considering the results of the study, it is possible to adjust the EP (educational program) in the specialty "Social Work" to improve it and comply with modern realities. And awareness of the value of their professional activities by future social workers will increase their interest in work and love for their chosen profession.

Literature

1. Теория социальной работы: учебник для магистров / под общей редакцией Е.И. Холостовой, Е.Г. Студёновой. – М., 2018. – 474 с.

2. *Доброштан В.М.* Постигание смысла бытия. Аксиологические аспекты духовного самоопределения личности. Saarbrücken, 2014 – 260 с.

3. *Бойко Ж.В.* Этические основы социальной работы: учебное пособие. – Хабаровск, 2012. – 95 с.

**СЕКЦИЯ «ЭТНИЧНОСТЬ И РЕЛИГИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ
ИЗМЕРЕНИИ: ХРОНИКИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
И ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК»**

**ПРОИЗВОДСТВО ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЕВРЕЙСКОЙ
МОЛОДЁЖИ ГОРОДА КАЗАНИ**

Богатырева Елена Сергеевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса производства еврейской этнической идентичности среди молодежи. Был проведен анализ проблемы в современном российском обществе в условиях этнической ассимиляции евреев в России, а также переезда в другие страны. В материале рассматриваются теоретико-методологические основания изучения темы еврейской идентичности в российском обществе, проводится обзор литературы и исследований по данной теме. Обращается внимание на положение евреев как этнической группы в современной России, упоминаются основные подходы и труды ученых по анализируемой теме. Рассматриваются пути формирования еврейской этнической идентичности среди молодежи в современном российском обществе. Особое внимание уделяется выявлению влияния, оказываемого на формирование еврейской этнической идентичности общественными организациями.

Путем проведения эмпирического исследования методом глубинного интервью с молодыми евреями города Казани в возрасте 18–25 лет была достигнута цель работы, заключающаяся в выявлении основных практик, оказывающих влияние на формирование этнической идентичности еврейской молодежи. Внимание было сфокусировано на деятельности Молодежного Еврейского Центра «Афифон» в городе Казани, поскольку рассмотрение воспроизводства еврейской этнической идентичности в контексте общественных организаций представляет в настоящее время особый научный интерес для социологического исследования.

Автором делается вывод о том, что в современной России усиливается влияние еврейских общественных организаций и образовательных практик в школах на уровень идентификации молодых евреев. Данная статья может быть полезна исследователям, рассматривающим вопросы, связанные с особенностями этнического самосознания национальных меньшинств Российской Федерации, а также деятельности национальных общественных организаций.

Ключевые слова: этническая идентичность, этническое самосознание, производство идентичности, этническая ассимиляция евреев, еврейская идентичность, еврейская община, национальная еврейская культура, еврейские общественные организации.

Вопрос производства еврейской идентичности в российском научном дискурсе был обозначен исследователями в постсоветский период, поскольку в СССР процесс передачи социальных практик, связанных с этничностью, был затруднителен по причине существования ограничений. Актуальность данной темы в современной России связана с тем, что после распада СССР наблюдалась массовая эмиграция евреев в другие страны, а также адаптация еврейского сообщества к новым социально-экономическим и политическим реалиям. Кроме того, согласно позициям российских ученых, евреи в России сегодня – это малая этническая группа, подверженная воздействию процессов ассимиляции и аккультурации, т. е. потери отличительных особенностей этноса (культуры, традиций, национального языка) взамен на приобретение особенностей другого, доминирующего этноса.

Однако в современной России также формируются особые активные еврейские сообщества, члены которых не только интересуются культурой, традициями еврейского народа, но также изучают религиозные аспекты жизни евреев, историю, национальные языки. Наиболее активной социальной группой признается еврейская молодежь, поскольку это общественная группа, которая находится в состоянии формирования ценностных ориентаций, поиска целей, а также своего места в обществе. Взаимодействие молодых евреев с окружающим обществом тесно связано с их принадлежностью к социальной группе или сообществу. Поэтому особый интерес представляет рассмотрение воспроизводства идентичности еврейской молодежи в контексте существующих организаций.

Стоит отметить, что в последние годы в России достаточно активную деятельность начинают вести молодежные общественные организации, направление деятельности которых может состоять как в просвещении, так и в помощи с осуществлением инициатив и проектов молодых евреев. Перед учеными и исследователями встает вопрос о том, как формируется идентичность еврейской молодежи в условиях ассимиляции евреев в России, почему молодые люди относят себя к евреям, в чем проявляется их принадлежность к еврейству, какое влияние на этот процесс оказывают различные каналы формирования этнической идентичности (такие как семья, культура, общественные организации).

В настоящее время в России вопрос о производстве идентичности еврейской молодежи можно назвать достаточно малоизученным по той причине, что исследования о евреях в российской науке в целом получили распространение только в 90-х годах XX века, поэтому долгое время данный вопрос оставался предметом исследования западных ученых. Еврейская идентичность в научном сообществе выступает объектом рассмотрения в социологии, антропологии, философии и других науках.

Согласно В.А. Ядову, «социальная идентификация обусловлена глубинной потребностью в признании со стороны других... в самореализации, ожидании позитивной оценки» [8, с. 5]. Отождествляя себя с определенной социальной группой, человек задает самому себе вопросы о причинах таковой солидарности. Среди типов социальной идентичности стоит отметить

этническую идентичность, которая складывается для каждого человека не только в результате наличия объективного свойства, но и индивидуального и самостоятельного определения. Это результат осознания человеком своей принадлежности к представителям определенной этнической группы, сопоставления своего поведения с ними. Как писал классик социологии М. Вебер, «этничность есть принадлежность к этнической группе, объединенной культурной однородностью и верой в общее происхождение» [1, с. 237]. С изучением еврейской идентичности связывали свои работы такие социологи, как Р.В. Рывкина, Б.Е. Винер и другие.

Р.В. Рывкина в работе «Как живут евреи в России. Социологический анализ перемен» [6] рассматривала еврейское сообщество в России в период 1995–2004 годов, путем проведения массовых опросов и экспертных интервью она установила, что за прошедший период времени среди евреев заметно снизилось число людей, желающих переехать из России в другие страны, также возросло число еврейских общественных организаций. Автор писала о том, что за прошедшие годы уровень антисемитизма в российском обществе неуклонно снижается благодаря национальной политике государства, однако по-прежнему имеет место быть. Также исследовательница идентифицировала евреев как национальное меньшинство по причине процессов аккультурации и ассимиляции еврейства в России. Были выделены критерии для идентификации евреев, что позволило рассматривать еврейскую идентичность в российском обществе с разных точек зрения. Р.В. Рывкина в своем труде пришла к неутешительному выводу о том, что в России наблюдается кризис национальной и этнической идентификации евреев, поскольку евреи в России постепенно теряют связь с культурой, языками, традициями Израиля и еврейского народа. Однако также было установлено, что в начале XXI века представители еврейской молодежи стали проявлять интерес к иудаизму, еврейской культуре. Именно изучение еврейской молодежи представляется автору достаточно перспективным и интересным направлением.

Исследователи М. Коган [4] и Б.Е. Винер [2] уделяли внимание изучению процесса передачи этнической идентичности в смешанных русско-еврейских браках. Особое место уделялось в данном вопросе рассмотрению влияния культуры на формирование еврейской идентичности. Так, Ц. Гительман разделял активную и пассивную идентичность [3, с. 52]. В труде писали о том, что активный тип идентичности заключается в создании и потреблении продуктов культуры, а также ощущении чувства гордости, соблюдении традиций, в то время как пассивный тип – это нейтральное или даже враждебное отношение к продуктам культуры и всему еврейскому народу в целом. Е. Носенко-Штейн в своей диссертации [5] акцентировала внимание на рассмотрении вопроса о потомках смешанных браков, поскольку, по ее мнению, данная тема является основой для изучения межэтнических и межкультурных взаимодействий в современном российском обществе.

Аналізу производства идентичности еврейской молодежи посвящена монография «Еврейская молодежь в постсоветских странах» [7], в которой путем проведения опросов в странах бывшего СССР была выявлена тенденция

образования еврейской молодежной субкультуры. Согласно мнению авторов, современная еврейская молодежь заметно отличается от той, что была в советское время. Также был отмечен процесс массовой аккультурации евреев в иных культурных средах, снижение влияния семьи как канала передачи этнокультурных практик для молодежи, увеличение влияния общественных организаций на еврейскую молодежь, рост интереса к религиозной и светской еврейской культуре.

Государственная национальная поддержка и возможность выбора позволили евреям в России задаться вопросом о том, с помощью каких каналов возможно знакомство с национальной еврейской культурой, традициями, языками, историей еврейского народа. В проникающем во все сферы жизни общества процессе глобализации среди прочих есть неоспоримая положительная сторона для представителей еврейства – возможность коммуницировать и поддерживать связь на расстоянии, искать информацию о еврейской истории, продуктах культуры, тем самым приобщаясь к еврейскому сообществу разных стран мира.

В монографии В. Ханина, Д. Писаревской, А. Эпштейна приводятся данные об исследованиях в еврейских летних лагерях в 2011–2012 годах [7, с. 53]. На вопрос «Что значит сегодня быть евреем?» в качестве наиболее значимых характеристик представители еврейской молодежи выбирали ответы «чувствовать принадлежность к еврейскому народу» – 66,1 %, «гордиться историей и культурой еврейского народа» – 58,4 %, «придерживаться еврейских традиций, обычаев, культуры» – 39,3 %. Вариант ответа «иметь родителей-евреев» [Там же, с. 53] выбрали при этом только 27,2 % опрошенных, соответственно, можно сделать предположение о том, что современная еврейская молодежь в России отводит большее значение национальной культуре и традициям, чем необходимости наличия родителей-евреев для того, чтобы считать себя частью еврейского сообщества.

Таким образом, по мнению ученых, еврейская идентичность складывается из истории еврейского народа, исторической памяти о событиях прошлого, религиозного аспекта, воспитания через институты семьи и образования. Также можно сказать о том, что еврейская национальная культура является важной составляющей формирования этнической идентичности. Немалую роль в данном вопросе играют общественные организации, которые через проведение встреч и культурных мероприятий знакомят евреев с продуктами культуры, помогают найти единомышленников во взглядах и увлечениях, сплотить еврейское сообщество.

Конкретное эмпирическое исследование представляло собой 7 глубинных интервью с молодыми евреями в возрасте 18–25 лет с целью анализа существующих практик, оказывающих влияние на формирование идентичности еврейской молодежи в рамках общественной организации. Опираясь на оценки о возможных методах в вопросе еврейской идентичности ученых и исследователей, было установлено, что проведение массового анкетного опроса для выявления существующих практик и особенностей воспроизводства идентичности не позволит узнать предпосылки и причины, а также

испытываемые чувства респондентов по данной теме. Используя же метод интервью, можно получить данные для оценки существующей малой социальной группы, поскольку нет четких рамок возможных вопросов и исследуемых тем, что позволяет задавать уточняющие вопросы, строить беседу, опираясь на данные, полученные от конкретного информанта. Метод глубинного интервью для данного исследования также был выбран по той причине, что его можно использовать на ранних этапах проведения эмпирического исследования, когда рассматриваемый вопрос еще малоизучен, поскольку в процессе беседы возможно выдвижение новых для интервьюера гипотез и предположений, которые проверяются путем дополнительных вопросов. Важен вопрос доверия и расположенности информанта к беседе, поскольку от этого зависит заинтересованность и личное желание быть полезным в рамках рассматриваемой темы.

Отбор информантов в выборочную совокупность проводился путем использования метода «снежного кома» среди участников еврейской общины, посещающих Молодежный Еврейский Центр «Афифон» в городе Казани. Такой выбор связан, в первую очередь, с тем, что было необходимо провести интервью с теми представителями молодежи, кто считает себя евреем и чувствует свою принадлежность к еврейской общине и еврейскому народу. Данный факт было проще установить через еврейскую общественную организацию, участники которой изначально идентифицируют себя как евреи. Возрастная категория 18–25 лет была выбрана, основываясь на предположении о том, что в этом возрасте еврейская молодежь наиболее активно участвует в общественной жизни еврейской общины, задается вопросом о своем месте в обществе и формирует взгляды на окружающую действительность. Также, согласно списку участников МЕЦ «Афифон» в группе «ВКонтакте», большая часть молодежи, посещающей мероприятия данной организации относится к этой возрастной категории. Рекрутинг осуществлялся путем написания личных сообщений о проводимом исследовании участникам данной организации в социальной сети ВКонтакте. Трудность с отбором респондентов заключалась в недоверии в социальных сетях: не все готовы прочитать сообщение от незнакомого человека в социальной сети и ответить на него, поскольку в настоящее время распространены рекламные и мошеннические сообщения, которые рассылаются через социальные сети.

Интервью проводились как в очном формате в общественных местах города Казани, так и дистанционно, через использование электронных ресурсов, посредством которых можно было бы осуществить видео-звонок. Всего было проведено 7 интервью с 3 юношами и 4 девушками в возрасте от 18 до 25 лет. Интервью проводились в период с 14 по 29 марта 2022 года. Стоит отметить, что 3 интервью из 7 были организованы в дистанционном формате онлайн-интервью по причинам трудностей с вопросом доверия, касающимся личных встреч с незнакомым человеком, а также в связи с непростой эпидемиологической ситуацией. Кроме того, благодаря распространяющейся тенденции на «удаленную работу» посредством Интернет-ресурсов, онлайн-интервью через использование видеосвязи представляется респондентами более

удобным средством общения, поскольку может происходить в комфортной обстановке в удобное время.

Стоит отметить, что среди информантов 2 девушки в детстве проживали не в городе Казани, а в небольших городах, в связи с чем они не были активно вовлечены в деятельность еврейской общины до переезда в город Казань. На основании этого было сделано предположение о влиянии крупного города на уровень этнической идентификации молодых евреев. Также во время рекрутинга возникла гипотеза о взаимосвязи между вовлеченностью в еврейскую общину и образовательным учреждением, в котором учился опрашиваемый, поскольку большая часть участников МЕЦ «Афффон» учатся или закончили МБОУ «Школу № 12» города Казани, считающуюся еврейской. В связи с этим во время интервью поднимались темы школы и знакомства с еврейской культурой через образовательные практики. Также в процессе проведения интервью было установлено, что еврейская идентификация не всегда связана с наличием родственников-евреев, поскольку 2 информанта отметили, что у них нет предков-евреев, но при этом они сами себя считают евреями, во многом благодаря еврейской школе, в которой они учились: *«Я закончил еврейскую школу, поступил туда в 6 классе, до этого не имел никакого отношения к еврейскому народу, но потихонечку начал изучать. Я без корней могу себя идентифицировать с евреями»* (Интервью № 4, М., 25 лет); *«Мои родители, как и я, толком не имеют никаких корней еврейских, меня с еврейством объединяет кое-что другое. Мой отец по национальности татарин, моя мать-русская. Я 11 лет учусь в Еврейской школе № 12, именно это и стало моим главным связующим с еврейством»* (Интервью № 6, М., 18 лет).

Другие информанты также не являются чистокровными евреями по своему происхождению, в основном это были дети смешанных браков, причем, примечательно, что чаще всего евреем в семье был отец. Связано это в том числе с тем фактом, что некоторые знакомые респондентов, у которых еврейкой была мать, переехали в Израиль на постоянное место жительства по репатриации – инициативе государства, направленной на возвращение потомков евреев на историческую родину. Также стоит отметить, что из 5 опрошенных, у которых есть еврейские корни, у двоих родители находятся в разводе, причем остались жить после развода оба информанта с матерью, которая не является еврейкой и потому о еврейской культуре они узнали благодаря общественным институтам, а не семье, однако все равно оказались вовлечены в деятельность еврейской общины, что подтверждает ранее вынесенный факт об ослабевающей степени влияния семьи на формирование еврейской идентичности по сравнению с общественными организациями и школой: *«Я даже не пыталась интересоваться у мамы – ну чтобы она мне что-то рассказала по поводу еврейства. Потому что я не хотела ее трогать, мне кажется, для неё это такая травма моральная, психологическая, что они с папой в разводе и может быть ей было бы больно вспоминать со стороны отца, получается, тех родственников. И поэтому я сама интересовалась, читала информацию по этому вопросу»* (Интервью № 1, Ж., 21 год).

Таким образом, проживание молодых евреев в крупном городе с развитой системой общественных организаций и образовательных инициатив способствует увеличению степени включения в жизнь еврейской общины. Кроме того, в больших городах (например, в г. Казани) существуют специализированные образовательные учреждения, обучение в которых проходит в том числе в рамках знакомства с национальной культурой и историей, что оказывает влияние на этническую идентификацию. Влияние школы в данном вопросе может быть настолько значительным, что даже человек, не являющийся по происхождению представителем определенной национальности, начинает ощущать себя частью конкретного этнического сообщества.

Основным каналом, оказывающим влияние на формирование еврейской идентичности, по мнению информантов, являются молодежные общественные организации. В разговоре о еврейских общественных организациях, опрашиваемыми отмечалось, что подобным организациям оказывается государственная поддержка как со стороны российских властей, так и от всемирных еврейских организаций, которые помогают еврейской молодежи в России с различными проектами. Кроме того, молодежные еврейские организации сейчас становятся более открытыми для того, чтобы их посещали не только евреи, но и все желающие узнать об особенностях еврейского сообщества.

В процессе проведения интервью было выявлено, что информанты не только посещают мероприятия в еврейском центре «Афифон», в школьные годы бывали в детском лагере «Ахшав» вблизи г. Казани, но также некоторые из них в последствии прошли школу вожатых для еврейского лагеря и стали мадрихами – теми, кто рассказывает о еврейской культуре и истории другим людям, ведет мероприятия. Получается, что «Афифон» для еврейской молодежи города Казани выступает не только как канал для просвещения о вопросах еврейства, но и как возможность в дальнейшем приобщить к этому других людей, рассказать о еврейской общине: *«В еврейском образовании есть такой термин как «мадрих» – с иврита «дерос» – дорога, это тот, кто ведёт. И нас очень быстро посвятили в мадрихи, мы начали вести других людей, работать в образовании, проводить мероприятия для подростков, детей, семейных пар даже. И я попробовал участвовать в таких организациях. Сначала в одной, потом в другой, у них у всех разные аудитории, и мне это показалось очень интересным»* (Интервью № 4, М., 25 лет).

Однако, стоит отметить и то, что даже при возрастающем числе еврейских общественных организаций для молодежи, не все потомки евреев знают об их существовании, поскольку, например, о деятельности центра «Афифон» в Казани в основном узнают благодаря учителям и одноклассникам в еврейской школе, через еврейский летний лагерь «Ахшав», а также от знакомых-евреев. Даже при наличии инициатив для просвещения евреев о своей исторической родине, о национальной культуре, далеко не все находят время и желание посещать подобные мероприятия.

Респонденты говорили о том, что еврейская «Школа № 12» помогла им познакомиться с особенностями еврейской культуры, с традициями, о которых они не узнали в семьях, поскольку многие их старшие родственники-евреи не уделяли много внимания этому вопросу. Уникальная возможность изучать иврит также появилась у них благодаря урокам в школе, при этом многие из опрошенных сказали, что хотели бы продолжать изучать иврит и в дальнейшем, поскольку они считают, что это важно для них как для евреев. На основании этого был сделан вывод о том, что вторым из основных факторов, оказывающих влияние на формирование еврейской идентичности в рассматриваемой группе молодых евреев, являются образовательные практики в школе.

Кроме того, в еврейской школе города Казани есть особая программа, по которой ученики могут бесплатно поехать в Израиль в туристическую поездку. Благодаря такой инициативе школа поддерживает связь с Израилем, что также положительно влияет на формирование еврейской идентичности, поскольку школьники могут еще больше узнать о евреях, Израиле, задуматься о том, относятся ли они себя к еврейскому народу: *«В нашей школе каждый выпуск, который проходит 9 класс и поступает в 10 класс по традиции по программе, которая переводится «Дорога к истокам», посещает Израиль буквально бесплатно за участие в этой программе. В ней принимает участие не только наша школа, но и другие школы компании «Орт», всего их 5 в России. Мы соревнуемся за то, кто будет самыми активными участниками проекта и получит бесплатную путевку. Изначально делали оригинальную постановку об Израиле, также соревнуются в олимпиадах – проходят онлайн-квесты. Сколько школа набирает баллов, столько мест она и получает, в среднем это 5–6 мест»* (Интервью № 6, М., 18 лет).

Школа способствует не только знакомству с национальным еврейским языком и традициями, основными еврейскими праздниками, также многие информанты отметили, что благодаря урокам в еврейской школе они узнали о Холокосте, истории еврейского народа. Было отмечено, что по мнению еврейской молодежи помнить о трагических событиях прошлого крайне важно по той причине, что это помогает потомкам евреев и представителям других национальностей не повторить ошибок прошлого. Также историческая память в данном аспекте выступает как фактор, который объединяет молодых евреев.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что для современной активной еврейской молодежи в России все более важным становится участие в деятельности еврейских общественных организаций, поскольку они знакомят всех желающих с еврейской культурой, традициями и обычаями. К сожалению, сегодня далеко не все родители в еврейских семьях могут рассказать своим детям о еврейской истории и культуре, поэтому такие социальные институты, как школа и общественные организации становятся ключевыми агентами для передачи знаний и опыта еврейского народа. Кроме того, активная просветительская деятельность общественных институтов по еврейскому вопросу способствует также тому, что люди, которые не имеют родственников-евреев, становятся частью

еврейского народа по иным, не связанным с кровной принадлежностью причинам.

Также было выявлено, что помимо общественных организаций и школ, многие молодые евреи отмечают большую роль национальной еврейской культуры как фактора, который оказывает влияние на их еврейскую идентичность. Среди значимых элементов национальной еврейской культуры упоминались фильмы, книги, музыка, национальные блюда и т. д. При этом стоит отметить, что не все информанты уделяют большое значение изучению национальной еврейской культуры вне общественных организаций и школы. Еврейская культура неизменно присутствует в их жизни, однако только в совокупности с другими значимыми элементами формирования идентичности еврейской молодежи. Часто респонденты знакомятся с еврейской культурой для каких-либо конкретных мероприятий в «Аффоне», чтобы потом обсудить это: *«В нашем клубе бывает такая практика, что мы смотрим еврейские фильмы. Но часто это происходит не для себя, а чтобы провести какое-то мероприятие. Например, это нужно, чтобы провести мидраш – грубо говоря, это такое обсуждение. Можно, например, посмотреть фильм, и уже дать пищу для ума, покопаться, порассуждать»* (Интервью № 4, М., 25 лет).

Как известно, еврейская община изначально сформировалась в тесной связи с иудаизмом, однако в настоящее время все меньше представителей еврейского сообщества в России считают себя верующими. Даже среди верующих информантов многие оказались последователями христианской религии, а не иудаизма. Однако большинство опрошенных евреев считают себя атеистами или агностиками: *«Я агностик. Мне особо иудаизм не близок, даже, наверное, православие ближе, потому что мы живем интегрировано в русскую культуру»* (Интервью № 3, М., 22 года).

Еврейская община все более ассимилируется в русской культуре, теряет отличительные особенности еврейских традиций и культурных норм. Стоит отметить, что по результатам проведенного исследования, еврейская молодежь действительно не уделяет много внимания изучению обособленной еврейской культуры, однако анализирует ее во взаимосвязи с другими культурами. Еврейская культура по-прежнему интересует молодых евреев, однако вместе с тем, она анализируется и сравнивается с мировой культурой, благодаря чему составляется мнение о связи еврейского и нееврейского.

Как было установлено благодаря проведению интервью, каждый из 7 опрошенных хотя бы раз задумывался в своей жизни над тем, чтобы уехать за границу. Связано это как с поиском лучших условий для жизни, так и возможностью самореализации. В связи с последними событиями в России в начале 2022 года, молодые евреи обеспокоены своим будущим, вместе с тем многие из информантов надеются, что все скоро наладится, поскольку уезжать из России навсегда не хотят: *«Мне кажется, что все рано или поздно будет хорошо в нашей стране. Если все не успокоится, мне кажется, я буду рассматривать другие варианты для своего будущего, которые не будут связаны с Россией. Но если все успокоится, я бы очень хотел остаться в своей стране жить, не очень хочу переезжать»* (Интервью № 6, М., 18 лет).

К вопросу о смешанных браках опрошенные молодые евреи относятся положительно, поскольку сами родились в подобных семьях, где только часть родственников относит себя к евреям. При этом среди информантов также распространено мнение о том, что ассимиляция евреев в российском обществе неизбежна, но к этому у них не исключительно отрицательное отношение, поскольку респонденты видят в таком процессе возможности для видоизмененной еврейской общины будущего, где люди смогут выбирать свою идентичность.

Антисемитизм в современном российском обществе, согласно мнениям опрошенных представителей еврейской молодежи, это, скорее единичные случаи негативного отношения к евреям, поскольку в России в настоящее время осуществляется успешная политика для комфортного существования малых народов и национальных меньшинств. Однако также отмечалось, что с самими информантами или их знакомыми-евреями происходили неприятные случаи, связанные с антисемитизмом: *«В 9 классе я ходила на курсы для экзамена по химии в университет, у нас было занятие по галогенам. Мы значит добыли хлор, и мальчик взял пробирку с хлором и говорит: «А теперь пойдёмте в Еврейскую школу». Я поняла, что люди бывают разные, успокоилась, но потом вопрос преподавателя заключался в том, что лучше горит. И мальчик ответил: «Евреи». Я там уже разбушевалась, я кричала. Но это был скорее единичный случай, связанный с воспитанием человека»* (Интервью № 5, Ж., 20 лет).

Одной из наиболее значимых тем, которая рассматривалась в рамках данного исследования, был вопрос о том, что для респондента значит быть евреем. Если обобщить полученные данные, то для еврейской молодежи быть евреем – это чувствовать свою принадлежность к еврейскому народу, ощущать себя комфортно в окружении других евреев, задаваться вопросами о еврейской истории, культуре, помнить о трагических событиях прошлого еврейского народа. Также отвечая на этот вопрос, 3 человека упоминали чувство гордости за других евреев, за своих предков, за те объекты культуры, которые были созданы евреями. Сегодня молодые евреи все чаще с гордостью заявляют о своей этнической принадлежности: *«Я не чувствовала негатив к себе, то есть я спокойно заявляла и заявляю при новых знакомствах о том, что я еврейка. Я не боюсь, что меня будут осуждать»* (Интервью № 1, Ж., 21 год).

Таким образом, согласно полученным после проведения эмпирического исследования данным, современная еврейская молодежь города Казани, вовлеченная в деятельность еврейской общественной организации МЕЦ «Афффон», интересуется культурой и традициями еврейского народа, открыто заявляет о своей этнической принадлежности, считает важным сохранять память о трагических событиях прошлого еврейского народа. Кроме того, было установлено, что молодые евреи, которые обучались в Школе № 12 в Казани, с начальных классов изучали иврит, историю, легенды и традиции еврейского народа, что в последствии оказало влияние на их представления об идентичности.

Среди основных каналов для формирования этнической идентичности молодых евреев стоит перечислить молодежные общественные организации в рамках еврейской общины, а также образовательные практики в специализированных еврейских школах. Молодежная еврейская община в городе Казани сегодня – это открытое сообщество активных молодых людей, интересующихся культурой еврейского народа, отмечающих вместе еврейские национальные праздники, обсуждающих историю Израиля, изучающих национальный язык иврит. Для них не является первостепенно важным происхождение человека, поскольку стать участником молодежных еврейских организаций может любой желающий, увлеченный данной темой. Можно сказать о том, что молодые евреи Казани верят, что еврейские общественные организации продолжат существовать и в дальнейшем, видят будущее еврейского народа в возможной интеграции с другими народами и культурами во взаимосвязи с сохранением памяти об особенностях еврейской культуры и значимых событиях прошлого. При этом большая часть опрошенных надеется на счастливое и успешное будущее в России, однако также рассматривает и возможность переезда в другую страну для самореализации и осуществления намеченных на жизнь целей. Связь с еврейской общиной помогает молодым евреям чувствовать себя комфортно среди людей, разделяющих их взгляды.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения. – пер. с немецкого, сост. общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
2. Винер Б.Е. Выбор имен детей в этнически смешанных и несмешанных семьях в Ленинграде // ЖССА. – 2000. – № 3. – С. 142–157.
3. Гительман Ц. Национальное самосознание российских евреев. Материалы социологического исследования 1997–1998 гг. / Ц. Гительман, В.В. Червяков, В.Д. Шапиро // Диаспоры. – 2000. – № 3. – С. 52–86.
4. Коган З. Смешанные браки евреев в 21 веке – ассимиляция или обновление? // Еврейский обозреватель. – 2003. – 16/59. – С. 1–5.
5. Носенко-Штейн Е.Э. Формирование этнической самоидентификации у потомков русско-еврейских браков в современной России: дис. канд. истор. наук / Е.Э. Носенко-Штейн. – МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 2005. – 50 с.
6. Рывкина Р.В. Как живут евреи в России. Социологический анализ перемен. – М.: Дом еврейской книги, 2005. – 576 с.
7. Ханин В. Еврейская молодежь в постсоветских странах / В. Ханин, Д. Писаревская, А.Д. Эпштейн. – М.: Институт востоковедения РАН, 2013. – 196 с.
8. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – 15 с.

ЯЗЫК КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ НА ПРИМЕРЕ КАЗАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Булатов Тагир Раисович,
Сабирзянова Гузель Илгизовна

*Магистранты 2 года обучения
Казанский (Приволжский) Федеральный Университет*

Аннотация. Статья посвящена результатам социологического исследования по адаптации иностранных студентов, обучающихся в Казанском Федеральном Университете (КФУ). В статье проводится анализ роли и функций языка в социокультурной адаптации, а так же прослеживается ряд факторов, влияющих на эффективность языковой адаптации иностранных студентов.

Ключевые слова: иностранные студенты, язык, социокультурная адаптация, языковая адаптация, факторы адаптации.

С каждым годом все больше становится количество иностранных студентов, которые приезжают в Республику Татарстан. Если обратиться к официальным данным, то в КФУ на сентябрь 2020 года было насчитано более 10 тысяч иностранных студентов, что больше на 30 % по сравнению с 2019 годом.

Несмотря на значительный рост, проблема адаптации иностранных студентов как на начальном, так и на продолжительном этапе обучения является традиционной. Проблема адаптации сама по себе объединяет несколько направлений [3]. По Варду можно выделить два элемента адаптации: психологическую и социокультурную. Также данные элементы обозначаются как внутренняя и внешняя адаптации. Психологическая (внутренняя) адаптация относится к индивидуальным психо-эмоциональным реакциям личности. Социокультурная (внешняя) адаптация включает в себя усвоение социальных и культурных норм, участие в социальных взаимодействиях в целом. Выделенные Вардом данные виды адаптации имеют некоторые различия в контексте динамики. Если во время социокультурной адаптации в начале происходит более интенсивное освоение навыков, то со временем, скорее по причине достаточного уровня владения умениями, происходит спад. Что касается психологической адаптации, то она менее предсказуема. Хотя можно отметить, что именно начальный этап является наиболее напряженным. Социологические подходы, которые позволяют рассмотреть адаптацию через призму аспектов связанных именно с социокультурной адаптацией, включающее в себя как языковые компетенции, так и ценности, эмоциональную привязанность к принимающему [4].

В большей степени в данной статье будет раскрыта именно роль языка в социокультурной адаптации, которая напрямую определяет эффективность предшествующих этапов адаптации. Язык является первичным фактором

знакомства с культурой, что сильно влияет на сокращение культурной дистанции с окружающими. Соответственно, влияя на коммуникативные навыки в пределах и за пределами университетской жизни. Исследуя влияние языкового фактора на социокультурную адаптацию иностранных студентов, была поставлена следующая цель: определить роль и функции языка, как одного из элементов социальной адаптации иностранных студентов на примере Казанского Федерального Университета.

В ходе нашего исследования в качестве эмпирической части было проведено 4 глубинных интервью со студентами-иностранцами Казанского (Приволжского) Федерального Университета:

информант 1: мужчина, 22 года, туркмен-азербайджанец (Туркменистан), 2 курс бакалавриата, государственное и муниципальное управление;

информант 2: мужчина, 19 лет, таджик (Таджикистан), 1 курс бакалавриата, Институт международных отношений;

информант 3: мужчина, 20 лет, узбек (Узбекистан), 2 курс бакалавриата, политология;

информант 4: женщина, 18 лет, узбечка (Узбекистан), 1 курс бакалавриата, Институт международных отношений.

Все информанты до приезда в Казань были в той или иной степени уже знакомы с условиями жизни, культурными и религиозными особенностями местного населения, уровнем образования в университете и т.д.

Информант 1: *«Я уже знал, что тут в КФУ дают общагу тебе, как тут живет. Из-за того, что у меня старший брат тут учился в 2014 году. Я точно знаю, он говорил, объяснял что тут и как. И из-за этого я знал уже все».*

Информант 2: *«Выбрал Татарстан местом своего проживания, потому что ближе к культуре мусульман... У меня здесь брат обучался в КФУ, он мне рассказывал про условия проживания в общежитии КФУ – Деревне Универсиады. И мне это понравилось очень».*

Информант 3: *«Мне кажется, что «а» – Татарстан ближе по менталитету к моей Родине, «б» – здесь лучшие условия, чем в других регионах, и сам университет, где я обучаюсь, он очень достойный, один из лучших им старейших ВУЗов России. И также мне порекомендовали именно Татарстан и Казанский федеральный университет мои друзья»*

Ввиду того, что участники исследования обладали необходимой и, что не менее важно, достоверной информацией о месте своей дальнейшей учебы и проживания, их ожидания оправдались в полном объеме.

Мнения информантов относительно дальнейших планов, оставаться в Казани или вернуться на Родину, разделились.

Информант 1: *«...планирую вернуться на родину. Так как в данный момент в моей специальности там нуждаются...».* Участник исследования был взволнован и выражал серьезную обеспокоенность за будущее своей Родины.

Информант 2: *«Мне бы очень хотелось остаться в Казани, потому что мне очень понравился этот город. И он считается третьей столицей России.»*

Здесь красиво, уютно». Интонация информанта на данной фразе стала более дружелюбной и он начал улыбаться.

Информант 4: *«Вот сейчас очень тяжелый вопрос, блин, конечно. Я даже пока не знаю. Скорее всего, буду собирать документы, и подавать на получение российского гражданства. Но это не точно...»*

Как мы можем видеть, несмотря на положительное отношение к нахождению в Казани, не все информанты готовы оставаться в Республике Татарстан. Данный факт может свидетельствовать о дрящемся процессе адаптации иностранных студентов к изменившейся природной и социально-культурной среде. Можем предположить, что на момент проведения интервью часть информантов проходила фазу так называемого «медового месяца», когда индивид преисполнен надежд, отмечается позитивный эмоциональный фон и восхищение культурными особенностями принимающего населения. Другая часть информантов, несмотря на в целом позитивный настрой, все же не стремятся связывать свою жизнь со столицей республики, что в свою очередь может говорить о переходе в стадию «разочарования», которая характеризуется снижением мотивации к нахождению в иноэтнической среде, повышением уровня стресса, развитием негативных состояний. Однако эта часть информантов еще не достигла данной фазы.

Информант 1: *«Планирую работать в Туркменистане... Если честно, разницы нет, кем я буду работать. Кем угодно, короче. Постараюсь, конечно, на место по специальности моей, моего образования. Но главная цель у меня там оставаться, строить карьеру. Потому что у меня там родственники, там мой дом, моя квартира. И так как все родственники там, я хочу туда».*

Все информанты являются выходцами из консервативных, традиционных семей, в пользу данного тезиса выступают следующие описательные выражения информантов: *«Папа – туркмен, чистый (оба родителя одной национальности)»*, *«Они (родители) – чистокровные таджики»* и иные. Также родители всех информантов являются верующими – мусульманами. Что характерно: при нахождении информантов в своей этнической среде, при контроле родителей, на Родине, они в той или иной степени соблюдали религиозные нормы, участвовали в обрядовой культуре и совершали иные действия, характерные для представителей конкретной этнической группы. Однако после переезда в иноэтническую среду и потере прямого контроля родителей, информанты утрачивают мотивацию к соблюдению религиозных норм и основ обрядовой культуры.

Информант 1: *«Мне трудно с семьей там, я просто не принимаю всерьез религию, но в каких-то моментах, например, в семье, мне приходится придерживаться каких-то правил, потому что все мои родственники, старшие верят в религию, в бога, в ислам. И в моей жизни трудности – это общение с родственниками, наверное...Нет, я ем не только халяль в данный момент, дома, например, я позволяю себе кушать только «полезное», да. А сейчас, на данный момент, я могу позволить себе, например, съесть сало свиное. Мне без разницы, честно сказать. Самое главное, чтобы было плотно*

и сытно. Особенно сейчас, когда холодно, сало помогает. И ем не только «халяль», мне это как-то.... Все равно»

Информант 3: «Ну, наверное, религия в последнее время играет не совсем ведущую роль в моей жизни, потому что больше для меня важна именно мораль, и она в данном случае немножко выше, чем религия стоит. Ну именно в моем случае.... В Татарстане всего 3-4 раза был в мечети, а дома-на каждый священный праздник...Намаз я не читаю несколько раз в день, это точно, то есть это я уж не соблюдаю точно, да. Потом, алкоголь я не употребляю так, в обильном формате, но очень редко, да, употребляю. Это тоже не соблюдаю, да. Употребляю нехаляльную продукцию, свинину»

Мнения респондентов разделились относительно близости к своей этнической группе и самоидентификацией с ней: часть информантов испытывает неподдельное чувство гордости и любовь к своему народу, другая часть относится к этому скорее нейтрально или индифферентно.

Информант 1: «В принципе, это 50/50. В некоторых моментах мне нравятся туркмены, в некоторых – нет. Я чуть-чуть считаю себя другим. Я мыслю немного по-другому, в плане веры даже, в плане мышления. В некоторых местах наше мнение разделяется, знаете. А так, мне нравятся Туркмения, потому что хорошая погода там, ну просто условия, и как бы воспоминания свои детские, из раннего детства, вот эти моменты мне нравятся. И я не скажу, что прям горжусь, что я туркмен, у меня такого нет».

Информант 2: «Мне очень важно быть частью своего народа, потому что я люблю свою страну, но не люблю свое правительство».

Информант 4: «Ну, наверное, важно. Потому что я воспитывалась и росла с этими людьми, и конечно, они вызывают у меня теплые положительные эмоции, и я всегда им приду на помощь... Ну, я люблю наш народ, наверное, это все, что я могу сказать».

Однако, все информанты мужского пола так или иначе контактируют с земляками в повседневной жизни:

Информант 1: «С земляками общаюсь часто: сосед у меня туркмен, в группе в университете есть туркмены, там с девчонками-туркменками общаюсь».

Информант 2: «Часто общаюсь с земляками – сейчас живу с таджиком, ходим с другими таджиками в кафешки разные».

Мы можем предположить, что несмотря на отношение к своей этнической группе и самоидентификацию к ней, информанты все же стремятся к консолидации с земляками. Было бы логично объяснить данный факт культурными и религиозными особенностями, но по утверждениям самих информантов религия в их жизни не играет значительной роли, двое из четырех информантов неверующие, а проявление культурных особенностей вовсе не находит отражения в их повседневной жизни.

Значительное влияние на стремление к подобного рода консолидации играет языковая идентичность. Во время интервью большинство информантов говорили с сильным акцентом, часть из них допускала ошибки в окончаниях

слов, использовала неверные формы глаголов и, зачастую, путали мужское и женское лицо.

Напрямую о влиянии языкового барьера на общение с местным населением сказали двое из четырех информантов:

Информант 1: *«Общение с местным населением затрудняет языковой барьер ...процентов на 20».*

Информант 2: *«Общение с местным населением затрудняет плохое знание татарского языка. ...Я пытаюсь его изучать самостоятельно с момента, как приехал сюда (Казань), но он очень сложный, потому что у нас в Таджикистане персидский язык, в Татарстане он тюркский, относится к тюркским языкам»*

Однако косвенные индикаторы демонстрируют нам иную ситуацию: информанты в большей степени общаются со своими земляками, несмотря на отсутствие культурного и религиозного взаимодействия: пересечения происходят в образовательной организации, в местах совместного проживания и проведения досуга. Фактор травмирующего опыта был зафиксирован у одного информанта:

Информант 3: *«То есть человек мне не показывал, не говорил о том, что я ему неприятен. Но возможно я его взгляд поймал на этом, или как-то невербально показал это по отношению ко мне...это не единичный случай и я предполагаю, что это связано с моим этническим происхождением».*

Так как информанты получают высшее образование по гуманитарным специальностям, поэтому в их программу обучения входят иностранные языки: английский, немецкий, персидский, китайский и иные, однако глубоко изучения языков местного населения, этнического большинства (русского и татарского языков) не происходит. Отсутствие языковой практики, в том числе и при общении с местным населением, приводит к консервации и замыканию студентов внутри своей этнической группы. Информанты, круг общения которых представлен преимущественно «местными» лучше социализированы, не испытывают трудностей в общении и уровень владения языками местного населения значительно выше, чем у других информантов.

Исходя из всего вышеизложенного мы можем сделать следующие выводы:

- Несмотря на положительное отношение иностранных студентов к пребыванию в Казани, наблюдается снижение позитивного настроения, который связан с переходом к этапу адаптации следующим за «медовым месяцем» – «разочарование»;

- Ситуация с адаптацией информантов не является критичной, так как они обладали достоверными сведениями о условиях жизни, качестве преподавания и культурных особенностях местного населения;

- Дополнительным неоднозначным фактором адаптации иностранных студентов являются социальные связи с земляками, которые уже длительное время находятся на территории Республики Татарстан: с одной стороны они предоставили информацию и собственные рекомендации по организации быта, досуга и иные, с другой стороны – ввиду наличия этих связей снижается

мотивация иностранных студентов к коммуникации с местным населением и в последствии интеграции в татарстанское общество;

- Одним из факторов консолидации иностранных студентов между собой является языковая идентичность: независимо от религиозной и этнической идентичности студенты стремятся к общению со своими «земляками» в виду возможности свободной коммуникации на родном языке;

- В свою очередь, сами иностранцы осознают проблему языкового барьера в коммуникации с местным населением и некоторые из них стремятся к разрушению этого барьера;

- Знание языков местного населения безусловно смягчает процесс адаптации и позволяет более эффективно интегрироваться в иноэтническую среду без потери собственной идентичности;

- Идея включения в программу обучения языков местного населения для студентов из стран ближнего зарубежья видится целесообразной, так как в общем массиве информации, в том числе и при изучении иностранных языков, усвоение программы произойдет гармонично и не приведет к потери идентичности.

Литература

1. Диаспоры и сообщества мигрантов в Республике Татарстан этносоциологические очерки / Т.А. Титова, В.Е. Козлов, Е.В. Фролова – Казань: ЗАО «Мир без границ», ООО Глаголь, 2013. – 225 с.

2. *Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.Ж Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – 256 с.

3. Материалы к совместному заседанию Совета при президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям, Антитеррористической комиссии в РТ, Совета муниципальных образований РТ // Информационно-аналитические сведения об опыте реализации государственной национальной политики в РТ на муниципальном уровне. Казань, 5 декабря 2016 года, – 94 с.

4. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: учебник для вузов / Т.Г. Стефаненко. – 4-е издание, исправленное и дополненное – Москва: Аспект Пресс, 2009. – 368 с.

5. *Титова Т.А.* Этнические меньшинства в Татарстане: статус, идентичность, культура. – Казань: Изд. Казан. ун-та 2007 – 254 с.

СПЕЦИФИКА ЛОКАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖЕНЩИН- МУСУЛЬМАНОК

Гарифзянова Альбина Раисовна,
Матвеева Дарья Александровна

Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В современном мире активно проходят процессы глобализации современной культуры, многие традиции, связанные с религией подвергаются трансформации, именно поэтому во многих религиозных сообществах актуализируется вопрос сохранения традиционной конфессиональной идентичности. Авторы рассматривают сохранение религиозной идентичности в современном мегаполисе через призму локальной специфики на примере женщин-мусульманок. На самоидентификацию женщин-мусульманок особое влияние оказала среда их религиозной социализации, в следствии чего можно говорить о так называемой локализованности ислама в отдельных регионах, а также о проявлениях специфики локализации в повседневной религиозной жизни в сочетании с предпринимательской деятельностью.

Ключевые слова: конфессиональная мусульманская идентичность, религиозная социализация, мусульманские женщины, мусульманки, предпринимательство, локализация ислама, факторы проявления локализации ислама.

Введение

Ислам – одна из самых молодых и быстро развивающихся религий в мире, по предположениям современного социолога Валлерстайна, к 2025 году численность мусульман в странах Европы достигнет от 30 до 50 % от всего населения [1, с. 44]. Но даже при таком высоком уровне миграции мусульман в европейские страны они стремятся к сохранению собственной религиозной идентичности в ее традиционном понимании (локализация в глобализации), поэтому представляют собой некие общины со своей спецификой, зачастую отделяемые от населения немусульманского мира социокультурными границами. По предположению авторов представленного исследования, данная тенденция на объединение в некие общины является общеизвестным проявлением любой религиозной идентичности, формируемой в процессе социализации в чужом (или другом) мире. При этом мусульманская идентичность в некотором роде является механизмом социализации индивида с точки зрения ценностных ориентаций ислама [2, с. 79–88].

Таким образом, с одной стороны, мы можем говорить о формировании мусульманской идентичности в зависимости от степени вовлеченности индивида в систему мусульманского права, прописанного в священных книгах. Но, с другой стороны, изменяющийся мир и формирующаяся локальная специфика накладывают свой отпечаток на проявления мусульманской

идентичности в зависимости от региона. Как отмечает Р.Ю. Рахматуллин, в самом содержании Корана есть связь аятов с изменяющимися условиями жизни: так в исламском праве (фикхе) существует норма, по которой коранические аяты признаются временными и актуальными только на какой-то определенный исторический промежуток. Именно поэтому с течением времени некоторые коранические аяты корректируют или даже отменяют [3, с. 79]. Данный фактор показывает трансформацию ислама, в целом, поэтому изменения мусульманской идентичности совместно с социокультурными условиями жизни мусульман неизбежны. Многие авторы, как например Г. Сабирова, также подчеркивают немалую степень влияния на мусульманскую идентичность внешних социальных факторов, которые непосредственно влияют на его внутренние (духовные) факторы самоидентичности, например, таковыми причинами выделяют локальную среду социализации мусульманина (-ки), район расселения и религиозность в общем окружающего сообщества [4, с. 457–494]. Учитывая, расселение мусульман в современном городе, эти факторы становятся чуть ли не ключевыми для формирования мусульманской идентичности. Таким образом, мы можем говорить о локальной среде социализации как важном моменте формирования конфессиональной идентичности, а также о локальной специфике проявления ценностей ислама в зависимости от района проживания.

В связи с локализацией ценностей ислама в зависимости от региона социализации индивида и от среды окружающей индивида, например, степени религиозности коммьюнити и транслируемых локальных ценностей, возникает вопрос об идентификации мусульман в современном социальном мире, а особенно в условиях жизнедеятельности в немусульманской среде как например в России как светском обществе. Несмотря на высокий уровень миграции мусульман в последние годы в другие страны, на сегодня недостаточно исследований, описывающих повседневные практики и жизненные стратегии мусульман в различных регионах. Особенно этот момент касается мусульманских женщин, ведь женщина в исламе является не просто субъектом, а также носителем исламских повседневных практик, к тому же женщина-мусульманка отражает определенные представления о женщине в исламе и по сути должна соответствовать ожиданиями мусульманского сообщества. Образ мусульманки занимает центральную позицию в производстве мусульманской идентичности путем транслирования норм и ценностей ислама в рамках светской современной жизни, в том числе и через свою деятельность, семью и имидж. Общеизвестно, что женщина в исламе имеет особый статус и играет роль своеобразного межпоколенческого посредника, отвечающего за религиозность будущих поколений в семье. Под влиянием т. н. «евроислама» традиционный образ женщины-мусульманки постепенно размывается, особенно в контексте мегаполиса, что, согласно исламским публичным деятелям, недопустимо, если рассматривать мусульманку как важную фигуру в процессе формирования мусульманской идентичности. В свою очередь, современные городские мусульманки в своей повседневности вынуждены сочетать практики жизни в исламе и светской

деятельности и образно говоря разделены между традиционной моделью ислама и вынужденной моделью адаптации к реалиям современности. Проблемный вопрос состоит в том, каким образом в зависимости от локальной специфики происходит сочетание этих двух моделей поведения с целью дальнейшего сохранения религиозной идентичности на уровне повседневности для молодых поколений, в том числе на примере женской стратегии жизни.

Дизайн и методология исследования

Для изучения данного вопроса было проведено разведывательное социологическое исследование казанских женщин-мусульманок, принимающих участие в предпринимательской деятельности в локализованном районе города Казань по улице Парижской коммуны. Выбор данного района как «поля исследования» был обусловлен историческими причинами: данное место в городе традиционно считалось и было «мусульманским районом», а также результатами исследовательской стратегии, основанной на качественной методологии: наблюдения с параллельным ведением дневника, содержащего рефлексию, помимо описания важных для исследователя фактов. Что касается методологии исследования, в силу трудности рекрутинга не всегда удавалось учесть локальные особенности при выборке, к тому же стратегия «снежного кома» в режиме реального интервью «здесь и сейчас» не позволяла четко следовать выборке.

Выводы

В ходе «полевого» исследования было выявлено влияние локальной специфики ислама на конфессиональную идентичность женщин и прямой зависимости локальных повседневных практик женщин-мусульманок на их систему ценностных взглядов и религиозных ориентиров.

Итак, с одной стороны, официальный исламский дискурс гласит о единстве ислама на любой территории вне зависимости от региона, но как показало исследование, на уровне повседневных практик это далеко не так. Например, исследуя мусульманок, занимающихся предпринимательской деятельностью (мелкий и средний бизнес) сами же информантки транслируют сомнения в правильности их жизненного выбора, потому что согласно канонам ислама женщина, в целом, не должна заниматься публичной деятельностью, зарабатывать деньги и обеспечивать семью – это прерогатива мужчин, согласно традиционному исламу. Мусульманская идентичность, таким образом, конструируется в условиях дихотомии, и как следствие напрямую зависит от географической локации.

В ходе исследования было выявлено, что возраст информанток не влияет на их ценностные ориентиры и взгляды, не особо воздействует также и их статус на восприятие себя мусульманкой. Ключевой фактор влияния на информанток оказывает исключительно географическая локация – среда социализации мусульманки и частично религиозное само/образование, о чем говорят все наши респондентки, делая акцент на регионе и локальности ислама: *«Я воспитывалась в Средней Азии как женщина» (женщина, работающая пенсионерка), «Мне здесь, например, очень даже легко было. Большинство населения все-таки мусульмане здесь, хорошо относятся к «закрытым»,*

в отличии от других городов России.... в Москве, например, на протяжении 1–2 лет жили, там очень агрессивный народ. Я не могла даже за хлебом выйти одна, страшно было.... в самом Ставрополе, там такой агрессии нет, но они как-то опасались.» (женщина, 40 лет), «я думаю, что нельзя сравнивать мусульманин или не мусульманин, русские или не русские, у всех народов есть и плохие, и хорошие. И оскорбляли, и не понимали... Таджиков в Питере, Москве называют чурками.» (девушка, 19 лет), «религия везде толкуется по-своему, но священная книга для мусульман одна... толкуется эта религия не просто так, а из сложившейся культуры, обычаев и традиций, которые выгодны тому народу, проживающей на определенной территории» (девушка, 24 года).

В рамках интерпретации роли локальности уделяли внимание религии в городе Казань и сравнивали с другими регионами: *«В Казани ислам тоже немножко измененный, если где-то в деревнях Татарстана все еще остается чистота и порядочность, то в городе уже давно все испорчено в религиозном плане» (девушка, 26 лет), «почему Вы выбрали Татарстан? Здесь же нет так какой религии, я, например, из Таджикистана, вот там у нас гораздо строже, прям ислам, а здесь уже не так.» (девушка, 21 год).*

Действительно, регион социализации индивида зачастую влияет на его восприятие мира в дальнейшем, одной из причин данного явления выделяют развитие института религии в том или ином регионе. Если говорить о высказываниях информанток, то можно увидеть активное влияние динамики развития религиозной социализации, конкретно, в традиционно мусульманских странах (Средняя Азия, например), там женщины более религиозны и, в некотором роде, по мнению опрашиваемых, строже относятся к соблюдению всех норм шариата, что отличает, например, такие регионы от республики Татарстан, которая в свою очередь, подвержена влиянию немусульманского или светского образа жизни больше и, по своему, демократизации религии.

Для показателя религиозной социализации в пределах нормы важно протекание ее процесса при необходимом сохранении поколенческой преемственности ценностей и норм той или иной религии. Для ислама традиционные показатели религиозности имеют особое значение, именно поэтому и выделяется роль женщины как поколенческого посредника, именно поэтому с годами ислам в отдельных регионах слабо модернизируется, отличаясь новшествами в других регионах – где господствует например «светский ислам». Тем не менее, о важности поколенческих традиционных норм также свидетельствуют информантки, говоря: *«Например, в моей семье что-то считается нормой, а у соседей это может быть неприемлемо, у каждой семьи по-разному» (девушка, 21 год), «Как такового медресе мы не получали (под понятием «мы» информантка имеет ввиду свой регион социализации), мы исповедуем религию как нам сказали родители, а родители как им сказали их родители и так далее» (девушка, 19 лет).*

Мы можем видеть огромное значение традиций в их межпоколенческом анализе, что демонстрирует, в первую очередь, локализацию ислама не только

на определённой территории, но и индивидуальную локализацию в контексте отдельных семей. Следовательно, мы можем предположить, что фактор, подтверждающий зависимость исламской идентификации от локальной специфики региона социализации человека – как например влияние семьи как первичных агентов социализации, которые формируют жизненные принципы, ценности и нормы индивида с раннего детства, играют ключевую роль.

Если вернёмся к вопросу об идентификации мусульманок в условиях современного мегаполиса, то можем отметить зависимость самоидентификации не только от религиозной социализации, но и от нынешнего региона проживания. Например, в большинстве случаев девушки вынуждены подстраиваться под условия жизни мегаполиса, под его условия, в котором зачастую нет места религиозности в ее традиционном понимании, а также присутствуют в некотором роде риски, связанные с этим вопросом. Например, почти все из опрошенных информанток подвергались дискриминации как из-за религиозных взглядов, так и исходя из собственного мусульманского имиджа, они говорят: *«И плевали, и камни кидали в спину, кричали «Россия для русских»»* (женщина, пенсионерка), *«Часто говорят «понаехали» и смотрят с осуждением постоянно»* (девушка, 24 года), *«Для них мы мигранты, мы чужие»* (девушка, 26 лет), *«..без мужа не выходила из дома, мало ли какие люди есть»* (об опыте столкновения с дискриминацией и ее последствиями) (женщина, 40 лет). В связи с этим фактом возникает четкое деление информанток на «Мы» и «Они», где «мы» – мусульманское общество, а «они» – российское общество. Даже во время интервью, чувствовалось, что все женщины четко ощущали свое религиозное отличие в ходе беседы, выстраивая сразу границы между «информант/исследователь», как грань между этими двумя сообществами. Эта разница между исламским миром и так называемым светским или миром Другого ощущалась на протяжении всего «поля» исследователями: различие формировалось как вокруг другой религиозной идентичности одного из авторов представленного исследования, так и внешнего вида социологов, в целом.

Для мусульманских женщин одним из инструментов демонстрации собственных границ, своей конфессиональной принадлежности на протяжении веков остается хиджаб. К тому же, хиджаб является символом самоидентификации и свободы мусульманских женщин, в том числе свободы выбора, через хиджаб женщины идентифицируют себя, как глубоко религиозных женщин, соблюдающих нормы шариата. Тем самым формируется образ мусульманки в обществе, который на протяжении хода истории является ключевым символом ислама и создает определенный узнаваемый имидж религии. Например, социолог Г.А. Сабирова считает, что женщина, принимая ислам, исламские традиционные ценности вносит свой вклад в религиозную реинтерпретацию, актуализирующую ислам в ходе истории, в том числе посредством собственного имиджа. Говоря об имидже мусульманки в современном мегаполисе, стоит упомянуть, локализация ислама и разница в традициях и ценностях в зависимости от географического расселения мусульманок проявляется не только в внутренних противоречиях, но и во

внешнем виде мусульманки, например, одна из информанток была одета в темно-коричневый хиджаб, но при этом неоднократно уточнила, что среди мусульман в Татарстане подвергается осуждению, так как для Татарстана темные цвета в женском хиджабе недопустимы, другая информантка была одета в черный хиджаб и пастельного цвета платок, она также акцентировала внимание на внешнем виде, говоря, что в Дагестане (регионе социализации информантки) черный цвет является «любимым» цветом всех женщин, который говорит о высоком статусе и роскошности женщины, но по ее же замечанию, в светском обществе (или в республике Татарстан) черный цвет в хиджабе воспринимается, как маркер радикализма и по ее выражению – *«нужно надевать яркие платки, для того чтобы не пугать народ»* – вынужденная мера приспособления к локальной специфике религиозных взглядов в Татарстане. Однако, в Коране где также уделяется внимание цветовой гамме одежды мусульманина, например, женщине нельзя надевать слишком пеструю одежду, чтобы не притягивать мужские взоры, нельзя носить одежду цвета, который на проживаемой ими территорией считается цветом противоположного пола и запрещаются цвета «для нечестивцев», как красный, хотя красный цвет в исламе оценивается как спорный цвет. Говоря о цветовой гамме в выборе хиджаба, стоит упомянуть классический доминирующий в некоторых регионах стереотип – черный цвет в хиджабе женщины ассоциируется с запрещенными террористическими организациями. Еще одна девушка говорит, что воспринимает платок, как уникальный стиль в одежде, выделяющий ее из толпы, поэтому в основном старается соответствовать тенденциям исламской моды, задаваемых в республике Татарстан. Похожего мнения придерживается еще одна информантка, на имидж которой непосредственно повлиял регион ее социализации (республика Таджикистан), несмотря на желание девушки продемонстрировать собственную религиозную идентичность посредством платка, в ее регионе социализации покрытие запрещено на законодательном уровне, при этом она также соблюдает стилевые тренды, нормализованные в Татарстане, в которой она проживает на данный момент (*«Вот тогда (после законопроекта о запрете ношения хиджаба) многие люди поменяли отношение к таким девушкам. (имеются в виду покрытые девушки).. Мой папа мне просто не разрешил, даже когда я захотела, он сказал мне нет... У нас даже сейчас в Таджикистане, если ты закрытый, то никто тебя больше уважать не станет, вот тут (имеется в виду республика Татарстан) покрытых уважают.»* (девушка, 21 год))

В целом, важный элемент образа мусульманки во все времена – это хиджаб, то есть любая одежда, скрывающая фигуру и лицо, включая предписание об обязательном ношении такой одежды. Восприятие хиджаба в зависимости от региона и привязке определенного цвета хиджаба к определенному месту как признак религиозной идентичности какой-либо локации-также показывает как влияет место проживания на традиционные практики ислама. Если мы говорим об определении религиозной идентичности мусульманок, то к критериям соблюдение норм шариата и ношение хиджаба,

можно добавить также цвет хиджаба как определенное проявление идентичности и связи с регионом социализации мусульманки или ее проживания. Говоря о локальной специфике ислама, стоит упомянуть и возможность для женщин ведения предпринимательства в отдельных регионах, например, в некоторых локациях запрещена торговля для женщин, а в некоторых регионах, наоборот, поощряется и приветствуется. А как в Казани: *«Мне было важно, чтобы я спокойно читала намаз, чтобы не было в этот момент проблем на работе, здесь же не везде так устроишься, правильно?»* (женщина, 40 лет), *«в ВК есть обычно «Работа в Казани», а есть «Работа для мусульман» и там как объявления, вот «Ищем сестру (называют сестрой покрытых девочек) на работу», по типу 2/2 и приписывают «Есть место для совершения намаза», прям так и пишут»* (девушка, 19 лет). Для казанских женщин-мусульманок участие в предпринимательской деятельности индивидуальный спорный момент, но стоит отметить большую доступность сферы предпринимательства, например, создание условий для чтения намаза на рабочем месте, для женщин в республике Татарстан, что заметно отличает данный регион от других регионов России.

Таким образом, мы можем говорить о локализации ислама как основном факторе формирования конфессиональной мусульманской идентичности женщин. В зависимости от региона социализации женщин-мусульманок формируется их система ценностей и взглядов, их мировоззрение и повседневные практики. От региона проживания «здесь и сейчас» женщины-мусульманки зависит не только ее внутренний мир, но и ее внешний вид, что проявляется, например, в различии значения цвета хиджаба в зависимости от географической локации и представленности ислама в регионе. Эти факторы, несомненно, являются не последними в формировании имиджа мусульманки в современном мегаполисе в целом, в свою очередь имидж мусульманки является важным знаком для сохранения исламской идентичности в ее традиционном понимании в условиях современного глобализированного города. Важно учитывать значение не только религиозной социализации в зависимости от региона ее протекания, но и семейные поколенческие традиции современных мусульманок, которые играют особую роль в формировании конфессиональной идентичности и влияния, в целом, на образ жизни мусульманки, в целом. Особенно важно как конфессиональная идентичность обретает смысл в условиях проживания в немусульманском мейнстриме и выступает в качестве критерия приобретения некой субъектности и выражения самости мусульманок через повседневность.

Литература

1. Валлерстайн И. После либерализма. – М.: Ленанд, 2003. – 264 с.
2. Жаде З.А. Мусульманская идентичность как научная категория // Вестник Адыгейского Государственного университета. – 2019. – № 1 (234). – С. 79–88.

3. *Рахматулин Р.Ю.* Страсти по хиджабу в контексте мусульманской идентичности // *Исламоведени.* – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 79.

4. *Сабилова Г.А.* Как стать и остаться мусульманкой: опыт разных поколений // *Устная история и биография.* – 2005. – С. 457–494.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА И ПАРАДИГМА ПОСТМОДЕРНА В КОНТЕКСТЕ ЛАНДШАФТНО-ПРОСТРАНСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ МИРА

Громов Егор Валерьевич

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Елабужский институт, Елабуга, Россия*

Аннотация. Статья посвящена специфике ландшафтно-пространственного восприятия мира в мировоззрении русского человека. Автор рассматривает исторически сложившиеся особенности ландшафтно-пространственного мировосприятия русского человека и его изменения под воздействием постмодернистской культурной парадигмы. Автор статьи подчёркивает, что, несмотря на значительные перемены в мировоззрении россиян, обусловленные активным вхождением в мир западного постмодерна начиная с девяностых годов, основные исторически сложившиеся модели географического и политического пространства, характерные для России, сохраняют свою актуальность по сей день и оказываются востребованы при смене культурного и политического курса руководства страны. В статье уделяется также внимание особенностям восприятия русским человеком политического пространства.

Ключевые слова: ландшафт, пространство, постмодерн, критика постмодерна, критическое мышление, русский человек, мировоззрение.

Вопрос о специфике мировоззрения русского человека – один из ключевых в отечественной философии. Впервые поставленный ещё в рамках дискуссии между славянофилами и западниками, он, наряду с такими проблемами, как историческая судьба России, миссия российской цивилизации и рядом других, остаётся лейтмотивом философских поисков, несмотря на все политические, социальные, культурные и экономические потрясения, испытанные нашей страной на протяжении последних двух столетий. Никогда не исчезая из философского дискурса, в том числе, в период философской монополии советской марксистской школы, этот вопрос обрёл новую жизнь в процессе диверсификации идейного поля русской культуры после распада Советского Союза. Поиск новых мировоззренческих ориентиров, легализация на постсоветском пространстве традиционной русской религиозной философии, обретение отечественными философами свободного доступа к наследию русской эмигрантской мысли, рост популярности таких направлений философии, как евразийство (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Л.Н. Гумилёв), русский космизм (Н.Ф. Фёдоров, К.Э. Циолковский), русский

экзистенциализм (Н.А. Бердяев, Л.И. Шестов) и православно-монархический традиционализм (Л.А. Тихомиров, И.А. Ильин), наконец, становление идеи Русского мира, как идеологической альтернативы идеям мирового коммунизма и глобального постмодерна, заставили многих российских мыслителей по-новому взглянуть на проблему специфического мировоззрения русского человека.

Таким образом, в отечественной философии вновь, после более чем семидесятилетнего перерыва, начинают ставиться и активно разрабатываться вопросы: чем отличается мировосприятие человека российской цивилизации от такового представителей иных культур? Какие факторы обусловили его формирование и как действие этих факторов видоизменялось на протяжении столетий российской истории? Какие черты этого мировосприятия претерпели наибольшую трансформацию в течение двадцатого века и какие направления трансформации мировоззрения русского человека могут быть выделены в современных условиях? Какие черты принимает мировоззрение русского человека под влиянием его контактов с миром постмодерна, построенного на отрицании и деконструкции традиционных дискурсов культуры? И, наконец, какие черты этого исторически сложившегося мировоззрения в наибольшей мере востребованы для осознания и решения культурных, цивилизационных и политических задач России, а какие, напротив, создают затруднения на этом пути? Поиск ответов на эти вопросы становится одной из актуальных задач российской философии. Её актуальность особенно возросла в течение последних нескольких лет в связи с возобновлением и постоянным обострением геополитического и идеологического противостояния между Россией и западным миром. «Пятидневная война», события 2014 года на Украине, в Крыму и Донбассе, восьмилетняя гражданская война на востоке Украины, приведшая к специальной военной операции России, неудача попыток Запада сменить политические режимы России, Белоруссии и Казахстана путём поддержки протестных движений показали несостоятельность популярным идеологем 1990-х годов о культурном единстве Европы и России. Актуализация патриотических дискурсов и возвращение религиозных организаций в российское культурное и политическое пространство на фоне роста популярности постмодерна во всём западном мире обозначили расхождение двух цивилизаций, особенно ясно проявившееся в войне против русской культуры, развёрнутой после 24 февраля этого года. Все эти процессы показывают, что специфические особенности мировоззрения русского человека, отмеченные более ста лет назад отечественными философами, не только не исчезли, но и обретают новую жизнь в современном мире, что обуславливает актуальность их дальнейшего исследования.

Из всех аспектов проблемы мировоззрения русского человека проблема места, занимаемого в нём ощущением ландшафта и пространства наиболее неоднозначна. С одной стороны, она всегда была одной из наиболее актуальных и востребованных в отечественной философии, что в немалой степени обусловлено уникальностью географического ареала российской цивилизации. Русский человек сумел не только заселить огромные

пространства Евразийского континента, но и перенести на них, в том числе и в наиболее северные районы, технику земледелия. При этом им были освоены многие принципиально новые для него способы хозяйствования, также оставившие след в его менталитете. Все это обусловило и тот интерес, который проявляется в русской философской мысли к влиянию географической среды на русского человека. В различное время этой проблеме уделяли внимание М.В. Ломоносов, Н.Я. Данилевский, Г.И. Успенский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, В.В. Розанов и многие другие мыслители. С другой стороны, те же обстоятельства обусловили многообразие философских подходов к данной проблеме, часто несовместимых друг с другом, что существенно затрудняет построение концепции ландшафтно-пространственного восприятия мира русским человеком. Таким образом, возможности разработки этой проблемы в настоящее время далеки от исчерпания. Нерешёнными остаются многие вопросы, в частности, о связи между географическим и политическим пространством в мировоззрении русского человека, об особенностях восприятия русским человеком ландшафтов своего обитания, о трансформации ландшафтно-пространственного восприятия мира в современных условиях и о дальнейших перспективах этой трансформации. Здесь и далее под ландшафтно-пространственным восприятием мира мы понимаем комплекс идей и представлений, детерминирующих отношение человека к географической среде и политическому ареалу своей культуры. Ландшафтно-пространственное восприятие мира является неотъемлемой частью мировоззрения и, в качестве таковой, оно тесно связано с его остальными компонентами. В основе ландшафтно-пространственного восприятия мира лежит интерпретация пространства как своего рода ценности, не только материальной (как среды обитания человека и развёртывания им хозяйственной деятельности), но и духовной (источника эстетических впечатлений и ощущения единства культурной традиции, среды развёртывания исторического процесса).

Значение ландшафтно-пространственного восприятия мира как компонента мировоззрения не может быть одинаковым в разных культурах, поскольку степень зависимости человека от вмещающего ландшафта не только неодинакова в разных географических условиях и в разные исторические эпохи, но и сама эта зависимость проявляется в разных формах и по-разному меняется в процессе развития общества. В специфических условиях российского географического ареала отношения человека с ландшафтом определяются прежде всего особенностям самой географической среды, расширением территории расселения русского человека, развитием способов ведения хозяйства, ростом городов, контактами с окружающими этническими и политическими системами. С самого начала истории русского мира её развёртывание происходило в условиях, не встречающихся более ни в одном регионе Земли, за исключением центральных и северных районов Канады и некоторых штатов США, причем, если в Северную Америку современная цивилизация перенесена из Западной Европы, где она формировалась в гораздо более оптимальных природно-климатических условиях, то в России, несмотря

на заимствование многих культурных начал из Византии и Западной Европы, самобытная цивилизация сформировалась автохтонно. В отличие от Западной Европы и атлантического побережья Америки, Россия лежит в глубине Евразийского континента, за пределами влияния Гольфстрима, что обусловило, в частности, длительность холодного сезона (с ноября по март), продолжительные переходные сезоны весной и осенью (малопригодные для сельскохозяйственной деятельности), обильный снеговой покров и опустошительные весенние половодья, большие годовые перепады температур и преобладание испарения над осадками. С расширением территории расселения русского человека действие многих из этих факторов сохраняется, но одновременно увеличивается и разнообразие ландшафтов, с которыми русский человек, заселяющий главным образом берега водоемов невольно вступает во взаимодействие. Континентальный климат, размещение большей части территории между полярным природно-климатическим поясом и южной границей умеренного, уникальное сочетание ландшафтов (от тундры и лесотундры Крайнего Севера до полупустынь Прикаспия и субтропиков Черноморского побережья) дополняются еще более специфичным для России фактором – гигантскими пространствами, крайне трудными для освоения. На огромных территориях вплоть до технологических революций девятнадцатого-двадцатого веков существование цивилизации было возможно лишь вблизи от естественных коммуникаций – рек, озер, морей. Вплоть до настоящего времени основные районы сосредоточения населения даже в Европейской части России тяготеют к речным долинам, тогда как на обширных водораздельных пространствах сохраняются ландшафты, исчезнувшие в Западной Европе уже к началу эпохи Возрождения.

Эти факторы порождают два важнейших качества мировоззрения русского человека, вопрос о которых неоднократно ставился в отечественной философии: власть земли и власть пространства [5; с. 207]. По мнению Н.А. Бердяева, влияние пространства порождает ряд качеств самого разного нравственного достоинства – с одной стороны, смирение и жертвенность, с другой – лень, беспечность и отсутствие инициативы [1; с. 267], которые, однако, каким-то образом не помешали создать державу от Балтики до Камчатки.

Власть земли и пространства в отечественной философии часто увязывается с особенностями традиционного хозяйственного уклада России. Такой подход, в частности, характерен для философско-географической традиции, восходящей к трудам М.В. Ломоносова. Её представители, в частности, Д.И. Менделеев, рассматривали географический фактор как одну из главных предпосылок развития русского человека и формирования его мировоззрения. В статистической работе «К познанию России», посвященной итогам переписи 1897 года, Менделеев оспаривает широко распространенное убеждение о благодетельности для русского человека патриархального быта, указывая на прямую связь между традиционными формами освоения ландшафта и низкими темпами социально-экономического развития [6; с. 97]. Также он связывает с действием географической среды закономерности

эволюции народа, указывая на специфичность форм, которые может и должна принять промышленная революция в России [6; с. 105–108]. Одним из важных аспектов воздействия пространственно-географического фактора он считает положение географического и демографического центров России, несовпадение которых во многом определяет наличие довлеющих над русским человеком неосвоенных пространств [6; с. 159].

Слабость такого подхода, на наш взгляд, заключается в том, что экономическое освоение ландшафта и географического пространства провозглашается в нём основным источником ландшафтно-пространственного восприятия мира, тогда как их ценностное восприятие игнорируется полностью, или же рассматривается как второстепенный фактор формирования мировоззрения. Вместе с тем, именно его представители подняли важную проблему, нерешённую до сих пор – проблему связи ландшафтно-пространственного восприятия мира с хозяйственным укладом народа. Уже отмеченный выше экстремальный характер традиционного русского хозяйства, несомненно, не просто оказал влияние на становление мировоззрения русского человека, но и в значительной мере сформировал его субстрат. Эти мировосприятие существенно трансформировалось с развитием городской культуры. Возникновение и развитие промышленности, резкое расслоение города и деревни привели к появлению новых форм влияния географического фактора на русского человека, связанных с эксплуатацией природных богатств России. Становление города как особого культурно-хозяйственного мира привело к существенному усложнению ландшафтно-пространственного восприятия мира. В отличие от крестьянина, горожанин относительно защищён от непосредственного влияния естественных природно-климатических условий, благодаря более сложной и многообразной искусственной среде, играющей роль своеобразной защитной оболочки. Это преимущество компенсируется большей зависимостью от состояния данной среды, что обуславливает необходимость постоянных затрат ресурсов на её поддержание и развитие. Однако ещё более важно то, что город становится не просто центром экономической жизни, но и центром формирования высокой культуры, местом, где исторически сложившееся мировоззрение русского человека познаётся теоретически, обогащается за счёт межкультурных контактов и облекается в формы философских концепций, которые затем, через влияние просвещения, распространяются за пределы того культурного слоя, в котором они возникли и, в свою очередь, становятся факторами, влияющими на дальнейшее развитие ландшафтно-пространственного восприятия мира в мировоззрении русского человека. Однако, полностью объяснить особенности последнего только экономическими факторами едва ли возможно. Так, при сугубо экономическом подходе остаётся без ответа вопрос о причинах, обусловивших высокое значение идеи родной земли, отмеченное в качестве наиболее характерной черты мировоззрения россиян не только представителями отечественной философии, но и деятелями художественной культуры, а также ряд представителей отечественной историософии, в частности Ф. Бродель [2; с. 501–502]. Значение этой идеи в мировоззрении русского человека

позволяет говорить о сакрализации географического пространства, как о наиболее характерной черте ландшафтно-пространственного восприятия мира в мировоззрении русского человека. Суть её состоит в том, что родная земля – это понятие объединяет идеи территории и ландшафта – воспринимается не просто в качестве источника жизненных благ, но как своего рода святыня, особое отношение к которой становится маркёром цивилизационной принадлежности.

Сакрализация географического пространства, таким образом, тесно связана с идеей сакрального, как таковой, и, через неё – с религиозными истоками мировоззрения русского человека. Следы этой связи можно обнаружить в наиболее значимых фактах российской духовной культуры, начиная с первых веков её эволюции. Уже в древнейшем памятнике русской философской мысли – «Слове о законе и Благодати» митрополита Иллариона – провозглашается освящение пространства русского человека с наступлением новой для автора христианской эпохи [4]. Возникает и получает широкое распространение идея «Святой Руси», которая служит основным способом обозначения национальной идентичности, и, вместе с тем, свидетельствует о сакрализованном восприятии не только географического, но и политического пространства. Сложившееся в ходе истории средневековой Руси четкое противопоставление русского человека всем иноземцам, критериями которого служат не только православная вера (в отличие от западных и восточных соседей) и подданство Московскому православному царю, но и принадлежность к политико-географическому единству, освящённому через вхождение в орбиту русского мира. Ландшафтно-пространственное восприятие мира становится частью религиозно-мессианского понимания смысла российской истории, ставшего уже к шестнадцатому веку неотъемлемой частью национального менталитета. В отечественной философии наиболее интенсивно вопрос о сакрализации пространства, как основе ландшафтно-пространственного восприятия мира, разрабатывался в трудах представителей её почвеннического направления, которое сформировалось в девятнадцатом столетии. Из всех направлений русской философии именно почвенничество наиболее многообразно по конкретным подходам к решению рассматриваемой проблемы. Общей для всех этих подходов характеристикой является подчинение факторов формирования русского человека некой исторической миссии, или сверхзадаче России, что распространяется и на влияние пространства и ландшафта. Так, расширение территории России, освоение Сибири и Дальнего Востока, интерпретируются как факты осуществления Россией своего предназначения. Так, Успенский связывает формирование национального характера русского человека с «властью земли», источником которой является земледельческий труд. Именно труд русского крестьянина на земле и есть источник той своеобразной морали и того мировоззрения, которые дали русскому народу силы пережить крепостничество и заселить огромные пространства от Днепра до Амура [5; с. 204]. Успенский отрицает распространенное суждение о «народе-богоносце», считая религиозность русского народа традицией, адаптированной ко все тому же земледельческому

труду. Уже в 20 веке на связь ландшафтно-пространственного восприятия мира с его же религиозной интерпретацией в культуре русского суперэтноса обращает внимание Л.Н. Гумилёв, считавший, что для формирования этнокультурной доминанты современного русского этноса важное значение имела природа Волго-Окского междуречья. Это освоение пространства и ландшафта было важной предпосылкой развития культуры, которую автор рассматривает как «кристаллизованную пассионарность» – внешнее проявление действия энергии этноса [3; с. 497].

Сакрализация пространства, как характерная черта ландшафтно-пространственного восприятия мира в мировоззрении русского человека, сохранились и после 1917 года, отчасти получив новое обоснование в рамках марксистской официальной идеологии. Источником сакральности политико-географического пространства в новой интерпретации оказывается уже не освящение его через освоение православным народом, но преобразование через труд освобождённого революцией человека. Вместе с тем, традиционная модель интерпретации пространства продолжает существовать в общественном сознании и вновь становится предметом философского осмысления после краха советской идеологической системы.

Кризис коммунистической идеологии положил начало сложному комплексу процессов, продолжающихся до настоящего времени, процессов, характеризующихся ломкой исторически сложившегося мировоззрения русского человека. Важной особенностью постсоветского менталитета стала самоидентификация в качестве представителей культуuroобразующих религий значительной части населения России при фактическом кризисе традиционной религиозности на фоне исключительно сильного влияния современной западной культуры. Падение барьеров между русским миром и Западом произошло именно тогда, когда духовный кризис последнего, развивавшийся на всём протяжении двадцатого столетия, принял форму постмодерна в широком смысле слова – направления культуры, в основе которого лежит отрицание традиционных дискурсов и стремление к их уничтожению. К числу понятий, связанных с этими дискурсами, принадлежит и понятие сакрального, которому в культуре постмодерна не находится места. Соответственно, исторически сложившаяся модель сакрализации ландшафта и пространства, так же, как и основанное на ней ландшафтно-пространственное восприятие мира, вступают в неразрешимое противоречие с новой парадигмой, активно насаждаемой всеми средствами массовой культуры и усвоенной большей частью культурной элиты России. Это противоречие проявилось в условиях, крайне неблагоприятных для сохранения традиционного мировоззрения. Одним из наиболее угрожающих факторов стало резкое противоречие между религиозной самоидентификацией большинства россиян и их фактической религиозной жизнью, особенно актуальное для православной части населения России.

Тем не менее, несмотря на агрессивную экспансию постмодерна и духовный кризис постсоветской России, можно констатировать, что в общественном сознании сохранился и продолжает развиваться тип

национального мировоззрения, включая ландшафтно-пространственное восприятие мира, сложившийся в предыдущие исторические эпохи. По-прежнему сильной остается «власть земли», обусловленная влиянием пространственно-географических условий. Идея сакральности политико-географического пространства России сохраняет актуальность в качестве одного из постулатов формирующейся с начала 2000-х годов новой общественной идеологии, основанной на концепции государственного традиционализма. Новую жизнь она обретает в рамках активно развиваемого патриотического дискурса, позитивно воспринимаемого значительной частью населения страны.

Таким образом, наиболее специфичной особенностью ландшафтно-пространственного восприятия мира как компонента мировоззрения русского человека является сакрализация политико-географического пространства, сформированного в процессе становления России. В её основе лежат традиции духовно-ценностного восприятия мира, тесно связанные с религиозным мироощущением. Идея сакрализации пространства сохраняет актуальность и в общественном сознании современной России, будучи одним из ключевых предметов конфликта с культурой постмодерна.

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России / Н.А. Бердяев // Судьба России: сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1998. – С. 267–479.
2. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. – М.: Изд-во «Весь мир», 2008. – 552 с.
3. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв. – ТОО «МИШЕЛЬ и К°», – 1993. – 499 с.
4. Илларион, митрополит Киевский и всея Руси. Слово о законе и благодати//Библиотека «Вехи». URL: <https://www.vehi.net/oldrussian/slovo.html> (дата обращения: 25.04.2022).
5. Летопись русской философии. 862-2002. Редактор-составитель А. Замалеев. – СПб., Издательско-торговый дом «Летний сад», 2003. – 352 с.
6. Менделеев Д.И. К познанию России. – М.: Айрис-Пресс, 2002. – 576 с.

ПОТОМКИ ЧЕЧЕНЦЕВ О СОБЫТИЯХ ДЕПОРТАЦИИ В 1944 ГОДУ

Жемчураева Седа Шахитовна

*Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова
Российской академии наук, Грозный, Россия*

Аннотация. Автором предпринята попытка социологического анализа восприятия молодежью поголовной депортации чеченцев в 1944 году. Работа основана на эмпирических данных, полученных по репрезентативной выборке.

Ключевые слова: депортация чеченцев, геноцид чеченцев, этническая идентичность, социокультурная идентичность.

Ежегодно 23 февраля чеченский народ вспоминает о чудовищной трагедии, произошедшей в 1944 году, вписанной «кровавыми буквами» в историю этноса. В 2024 году ожидается «печальный юбилей» – 80-летие поголовной депортации чеченцев в Казахстан и Среднюю Азию. Тема депортации остается интересной для исследователей и сегодня, спустя много лет с той страшной даты.

В 2021 году был проведен опрос «Депортация чеченцев (1944) в представлениях молодежи» (Грозный, 2021 г., n=360) среди жителей региона с целью изучения восприятия современными чеченцами депортации и ее последствий в ракурсе социологического анализа. Респонденты отобраны методом снежного кома. Выборка репрезентативная, отображает генеральную совокупность по полу, возрасту, территории проживания [1]. В опросе приняли участие респонденты в возрасте от 15 до 29 лет, идентифицирующие себя с чеченским этносом. Выборка рассчитана пропорционально, где намеренно большую часть респондентов (15-24 лет, 244 человека) представляют центиниалы (поколение Z), рожденные в 2001 г. и позднее, взрослевшие в 2016 г. и позднее. Треть опрошенных (116 человек) – представители поколения миллениалов (поколение Y).

Сама идея проведения данного исследования возникла не случайно. В ходе реализации научно-исследовательских социологических проектов автором в разные годы, начиная с 2011 года, обнаружилась необходимость глубокого анализа темы депортации чеченцев в восприятии потомков жертв тех репрессий. Исследуя идентичность чеченцев, ее структуру, многогранность, иерархию ее маркеров, именно депортация чеченцев в Казахстан и Среднюю Азию в 1944 году красной нитью проходит через все исследования и отчетливо позиционируется чеченцами как своеобразное эмоциональное ядро исторической памяти (что, в свою очередь являет собой мощный этноконсолидирующий фактор идентичности). Вследствие чего и было принято решение о проведении социологической диагностики восприятия потомками факта депортации чеченцев в 1944 году, их отношения к тем трагическим событиям.

На сегодняшний день социологических исследований, связанных с изучением восприятия факта депортации и ее последствий представителями молодого поколения чеченцев, автором не обнаружено. В связи с чем и выбраны цель, предмет и объект данного исследования.

Ключевое значение имеет формулирование понятия «депортация» молодыми чеченцами. Анализ полученных в ходе опроса данных позволяет увидеть, что в представлениях подавляющего числа опрошенных депортация связывается с геноцидом (64 %). В качестве другого определения почти треть респондентов считает депортацию высылкой из мест постоянного проживания лиц или целых народов, признанных властью социально опасными (26 %). Лишь 10 % опрошенных обозначили депортацию как выдворение из страны граждан иного государства на их родину в связи с различного рода нарушениями.

Проведенный корреляционный анализ влияния половозрастных характеристик опрошенных на определение ими депортации показал, что геноцидом депортацию представляют чаще девушки в возрасте 25–29 лет (68 %). Именно этот пласт респондентов оказался наиболее эмоционально восприимчивым к масштабным потрясениям, произошедшим с чеченским народом в 1944 году. Можно предположить, что подобное острое восприятие чудовищного акта жестокости по отношению к депортированным связано для указанной части респондентов, в том числе, со свежими впечатлениями от произошедших на рубеже веков двух военных кампаний в регионе.

Чрезвычайный интерес в исследовании различных граней проблемы депортации чеченцев в 1944 году представляет выявление мнения молодежи о причинах случившегося. В этой связи был сформулирован и задан соответствующий вопрос. Выяснилось, что 54 % респондентов уверены, что не было ни одной веской причины для репрессий, это был геноцид целого народа. Четверть опрошенных (25 %) полагает, что высылка чеченцев в Казахстан и Среднюю Азию явилась «очисткой» стратегически важной территории от «неблагонадежного» народа. Почти каждый пятый респондент (21 %) считает, что неприязнь и недоверие власти к чеченцам стали главным мотивом при принятии решения о выселении. Анализ ответов подтверждает, что молодежь не представляет причин для акта депортации и считает высылку людей с применением насилия с исконных территорий проживания в неизвестность – геноцидом целого народа. Примечательно, что некоторые варианты ответов, а именно, наказание за повстанческие движения, наказание за бандитизм, наказание за пособничество фашистской Германии в совокупности не выбрали даже 1 % всех опрошенных.

Как пишет Муса М. Ибрагимов: «...главной причиной депортации народов, как отмечает значительное число исследователей, является сама природа советского тоталитарного режима. По мнению А.А. Манкиева, режиму для самосохранения требовались все новые враги и тотальный страх. Поэтому вполне закономерно, что он, репрессировав миллионы людей по социальному, сословному, конфессиональному, политическому основаниям, перешел к их репрессиям по национальному признаку» [2, с. 12]. К моменту депортации чеченского народа Сталин и его клика уже были матерыми преступниками, – пишет Манкиев А.А., – повинными в истязаниях, заточении и убийствах миллионов безвинных советских людей всех национальностей и вероисповеданий, а также поголовной депортации ряда народов. Подход, исходящий из такого исторического контекста, делает очевидным..., что депортация чеченцев, во-первых, не была для главарей тоталитарного режима чем-то неординарным и уникальным, а являлась очередным звеном в длинной цепи их бесчеловеческих преступлений, во-вторых, **она являлась закономерным сущностным проявлением сталинского режима, его преступной человеконенавистнической природы** [3, с. 407]. Именно эта позиция абсолютно объективно отражает причины одной из наиболее болезненных страниц в истории чеченского народа.

В.Ю. Гадаев считает, что известные события, произошедшие в нашей стране в конце XX столетия, и приведшие к смене формации и устоявшегося жизненного уклада, способствовали разрушению традиционного мировоззрения и психологии чеченцев, в связи с чем «...духовные ценности, составляющие стержневую основу традиционной нравственной опоры этноса, начали размываться и на их месте стали утверждаться капиталистические «святыни»: алчность, лицемерие, корысть, материальный интерес и т. д.» [4, с. 16–17]. Вместе с тем, из полученных в ходе опроса данных обнаруживается, что период депортации для молодых респондентов – время преобладания ценности духовного, физического состояния чеченцев над материальным. Очевидно, что подобное восприятие не утвердилось в сознании молодежи пассивно, само по себе. Акцентирование явного приоритета духовного над материальным, исторически являвшегося нормой для чеченцев, транслированы из источников потребления информации о событиях депортации.

С целью верификации выдвинутой гипотезы о влиянии депортации чеченцев на духовное состояние потомков жертв репрессий был задан вопрос: «Какие чувства преобладают у Вас в связи с Депортацией чеченцев (1944)?». Существенная доля респондентов чувствует обиду от жестокости власти и беспомощности жертв репрессий (36 %) и горечь за понесенные жертвы (31 %). Страх повторения подобного сценария испытывают 11 % опрошенных. Гордятся тем, с каким достоинством чеченский народ прошел тяжелое испытание (8 %), жажду возмездия виновным в этом преступлении и унижение от одного воспоминания о процессе переселения – выразили по 7 % респондентов, соответственно.

Осведомленность респондентов о конкретных страшнейших фактах убийств, произошедших в процессе переселения является одной из граней восприятия депортации чеченцев в 1944 году.

Имеются документальные работы и художественные произведения, посвященные чудовищным преступлениям против чеченцев в ходе депортации в 1944 году. Приказ Берия, требовавший полностью освободить республику, в том числе и горные районы, от чеченцев и ингушей в отведенное время практически не мог быть выполнен. В силу большого снегопада и бездорожья в горных аулах Галанчожского района после окончания спецоперации, по оперативным данным, оставалось не выселенным более 6 тыс. чеченцев. Берия потребовал вывезти их к станциям погрузки в течение двух дней, однако, как подчеркивает исследователь В.П. Сидоренко, реально выполнить это указание было крайне сложно. Дополнительные войсковые подразделения и запланированные 635 автомобилей так и не смогли прибыть в эти аулы, а имеющимися автомашинами и 52 повозками вывезти людей оттуда было невозможно [5, с. 40]. По свидетельствам современников, больные, старики, беременные женщины – все, кто не был в состоянии быстро передвигаться в условиях зимних гор, загонялись в кошары и заживо сжигались. 27 февраля 1944 года в селе Хайбах были расстреляны и сожжены заживо люди из нескольких селений и хуторов Галанчожского района в количестве 700 человек.

В Чеберлоевском районе людей топили в озере Кезеной-Ам, в селе Урус-Мартан больных людей, находившихся в районной больнице, расстреляли и закопали во дворе больницы. В Итум-Калинском районе дома с больными людьми забрасывали гранатами и бутылками с зажигательной смесью. В Малхисте людей расстреливали в пещерах, в Ножай-Юртовском районе засовывали в кукурузные сапетки и, облив бензином, поджигали [6, с. 40].

В ходе опроса был задан вопрос: «Известно ли Вам о трагедии в с. Хайбах Галанчожского района?». Большинство респондентов ответили, что знают о трагедии (86 %), ничего об этом не знают 6 % опрошенных, затруднились ответить 8 % молодых людей.

С целью реализации одной из задач исследования, в опросник был включен вопрос: «Какие факторы, по Вашему мнению, сыграли главную роль в возвращении чеченцев на родину?», предлагающий один вариант ответа. Анализ полученных данных показал, что третья часть респондентов считает ключевым фактором изменения и борьбу за власть в руководстве СССР (32 %). Еще треть опрошенных существенную роль в принятии решения о возвращении чеченцев на родину отводит всем предложенным факторам (30 %). Антисоветскую деятельность и выступления переселенцев как главный фактор определили 23 % респондентов. Сопротивление в форме религиозной деятельности, а также в виде музыкального и литературного творчества как значимое обстоятельство, сыгравшее роль в возвращении чеченцев на родину назвали по 4 % соответственно. Результаты ответов позволяют предположить, что в восприятии молодежи каждый из перечисленных факторов стал причиной возвращения чеченцев на Землю предков (Даймохк). Вместе с тем, именно изменения и борьбу за власть в руководстве СССР, респонденты назвали как важное обстоятельство, определившее репатриацию чеченцев.

Среди наиболее значимых характеристик, присущих жизни чеченцев в условиях «спецпоселения» респонденты назвали стойкость, сохранение чести и достоинства (40 %), почти в равной степени сплоченность (22 %) и верность традициям (21 %), агрессивность и законопослушание (по 3 %). Затруднились ответить почти 11 % опрошенных. Отрадно, что респондентами отчетливо воспринимаются проявившиеся особенности этнической идентичности чеченцев в суровых условиях выживания на чужбине. Доля затруднившихся ответить среди респондентов указывает на необходимость восполнения пробелов, связанных с отсутствием знаний у молодежи о специфике внутри этнических отношений спецпереселенцев в период пребывания в Казахстане и Средней Азии.

Намерение автора в рамках проекта проанализировать восприятие и представления о выживших в депортации чеченцах их потомками привело к следующим показателям. Поколение чеченцев, выживших в период сталинской депортации респонденты считают носителями уникальной исторической памяти (39 %), отметили, что благодаря этим людям чеченцы существуют как этнос (29 %), уверены, что воспоминания каждого живущего в современности переселенца надо увековечить как бесценные свидетельства геноцида (22 %). Назвали переживших депортацию героями, победителями 3 %

опрошенных, обычными людьми 3 % респондентов. В ответах респондентов, на наш взгляд, читается глубокое почтение к выжившим, граничащее со состраданием к жертвам сталинской депортации.

Подводя итоги, отметим, что обнаружена необходимость проведения на постоянной основе учебно-образовательных, познавательных мероприятий среди молодежи, сосредоточенных на исключительном историческом и социокультурном значении скорбного факта истории чеченского этноса. Почти для двух третей респондентов (64 %) депортация чеченцев в 1944 году является актом геноцида. В подобных утверждениях читается достаточно осознанное отношение молодежи к произошедшей трагедии.

Учитывая интенсивное распространение и популярность социальных сетей, в большей степени среди молодежи, считаем возможным использование этого инструмента в целях продвижения темы депортации чеченцев в социальных сетях. В этой связи может быть использована, в том числе, таргетированная реклама, направленная на конкретную целевую аудиторию (молодежь в возрасте наиболее впечатлительных лет, по Мангейму). Популяризация темы депортации среди подрастающих поколений – наш долг перед ушедшими предками. Повсеместно звучащие призывы жить здесь и сейчас, лозунги о фокусировании внимания на исключительно позитивных явлениях, могут восприниматься (в силу возраста) молодежью буквально, где не останется места для памяти о чудовищных деяниях, произошедших с предшествующими поколениями чеченцев. Речь не идет о непременном абсолютном акцентировании на историческом прошлом, как раз, наоборот, имеется ввиду, осознанное отношение к трагедии, осмысление произошедшего и извлечение соответствующих уроков (в особенности, в контексте сохранения социокультурной, этноконфессиональной, социолингвистической идентичности переселенцев) в условиях глобализации. Ученые, общественность и все заинтересованные лица могут способствовать тому, чтобы трагическая страница истории этноса не была предана забвению.

Литература

1. Официальный сайт «Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Чеченской Республике». – URL: <https://chechenstat.gks.ru/folder/38713> (дата обращения: 29.03.2021).

2. *Ибрагимов Муса М.* Чеченцы: выселение, выживание, возвращение. (1944–1963 гг.). – Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2015. – С. 12.

3. *Манкиев А.А.* Депортация чеченского народа в 1944 году: преступление сталинского режима // Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. г. Грозный. Грозный, 2010. – С. 407.

4. *Гадаев В.Ю.* Молодое поколение Чеченской Республики: проблемы духовного развития. Грозный. – 2011. – С. 16-17.

5. Сидоренко В.П. «Для выселения чеченцев и ингушей направить части НКВД» // Исторический архив. – 2000. – № 3. – С. 69. Цит. по: Ибрагимов Муса М. Чеченцы: выселение, выживание, возвращение. (1944–1963 гг.). – Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2015. – С. 40.

6. См.: Живая память: О жертвах сталинских репрессий. Автор-составитель Д. Хожаев. Грозный: «Книга», 1991. – С. 122–123. Цит. по: Ибрагимов Муса М. Чеченцы: выселение, выживание, возвращение. (1944–1963 гг.). – Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2015. – С. 40.

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ КАЙРЫЛМАНОВ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Жусубалиев Абдикайым Рысбаевич

*заведующий кафедрой социологии и социальной работы,
Кыргызского Национального университета имени Ж. Баласагына,
Бишкек, Киргизия*

Токоева Назира Байболотовна

*старший преподаватель кафедры социологии и социальной работы
Кыргызского Национального университета имени Ж. Баласагына,
Бишкек, Киргизия*

Аннотация. В данной статье рассматривается адаптация кайрылманов в условиях развития Кыргызстана и их социально-психологическая адаптация. Были проанализированы нормативно-правовые документы государственного уровня, информация об интеграции граждан, общенациональные программы адаптации.

Ключевые слова: кайрылман, адаптация, этнос, миграция, нация, этнические кыргызы, гражданин, демография, этнические кыргызы, граждане, демография.

Вопросы, связанные с кайрылманами, всегда будут актуальными. Для более глубокого понимания этой проблемы можно понять путем углубленного изучения вопросов миграции в Кыргызской Республике. Одним из важных аспектов миграционной политики является то, что успешное регулирование мировых процессов влияет на устойчивое и активное развитие общества. Процесс переселения этнических кыргызов из-за рубежа не прекращается, и число переселенцев имеет тенденцию к устойчивому увеличению. Кайрылманы часто мигрируют из стран – Китая, Афганистана, Турции, Узбекистана, Таджикистана.

Однако миграция происходит не организованно и часто носит беспорядочный характер. В большинстве случаев этнические кыргызы прибывают в Кыргызскую Республику с нерешенными вопросами, такими как выход из прежнего гражданства. С нарушением порядка пересечения

государственной границы Кыргызской Республики и постановки на учет этнические кыргызы превращаются в категорию лиц, прибывающих в Кыргызскую Республику с нарушением установленных правил въезда непосредственно на территорию республики. Вследствие этого многие этнические кыргызы, не имеющие легального статуса на территории Кыргызской Республики, сталкиваются с трудностями в приобретении гражданства Кыргызской Республики и интеграции в местное сообщество. Одним из важных этно-демографических направлений является возвращение этнических кыргызов на историческую родину. Разработан перечень нормативно-правовых документов на государственном уровне для интеграции новых граждан, общенациональных программ адаптации, так как вопросы, связанные с кайрылманами, всегда будут актуальными [1, с. 1–2].

Так, программа Правительства Кыргызской Республики «Кайрылман» по оказанию содействия этническим кыргызам и кайрылманам, переселяющимся в Кыргызскую Республику, на 2017–2022 годы (далее-Программа) разработана в соответствии с законом Кыргызской Республики «О государственных гарантиях этническим кыргызам, переселяющимся в Кыргызскую Республику» и направлена на упорядочение процесса переселения этнических кыргызов в Кыргызскую Республику. Программа определяет основные меры реализации Государственной миграционной политики по созданию условий приема и легализации этнических кыргызов на территории Кыргызской Республики.

Добровольное переселение этнических кыргызов в Кыргызскую Республику началось в первые годы независимости. Со дня обретения Кыргызской Республикой независимости по настоящее время гражданство Кыргызской Республики получили более 43 тысяч этнических кыргызов. Реализация программы предполагает упорядочение процесса переселения этнических кыргызов в Кыргызскую Республику, порядок простой регистрации, получения и документирования гражданства, а также создание условий для их социально-экономической адаптации к местному сообществу.

В свою очередь, согласно представленным в средствах массовой информации и некоторым работам о кыргазах Таджикистана, а также результатам моего исследования, этнические кыргызы из Таджикистана иммигрировали в Кыргызстан по следующим основным причинам:

1. Как «беженец» во время Гражданской войны в Таджикистане 1993 (5 мая)–1997 (27 июня);

2. Как «мигрант» из-за тяжелого социально-экономического положения и безработицы в Таджикистане (временно приехали работать и обратно в Таджикистан);

3. Как «кайрылман» в результате давления со стороны местных чиновников и процесса коронации в Таджикистане.

В соответствии с Законом Кыргызской Республики «О государственных гарантиях этническим кыргызам, переселяющимся в Кыргызскую Республику», с конца 2010 года уполномоченным органом в области миграции присваивается статус кайрылмана и выдается удостоверение кайрылмана. Основной сущностью статуса кайрылмана является предоставление этническим кыргызам

временного легального статуса до приобретения гражданства Кыргызской Республики. Это помогает им выполнять свои основные обязанности по регистрации и учету, а также дает им право на трудоустройство, образование и свободное перемещение, получение дошкольного, школьного, начального, среднего и высшего профессионального образования, выплату пенсий и пособий, получение необходимой медицинской помощи, адресную помощь и т. д. Б. реализации прав человека. Так, с 2010 года по август 2016 года около 11 тысяч этнических кыргызов, переселившихся на территорию Кыргызской Республики, были признаны кайрылманами.

Этнические кыргызы, кайрылманы имеют возможность получить гражданство в упрощенном порядке, при этом их прием в гражданство Кыргызской Республики осуществляется на основании письменных обращений о приеме в гражданство Кыргызской Республики без предварительного выхода из гражданства другого государства, без предъявления условий о сроке проживания на территории Кыргызской Республики, с указанием отказа от гражданства другого государства. Срок приобретения гражданства Кыргызской Республики в упрощенном порядке составляет три месяца в соответствии с законодательством Кыргызской Республики. С 2010 года по первое полугодие 2016 года 24362 этнических кыргыза получили гражданство Кыргызской Республики.

Программа предусматривает разработку механизмов предоставления кайрылманам государственных гарантий и порядка их пребывания на территории Кыргызской Республики. В частности, внесение дополнений в Положение о порядке предоставления статуса кайрылмана в части продления срока действия удостоверения кайрылмана в случае нарушения кайрылманами отсрочки. Также предусмотреть возможность совершенствования порядка подачи документов на получение гражданства Кыргызской Республики и определения ответственности за нарушение сроков подачи.

Актуальными остаются вопросы обеспечения кайрылманов земельными участками для индивидуального жилищного строительства, занятости и социальной защиты этнических кыргызов. Программа предусматривает комплекс мер по региональному размещению, улучшению правового, социально-экономического положения этнических кыргызов, переселившихся в Кыргызскую Республику, с приданием им статуса кайрылмана, обеспечивающего социальные гарантии. Первые переселения кайрылманов приходились на начало 90-х годов, когда в Таджикистане уже началась гражданская война. В области приема кайрылманов не предпринимались достаточные усилия. Они начали жить в душе, где душа полагалась только на свои силы.

В Кыргызстане процесс возвращения кайрылманов на родину набирает обороты в течение последних 10 лет. Коронавирусная болезнь во всем мире повлияла на доходы людей. Большой удар был особенно для кайрылманов. Государство предоставило кайрылманам безвозмездную землю и дом. Кайрылманы получили возможность трудоустройства наряду с жильем в части полноценного проживания на кыргызской земле. На самом деле кайрылманы

уже много лет остаются самими собой. Вместе с тем остается вопрос их адаптации, адаптации. Полноценное размещение должно быть в центре внимания всего государства, общества. Потому что это один из главных вопросов национальной безопасности.

Исторически кыргызы начали селиться на Памире с начала века и на протяжении многих лет составляли основную часть этнических групп. С первых дней провозглашения независимости Кыргызской Республики на основе своей миграционной политики кыргызы возвращаются на историческую родину. Появилось понятие «Кайрылман», которое стало интересным для нашего государства, его причины:

– во-первых, возвращение кайрылманов поможет выровнять демографическую ситуацию, компенсировать миграционные потери прошлых лет;

– во-вторых, кайрылманы имеют опыт адаптации и выживания в условиях другой среды и рыночных отношений, что может повлиять на изменение экономического менталитета;

– в-третьих, кыргызы на основе интеграции вносят вклад в духовное богатство важной нации, особенно в Кыргызскую культуру и язык. Кайрылманы часто представлены как компонент национальной идеи.

С другой стороны, возвращение кайрылманов на историческую родину – нелегкий путь. Они знают, что «они» разные, и чувствуют сложность культурного смешения. Конечно, образ жизни и культура другой страны, затяжные этнокультурные различия приводят к медленной социально-психологической адаптации. Это потому, что у кайрылманов есть традиционные ориентированные на них этнические ценности. Факт существования такого культурно-психологического разрыва усиливается тем, что он в значительной степени распространяется на объективные слои. Социальные различия между двумя вышеуказанными группами не могут быть исключены. В процессе обеспечения адаптации возвращающихся наблюдается ряд препятствий в обществе, среди которых система образования. В конечном счете, система образования является одним из основных ресурсов для адаптации. Интеграция кайрылманов в Кыргызстан начнется в школе. Школа, в которую зачисляются их дети, должна помочь снять «первоначальный стресс». Для них переход в новую культурную среду, познавательную, образовательную и социальную среду для детей. Дети-подростки особенно уязвимы, зависимы и нуждаются в поддержке. С другой стороны, взрослые адаптируются к новой среде не только для физического выживания, но и для психологического и социального благополучия. Одно из основных условий оптимальной интеграции человека в новую социальную среду – это процесс активной адаптации. В условиях обратившихся адаптация осложняется множеством факторов: климатическими условиями, культурными, социальными, языковыми, этнические и религиозные различия. Современные школы не совсем готовы к тому, что поведение детей кайрылманов окажется очень сложным. Поэтому необходимо создать благоприятные условия для соответствующей адаптации таких детей. В процессе интеграции существует риск того, что ребенок потеряет себя из-за культурных особенностей языка

и его личности. Все эти факторы значительно усложняют процесс его обучения и воспитания. Важной проблемой адаптивного образования является сохранение этнокультуры через систему образования, то есть образование является одним из наиболее очевидных показателей этого уровня. Эти и другие вопросы актуальны для большинства и означают необходимость научных исследований в новой педагогической области. В этой связи возникает необходимость внедрения новой модели в образовательный процесс. Процесс, который работает в период адаптации детей. Следовательно, процесс адаптации происходит на трех уровнях:

- обучение – повышение уровня овладения вторым языком (устным и письменным), внедрение традиционных предметов школьного цикла для преодоления задержки в освоении;
- коммуникация – регулирование межличностного процесса и взаимодействия между сверстниками;
- развитие культурного творчества-повышение культурного понимания детьми.

Социальное положение кайрылманов непростое. В 2018 году 18 братьев, выехавших на Памир, еще не вернулись в Кыргызстан. Об этом сообщили в агентстве Кыргызстана в отделе по работе с кайрылманами и беженцами при Министерстве миграции и молодежи [2, с. 1].

В октябре 2017 года 33 этнических кыргызов, проживающих на Памире, были переселены правительством на историческую родину и поселились в селе Куланак. Позже весной 2018 года прибыли еще несколько человек. А 6 июля на летние каникулы 18 человек отправились из Бишкека в Памир. Среди них было несколько семей и два маленьких ребенка в возрасте до 6 лет. Из всех кайрылманов, прибывших в Кыргызстан, в Нарыне осталось 33.

В результате национально-территориального распада советской Средней Азии в 1924–1925 гг. территории, которые тогда назывались Восточный Памир и Жергетал, стали частью Таджикистана. Они находились до 2 января 1925 года в составе Кара – Киргизской автономной области. В те годы там проживало около 11 000 человек. В 2000 году численность кыргызов в Таджикистане выросла до 65 000 человек. С 2016 года Жергетальский район именуется Вахшским районом республиканского значения. Здесь находится поселок городского типа Вахдат. Жергетал граничит с Баткенской и Чон-Алайской областями. В этом районе проживает более 61 000 человек. Среди Жергетальских кыргызов гораздо больше смешанных семей, чем среди Мургабов. Почти все свободно говорят на таджикском языке, где знают урду, дари и фарси, на которых говорят в Афганистане, Пакистане и Иране [2, с. 1–2].

А из-за межнациональных земельных проблем Средней Азии восточный Памир и Жергетал стали частью Таджикистана. С 2 января 1925 года они стали автономной территорией Кара-кыргызов. В те же годы там поселилось 11 000 человек. В 2000 году объем кыргызов в Таджикистане составил 65 000 человек.

В соответствии с действующим законодательством указом Президента Кыргызской Республики от 2021 февраля 8-26 года. Статья 7. Порядок обращения и перечень документов для предоставления статуса кайрылман [3, с. 3]. Напротив, просьба лиц о предоставлении статуса кайрылман подается

лично или через уполномоченного представителя одним из совершеннолетних членов семьи:

– на территории их гражданства или по месту постоянного жительства в дипломатические представительства, консульские учреждения Кыргызской Республики для дальнейшего направления в уполномоченный государственный орган по миграции Кыргызской Республики;

– В уполномоченный государственный орган по миграции Кыргызской Республики на территории Кыргызской Республики.

Ходатайствующее лицо или его уполномоченный представитель вместе с ходатайством о предоставлении статуса кайрылмана представляет следующие легализованные в порядке, предусмотренном законодательством Кыргызской Республики:

– паспорт или заменяющий его документ;

– свидетельство о рождении;

– справка о составе семьи;

– свидетельство о браке.

В случае отсутствия свидетельства о рождении для подтверждения национальности ходатайствующего лица предоставляется один из следующих документов:

– свидетельство о рождении одного из близких родственников (родителей, детей, усыновителей, одних родителей и других братьев и (или) сестер, дедушки, бабушки, внуков);

– свидетельство о браке родителей;

– свидетельство о рождении одного из дальних родственников (двоюродных братьев и (или) сестер). Порядок предоставления статуса кайрылмана определяется Правительством Кыргызской Республики.

Целью законопроекта является поддержка этнических кыргызов, проживающих в Кыргызской Республике, улучшение политики, а также решение проблем кайрылманов и этнических кыргызов в системе регистрации при получении статуса кайрылмана и совершенствование условий приема и легализации этнических кыргызов, переселяющихся на территорию Кыргызской Республики.

Для интеграции отдельных этнических кыргызов большое значение придавалось состоянию рыночной экономики в Кыргызстане. На это также повлияли их трудолюбие и способности. Однако есть проблемы с культурной, языковой и религиозной идентичностью. Важность этих аспектов очевидна в интеграции. Признание таких особенностей, взаимопонимание, свободное общение, выполнение праздничных и повседневных обрядов, создание отношений, помолвка вносят существенный вклад в интеграцию. «Кайрылман» – временный правовой статус этнических кыргызов до приобретения гражданства Кыргызстана (выдано специальное свидетельство) [3, с. 3]. Кайрылман-кыргыз, являющийся иностранным гражданином или лицом без гражданства, добровольно переселяющийся в Кыргызскую Республику и получивший статус кайрылмана. Сегодня в стране наблюдается, что не определены правильные направления решения проблем социализации, интеграции кыргызов

в общество. Потому что, получив документ, в частности статус «кайрылман», получив гражданство, не только не решенные социальные вопросы, но и попавшие в земельное обращение с местными жителями, не в полной мере интегрированные в общественную жизнь на территории своего проживания.

Литература

1. Кыргыз Республикасына көчүп келүүчү этностук кыргыздарга жана кайрылмандарга көмөк көрсөтүү боюнча 2017–2022-жылдарга Кыргыз Республикасынын Өкмөтүнүн «Кайрылман» ПРОГРАММАСЫ

<http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/98654/10?cl=ky-kg&mode=tekst>

2. Этнические кыргызы или граждане Кыргызстана? Кто такие кайрылманы. <https://prevention.kg/?p=9531> Видео материалга шилтеме: <https://www.youtube.com/watch?v=mgeVJKTdapE>

3. Кыргыз Республикасына көчүп келүүчү этникалык кыргыздарга берилүүчү мамлекеттик кепилдиктер жөнүндө «Кыргыз Республикасынын Мыйзамына өзгөртүүлөрдү киргизүү жөнүндө». Мыйзам долбоору.

- http://www.president.kg/kg/prezidenttin_apparaty/myyzam_dolboorloru/_kyrgyz_respublikasyna_k_ch_p_kel_ch_etnikalyk_kyrgyzdarga_beril_ch_mamlekettik_k_epildikter_zh_n_nd_kyrgyz_respublikasynyn_myyzamy_na_zg_rt_l_rd_kirgiz_zh_n_nd_myyzam_dolbooru

4. Кыргызстандагы этностук кыргыздардын интеграция маселелери: Тажикистандан көчүп келген кыргыздар Темирбек уулу Идеат. 2018-ж. Толук маалыматка шилтеме: <https://www.pluralism.ca/wp-content/uploads/2018/04/Termirbek-uulu-ideat-Kyrgyz-Apr2018-FINAL.pdf>

САМОПОНИМАНИЕ ЛИЧНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КЫРГЫЗОВ

Камчыбек уулу Мырзабек

*Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына,
Бишкек, Киргизия*

Аннотация. В данной статье предоставлены результаты исследования культурной и семейной социализации, который безусловно важен для раскрытия темы самопонимания через изучение родителей, которые жили в советский период и их социализацию.

Ключевые слова: самопознание, самопоиск, саморазвитие, личность, идентичность.

Перейдем к описанию и интерпретации полученных с помощью опросника ОЛСИ результатов изучения самопонимания личной и социальной идентичности в современном кыргызском обществе.

В первой части нашего исследования изучалась в целом структурная модель самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана. Исследование проводилось в 2019 году в Кыргызстане. Всего

в исследовании приняли участие 315 представителей титульного этноса Кыргызстана, средний возраст участников исследования составил 39 лет и 1 месяц, в исследовании приняли участие кыргызы от 17 до 81 лет (в последующем выборка исследования была разделена на три возрастные группы: 1 группа: 109 человек от 17 – до 25 лет, 2 группа: 106 человек от 30 – до 49 лет, 3 группа: 100 человек от 50 лет и старше.

Охарактеризуем более подробно выборку исследования: мужчин – 104 человека (33,02 %), женщин – 211 человек (66,98 %). Наличие братьев/сестер: 280 человек (88,9 %) имеют братьев или сестер, 35 человек (11,1 %) не имеют братьев/сестер. По уровню полученного образования: у 228 (72,4 %) респондентов – высшее образование, у 42 (13,3 %) – среднее профессиональное образование, у 45 (14,3 %) – полная средняя школа.

По семейному положению: не женат/не замужем – 118 (37,5 %), женат/замужем/совместное проживание – 171 (54,3 %), раздельное проживание – 1 (0,3 %), разведен/разведена – 10 (3,2 %), вдовец/вдова – 15 (4,7 %). По наличию детей: 116 (36,9 %) – нет детей, 199 (63,1 %) – есть дети, из них детей, проживающих вместе с родителями – 56,6 %, проживающих отдельно – 43,4 %.

По месту проживания: 100 (31,7 %) респондентов проживает в сельской местности, 104 (33,0 %) – в городе, 111 (35,2 %) – в большом городе. По доходу семьи: менее 5000 кыргызским сом – 5,1 %, от 5000 до 10000 – 32,5 %, от 10000 до 22000 – 27,3 %, от 22000 до 28000 – 14,1 %, от 28000 до 33000 – 9,3 %, от 33000 и выше – 11,6 %.

По социальному положению: обучающийся – 28,3 %, государственный служащий – 53,5 %, предприниматель – 11,8 %, безработный – 6,4 %. По принадлежности к религии: ислам – 93,0 %, православие – 1,0 %, другая религия – 1,0 %, никакая – 5,0 %. Религия детей: ислам – 90,9 %, православие – 8,6 %, никакая – 0,4 %. При этом совпадение с религией родителей: у 87,9 % респондентов – совпадает, у 12,1 % – не совпадает.

В исследовании использовался адаптированный и модифицированный на русский язык опросник «Личной и социальной идентичности» ОЛСИ (FPSI-K). Автор и разработчик опросника FPSI-K (Fragebogen zur Personalen und Sozialen Identität – Kurzform für Erwachsene, 2004): проф. др. У. Шмидт-Дентер (Психологический институт университета г. Кельна, Германия):

Структурные компоненты **самопонимания личной идентичности**: «Я – Рефлексивное» (самовнимание, самокритика, стиль идентичности), «Я – Реальное» (самооценивание, Я-концепция, контроль убеждений), «Я – Действующее» (политическое поведение и религиозное поведение) и «Я – Идеальное» (общие ценности и ценность работы).

Структурные компоненты **самопонимания социальной идентичности** подразделяются на «чувство принадлежности к группам»: «идентификация с местом, страной и т. д.», «национальная гордость», «отношение к своей нации» и «отношение к ЕАЭС»; «Установки в отношении чужих групп»: «симпатия к другим странам», «толерантность», «ксенофобия/филия».

Перейдем к результатам проведенного исследования. Охарактеризуем в начале результаты диагностики самопонимания личной идентичности у представителей кыргызского этноса по четырем его структурным

показателям: «Я – Рефлексивное», «Я – Реальное», «Я – Действующее» и «Я – Идеальное».

Таблица 1

Результаты диагностики «Я-Рефлексивное» титульного этноса Кыргызстана по опроснику ОЛСИ (средние значения)

Показатели «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности	Среднее значение
Личное самовнимание	9,95
Общественное самовнимание	9,35
Самовнимание (сумма)	19,31
Самокритика	15,97
Диффузный стиль идентичности	21,29
Информационный стиль идентичности	34,51
Ориентированный на нормы стиль идентичности	24,52

Как видно по средним значениям из таблицы 1, как личное, так и общественное самовнимание (максимальный балл по каждому показателю 15) выражен на среднем уровне. Самокритика выражена также на среднем уровне (15,97 баллов среднее значение из возможных 25 баллов). Из стилей идентичности преобладает информационный стиль, затем следует ориентированный на нормы стиль идентичности, диффузный стиль идентичности выражен по сравнению с другими менее всего.

В таблице 2 представлены результаты диагностики «Я-Реального» кыргызской выборки исследования.

Таблица 2

Результаты диагностики «Я-Реальное» титульного этноса Кыргызстана по опроснику ОЛСИ (средние значения)

Показатели «Я-реальное» самопонимания личной идентичности	Среднее значение
Самооценка	20,16
Я-концепция:	
Профессиональные амбиции	22,26
Психосоматические жалобы	12,60
Депрессивность	35,89
Контроль убеждений:	
Контроль эмоций	9,79
Умение настоять на своем	11,38
Социальные способности	11,77

Как видно из таблицы 2, для самооценки характерен средний уровень выраженности, с тенденцией к ниже среднего уровня самооценке (30 баллов

максимально возможный результат). Я-концепция: по показателю профессиональные амбиции – средний уровень выраженности (max=30 баллов), по показателю психосоматические жалобы – средний уровень, с тенденцией к ниже среднего (max=25 баллов), то есть большинство респондентов испытывает психосоматические жалобы не часто (несколько раз в году или несколько раз в месяц). Депрессивность – также выражена на уровне ниже среднего (max=80 баллов). Контроль убеждений: контроль эмоций выражен на среднем уровне (max=15 баллов), умение настоять на своем – выражен на среднем уровне с тенденцией к уровню выше среднего (max=15 баллов), социальные способности – на среднем уровне (max=20 баллов).

Большинство представителей выборки кыргызского этноса считают религию (прежде всего, ислам см. выше) важной для себя, при этом 19,4 % выборки респондентов не считают религию важной для себя.

Интересен также описательный анализ ответов на вопрос об активности религиозного поведения респондентов. Постоянно молятся 34,5 % опрошенных, при этом для 41,3 % опрошенных характерны нетипичные формы религиозного поведения или возможна низкая активность в религиозном поведении. Всего 5,4 % опрошенных посещают религиозную службу по большим праздникам, что также возможно свидетельствует о низкой активности религиозного поведения.

В таблице 3 представлены результаты диагностики «Я-Идеальное» кыргызской выборки исследования.

Таблица 3

Результаты диагностики «Я-Идеальное» титульного этноса Кыргызстана по опроснику ОЛСИ (средние значения)

Показатели «Я-идеальное» самопонимания личной идентичности	Среднее значение	Ранг
Общие ценности	60,13	
Внутренняя гармония	3,67	13
Удовольствие	3,89	11
Свобода	4,31	6
Социальный порядок	4,16	8
Национальная безопасность	4,38	4,5
Самоуважение	4,40	3
Мир во всем мире	4,42	2
Уважение традиций	3,95	10
Зрелая любовь	3,71	12
Социальное признание	3,97	9
Изменчивая жизнь	2,79	15
Авторитет	3,31	14
Истинная дружба	4,38	4,5
Социальная справедливость	4,22	7
Основание семьи	4,59	1

Показатели «Я-идеальное» самопонимания личной идентичности	Среднее значение	Ранг
Этнические ценности		
Богатство	3,90	2
Стимулирование совместного развития с соседними странами	3,86	4
Равенство	4,21	1
Духовная жизнь	3,89	3
Ценность работы (в %)		
Работа как бизнес	11,7%	
Зарплата не важна, важно качество работы	30,5%	
Работа как вынужденная необходимость	10,2%	
Охотно работаю, но ценю и другие сферы жизни	20,6%	
Работа самое главное в жизни	16,2%	
Нет оплачиваемой работы	3,2%	
Не определился с ответом	7,6%	

Как видно из таблицы, среднее значение общих ценностей соответствует среднему уровню. При этом проранжировав средние значения общих ценностей было выявлено 5 наиболее важных общих ценностей: основание семьи, мир во всем мире, самоуважение, национальная безопасность и истинная дружба.

Из этнических ценностей выделяется ценность «Равенство» (равные возможности для всех) по значимости. Возможно, в советский период развития Кыргызской Республики эта ценность была в недостаточной степени учтена и удовлетворена.

Ценность качества работы превалирует как ответ у 30,5 % респондентов кыргызской выборки исследования. При этом работу рассматривают как самое главное в жизни 16,2 % респондентов. Никогда не имели оплачиваемой работы 3,2 % опрошенных. Работу рассматривают как вынужденную необходимость 10,2 %, что является довольно неблагоприятным показателем, так как одна десятая опрошенных работают вынужденно.

Таким образом, мы рассмотрели сначала в целом выборку кыргызского этноса по самопониманию личной идентичности по четырем структурным компонентам: «Я-Рефлексивному», «Я-Реальному», «Я-Действующему» и «Я-Идеальному». Для выборки исследования кыргызского этноса характерно самопонимание личной идентичности, в котором «Я-рефлексивное» в основном характеризуется средним уровнем его выраженности, как по общественному, так и личному самовниманию, по самокритике, преобладает информационный стиль идентичности, то есть кыргызы склонны серьезно относиться к мнению других людей, советам других людей, в целом к сбору информации для принятия того или иного решения. Менее всего для кыргызов характерен диффузный стиль идентичности, когда присутствует определенная легкомысленность в восприятии проблем, нежелание задумываться о будущем и последствиях своих действия, что свидетельствует о том, что для

кыргызского этноса выборки исследования в целом характерна сформированность «Я-Рефлексивного» самопонимания личной идентичности.

Говоря о «Я-реальном» кыргызского этноса выборки исследования следует отметить, для самооценки характерен средний уровень выраженности, с тенденцией к ниже среднего уровня самооценке. По показателю профессиональные амбиции Я-концепции характерен также средний уровень выраженности, как и по показателю психосоматические жалобы, с тенденцией к ниже среднего уровню, то есть большинство респондентов испытывает психосоматические жалобы только несколько раз в году или несколько раз в месяц. Депрессивность также выражена на уровне ниже среднего, что является, безусловно, хорошим результатом. По контролю убеждений: контроль эмоций и социальные способности выражены на среднем уровне, умение настоять на своем выражено на среднем уровне с тенденцией к уровню выше среднего.

В целом, можно сделать вывод о том, что «Я-реальное» выборки исследования кыргызского этноса сформировано в целом на среднем уровне с тенденцией к ниже среднему уровню самооценки, но с выраженным умением настоять на своем, небольшим числом психосоматических жалоб и не выраженностью депрессивной симптоматики. Профессиональные амбиции выражены, как и контроль эмоций с социальными способностями.

Литература

1. Национальная программа развития Кыргызской Республики до 2026 года. Ссылка доступа: <http://www.stat.kg/media/files/3d033353-7e05-42ec-a282-8722459f5c31.pdf>

2. *Исра Шенгул Чеби*. Идентичность кыргыза: историко-социальное исследование (II часть). Социальная политика и социальное партнерство № 5 2021. Ссылка доступа: <https://panor.ru/articles/identichnost-kyrgyza-istoriko-sotsialnoe-issledovanie-iichast/71485.html>

3. *Камчыбек уулу Мырзабек*. Структурная модель изучения личной и социальной идентичности У. Шмидт-Дентера в современном обществе. Актуальные вопросы образования и науки. Научный журнал. Издательство Института управления, г. Архангельск, Россия.– 2021. – № 2 (72). – С. 108–111.

СОХРАНЕНИЕ ЯЗЫКОВ ПОВОЛЖЬЯ: ПРАКТИЧЕСКИЙ РАКУРС (НА ОСНОВЕ ИНТЕРВЬЮ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ)¹

Низамова Лилия Равильевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье, обобщающей материалы 48 полуформализованных интервью с лидерами общественного мнения шести национальных республик Поволжья и Приуралья (Башкортостана, Марий Эл, Мордовии, Татарстана, Удмуртии и Чувашии), формулируются практические рекомендации по сохранению и изучению титульных языков национальных республик и меры, обеспечивающие реализацию одной из стратегических целей национальной политики России – развитие языкового и культурного многообразия в стране.

Ключевые слова: родной язык, государственный язык, титульный язык, Поволжье, Приуралье, национальная республика, языковое многообразие

В научно-исследовательском проекте Казанского федерального университета по оценке конфликтогенных факторов в сфере функционирования языков и языковой политики в шести национальных республиках Поволжья и Приуралья летом и осенью 2021 года были проведены интервью с представителями национальной интеллигенции, деятелями культуры и массмедиа, представителями общественных организаций, то есть с лидерами общественного мнения, для анализа языковой ситуации в национальных республиках, имеющих достижений и проблем, оценки республиканской и федеральной языковой, образовательной и культурной политики и других актуальных тем языкового развития. В каждой из республик состоялись по восемь полуформализованных интервью (социологи-интервьюеры: доценты Л.Р. Низамова и А.Н. Нурутдинова); среди опрошенных численно преобладали представители титульной национальности, показавшие себя как акторы наиболее заинтересованные в рефлексии вопросов и тем, связанных с титульным языком республики и двуязычием. В данной статье на основе обобщения полученной конкретно-социологической информации формулируются практические рекомендации по предупреждению конфликтов и нивелированию конфликтогенных факторов воспроизводства языков народов Поволжья и Приуралья и языковой политики, как на республиканском, так и федеральном уровнях. В первую очередь с учетом функционирующей вертикали власти и аккумуляции значительной части полномочий и ресурсов в ведении федерального центра следует перечислить рекомендации, которые требуют реализации на федеральном уровне.

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Конфликтогенные факторы в сфере языка и языковой политики в республиках Поволжья и Приуралья: идентификация, технология прогнозирования и предупреждение конфликтов» по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» РАН 2020–2022 гг.

Одной из центральных тем интервью стало введение в 2017 году в учебные программы школ обязательного учебного предмета «Родной язык» и узаконивание состоявшихся перемен поправками в федеральный закон «Об образовании» [1]. В контексте утвердившейся идеологии единого образовательного пространства страны все учебники, которые разрешаются к использованию в школах, должны быть включены в Федеральный перечень учебников, однако из более чем 270 языков и диалектов РФ лишь 20 языков на 2021 год имеют учебники, включенные в Федеральный перечень и в большинстве случаев не по всем ступеням образования (преобладают издания для начальной школы), что свидетельствует об имеющихся сложностях и недоработках. Из шести республик Поволжья и Приуралья лишь три (Татарстан, Башкортостан и Удмуртия) в разной степени и не в полном объеме (с учетом необходимости включения переводных с русского языка учебников и учебников для школ с преподаванием на родном языке) обеспечили их включение в федеральный список [2]. Состоявшиеся интервью так же подтверждают наличие проблем с учебной литературой для изучения родных титульных языков. С учетом этого целесообразно упростить многоэтапные и финансово затратные для регионов процедуры включения учебников по родным языкам и родной литературе (литературному чтению) на языках народов России в Федеральный перечень учебников и обеспечить финансирование таких работ из федерального бюджета.

Введение обязательного учебного предмета «Родной язык», при котором родители школьника выбирают язык для изучения и подтверждают это своим письменным заявлением, получило одобрение не только потому, что изучение «этнического языка» закреплялось в учебной программе, но и потому, что, как казалось, расширились возможности изучения родного «этнического языка» повсеместно и за пределами «титульных территорий». Однако в настоящее время отсутствует федеральный механизм обеспечения учебниками для изучения предмета «Родной язык» образовательных учреждений и библиотек за пределами национальных республик в масштабах страны (напр., удмуртского языка за пределами Удмуртии или татарского языка за административными границами Татарстана). Создание на федеральном уровне такого механизма позволит в полной мере реализовать последовательное и повсеместное изучение родного языка школьниками. Пока же, в том числе и из-за ограниченных возможностей образовательных учреждений (отсутствия преподавательских кадров и учебных пособий), многие родители «выбирают» для изучения в качестве родного русский язык, вопреки своей этничности.

После введения нового учебного предмета «Родной язык» в школы прошло более пяти лет, что дает возможность оценки полученных результатов. В республиках Поволжья и Приуралья, как и во многих других территориях страны, имеет место нисходящая тенденция изучения и использования местных титульных языков. Целесообразно осуществить общенациональный мониторинг эффективности мер по введению учебного предмета «Родной язык» и «Родная литература» («Литературное чтение») в период 2017–2022 гг. для выявления имеющихся проблем и выработки механизмов, обеспечивающих

воспроизводство и жизнеспособность языков народов России в системе образования. В рамках мониторинга требуется разработать и использовать перечень ключевых индикаторов, отражающих динамику языкового развития народов России.

Для предупреждения напряженности и конфликтов в связи с неблагоприятной динамикой использования и изучения языков народов Поволжья и Приуралья целесообразно на федеральном уровне выстроить адекватные механизмы реализации задач сохранения этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации и предотвращения любых форм дискриминации и контроля за их выполнением. С учетом применяемого в стране индикативного планирования и контроля работы органов государственной власти для реализации задачи сохранения культурного и языкового многообразия РФ уместно сформировать и внедрить в деятельность федеральных, региональных и муниципальных органов власти необходимый и достаточный *перечень индикаторов, отражающих динамику языкового развития* народов России (например, включающий такие, как доля и абсолютная численность учеников, изучающих родной язык для мониторинга состояния и динамики сохранения и развития языков народов России; доля и абсолютная численность учеников, обучающихся на родном языке; численность педагогических кадров дошкольной, начальной, основной и полной ступеней, обеспечивающих изучение родного языка и обучение на родном языке; численность, студентов, обучающихся по специальностям, обеспечивающим изучение теории и практики конкретного языка народа России, и близких им (с дифференциацией тех специальностей, что дают самостоятельную и совмещенную языковую подготовку)). Не следует в число показателей включать индикаторы, не влияющие на качественное изменение жизнеспособности языка и механизмы его поколенческой преемственности (напр., количество проведенных мероприятий, фестивалей, праздников или созданных сайтов). Количественные индикаторы рекомендуется рассматривать в единстве с качественной оценкой языковой динамики – мнения населения, «лидеров мнения» и экспертного сообщества.

Ученым и экспертам хорошо известно, что важным средством формирования политического сообщества нации и гражданской идентичности являются средства массовой информации [3]. В российском обществе федеральное ширококовещание является исключительно русскоязычным, что не способствует включению в российскую нацию тех россиян, кто преимущественно говорит на «этническом языке», считает его символической ценностью или является билингом. С начала 1990-х годов озвучивается требование создать федеральные радио- и телевизионные каналы и обеспечить общенациональное вещание на языках народов России, но оно по-прежнему остается лишь пожеланием из национальных республик и их ответственностью, отчасти обеспечиваемой на региональном уровне. Было бы ошибочным видеть только в русском языке инструмент формирования общенационального самосознания. Следует признать, задействовать и пропагандировать потенциал всех языков народов России как значимых и множественных каналов

формирования общероссийской гражданской идентичности, наряду с русским языком; важно уйти от неконструктивного противопоставления общегосударственного русского языка и тех или иных республиканских и местных языков народов России, функционирование которых должно и может носить взаимодополняющий характер. Опрошенные лидеры мнения зачастую с огорчением и недоумением отмечали, что об их народе мало знают соотечественники, в целом не хватает в публичном пространстве телепрограмм и культурных мероприятий, которые бы репрезентировали и популяризировали в позитивном ключе многонациональность современной России.

Некоторые лидеры общественного мнения с озабоченностью сообщали, что среди республиканских руководителей все больше не владеющих местным (титульным) языком, что негативно сказывается на воспроизводстве титульного языка и локальной самобытной культуры. В связи с этим во избежание конфликтности рекомендуется с осторожностью подходить к назначению руководителем претендента, который не знает специфики республики и не владеет титульным языком, – это негативно и прямо влияет на языковую политику в регионе. Особенно много вопросов у национальной интеллигенции и активистов-общественников возникает, когда не владеющие титульным языком назначаются руководителями в области образования, культуры и массмедиа, то есть в организациях, обеспечивающих культурное производство, в том числе будущность местной культуры.

Языковая ситуация в каждой республике имеет свои особенности, и, соответственно, в каждой из них могут быть сформулированы специфические рекомендации, хотя имеются общие озабоченности относительно состояния языка, культуры, издательского дела или поддержки национального образования и его развития на разных уровнях (дошкольном и школьном). Интервью с лидерами общественного мнения в Республике Татарстан позволяет сформулировать следующие рекомендации на республиканском уровне.

Во-первых, хотя Татарское книжное издательство имеет многофункциональный официальный интернет-сайт с онлайн-магазином, собранием доступных аудиокниг и библиотекой бесплатного пользования [4], требуется его дальнейшее развитие в интересах привлечения аудитории и покупателей местной и татарской этнонациональной продукции, расширение системы интернет-продвижения, рекламы и сбыта, как в республике, так и за ее пределами. Если в советский период продукция Татарского книжного издательства имела широчайшее распространение и издавалась сотысячными тиражами, то в настоящее время она все еще мало заметна в публичном пространстве республики. Вместе с тем, значение республиканского издательства в продвижении местной культуры огромно.

Во-вторых, в связи с ослаблением потенциала семьи в языковой социализации, важна поддержка и расширение по желанию родителей сети детских садов с группами воспитания на татарском языке и с татарским языком обучения. В условиях доминирования русского языка во втором случае, когда ставится задача приобщения ребенка из преимущественно русскоязычной

среды к татарскому языку, представляются перспективными методики, при которых одновременно используются два языка: один воспитатель говорит на татарском языке, другой – на русском языке. При этом требуется обеспечение взаимодействия детского сада и родителей, создание простых и наглядных методических пособий и рекомендаций для родителей (для наращивания лексического запаса ребенка, рекомендованный перечень мультфильмов, музыкальных произведений и пр.), дети которых посещают такие группы для усиления татароязычного и двуязычного воспитания в семье.

В-третьих, целесообразны мониторинг возникающих трудностей и конфликтных ситуаций в татарских гимназиях и новых полилингвальных школах и предупредительная работа организаторов образования и директоров школ по гармонизации интересов таких участников образовательного процесса, как руководители разного уровня, учителя, родители, ученики, общественность.

Во избежание усиления напряженности и конфликтности в сфере языка и языковой политики на всех уровнях – федеральном, региональном и местном – требуются:

– Финансирование и организация процесса создания продуктов культуры, а также перевод (дублирование) медиа-контента и онлайн-контента на титульных языках и языках народов России (мультфильмов, кинофильмов, сказок и т. п. на цифровых носителях и онлайн-платформах), массовое и бюджетное производство востребованных товаров повседневного потребления с использованием языков народов России, например, кукол в национальных костюмах и открыток с поздравлениями на «этнических» местных языках).

– Организация и финансирование проектов на титульных языках и языках народов России, стимулирующих молодежь и энтузиастов (летние лагеря, фестивали, создание нового офлайн- и онлайн-контента и другие).

– На федеральном и региональном уровнях целесообразны последовательное противодействие этнофобии, ксенофобии и расизму, пропаганда средствами массовой коммуникации, образования и культуры правомерности и ценности многокультурности российской нации, значимости всех родных языков народов России, включая русский язык. Инклюзивный характер имеет идея России как общего дома всех ее народов, в котором наряду с государственным русским языком, являющимся родным языком русского народа, внимания требуют многие десятки языков народов Российской Федерации, по-прежнему сохраняющих свое социокультурное значение.

Литература

1. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”». –URL:<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201808030079?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 13.01.2022).

2. Приложение к Приказу Министерства просвещения РФ № 254 от мая 2020 г. Об утверждении федерального перечня учебников, допущенных к использованию при реализации имеющих аккредитацию образовательных

программ начального общего, основного общего, среднего общего образования организациями, осуществляющими образовательную деятельность. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009140015> (дата обращения: 19.09.2021).

3. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.

4. Официальный сайт «Татарское книжное издательство». – URL: <https://tatkniga.ru/> (дата обращения: 16.04.2022).

ОЦЕНКИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКАХ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРВЬЮ)

Нурутдинова Аида Наильевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье представлены отдельные результаты авторского эмпирического исследования – интервью с публичными людьми по языковой ситуации в их регионах. Опросы проводились в шести республиках Поволжья и Приуралья: Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия. В статье раскрыты рекомендации и предложения, которые дали участники интервью для формирования и развития повседневной языковой сферы общения, а именно: поддержка локальных сообществ, распространение языка в семье, системе образования (дошкольном, школьном, вузовском звеньях), развитие культуры, национальных СМИ, интернет-площадок и контента. Комплексное развитие этих сфер позволит поддержать и распространить повседневную языковую сферу, задача которой состоит в сохранении и развитии титульных языков республик.

Ключевые слова: языковая ситуация, язык, родной язык, республики Поволжья и Приуралья.

Вопрос оценки языковой ситуации в национальных республиках Поволжья и Приуралья неоднократно поднимается в публичном пространстве, являясь в числе главных вопросов медийной и официальной повесток дня. Важность этого во многом связана с тем, что язык является механизмом поддержания этнической самоидентичности. В последние несколько лет актуальность языковой ситуации в национальных республиках объясняется также изменениями в учебных планах и отменой обязательного изучения вторых государственных языков в республиках. Вместе с тем общественные дискуссии по языковой ситуации продолжаются, сосредотачивая внимания на разных аспектах обсуждаемого вопроса.

В рамках исследования были проведены полуструктурированные интервью с лидерами общественного мнения в шести республиках Поволжья и Приуралья (Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия,

Чувашия). Участники интервью – публичные люди, связанные в своей деятельности с языковым вопросом: общественные деятели, деятели культуры и искусства, журналисты и редактора СМИ, педагоги, представители родительского сообщества, разработчики интернет-контента и программ на родном языке и др. В каждой республике было опрошено 8 человек, из них 70–80 % – это представители титульной национальности. Такая позиция исследователями была выбрана сознательно, поскольку акцент был сделан на положении языка титульной нации в республике. Интервью были проведены с июля по октябрь 2021 года в дистанционном формате. Участники рабочей группы по проведению интервью – доценты кафедры общей и этнической социологии КФУ Л.Р. Низамова и А.Н. Нурутдинова [1, 2, 3]. Работа выполнена в рамках проекта «Конфликтогенные факторы в сфере языка и языковой политики в республиках Поволжья и Приуралья: идентификация, технология прогнозирования и предупреждение конфликтов», реализуемого в рамках программы научных исследований и прикладных работ, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности по Поручению Президента Российской Федерации от 16.01.2020 (Пр. 72, п. 6).

В ходе интервью были заданы вопросы по следующим блокам: языковая ситуация и актуальность языкового вопроса, правовые аспекты и федерализм, влияние языкового соседства на социальные практики, родной язык в школе, востребованность языков и языковая конфликтогенность, двуязычие и многоязычие. Итогам анализа материалов стали выработанные рекомендации по совершенствованию проводимой языковой политики. В рамках данной статьи представлены некоторые из таких рекомендаций, связанные с предложениями по формированию языковой среды. Это позволяет понять основные оценки лидеров общественного мнения языковой ситуации в регионе и предложить дальнейшие управленческие решения. В рамках данной статьи будут озвучены некоторые предложения по поддержке языков, высказанные участниками интервью.

Важным аспектом поддержания и развития языков является среда его использования. Повседневного употребление языка в семье, в процессе бытового взаимодействия, трансляция в СМИ и интернете – необходимы для поддержания такой среды. На первичном этапе социализации семьи дает базовое знание и владение родным языком, однако, по мере расширения социальных контактов, другие агенты усиливают или снижают влияние семьи. Поэтому важно, чтобы языковая среда была повсеместно.

Язык в большей степени сохраняется в местах компактного проживания представителей разных этногрупп, то есть в сельской местности. В ряде республик сильна миграция в крупные города, что не только уменьшает численность молодого населения в селе, но и способствует снижению использования языка, дальнейшему уменьшению числа носителей. В городе распространена русскоязычная среда, которая способствует ассимиляции представителей титульной национальности. Основная причина переезда в крупные города – экономическая: отсутствие работы, низкие заработные

платы в сельской местности и малых городах, особенно ярко это выражено в дотационных регионах. В связи с этим высказывались рекомендации по реализации программ поддержки сёл и малых городов, в том числе как ресурсов сохранения этнокультурной идентичности и языковых практик. Этот вопрос выходит за рамки анализа языковой ситуации, вместе с тем он показывает взаимосвязь разных сфер общественного устройства.

Языковой вопрос подчеркивает значимость учёта региональной специфики, особенностей этнокультурных взаимодействий и историко-культурных традиций. Рассматриваемые национальные республики являются полиэтничными, с доминирующими этногруппами. Это накладывает отпечаток на исследовательский подход и понимание специфики региона. С одной стороны, ситуация предполагает акцентирование внимания на вопросе сохранения титульного языка (ов), а, с другой стороны, проживание на территории республик представителей большого числа этногрупп, ставит вопрос о необходимости реализации и их языковых интересов. И если изучение положения титульного языка в республиках и преподавание на этом языке представлено в публичном пространстве, то ситуации с изучением родного языка представителей статистически малочисленных народов, проживающих в конкретном регионе, нередко остаются за рамками детального и подробного обсуждения. Поэтому здесь возникает несколько вопросов, требующих рассмотрения. Во-первых, обеспечение преподавания предмета «Родной язык» в местах компактного и «рассредоточенного» проживания представителей этноса. Во-вторых, вопрос о функционировании / закрытии малокомплектных школ в сельской местности. Решение этих вопросов, по мнению участников интервью, следует спустить на уровень муниципалитетов, поскольку в таких случаях надо учитывать специфику данных поселений, социально-демографический, этноконфессиональный состав населения. Наиболее продуктивно это возможно сделать на уровне муниципалитетов. Информанты приводили примеры, когда удавалось сохранить школу, когда этот вопрос стали рассматривать именно на уровне региона и муниципалитета. Потому что с позиции федерального центра, учитывая все параметры, школу нужно было закрывать, и только детальное рассмотрение этого вопроса на местном уровне, с учетом локальной, этнокультурной специфики, позволило обосновать необходимость сохранения учебного заведения.

Продолжая вопрос развития языка в системе образования, участники интервью отмечают и необходимость развития системы преподавания родного языка в образовательных учреждениях. В отдельных республиках этот вопрос связан с развитием системы национального образования, выстраиваем преподавания на родном языке в дошкольных учреждениях, школе и вузе. Знание родного языка – дело практики, уверены информанты. Если детей «правильно» обучать: использовать подходящие методики, выстроить образовательный процесс в познавательном ключе, мотивировать детей на изучение языка, то можно добиться положительных результатов. Информанты отмечали, что результат усвоения языка может отличаться у разных школьников и зависеть от того, является ли язык родным для ученика или

вторым государственным в республике, в каком школе он обучается – в русской или в национальной.

Выстраивание системы изучения родного языка должно начинаться с детского сада, когда дети восприимчивы к изучению языков. Поэтому следует расширять сеть билингвальных и полилингвальных детских садов. Изучение родного языка может проходить как в форме заданий, игр, песен, так и благодаря общению с воспитателем на родном языке. Было предложено, чтобы один работник детского сада разговаривал с детьми на русском, а второй – на татарском. В ряде случаев говорили и о возможности таким же способом изучать второй государственный язык в республике. В любом случае необходимо больше использовать разговорный язык, то есть создавать языковую среду.

Дальнейшее развитие обучения родному языку в школе, по мнению информантов, ставит на обсуждение совершенствование методик преподавания языка, отводимых в неделю часов на изучение предмета, корректировка мотивации учеников к изучению предмета, предоставление возможности глубже изучать язык для тех школьников, кто хочет. Отдельный вопрос связан с развитием преподавательского потенциала в школе, преемственностью поколений, поскольку многих информантовстораживают возможная перспектива нехватки учителей родного языка в связи с невысокими заработными платами и малой престижностью профессии.

Развитие системы национального образования, о которой говорили в ряде республик, напрямую зависит от становления национальных университетов и увеличения бюджетных мест в вузах на специальности, связанных с подготовкой национальных кадров (филологов, журналистов). Вместе с тем, преподавание на втором государственном языке возможно не только на гуманитарных специальностях, но и на технических, например, для студентов – выходцев из сельской местности, что уже практикуется в отдельных случаях. Вопрос развития национального университета рассматривается как один из способов сохранения и развития языка, поддержание преемственности в подготовке кадров. В отдельных республиках отмечали необходимость расширения работы кафедр национального языка и литературы по подготовке кадров.

Отдельное внимание было обращено дальнейшему развитию титульного языка в интернет-пространстве. Было отмечено, что благодаря развитию информационным систем, произошла популяризация титульного языка среди молодежи. Можно выделить несколько направлений развития интернет-контента на родном языке, которые отметили участники интервью. Во-первых, в интернет-коммуникации важна личность и сделан акцент на персональные страницы, группы в социальных сетях. Известные национальные певцы, журналисты, общественные деятели молодого возраста ведут собственные страницы, группы в социальных сетях. При этом они достаточно часто используют родной язык, выпуская на нем свой авторский контент (песни, стихи, статьи, заметки и т. д.). Это способствует популяризации национального языка и культуры среди молодежи. Молодое поколение «переместилось»

в интернет, поэтому рекомендуется усилить популяризацию языка, культуры именно там. Во-вторых, создание и распространение развлекательного интернет-контента на родном языке: (мульт) фильмы, спектакли, различные праздники и шоу. Интернет делает использование родного языка модным и современным. В республиках есть свой «этнический» интернет, созданный энтузиастами своего дела. В-третьих, создание площадок для дискуссий и обсуждений. Интернет многофункционален и позволяет использовать его не только как площадку для представления своих интересов и ведения собственного блога, но и для популяризации идей и обмена мнениями.

Использование интернет-площадок для популяризации национального языка может стать той средой функционирования языка, которой не хватает детям и молодежи для полноценного его усвоения. Основные агенты социализации, трансляции и передачи языковых навыков – семья, дошкольные учреждения, школы и вузы – должны быть дополнены повседневной средой общения и получения новых знаний. Именно интернет может стать такой площадкой трансляции национальной культуры и языка. Важной задачей в этой связи остается создание интересного, привлекательного и развивающего контента. Многие информанты отмечали нехватку контента на родном языке для маленьких детей – мультфильмов, сказок, стихов, и поэтому дети вырастают на русскоязычной продукции, и результаты усилий родителей и дошкольного воспитания сильно снижаются в аспекте усвоения родного языка. Развитие культурной продукции для детей разного возраста, молодежи и распространение их в сети интернет будет способствовать не только популяризации национальной культуры и языка, но и их усвоению и распространению.

Оценки языковой ситуации в национальных республиках Поволжья и Приуралья участниками интервью показывают важность создания и развития повседневной среды использования и развития языков. Важными элементами такой среды являются: семья, система национального образования (дошкольная, школьная, вузовская подсистемы), ближайший круг общения, развитие национальной культуры, СМИ и интернет-площадок. Важность развития языка в интернет-сообществах определяется всё большей включенностью детей и молодежи в виртуальную реальность. Выдвинутые предложения нацелены на формирование общих рекомендаций по развитию языков в национальных республиках.

Литература

1. *Низамова Л.Р.* Языковая ситуация в национальных республиках Поволжья: сравнительный анализ Татарстана и Удмуртии // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2021. – № 3 – С. 23–27.
2. *Низамова Л.Р.* Многоязычие и «третьи» языки в массовом сознании жителей Республики Татарстан // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. – № 1. – С. 328–347.

3. *Нурутдинова А.Н.* О преподавании в школе в республиках Марий Эл и Мордовии (по материалам интервью) // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2021. – № 4 (4). – С. 51–55.

4. *Шабает Ю.П., Воронцов В.С., Орлова О.В., Мартыненко А.В., Миронова Н.П.* Языковая политика и языковые ориентации населения в национальных республиках: конфликт интересов между группами или несовершенство культурных практик (на примере регионов с финно-угорским населением)? // Вопросы филологии. – 2018. – № 1 (61). – С. 62–74.

5. The UNESCO Atlas of the world's languages in danger: context and process. Cambridge, 2012.

6. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. / в 11-ти т. Т. 4, кн. 1. – М., 2012. – 2101 с.

7. *Кондрашкина Е.А.* Будущее языков финно-угорских народов Российской Федерации // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. – Т. 15. – № 2. – С. 262–271.

8. *Мартыненко А.В.* К вопросу о преподавании мордовских языков: история и современность // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. 2018. – № 2 (18). – С. 259–264.

9. *Габдрахманова Г.Ф., Махмутов З.А.* Национальный Интернет России: к постановке проблемы // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. – 2018. – № 3. – С. 142–151.

10. *Горячева М.А.* Языки России в системе школьного образования Республики Марий Эл: динамика функционирования // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р.А. Кудрявцева. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2020. – С. 13–18.

11. *Кондрашкина Е.А.* Особенности языковой ситуации и языковой политики в Республике Марий Эл // Sciences of Europe. – 2021. – № 81. – С. 46–50.

АТЕИЗМ В РУССКОЯЗЫЧНОМ СЕГМЕНТЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК РЕАКЦИЯ НА РОСТ РЕЛИГИОЗНОГО ВЛИЯНИЯ НА СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Попова Полина Юрьевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В плюралистическом российском обществе происходит взаимодействие религиозно и атеистично настроенных граждан в оффлайн и онлайн пространстве. В свою очередь, глобальная сеть Интернет стала площадкой для активного развития атеистических объединений. В данной статье автор рассматривает развитие антирелигиозных сообществ как реакцию на проникновение религиозных институтов в деятельность государства и жизнь общества.

Ключевые слова: религия, атеизм, клерикализация, сеть Интернет, мировоззренческая концепция, общество.

В современном российском обществе господствует плюрализм идей, ценностей, идеологий и мировоззрений. В таком многообразии могут случаться временные перекосы в ту или иную сторону, как например, в сторону увеличения влияния религиозных организаций на государство и общественные процессы, так и наоборот. В связи с этим необходимо рассмотреть возможную клерикализацию ряда сфер общества и реакцию на это со стороны атеистически настроенных граждан, в частности в российском сегменте сети Интернет.

В рамках настоящего исследования мы провели пять глубинных интервью. Респондентами выступили трое мужчин в возрасте от 23 до 35 лет и две женщины в возрасте от 23 до 25 лет. Небольшая выборка обусловлена сложностью в поиске респондентов, открыто позиционирующих себя как атеисты.

Считаем необходимым в настоящем исследовании указать на открытое «Письмо десяти академиков», официальное название которого «Политика РПЦ МП: консолидация или развал страны?», опубликованное в 2007 году и адресованное Президенту Российской Федерации В.В. Путину. Содержание письма составляют опасения ученых по поводу возрастающей клерикализации всех сфер общества, вмешательства РПЦ в государственные процессы, что прежде всего проявляется в предложении внести специальность «теология» в перечень научных дисциплин ВАК, что и было произведено в 2015 г., а также предложение о введении обязательного курса во всех школах «Основы православной культуры», тем не менее в 2012 г. в школьную программу был включен необязательный (по выбору) предмет «Основы религиозных культур и светской этики». Письмо не оставили без внимания ни государство, ни верующие, ни научное сообщество. Представители РПЦ выступили с критикой письма и опровержением нарастающих тенденций клерикализации общества. Представители двух других мировых религий негативно отозвались о возможности введения курса «Основы православной культуры» в школьную программу, заметив, что такие действия могут ущемлять в правах представителей других конфессий и разжигать конфликты на межрелигиозной почве. В свою очередь, большая часть научного сообщества поддержала письмо после его публикации. Церковь расширяет сферу своего влияния на государство, политику, общество, активно осуществляя практики, ранее запрещенные в СССР: освящение светских объектов – от космодрома до библиотек; создание института капелланов в Вооруженных силах России; создание богословских факультетов в светских университетах [8, с. 364].

Профессор кафедры государственно-конфессиональных отношений РАНХиГС Пинкевич В. К. считает, что в 1997 г. началась клерикализация российского законодательства с принятием закона «О свободе совести и религиозных объединений», в преамбуле которого выделены только четыре «особо важные» конфессии, дискриминировав таким образом другие религиозные течения [5, с. 647]. Тенденция продолжилась с ужесточением ответственности за правонарушение об «оскорблении чувств верующих» в 2013 г. Этот закон направлен на защиту мировоззренческих позиций исключительно верующих, но оставляет без защиты систему взглядов атеистов

и свободомыслящих граждан. Многие граждане почувствовали себя ущемленными в праве на свободу слова и свободу совести [5, с. 656].

Необходимо заметить, что общее отношение населения к Русской Православной Церкви ухудшилось за последние 10 лет. Один из респондентов убежден, что: «Скорость развития и изменения в обществе не отвечают роли и позиционированию религии. Поэтому в Интернете преобладает резонирующие негативное восприятие». Законодательные изменения способствовали росту общественного недовольства, которые нередко происходили в форме массовых протестов. В первую очередь, это связано со строительством культовых сооружений в рекреационных местах (парки и скверы) крупных городов, свидетельствуют об этом массовые протесты в 2019 г. в Екатеринбурге, в 2015–2016 гг. в Москве и др. [18, с. 1]. Помимо этого, возрастание негативного восприятия РПЦ связано с церковными рестуциями, особенно крупный конфликт был вокруг передачи РПЦ в собственность объекта культурного наследия Исаакиевского собора в г. Санкт-Петербург в 2017 г. [16, с. 1]. Политическая и мировоззренческая солидарность церкви и государства привела к постепенному превращению православия в государственную религию, пользующуюся особыми привилегиями в отличие от всех других российских конфессий [2, с. 16–37], считает исследователь М.Е. Добрускин. Также об этом свидетельствуют данные глубинных интервью, например, один из респондентов утверждает: «По субъективным ощущениям, конечно, происходит клерикализация общества. Государство более активно что ли внедряет религиозное мировоззрение, это видно по позднему законодательству, например, «оскорбление чувств верующих» в уголовном кодексе появилось». Другой респондент тоже видит тенденции клерикализации современного российского общества: «Тенденции клерикализации (из недавних примеров включение Бога в Конституцию, хотя и утверждают, что во многих конституциях светских стран есть упоминание Бога; введение специального школьного предмета, пропаганда против аборт и вынуждение женщин общаться со священником перед аборт в некоторых населенных пунктах и регионах)». Заслуженный профессор МГУ З.А. Тажуризина считает, что требование наказаний за «пресловутое оскорбление чувств верующих» есть не что иное, как попытка возрождения в новой форме прежних традиций расправы с еретиками [7, с. 155].

Результаты глубинных интервью говорят о возрастающей роли религии в лице РПЦ в государственных процессах и негативном отношении к данной структуре. Респонденты комментируют вмешательство РПЦ в светские события, например присутствие священника при отправлении ракеты в космос. Помимо этого, опрошенные убеждены в увеличении количества атеистов, особенно среди молодого поколения, благодаря свободному доступу к большому объему информации с помощью сети Интернет и меньшей подверженности государственной пропаганде, один из респондентов утверждает «Неспособность верующих и «структур» подстроиться под современные реалии будет и дальше провоцировать увеличение числа атеистов и увеличение критики верующих». Также он говорит, что невозможно

проследить тенденции в сторону сокращения или увеличения атеистически настроенных граждан: «Я считаю, что современный человек в массе своей ситуативен. Поэтому, когда ему комфортно быть верующим – он верующий, когда удобнее не определять себя – «неопределившийся». В такой ситуации несерьезно говорить о каких-либо закономерностях или тенденциях в духовной сфере.». Важно выделить мнение еще одного опрошенного: «Возрастает роль религии при осуществлении политического управления. Думаю, что с одной стороны, увеличивается доля верующих среди пожилого населения и возрастает доля атеистов среди подростков и молодежи.».

У этого процесса есть и обратная сторона – репрезентация религии как явление исключительно отрицательное для общественной жизни и развития. Один из респондентов отмечает, что современные продукты массовой культуры порой представляют религию в негативно ключе «хуже, чем она есть», что, в свою очередь, может являться признаком религиофобии. В глобальной сети есть ресурсы, которые преувеличивают негативное влияние религиозных институтов в общественном развитии и преуменьшают положительную роль, такую как благотворительная деятельность, выполнение компенсаторной и регулирующей функции и др.

Мы можем утверждать, что религиозные группы равно широко представлены как в оффлайне, так и в онлайн-пространстве, в свой черед атеистические сообщества репрезентуют себя преимущественно в глобальной сети. Важно отметить, что атеисты лишены возможности взаимодействия в оффлайне в силу того, что для атеизма не свойственен комплекс обрядово-культурной деятельности, которая способствует взаимодействию в реальной жизни, а также, вероятно, негативное восприятие и общественное осуждение такого рода объединений в связи с высокой степенью религиозности преобладающей части населения. Поэтому коммуникации между религиозно и атеистически настроенными гражданами происходят главным образом в сети Интернет. Мы выявили, что характер таких взаимодействий определяется рядом факторов, таких как Интернет-ресурс, на котором происходит соприкосновение диаметрально противоположных мировоззренческих групп; степенью образованности и грамотности аудитории ресурса; направленностью контента, публикуемого администратором и подписчиками; уровнем цензурированности площадки; информационным поводом, в отношении которого происходит дискуссия или диалог.

Пользователи Интернета регулярно сталкиваются с нежелательным контентом из-за рекомендаций, которые формируются автоматически, и вездесущей рекламы, что и происходит, как с верующими, так и с атеистами. Такие столкновения могут выступать раздражителями и побудителями для каких-либо действий: вступление в дискуссии с представителями противоположной мировоззренческой доктрины, жалобы модераторам на оскорбляющие чувства публикации, создание собственных Интернет-ресурсов для коммуникации с единомышленниками и др. С возрастанием количества катализирующих ресурсов, крайних взглядов религиозной направленности, таких как «Атеизм это зло / Вера спасение» [14, с. 1], не приемлющих иное

мышление, будет возрастать и количество атеистических ресурсов в глобальной сети для отстаивания собственных мировоззренческих концепций.

В рамках высказанного тезиса следует обратить внимание на антиклерикальный контент атеистических сообществ в российском сегменте сети Интернет. Канал «Батюшки» [15, с. 1] в мессенджере “Telegram” на постоянной основе публикует новости о взаимодействии Патриарха Кирилла с государственной властью. Также контент атеистических сообществ в социальной сети «ВКонтакте» наполнен антиклерикальными публикациями. В частности, мы можем выделить группы в социальной сети «ВКонтакте», содержание которых посвящено недовольству возрастающей роли церкви и религии в современном российском социокультурном пространстве, таких как «Антиклерикализм» [15, с. 1], «Партия антиклерикальных троллей» [15, с. 1], «Разум и знания, против мракобесия и религии» [19, с. 1], «АНТИКЛЕРИКАЛИЗМ: Петербург против мракобесия» [12, с. 1], «Антиклерикальное сообщество Карелии» [13, с. 1] и др. Необходимо отметить, что часть таких групп не функционируют уже несколько лет. В свою очередь, количество подписчиков в подобных группах не превышает двух тысяч человек, что предположительно связано с узко направленностью темы и малой заинтересованностью в такого рода объединениях среди свободомыслящего населения страны.

Стоит также отметить, что большая часть атеистически настроенных граждан предпочитает не объединяться ни в какие сообщества по признаку мировоззренческих позиций. Об этом свидетельствует неразвитость атеистических сообществ в оффлайн пространстве и малое количество, относительно религиозных ресурсов, антирелигиозных объединений в глобальной сети. Одной из причин, может быть, модерирование контента со стороны администрации социальных сетей – мы отметили, что в период с 2018 г. по 2021 г. часть атеистических ресурсов была заблокирована. Помимо этого, данные интервью показывают, что никто из респондентов не состоит ни в каких сообществах или форумах атеистической направленности для выражения собственной мировоззренческой позиции, при этом только 2 из 5 респондентов знают о существовании таких объединений в цифровом пространстве и периодически могут их посещать для удовлетворения духовных потребностей. Мы можем предположить, что одним из факторов незначительной групповой репрезентации атеистично настроенных граждан выступает отрицательная оценка свободомыслия и подозрения со стороны общества в экстремистской или радикальной деятельности.

Считаем важным отметить, что в современном обществе за людьми с атеистическим мировоззрением закрепилось уничижительное прозвище «безбожник», которое подразумевает под собой невежественное отношение к религии, отсутствие у человека морали и нравственных установок, приемлемых для данного общества. Хотя в СССР данный термин воспринимался в положительном ключе, даже упоминался в названиях организаций, например, «Союз воинствующих безбожников», примечательно,

что с переходом к общественному порядку со свободой совести и вероисповедания, значение данного понятия претерпело ряд изменений.

Помимо этого, существует проблема «номинальной» веры, которую отмечает и научное сообщество, и религиозные деятели, например протоиерей А. Кураев. Люди обозначают себя как приверженцы определенной конфессии, но не знают ее основ и символа веры. В некоторой степени такое явление можно отнести к своему роду атеизации общества. Один из респондентов замечет, что «По моим ощущениям, чтобы быть атеистом нужно обладать независимым умом, меньше подвергаться влиянию масс (при условии, что в стране нет запрета на религию, конечно), разбираться в происхождении религиозных текстов, провести хотя бы начальный анализ филогенеза. Мало кто готов к такой работе, поэтому легче всего верить по «инерции».

Сеть Интернет – крупная площадка для публичного выражения идейно-мировоззренческих позиций. В нашем случае религиозно и атеистически настроенные пользователи регулярно взаимодействуют в глобальной сети, вступают в дискуссии и дебаты. Безусловно, оффлайн жизнь непосредственно воздействует на происходящее в виртуальном пространстве. Так или иначе некоторая клерикализация общества и государства получает реакцию в глобальной сети Интернет, что выражается, в частности, в увеличении количества подписчиков атеистических групп в социальных сетях, в переходе атеистических объединений на новые, более актуальные, цифровые площадки, в создании узконаправленных на антиклерикализм сообществ.

Исходя из вышеизложенного мы можем сделать вывод о том, что в российском сегменте сети Интернет широко распространены те или иные взаимодействия между атеистами и верующими, происходящие в оффлайн-пространстве. Одним из побудителей коммуникации между верующими и атеистами является глубокое проникновение религии в светские государственные процессы и внедрение в российское законодательство ряда законов. Результаты интервью показывают, что атеистически настроенные граждане ощущают усиление позиций церкви и наступающую клерикализацию современного российского общества. Необходимо отметить, что на этом фоне диалог диаметрально противоположных мировоззренческих групп политизируется, в силу глубокого внедрения религиозных институтов в деятельность государства.

Литература

1. *Баёв П.А.* Атеизм и атеисты в современной России / П.А. Баёв // Аналитика культурологии. – 2011. – Вып. 20. – С. 124–130.
2. *Добрусин М.Е.* Атеизм на «скамье подсудимых» / М.Е. Добрусин // Философия и общество. – 2005. – № 1. – С. 16–37.
3. *Дубровский Д.И.* «Наука, философия и воинствующий клерикализм» / Д.И. Дубровский // Вестник Российского философского общества. – 2007. – № 4. – С.114–128.
4. *Ойнус М.Э.* Сравнительный метод в общественных науках: дис. ... канд. фил. наук / Ойнус М. Э. – Ленинград, 1984. – 209 с.

5. *Пинкевич В.К.* Политизация общества и религиозные отношения в современной России / В.К. Пинкевич // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2020. – Т. 22. – № 4. – С. 647–663.
6. *Тажуризина З.А.* Социальная потребность в атеизме существует и в наши дни / З.А. Тажуризина // Марксизм и современность. – 2005. – № 1–2. – С. 116–126.
7. *Тажуризина З.А.* Атеофобия в истории христианства и свободомыслия / З.А. Тажуризина // Философия и общество. – 2015. – № 1–2. – С. 155.
8. *Тимофеева А.А.* Взаимоотношения российского государства и церкви: история и современность / Тимофеева А.А. // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9. – № 4. – С. 364–367.
9. *Фазилов Р.Е.* Верующий в интерактивном информационном пространстве: практики потребления информации и диалог с атеистами / Р.Е. Фазилов. – М.: Вестник московского университета. – 2018. – Т. 24. – № 1. – С. 193–209.
10. *Фазлеева Р.Р.* Гиперреальная религия и гиперреальный атеизм как новые формы существования в пространстве знаково-символического потребления / Вопросы теории и практики / Р.Р. Фазлеева – Тамбов: Грамота, 2016. – № 6 (68): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 197–199.
11. Антиклерикализм. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/anti_cler (дата обращения: 10.05.2021).
12. АНТИКЛЕРИКАЛИЗМ: Петербург против мракобесия. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/anticler_spb (дата обращения: 10.05.2021).
13. Антиклерикальное сообщество в Карелии. [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/club147433909> (дата обращения: 10.05.2021).
14. Атеизм это зло / Вера спасение. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/ateizm_eto_zlo (дата обращения: 12.05.2021).
15. Батюшки. [Электронный ресурс]. – URL: <https://t.me/batyushky> (дата обращения: 03.05.2021).
16. Вопрос о передачи Исаакиевского собора РПЦ решен. [Электронный ресурс]. – URL: [http:// https://tass.ru/obschestvo/3930570](http://https://tass.ru/obschestvo/3930570) (дата обращения: 23.05.2021).
17. Партия антиклерикальных троллей. [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/parat> (дата обращения: 10.05.2021).
18. Против строительства храмов за последние пять лет протестовали 28 городов России [Электронный ресурс]. – URL: [http:// https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/05/21/802088-protiv-stroitelstva-hramov](http://https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/05/21/802088-protiv-stroitelstva-hramov) (дата обращения: 21.04.2021).
19. Разум и знания, против мракобесия и религии. [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/club149422733> (дата обращения: 10.05.2021).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТАКТИК И СТРАТЕГИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИМИ, РАСОВЫМИ И РЕЛИГИОЗНЫМИ МЕНЬШИНСТВАМИ В ВЕДУЩИХ СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ЗА ПЕРИОД С 1991 ПО 2020 г.г. (НА ПРИМЕРЕ ФРГ, ФРАНЦИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ)

Савельева Анастасия Игоревна

*Национальный Исследовательский Университет
«Высшая Школа Экономики», Москва, Россия*

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме необходимости предотвращения кризисных явлений в политическом управлении этнокультурными и религиозными меньшинствами, наблюдаемых в экономически развитых странах Западной Европы, и связанных со столкновением различных цивилизационных ценностей, носителями которых являются коренные нации, национальные меньшинства и иммигранты.

Европейская политика мультикультурализма, невзирая на то, что она проявляет все признаки надвигающегося кризиса, представляет собой весьма интересный опыт и достойна глубинного изучения. Важно понять, каким образом достигались, или по какой причине не были достигнуты декларируемые ею стратегические цели, какие тактические решения оказались успешными, а какие не сработали или привели к ухудшению политической ситуации.

Интерес представляет и то, насколько различными были решения в ведущих государствах Европейского союза, имеющих свою собственную богатую историю и опыт политического управления, в том числе и в области управления этническими, расовыми и религиозными меньшинствами. В первую очередь такими государствами являются ФРГ, Франция и Великобритания.

В работе приводятся результаты анализа причин, приведших к резкому изменению религиозного, этнического и расового состава населения ФРГ, Франции и Великобритании за последние тридцать лет и результаты анализа политических итогов реализации тактик и стратегий политического управления этническими, расовыми и религиозными меньшинствами.

Ключевые слова: политика, мультикультурализм, стратегии политического управления, расовые конфликты, этнические конфликты, религиозные конфликты

Начиная с 1991 года, когда был распущен Советский Союз, начался процесс стремительного реформирования геополитической картины мира. Привычная двухполярная система, основанная на соперничестве двух примерно равных по силе и влиянию военно-политических блоков была разрушена в такие короткие сроки, что это стало причиной резких и мощных тектонических сдвигов в направлении формирования однополярной системы политического мироустройства, где доминирующую роль стали играть США и его союзники по НАТО. В то же время экономически развитые страны

Западной Европы (в первую очередь, ФРГ, Франция и Великобритания, входящие в блок НАТО и находящиеся в союзе с США), также стали стремиться к политическому и экономическому доминированию и расширению зон своего влияния, постепенно восстанавливая утраченный после Второй мировой войны статус одного из ведущих мировых центров силы¹. Принятие и ввод в действие целого комплекса экономических соглашений, дало возможность странам-союзницам выработать единую стратегию действий на мировом рынке, координировать тактические решения и приобретать прочие выгоды от скоординированной внешней политики. Быстрое развитие экономики привело к нехватке рабочих рук в Западной Европе и потребовало привлечения трудовых ресурсов извне. В первую очередь такими трудовыми мигрантами стали граждане бывших колоний, чье положение было несравненно хуже процветающих метрополий.

Несмотря на то что колониальная система была фактически полностью разрушена в 1960 г. (который в ООН был назван «годом Африки»², потому что именно тогда получили независимость восемнадцать африканских стран, бывших колониями ряда западноевропейских государств – Франции, Великобритании, Италии, Бельгии), тесная взаимосвязь между государствами-метрополиями и государствами-колониями, хотя и бывшими, по-прежнему сохранялась.

Так был запущен процесс, который за полвека изменил облик Европы до неузнаваемости. Активизации этого процесса содействовал ряд политических решений объединенного Европейского Союза, которые теперь противоречиво называют то единственно верными, то совершенно провальными, что выражает неоднозначность их оценки и некоторую растерянность перед обнаружившимися последствиями.³

В стремлении создать привлекательный образ для потенциальных союзников и потенциальных граждан, прибывающих, по преимуществу из пост-колониальных стран Африки, а также из беднейших и неблагополучных стран Ближнего Востока и Азии, Европейский Союз объявил о приверженности концепции мультикультурализма. Эта концепция в отличие от «плавильного котла» США подразумевала «единство в многообразии» – некое мозаичное устройство общества, где каждый имеет возможность сохранить свою этнокультурную идентичность и религиозные верования.

Данная стратегия сработала, но своеобразно. Потоки «потенциальных граждан» стали прибывать в Европу и легально, и нелегально, а базисная политика европейского гуманизма не позволяла возвращать нелегалов туда, где им грозила смерть от оружия в военных конфликтах или от голода и жажды

¹ Борко Ю. История развития европейского союза / Ю. Борко, О. Буторина. М.: МГИМО, 2014.

² Давидсон А.Б. Африка и отечественные историки. К 50-летию «Года Африки» // Новая и новейшая история. – 2010. – № 1. – С. 43 – 54.

³ Веретевская А.В. Мультикультурализм, которого не было. Анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств. М.: МГМО-Университет. 2018 – 182 с.

вследствие засухи, или от невозможности прокормить себя и детей из-за отсутствия работы в условиях экономического кризиса.

Таким образом, настоящая работа посвящена следующей **проблеме**: необходимость предотвращения кризисных явлений в политическом управлении этнокультурными и религиозными меньшинствами, наблюдаемых в экономически развитых странах Западной Европы, и связанных со столкновением различных цивилизационных ценностей, носителями которых являются коренные нации, национальные меньшинства и иммигранты.

Целью исследования является анализ стремительно меняющихся тенденций в политике ведущих стран Западной Европы по отношению к этническим, расовым и религиозными меньшинствам, наблюдаемых в период с 1991 г. – года распада Советского Союза и до настоящего времени.

Объекты исследования: ФРГ и Франция, являющиеся в настоящее время локомотивами развития Европейского Союза, а также Великобритания, чьи разногласия с политикой Брюсселя привели к решению этой страны выйти из ЕС.

Предмет исследования: политика ведущих стран ЕС в отношении этнических, расовых и религиозных меньшинств.

Исследовательский вопрос: каковы причины интенсивной трансформации политических стратегий и тактик рассматриваемых стран в отношении религиозных, этнических и расовых меньшинств, наблюдаемой за последние тридцать лет.

Исследовательская гипотеза. В связи с тем, что рассматриваемые страны (ФРГ, Франция, Великобритания) с конца 1980-х годов декларируют себя сторонниками концепции мультикультурализма, но уже к 2010 г. расписались в полной ее несостоятельности, а в мире, тем не менее, существуют примеры вполне удачной реализации этой прогрессивной концепции (в первую очередь в переселенческих странах, таких как Канада, Австралия, Новая Зеландия), можно предположить наличие скрытых политических факторов – общих или индивидуальных для данных стран, – которые препятствуют реализации политики бесконфликтного управления национальными, расовыми и религиозными меньшинствами.

Ожидаемые результаты. Проведенное исследование позволит выявить факторы, препятствующие эффективной реализации политики бесконфликтного управления национальными, расовыми и религиозными меньшинствами в рассматриваемых странах.

Методы исследования: методы сравнительного и ситуационного анализа¹. Сравнительный анализ позволяет четко выделить политическое явление и определить его сущность. Ситуационный анализ дает возможность, основываясь на анализе реальных политических ситуаций, установить тенденции, закономерности и факторы, определяющие их развитие, а также оценивать эффективность избранных стратегий и тактических решений в политическом управлении.

¹ Дегтярев А.А. Прикладной политический анализ / М.: МГИМО (У) МИД РФ. 2010.

В рамках настоящей работы, в ходе проведения исследования по **проблеме** предотвращения кризисных явлений в политическом управлении этнокультурными и религиозными меньшинствами, обостряющихся в последнее время в экономически развитых странах Западной Европы, и отвечая на поставленный **исследовательский вопрос** о причинах интенсивной трансформации политических стратегий и тактик в отношении религиозных, этнических и расовых меньшинств, наблюдаемой за последние тридцать лет на примере трех стран – ФРГ, Франции, и Великобритании, – были сформулированы и последовательно решены три задачи, способствующие достижению цели исследования.

1. Анализ причин, приведших к резкому изменению религиозного, этнического и расового состава населения рассматриваемых стран за указанный период позволил выделить следующие значимые факторы:

- все три рассмотренные страны длительный период времени (на протяжении нескольких веков) политически формировались как монокультурные государства с наличием доминирующей нации (с долей среди общего населения, превышающей 95%), подавляющей этнокультурную самобытность всех прочих национальных и религиозных меньшинств;

- снижение показателей рождаемости коренного населения и бурный экономический рост западноевропейских стран, наблюдаемый после окончания Второй мировой войны и продолжающийся до кризисных 2010-х годов, потребовали привлечения трудовых ресурсов извне. Так началась волна иммиграции «Юг-Север», и с ней в рассматриваемые страны Западной Европы стали прибывать представители иной цивилизационной принадлежности, расы, этнокультурных традиций, верований и пр., что поначалу рассматривалось как явление временное и легко устранимое. Трудовые мигранты считались «гостями», которым рано или поздно нужно будет вернуться домой. Подобное практиковалось и раньше (в конце XIX в. и до середины XX в.), но имело вид более жестко контролируемый и безапелляционный, когда, например, национальный и расовый состав иммигрантов ограничивался специальным перечнем; они лишались прав свободно перемещаться по стране и воссоединяться с семьями; им ежегодно предписывалось пересекать границу, во избежание того, что они получат официальное право претендовать на гражданство, или, напротив, запрещался выезд на родину в условиях назревающих военных действий и т. д. Но принятие Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека, поборником которой заявил себя Совет Европы, приняв Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, а также основав в Страсбурге Европейский Суд по правам человека, принудило страны Западной Европы принять меры по защите прав иммигрантов, не пожелавших покинуть гостеприимное государство. А таких оказалось большинство, потому что стать трудовыми мигрантами людей заставляли плохие экономические условия у себя на родине, но эти условия со временем к лучшему не менялись. Так они приобрели права проживать совместно со своими семьями и подавать на гражданство принимающей страны по истечении оговоренного законом срока пребывания на ее территории (например, в ФРГ в настоящее время он составляет пять лет), а их дети

становятся гражданами по праву рождения (принцип *jus soli*). Кроме того, семьи иммигрантов, как правило, характеризуются более высокой рождаемостью, поэтому доля граждан с иммигрантским прошлым неуклонно растет.

- Еще одна мощная волна иммиграции «Восток-Запад» возникла в ответ на роспуск в начале 1990-х годов блока советских государств (стран СЭВ и Варшавского договора) и распада Советского Союза, что помимо всего прочего инициировало ряд разрушительных действий военно-политического блока стран НАТО в Югославии и на Ближнем Востоке в последующие пятнадцать лет. Подавляющее большинство стран ЕС входило тогда (и входит теперь) в этот блок, поэтому из пострадавших регионов (в том числе из Афганистана, Ирака, Ливии, Сирии) в Европу потянулся нескончаемый поток беженцев, спасающихся от ужасов разрухи и гражданской войны. К легальным беженцам присоединились и беженцы нелегальные (большой частью темнокожие), чье происхождение зачастую остается неизвестным, а главной движущей силой которых является расчет на меры социальной поддержки процветающих европейцев. Пик волны беженцев пришелся на 2015–2016 годы, после чего рассматриваемые государства перешли к ужесточению иммигрантской политики. Но, тем не менее, порядка 0,1–0,3 млн. беженцев ежегодно прибывает в каждую из этих стран. И это только официальные цифры, неофициальные – значительно выше.

- Снятие ограничений на перемещение внутри ЕС для граждан стран, входящих в состав Евросоюза, привело к процессам трудноконтролируемой внутренней миграции, когда выходцы из менее благополучных стран Восточной Европы переезжали жить и работать в более благополучные страны Западной Европы. Так, например, в Великобритании в 2020 г. доля внутренних мигрантов среди общей массы жителей с иммигрантским прошлым достигала 50 %.

Сравнивая перечисленные условия в странах, взятых в качестве объектов исследования – ФРГ, Франции и Великобритании, – можно сделать вывод о том, что во всех этих странах они протекали более или менее одинаково и привели к равноценным результатам:

- 1) В чрезвычайно краткие сроки по историческим меркам – всего лишь за пятьдесят лет, этнокультурный состав населения подвергся резким переменам. В Германии и Франции доля коренного населения упала примерно с 95 % до 75 % (хотя официальная статистика предпочитает записывать граждан с иммигрантским прошлым как представителей титульной нации)¹. В Великобритании падение оказалось менее значительным – с 95 % до 86,7 %, но стремление иммигрантов селиться в крупных городах привело, например, к тому, что в настоящее время в столице страны – Лондоне – коренные жители составили менее 50 % от его населения.

- 2) Иммигранты предпочли для жительства крупные города, заселяя, в основном, их беднейшие районы (которые со временем приобрели вид, напоминающий гетто) и пригороды.

¹ Погорельская С.В. Германия и мультикультурализм // Актуальные проблемы Европы сб. науч. тр. / Ин-т науч. информ. по обществ. наукам // М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2011. № 4. С. 79–117.

3) Второй по численности религиозной конфессией после христиан во всех трех странах стал ислам, который исповедует примерно 5 % населения (хотя по некоторым оценкам все же больше – порядка 8 %), а количество построенных мечетей уже исчисляется тысячами. Исламские экстремисты в настоящее время являются главными возмутителями спокойствия во всей Западной Европе, но особенно острые столкновения с властями и коренным населением наблюдается во Франции, хотя и в Германии ситуация оставляет желать лучшего.

4) Такое резкое изменение состава населения привело к тому, что монокультурные государства стремительно преобразились в поликультурные, будучи к этому абсолютно неподготовленными.

Оценивая различие в этнокультурном составе между рассматриваемыми тремя государствами, можно отметить, что оно, прежде всего, состоит в последствиях того исторического опыта, который был пережит ими в период их формирования и расцвета. Все три государства были колонизаторскими, поэтому у каждого из них, как у бывших метрополий, сохранились устойчивые связи со своими бывшими колониями, и это повлияло на предоставление преимуществ иммигрантам из ранее колонизируемых стран. Сыграло свою роль и наличие иных налаженных связей с государствами, не входящими в состав ЕС, например, Германии и Франции с Турцией.

Тем не менее, в последнее десятилетие во Франции и Германии наблюдается ухудшение обстановки с некоторыми заметными иммигрантскими этнокультурными меньшинствами, что особенно характерно для турок, отток которых наблюдается в Германии, и евреев, подвергающихся нападениям со стороны мусульманских экстремистов, – их отток наблюдается и в Германии, и во Франции.

2. Трансформация стратегий и тактик политического управления этническими, расовыми и религиозными меньшинствами в ФРГ, Франции и Великобритании за рассматриваемый период состояла в следующем:

- Западная Европа на протяжении шести или семи последних веков, вплоть до середины XX века, играла роль мировой культурной доминанты и генератора идей во многих областях – религиозной, экономической, гуманитарной, социально-политической и пр. Это сформировало у европейцев (преимущественно германской группы) взгляд на себя как на цивилизованных воспитателей человечества и взгляд на других, как на воспитуемых, среди которых умозрительно выделялись классы: во-первых, недоцивилизованных и, во-вторых, неполноценных, разлагающе-безнадежных (нем. *Untermensch*¹). Несмотря на то, что подобный взгляд на человечество составил основу нацистской идеологии и был осужден всем мировым сообществом после

¹ Философско-антропологический термин, который ввел американец Лотроп Стоддарт, в 1923 г. в своей работе «*The Revolt Against Civilization: The Menace of the Under-Man*» («Бунт против цивилизации: угроза недочеловека»), направленной против коммунизма в СССР, но из-за активного использования в фашистской пропаганде, получивший известность не в английской, а в немецкой транскрипции, происходя от слов *Unter* – «под» и *Mensch* – «человек», что все вместе означает «недочеловек».

окончания Второй мировой войны, в последнее десятилетие в ООН появились страны, которые регулярно голосуют против резолюций Генеральной ассамблеи, осуждающих героизацию нацизма и неонацизм¹, а комитет по демократии, правам человека и гуманитарным вопросам Парламентской ассамблеи ОБСЕ не раз уже отклонял резолюцию о борьбе с неонацизмом. Все это говорит о том, что, по крайней мере, ощущение этнокультурного превосходства присуще западным европейцам до сих пор, и оно определенным образом влияет на национальную политику ЕС и входящих в него государств в целом. Кроме того, цивилизационное доминирование теперь именуется *Soft Power* – мягкая власть, и рассматривается как инструмент, обеспечивающий глобальное геополитическое доминирование определенного государства или союза государств даже в тот период, когда традиционными способами (путем дипломатии, военного или экономического подавления) его добиться не удастся.

- до конца 1980-х годов по отношению к этнокультурным и религиозным меньшинствам в рассматриваемых странах применялись традиционные политические стратегии управления, такие как естественная или принудительная ассимиляция тех меньшинств, которые, по представлению политических элит, были способны ассимилироваться и сегрегации тех меньшинств, которые к этому не были способны (примером тут могут служить евреи, славяне и цыгане, а также католики в англиканском государстве или протестанты в католическом). Эти стратегии реализовывались также длительный период времени и нередко сопровождались вооруженными конфликтами.

- Распад СССР и всего блока социалистических стран в начале 1990-х годов привело к нарастанию вооруженных межнациональных и межэтнических столкновений не только на постсоветской территории, но и по всему миру в целом. Это привело страны ЕС, уже переживавшие ранее конфликты на почве межцивилизационных и межрелигиозных разногласий, к осознанию необходимости выработки такой политики управления этнокультурными и религиозными меньшинствами, которая была бы способна предотвращать или сглаживать подобные конфликты. Учитывая положительный опыт переселенческих стран, таких как Канада, Австралия и Новая Зеландия, новой концепцией национальной политики в странах ЕС был провозглашен мультикультурализм.

- Во всех трех странах введены меры государственной поддержки коренных национальностей, признанных национальными меньшинствами на законодательном уровне. Во Франции и Великобритании многие из них получили статус автономии с ограниченными правами политического самоуправления, а в Германии – финансовую поддержку мероприятий

¹ Тадтаев Г. США уведомили Россию об отказе вернуться в Договор по открытому небу // РБК, 2021 // Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/05/2021/60afe1c79a794778ba314ca6>

и учреждений, содействующих сохранению этнокультурных особенностей меньшинств (фестивали, национальные школы, театры и пр.)¹.

- В связи с нарастанием интенсивности эксцессов, исполнителями которых были мусульманские экстремисты, а сами эти эксцессы все больше приобретали вид террористических актов с большим количеством жертв или устрашающе кровопролитных акций, в 2010–2011 годах лидеры всех трех государств – ФРГ, Франции и Великобритании – заявили о полном провале политики мультикультурализма.²

- Главной причиной провала политики мультикультурализма лидеры государств назвали утрату или размытие национальной идентичности, основанной на культивируемых либерально-демократических ценностях. А в качестве меры по исправлению ситуации провозгласили необходимость возврата к доминирующему положению национальной культуры: в Германии – немецкой; во Франции – французской республиканской; в Великобритании – британской. Фактически это означало возврат на первоначальные позиции в условиях существенно усугубившейся ситуации.

Однако стратегия мультикультурализма в рассмотренных странах была только продекларирована, но по существу не реализовывалась, так как ни одно из действий, предписываемых основоположниками теории мультикультурализма, в них осуществлено не было. Политика в отношении иммигрантов сосредоточилась лишь на их трудовой интеграции в гражданское сообщество, а их интеграция в культурное пространство принимающей страны, и тем более, сопричастность к формированию общего блага фактически были проигнорированы. Исключение здесь составила Великобритания, политические власти которой сделали ряд шагов, которые можно считать подготовительными для реализации стратегии мультикультурализма. Но они остановились на полпути, проведя с иммигрантскими диаспорами тайные переговоры и не получив легитимного консенсуса всего гражданского общества в целом³.

3. Критический анализ тактических решений по реализации стратегии мультикультурализма в рассматриваемых странах – ФРГ, Франции и Великобритании, – велся на основе теоретических положений, разработанных в трудах Ч. Тейлора, У. Кимлика, А.В. Веретевской и других. А также сравнением политики, реализуемой в данных странах, с политикой переселенческих стран, успешно реализовавшими данную стратегию на практике.

Результат анализа полностью подтвердил первоначально выдвинутую гипотезу о наличии факторов, препятствующих эффективной реализации стратегии мультикультурализма в перечисленных западноевропейских странах.

¹ Taylor C. *Multiculturalism and the Politics of Recognition*. Princeton: // Princeton University Press, 1992.

² Кондратьева Т.С. Великобритания: Провал политики мультикультурализма//Актуальные проблемы Европы, 2011. С. 35–77

³ Koopmans R., Statham P. Challenging the Liberal Nation-State? Postnationalism, Multiculturalism, and the Collective Claims Making Migrants and Ethnic Minorities in Britain and Germany // *American Journal of Sociology*, 1999. № 105(3). Pp. 652–96. P. 691.

Среди них можно выделить факторы, общие для всех трех государств, и факторы индивидуальные, характерные для отдельных стран.

Так, **общие факторы** состоят в следующем:

- доминирующее население рассматриваемых стран не готово согласиться с тем, что их государство стало поликультурным;

- гражданское сообщество указанных стран не обладает пониманием того факта, что явный или неявный отказ индивидууму в сохранении его этнокультурной идентичности представляет собой еще одну форму политической дискриминации, что генерирует протест и отторжение навязываемой иной идентичности;

- у правящих элит отсутствует политическая воля начать открытую дискуссию по проблемам сохранения этнокультурной и религиозной идентичности каждого гражданина с целью достижения общественного консенсуса;

- иммигранты и их потомки представляют основную статью прироста населения принимающих стран, вместе с тем они, как правило, занимают самые низкие социальные позиции и самые малооплачиваемые трудовые места. Отсутствие социальных лифтов или возможности обратиться к достойным источникам поддержки (например, к своей диаспоре), приводит к закреплению их бедственного положения, результатом чего является их постепенная маргинализация, крайняя неразборчивость в выборе средств для облегчения своего экономического положения (криминализация) или обращение к ценностям, не связанным с материальным миром;

- отторжение гражданским сообществом этнокультурной особенности индивидуума подталкивает его к объединению с себе подобными и созданию параллельных социальных структур, наиболее полно отвечающих его этнокультурным и религиозным запросам. Государство не имеет рычагов управления такими параллельными структурами, где большую роль играют экстремистские и криминальные лидеры, а значит, оно неизбежно теряет контроль над ситуацией, постепенно погружаясь в хаос. Особенно остро дело обстоит с мусульманскими общинами, не принимающими либеральных ценностей.

- Реализуемая политика данных стран в управлении этнокультурными и религиозными меньшинствами оказалась неспособна сформировать у вновь приобретенного члена социума из числа иммигрантов патриотизма, как главной объединяющей ценности мультикультурного государства.

Индивидуальные факторы состоят в следующем:

В действительности стратегии, реализуемые в рассмотренных странах представляют собой комбинацию стратегий ассимиляции и «мягкой сегрегации». В меньшей степени это относится к Великобритании, где способность к переговорам с диаспорами для достижения баланса интересов оказалась выше, хотя и в некой тайной, конспиративной форме. Для Франции оказались характерными элементы стратегии «плавильного котла», но в очень далекой от теоретического идеала форме (как и в США, где эту стратегию

называют теперь «миской салата»). ФРГ до сих пор с большим трудом отказывается от идеи сегрегации чужестранцев, не желающих становиться «немцами».

Во Франции в последние годы ситуация с иммигрантами-мусульманами накалилась до такой степени, что страна оказалась на пороге гражданской войны, и даже военные готовы взяться за оружие, чтобы отстаивать идеалы французской республики. Причиной стал полный запрет на проявление индивидуальной этнокультурной и религиозной идентичности в общественной жизни, а частную жизнь государство не контролирует и ею не управляет. Поэтому результаты, в целом, оказались похожи на те, что наблюдаются с турками в Германии, где выстроенные ими параллельные структуры получили вид настоящих самоуправляемых анклавов, но ситуация обостряется в связи с культурными особенностями самой Франции, где провозглашенный национальный девиз «Свобода. Равенство. Братство» относится только к тем, кто способен стать «французом» или убраться прочь¹.

Несмотря на то, что во всех трех странах реализуются меры государственной поддержки коренных жителей, относящихся к национальным меньшинствам, удовлетворенности этими мерами у самих меньшинств нет. Они продолжают добиваться либо увеличения политических прав по примеру самых широких автономий, либо тяготеют к самоопределению. В британской Шотландии, на французской Корсике и в регионе Гранд-Эст, поглотившем Эльзас и Лотарингию, действуют сепаратистские движения, объединяемые организациями по типу Фронтов национального освобождения. Пока что они не достигают желаемого, однако в случае политических потрясений могут внести свою лепту в развал государства.

Выделенные общие факторы в той или иной мере свойственны всем государствам ЕС, где политика мультикультурализма признается провальной, но ФРГ, Франция и Великобритания являются наиболее влиятельными и экономически развитыми странами Западной Европы с богатым и сложным опытом в управлении этнокультурными и религиозными меньшинствами. Эти три страны переживают в настоящее время глубокий кризис политического управления национальными меньшинствами и диаспорами иммигрантов различного этнокультурного происхождения. Они одновременно и типологичны для Западной Европы и разнообразны по своему национальному составу и историческому опыту. Они доминируют и в регионе, и в ЕС, и в мире, поэтому кризисные явления, которые они переживают, в перспективе могут сказаться на всем международном сообществе, в том числе и на нашей стране.

Кризисные явления в политике требуют незамедлительного принятия решений по их предотвращению, что подразумевает выбор определенных стратегий и разработки конкретного плана тактических действий. Однако за последние тридцать лет цивилизационный кризис в рассмотренных странах не

¹ Новоженова И.С. Французская модель интеграции иммигрантов и мультикультурализм // Актуальные проблемы Европы сб. науч. тр. // Ин-т науч. информ. по обществ. Наукам // М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2011. № 4. С. 79–117.

только не погашен, но даже усилился, и в выборе мер по его погашению не прослеживается ни системности, ни преемственности. Напротив, эти действия производят впечатление хаотичности и непродуманности, что приводит к неутешительным перспективам углубления и расширения кризиса, вплоть до угрозы возникновения гражданской войны на фоне усиления позиций политических объединений националистического толка.

Литература

1. *Борко Ю.* История развития европейского союза / Ю. Борко, О. Буторина. – М.: МГИМО, 2014.
2. *Веретевская А.В.* Мультикультурализм, которого не было. Анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств. // М. МГМО-Университет, 2018. – 182 с.
3. *Давидсон А.Б.* Африка и отечественные историки. К 50-летию «Года Африки» // Новая и новейшая история, 2010. – № 1. – С. 43–54.
4. *Дегтярев А.А.* Прикладной политический анализ // М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2010.
5. *Кондратьева Т.С.* Великобритания: Провал политики мультикультурализма // Актуальные проблемы Европы, 2011. – С. 35–77.
6. *Новоженова И.С.* Французская модель интеграции иммигрантов и мультикультурализм // Актуальные проблемы Европы сб. науч. тр. // Ин-т науч. информ. по обществ. Наукам // М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2011. – № 4. – С. 79–117.
7. *Погорельская С.В.* Германия и мультикультурализм // Актуальные проблемы Европы сб. науч. тр. / Ин-т науч. информ. по обществ. Наукам // М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2011. – № 4. – С. 79–117.
8. *Тадтаев Г.* США уведомили Россию об отказе вернуться в Договор по открытому небу // РБК, 2021 // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/05/2021/60afe1c79a794778ba314ca6>
9. *Coopmans R., Statham P.* Challenging the Liberal Nation-State? Postnationalism, Multiculturalism, and the Collective Claims Making Migrants and Ethnic Minorities in Britain and Germany // American Journal of Sociology, 1999. – № 105 (3). – Pp. 652–96. – P. 691.
10. *Taylor C.* Multiculturalism and the Politics of Recognition. Princeton: // Princeton University Press, 1992.

Приложения

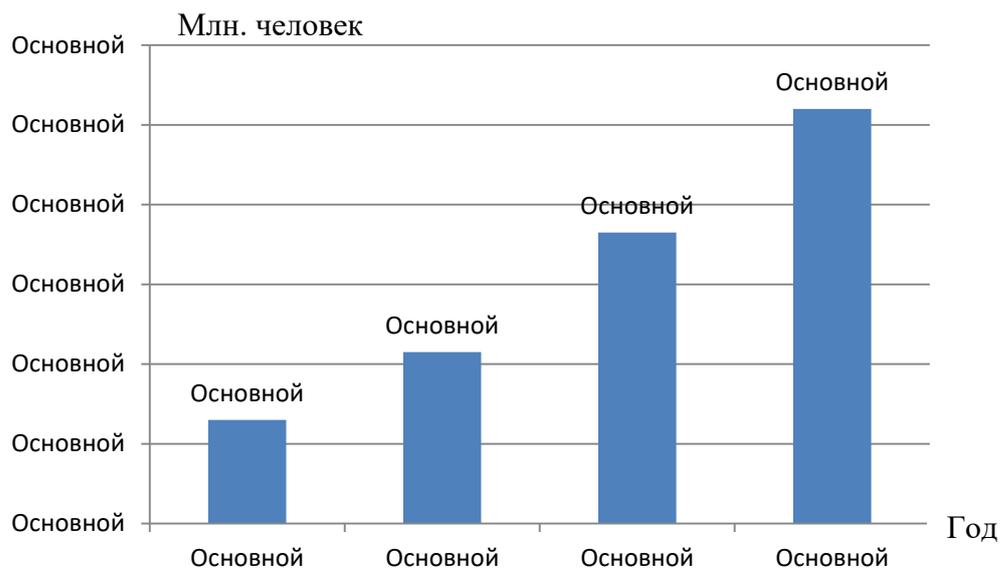

Рис. 1. Рост численности иммигрантов в ФРГ, наблюдаемый за последние пятьдесят лет¹

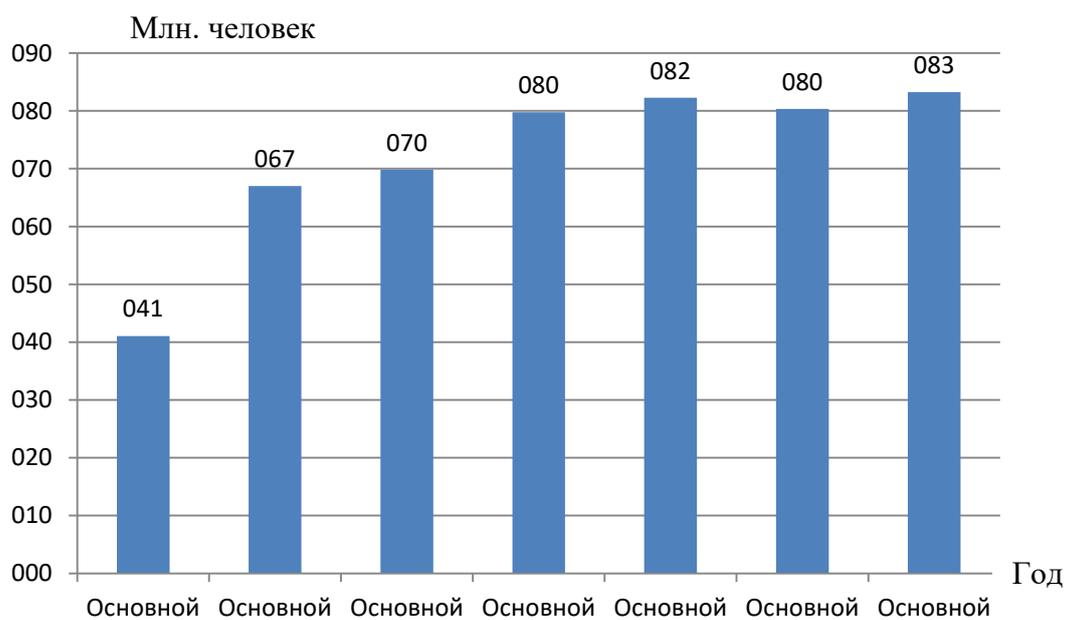

Рис. 2. Изменение численности населения объединенной Германии за период 1871–2020 г.г.

¹ Построено на основании данных Росстата
<https://rosinfostat.ru/naselenie-germanii>

Таблица 1

Религиозная принадлежность жителей ФРГ
(по данным за 2020 г.)¹

Религиозная принадлежность	Млн. человек	Доля от общего количества, %
Протестанты	21,0	26,0 %
Католики	23,0	28,5 %
Мусульмане	4,5	5,6 %
Буддисты	0,27	0,3 %
Свидетели Иеговы	0,17	0,2 %
Иудеи	0,09	0,1 %
Индуисты	0,1	0,1 %
Без религиозной конфессии	31,7	39,2 %
Всего	80,83	100,0

Таблица 2

Количество лиц, проживающих в ФРГ,
с наличием и без наличия гражданства
(по данным за 2019 год)

Гражданство	Млн. человек	Доля от общего количества, %
Иностранцы	10,4	12,5 %
Граждане Германии	72,8	87,5 %
Всего	83,2	100,0 %

¹ <https://visasam.ru/emigration/religiya/religiya-germanii.html>

Количество лиц, проживающих в Германии,
с миграционным фоном, с учетом стран происхождения
(по данным за 2020 год)¹

Страна	Млн. человек	Доля от общего количества, %
Афганистан	0,30	1,4 %
Болгария	0,31	1,5 %
Китай	0,19	0,9 %
Греция	0,45	2,1 %
Италия	0,87	4,1 %
Казахстан	1,25	5,9 %
Польша	2,24	10,5 %
Румыния	1,02	4,8 %
Россия	1,39	6,5 %
Сирия	0,84	4,0 %
Чехия	0,21	1,0 %
Турция	2,82	13,3 %
Украина	0,31	1,5 %
США	0,18	0,9 %
Великобритания	0,17	0,8 %
Австрия	0,34	1,6 %
Другие страны	8,36 млн.	39,3 %
Все страны	21,25 млн.	100 %

¹ По данным *International Migration Database*
<https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MIG>

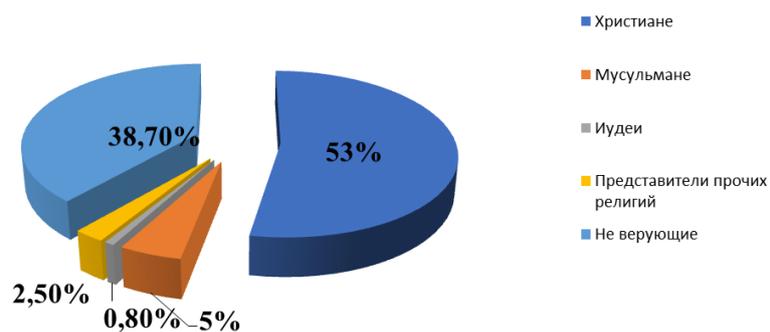

Рис. 4. Численный состав религиозных конфессий Франции на 2020 г.

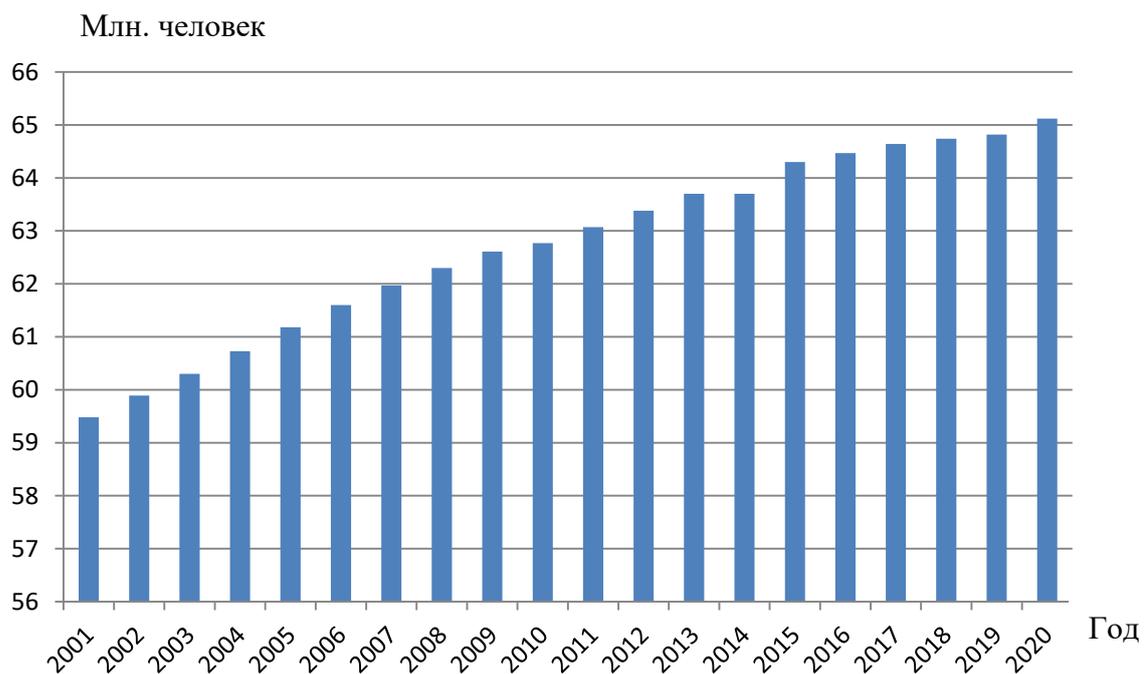

Рис. 5. Прирост населения Франции за 2001–2020 годы¹

Таблица 4

Национальный состав Великобритании на 2020 г.

Национальность	Доля в общем населении страны
Англичане	76 %
Шотландцы	5,80 %
Валлийцы	3,10 %
Ирландцы	1,80 %
Индийцы	2,30 %
Пакистанцы	1,90 %
Поляки	0,90 %
Бангладешцы	0,70 %

¹ По данным <https://countrymeters.info/ru/France>

Продолжение табл. 4

Национальность	Доля в общем населении страны
Китайцы	0,50 %
Арабы	0,40 %
Выходцы из стран СНГ	0,30 %
Иранцы	0,10 %
Другие	6,10 %
Всего	100 %

Таблица 5

Религиозные конфессии Великобритании

Религия	Доля приверженцев среди общего населения страны
Христианство	71,1 %
Буддизм	0,4 %
Индуизм	1,3 %
Иудаизм	0,5 %
Ислам	4,4 %
Другие религии	0,7 %
Атеисты или не указали вероисповедания	21,3 %
Народные верования	0,3 %

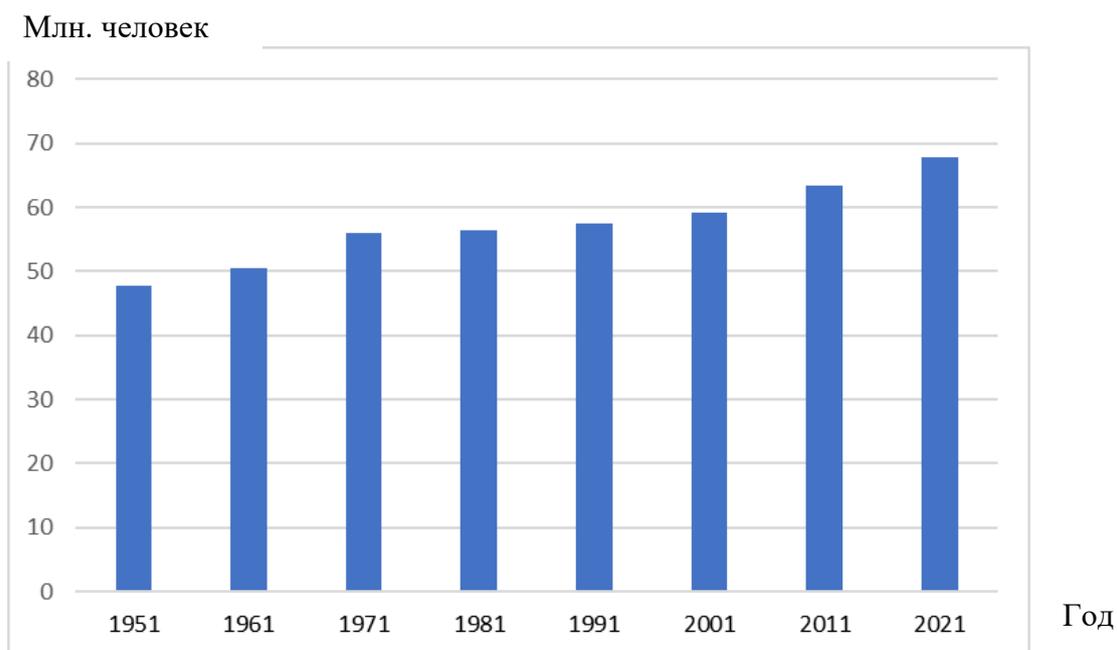

Рис. 6. Рост численности населения Великобритании за 1951–2021 гг.

К анализу интенсивности прироста
населения Великобритании за последние тридцать лет

Период	Прирост численности населения, млн. чел.
1991–2001 г.г.	1,7
2001–2011 г.г.	4,1
2011–2021 г.г.	4,6

**РОЛЬ СМИ В ОСВЕЩЕНИИ КОНФЛИКТОВ НА ГРАНИЦЕ
КЫРГЫЗСТАНА И ТАДЖИКИСТАНА**

Турдубаева Сезим Торубаевна

*старший преподаватель кафедры социологии и социальной работы КНУ
имени Ж. Баласагына (Кыргызстан), участница стипендиальной программы
для молодых ученых Правительства Польши 2021/2022*

Аннотация. В статье рассматривается роль СМИ, социальных сетей и мессенджеров в освещении возникающее в последнее время спорных и конфликтных моментов по вопросам определения (делимитации и демаркации) кыргызско-таджикской границы. Также анализируется негативное влияние недостоверной информации на общественное сознание, во время конфликтных ситуаций на приграничных районах Кыргызстана и Таджикистана.

Ключевые слова: межэтнические отношения, СМИ, масс медиа, фейк, информация, толерантность, этничность, конфликт, спорные вопросы, социальные сети, освещение.

Недавнее обострение конфликта в зоне Исфара-Баткен внесло серьезные изменения в таджикско-кыргызских отношениях. Прежде всего потому, что выявило ряд отрицательных тенденций, которые еще недавно выглядели незначительными и маловероятными. На сегодня среди стран Центральной Азии продолжают существовать регионы, в которых проходят время от времени вспыхивают межэтнические конфликты на почве не решенных трансграничных вопросов. Следовательно, возникает необходимость поиска оптимальных механизмов и эффективных путей преодоления этих спорных и конфликтных вопросов. В целом общество добрососедских стран нуждается в толерантных и мирных подходах в решении данной проблемы. Поскольку в условиях современных вызовов глобализации, регион может противостоять к этим мощным вызовам только объединившись и решая внутри региональных спорных, территориальных вопросов исходя из добрососедских отношений. Так характеристика определения толерантности в Преамбуле Устава ООН звучит следующим образом: «Проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг

с другом, как добрые соседи»¹. В рамках данной статьи анализируются майские события 2021 года, который случился на кыргызско-таджикской границе. Как известно, протяженность кыргызско-таджикской границы составляет 970–980 километров, из которых на сегодняшний день делимитированы и демаркированы пока только 519.² В последние годы между спорными участками границы Кыргызской Республики и Таджикской часто возникают спорные моменты вопросы в последствии перерастающий в конфликты: из-за природных ресурсов, незаконного пересечения границы и межэтнических разногласий. Самый масштабный конфликт на межэтнической почве произошел в конце апреля – начале мая 2020 года.

В регионе существуют десятки межхозяйственных каналов, водные ресурсы, которые совместно используются не только таджиками и кыргызами, но и другими странами Центральной Азии. Но по сей день, между Исфаринским государственным управлением водного хозяйства и Баткенским районным управлением водного хозяйства нет полноценных договоров об урегулировании водных ресурсов, и взаимоотношения между сторонами складываются на основе устной договоренности и через взаимные уступки³. Причины подобных конфликтов часто – в разделе общих ресурсов: питьевой и поливной воды, земель для орошения и пастбищ. К примеру, водозабором «Головной» в селе Кок-Таш Баткенского района Кыргызстана пользуются как киргизы, так и таджики. Он находится недалеко и от таджикского анклава Ворух, где проживают около 35 тысяч таджикстанцев (рис 1).

Кыргызское село Кок-Таш

Рис. 1. Граница Кыргызстана и Таджикистана

¹ Преамбула Устава Организации Объединённых Наций.

² <https://rus.azattyk.org/a/31349076.html>

³ Потенциал для мира и угрозы конфликтов: Анализ развития приграничных сообществ Исфаринского района Таджикистана (дж. Ворух, Чорку, Сурх и Шураб) и Баткенского района Кыргызстана (Ак-сай, Ак-Татыр и Самаркандек) (стр. 10)

Конечно же, каждый осознанный гражданин обеих стран, особенно простые жители сел этих приграничных территорий хотят спокойной, мирной и безопасной жизни. И, эти природные ресурсы которые не могли разделить между собой граждане, превращает неделажки в межэтнический конфликт. Как нам известно история на границе Кыргызстана и Таджикистана многолетняя, ведь после распада СССР таких спорных моментов приграничными республиками было не мало, но последние события привлекли за собой гибели людей и немалый материальный ущерб.

Так, существенную роль в решении приграничных вопросов и в развитии трансграничных сообществ играет потенциал властей и компетентность сотрудников в анализе, управлении и предотвращении конфликтов. Участвовавшие случаи приграничных инцидентов свидетельствуют о слабости потенциала властей, как на районном уровне, так и на уровне местного самоуправления по выявлению, прогнозированию и предупреждению конфликтных ситуаций, ведению переговорного процесса, а также по трансформации и разрешению конфликтов¹. Тем не менее обе страны уже просто в силу географии имеют друг для друга стратегическое значение. После развала Союза, экономика Кыргызстана строилась во многом как своего рода региональный торгово-транспортный хаб. Основанием для этого служило выгодное географическое местонахождение страны, ее расположение на перекрестке коммуникаций между Китаем и Западом, а также севером и югом Евразии. Именно здесь происходит пересечение геополитических и экономических интересов Бишкека и Душанбе. Так, для Таджикистана хорошие отношения с соседней республикой означают еще один альтернативный выход на китайский рынок; кроме того, через кыргызскую территорию проходит дополнительный транспортный маршрут на казахский и российский рынки. Для Кыргызстана интерес представляет перспектива выхода на транспортные маршруты в южном направлении – в сторону Афганистана и далее на морские порты, торговые и энергетические рынки Южной Азии. Конечно, ввиду нестабильности в Афганистане, реализация крупных проектов в южном направлении еще долго будет оставаться достаточно отдаленной перспективой. В то же время, не следует забывать, что уже сейчас среднеазиатские государства активно используют афганский рынок для поставок различных товаров и энергетических ресурсов. Впоследствии мы имеем печальную статистику так, согласно источникам, на 2 мая 2021 года в результате конфликта погибли 36 и ранено 190 человек с кыргызской стороны. Среди погибших были и дети. Преимущественное большинство погибших и раненых являются гражданские лица. Более 58 тысяч человек эвакуированы из зоны конфликта. По информации на 2 мая 2021 года, всего по Баткенской области были сожжены более 100 объектов, их них 78 жилых

¹ Потенциал для мира и угрозы конфликтов: Анализ развития приграничных сообществ Исфаринского района Таджикистана (дж. Ворух, Чорку, Сурх и Шураб) и Баткенского района Кыргызстана (Ак-сай, Ак-Татыр и Самаркандек) (стр. 13)

домов, 2 школы, 1 ФАП, 1 детский сад, 1 здание ОВД, 3 погранзаставы, 10 АЗС, 8 магазинов¹.

СМИ Таджикистана сообщили о 19 погибших и 87 раненых с таджикской стороны. По мнению главного редактора и основателя медиа группы «Азия-Плюс» Умеда Бабаханова, таджикские СМИ оказались в очень сложной ситуации во время конфликта. «В то время как наши кыргызские коллеги получали информацию от всех официальных структур круглосуточно, мы не получили вообще никакой информации от государственных ведомств – ни от силовых, ни от социальных, ни от политических. Соответственно, большинство таджикских СМИ отработали слабо и не смогли выполнить свою миссию по информированию общества», – говорит он. Таким образом на лицо недостатка достоверной, полноценной и объективной информации о произошедшем конфликте таджикстанскому народу. И это порождает определенный диссонанс общественного мнения². На наш взгляд роль медиа, которые показывали эту ситуацию один из наиболее важных аспектов, ведь от их деятельности зависит спокойствие, терпимость и взаимопонимание людей разных национальностей и конфессий. Именно от того, насколько толерантно или интолерантно, объективно-достоверно создана и озвучена информация в СМИ, во многом зависит представление, взгляды и установки людей на совместное мирное проживание или на межэтнические конфликты. Согласно исследованиям, которые, сами же представители СМИ отмечают, что во время освещения конфликта на границе Кыргызстана и Таджикистана катастрофически не хватало подходов миротворческой, модераторской журналистики³. Конечно, это еще отдельная и нуждающаяся в глубоком исследовании тема. Однако, в данной статье нам хотелось бы особо отметить роль современных блогеров, пользователей социальных сетей и мессенджеров их ответственность, объективность и культуру изложения сложной темы. Все время пока шли столкновения на кыргызско-таджикской границе в информационном пространстве Кыргызстана и Таджикистана было много дезинформации, фейков и несбалансированных новостных сообщений. Как отмечают эксперты с обеих сторон, это в том числе результат того, что в первые дни конфликта наблюдалось мало официальной, объективной, достоверной информации. Не хватало пресс-релизов, а также индивидуальных выступлений от представителей государственных органов обоих государств⁴.

Очень печально, что сегодня существует много дезинформации не только в интернете, но и в серьезных новостных электронных СМИ. Ложная, вводящая в заблуждение информация может негативно воздействовать на сознание аудитории и подорвать различные отношения, социальные нормы, ценности и традиции. Вот почему в нынешних условиях проблема ложных,

¹ <https://rus.azattyk.org/a/31349076.html>

² <https://cabar.asia/ru/kak-smi-i-sotsseti-osveshhali-konflikt-na-granitse-kyrgyzstana-i-tadzhikistana>

³ <https://cabar.asia/ru/kak-smi-i-sotsseti-osveshhali-konflikt-na-granitse-kyrgyzstana-i-tadzhikistana>

⁴ <https://cabar.asia/ru/kak-smi-i-sotsseti-osveshhali-konflikt-na-granitse-kyrgyzstana-i-tadzhikistana>

вымышленных и фальшивых новостей, то есть фейковых новостей, стала одной из самых важных тем в современной медиа сфере.

В подобных ситуациях от СМИ ожидается быстрые реакции в местах, где происходят общественно значимые события, освещения ситуаций, объективно информировать людей о причинах конфликта и о возможных путях выхода из него.

Как пользователи социальных сетей и мессенджеров мы могли быть свидетелями того, как другие активные пользователи социальных сетей освещали конфликт исключительно исходя от субъективного мнения, что в последующем эти же информации распространились по социальным платформам через репосты.

Обычно потребители не всегда сосредоточены на том, является ли информация, которую они получают или передают, объективной или нет. Это приводит к распространению в обществе лжи – фейковой информации. По словам таджикского политолога Парвиза Муллоджанова – появление фейков неизбежно в подобных условиях¹. «Социальные сети и онлайн-пространство сегодня являются таким же полем битвы, как и традиционный театр военных действий. Часть фейков предназначены для международной аудитории, а часть – для внутренней, чтобы сохранить престиж власти, представить ход событий в приемлемым для нее свете», – отметил Муллоджанов².

По словам журналистки, Factchek.kg Асель Сооронбаевой, фейка было очень много. Особенно, в социальных сетях. Было и очернение таджикской стороны кыргызскими пользователями и наоборот. По ее словам, на основе анализа медиа сообщений в самые напряженные дни 28, 29, 30 апреля 2021 года, некоторые телеканалы по старинке выдавали скучные беседы «говорящих голов» в кадре, которые рассуждали о происходящем. Оригинальных материалов практически не было³. Не секрет, что при освещении данной темы необходимо максимально ответственно относиться к приобретенным данным, их аналитике, методам освещения и даже при элементарном выборе слов и выражений. Так насколько были этническими представители медиа?

Поскольку было дублирование информации из социальных сетей, а оригинальных репортажей с места событий не было рассуждать о журналистике конфликта в данном случае не имеет смысла, говорит Сикорская. По ее словам, упоминание этнической принадлежности людей было во многих материалах и очень часто в заголовках. «Некоторые СМИ сообщили о том, что погибший прапорщик в Баткене был «этнический узбек» или о том, что дунгане (подразумевалась дунганская диаспора, как объединение) помогают баткенцам. Насколько нужно и важно было подчеркивать это? Гораздо важнее было положить факты в контекст. Освещение приграничного

¹ <https://cabar.asia/ru/kak-smi-i-sotsseti-osveshhali-konflikt-na-granitse-kyrgyzstana-i-tadzhikistana>

² <https://cabar.asia/ru/kak-smi-i-sotsseti-osveshhali-konflikt-na-granitse-kyrgyzstana-i-tadzhikistana>

³ <https://cabar.asia/ru/kak-smi-i-sotsseti-osveshhali-konflikt-na-granitse-kyrgyzstana-i-tadzhikistana>

конфликта породило вброшенный в информационное пространство стереотип «маленькая победоносная война», которые стали тиражировать многие СМИ», – отмечает она¹.

Согласно исследованиям различных источников в интернет-пространстве, очевиден фигурирующий роль СМИ и его влияние на межэтнические отношения. С такими серьезными конфликтами в приграничных территориях, с гибелями служащих и простых граждан, а тем более судьбы невинных детей в сопровождении немалых материальных ущербов, не говоря уже о беспокойной психологии жителей, нужно принимать меры о этнически ориентированной СМИ.

Журналистика в качестве социальной профессии в условиях межнационального взаимодействия не может обойтись без опоры на положения, выработанные в рамках этносоциологии – изучающей взаимосвязь социальных явлений и процессов с этническими явлениями и процессами². В современном веке интернета начиная от школьного ребенка и до зрелых пенсионеров доступен смартфон практически всем. Как практика показывает представители СМИ и социальных платформ способны проникнуть в человеческое восприятие быстрее чем учебные, воспитательные и культурные учреждения. Конечно представители СМИ сейчас больше доступны в электронном формате, в таких случаях социальные сети и мессенджеры оказывают свою мощнейшую роль в урегулировании или дестабилизации общественного сознания. Исходя из данной ситуации можно понять, что, журналистов или информационных порталов исключительно ориентированные на вопросы этнической журналистики, межнациональных отношений, или лица, где люди, несомненно, могут взять информацию тех же самых социальных страницах и мессенджеров отсутствуют. Ведь если был бы такой канал даже с маленькой аудиторией (подписчики канала), то, другие медиа личности и блогеры, которые, не хотят оставаться на стороне в подобных ситуациях могли бы поделиться достоверной информацией своей многочисленной аудиторией (репост). Конечно, говоря об одном специализированном портале или журналисте не означает, что другие журналисты или медиа могут лишь наблюдать или ждать. Но стоит отметить, что, когда журналист освещает межнациональные отношения в журналистской деятельности, ему важно анализировать общественное мнения по определенному актуальному вопросу.

Между тем, нельзя полагать на данных официальной статистики, которая не отражает реального положения дел. Вступление Кыргызстана в ЕАЭС вызвало резкий рост таможенных тарифов, что сделало официальную торговлю через границы просто невыгодной; в результате бизнес с обеих сторон просто перевел большую часть своих трансграничных операций в нелегальное состояние. Например, почти полностью в тень был переведен экспорт/транзит бензина и энергоносителей из Кыргызстана в Таджикистан. По неофициальным

¹ <https://cabar.asia/ru/kak-smi-i-sotsseti-osveshhali-konflikt-na-granitse-kyrgyzstana-i-tadzhikistana>

² Блохин И.Н. ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЖУРНАЛИСТА

данным, согласно одной из таких нелегальных схем, кыргызские бензовозы сначала доставляли свой товар на заправки, расположенные на кыргызской территории, прямо вдоль дороги, за которой начиналась территория Таджикистана. Ночью на этих же заправках заправлялась таджикские бензовозы, и поток уже вполне легально шел далее по таджикской территории, а возможно, и дальше, транзитом в Афганистан. После 2015 года, по таким схемам, по-видимому, шла уже и значительная часть других товаров, в чем местный бизнес традиционно проявлял незаурядную изобретательность. Так, китайские товары зачастую оформлялись транзитом из Китая через кыргызскую территорию в Таджикистан, а потом поставлялись уже обратно через границу в Баткенскую область. В результате, при таких теневых схемах, основные убытки приходились на бюджеты обеих стран, в то время как реальный объем товарооборота, возможно, не только оставался на прежнем уровне, но и даже возрастал. Подтверждается теория Э. Гелнера¹, согласно которому «национализм – это политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать». Национализм у Геллнера прямо связывается с государством, которое он рассматривает как «необходимое условие национализма», так что «проблема национализма не возникает там, где нет государства». Именно «национализм порождает нацию, а не наоборот». Тезис Геллнера о том, что политические границы должны совпадать с этническими, выступает сегодня как принцип политической организации и приобрел такое значение и силу, какую не имел никогда за всю историю человечества.

Таким образом, несмотря на таможенные барьеры, пандемию и кризис, экономики государств-соседей по-прежнему остаются связанными друг с другом, что оставляет надежду быстрое восстановление и рост объемов экономического сотрудничества в будущем – после того, как нынешний непростой период останется позади. Столкновения на границе в апреле этого года неожиданно переросли в самое масштабное военное противостояние между двумя странами за всю их постсоветскую историю. Это не могло не сказаться на качестве двусторонних отношений. Соответственно, апрельские события приобрели как никогда прежде серьезный общественный резонанс в каждой из стран; многие СМИ и политические группы вдруг начали активно строить в общественном мнении образ врага. Соответственно, конфликт вдруг вышел за рамки межобщинного, сугубо локального конфликта, перейдя на межгосударственный и межнациональный уровни – чего опять же прежде не было.

Одной из первоочередных задач является развитие общего информационного пространства для культур всех этнических групп страны. При этом важно обеспечить понимание и признание этнического многообразия в качестве основы формирования общества и межкультурного диалога и предпринять следующие меры:

– разработка стратегии и планов по охвату кыргызстанскими электронными СМИ территории вещания по всей стране, особенно в зонах

¹ Геллнер, Э. Пришествие национализма. М., 1991. С. 128.

доминирующего вещания другими странами; составление планов развития информационного пространства с учетом многоэтнического состава общества Кыргызстана;

– учет многоэтничности (как в плане содержания программ, так и в плане собственности) в переходе СМИ страны на цифровое вещание; создание предпосылок и усиление мотивации для получения информации через кыргызстанские СМИ гражданами всех этнических групп;

– в планах развития государственных (общественных) СМИ разработать стандарты межкультурной информационной платформы, предусматривающей подачу и потребление информации между языками/культурами этнических сообществ страны;

– стимулировать то же самое в секторе частных СМИ содействие развитию со стороны государства и доноров медиа проектов, инициируемых этническими сообществами; развитие государственных и общественных механизмов по разрешению конфликтов и споров между/внутри СМИ (по вопросам содержания и по вопросам собственности) содействие росту объема контента на кыргызском языке в Интернет.

Литература

1. Геллнер, Э. Пришествие национализма. – М., 1991. – С. 128.

2. Блохин И.Н. ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЖУРНАЛИСТА

3. Актуальные проблемы Центрально-азиатского региона в условиях глобализации / Авторский коллектив: М.Ф. Пухова, А.Б. Элебаева, Б. Турсункулова, Ч.Д. Чотаева, Н.С. Эсенаманова. Под ред. Доктора философских наук, проф. А.Б. Элебаевой. МУК. Институт этнологии. – Бишкек, 2005. – 102 с.

4. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2001. Арутюнов С. Этничность – объективная реальность // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.

5. Потенциал для мира и угрозы конфликтов: Анализ развития приграничных сообществ Исфаринского района Таджикистана (дж. Ворух, Чорку, Сурх и Шураб) и Баткенского района Кыргызстана (Ак-сай, Ак-Татыр и Самаркандек) (стр. 10)

6. Управление этническим многообразием и межэтническими отношениями / Учебное пособие / под общей редакцией профессора Акматалиева А.А. – Бишкек:..... 2012. – 134 с.

7. Преамбула Устава Организации Объединённых Наций.
<https://rus.azattyk.org/a/31349076.html>

8. <https://cabar.asia/ru/kak-smi-i-sotsseti-osveshhali-konflikt-na-granitse-kyrgyzstana-i-tadzhikistana>

9. <https://rus.azattyk.org/a/31349076.html>

**СЕКЦИЯ «ГЕНДЕР, ТЕЛО, ЗДОРОВЬЕ: ПРОБЛЕМЫ
ВОСПРОИЗВОДСТВА СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА
И НЕРАВЕНСТВА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ»**

**ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ
НАСЕЛЕНИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ**

Ершов Андрей Николаевич

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия*

Мишин Виталий Александрович

*Начальник отдела социального обеспечения Государственной Думы
Российской Федерации, Москва, Россия*

Аннотация. Общество изменений продуцирует изменения системных процессов, что неизбежно (через факторы) сказывается на социальном здоровье населения. Если не управлять социальным здоровьем, это может привести к развитию социальных патологий (Э.Дюркгейм, Р.Мертон), поскольку социетальная система сложно адаптируется к быстрым изменениям внешней среды. Управление социальным здоровьем населения предполагает использование социальных технологий, наиболее полно отвечающих целям и задачам управления в изменяющемся обществе.

Ключевые слова: общество изменений, факторы, социальное здоровье населения.

Любое общество находится в динамике, если исходить из понимания философской категории «изменение» как характеристики социального бытия. Отсутствие изменения предполагает смерть общества, его небытие. Следовательно, говоря о социальной динамике, мы подразумеваем бесконечное множество различных состояний обществ, сменяющих друг друга. Мы полагаем, что определенное состояние общества и его отдельных структур позволяет говорить о наличии «изменяющегося общества» или об «обществе изменений». П. Штомпка, давший классическое определение обществу изменений, определил его через «различие между состоянием социальной системы в определенный момент и состоянием той же системы в другой момент, на другом отрезке времени» [1]. При этом главное отличие изменяющегося общества, по его мнению, состоит в том, что современное общество развивается через «разрывы и социокультурные травмы», и этим оно отличается от традиционных обществ, где скорость социальных изменений была низка [2].

Дальнейшее развитие понятие «социальные изменения» получило в рамках модернистских и постмодернистских теорий. Модернистская социология актуализировала такие факторы социальных изменений как ускорение процесса социального развития и усложнение динамики развития.

В рамках теории кибернетики (И.Р. Пригожин) это звучало как свойство социальной материи к саморазвитию [3][4][5]. Получил развитие нелинейный подход к социальным изменениям, предполагающий, не эволюционность, а хаотичность социального развития. Так, синергетический подход к изучению социальных изменений как части органического мира реализовывали в своих работах Г. Хакен [6], Г. Николис [7], И. Пригожин [8]. Ученые полагали, что в социальном развитии наблюдаемы обратные и обратимые процессы, а сам процесс социального развития непредсказуем и обладает спонтанностью [9].

Сквозь призму теорий «общества риска» современное общество как совокупность действий и взаимодействий людей отличается крайней нестабильностью. По мнению У. Бека как одного из родоначальников данной теории, современное общество развивается от кризиса к кризису и находится в постоянной зоне потенциальных рисков, пронизывающих все социальное бытие. Техника и технологии, знание и скорость функционирования информационных потоков делают это бытие непредсказуемым, и вся социальная система находится в зоне потенциального кризиса [10]. Концепт данных теорий позволяет предположить, что в условиях постоянной угрозы рисков социальное здоровье населения также постоянно находится под угрозой, что делает его субъективную оценку весьма нестабильной и условной.

Качество жизни и социальное здоровье населения обусловлено совокупностью факторов, среди которых ведущее место занимают социальные условия жизнедеятельности, в том числе, в сфере труда и отдыха, возможности удовлетворения основных потребностей, в сфере безопасности, в сфере формирования социальных связей и отношений. Те же социальные условия являются ведущими и в процессе влияния на формирование и развитие социального здоровья населения. Обе характеристики – и качество жизни, и социальное здоровье достаточно подвижны и обусловлены социальными и социетальными изменениями. Как видно, между данными понятиями действительно много сходства. Однако, имеются и различия: например, качество жизни позволяет оценить состояние удовлетворенности общества, конкретной социальной группы возможностью удовлетворять свои основные потребности, включая и потребность в саморазвитии личности. Социальное здоровье характеризует состояние, возможностей саморазвития и самоактуализации личности, социальных групп и общества в целом в условиях социальных связей и отношений. То есть, можно говорить о том, что качество жизни понятийно шире, чем социальное здоровье и, пожалуй, включает в себя последнее, поскольку потребностная сфера личности не сводится к саморазвитию и самоактуализации, а включает также и самосохранение, безопасность, удовлетворение других базовых потребностей. Вместе с тем, было бы ошибочным считать социальное здоровье только лишь частью, компонентом качества жизни, поскольку оно выходит за рамки данного понятия хотя бы уже тем, что предполагает формирование социальных связей и взаимодействий, отношений, которые позволяют максимально полно и целостно использовать имеющийся социальный потенциал (индивида, группы, общества), то есть актуализируют социально-коммуникативный

аспект. В категории «качество жизни» актуализируется потребностная сфера группы, общества, но социальные потребности рассматриваются как компонент этой сферы (через потребность в социальности), в то время как в социальном здоровье именно социальные отношения являются его базой, основой. Качество жизни свидетельствует об определенном цивилизационном развитии, однако не позволяет говорить о достижении широких социальных интересов в общественном развитии. Именно социальное здоровье позволяет диагностировать наличие соответствия состояния общественного развития целям данного развития через актуализацию и использование способностей и возможностей социального субъекта воспроизводить своё бытие посредством социальных связей и отношений.

Для дальнейшего разграничения и соотнесения данных понятий мы будем придерживаться мнения, что качество жизни выступает одним из факторов социального здоровья населения, и фактором немаловажным. В этой связи, кратко остановимся на характеристике эволюции данного понятия в социологической науке. Одним из основоположников его явился американский экономист и социолог Дж. Гэлбрейт, в своей работе «Общество изобилия» предложивший его трактовку через возможность потребления благ и услуг [11]. В разрезе общества потребления рассматривал качество жизни и У. Ростоу [12]. Э. Тоффлер [13] также придерживался схожей трактовки, но расширил потребностную сферу до уровня духовных потребностей личности [14], такой же позиции придерживался Р. Арон. Р. Инглегарт одним из первых зафиксировал корреляцию между уровнем экономического развития страны, государства и уровнем удовлетворенности жизнью [15].

Далее получают развитие так называемые «компонентные» теории качества жизни, предусматривающие дробление базового понятия на конкретные эмпирически измеряемые индикаторы. К примеру, получили распространение социально-психологические теории, акцентирующие внимание на аффективных и когнитивных компонентах рассматриваемого явления (Э. Эбби и Ф. Эндрюс) [16], а также социально-экономические теории, во главу угла ставящие индикаторы социально-экономического благополучия. Данный («компонентный») подход к исследованию качества жизни населения стал популярен и в нашей стране, – одними из главных теоретиков здесь явились С. Айвазян [17], В. Бобков [18] и П. Мстиславский [19], М.А. Нугаев и его школа [20]. Исследования последних лет позволяют зафиксировать тенденцию: среди индикаторов качества жизни преобладают субъективные, а именно – степень удовлетворенности населения определенными жизненными параметрами. Подобную систему индикативной оценки предложили, например, С.А. Айвазян, М.А. Нугаев [21].

Таким образом, качество жизни в совокупности объективных и субъективных индикаторов является фактором формирования и развития социального здоровья населения, поскольку создает основу для оценки общего развития потребностной сферы социальных субъектов и степени ее удовлетворения в данных вполне конкретных социокультурных условиях. Далее рассмотрим другие факторы формирования и развития социального

здоровья населения в изменяющемся обществе, преломив их сквозь призму обозначенной методологии, и определим характер их влияния на социальное здоровье населения в современном российском обществе. Мы вполне согласны с мнением молодого ученого А.С. Москвич в том, что в социологическом изучении феномена социального здоровья особое место занимает факторный анализ, который рассматривает его в системе влияния факторов и условий общественного развития [22].

Для этого ненадолго вернемся к истокам изучения социального здоровья. Отечественный исследователь Ю.П. Лисицын достаточно давно начал заниматься исследованием состояния общественного здоровья, обуславливая его «комплексным воздействием социальных и биологических факторов окружающей среды», среди которых называл, в первую очередь, социально-экономические, демографические, социальные. Однако само понятие «социальное здоровье» нашло недостаточно четкое определение в работах данного автора. Часто данное понятие подменяется понятием «общественное здоровье». Важным, на наш взгляд, явился подход данного ученого, базирующийся на социальной обусловленности состояния социального здоровья: среди всех факторов во главу угла он ставил именно социальную среду, общественно-политические условия жизнедеятельности индивида, группы, общества. Прогрессивным в его исследованиях явилась также возможность и попытка группировки факторов, влияющих на социальное здоровье. Данные факторы Ю.П. Лисицын условно сгруппировал в несколько блоков и определил удельный вес каждого блока (группы) на социальное здоровье. К примеру, на образ жизни и социально-экономические условия оказывают влияние такие факторы как курение, потребление табака, несбалансированное неправильное питание, употребление алкоголя; вредные условия труда, стрессовые ситуации; адинамия, гиподинамия; плохие материально-бытовые условия, потребление наркотиков, злоупотребление лекарствами; непрочность семей, одиночество; низкие образовательный и культурный уровни; чрезмерная урбанизация. Удельный вес данных факторов риска в процессе влияния на здоровье составляет, по мнению исследователя, 49–53 % [23].

Исследователи С.А. Баженов и Н.С. Маликов выделили несколько основных групп факторов как компонентов состояния и развития социального здоровья: трудовая жизнь, потребительская жизнь, духовная жизнь, семейнородовая жизнь [24]. Данная методика легла в основу критериальной оценки качества жизни населения органами государственного и муниципального управления: на ее основе выстроены некоторые социальные стандарты, применяемые при оценке качества жизни региона.

Безусловно, в широком понимании на социальное здоровье населения влияет комплекс социобиогенетических факторов (экзогенных (природных и социальных) и эндогенных (пол, возраст, телосложение, наследственность, раса, тип нервной системы)). Мы, однако отталкиваемся от «социокультурной» трактовки понятия и акцентируем внимание на факторах социальной среды, изменяющейся социетальной системы. В этой связи, определяющими

факторами формирования и развития социального здоровья населения мы считаем те из них, которые обусловлены цивилизационным развитием общества, изменением социетальной системы. Под социетальной системой, в свою очередь, мы понимаем обозначение более высокого уровня организации общества, чем просто понятие «социальный». Сам термин «социетальность» введен в научный оборот социологии Т. Парсонсом в ходе конструирования им теории социальных систем [25].

Итак, все факторы, оказывающие влияние на социальное здоровье населения, нами условно сгруппированы в два класса: общие (сквозные) и специфические. К общим относятся:

1) качество жизни населения в совокупности всех его индикаторов (уровень рождаемости и смертности, инвалидизации населения, благосостояние населения, уровень жизни, занятость и безработица, досуг, безопасность, доступность и качество образования, жилищно-бытовые условия, качество питания, экологическая безопасность, уровень развития социальных болезней (алкоголизм, преступность, наркомания, проституция, бедность)). Данные индикаторы могут быть сгруппированы (укрупнены) в несколько групп, а именно: качество населения, благосостояние населения, социальная безопасность, качество окружающей среды. Данные факторы оказывают влияние на социальное здоровье населения, прежде всего, через удовлетворенность населения возможностью реализации своих базовых и социальных потребностей.

2) социальная стратификация и система распределения статусов и ролей. Данный фактор направляет характер социальных коммуникаций, повышает или снижает значимость определенных социальных практик коммуникации. Проявляется в различных полях – экономическом, политическом, профессионально-трудовом, оказывая воздействие на статусно-ролевую систему и способствуя, тем самым, проявлению и самоактуализации населения в различных сферах жизнедеятельности через возможность построения определенных коммуникативных практик.

3) каналы социальной мобильности. Данный фактор способствует или препятствует формированию социальных связей и отношений, развитию коммуникативных социальных практик в различных сферах жизнедеятельности (интерпретируется через экономическую мобильность, профессионально-трудовую мобильность, политическую мобильность, т. д.).

4) развитие института семьи, брака и родительства; данный фактор оказывает воздействие на процесс развития социальных коммуникаций, значимость семейно-родственных связей и отношений в процессе раскрытия и саморазвития личности в различных сферах жизнедеятельности;

5) развитие и направленность деятельности СМИ. Данный фактор формирует ценностную парадигму, сквозь которую население и отдельные социальные группы, индивиды, воспринимают и формируют (а) практики построения социальных коммуникаций (б) потребности в построении социальных коммуникаций (значимость тех или иных коммуникативных практик);

б) функционирование знаний и информации, степень открытости информационного поля. Данный фактор способствует или препятствует формированию прозрачности социальных коммуникаций, влияет на их интенсивность и значимость, продуцирует определенные социальные практики.

Действие общих факторов осуществляется на каждый из компонентов социального здоровья, в той или иной степени они затрагивают социальное здоровье населения во всех его аспектах.

Подводя итоги, стоит отметить, что общество изменений продуцирует изменения системных процессов, что неизбежно (через факторы) сказывается на социальном здоровье населения. Если не управлять социальным здоровьем, это может привести к развитию социальных патологий (Э. Дюркгейм, Р.Мертон), поскольку социетальная система сложно адаптируется к быстрым изменениям внешней среды. Управление социальным здоровьем населения предполагает использование социальных технологий, наиболее полно отвечающих целям и задачам управления в изменяющемся обществе.

Литература

1. *Штомпка, П.* Социология. Анализ современного общества – М.: Логос, 2008. – С. 455.
2. *Штомпка, П.* Социальное изменение как травма // Социс. – 2001. – № 1. – С. 56–63.
3. *Пригожин, И.Р.* Переоткрытие времени // Вопросы философии. – 1989. – № 8. – С. 78–89.
4. *Пригожин, И.Р.* От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках – М.: Ком Книга/URSS, 2006.
5. *Князева, Е.Н.* Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции – М.: КомКнига, 2007.
6. *Хакен, Г.* Синергетика – М.: Мир, 1980. – 406 с.
7. *Николис, Г.* Познание сложного – М.: Мир, 1990. – 358 с.
8. *Пригожин, И.* Конец определенности – Ижевск: РХД, 2001. – 216 с.
9. *Карпичев, В.С.* Управление социальными изменениями // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. – 2013. – № 1 (19). – С. 130.
10. *Бек, У.* Общество риска: на пути к другому модерну – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
11. *Гэлбрейт Дж.Кн.* Общество изобилия – М., 1968. – С. 26.
12. *Ростоу, У.* Политика и стадии роста / У. Ростоу. – М., 1973. – С. 88.
13. *Тоффлер, Э.* Третья волна – М., 1999.
14. *Тодоров, А.* Качество жизни: критический анализ буржуазных концепций – М., 1960. – С. 96.
15. *Кузнецов, В.Н.* Социология безопасности: учебник – М., 2003. – 430 с.
16. *Анисимов, В.Н.* Приоритетные направления фундаментальных исследований в геронтологии: вклад России // Успехи геронтологии. – 2003. – Вып. 12. – С. 9–27.

17. Айвазян, С.А. Интегральные свойства качества жизни населения (Моделирование, измерение, информационное обеспечение) // Проблемы информатизации. – 1999. – № 2. – С. 56–64.
18. Бобков, В. О программе повышения уровня и качества жизни // Проблемы теории и практики управления. – 1999. – № 6. – С. 56–63;
19. Бобков В. Качество жизни: сущность и показатели // Человек и труд. – 1996. – № 6. – С. 76.
20. Нугаев, Р.М. Теории качества жизни в современной западной социологии // Социол. исслед. – 2003. – № 6. – С. 100–105.
21. Нугаев, М.А. Теоретико-методологические основы исследования качества социального потенциала региона – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2006. – 203 с.
22. Москвич, А.С. Социальное здоровье молодежи как фактор социально-экономического развития региона (на примере Хабаровского края). – С. 16.
23. Лисицын, Ю.П. Концепция человеческого капитала. Медико-экономический аспект // Экономика здравоохранения. – 1998. – № 2. – С. 22–26.
24. Баженов, С.А. Качество жизни населения: теория и практика // Уровень жизни населения регионов России. – 2002. – № 10. – С. 34–42.
25. Парсонс, Т. Система современных обществ – М.: Аспект Пресс, 1998. – 467 с. – С. 187–198.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

**Круль Александра Сергеевна,
Князева Дарина Айратовна**

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия

Аннотация. В статье представлен анализ такого социального явления как «Психологическое здоровье». Изучена природа и степень понимания образования здоровья в системе социальных действий. Можно задать вопрос: есть ли объективные показатели данного понятия или природа психологического здоровья исключительно в ценностном пространстве? Проведено авторское исследование и представлена модель ценностного пространства ЗОЖ и здоровья как компонента систем социальных действий. Методологической основой исследования выступает институциональный анализ и моделирование коммуникативного пространства систем социальных действий (Т. Парсонс, Р. Мертон).

Ключевые слова: здоровый образ жизни, здоровье, социальный институт, социальные практики, ценность.

Для всех людей, психическое, физическое и социальное здоровье являются жизненно важными нитями жизни, которые тесно переплетены и глубоко взаимосвязаны. Поскольку понимание этих отношений растет, становится все более очевидным, что психическое здоровье имеет решающее

значение для общего благосостояния отдельных лиц, общества и страны в целом. К сожалению, в большинстве регионов нашей страны психическим расстройствам не придается такое же значение, как физическому здоровью.

Мы редко задумываемся над тем, что означает слово «здоровье». Для одних – это отсутствие болезней тела или страшных заболеваний. Но в данное понятие входит не только отличное самочувствие или физическое состояние, но также благополучие в эмоциональном и психологическом плане. Психологическое здоровье – это такое взаимодействие с внешним миром, при котором личность ощущает счастье и удовлетворенность, а также гармонию внутри и снаружи, баланс, дающий шанс жить спокойно. Психологическое здоровье представляет собой стабильность работы психики, что дает возможность личности оставаться адекватной в обществе. Но существуют также и разрушающие проявления личности, которые мешают положительным эмоциям, они заставляют человека чувствовать общую неудовлетворенность, обиду, вину. Неадекватность поведения говорит о заболеваниях и отклонениях в психике. Сегодня около 450 (четырёхста пятидесяти) миллионов молодых людей по всему миру страдают от психических или поведенческих расстройств, но лишь незначительное меньшинство из них может получить даже самые основные виды лечения. В развивающихся странах, большинство молодых людей с серьезными психическими расстройствами остаются наедине с их личными проблемами, такими как депрессия, деменция, шизофрения и зависимость от психоактивных веществ. Во всем мире, многие становятся жертвами этих болезней. Если человек нездоров психологически, то он действует по привычным схемам, не желает менять что-то, неправильно воспринимает неудачи, а психологически здоровая личность трезво оценивает всю ситуацию происходящего с ней, ощущает целостность и не считает остальных угрозой для себя. Безусловно, чтобы идти по жизни в верном направлении, требуется сначала узнать собственную личность, собственные слабые места, ресурсы. В этом помогают специальные методики, которые направлены на изучение личности, интеллектуальности, характера. Всё это поможет построить жизненные перспективы, правила, которые способствуют росту и развитию личности, помогают осознать собственные возможности и реально оценить достижения.

А.Я. Иванюшкин предствляет 3 уровня ценности здоровья: 1) биологический – изначальное здоровье предполагает совершенство саморегуляции организма, гармонию физиологических процессов и, как следствие, минимум адаптации; 2) социальный – здоровье является мерой социальной активности, деятельного отношения человека к миру; 3) личностный, психологический – здоровье есть не отсутствие болезни, а скорее отрицание ее, в смысле преодоления. Здоровье в этом случае выступает не только как состояние организма, но как «стратегия жизни человека» [1].

Здоровье определяется как состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только как отсутствие болезней и физических дефектов. Отсюда следует, что все три составляющих тело, душа и общество

тесно взаимосвязаны между собой и влияют на самочувствие и состояние человека. Как правило, уравновешенные, устойчивые к стрессу люди более здоровы и успешны в жизни. Они умеют создавать благоприятный климат в семье, поддерживают высокую активность, у них хватает сил и работать, и заботиться о близких, подавая детям положительный пример. Умение противостоять стрессам, бороться с тревогой, плохим настроением, снижает вероятность развития психосоматических заболеваний, в основе развития которых лежат психологические причины. Это всем известные заболевания сердца и сосудов, инфаркты, инсульты, гипертония, язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки, бронхиальная астма и многие другие.

Психологическое здоровье рассматривается как интегративная характеристика личности, охватывающая как внутренний мир, так и всё своеобразие взаимоотношений с окружением и включающая в себя физический, психический, социальный и духовный аспекты; как состояние равновесия, баланса между адаптационными возможностями человека и постоянно меняющимися условиями среды. Причем, психологическое здоровье не следует рассматривать как самоцель; оно является лишь средством для наиболее полной реализации жизненного потенциала человека.

Совершенно естественным считается то что в обществе наряду с различными системами социальных действий определяются некоторые действия посвященные сохранению здоровья. Такие действия имеют специальные приемы, образ действий, цели. Это социальные практики здорового образа жизни. В современное время это могут быть практики, связанные с системой жизненных координат в рамках традиционной культуры (йога, ушу, цигун) – или техники, рожденные современностью (аэробика, стретчинг, шейпинг и др. Приемы поддержания здоровья могут быть вполне рациональными, иметь обоснование с позиций научной медицины, или же происходить из опыта религиозной жизни.

Психологи выделили некоторые качества, которые позволяют более-менее точно определить качество психологического здоровья.

Психологически здоровые люди:

1. Реально оценивают происходящее вокруг.
2. Воспринимают человека, таким как он есть, без преувеличений.
3. Ведут себя спонтанно, т.е. делают то, что хочется и когда хочется. При этом их поведение может не соответствовать некоторым общепринятым правилам.
4. Не винят себя за ошибки или когда кто-то попадает в неловкие ситуации.
5. Эти люди нуждаются в одиночестве. Они хотят отдохнуть от суеты.
6. Они являются свободными и не любят когда их обременяют.
7. Это духовные люди [2].

Для определения места здоровья в ценностном пространстве молодежи было проведено авторское исследование. Выборка составила 130 обучающихся уфимских высших учебных заведений. Отмечается возрастание ценности здоровья по сравнению с подобными исследованиями, проведенными с 2010 г. [3].

Теперь ценность здоровья занимает 2–3 позиции (на первом месте по прежнему семья). Было предложено определить значение здоровья в жизни и для развития личностных качеств, для карьеры и достижений. 55 % респондентов высказались что «здоровье важнее всего», 20 % определили место здоровью наряду с образованием, отношениями, карьерой. 15 % респондентов отметили, что здоровьем можно пренебречь ради других сфер жизни, и 10 % респондентов указали на преувеличенное значение здоровья в жизни личности. Также был задан вопрос о роли здоровья как ресурса для достижения социально значимого результата и здесь уже половина (50 %) респондентов указали на необходимость здоровья в том числе и психологического для получения любых социальных благ. Образование при этом было отмечено 46 % респондентов, а финансовые возможности 42 %. Разумеется был задан вопрос об оценке собственного здоровья и здесь 33 % указали что здоровы, определив свое здоровье как «хорошее», а 57 % определили свое здоровье как удовлетворительное с проблемами.

Согласно результатам исследования можно говорить о сформированной ценности здоровья в студенческой молодежной среде. Есть все признаки понимания значения здоровья (правильное определение здоровьем дали 87 % респондентов), были выбраны верные рекомендации по ведению здорового образа жизни, даны некоторые определения касающиеся гигиены и профилактики заболеваний. Однако при изучении социальных практик которые касаются соблюдения здорового образа жизни авторы увидели противоречие которое проявилось в несоблюдении здоровьесберегающих технологий в повседневной жизни. Результаты исследования были сопоставлены с результатами другого авторского исследования, которое посвящено анализу реализации практик ЗОЖ в повседневных действиях [4].

Более 60 % респондентов отметили, что они не ведут здоровый образ жизни. В качестве основных причин заявили, что часто не хватает времени и нет условий, чтобы нормально и своевременно питаться, заниматься физкультурой, на досуг не остается времени и сил, нет необходимых материальных средств. Сформированное понимание «здоровье» и «здорового образа жизни» не выражается в повседневной жизнедеятельности.

В современной психологии выделяют важные черты психологически здоровой личности:

1. Свободный от воздействия современных общественных потребностей, предрассудков и стереотипов, познаванию нового. Человек, получающий удовлетворение от своих потребностей, гораздо меньше зависим от людей и сам продвигается по своему пути для достижения чего-то нового.

2. Принятие людей и самого себя такими, какие они есть.

3. Простота и естественность. Это люди, соблюдающие общественные ритуалы и традиции, но смотрят к ним с должным юмором.

4. Люди, которые направлены на выполнение своей жизненной задачи или миссии. • Таким людям естественна склонность к одиночеству, имея позицию отстраненности к определенным жизненным событиям. Это помогает

без какой-либо тревоги переносить жизненные проблемы и быть менее подверженным влиянием извне.

5. Быть более автономным, самостоятельным и независимым от окружающего общества.

6. Нахождение и получение постоянно чего-то нового в уже известном.

7. Дружба с очень узким кругом людей, с которыми очень тесные и глубокие отношения. Отсутствие выражения антипатии в отношениях.

8. Чувство свободы, жизни.

9. Неизменные внутренние моральные ценности. Люди нравственны, они четко определяют зло и добро; у них есть цель и идут к ней [2].

Психологическое здоровье – это благополучие личности, адаптивность, склонность к действию, а не переживанию. Сюда же относится отличное расположение духа, принятие себя и окружающих, творчество, ответственность, самостоятельность и т. п. Так, как мы следим за собственным телом, важно следить и за душевным состоянием. Дабы достичь физического здоровья, мы придерживаемся здорового образа жизни, и т. д. Чтобы достичь здоровья в психологическом понимании, потребуется тяжелая работа над личностным ростом. Можно согласиться с тезисом исследователя Чесноковой М.Г. о том, что психологическое здоровье это не просто оценка себя или какое либо психическое состояния, это высшая психическая функция человеческого организма [5]. В работе ученого представлены подробные доказательства того что именно психологическое здоровье позволяет адекватно отразить окружающий мир.

Исследователи отмечают, что проблема психологического здоровья для молодежи одна из самых важных. Молодежь – это такая социально-демографическая группа населения, которая находится в периоде становления общественной зрелости, вхождение и адаптация во взрослую жизнь. От молодежи зависит будущее развитие общества, однако, эта социально-демографическая группа отличается возрастными особенностями, становлением их целостного духовного мировоззрения, специфическим положением в социальной структуре общества.

Проблема психологического здоровья важна, так как нарушение приводит к негативным психическим состояниям, к примеру, депрессии. Депрессию является начальной стадией нарушения психологического здоровья. Данное психическое расстройство, характеризуется отсутствием радости и снижением настроения. При депрессии снижается самооценка, наблюдается потеря к жизни и всему происходящему вокруг. Наблюдения автора показали, что длительные затяжные стрессы приводят к депрессии, а в дальнейшем к соматическим заболеваниям. Исследователи отмечают, что особой категорией, которая подвергается депрессии, являются студенты. Сегодня повышаются требования к студентам в условиях обучения в высшей школе, вузовская среда может повлиять на психологическое здоровье студента. Обучение студентов сопровождается рядом факторов, которые могут явиться риском для психологического здоровья студентов [6]. Выделяют следующие причины, вызывающие депрессию в студенческой среде:

- проблемы адаптации к вузовскому сообществу;
- профессиональное самоопределение;
- значительная интеллектуальная нагрузка;
- психоэмоциональное напряжение;
- низкая двигательная активность;
- проблемы межличностных отношений;
- недостаточный опыт самостоятельной деятельности;
- неумение рационально организовать своё время и др.

Это понимание себя, самовоспитание, способность принимать решения и брать на себя ответственность за происходящее, выделять другие варианты действий, готовность к новому, действенное применение собственных ресурсов. Следовательно, для успешной деятельности в стрессовой среде, личность должна обладать целым рядом качеств, при помощи которых можно выбрать самую оптимальную стратегию и тактику поведения, направленную на сохранение психологического здоровья молодежи.

Литература

1. *Барабанщиков, Б.А.* Системная организация и развитие психики [Текст]. /Б.А. Барабанщиков //Психологический журнал. – 2009. – № 1. – С. 28–38.

2. *Армейская Д.А.* Проблема психологического здоровья // Проблемы и перспективы образования в России. Сборник материалов XLVIII Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск, 2017.

3. *Анисимова С.Ф.* Отношение студентов к здоровью как к ценности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-studentov-k-zdorovyu-kak-tsennosti-po-materialam-sotsiologicheskogo-issledovaniya/viewer> (дата обращения: 29.03.2022).

4. *Круль А.С.* Здоровый образ жизни как социальный институт в современном российском обществе // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2020. – № 4. – С. 58–64.

5. *Чеснокова М.Г.* Общепсихологические основания исследования здоровья личности // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 1. – С. 96–102.

6. *Васильева Е.В., Курков А.А.* Психологическое здоровье молодежи: факторы, развитие, благоприятные и неблагоприятные черты развития психологического здоровья // Аллея науки. – 2018. – № 3. – С. 461–463.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В СЕМЬЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Круль Александра Сергеевна

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу социальных практик здорового образа жизни в семье. Сохранение здоровья, отношение к здоровью,

профилактика заболеваний – это социальные практики которые формируются как компоненты социального института здорового образа жизни. Проблема исследования определяется актуальностью реализации социальных практик здорового образа жизни как обязательных для жизнедеятельности семьи. Методологической основой исследования выступает институциональный анализ практик здорового образа жизни в семье. Эмпирическая база основана на авторских социологических исследованиях: опрос, экспертный опрос, анализ документов, макросоциологический анализ и моделирование (с 2016 по 2021 гг.), а также результаты исследований, проведенных ВЦИОМ, «Левада-центр» (2020 г.). В результате исследований был проведен анализ социальных практик ЗОЖ в современной российской семье как условие формирования ЗОЖ как социального института в повседневных действиях индивида. Разработана модель социальных практик ЗОЖ в семье, методологической основой выступил институциональный анализ.

Ключевые слова: социальный институт, социальные практики, институт здорового образа жизни, семья, модель ЗОЖ в семье.

Под социальными практиками здорового образа жизни часто понимают процесс формирования и последующей реализации установки на здоровье и здоровый образ жизни. Здоровью необходимо «обучать», и здоровый образ жизни в настоящий момент во многих социальных системах является полноценным социальным институтом. В целом социальные практики ЗОЖ можно охарактеризовать как модель действий направленных на сохранение и совершенствование личного здоровья. В модель входят оценки факторов формирующих здоровье, усвоение знаний о здоровом образе жизни, умения его организации, освоение методов и средств ведения работы по пропаганде здоровья и здорового образа жизни в ближней социальной среде. В таком случае социальные практики здорового образа жизни определяются как совокупность имеющих социальный смысл действий достижения цели, которая отвечает современным требованиям к охране и сохранению здоровья личности. Современные научные исследования раскрывают факторы (в основном социально-экономические) влияющие на здоровье личности, модели поведения по отношению к ЗОЖ, модели лечения и стратегии взаимодействия в структуре здравоохранения. Актуальность темы обусловлена также и объективными факторами угрозы здоровью населения и это объясняет необходимость понимания, насколько в современной социальной среде существования личности сформированы не только социальные практики ЗОЖ, но и созданы условия для их реализации.

Институциональный подход к оценке практик ЗОЖ основывается на идеях классических представителей структурного функционализма Р. Мертона, Т. Парсонса [1, 2]. С точки зрения институционального подхода следует отделять формальные организации системы здравоохранения, которые рассматриваются как «объединение профессионально подготовленных людей, имеющих преимущественно медицинское образование, созданное с целью укрепления и поддержания общественного здоровья, деятельность которого регулируется социальными нормами» [3], это система учреждений, социальных

площадок целенаправленно реализующих здоровьесберегающие стратегии и модели поведения субъектов и реализуемые социальные практики здорового образа жизни. В широком смысле ЗОЖ это система социальных действий, основными элементами которой являются социальные субъекты, отношения между ними и норм и правила таких отношений. ЗОЖ можно рассматривать, исходя из посылки Т. Парсонса, как «систему социального взаимодействия множества индивидов», а не просто систему оказания профессиональной медико-санитарной помощи [4].

Представим компоненты социального института здорового образа жизни следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Структурные компоненты ЗОЖ и здравоохранения
как социального института

Социально-коммуникативная подсистема (Т.Парсонс)	Здравоохранения и ЗОЖ как социальный институт: структура	Компоненты ЗОЖ и здравоохранения	Проявление компонентов
Личность, политика	Модели и стратегии поведения в области сохранения здоровья – способы воздействия на окружение, которые позволяют получить необходимый результат	Система здравоохранения	Функционирование сформированной системы учреждений (лечебные учреждения, профилактические учреждения, аптечная сеть, финансирование и др.). Функция: целедостижение
Адаптация, экономика	Ресурсное обеспечение здоровья – способы приспособления к условиям окружающей среды	Окружающая среда	Окружение, экологическая среда (квартира, улицы, транспорт, природа и т.д.). Функция: адаптация
Общество, социальный контроль	Неформальная социальная среда здорового образа жизни – стабилизация и координация действий	Неформальное социальное окружение	Режим жизни (труд и отдых, сон и бодрствование, ритмичность в работе, ближнее социальное окружение) Функция: контроль
Культура, идеология	Система ценностей, определяющая отношение к здоровью и здоровому образу жизни – способы сохранения здоровья, поддержание его равновесия	Ценностная система	Определение значимых приоритетов личности в отношении к здоровью и здоровьесберегающему поведению

Авторские исследования показали, что внешние социальные площадки часто не так эффективны и формирование социальных практик ЗОЖ и профилактики заболеваний происходит в рамках ближнего окружения личности (семья, круг друзей, родственные социальные группы) [5]. Можно говорить и о том, что не все компоненты ЗОЖ в современном российском обществе достаточно проявлены и сформированы. Однако некоторые социальные практики здорового образа жизни в системе действий россиян присутствуют. С помощью исследования хотелось обнаружить наличие в современной российской семье целерациональных действий, посвященных сохранению и улучшению здоровья членов семьи.

Мечта о хорошем здоровье входит в число наиболее популярных желаний россиян (43 % респондентов заявили о потребности в здоровье, пожелав его для себя и для близких) [6]. При этом более половины респондентов оценивают свое здоровье как неудовлетворительное (плохое). Говоря о здоровьесбережении, респонденты, прежде всего, имеют в виду рациональное питание – 52,8 %, правильное сочетание труда и отдыха – 50,5 %, достаточный и здоровый сон – 46,4 %, отказ от вредных привычек – 43,9 %, занятия физкультурой, спортом, закаливание – 43,1 % и пребывание на свежем воздухе, на природе – 41,0 %. Для меньшей части респондентов – это соблюдение личной гигиены – 29,5 %, регулярный отдых с использованием отпуска – 23,8 %, доброжелательные отношения в семье, с коллегами по работе – 23,4 %, своевременное обращение в медучреждения для предупреждения заболеваний – 22,8 %, регулярный и безопасный секс – 17,5 %, культурное проведение досуга, духовное развитие – 14,0 %. Однако на практике более 40,0 % граждан России отметили, что они не ведут здоровый образ жизни. Респонденты заявляют, что часто не хватает времени и нет условий, чтобы нормально и своевременно питаться, заниматься физкультурой, на досуг не остается времени и сил, нет необходимых материальных средств. Еще более категоричная позиция по этому поводу выражена во мнениях экспертов: 83,0 % опрошенных считают, что большинство населения не ведет здоровый образ жизни [7].

Можно сделать вывод что сформировано идеализированное понимание «здоровья», которое не выражается в социальных практиках и в повседневной жизнедеятельности. Возрастает значимость индивидуализированного здоровья, но такое стремление проявляется как инструмент достижения определенных социальных благ (престижная работа, доход, материальное благополучие) [8]. В российском обществе не сформирована культура здорового образа жизни, у населения нет осознанной установки, привычки ежедневно заботиться о своем здоровье [9]. ЗОЖ как социальный институт не сформирован окончательно, но отдельные компоненты функционируют. В этом смысле мы ставим задачу изучить роль семьи как первичной социальной группы в реализации некоторых компонентов ЗОЖ как социального института, в частности реализации здоровьесберегающих технологий.

Формирование и реализация социальных практик ЗОЖ происходит в неформальной социальной среде. Основной первичной социальной группой в современном обществе является семья и как социальный институт семья

реализует определенные общественные задачи. В рамках семьи обеспечивается удовлетворение ведущих физиологических и психологических потребностей членов семьи, начиная с младенческого и (в современной семье, согласно исследованиям) до юношеского возраста.

С апреля по июль 2021 года было проведено авторское исследование, где респонденты отмечали, что тратят много времени на организацию спортивного досуга для детей (76 %). Отмечаются также и попытки заниматься спортом, однако почти никто из респондентов не указал, что спортивный досуг характерен для всех членов семьи. Был освящен вопрос и о бытовых способах охраны здоровья. Около 90 % респондентов указали, что уделяют внимание качеству воды и продуктов. Особенно это касается «детского питания». Какие то специальные меры гигиены в семье отмечены не были, однако около половины (47 %) респондентов указали, что стараются следить за членами семьи в отношении стандартных мер гигиены. Это касается именно детей.

В исследовании был затронут вопрос и о семейном воспитании в отношении здоровья и здорового образа. Около 70 % респондентов указывают, что ведут профилактические беседы с детьми в отношении охраны собственного здоровья. Однако в отношении других членов семьи это не отмечается. Более того, на вопрос об обсуждении ЗОЖ в семье около 67 % (больше половины) указали, что вспоминают о ЗОЖ только когда кто-нибудь из членов семьи заболевает. Почти половина респондентов не ставит целью соблюдения принципов ЗОЖ, а большая часть знает, что соблюдать ЗОЖ необходимо, однако не имеет понятия, реализуют ли члены семьи какие-либо принципы здорового образа жизни в повседневных действиях (53 %).

В таблице 2 представлен результат институционального анализа социальных практик здорового образа жизни в современной российской семье. Показана модель института ЗОЖ основанная на компонентах систем социальных действий Т. Парсонса.

Таблица 2

Структурные компоненты социальных практик ЗОЖ в современной семье

Компоненты социально-коммуникативной системы (Т. Парсонс)	Семья как социальная группа	Семья как социальный институт	Социальные практики
Личность. Биологические и социальные закономерности здорового человека.	Профилактика и лечение заболеваний. Формирование установок на сохранение и укрепление здоровья членов семьи.	Социальные практики взаимодействия с системой здравоохранения	Медицинская активность Модели и стратегии поведения членов семьи для профилактики заболеваний и в процессе лечения

Компоненты социально-коммуникативной системы (Т. Парсонс)	Семья как социальная группа	Семья как социальный институт	Социальные практики
Функция: формирование ЗОЖ в семье			
Адаптация. Ресурсы, которые позволяют обеспечить формирования здорового члена семьи. Функция: жизнеобеспечение ЗОЖ	Быт и ресурсное обеспечение здоровья. Определение базы для формирования здорового образа жизни членов семьи.	Финансовое и материальное состояние семьи	Здоровое питание и экология семьи Организация бытовых условий поддержания здоровья, финансовое и материальное обеспечение условий здорового образа жизни членов семьи.
Общество, социальный контроль. Мониторинг и диагностика здоровья в семье. Функция: координация ЗОЖ	Досуг, спорт Социальный контроль и мониторинг развития и состояния членов семьи.	Неформальное социальное окружение	Режим и физическая активность семьи Неформальная социальная среда семьи в целях реализации практик ЗОЖ
Культура, идеология Передача семейных ценностей по отношению к здоровью. Функция: Идеологизация ЗОЖ	Коммуникация, ценностное пространство. Передача опыта и ценностных идеалов по отношению к здоровью.	Система ценностей, определяющая отношение к здоровью и здоровому образу жизни – способы сохранения здоровья, поддержание его равновесия	Культура и идеология ЗОЖ. Определение значимых приоритетов членов семьи в отношении к здоровью и здоровьесберегающему поведению

Социальные практики здорового образа жизни как явление, с одной стороны, могут быть представлены как специфическая сфера жизнедеятельности семьи, как система специальных действий, целью которых выступает охрана и улучшение здоровья, а с другой как любые семейные

социальные практики, которые отвечают требованиям ЗОЖ (к примеру, досуговая деятельность семьи и т. д.).

К социальным практикам ЗОЖ в семье можно отнести все действия, связанные с обеспечением здоровья членов семьи, а также формирование валеологической культуры личности, отношения к здоровью и жизни как к ценности, как своему здоровью, так и окружающей природы и людей в целом. В современной российской семье социальные практики ЗОЖ как системы повседневных действий не сформированы окончательно, но отметим, что по отношению к детям реализуются большая часть принципов здорового образа жизни [10]. В настоящий момент происходит становление компонентов ЗОЖ как социального института, можно предположить, что формирование системы действий здорового образа жизни напрямую связано с процессом становления ЗОЖ как социального института.

Литература

1. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ ХРАНИТЕЛЬ, 2006.

2. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000.

3. Чудинова И.Э. Здоровоохранение в изменяющемся обществе. – М. 2003. – С. 25.

4. Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества // Американская социологическая мысль. – М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. – С. 156.

5. Шаяхметова Римма Р., Круль Александра С., Зайнетдинова Лилия Ф., Садыкова Регина Р. Профилактика как комплекс социальных практик и составляющая социального института здравоохранения. Журнал археологии Египта ПалАрха / Египтология. – 2020. – № 17 (10). – С. 2418–2450. – URL: <https://www.archives.palarch.nl/index.php/jae/article/view/5105>

6. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М., Весь Мир, 2013. – 400 с.

7. Зыбуновская Н.В., Покида А.Н. Здоровый образ жизни как социальная ценность и реальная практика // Социология власти. – 2010. – № 7. – С. 48–55.

8. Круль А.С. Здоровый образ жизни в современной России: институциональный анализ // Norwegian journal of development of the international science. – 2020. – № 44–3. – С. 63–68.

9. Разварина И.Н., Кондакова Н.А. Семья как социальный институт развития личности ребенка в подростковом и юношеском возрасте // Проблемы развития территории. – 2014. – № 6. – С. 100–109.

10. Круль А.С. Здоровесберегающие технологии как социальные практики в современной российской семье. // Вестник Биомедицина и социология. – 2021. – № 3. – С. 12–19.

ПРАВОСЛАВИЕ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НОРМАТИВНОЙ ТЕЛЕСНОСТИ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ (НА МАТЕРИАЛЕ УРАЛЬСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕРИОДИКИ)

Латышев Дмитрий Михайлович

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Аннотация. В настоящем докладе представлен анализ представлений о нормативной телесности на материале уральской православной периодики. С помощью семиотической методологии А. Страусс и Дж. Корбин и теоретического задела М. Фуко представлены механизмы конструирования желаемого тела как преодоления грешного тела и описаны практики опасной телесности. Выявлен идеал нормативного тела в православии в период наибольшего распространения пандемии Covid-19. Сама пандемия заметно сместила акценты с конструирования модного тела на его оздоровление и повышения его способности преодолевать болезнь.

Ключевые слова: православие, пандемия Covid-19, нормативная телесность, практики здоровьесбережения, здоровое тело.

В современной России биополитика, направленная на поддержание нормативной телесности как противодействия социально-опасным телесным практикам воспроизводится до сих пор, при этом её дискурс охватывает не только административные издания, но также и проникает в СМИ, которые контролируются религиозными организациями. В этих СМИ нормативная телесность калибруется основными тезисами антропологических учений религиозных организаций. В настоящей работе рассматривается репрезентация нормативной телесности в интерпретативной схеме православной периодики, поскольку, по данным социологических обследований, православие занимает весомое место в уральском религиозном ландшафте, – по данным за 2018 год, 72 % религиозных организаций на Среднем Урале относятся к Русской православной церкви [5, с. 18].

Для анализа репрезентации нормативной телесности в православных СМИ были отобраны тематические публикации в уральской периодике, которые имеют широкий охват и вовлеченность аудитории по изданиям «Православная газета» и «Воскресение». Через поиск, по ключевым словам «фитнес», «спорт» и «здоровый образ жизни» было отобрано 60 тематических публикаций, в которых освещались аспекты нормативной телесности. Данные публикации были обследованы с помощью метода семиотического анализа А. Страусса и Дж. Корбин.

Важным теоретическим подспорьем для настоящей работы стали идеи М. Фуко. Социальное конструирование нормативного тела, согласно мыслителю, считается продуктом деятельности социального контроля и манипуляций. Церковь как властный институт занимается производством

знания о правильном теле и вырабатывает инструкции как подавлять или наказывать тело греховное («плоть») [12, с. 300].

Нормативная телесность в православных изданиях, в отличиях от светских [3], гораздо чаще представляется в публикациях, нежели противоположная ей, маркируемая как «опасная». Это противоречие раскрывается в нарративе как противостояние антиномий культурности и деградации, красоты и болезни, психического благополучия и «падшего духа». При этом важно отметить, что нормативная телесность, конструирование которой приближает индивида к «богопознанию» не противопоставляется альтернативным практикам как «греховным» или «сатанинским»:

«здоровье является неким психическим элементом... психическая опора такая... и если у человека начинаются болезни, то человек становится физически некультурным, больным (живот и т. д. и т. п.). Из-за этого нам необходимо ежедневно нагружать своё тело. То есть, если раньше это было необходимо, потому что мы жили в естественных условиях, на лошадях ездили... Нам надо компенсировать ежедневную физическую нагрузку, потому что, если мы этого не делаем, то мы (специально есть такое мотивирующее слово) деградируем, то есть, мы каждую минуту ломаем данный нам организм, убиваем его. Зачем? В чем проблема?» [9].

В отличие от светских дискурсивных практик здоровое тело не всегда рассматривается как фертильное, его важным ресурсом считается физическая и духовная сила, которые необходимы для связи с Богом, а также для ведения войны. Подразумевается война не только с пандемией коронавируса, но и война с реальным врагом в бою. Практики здоровьесбережения считаются своеобразной помощью организму в борьбе с пандемией, без которых победить болезнь человеку сложно [9]. Наиболее распространённым проектом организованных практик здоровьесбережения в православной среде Урала считается «Русский силомер» Ивана Пыжьянова, акцентирующий доступные практики конструирования тела в процессе воркаута и тренировок в тренажерном зале:

«На телеканале «Союз» и в сети интернет вышла видеоинструкция проекта «Спорт в самоизоляции: измерь свою силу!», созданного в молодежном отделе Екатеринбургской епархии специально для физической активности горожан в условиях домашнего карантина. В основу проекта легла система физических упражнений «Русский силомер плюс», разработанных специалистами спортивно-патриотического сектора отдела по делам молодежи епархии. Упражнения подходят для людей в любом возрасте и с разными физическими возможностями» [7].

Специфика православной антропологии, концентрирующейся на идее индивидуального спасения отражается и в интерпретативной схеме нормативной телесности: конструирование здорового тела признается необходимым для Бога и человека, при этом такие «заказчики» востребованного тела как работодатель и государство [4] в нарративах православной периодики не упоминаются.

Особый акцент на «духовной силе» здорового тела репрезентируется в физических качествах, которые предъявляются личности, а затем формируют основу для духовных качеств человека:

- бодрость;
- резкость;
- трезвость.

Однако качество трезвости наиболее подробно освещается в православных СМК. Яркое описание этого качества индивида можно встретить в монологе И. Пыжьянова:

«...а физкультура – наоборот, ты постоянно улучшаешь своё тело, ты живешь в этом мире... ты постоянно здоров, ты постоянно трезв. «Трезв» – это я не просто так говорю. Дело в том, что при работе мышцы вырабатываются гормоны счастья. Так называемые эндорфин, серотонин. Да, дофамин, и у тебя просто такие всплески, тебе так хорошо. После тренировки там какой-то алкоголь, сигареты какие-то, – ты просто думать об этом не можешь, потому что тебе так хорошо, что в мозг впрыскиваются те гормоны, которые гармонично нужны тебе для радости, а это все – суррогаты, которые это все заменяют» [9].

«Психическая устойчивость» здорового тела должна поддерживаться не только постоянными молитвами и посещением культовых сооружений, но и отказом от сквернословия, контролем своих эмоций («победа над страстью»). Нарративы, в которых описываются подобные действия, представляют христианина как героя, когда его «земные цели» подчинены высшему предназначению человека:

«Ведь при упражнениях спортом мы употребляем иногда большие усилия. Не трудно нам вставать рано для упражнений спортом; ради них умеем себе отказывать в излишней пище и питье и проделывать разные специальные упражнения целый день. И в таких предприятиях мы можем говорить о героизме или даже аскетизме, использованном, разумеется, для земных целей. Все желающие стать борцами должны быть воздержанными. Они совершают, чтобы получить венец преходящий, мы же – непреходящий... Тем более естественен героизм для христианина, который хочет преодолеть свою грешную природу, мешающую ему достичь счастья и лишаящую его жизни вечной» [1, с. 3].

Болезнь, вызванная поражением организма коронавирусной инфекцией, воспринимается как сигнал того, что телесные практики, совершаемые индивидом, являются в первую очередь греховными и даже «социально-опасными» [2]. Болезнь позволяет выявлять слабые места человеческой культуры, проявлять своего рода «деградацию – ломку человеческого организма» [11]. В то же время пандемия считалась важным критерием т. н. «духовно-нравственных ценностей», на которые ориентируется православная община:

«Снизошедшая болезнь может служить нам сигналом, что мы как человеческое общество живем неправильно: слишком самонадеянно, забываем о главных ценностях жизни. Представьте, какой-то вирус остановил весь мир,

и ничто не помогает: ни технологии, ни деньги – ничто. А мы кичимся своим развитием! Видимо, не на это нужно надеяться» [10, с. 8].

В текстах православной периодики слабо проговаривается и то важное понимание, что здоровье и тело человека – «дар Божий», о котором необходимо заботиться и воздавать благодарность Богу.

«Если бы я только сообщил этому человеку, что имеющиеся у него поводы для счастья – семья, друзья, здоровье, хорошая пища и напитки, приятные занятия спортом – все это не просто «естественный порядок вещей». Если бы я только показал ему, как Бог изо дня в день наблюдает за ним, выставляющим напоказ Божии дары, и при этом, обесценивающим Бога как Личность» [6, с. 44].

Конструирование нормативной телесности предполагает использование таких практик здоровьесбережения, которые одновременно доступны и не являются травмоопасными. С позиции теории здорового образа жизни В. Кокерхэма [13–15], предпочтение отдается здоровому образу жизни с минимальным или средним риском. В частности, экстремальные виды спорта считаются делом греховным, а погибшие во время таких видов спорта считаются самоубийцами [8, с. 38–40]. Данный тезис в нарративах православной духовной литературы не претерпел изменений во время пандемии.

Другим любопытным аспектом нормативной телесности, который слабо проговаривается в периодических изданиях, в православии считается его идеал. Этот «духовно-спортивный идеал» представляет монашество, которое обладает помимо духовного щита (Слово Божье) и меча (молитва) физической силой для выполнения религиозных практик. В пассажах, которые можно встретить в СМИ акцент в таких нарративах делается на физической мощи и силе монаха, при этом его религиозные практики оцениваются как нечто очевидное и само собой разумеющееся:

«Самые здоровые люди, самые, так сказать, мощные, стройные и так далее, я их замечал, это люди, которые живут в монастырях, монахи. А почему? Потому что в монашеских правилах есть такие послушания, как сто земных поклонов каждый день. Представляете? Сто! Это человек встает на колени, касается головой пола. То есть, здесь духовная составляющая, конечно есть. А с точки зрения физики им вообще никаким спортом заниматься не надо, потому что когда глаза становятся ниже сердца, попадает кровь, прокачиваются глаза, мозг. Человек встает – это как приседания. Представьте, сто земных поклонов, и никакого спорта не надо» [9].

Таким образом, репрезентация нормативной телесности в нарративах православной уральской периодики во время пандемии выстраивается по оси противопоставления здорового тела как дара Божьего телу болезненному, которое является следствием некультурного отношения к телу, физической лени человека и деградации. Конструирование здорового тела как своеобразной «психологической опоры» является важным в первую очередь для Церкви и для человека, предполагаются и санкционируются бесплатные и доступные практики здоровьесбережения, которые несут минимальный риск для человеческого здоровья.

Литература

1. *Архиеп. Сергей (Королев)*. Путь к Богу // Православная газета. – 2020. – Вып. 24 (1065). – С. 2–3.
2. *Интервью с профессиональным спортсменом* / Радуга православной молодежи // Воскресение. – 20.09.2021.
3. *Литвина Д.* Дискурсивное производство молодежных тел в текстах высокорейтинговой российской прессы // Про тело. Молодежный контекст. Сб. статей / под ред. Е. Омельченко, Н. Нартовой. – СПб: Алетейя, 2013. – С. 33–60.
4. *Меренков А.В.* Конструирование востребованного тела: до и после пандемии // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2021. – Т. 5. Вып. 2. – С. 145–154.
5. *Мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока России*. Экспертный доклад за 2019 год / ред. Смирнова Т.Б., Степанов В.В., Старченко Р.А. – М.-Омск: «Издательский центр КАН», 2020. – 183 с.
6. *Морзе Г.* Ко всем, кто счастлив без Бога // Православная газета. – 2020. – Вып. 28 (1069). – С. 44.
7. На телеканале «Союз» ... // Православная газета. – 2020. – Вып. 16 (1057). – С. 17.
8. *Пономарев Ф.А.* Христианство и спорт: размышления на тему. – Саратов: Изд-во Саратовской епархии, 2010. – 63 с.
9. *Пыжьянов И.* Для чего нужен спорт / Гость в студии // Воскресение. – 06.07.2020.
10. *Рогозин О.* «Постигла скорбь, будет и радость» // Православная газета. – 2020. – Вып. 24 (1065). – С. 8.
11. *Савельева Ж.В.* «Здоровье» и «болезнь» в интерпретативных моделях ислама и православия // Социально-гуманитарное знание. – 2010. – Вып. 5. – С. 174–187.
12. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999. – С. 300.
13. *Cockerham, W.C.* The Social Determinants of the Decline of Life Expectancy in Russia and Eastern Europe: A Lifestyle Explanation // Journal of Health and Social Behavior. – 1997. – Vol. 38 (2). – Pp. 117–130.
14. *Cockerham, W.C.* Bourdieu and an Update of Health Lifestyle Theory // Medical Sociology on the Move: New Directions in Theory. – Dordrecht: Springer, 2013. – Pp. 127–154.
15. *Cockerham, W.C., Alfred, R., and Thomas, A.* Conceptualizing Contemporary Health Lifestyle // Sociological Quarterly. – 1997. – Vol. 38 (2). – Pp. 321–342.

Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 22-28-20365

РОСАВИАЦИЯ КАК КАНАЛ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

**Новоселова Екатерина Михайловна,
Беляев Владимир Александрович**

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (КИУ),

Казань, Россия

Казанский научный исследовательский технический университет

им. А.Н. Туполева (КАИ), Казань, Россия

Аннотация. Надежное авиасообщение чрезвычайно важно, как для глобальной экономики и для России в целом, так и для развития туризма, в частности. В свою очередь, закрытие государственных границ и практически полное прекращение авиасообщения по всему миру в период пандемии привели к беспрецедентным убыткам авиакомпаний. Следующим шагом стало введение экономических санкций против России, по авиационной отрасли они ударили сильнее всего. Общее экономическое состояние, падение доходов, обусловленных как уменьшением количества рейсов, так и ростом расходов на наземное обслуживание самолетов в течение длительного промежутка времени. В работе рассматриваются новые подходы к организации авиаперевозок, как канал развития туризма, способствующие постепенному восстановлению отрасли, например переход на российские авиалайнеры, техническая поддержка самолетов, имеющих на территории РФ на правах лизинга.

Ключевые слова: туризм, воздушный транспорт; перевозки пассажиров; экономические санкции; российский авиапарк; тенденции развития авиаперевозок; расходы авиакомпаний; лизинг.

В аэропортовой отрасли России за 20 лет резко вырос пассажиропоток. Люди стали чаще использовать авиатранспорт для перемещений по стране, что дало резкий скачок популярности авиаперевозок

Надежное авиасообщение чрезвычайно важно для российского туризма. За 20 лет российская гражданская авиация окончательно перешла от советской техники к эксплуатации иностранных самолетов, зачистив наш авиапарк, чтобы беспрепятственно заполнить его «западными» машинами. Персонал авиакомпаний был переучен, рабочим языком отрасли стал английский [1].

В 2019 году авиакомпания «Алроса» вывела из эксплуатации свой последний самолет Ту-134 (главный реактивный региональный самолет СССР). В 2018 году она прекратила эксплуатацию последнего среднемагистрального Ту-154 (самый успешный и массовый советский реактивный самолет), а Red Wings вывела из эксплуатации шесть среднемагистральных Ту-204. Последнюю советскую дальнемагистральную модель – Ил-96 – еще в 2014 г. прекратил эксплуатировать «Аэрофлот». Теперь советские самолеты остаются только в парке региональных авиакомпаний – это турбовинтовые Ан-24 и самолеты малой авиации Ан-2.

«Переход на западную технику был, по сути, радикальным технологическим сдвигом: были освоены системы подготовки экипажей и культура эксплуатации иностранных судов», – говорит председатель редакционного совета журнала «Авиатранспортное обозрение» Алексей Синицкий. Самолеты Airbus и Boeing управляются командиром судна и вторым пилотом, в советских лайнерах экипаж состоял из четырех человек. В целом, российское авиастроение было уничтожено к концу 90-х годов, что вызвало протест со стороны Президента РТ М.Ш. Шаймиева, предложившего возродить авиастроение, что тогда не было услышано.

Рекордные цены на нефть и авиакеросин 2006–2007 гг. окончательно подорвали советский авиапром, ведь по топливной эффективности отечественные самолеты очень сильно уступали аналогам Airbus и Boeing. В 2000-е правительство ввело нулевые пошлины на иностранные магистральные самолеты, что еще больше ускорило замену парка на иностранные суда.

Согласно реестру Росавиации, сейчас в России 115 авиакомпаний имеют право заниматься коммерческими перевозками. Примерно половина из них имеет в парке единичные региональные суда или вертолеты [2].

24 февраля 2022 года Президент РФ Владимир Путин объявил о начале спецоперации на Украине. После этого западные страны начали активно вводить антироссийские санкции. Коснулись они и авиаотрасли. Так, в ЕС заявили об остановке поставок в РФ в лизинг самолетов и запчастей к ним. Лизинговая компания покупает у производителя самолеты и сдает в аренду перевозчикам. Приобретать дорогостоящие борта сразу в собственность даже для крупного перевозчика нерентабельно. Значительную часть «Боингов» и «Эйрбасов», на которых российские перевозчики возили пассажиров, они взяли в лизинг у европейских компаний. После начала спецоперации несколько десятков таких бортов арестовали за границей и наши перевозчики перестали летать за рубеж. Далее последовали американские санкции, которые запретили всему миру обслуживать российские «Боинги», принадлежащие российским лизингодателям. Сейчас наши авиакомпании используют около 1000 самолетов. По словам главы Минтранса Виталия Савельева, из них только 193 могут свободно летать за рубеж: 148 – это «Суперджеты», остальные – «иномарки», которые в собственности у отечественных лизингодателей или самих авиакомпаний и при этом не попадают под какие-нибудь санкции. – «Санкционным» самолетам придется летать только в те страны, которые дают гарантии, что наши борта там не арестуют, их заправят и обслужат, – поясняет главный редактор портала avia.ru Р. Гусаров. Из стран дальнего зарубежья такие гарантии дала только Шри-Ланка. Впрочем, и с «Суперджетом» не все просто, в котором многие детали – импортные. Полностью отечественный двигатель пока проходит испытания и сертификацию. «Мотор» тех самолетов, которые летают сейчас – российско-французский. С десятков запасных двигателей есть, но на все авиакомпании их явно не хватит.

Кроме того, «Суперджет» – самолет ближнемагистральный: дальность полета – до 3000 км, у модификации LR – до 4500 км. Частично проблему

предполагается решать с помощью авиационного хаба в Сочи. Идея такая. Допустим, пассажир, «Уральскими авиалиниями» долетает из Екатеринбурга в Сочи. А оттуда летит уже «Россией» (это у нас главный держатель «Суперджетов») в Анталью, Каир или Тель-Авив. Билет при этом продается сквозной, а рейсы стыкуются по времени.

Евросоюз запретил продажу и поставку российским авиакомпаниям самолетов и запчастей к ним, их ремонт и страхование. Это распространяется и на лизинг. В связи с этим европейские лизинговые компании потребовали назад свои борта. Но смогли забрать только те из них, которые на момент объявления санкций находились в зарубежных аэропортах или только готовились к отправке в Россию. По словам министра транспорта В. Савельева, из-за арестов за рубежом РФ «потеряла» 78 самолетов. Основная же часть лизинговых бортов (всего в зарубежном лизинге их было более 500) так и осталась в России. Но уже в апреле 2022 г. ЕС принял смягчающие поправки. Разрешены контракты по финансовому лизингу. Такие самолеты российские авиакомпании могут оставить себе, выплатив их полную стоимость. Финансовый лизинг – это своеобразная рассрочка, ее можно сравнить с ипотекой. Авиакомпания вносит арендные платежи, пока таким образом не будет выплачена полная стоимость самолета [3]. Но чаще используется более дешевый вид лизинга – операционный. Это обычная аренда – перевозчик просто платит за пользование самолетом, который остается в собственности лизингодателя. Точное число самолетов в финансовом лизинге не известно. Но основная часть лайнеров российских перевозчиков – в операционном лизинге. Эксперты предполагают, что от поблажек может выиграть авиакомпания Utair, у которой весь парк в финансовом лизинге или собственности.

Американские санкции отличаются от европейских. Поначалу речь шла о том, что «Боинг» не будет поставлять в Россию новые воздушные суда, сворачивается их техподдержка и ремонт. Затем США ужесточили ограничения: запретили кому бы то ни было обслуживать российские борта американского производства (или те, где используется более 25 % американских запчастей). Даже нельзя их просто заправить авиакеросином. Под эти запреты попали 99 «Боингов» наших авиакомпаний.

Отдельного внимания удостоились «Аэрофлот», Azur Air и Utair. Минторг США обвинил их в «нарушении американского экспортного контроля», то есть введенных санкций, поскольку компании были замечены в полетах за рубеж на «Боингах». По этому поводу против этих трех компаний были введены дополнительные, «самые жесткие» санкции. Запрет на поставку запчастей и обслуживание бортов. Но эти санкции введены против авиакомпаний – в отличие от предыдущих, которые распространялись только на самолеты определенного типа.

США, Канада, Япония и практически вся Европа (кроме Сербии) закрыли свое небо для российских самолетов. Росавиация зеркально закрыла наше небо. Кроме того, ряд стран прекратил авиасообщение с Россией. Перевозчики столкнулись и с арестами самолетов за рубежом.

В Росавиации предупредили еще об одном последствии антироссийских санкций, которое коснется авиакомпаний – полеты без GPS. Замглавы ведомства Д. Ядров отправил гендиректору «Госкорпорации по организации воздушного движения» (ОрВД) И. Моисеенко письменную рекомендацию для перевозчиков подготовиться к полетам без этой навигационной системы. В письме сказано, что ОрВД должна «оказывать содействие экипажам воздушных судов при отключении GPS». Пилотам, в свою очередь, необходимо вовремя сообщать диспетчерам о «сбоях, ухудшении и аномальной работе GPS». Кроме того, с летным составом проведут занятия для отработки действий на случай сбоев в работе иностранной системы. Использовать во время рейсов авторы документа предлагают «традиционные навигационные средства».

Такие рекомендации связаны отчетом европейского авиарегулятора EASA. Еще в марте там заявляли, что после начала российской спецоперации на Украине случаи «глушения» GPS и «спуфинга» (подмена сигнала) стали частыми. В итоге пилотам приходилось менять маршрут или пункт назначения. Из-за таких сбоев также может срабатывать предупреждение о сближении с землей, потере доступа к системе автоматического оповещения и данным о параметрах ветра, земли и рельефа, а также об отказе или сбое услуг связи, навигации и мониторинга [3].

Гражданские самолеты будут оборудованы ГЛОНАСС в скорейшем времени. Об этом 19 марта 2022 г. в эфире телеканала «Россия 24» заявил глава «Роскосмоса» Д. Рогозин: «Мы сейчас отработаем с Росавиацией и министерством транспорта скорейшее оборудование тех самолетов, которые сохранились на территории России, которые сейчас требуют технической поддержки. В рамках этой технической поддержки мы установим «ГЛОНАССы». По его словам, после этого у самолетов не будет проблем ни с точностью навигации, ни с посадкой. Рогозин подчеркнул, что во всех аэропортах России наземное оборудование ГЛОНАСС уже давно установлено [4].

Для России с ее огромными территориями авиасообщение имеет особое значение для развития внутреннего и въездного туризма. Для тысяч жителей Дальнего Востока, Сибири и Крайнего Севера авиасообщение – часто единственный способ получить необходимые товары, медицинскую помощь и просто поехать в отпуск или навестить родных [5].

Первые поставки самолетов Ту-214 и Ил-96 для российских авиакомпаний планируются в 2024 году. Эти самолеты уже поставляются, пока – небольшая серия в интересах спецзаказчиков, идет наращивание объемов производства. «Первые поставки для авиакомпаний планируются в 2024 году», – сказал глава «Ростеха» С. Чемезов. Он также отметил, что самыми массовыми самолетами в РФ станут импортозамещенные версии MC-21 и SSJ100. Их в перспективе до 2030 г. будут выпущены не десятки, а сотни штук. Как ранее сообщал глава Минтранса РФ В. Савельев российская авиакомпания S7 планирует, в частности, эксплуатировать отечественные самолеты Ил-96. Самолеты Ту-214 и Ил-96 – российские пассажирские авиалайнеры, отличающиеся повышенной надежностью, ранее поясняли в «РОСТЕХЕ». В самолетах используются отечественные двигатели

и комплектующие. Благодаря своей надежности самолеты используются специальным летным отрядом «Россия», а также в качестве специальных бортов. Сегодня самолеты производятся малой серией в Воронеже и Казани для специальных задач [6].

Сейчас пассажирские самолеты российских авиакомпаний продолжают летать в 13 стран. В основном это ближнее зарубежье. Из дальнего – Турция, Израиль, ОАЭ, Египет, Иран, Шри-Ланка. Авиакомпании и сами туристы очень хотели бы этот список расширить. Тем более, что со снятием коронавирусных ограничений, формально авиасообщение у нас возобновлено с 52 «дружественными» странами, в дополнение к 15, на которые эти ограничения не распространялись и раньше. По данным Минтранса, полеты в Россию продолжают 29 иностранных авиакомпаний из 19 стран. Особенно активны арабские перевозчики: в ОАЭ и обратно россияне готовы возить четыре местных компании. Следует сказать, что ОАЭ были одними из первых, пустивших россияне на свои курорты в начале 2021 г.

Пассажиропоток авиакомпаний России в марте 2022 г. снизился на 21 % в сравнении с аналогичным периодом прошлого года и составил 5,16 млн. человек, следует из данных официальной статистики Росавиации. При этом лидером по количеству перевезенных пассажиров стала авиакомпания S7 Airlines, опередив лоукостер «Победа» (910 тыс. чел) и «Аэрофлот», с 837 тыс. перевезенных пассажиров [7].

По самым популярным в летний сезон и не закрытым из-за санкций направлениям рейсы, скорее всего, будут. Специально для перевозки российских туристов на средиземноморские курорты турки даже создают специальную компанию Southwind (дополнительно к тем трем турецким, которые в Россию сейчас летают). Она будет базироваться в Анталии, турецкое Управление гражданской авиации ходатайство уже одобрило. По планам, у авиакомпании будет пять самолетов, которые станут летать с главного турецкого курорта в Москву и Питер.

Что касается внутреннего туризма, то по прогнозам Минтранса, внутри страны наши авиакомпании за этот год перевезут порядка 90 млн. пассажиров (10 млн. уже перевезли за январь-февраль). Это примерно на уровне прошлого года, когда на внутренних линиях полетали 87,5 млн. пассажиров. Правительство всеми силами пытается удержать цены на авиабилеты от скачка. На днях премьер-министр РФ М. Мишустин сообщил, что кабмин выделит авиакомпаниям около 100 млрд руб., чтобы частично компенсировать расходы на полеты внутри страны. С билетами за рубеж все по-другому: конкуренции там почти нет, господдержки – тем более. Отсюда и цены: например, самый дешевый авиабилет из Москвы в Анталию на конец мая стоит 16 тыс. рублей, хотя еще два-три года назад цены были ниже раза в 2–4 [8]. Тем, самым, требуется переориентация на внутренний туризм.

Бортов для полетов внутри страны – с учетом не отданных европейским лизинговым компаниям «иномарок» и почти полного отсутствия международных полетов – у наших авиакомпаний оказалось даже с избытком. Есть возможность часть «Боингов» и «Эйрбасов» пока оставить про запас или

на запчасти, что некоторые авиакомпании и собираются делать. Как сообщил начальник отдела «Аэрофлота» Е. Скоробогатов, Airbus и Boeing придется «экономить», чтобы продлить срок их службы, поскольку каналы поставки комплектующих для них пока не налажены [8].

Введенные Европой и Америкой санкции также отразились и на страховании воздушных судов. Авиастрахование очень дорого, хотя бы в силу стоимости самолета. Поэтому риски компании-страхователя обычно еще перестраховываются в другой компании. Нередко страхуются у своих национальных компаний, а перестраховываются у европейских. Поэтому в связи с санкциями действительно возникли проблемы, но не критичные, нужно просто время, чтобы сменить страховщика. Действительно, в списке 20 крупнейших мировых перестраховщиков есть и представители дружественных стран, таких как, Индия, Китай, Южная Корея.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что введенные санкции усложняют и вводят свои коррективы в привычное функционирование авиасообщений. Отказ производителей самолетов обслуживать и поставлять к ним запчасти, невольно наталкивают на вопрос о безопасности авиатранспорта. Однако, представители властных структур уверенно заявляют, что «решения есть». Как поясняют эксперты, уже были случаи, когда слишком откровенные рассказы чиновников и аналитиков на тему, «как мы будем обходить санкции», имели вполне конкретные последствия. На Западе прислушивались – и в следующем пакете санкций обнаруженную лауну прикрывали.

В целом все документы, которыми должны руководствоваться российские авиакомпании, не предполагают возможности летать с неисправными деталями или использовать контрафактные детали. Существует нормативная база, которая защищает потребителей. И если ее не нарушать, то и рисков, связанных с безопасностью полетов, быть не должно. Также, по заявлению вице-премьера Ю. Борисова, парк иностранных бортов у нас достаточно молодой – средний возраст самолета менее 15 лет. Поэтому больших проблем с их эксплуатацией пока быть не должно. «Технические центры свои, достаточно высококвалифицированные, у нас есть – их должно хватить», – утверждает Р. Гусаров.

В целом, проблемы авиасообщений резко ударили по выездному туризму, даже в дружественные страны. В меньшей степени, они отрицательно сказались на въездном туризме. И эти же проблемы активно требуют «импортозамещения», перехода от иностранного туризма к «домашнему».

Литература

1. Новостной ресурс «Московский комсомолец». – URL: <https://www.mk.ru/economics/2022/03/05/letchik-rasskazal-kak-sankcii-vysvetili-uzhasnoe-sostoyanie-rossiyskogo-aviaproma.html> (дата обращения: 25.04.2022).

2. Официальный сайт «Федеральное агентство Воздушного транспорта». – URL: <https://favt.gov.ru/deyatelnost-aviakompanii-reestr-kommercheskie-perevozki> (дата обращения: 26.04.2022).

3. Новостной ресурс «Современный портал Екатеринбурга». – URL: <https://66.ru/news/society/250934> (дата обращения: 27.04.2022).

4. Официальный сайт «Rambler». – URL: https://news.rambler.ru/tech/48531227/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 26.04.2022).

5. Официальный сайт «Научная электронная библиотека». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/passazhirskie-aviaperevozki-v-period-pandemii-covid-19/viewer> (дата обращения: 26.04.2022).

6. Новостной ресурс «РИА Новости». – URL: <https://ria.ru/20220413/samolety-1783357684.html> (дата обращения: 27.04.2022).

7. Новостной ресурс «Известия». – URL: <https://iz.ru/1326287/2022-04-26/liderom-passazhiropotoka-za-mart-2022-goda-stala-s7-airlines> (дата обращения: 28.04.2022).

8. Новостной ресурс «Комсомольская Правда». – URL: <https://www.kp.ru/daily/27383.5/4577629> (дата обращения: 28.04.2022).

ОТЦОВСТВО И МАТЕРИНСТВО В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Нуруллина Эльмира Ринатовна

*Казанский государственный энергетический университет,
Казань, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные тенденции трансформационных процессов социальных институтов отцовства и материнства в современном российском обществе. Выявлены детерминирующие тенденции трансформации отцовства на основе анализа и синтеза вторичной информации исследователей данной проблематики и данных, полученных в результате собственного эмпирического исследования. Описаны особенности современного отцовства, которые проявляются в двух аспектах: вовлеченного, компетентного и ответственного родительства и кризисной модели и практики родительского поведения мужчин, проявляющиеся как формальное и отчужденное отцовство. Описаны особенности института материнства в современных социально-экономических условиях и направления государственного регулирования родительства и гендерные отношения в семье и обществе.

Ключевые слова: отцовство, материнство, социальный институт, семья, дети, семейная социализация.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современном российском обществе семья как социальный институт дисфункционирует и претерпевает институциональный кризис. Меры поддержки государственной семейной политики направлены в первую очередь на материнство и детство (материнский капитал, предоставление земли, льготы, пособия и выплаты при рождении ребенка и предоставление декретного отпуска и т. д.). Отцовство

в свою очередь выходит из поля зрения государственной семейной и демографической политики. Однако отцы в процессе семейной социализации детей играют не меньшую роль, чем матери. Это обусловлено тем, что матери в связи с социально-экономическими условиями современного общества более активно включаются в производственный процесс, а отцы больше вовлекаются в процесс воспитания ребенка. Таким образом, происходит процесс трансформации институтов отцовства и материнства под влиянием социальных, экономических, политических и других условий развития современного российского общества. Поскольку к институту материнства приковано внимание многих исследователей, а изучению особенностей отцовства как социального института уделяется внимания гораздо меньше, особую важность представляет анализ тенденций его трансформации в современном российском обществе. Важно понять какую помощь и поддержку государство необходимо оказывать отцам детей для того чтобы они могли бы ощущать себя полноценными агентами социализации, быть включенными в этот процесс наравне с матерями и не чувствовали исключения своей значимости в жизни детей. Особенно важен этот анализ, когда речь идет о неполной семье, в которой формат взаимодействия с ребенком определяет, как правильно мать, а интересы и потребности отцовства остаются вне поля зрения.

Начнем с анализа тенденций трансформации института отцовства в современных социально-экономических условиях российского общества и выявления основных тенденций данного процесса на основе проведенного социологического исследования.

Поведенный нами анализ последних исследований и публикаций (И.В. Рыбалко, В.И. Горбачева, Д.В. Мальцева, И.А. Козырева, Л.В. Русских, М.В. Долганова, А.Л. Янак), отражающих тенденции трансформации института отцовства, позволяет сделать вывод о том, что многие исследователи сходятся во мнении, что с одной стороны, отмечается формальное, присутствующее отцовство и в некоторой степени даже отстраненное, отчужденное отцовство, а с другой стороны наблюдается увеличение вовлеченности отцов в процесс семейной социализации детей в связи с эгалитарным распределением обязанностей между родителями [1, с. 205].

Проведенное нами эмпирическое исследование позволило подтвердить мнение большинства исследователей и выявить вышеперечисленные две тенденции трансформации отцовства, которые одновременно наблюдаются в современной семье. В данном исследовании приняло участие 2000 граждан РФ, в возрасте 20–59 лет, проживающих на территории Республики Татарстан и имеющих детей в возрасте от 0 до 18 лет. Массовый опрос проводился по месту жительства респондента методом доступных случаев («метод снежного кома»). Метод получения результатов исследования – личное интервью по формализованной анкете. Многоступенчатая, квотная выборка в размере 2000 родителей детей репрезентирует население Республики Татарстан: с учетом соотношения городского и сельского населения, пропорционально численности населения отдельных городов областного

и районного значения, а также поселков городского типа и сельских поселений; с учетом возрастной структуры населения и гендера.

Итак, согласно результатам, полученным в ходе исследования, о тенденции к увеличению вовлеченности отцов в процесс семейной социализации детей свидетельствует то доказательство, что отцы считают, что родители должны отказываться от задуманных целей, чаще, чем матери (71,4 % и 63,6 % соответственно). А матери чаще считают, что они не должны отказываться от них (24,2 % и 19,3 % соответственно). Полученные данные радуют, поскольку мы видим высокую степень ответственности мужчин. Что касается женщин, вероятно, им от многого приходилось отказываться, о чем они впоследствии пожалели. Поэтому они заявляют о том, что они не должны этого делать [4, с. 293].

Тенденцию вовлеченности отцов в процесс воспитания детей объясняют также и полученные данные о том, что большинство отцов согласны с утверждением «Я все время думаю о ребенке, его делах, здоровье и т. д.» (68,4 %). Однако среди матерей согласие с суждением встречается несколько чаще (77,1 %). Отцы все же чаще, чем матери не согласны с данным суждением (20,2 % и 15,2 % соответственно).

По результатам исследования большинство опрошенных отцов в том случае, когда находятся, длительное время без детей чувствуют себя одиноко и скучают по детям (74,1 %). Однако таких матерей все же больше, чем отцов (81,5 %).

Данные исследования о том, что 92,4 % опрошенных отцов считаются с мнением своих детей – всегда (41,6 %) и, как правило, считаются с ним (50,8 %) обосновывают вовлеченность отцов в дела детей. Однако матери все же чаще, чем отцы считаются с мнением детей 99,8 % (всегда 46,0 % и, как правило, 53,8 %). 6,9 % отцов затруднились ответить.

О тенденции вовлеченности отца в процесс воспитания детей также доказывают данные, что большинство опрошенных отцов 57,3 % отметили, что не согласны с утверждением о том, что они мало времени уделяют своим детям. Однако среди матерей, не согласных с данным суждением несколько больше (66,5 %). Отцы в свою очередь чаще согласны с тем, что мало времени уделяют своим детям, чем матери (30,3 % и 21,7 % соответственно). Несмотря на то, что таких отцов, уделяющим мало времени детям все же оказалось меньше среди всех опрошенных, полученные данные свидетельствуют о второй тенденции формального отцовства в современной семье.

К сожалению, вторая тенденция к формальному и присутствующему отцовству была также выявлена в ходе исследования. Так, отцы значительно чаще, чем матери отмечают, что на себя они тратят времени больше, чем на своих детей (41,6 % и 34,5 % соответственно). Матери же все же чаще тратят времени больше на детей, чем на себя (49,5 %), а отцы делают так несколько реже (40,2 %) [1, с. 206–207].

Об этой тенденции свидетельствуют также и следующие полученные данные. Отцы часто не терпят срывов в поведении подростков, чем матери (34,0 % и 26,7 % соответственно). Матери (52,4%) по сравнению с отцами

(46,6 %) терпимее относятся к срывам в поведении подростков. Женщины более спокойнее относятся к этому.

Тенденция формального отцовства обоснована так же и тем, что большинство опрошенных отцов (57,2 %) отметили, что они не отказывались ради ребенка от многого в жизни. Среди женщин таких тоже много (55,2 %). Однако все же, матери чаще, чем отцы отказываются ради ребенка от многого в жизни (30,5 % и 26,3 % соответственно). Ради светлого будущего своего ребенка мать готова жертвовать многим. Также матери чаще, чем отцы в зависимости от настроения ребенка отказываются от своих дел (40,2 % и 36,1 % соответственно) [4, с. 52].

Таким образом, несмотря на то, что наблюдаются две тенденции трансформации отцовства – как вовлеченного, так и формального отцовства, все же матери значительно больше, чем отцы занимаются воспитанием детей, включены в процесс семейной социализации и формирования личности ребенка, а также чаще заботятся об их нуждах, интересах, вкусах, привычках и потребностях, чем отцы. Вероятно, это связано с тем, что, несмотря на высокий уровень включенности женщин в производственный процесс наравне с мужчинами, все же основная функция женщины – это забота о детях. Отцы же в первую очередь, добытчики в семье и больше заняты на работе, вследствие чего не могут уделять детям больше времени и внимания. Матери более серьезно относятся к взаимоотношениям с детьми, стараются во всем им помогать и больше времени посвящать детям, чем отцы. При этом отцы демонстрируют высокий уровень вовлеченности в дела детей.

В качестве рекомендаций необходимо предложить разработать концепцию о мерах поддержки отцовства как социального института, учесть при составлении программ социально-демографического развития территорий, концепций и мероприятий социальной и семейной политики интересы и потребности современных отцов, принять меры по защите прав отцов со стороны региональных властных структур и местных органов самоуправления, а также оказывать помощь и поддержку с помощью некоммерческих организаций, предоставляющих различные социальные услуги современным отцам, которые в них нуждаются [1, с. 208].

Рассмотрим состояние института материнства в современных социально-экономических условиях. К анализу материнства нами был применен такой теоретико-методологический подход как феноменология в составе концепции феноменологии повседневного знания П. Бергера и Т. Лукмана, тесно связанной с анализом семейной социализации и теории интерессубъективности А.Щюца как фундамента социологии обыденного сознания. Раскрыта сущность феномена материнства, его особенности, основные тенденции в современных социально-экономических условиях на основе данных, полученных в результате собственного эмпирического исследования.

Материнство является одним из важнейших социальных институтов, оказывающих влияние на особенности, тенденции и динамику процесса формирования личности ребенка и семейной социализации. Поскольку именно матери занимаются уходом и заботой о ребенке, то внутрисемейный статус

ребенка зависит, в первую очередь, от объективной оценки матерями ролей и функций, выполняемых детьми в семье. Концепция государственной семейной политики, делает особый акцент на поддержку материнства и детства в России. В современном российском обществе существует необходимость тщательной проработки критериев эффективности комплексной системы адресной поддержки различных категория семей с учетом социально-экономического развития территорий и регионов: неполным, многодетным семьям, семьям с потерей кормильца, с детьми инвалидами, матерям одиночкам и т. д. Также особо значимым, является профилактика девиантного поведения детей. Анализ феномена материнства, необходимо проводить именно с точки зрения феноменологического подхода, сущностью которого является рассмотрение повседневности, жизненного мира, конструирования социальной реальности, процесса первичной семейной социализации детей, ее агентов и институтов.

Зарубежные исследования феномена материнства, осуществляются в первую очередь с помощью таких подходов как социальное учение, теория объектных отношений.

Задачей изучения социальной реальности, наблюдаемой и оцениваемой матерями и детьми в настоящем исследовании, становится анализ мотивов поведения участников коммуникационного акта, при этом они могут быть как реальные, так и приписываемые, связанные с существующими представлениями о социальной реальности. Понимание этой социальной реальности зависит в первую очередь, от того, насколько пересекаются смысловые поля участников взаимодействия. В нашем случае участниками взаимодействия выступают мать и ее ребёнок, либо все имеющиеся дети.

Феноменология констатирует тот факт, что существуют некоторые параметры, лингвистические и нелингвистические, которые способствуют или препятствуют успешной коммуникации. Речь идёт о вербальном и невербальном языке, широко используемом молодёжью. Его восприятие старшими поколениями может быть затруднено в силу разного рода причин, и это также предмет для научного исследования в рамках феноменологии.

В нашем контексте социальное взаимодействие матерей и детей следует рассматривать через призму тех смыслов и значений, которые заложены в акты коммуникации его участниками, факторами социального действия. Именно в ходе актов коммуникации между матерями и детьми целенаправленно или стихийно происходит процесс семейной социализации. В повседневности акты общения наполнены эмоциональным содержанием, зачастую лишены глубокого смысла, и если один из участников коммуникации занят поиском этого смысла, столкновение позиций коммуникаторов неизбежно.

Феноменологическая характеристика повседневного знания П. Бергера и Т. Лукмана тесно связана с анализом ими социализации. С помощью феноменологического подхода анализируется семейная социализация, в процессе которой ребенок осваивает первоначально и закрепляет в последующем социально одобряемые личностные черты, обычаи и традиции, обретает социальные роли и соответствующие им функции, выполняемые им

в семье, потребности, интересы, установки и ценности, модели поведения и деятельности.

А. Шюц употреблял термин «интерсубъективность» для описания некоторых аспектов взаимной связи людей как существ жизненного мира. Основная форма интерсубъективности описывается А. Шюцем при помощи тезиса о «взаимности перспектив», предполагающего наличие двух идеализаций. Эти идеализации представляют собой «правила социальной жизни».

Проблема интерсубъективности связана с тем, как мы понимаем друг друга, как формируется общее восприятие и общее представление о мире. Шюцевские анализы интерсубъективности составили фундамент «социологии обыденного сознания» – одной из наиболее распространенных концепций феноменологической социологии, которую необходимо применять к изучению феномена материнства, семейной социализации, родительско-детских отношений [2, с. 178].

Данные проведенного исследования показали, что у женщин и мужчин мнение относительно проблем детей схожи. Однако наблюдается некоторая разница. Так, проблему раннего материнства среди девочек-подростков женщины считают чаще наиболее важной проблемой, чем мужчины (16,2 % и 11,8 % соответственно). В России, да и во всех странах стоит такая проблема как алкоголизм, наркомания, токсикомания. Мужчины этой проблемой обеспокоены в меньшей степени, чем женщины (31,3 и 36,0 % соответственно). Возможно, это обусловлено тем, что среди мужчин бытует мнение, что это норма.

Женщины чаще, чем мужчины считают, что важнейшей функцией семьи в обществе является передача культурных норм и ценностей (49,0 % и 44,3 % соответственно), предоставление определенного социального статуса членам семьи (19,2 % и 14,7 % соответственно). Мужчины чаще, чем женщины считают, что рациональный досуг является важнейшей функцией семьи (13,1 % и 8,6 % соответственно).

Наше исследование показало, мужчины чаще, чем женщины считают, что престиж семьи зависит от количества детей (39,1 % и 36,3 % соответственно). Возможно, количество детей определяет для мужчины не только престиж семьи, но и свой собственный, поскольку это свидетельствует о его материальном достатке и возможности обеспечить их.

Дети пытаются помочь матерям чаще, чем отцам (68,6 % и 61 % соответственно) в случае, когда они чем-нибудь заняты. Это объясняется тем, что у матерей больше работы по дому, и они больше нуждаются в помощи детей любого возраста, нежели отцы.

С суждением «Если на улице идет малыш без сопровождения взрослого, надо непременно узнать, не заблудился ли он» согласилось 70,5 % мужчин и 78,5 % женщин, что говорит о том, что женщины более волнуются и переживают за детей, причем не только за своих [3, с. 293].

Матери реже бывают замучены присутствием детей, чем отцы (17,9 % и 21,6 % соответственно). Усталость при общении с детьми – это временная

слабость. Поэтому женщинам в этом плане проще, так как к детям они относятся с большим вниманием и ответственностью.

Матери чаще, чем отцы планируют помогать своим детям участием в воспитании внуков (93,2 % и 90,3 % соответственно). Это обусловлено тем, что женщины больше занимаются воспитанием своих детей, поэтому и воспитание внуков они планируют чаще.

Интересная тенденция материнства, на наш взгляд, проявляется в том, что 24,2 % опрошенных матерей, считают, что родители должны отказываться от задуманных целей ради своих детей (из них 10,1 % считают, что ни в коем случае не должны и 14,1 %, что, наверное, не должны от них отказываться). Естественно большинство опрошенных матерей считают, что родители обязаны отказаться от своих целей ради ребенка (63,6 % – обязательно должны и 27,0 % – скорее всего, должны 44,4 %). Эти данные позволяют судить о том, что матерям часто приходится жертвовать многим: образованием, карьерой, самореализацией, профессиональным и личностным развитием ради благополучия своих детей. Если мать будет иметь возможность целиком и полностью посвящать себя воспитанию детей, развитию их личностных качеств, талантов, умений и способностей, профилактикой девиантного поведения детей, то в будущем, возможно, их становление как востребованных на рынке труда высококвалифицированных специалистов. От этого зависит человеческий капитал общества в целом. Следовательно, государство должно позаботиться о том, чтобы мать имела такую возможность, поддерживая ее с помощью льгот, пособий и иных социальных и экономических мер помощи, при этом давая возможность развиваться профессионально и самой матери. В настоящее время в стране некоммерческими организациями реализовывается множество социально-значимых проектов, целью которых является помощь матерям с детьми в области самозанятости и повышения уровня их профессиональной подготовки. Это направление деятельности, особо важно, так как, уделяя большую часть своего времени воспитанию детей, особенно дошкольного возраста, мать зачастую оказывается не востребованной на рынке труда, так как работодатель заинтересован в принятии на работу сотрудников с детьми старшего возраста. На наш, взгляд в каждом регионе, должны быть реализованы подобного рода проекты. Это позволит поддержать институт материнства и детства в России, а также поднять уровень рождаемости. Поскольку именно в связи с перечисленными проблемами ограничения профессиональной занятости матерей и вовлеченности в производственный процесс, семьи ограничиваются рождением одного или максимум двух детей.

Перспективы последующих разработок в данном направлении состоят в том, что необходимо вводить дополнительные меры поддержки материнства и детства в части предоставления льгот матерям с учетом современных социально-экономических условий развития территорий и разных жизненных стратегий, на которые ориентированы матери, в том числе профессиональных, а также выявить пути оптимизации работы и создания стратегии и выработки механизмов совершенствования социально-политических действий в деле поддержки семьи, родительства и защиты материнства и детства со стороны

региональных властных структур и местных органов самоуправления. Исходя из вышеизложенного, представляется необходимым дальнейшее изучение особенностей институтов материнства и отцовства в современном российском обществе, выявление факторов, влияющих на них, существующих типологий материнства и отцовства, а также их тенденций и особенностей в современных социально-экономических условиях.

Литература

1. Нуруллина Э.Р. Анализ тенденций трансформации института отцовства в современных социально-экономических условиях / Нуруллина Э.Р. // Вестник экономики, права и социологии, 2019, № 4. – С. 205–208.

2. Нуруллина Э.Р. Институт материнства в современных социально-экономических условиях с позиций феноменологического подхода / Э.Р. Нуруллина // Вестник экономики, права и социологии. – 2020. – № 2. – С. 178–181.

3. Нуруллина Э.Р. Модели и детерминирующие факторы отцовства в современном российском обществе/ Э.Р. Нуруллина// Вестник экономики, права и социологии – № 1. – 2016. – С. 292–294.

4. Нуруллина Э.Р. Трансформация института отцовства в современных отечественных условиях / Э.Р. Нуруллина // Казанский социально-гуманитарный вестник, 2019, № 6. – С. 50–55.

СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ» ИЛИ КАК ПАНДЕМИЯ ПОВЛИЯЛА НА ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Субботина Мария Владимировна

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы трансформации моральных норм, воспроизведения социального порядка и возможности поддержания социального благополучия в условиях «новой нормальности», формирование которой повлекла собой пандемия COVID-19. Автор анализирует проблему одиночества, ставшую актуальной для многих людей в условиях самоизоляции, рассматривает виды поведения, которые обрели статус общественно-порицаемых, и затрагивает вопрос токсичности и вербальной агрессии в социальных сетях в контексте обсуждения вопросов, вызванных пандемией.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, социальное благополучие, социальный порядок, трансформация моральных норм.

Пандемия COVID-19, с которой столкнулось мировое сообщество в конце 2019 года, наложила существенный отпечаток практически на все сферы человеческой жизни. И, несмотря на то, что мы живем в «пандемийной»

реальности уже более двух лет, на данный момент, далеко не все вопросы, которые встали перед обществом, осмыслены в полной мере.

Вопрос поддержания социального порядка был актуален и в более стабильные времена, однако сложившаяся ситуация заставила нас посмотреть на данную проблему под иным углом. Для начала отметим, что существуют различные определения социального порядка, но, в рамках данной статьи, остановимся на определении С.С. Фролова, который интерпретирует социальный порядок в качестве системы, включающей в себя индивидов, взаимосвязи между ними, привычки, обычаи, действующие незаметно и способствующие выполнению работы, необходимой для функционирования этой системы [3, с. 332]. Исходя из данного определения, мы можем отметить, что пандемия оказала существенное влияние и на взаимосвязи между людьми (на их формат и интенсивность), и на привычки, и на выполнение профессиональных обязанностей, и, в целом, на повседневность человека. При этом, проблема адекватного воспроизведения социального порядка напрямую связана с вопросами счастья и социального благополучия. Таким образом, в данной статье мы предпримем попытку осветить такие аспекты, как: проблема одиночества, вызванная необходимостью самоизоляции; трансформация моральных норм и видов поведения, на которые накладываются санкции в условиях пандемии; токсичность и вербальная агрессия, наблюдаемая в социальных сетях в рамках обсуждения вопросов, связанных с новым «пандемийным» социальным порядком.

Вопросами изучения счастья и/или социального благополучия занимаются представители различных наук: философы, психологи, экономисты и даже биологи. Каждое дисциплинарное направление стремится, так или иначе, обозначить свое видение и предметное поле в контексте изучения счастья [2]. Социологи, также не остаются в стороне, делая акцент на таких аспектах, как эмоциональный настрой людей, критерии счастья, способы оценки уровня удовлетворенности жизнью и т. д. При этом, исследователи признают, что в настоящее время общий уровень благополучия населения определяется не только доходом и финансовыми возможностями. Место, где мы живем, то, с кем мы общаемся, как к нам относятся окружающие и как мы организуем свой досуг, вероятно, одинаково важны для понимания нашего общего уровня удовлетворенности жизнью [8].

Социальная изоляция, которая стала одним из главных условий скорейшего преодоления пандемии, по мнению исследователей в области здравоохранения, имеет негативные последствия для общего ощущения благополучия [13]. Несмотря на возможность постоянно общаться с родственниками и друзьями с помощью средств онлайн-связи, люди испытывают дискомфорт, так как отсутствие личного, «живого» контакта негативно сказывается на их эмоциональном состоянии [11]. Помимо этого, виртуальное общение сильно проигрывает реальному взаимодействию из-за отсутствия физического контакта и возможности считывать невербальные сигналы. Так, у людей возникает ощущение оторванности от общества, им становится труднее делиться личными проблемами со своими близкими (так

как при онлайн общении намного труднее создать необходимую эмоциональную обстановку, располагающую к комфортному душевному общению), что усугубляет стрессовые состояния. Частично, из-за нарушения социальных контактов, люди начинают прибегать к злоупотреблению алкоголем. Согласно данным ВЦИОМ, тренд на снижение употребления алкоголя прервался в период пандемии. В сравнении с 2018 годом, показатели частоты употребления алкоголя выросли на 4 пункта: примерно раз в месяц и два-три раза в месяц алкоголь употребляют 14 % и 18 % опрошенных соответственно [4].

Как было отмечено выше, пандемия повлекла за собой усугубление проблемы одиночества. Исследуя этот вопрос, ученые из США и Канады: Алекс Бирман, Лаура Упеникс и Скотт Шиман – сделали акцент на проблеме влияния одиночества, спровоцированного социальной изоляцией, на здоровье респондентов [7]. Исследователи утверждают, что жители Северной Америки подверглись «эпидемии одиночества»: в период пандемии круг общения людей значительно уменьшился, также снизилось число «доверенных лиц», с которыми люди поддерживали контакты по сети. Ученые попытались зафиксировать связь между ощущением одиночества и ухудшением уровня здоровья (под уровнем здоровья понимались не медицинские показатели, а самоощущения респондентов) и данная взаимосвязь была обнаружена: чем более одиноким чувствует себя человек, тем хуже его физическое самочувствие и самооценка здоровья. Выбранный подход может вызвать вопросы, как минимум из-за того, что замер самооценки здоровья респондентов не может дать объективных результатов. Помимо этого, если люди чувствуют себя одинокими и, в целом, находятся в упадническом настроении, вероятнее всего, они будут более негативно оценивать свое общее состояние и здоровье, заведомо акцентируя внимание на негативных ощущениях. При этом, сама идея исследования достаточно интересна и имеет право на существование, особенно в контексте изучения влияния пандемии на ощущения счастья и благополучия в целом.

Что касается исследований российских ученых по данной тематике, здесь стоит привести пример исследования психологов из Санкт-Петербургского государственного университета. Результаты, которые получили наши соотечественники, позволяют посмотреть на указанную проблему с неожиданной стороны [6]. Так, согласно полученным данным (были опрошены 400 человек в возрасте от 35 до 59 лет, использовалась шкала социального и эмоционального одиночества – SELSA-S.) общий уровень одиночества снизился на 5-8%. Психологи объясняют такое явление тем, что в условиях самоизоляции, люди стали проводить больше времени дома и активнее общаться с семьями, что привело к таким неожиданным результатам, при том, что изначально исследователи, наоборот прогнозировали повышение уровня одиночества. Полученные данные наталкивают на два вывода: с одной стороны, можно предположить, что очное общение с семьей оказывается для людей более важным, чем очное общение с друзьями и коллегами (которого многие и были лишены из-за самоизоляции), с другой

стороны, постоянное нахождение с другими людьми в замкнутом пространстве, наоборот вызывает желание проводить чуть больше времени наедине с собой. Так, в контексте обсуждения такого аспекта благополучия как наличие близкого окружения и тесных социальных связей, напрашивается тривиальный вывод о том, что человеку в равной степени нужны как возможность общаться с близкими, так и возможность проводить время в уединении, делая паузу в коммуникации.

Продолжая тему включенности человека в социум, необходимо отметить то, как стало трансформироваться социально-одобряемое поведение в условиях пандемии. Сложно спорить с идеей о том, что влияние пандемии COVID-19 выходит далеко за рамки сферы здравоохранения. На социокультурном уровне события такого масштаба могут приводить (и приводят) к резкому изменению видов поведения, которые подвергаются санкциям. Например, привычные приветствия с помощью рукопожатий или использование наличной оплаты ограничиваются или полностью запрещаются. Так, австралийские исследователи Кэти и Стюарт Экберг, Лара Вайнгласс и Сьюзан Дэнби рассматривают отношение людей к нововведенным запретам в качестве индикатора проявления новой общественной морали. Помимо этого, авторы стремятся выделить моральные принципы, характерные для пандемий в целом [10]. Ссылаясь на Г. Гарфинкеля, исследователи пишут о том, что моральный порядок состоит из правил повседневной деятельности: люди сталкиваются с моральным порядком и воспринимают его как нормальные, одобряемые образцы действий, разделяемые и другими членами общества. Люди несут моральную ответственность за соблюдение нормативных моделей поведения, при этом нарушение этих моделей не остается незамеченным и влечет за собой определенные санкции в виде общественного порицания. Исследователи рассуждают о том, что «общая культура пандемии» повлекла за собой установление нового морального порядка. Стремясь определить, какой именно порядок установился в условиях пандемии, авторы анализируют общение медицинских сотрудников педиатрических служб и семей, обративших за медицинской помощью для своих детей. В исследовании приняли участие 19 семей и консультирующие их медицинские работники. В консультации принимали участие от 1 до 4 врачей. Возраст детей-пациентов варьировался от 3 до 18 лет. Консультации длились в среднем около 38 минут, общий объем полученных данных составил 18 часов 33 минуты. Полученные данные были проанализированы путем конверсационного анализа [См.:1]. Благодаря полученным в ходе исследования результатам, удалось установить, что участники консультаций опирались на новый моральный порядок: действия, которые ранее не подлежали моральной ответственности (совершение покупок, посещение родственников, поездки в другие населенные пункты) теперь воспринимались ими как нечто предосудительное, что было озвучено и врачами, и самими родителями детей-пациентов. Помимо этого, исследователи отметили, что зачастую, родители заболевших детей, для демонстрации того, что нарушение ими пандемийных правил безопасности было оправдано, прибегали к «защитной детализации» [9], приводя подробные

детали событий, заставивших их нарушить самоизоляцию (например, поездка на похороны родственника – морально приемлемое действие). Другими словами, участники бесед старались заранее избежать возможных моральных осуждений со стороны врачей и стремились поддержать свой положительный образ, объясняя правильность/допустимость своих поступков. Таким образом, авторы статьи попытались продемонстрировать процесс формирования новой морали, затронув при этом, также вопрос воспроизводства социально-одобряемого поведения, которое необходимо для того, чтобы человек мог продолжать оставаться частью общества, в котором он живет.

Говоря о социально-одобряемом поведении, сегодня, в XXI веке, невозможно обойти стороной тему санкций и вербальной агрессии, которая проявляется в социальных сетях, в контексте обсуждения вопросов, связанных с пандемией. Исследователи из США подняли вопрос о токсичности и вербальной агрессии в социальных сетях, проявляемых в обсуждениях ношения медицинских масок [12]. Анализ проблемы авторы начинают с рассуждения о существовании в американском обществе двух полярных подходов касательно масок: с одной стороны, люди, которые в панике скупали данные медицинские изделия, с другой – те, кто старался бойкотировать ношение масок, считая это ограничением свобод. Помимо этого, вопрос применения масок был тесно связан с политической ситуацией в стране. Накануне выборов президента США, в ноябре 2020 года, маски стали символом, имеющим политическое значение: кандидат в президенты от Демократической партии Джо Байден появлялся на публике только в маске, в то время как кандидат от республиканцев Дональд Трамп отказывался от масок и публично высмеивал своего оппонента. Возвращаясь к теме социальных сетей, авторы первым делом рассуждают об использовании хэштегов в качестве тактики общения для вовлеченности общественности в проблему, отмечая, при этом, что хэштеги, также служат маркерами групповой идентичности. Помимо этого, исследователи воспринимают хэштеги в качестве ценного источника информации, позволяющего зафиксировать и оценить общественное мнение. Отслеживание хэштегов, также, позволяет фиксировать рост и снижение популярности той или иной темы. В качестве примеров, авторы приводят хэштеги сторонников ношения масок (#WearAMaskPlease, #WearAMaskSaveALife) и хэштеги противников (#NoMask, #BurnYourMask, #MasksDontWork и т. д.). Говоря о токсичности в социальных сетях, авторы подразумевают «грубые, неуважительные, необоснованные комментарии, которые, вероятно, втянут вас в обсуждение» и используют такое понятие как «инфодемия» (появление чрезмерной, зачастую недостоверной информации о той или иной проблеме), рассуждая о том, что токсичность влияет на ее активное развитие. Исследователи выделяют способы того, как токсичность в сети влияет на мнения о ношении масок: 1. Формирование враждебной среды, отвлекающей пользователей от конструктивных онлайн-бесед о проблеме и/или отвлечение от доказанных фактов касательно использования масок; 2. Настойчивое распространение дезинформации в более резких формулировках, чем позиции тех, кто поддерживает ношение масок.

Также, исследователи высказывают позицию, что представители медицинского сообщества должны бороться с инфодемией, отслеживая токсичные провокационные дискуссии в сети. При этом, проведя анализ высказываний в социальных сетях, авторам удалось проследить следующую взаимосвязь: противники масок имели более высокий уровень токсичности и, наоборот, сниженное чувство риска заразиться вирусом COVID-19, чем сторонники ношения масок. Также, токсичная реакция на призывы носить маски была связана с убежденностью, что их права и свободы нарушены/ограничены. Интересным можно назвать еще и размышления о том, что иногда сами противники масок сомневались в своей правоте, но продолжали отстаивать данную позицию, чтобы не отделяться от группы, с которой они себя ассоциировали (как было указано ранее, принадлежность к той или иной группе, в данном случае, обозначалась с помощью хэштегов), что еще раз подтверждает мысль о необходимости социальных контактов для ощущения благополучия.

Если говорить о российских исследованиях касательно проблемы агрессии, можно отметить исследование Mail.ru Group, проведенное в ноябре 2020 года [5]. Согласно данному исследованию 49 % россиян считает, что за время пандемии уровень агрессии в нашем обществе вырос. При этом 52 % опрошенных отметили, что никогда не заступались за жертв агрессии в интернете. Из них 65 % в качестве причины назвали нежелание участвовать в публичном споре из-за его бессмысленности.

Так, подводя итог, можно сделать вывод, что вопрос поддержания социального порядка является одним из важнейших для общества в условиях пандемии COVID-19. Тот факт, что на данный момент, пандемия начала постепенно идти на спад, не умаляет актуальности обозначенной проблемы, а, возможно, наоборот заостряет ее, так как для восстановления прежнего (или создания нового) социального порядка обществу необходимо проанализировать и осмыслить огромный пласт вопросов, затрагивающих все сферы нашей жизни.

Финансирование: статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 2001100307 «Субъективное и объективное измерения счастья: справедливость как критерий личного и социального благополучия»

Литература

1. *Бастун Е.В., Островская Т.А.* Конверсационный анализ как метод анализа дискурса // Политическая лингвистика. – 2020. – № 4 (82). – С. 40–46.
2. *Троцук И.В., Гребнева В.Е.* Возможности и ограничения основных методических подходов к изучению счастья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2019. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-i-ogranicheniya-osnovnyh-metodicheskikh-podhodov-k-izucheniyu-schastyu> (дата обращения: 26.04.2022).
3. *Фролов С.С.* Основы социологии: учебное пособие. – М.: Юрист, 1997. – 344 с.

4. Алкоголь на фоне пандемии.- URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/alkogol-na-fone-pandemii> (дата обращения: 26.04.22).

5. Половина россиян считает, что уровень агрессии в обществе в пандемию вырос. – URL: <https://tass.ru.turbopages.org/tass.ru/s/obschestvo/9970069> (дата обращения: 25.04.22).

6. У взрослых людей в период пандемии COVID-19 снизилось ощущение одиночества, выяснили ученые СПбГУ. – URL: <https://spb.mk.ru/social/2021/10/22/u-vzroslykh-lyudey-v-period-pandemii-covid19-snizilos-oshhushhenie-odinochestva-vyuasnili-uchenye-spbgu.html> (дата обращения: 23.04.22).

7. *Bierman, A., Upenieks, L., & Schieman, S.* (2021). Socially Distant? Social Network Confidants, Loneliness, and Health during the COVID-19 Pandemic. *Social Currents*, 8, p. 299–313.

8. *Clark, W.A., Yi, D., & Huang, Y.* (2019). Subjective well-being in China's changing society. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 116, 16799 – 16804.

9. *Drew P.* (1998) Complaints about transgressions and misconduct. *Research on Language and Social Interaction* 31: 295–325.

10. *Ekberg, K., Ekberg, S., Weinglass, L., & Danby, S.* (2021). Pandemic morality-in-action: Accounting for social action during the COVID-19 pandemic. *Discourse & Society*, 32, 666 – 688.

11. *Ellis, Wendy E., Tara M. Dumas, and Lindsey M. Forbes.* (2020). “Physically Isolated but Socially Connected: Psychological Adjustment and Stress among Adolescents during the Initial COVID-19 Crisis.” *Canadian Journal of Behavioural Science* 52(3):177–87.

12. *Pascual-Ferrá, P., Alperstein, N.M., Barnett, D., & Rimal, R.N.* (2021). Toxicity and verbal aggression on social media: Polarized discourse on wearing face masks during the COVID-19 pandemic. *Big Data & Society*, 8.

13. *Vieira, Cristina Mesa, Oscar H. Franco, Carlos Gómez Restrepo, and Thomas Abel.* (2020). “COVID-19: The Forgotten Priorities of the Pandemic.” *Maturitas* 136:38–41

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ ГОРОДА КАЗАНИ К УПОТРЕБЛЕНИЮ ЭЛЕКТРОННЫХ СИГАРЕТ

Хайрулина Наиля Ирековна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В приведенной статье изучается понятие электронных сигарет, а также их влияние на здоровье людей. Данная статья посвящена проблеме распространения электронных сигарет среди молодежи города Казани в возрасте от 17 до 25 лет. Описаны результаты проведенного исследования, сделаны выводы на основании полученных данных и предложены меры для уменьшения количества молодежи, употребляющей вейп-продукцию.

Ключевые слова: электронная сигарета, вейп-продукция, курение.

Электронные сигареты, или вейпы, появились на рынке в середине 2000 годов и за достаточно короткий срок завоевали интерес современного поколения. Вейпы – это новые ручные устройства с батарейным питанием, предназначенные для доставки бездымных доз никотина через процесс испарения. Другими словами, электронные сигареты представляют собой не совсем сигарету в традиционном виде, скорее их можно назвать ингаляторами, которые функционируют по принципу термического испарения и состоят из специальной жидкости, атомайзера и батарейного блока [1]. Электронные сигареты устроены так, чтобы создавать у курильщика полную имитацию курения как в отношении внешних атрибутов, так и по вкусовым ощущениям. Некоторые производители вейп-продукции заявляют, что электронные сигареты – это безопасная альтернатива курению. Однако исследования показывают, что это не так, и вейпинг отрицательно влияет на здоровье населения, в особенности подростков и молодежи.

Особую опасность представляет то, что состав электронных сигарет никак не регулируется законодательством. Многие исследования показывают, что очень часто содержание никотина и других химических веществ в вейп-продукции не совпадает с их фактическим содержанием. Жидкости, которые продают для электронных сигарет не проходят сертификацию. Люди, употребляющие данную продукцию, могут лишь предполагать об их составе, к тому же концентрация никотина в жидкостях может быть разной в процентном соотношении, из-за чего часто происходит передозировка от никотина или других веществ [2].

Употребление вейпинг-продукции может привести к повышению артериального давления, к ухудшению функций дыхания и к серьезным проблемам, связанными с дыхательной системой, а также провоцирует риск развития сердечно-сосудистых заболеваний. Заболевание, которое ученые называют «повреждение легких, связанное с употреблением электронных сигарет» (EVALI), впервые зафиксировали летом 2019 года в США, и в течение трех последующих месяцев случаи заметно участились. В марте 2020 года в США было зарегистрировано более 2800 случаев заболевания, 68 из которых закончились летально [3].

Таким образом, большинство людей начинают употреблять электронные сигареты, считая, что они, по сравнению с обычными сигаретами, не содержат никотин и не вызывают привыкания, однако это не так. Доступность и большое количество рекламы данной продукции, делают ее все популярнее среди молодежи, которая не осознает, какой вред наносит курение электронных сигарет их организму.

Проблемная ситуация состоит в том, что по причине новизны и разнообразия этого продукта нет исследований, связанных с долгосрочным влиянием электронных сигарет на организм. Вопрос, связанный с нарастающей популярностью вейпинга, нуждается в тщательном изучении, так как необходимо проведение мер по борьбе с увеличением числа курящих.

Был проведен опрос среди молодежи города Казань в возрасте от 17 до 25 лет. Выборочная совокупность составила 117 чел. Исследование носило

разведывательный характер и проводилось с помощью стихийного отбора, т. е. по принципу добровольности и доступности. В качестве метода сбора информации служит анкетный опрос. Анкетный опрос проводился при помощи анкеты. Исследование не претендует на репрезентативность.

В ходе данного социологического исследования было опрошено 117 человек в возрасте от 17 до 25 лет, проживающих в городе Казань. Из них 78 человек – женщины (66,7 %) и 39 – мужчины (33,3 %). Количество опрошенных в возрасте 18 лет составило 52,2 %, 19 лет – 23,4 %, 20 лет – 10,8 %, 21 год – 4,5 %, 22 года – 6,3 %, 23 года – 2,7 %.

24,8 % респондентов регулярно употребляют электронные сигареты, 15,4 % – употребляют, но нерегулярно, 20,5 % пробовали один/несколько раз, 7,7 % употребляли их раньше и только 31,6 % опрошенных никогда не пробовали курение электронные сигареты.

Основная гипотеза исследования – большинство представителей молодежи считают, что электронные сигареты по сравнению с традиционными не наносят вреда организму – не подтвердилась, так как 45,3 % респондентов считают, что электронные сигареты такие же вредные, как традиционные, 35,9 % человек придерживаются мнения о том, что, по сравнению с традиционным курением, электронные сигареты менее вредные, и лишь 12,8 % опрошенных имеют противоположное мнение и считают их, наоборот, более вредными.

По сравнению с традиционным курением электронные сигареты:

 Копировать

117 ответов

Рис. 1: Сравнение вреда, наносимому организму электронными и традиционными сигаретами.

Один из наиболее интересных вопросов в ходе данного анкетирования представлен на диаграмме 2. Преимущественное большинство респондентов (80,3 %) осведомлены о том, что все электронные сигареты содержат вредные для организма вещества. В этом заключается некий парадокс: большая часть молодежи прекрасно осведомлены о том, что все электронные сигареты содержат вредные для организма вещества, однако они все равно, несмотря на понимание отрицательного влияния вейп-продукции на здоровье, продолжают их употребление. Это говорит о том, что курение электронных сигарет среди молодежи в большей степени носит осознанный характер.

Рис. 2: мнение респондентов о степени опасности электронных сигарет

В дополнение к предыдущему вопросу идет следующий (см. диаграмму 3). 49,6 % опрошенных молодых людей считают, что электронные сигареты наносят вред организму в любом случае, и каждый третий (33,3 %) отмечает, что они опасны при длительном употреблении.

Определите степень опасности электронной сигареты для организма, на Ваш взгляд:
117 ответов

Копировать

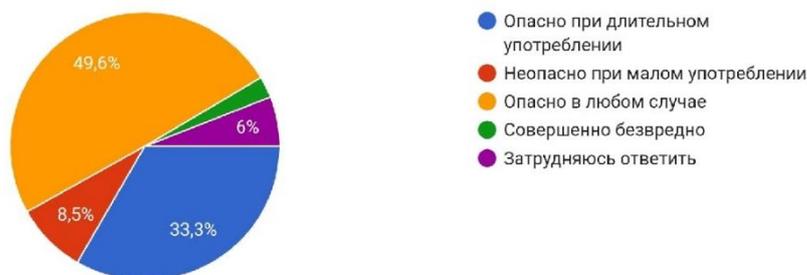

Рис. 3: степень опасности электронной сигареты для организма в зависимости от срока ее употребления

Перед проведением анкетного опроса была выдвинута гипотеза о том, что, если не предпринимать никаких мер, то в дальнейшем количество молодых людей, курящих электронные сигареты, увеличится. 86,2 % респондентов считают, что употребление электронных сигарет среди молодежи за последний год возросло. Более того, из всех опрошенных людей только 31,6 % никогда не употребляли электронные сигареты. На основании этих данных можно сделать вывод о том, что в дальнейшем количество молодых людей, курящих электронные сигареты, будет увеличиваться, поэтому необходимо предпринимать дополнительные меры для сохранения здоровья молодежи. Данная гипотеза полностью подтвердилась.

Считаете ли Вы, что употребление электронных сигарет среди молодежи возросло за последний год?

Копировать

116 ответов

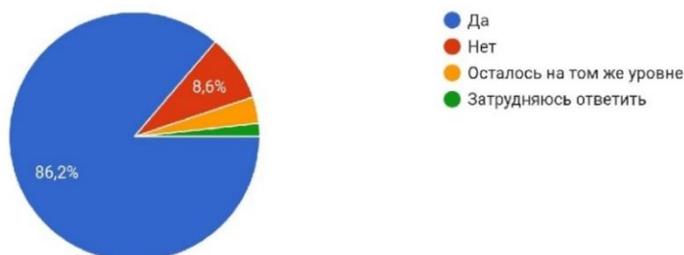

Рис. 4. Считаете ли Вы, что употребление электронных сигарет среди молодежи возросло за последний год?

В ходе онлайн-опроса использующих электронные устройства для курения половина респондентов (50 %) назвали причиной употребления электронных сигарет то, что их употребляют многие их знакомые, друзья, коллеги и т. д. 43 % опрошенных отмечают, что употребление вейпинг-продукции помогает им избавиться от стресса. Еще 38,89 % объяснили свой выбор в пользу электронных сигарет отсутствием неприятного запаха на одежде, а также каждый третий (27,78 %) отмечает возможность пользоваться электронными сигаретами там, где действует запрет на обычные. Для 16,67 % респондентов опроса переход на электронные сигареты – это шаг на пути к отказу от никотиновой зависимости.

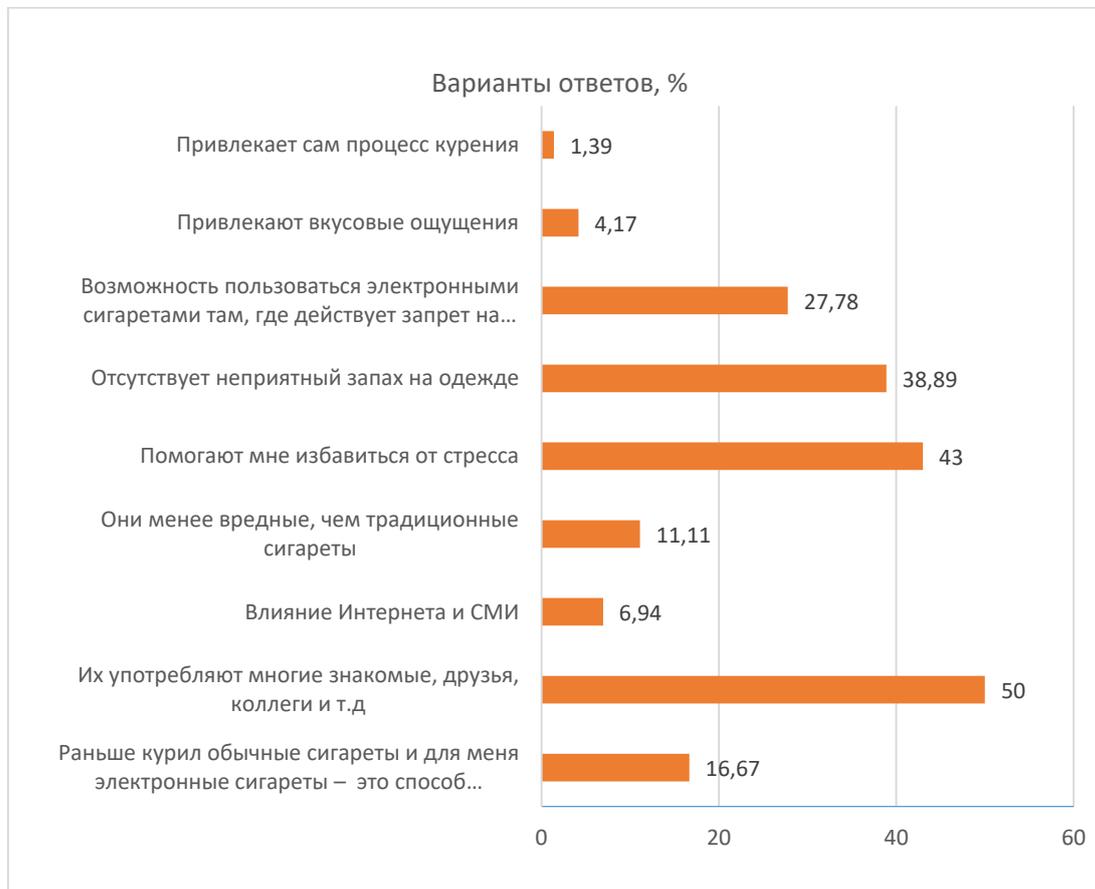

Рис. 5: причины употребления электронных сигарет

Выдвинутую гипотезу о том, что доступность электронных сигарет влияет на увеличение числа молодежи, употребляющей их, нельзя однозначно подтвердить или опровергнуть, так как разница между количеством людей, на чье решение об употреблении электронных сигарет не повлияла их доступность (46,2 %), и количеством людей, на чье решение об употреблении электронных сигарет повлияла их доступность (41 %), составляет всего 5,2 %. 12,8 % респондентов затруднились с ответом на данный вопрос.

Повлияло ли на Ваше решение об употреблении электронных сигарет их доступность (большое количество мест продажи, относительно недорогая цена на них и так далее)? [Копировать](#)

78 ответов

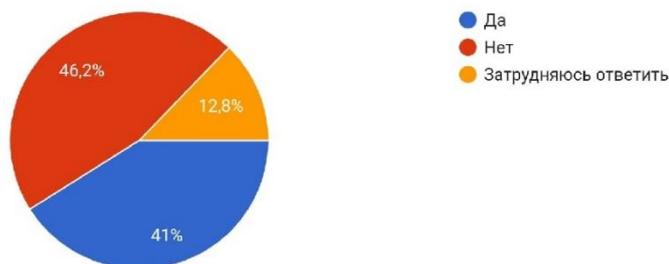

Рис. 6. Влияние доступности электронных сигарет на увеличение числа молодежи, употребляющей их

44,4 % человека встречали в интернете и СМИ недостоверную и вводящую молодежь в заблуждение информацию о безвредности электронных сигарет. Исходя из полученных данных можно сделать вывод о том, что одной из причин неосведомленности молодежи о вреде электронных сигарет является большое количество недостоверной информации в интернете.

Встречали ли Вы в Интернете и в СМИ информацию о том, что электронные сигареты не несут большого вреда организму? [Копировать](#)

117 ответов

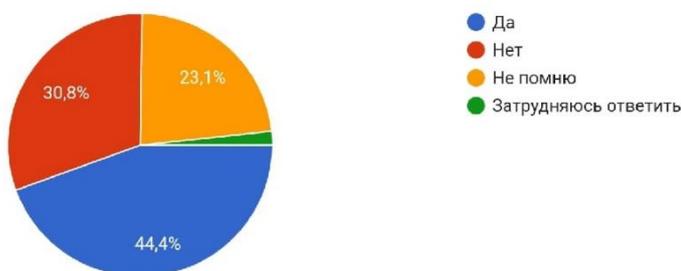

Рис. 7: недостоверная информация о вреде электронных сигарет, размещенная в интернете и СМИ

Из 117 опрошенных человек только 31,6 % никогда не пробовали курить электронные сигареты, а также 86,2 % респондентов придерживаются мнения о том, что употребление электронных сигарет среди молодежи за последний

год возросло. Все это позволяет сделать вывод об актуальности проблемы курения электронных сигарет.

Половина опрошенных (50,4 %) не осведомлены о вреде электронных сигарет. В ходе проведенного онлайн-опроса выяснилось, что причиной данной неосведомленности может являться отсутствие воспитательных бесед о вреде вейпинга в учебных заведениях, а также большое количество дезинформации в интернете и СМИ. Это может говорить о необходимости решения данной проблемы на государственном уровне, путем пресечения распространения ложной информации о «безвредности» вейп-продукции, а также о необходимости проведения в образовательных организациях воспитательных бесед с подрастающим поколением.

70,9 % респондентов встречались со случаями продажи электронных сигарет несовершеннолетним лицам, что говорит о необходимости более тщательного контроля и законодательного регулирования в сфере продаж табачной продукции.

Половина респондентов (50 %) начали употреблять электронные сигареты, потому что их употребляет большое количество людей в их окружении (друзья, знакомые и т. д.). Поэтому очень важно увеличить количество пропаганды против употребления сигарет и воспитывать в молодом поколении умение принимать рациональные решения, не поддаваясь мнению окружающих, и думать о последствиях своих решений.

Таким образом, электронные сигареты содержат довольно высокий процент различных химических элементов, которые пагубно влияют на здоровье человека. И часто молодежь поддается влиянию обещаний о «безопасности» электронных сигарет, однако научные исследования раз за разом опровергают эту мысль, говоря о том, что употребление вейп-продукции далеко не безвредно и способно вызывать неблагоприятные последствия для здоровья. Для уменьшения количества молодежи, употребляющей электронные сигареты, необходимо государственное вмешательство, потому что, как показывает практика, принятых мер недостаточно. В первую очередь, следует принять ряд законов, касаемо электронных сигарет в частности и всей табачной продукции в целом. А также, требуется проведение разъяснительных бесед в учебных учреждениях с раннего возраста, чтобы показать подросткам и молодежи опасность употребления электронных сигарет, и воспитать здоровое поколение, которое с осознанностью подходит к вопросам своего здоровья.

Литература

1. *Зайкова Р.Р., Зырянов С.А.* Вейперы совершили «эволюцию» курильщика или о том, как электронные сигареты «парят» мозг // *Здравоохранение Югры: опыт и инновации.* – 2017. – № 2 (11). – С. 62–64.
2. *Мехоношин, И.И.* Фармакодинамические особенности действия никотина // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* – 2014. – № 3–1. – С. 88–89.
3. Новостной ресурс «РБК». – URL: <https://style.rbc.ru/health/5fb5900d9a79474c1064318f> (дата обращения: 11.03.2022).

Научное издание

**СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА: КЛЮЧЕВЫЕ ТРЕНДЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВА**

**V Международная конференция
«Казанские социологические чтения»**

Сборник научных трудов

Казань, 20–21 мая 2022 г.

**MODERN SOCIOLOGICAL SCIENCE:
KEY TRENDS AND PERSPECTIVES
FOR THE STUDY OF SOCIETY**

**V International Conference
“Kazan sociological readings”**

Collection of scientific papers

Kazan, May 20–21, 2022

Компьютерная верстка
Т.В. Уточкиной

Подписано в печать 22.07.2022.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 37,2.
Уч.-изд. л. 41,5. Тираж 100 экз. Заказ 40/6

Отпечатано в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 233-73-28